ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

В ТРЕХ ТОМАХ

Редакционная коллегия:

Академик С. Д. СКАЗКИН (отв. редактор),
члены-корреспонденты АН СССР В. Н. ЛАЗАРЕВ,
Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ.
доктора исторических наук А. П. КАЖДАН,
Е. Э. ЛИПШИЦ, Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ, М. Я. СЮЗЮМОВ,
З. В. УДАЛЬЦОВА (зам. отв. редактора),
кандидаты исторических наук Г. Г. ЛИТАВРИН,
К. А. ОСИПОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА 1967

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

ТОМ

2

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ТОМА

А. П. КАЖДАН

1—6—3

подписное издание

Часть

1

РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ВИЗАНТИИ

(VII — СЕРЕДИНА IX В.)

Глава

1

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ КОНЦА VII—СЕРЕДИНЫ IX В.

От периода византийской истории с конца VII до середины IX в. осталось мало источников. Почти полностью отсутствуют акты и подлинные документы. Сравнительно невелико количество сохранившихся монет. Почти совершенно нет архитектурных памятников того времени. Археологический материал, отражающий этот период, тоже крайне беден.

Сохранившиеся в большом количестве свинцовые печати византийских чиновников и духовных лиц служат важным источником для изучения административного аппарата империи, но, к сожалению, их датировка вызывает немалые трудности [1].

В сравнении с предшествующим периодом, оставившим «Свод гражданского права», следующие два столетия чрезвычайно бедны законодательными памятниками. Изданная в 726 г. «Эклога», претендующая на роль общеимперского законодательного свода, затрагивает лишь некоторые вопросы права; к тому же недостаточно ясен вопрос, в каких случаях она воспроизводит старые нормы, в каких — отражает изменения, совершившиеся после издания Юстинианова свода [2].

Для социально-экономической истории Византии того периода особенно важен «Земледельческий закон» — краткий юридический сборник, регламентирующий правовые отношения в деревне [3]. Он сохранился в многочисленных рукописях, древнейшие из которых датируются XI в.; текст и порядок изложения в разных списках различен. Сохранились также средневековые переводы «Земледельческого закона» на славянские языки, где мы находим иногда серьезные расхождения с греческим оригиналом [4].

Вопрос о времени и месте создания «Земледельческого закона», равно как и о его характере, вызывает большие споры. К. Цахариэ фон-Лингенталь и В. Г. Васильевский считали «Земледельческий закон» памятником, изданным одновременно с «Эклогой», т. е. в первой половине VIII в.; Г. Вернадский и Г. Острогорский, опираясь на заглавие ряда рукописей «из книги Юстиниана», — датировали его временем Юстиниана II, т. е. концом VII в.; Ф. Дэльгер принял гораздо более расплывчатую датировку: между началом VII и первой четвертью VIII в., а И. Караяннопулос старался еще шире раздвинуть хронологические рамки [5]. Е. Э. Липшиц, датируя этот памятник началом VIII в., подчеркивает, что он отражает отношения, сложившиеся в предшествующее время[6]. Наиболее вероятно, что «Земледельческий закон» был опубликован в конце VII в.

Столь же серьезны и разногласия по поводу места возникновения «Земледельческого закона». Сейчас, конечно, не приходится говорить всерьез о гипотезе Ф. И. Успенского, объявившего этот сборник славянским правовым документом (отсутствие славянской терминологии — надежный аргумент против гипотезы Успенского), но и сторонники теорий о происхождении «Земледельческого закона» на Балканах, в Малой Азии или в Южной Италии не обосновали достаточно убедительно свои взгляды.

Наконец, дискуссионным остается вопрос о том, является ли «Земледельческий закон» императорским законодательным актом (как предполагали Цахариэ фон-Лингенталь и Васильевский) или же частноправовой компиляцией (таково, в частности, мнение Дэльгера), и, следовательно, распространялось ли его действие на всю страну или ограничивалось сравнительно узкими территориальными пределами.

Но будем ли мы считать «Земледельческий закон» законодательным актом или легализацией обычного права — сохранение громадного числа списков является надежным показателем популярности этого документа: по-видимому, он служил практическим руководством для значительной части византийского крестьянства; нормы этого закона могут пролить свет на изменение аграрных порядков в период после издания Corpus juris civilis.

Не менее сложен вопрос и о других юридических памятниках, обычно связываемых с «Эклогой»: это так называемый «Родосский морской закон» (легализация обычаев, установившихся в мореплавании в Восточном Средиземноморье) и «Военный закон». Их возникновение надо отнести к VII—VIII вв. (более точная датировка невозможна) [7].

Сведения об императорских постановлениях и письмах собраны в «Регестах» Дэльгера [8], но первый том их вышел 40 лет назад и в настоящее время нуждается в дополнениях. Бо́льшая часть императорских грамот известна лишь по упоминаниям и пересказам в нарративных источниках, кое-какие — в латинских переводах (например послание Михаила II Людовику Благочестивому, содержащее подробный рассказ о восстании Фомы Славянина [9]).

Документы патриаршей канцелярии систематизированы в «Регестах» В. Грюмеля [10]: сюда относятся, помимо постановлений и

писем патриархов, также акты церковных соборов: VI (Константинопольского) 680—681 гг., так называемого Пятошестого (Трулльского) 692 г., VII (Константинопольского) 754 г. и II Никейского собора 787 г. [11] Акты иконоборческих соборов не сохранились, но по актам VII собора и по сочинениям противников иконоборчества они могут быть реконструированы, хотя и не полностью [12].

Церковными документами — частично официального, частично приватного характера — являются списки епископий, так называемые Notitiae episcopatuum [13]: они отражают систему подчинения епископий митрополиям. Сравнивая данные Notitiae episcopatuum с подписями епископов на соборных решениях, можно ставить вопрос, насколько точно отражают списки епископий реальное положение в византийской церкви. Приписанный Льву III список епископий скорее всего является неподлинным [14].

Исторические произведения авторов VIII—IX вв. в сравнении с трудами историков IV—VI вв. отражают совершенно явственный упадок исторических знаний и снижение культурного и политического кругозора. Язык историков очень простой: нет стремления к той изысканности речи, которая свойственна трудам предшествующего или последующего времени. Один из историков IX в., очевидно, желая найти оправдание своему неизысканному слогу, выразился:

Лучше правду сказать, заикаясь,
Чем неправдой блистать, как Платон.

В противоположность историкам IV—VI вв., которые в основном были лицами светскими, историографию VIII—IX вв. представляли исключительно монахи или во всяком случае лица из духовенства.

Среди исторических трудов центральное место занимает «Хронография» Феофана Исповедника [15] (752—818), которая охватывает время от 284 г. до 813 г. Этот труд содержит погодную хронику событий, используя александрийскую эру от «сотворения мира» (начало эры отнесено на 1 сентября 5493 г. до н. э.). Феофан привлекал не дошедшие до нашего времени источники, возможно и иконоборческого направления. Это основной источник для истории VII — начала IX в. Но Феофан некритически передает факты, его общая тенденция: резко отрицательное отношение к иконоборческим императорам, а также к тем правителям, которые усиливали налоговый гнет (Никифор I) и проводили массовые репрессии (Юстиниан II).

Выдвижение Феофаном на первый план роли монашества привело к тому, что у некоторых историков (И. Д. Андреев, К. Н. Успенский) создалось впечатление, будто вся иконоборческая политика была не чем иным, как борьбой против влияния всесильного монашества, что совершенно не соответствовало действительному положению монашества в VIII в. Тот факт, что Феофан детально описывает случаи частичной конфискации монастырского имущества и оставляет в тени конфискацию земель светских противников иконоборчества, привел к тому, что некоторые историки стали видеть в иконоборческой политике только стремление овладеть монастырскими землями.

Другим историком того времени является патриарх Никифор (середина VIII в. — 828 г.). Написанный им краткий очерк истории Византии — «Бревиарий» — охватывает период от 602 до 769 г.[16] Иногда «Бревиарий» почти дословно совпадает с «Хронографией» Феофана, поскольку оба автора пользовались общими источниками[17]. Никифор — один из виднейших вождей иконопочитания, однако свою тенденцию он проводит не столь явно, как Феофан. Наиболее остро выступает Никифор против иконоборцев в большом богословско-критическом сочинении, написанном в 817 г., во время вторичного господства иконоборцев. Это — «Опровержения» (Ἀντιρρητικοί) в трех частях, где он критикует воззрения Константина V и его внутреннюю и внешнюю политику[18]. Никифор шире понимает иконоборчество, чем Феофан. Если у Феофана иконоборчество — только политика нечестивых императоров, то в изображении Никифора оно предстает движением, охватившим довольно широкие круги византийского общества. «Бревиарий» написан Никифором до начала вторичного господства иконоборчества, когда автор был еще светским лицом и не испытывал особого интереса к проблеме иконопочитания. Этим объясняется его кажущаяся «объективность». Главное внимание Никифора в «Бревиарии» обращено на внешнюю политику Византии, причем заметна тенденция сглаживать неудачи византийских войск[19]. Наоборот, в «Опровержениях» Никифор преувеличивает поражения и преуменьшает победы византийского оружия при императорах-иконоборцах, подчеркивает, что Константин V усилил налоговый гнет.

Начинающаяся «от Адама» хроника Георгия Монаха, или Амартола («Грешника»)[20], известная в самых различных списках и в славянских переводах, как источник имеет значение только в своей заключительной части, трактующей о событиях 813—842 гг. Сочинение Георгия Монаха — узкомонашеское произведение, рассчитанное на рядовых монахов, крайне низкое по своему культурному уровню; это сумбурное изложение, содержащее много вставок из священного писания, нравоучительных сентенций, полное ругани в адрес императоров-иконоборцев, но в то же время сохранившее анекдоты о справедливости иконоборца-императора Феофила.

Разумеется, далеко не все исторические сочинения этого времени дошли до нас. Так, известны два фрагмента, посвященные событиям начала IX в. (один рассказывает о походе на болгар в 811 г., другой — о правлении Михаила I и Льва V), которые, возможно, являются частями одной, ныне утраченной хроники (так называемого «Продолжения Малалы»), завершенной уже во второй половине IX в.[21] Не дошло до нас и сочинение Сергия Исповедника, посвященное царствованию Михаила II; по мнению Ф. Баришича, оно было использовано хронистами X в.[22] Некоторые утерянные источники легли в основу повествования о вторжении славян в Пелопоннес, получившего условное и неточное название «Монемвасийской хроники», которая была завершена в X в., а может быть даже — в IX в.[23]

Не дошедшие до нас источники были использованы также в ряде сочинений, написанных в X в., но затрагивающих более ранний период византийской истории: у так называемого Продолжателя

Феофана, в приписанной Генесию «Книге царей» и в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» (см. ниже, стр. 109). Отделенные от событий IX в. значительным периодом времени, эти авторы нередко передают недостоверные сведения и легенды, окрашенные к тому же враждебным отношением к большинству правителей первой половины IX в.

Еще большей односторонностью и тенденциозностью, нежели монашеская историография, отличается церковная публицистика VIII — первой половины IX в., которая почти сплошь посвящена богословским спорам об иконопочитании. До нас дошли лишь произведения иконопочитателей: письма и проповеди патриарха Германа (715—730), сочинения Иоанна Дамаскина, «Учение старца о святых иконах» Георгия Киприянина, произведения Иоанна Иерусалимского (которому, возможно, принадлежит также анонимный трактат «Против Константина Каваллина») и Феодора Абу-Курра. Среди публицистической литературы первой половины IX в. главное место наряду с сочинениями уже известного нам патриарха Никифора занимают письма и трактаты вождя крайнего направления иконопочитателей Феодора Студита, отражающие настроения монашества и методы его борьбы. С сочинениями иконоборцев мы знакомы лишь по опровержениям их в трудах Никифора, Феодора Студита и других поклонников иконопочитания [24].

Особое внимание византийская публицистическая литература уделяла полемике с павликианами. Хотя основные полемические антипавликианские сочинения возникли уже во второй половине IX в., они содержат сведения, относящиеся к более раннему времени. Наиболее полным и фактически древнейшим среди них является «Полезная история» Петра Сицилийца [25], повествование, написанное послом византийского правительства в павликианскую столицу Тефрику примерно в 869—871 гг. Петр рассказывает о возникновении ереси павликиан начиная с первой половины VII в., причем связывает распространение этой ереси с традициями манихейства в Армении. Можно думать, что Петр, будучи в Тефрике, собрал от самих павликиан сведения о первоучителях этого движения.

Сочинение Петра сделалось предметом широкой дискуссии. Дело в том, что от патриарха Фотия сохранилось «Повествование о павликианах», которое почти дословно совпадает с «Историей» Петра Сицилийца. Поскольку у Фотия имеется несколько более правильных сообщений, чем у Петра (например год смерти Сергия, одного из основоположников павликианства), К. Тер-Мкртчан [26] считал «Историю» Петра Сицилийца поздней фальсификацией, зависящей полностью от «Повествования» Фотия, а все подробности и самый факт пребывания Петра в Тефрике, равно как и всю раннюю историю павликианства, объявлял выдумкой. Положения Тер-Мкртчана некоторое время господствовали в науке, однако выводы его отличались гиперкритичностью, и в настоящее время Р. М. Бартикян убедительно показал приоритет Петра Сицилийца. Однако «Повествование о павликианах» Фотия также является произведением современника и очевидца событий — вопреки утверждению А. Грегуара, считавшего этот памятник поздним [27]. Кроме

того, ранней истории павликиан посвящено краткое сочинение, приписываемое Петру Игумену, которое легло в основу версии о происхождении павликианства в хронике Георгия Монаха.

Событиям VIII—IX вв. (особенно подвигам монахов-иконопочитателей) посвящена обширная агиографическая литература, частично вышедшая из-под пера современников, частично же написанная в более позднее время [28]. В житиях иконопочитательская и сугубо монашеская тенденция обычно берет верх (хотя некоторые жития остаются безразличными к иконоборческим спорам) и ведет к одностороннему освещению политической борьбы; авторы житий очень часто некритически передают устные предания, склонны применять штампы — образы, переходящие из одного жития в другое; все это крайне затрудняет использование агиографии как исторического источника. Вместе с тем жития нередко передают интересные бытовые детали (например «Житие Филарета Милостивого» содержит уникальные сведения о византийской деревне VIII в. [29]), характеризуют внутреннюю борьбу («Житие Стефана Нового»), сообщают подробности о славянских вторжениях («Чудеса св. Димитрия») [30], о набегах русских («Житие Георгия Амастридского»), о нападении арабов («Сказание о 42 аморийских мучениках»).

Существенные сведения для изучения византийской истории (преимущественно истории взаимоотношений Византии с соседними странами) сообщают арабские и армянские авторы, а также западные хронисты. Для истории арабо-византийских войн особенно важен писавший в начале X в. Табари [31]; для характеристики византийской административной системы — географ IX в. Ибн-Хордадбех [32]. Некоторые сведения можно найти и у позднего автора — Михаила Сирийца, использовавшего труд монофисита Дионисия Тельмахрского, жившего во времена иконоборчества, при халифе Мутасиме [33]. Армянские авторы важны для изучения восточной политики Византии [34], и особенно павликианства [35].

Западные хронисты (особенно итальянские) неоднократно касались вопросов, связанных с историей Византии и ее взаимоотношениями с папством, арабами, итальянскими княжествами и франками [36]. Много споров вызывают сохранившиеся в греческом переводе письма папы Григория II императору Льву III. В 80-х годах XIX в., когда очень популярно было гиперкритическое отношение к источникам и каждая непоследовательность считалась признаком неподлинности, эти письма расценивались как подложные; сейчас их считают подлинными, но подвергшимися некоторым интерполяциям [37].

Общий характер источников довольно однообразен; полностью отсутствует иконоборческая историография и публицистика, о характере которой можно только строить предположения на основании полемических сочинений иконопочитателей. Очень мало данных о состоянии производительных сил и о социальных отношениях в городе и деревне. Очень часто приходится пользоваться более поздними источниками и отрывочными данными иноязычных историков. Такое состояние источников создает при решении многих проблем труднопреодолимые осложнения и способствует возникновению взаимно противоречащих гипотез и концепций.

Глава

2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ В ВИЗАНТИИ В КОНЦЕ VII—СЕРЕДИНЕ IX В.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

У нас нет точных статистических данных, которые позволили бы в цифрах выразить перемены, совершившиеся в византийской деревне на протяжении VII в. Скудость источников заставляет скорее предполагать, нежели доказывать, скорее догадываться, нежели с твердой уверенностью заявлять об этих переменах. Скудость источников оставляет бесчисленные лазейки для скептиков, ставящих под сомнение самую возможность коренных сдвигов и допускающих в лучшем случае лишь некоторые количественные изменения [1]. И все-таки мы можем проследить значительные перемены в аграрном строе империи.

Частые набеги соседних племен, постоянные арабские вторжения задевали, конечно, не только крупное землевладение, но все же именно на крупном землевладении последствия этих набегов и вторжений сказались всего губительнее. Дело не только в тех трудностях, которые были связаны с восстановлением хозяйственных строений и сложного инвентаря (давилен, прессов для оливок, мельничных жерновов): в смутную пору вторжений разбегались рабы и зависимые земледельцы; они уходили в леса и горы, искали приют среди варварских племен, и у византийского государства не было сил воспрепятствовать их бегству. Одновременно с этим на византийской территории постепенно оседали варварские племена: сперва это были готы, оставившие о себе память в географическом названии Готогреция на Лесбосе, затем — по преимуществу славяне. В VII в. они вторглись в Элладу и Пелопоннес [2], в VIII в.

мы встречаем их в различных областях Малой Азии: то там, то здесь оседают они отрядами в несколько десятков тысяч человек, приносят свои порядки и обычаи, свой язык [3]. Навстречу славянской иммиграции движется с востока другая волна: армяне, сирийцы, мардаиты (см. о них ниже, стр. 42). Все это были свободные поселенцы, земледельцы и воины, поставлявшие лучшие контингенты в византийскую армию и флот. Расселение славян и других народов на византийской территории способствовало значительному возрастанию доли мелкого свободного землевладения.

К тому же обострение политической борьбы с конца VI столетия, бесчисленные казни и конфискации имущества (особенно в царствование Фоки) имели своим результатом физическое уничтожение значительной части старой землевладельческой аристократии и раздел ее имущества.

Действительно, мы не встречаем в VIII в. ни надменной сенаторской знати, владевшей несчетными поместьями в различных концах империи, ни землевладельцев-куриалов, сплоченной городской верхушки, эксплуатировавшей сельскую округу. Эти две социальные прослойки, определявшие лицо господствующего класса поздней Римской империи, по существу погибли в острой классовой борьбе. Для представителей крупного землевладения VIII столетия характерна совсем иная фигура.

Наиболее яркий образ крупного земельного собственника этого времени — Филарет Милостивый. К сожалению, история его жизни рассказана агиографом и украшена традиционными житийными легендами, где вымысел и преувеличение причудливо переплетаются с ценнейшими бытовыми деталями [4]. Филарет всю свою жизнь провел в деревне Амния, в Пафлагонии, и хотя ему принадлежал лучший дом в деревне, он мог в случае нужды надеть ярмо на вола и вспахать поле. Агиограф перечисляет богатства Филарета: 50 участков земли, 100 пар волов, 800 коней, не считая мулов и рабочих лошадей, 12 тыс. овец. Он не забывает добавить также, что на каждом участке имелся источник, с избытком снабжавший хозяйство водой. Было бы рискованно принимать на веру житийные цифры: они столь же произвольны, как и сообщение того же жития о некоем сборщике податей, приславшем разоренному Филарету 40 мулов, груженных пшеницей, чтобы тот мог прокормить свою семью.

Филарет — не сенатор и не куриал, он представитель деревенской аристократии. Его отец Георгий был крестьянином (γήπονος), местным старостой (κατὰ τὸν τόπον πρωτεύων). Судьба его имения чрезвычайно показательна для той эпохи: частично из-за арабских набегов, частично же по иным причинам он потерял свои богатства, а его владения были присвоены соседними «династами» (т. е. такими же, как Филарет, крупными собственниками) и крестьянами; кто захватил землю силой, кто получил по разделу, но вскоре у Филарета не осталось ничего, кроме отцовского дома и участка земли.

Отличаясь по своей структуре и от сенаторского, и от куриальского землевладения предшествующей поры, хозяйство Филарета в одном отношении принадлежало прошлому (и в этом, может быть,

заключалась причина его обреченности): оно зиждилось на рабовладельческой основе. Отец Филарета жил трудом рабов, и самому Филарету принадлежали «многочисленные рабы с женщинами и детьми». Впрочем, о характере эксплуатации этих рабов мы можем только гадать: неясно, была ли здесь плантационная форма использования их труда или же они были посажены на землю.

Феофан, известный историк, также был крупным собственником: по свидетельству его биографа, Феофану принадлежали земли в разных местах — на Сигрианской горе, на острове Калоним [5], но, к сожалению, мы не знаем размеров этих владений, хотя вряд ли можно думать, что на крохотном острове и небольшой горе могли разместиться грандиозные поместья.

Не слышим мы ничего и о латифундиях церквей и монастырей — вопреки мнению К. Н. Успенского, произвольно постулировавшего существование экзимированных «монастырей-княжеств» [6]. Наиболее детальное представление можно составить о владениях столичного Студийского монастыря [7]. Монастырю принадлежали сады, огороды, виноградники, мельницы, мастерские, но повсюду — на полях, в огородах и в виноградниках — трудились сами монахи: сами пахали и убирали урожай, сами выжимали вино и давили масло, сами ловили рыбу.

Византийские монастыри VIII—IX вв. отнюдь не всегда были общежитиями бездельников-монахов, существующих за счет ренты феодально-зависимого крестьянства. Подчас они являлись крупными и мелкими объединениями свободных тружеников, эксплуатируемых монастырской верхушкой. И игумены этих монастырей, как и провинциальные епископы, оказывались прежде всего рачительными хозяевами, погрязшими в заботах о продаже хлеба, о распределении вина, о взвешивании оливкового масла, о торговле шерстью и шелком-сырцом. Пристальный интерес византийских игуменов и епископов к хозяйственным мелочам постоянно вызывал насмешки западного духовенства.

Кроме деревенской верхушки типа Филарета и хозяев средней руки—епископов и игуменов, господствующий класс включал в себя еще по меньшей мере две группировки: светскую и духовную служилую аристократию и провинциальных владетелей. Оба эти понятия условны и должны быть разъяснены.

Светская и духовная служилая аристократия — это общественная категория, жившая в значительной степени за счет жалования и всякого рода выдач в деньгах и натуре, которыми византийское государство наделяло чиновников и духовенство. Эти выдачи могли быть экстраординарными или регулярными — к праздничным дням. Конечно, византийские чиновники и высшее духовенство могли иметь те или иные земельные наделы, но то, что отличало их как общественную группировку, состояло в праве на известную долю государственных налогов. При этом немалая часть этих сумм выдавалась им в качестве монаршей милости, которой в любой момент можно было лишиться; даже византийская церковь не имела твердо установленного источника доходов, подобных, скажем, западной десятине. Отдельные случаи пожалований государственных

налогов изредка упоминаются в источниках: самое многообразие их форм свидетельствует о нестабильности и случайности этих льгот.

Так, в 688—689 гг. фессалоникский храм св. Димитрия получил окрестные соляные промыслы, за которые к тому же не должен был платить налоги [8]. В начале IX в. церковь города Патры была освобождена от обязанности принимать и кормить императорских чиновников и послов, проезжавших через эту местность,— обременительная повинность была переложена на соседние славянские общины, которым предписывалось иметь собственных поваров и стольничих и путем раскладки собирать все необходимое [9]. Обычно же церкви и монастыри или просто получали освобождение от уплаты налогов (полное или частичное, временное или постоянное), или вознаграждались какими-то твердо установленными выдачами из казны, или же пользовались правом на известную долю налога, выплачиваемого определенной деревней. Подобные выдачи из казны назывались солемниями.

Если благосостояние этой группировки знати в очень большой степени зависело от монаршей милости, а влияние каждого чиновника определялось близостью его к государю, то положение провинциальных владетелей было совсем иным. С образованием фемной системы [10] в провинции сложился узкий круг лиц, занимавших высшие посты в фемном управлении. Эти посты имели тенденцию превратиться в наследственные: так, известный нам Феофан был сыном стратига фемы Эгейского моря и еще ребенком унаследовал отцовскую должность.

Влияние высшей провинциальной знати зиждилось не столько на ее земельных богатствах, сколько на административных правах и привилегиях, и прежде всего на возможности созывать военные отряды [11]. Стратиги, административные главы огромных округов, располагали настоящими армиями и в начале VIII в. фактически распоряжались судьбой константинопольского престола.

Столь же широкие прерогативы, по-видимому, принадлежали еще в середине IX в. вдове Даниэлис, которая, «словно личной собственностью», распоряжалась немалой частью Пелопоннеса; ее богатства, по словам хрониста, далеко превосходили имущество частных лиц и могли сравниться только с богатствами «тиранов»; дары, привезенные ею византийскому императору, были значительнее подарков соседних царей [12]. Но владения Даниэлис, пожалуй, последнее полунезависимое «княжество» в пределах Византии — и оно перешло по наследству византийскому императору.

Таким образом, на смену старой аристократии, сенаторской и куриальской, сложилась или, вернее, складывалась знать нового типа, состоявшая из многочисленных группировок, недостаточно четко разграниченных и подчас смыкавшихся между собой: и сыновья провинциальных владетелей, и выходцы из деревенской аристократии вливались в ряды служилой знати, привлекаемые то блеском столичного двора, то иллюзией вмешательства в большую политику, то надеждой на легкую службу и щедрые подарки. Но все эти группировки отличала одна черта — нестабильность: ни наследственных графств, ни родовитого дворянства не сложилось в Византии

VIII—IX вв.; после смерти главы семьи его наследники сплошь и рядом скатывались к самому подножию общественной лестницы — и, напротив, вчерашний конюх или трактирщик мог быть вознесен к сияющим административным высотам. Социальный статус человека определялся не столько его имущественным положением (непрочность которого отчетливо проявилась в эпоху вторжений и конфискаций), сколько местом в административной системе, а это место было так легко утерять и так трудно передать сыну или зятю!

Те причины, которые определили изменение структуры господствующего класса, сказались и на составе непосредственных производителей в деревне. Рабство, правда, не исчезло — рабским трудом продолжал пользоваться Филарет, а сиятельная Даниэлис, подобно римским матронам, путешествовала на носилках, которые несли, сменяясь, рослые рабы. Но зависимые земледельцы, определявшие, по сути дела, особенности аграрного строя Ранневизантийской империи, почти совершенно не упоминаются в сохранившихся источниках конца VII — первой половины IX в. Правда, славяне, приписанные к Патрской церкви, названы были позднеримским термином «энапографы», но с римскими адскриптициями они не имели ничего общего, ибо это были свободные люди, жившие своими общинами и совместно выполнявшие государственную повинность.

Феофан упоминает, рассказывая о событиях начала IX в., париков императорских монастырей и иных духовных учреждений; поскольку позднее термин «парик» (πάροικος) стал основным обозначением зависимого крестьянина, естественно было бы и в париках Феофана увидеть зависимое (или даже феодально-зависимое) население. Однако вопрос этот не так прост, ибо термин πάροικος имеет иное, восходящее к библейской традиции, значение — «присельник». Возможно, в париках Феофана следует видеть странников, живущих «на щедроты монастыря» [13].

И тут мы подходим к главной особенности аграрного строя Византии VIII столетия: в результате общественных сдвигов конца VI—VII в. удельный вес свободного крестьянства в аграрных отношениях империи значительно вырос. «Земледельческий закон» не знает зависимого населения и оперирует исключительно категорией свободного крестьянства [14].

Обрисованная в «Земледельческом законе» деревня — это поселение свободных крестьян, не знающих над собой никакого господина, кроме государства. Государству же они обязаны повинностями, так называемыми экстраордина (ἐκστραόρδινα) (см. ниже, стр. 34). Крестьяне составляли общину, распоряжавшуюся некоторыми общими (неподеленными) угодьями. Разумеется, совместное владение общими угодьями не составляет специфической особенности византийской общины — повсеместно и в самые разные времена община имела свои леса, пустоши, водоемы. Специфическая черта византийской общины — сохранение сильно развитых прав на уже поделенную и перешедшую в частные руки землю.

Выделенные из общинных угодий наделы становились собственностью крестьян, и «Земледельческий закон» называет их с полным правом господами поля. Периодического передела византийская

деревня VIII в. не знала: крестьяне обносили свои наделы изгородью, окапывали рвом и по своему произволу избирали, какой культурой засевать свое поле. Крестьяне могли обменять свои наделы, и такой обмен считался действительным навеки. Правда, «Земледельческий закон» не упоминает о продаже земли крестьянами, хотя и пользуется выражением «справедливая цена земли». Конечно, не приходится думать, будто в Византии VIII в. перестала существовать купля-продажа земли (достаточно вспомнить, что в нарративных источниках такие случаи не раз упоминаются). И все же надел, ставший частной собственностью, надел, где крестьянин самостоятельно вел свое хозяйство, надел, который можно было обменять «навечно»,— этот надел не был вовсе свободен от действия прав соседей, и более того — всех общинников. Прежде всего, «Земледельческий закон» не возбраняет соседям есть виноград и фрукты в чужом саду, запрещая лишь уносить плоды с собой. Это не было пустой фразой, бессодержательным пересказом библейских норм [15]: византийские крестьяне действительно могли рубить дрова, косить сено, собирать каштаны, пасти скот на чужой земле.

Более того, в нарушение известного римского принципа superficies solo cedit «Земледельческий закон» разрешал владеть деревьями на чужой земле: земля могла принадлежать одному собственнику, а растущее на ней дерево — другому.

Соответственно этому «Земледельческий закон» устанавливает крайне низкие наказания за нарушение прав собственности: если крестьянин запахал и засеял чужое поле, то единственное, что ожидало его, — лишение урожая; он, как говорится в законе, терял свой труд и зерно. Даже тот, кто вырубил бы при этом чужие деревья, не подвергся бы большему наказанию. Иными словами, нарушение границ чужого владения не рассматривалось в Византии VIII в. как преступление, как деликт, ведущий к actio furti, иску за воровство, но лишь как нанесение ущерба [16]. Совершенно иными принципами руководствовались составители франкских правд, карая за запашку чужого поля или за похищение чужого колоса высоким штрафом.

Византийская община VIII в.— и это также отличает ее от позднеримской общины — была пронизана родственными связями. Она состояла не из одних малых семей, но также и из патронимий, т. е. из больших коллективов сородичей, ведущих общее хозяйство; в одном доме мог жить отец со своими женатыми сыновьями и замужними дочерьми, так что к столу собиралось 20—30 человек. Но даже и выделившиеся малые семьи не теряли связей с родичами, сохраняя какую-то часть наделов в совместном пользовании или ежегодно обменивая свои доли некогда общего участка. Упрочение родственных связей можно понять как результат распространения по территории империи массы варварских (в первую очередь славянских) племен [17].

Ощущая себя тесно связанными, византийские крестьяне нередко сообща предпринимали необходимые работы: общими силами устраивали водоем или выворачивали огромный камень. Деревня сообща нанимала сторожей, пастуха, а также мастеров для соору-

жения каменного моста, сообща устраивала праздники, ловила воров и уничтожала диких зверей, молила о дожде в засушливую погоду [18]. Община имела своих должностных лиц — старейшин и обычно свою часовню и своего священника, выходца из той же деревни.

Византийским крестьянам приходилось хозяйствовать на крохотных участках, так называемых хорафиях, расположенных по большей части в горах (удобных долин здесь мало) и отвоеванных у леса [19]. Воды не хватало: приходилось отводить каналы, орошавшие сады и поля, строить цистерны, где скапливалась дождевая влага. Кроме пшеницы, ячменя и бобовых, возделывали виноград и фрукты: яблоки, груши, гранаты, а также оливки, по неясной причине не упомянутые в «Земледельческом законе».

Система пахоты не изменилась, пожалуй, со времен Гомера. Плуг тянули волы — архаичная упряжка, которую надевали прямо на шею животного, не позволяла использовать лошадь для пахоты [20]. Плуг оставался легким, бесколесным, деревянным — скорее мы могли бы назвать его сохой. Железный сошник легко надевался и снимался; отвалов не было — византийский плуг не поднимал пластов, но лишь проводил борозду, и пахарю приходилось несколько раз проходить по полю: сперва вдоль, потом поперек. В плуг впрягали пару волов; возвращаясь с поля, пахарь переворачивал плуг и водружал его на спину животных. Кроме плуга, византийцы пользовались лопатой и двузубой мотыгой — преимущественно для обработки садов и виноградников.

Сеяли хлеба обычно осенью, когда улетали журавли,— в октябре или ноябре; некоторые сорта злаков, впрочем, высевали в феврале. Старинные первобытные табу дожили и до византийского времени: так, ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы во время сева зерно коснулось бычьих рогов — иначе, согласно примитивным магическим ассоциациям, хлеб уродился бы жестким и несъедобным.

Убирали урожай в июле, жали серпами, а чтобы защитить левую руку, надевали на нее специальный нарукавник, сделанный иной раз даже из кожи. Связанные снопы отвозили на гумно, расположенное на высоком месте, открытом для ветров.

Столь же архаичными, что и пахотные орудия, были в Византии приемы молотьбы: цепа византийцы не знали, но, разбросав снопы по гумну, прогоняли по ним вола или осла, запряженного в деревянные сани; под тяжестью саней колосья вымолачивались. Затем зерно подбрасывали лопатами, провеивая его на ветру, и ссыпали или в большие глиняные пифосы, или просто в вырытые в земле ямы. Византийцы применяли ручные жернова и жернова, приводимые в движение ослом или волом. Подобная техника размола была унаследована от Рима. Но значительно шире, чем римляне, византийцы стали использовать водяную мельницу: впрочем, летом маленькие речки обычно пересыхали и мельницы останавливались.

Основной системой полеводства было двуполье: землю то засевали, то оставляли под паром. Кое-где, по-видимому, применяли и более архаичную систему — подсечную (или лядную): вырубали

и выжигали лес и высевали хлеб на выжженном поле (иной раз даже без вспашки). Обилие лесов и запустевших земель способствовало столь примитивному использованию почвы, но, видимо, подсечная система сходила на нет, и составитель «Земледельческого закона» осуждал тех, кто разбрасывал зерно по полю, предварительно не вспахав земли.

Животноводство играло в жизни византийской деревни, пожалуй, не менее важную роль, чем земледелие. Особенно много было овец, коз и свиней; крупный рогатый скот встречался реже, а лошади использовались преимущественно для военных целей, и разводили их лишь в равнинных областях империи: Вифинии, Пафлагонии. Любопытно, что в «Земледельческом законе», посвятившем скотоводству десятки статей, нет ни одной о лошадях.

Рабочим скотом служили волы, ослы и мулы. На них пахали и молотили, их заставляли вращать мельничные жернова, запрягали в телеги. Архаичная система упряжи позволяла тащить лишь легкую повозку. К тому же горные тропы, соединявшие отдельные районы страны, были часто недоступными даже для легких повозок, и византийцы широко пользовались вьюками: зерно или оливковое масло в глиняных сосудах грузили на осла или мула.

Скот содержали в загородках, а на день обычно выгоняли в лес. Свиней мальчишки пасли в дубовых рощах, коров нередко оставляли под надзором пастушечьих собак: чтобы животное не потерялось в лесу, ему на шею навешивали колокольчик. После уборки урожая скот выгоняли на поля и даже в виноградники.

Очень широко практиковали византийцы перегон скота на горные пастбища: иногда на целые месяцы крестьянин покидал свое хозяйство и уходил с козами и овцами в горы. На плоскогорьях Малой Азии можно было встретить большие отары овец, которые переходили с места на место под охраной собак, и вооруженных луками пастухов.

Византийские крестьяне разводили птицу (особенно гусей) и занимались пчеловодством. Важным подспорьем служила им также рыбная ловля.

Весь облик византийской деревни VIII в., весь строй ее жизни не отличался принципиально от строя западноевропейской деревни того же времени: столь же примитивной была техника сельского хозяйства, опиравшаяся на дедовские традиции, столь же важную роль играли общинные отношения. По-видимому, распространение в Византии развитых прав на чужую землю способствовало созданию здесь даже большей сплоченности общинников, нежели на Западе.

Вместе с тем было бы совершенно неверным представлять себе византийскую общину VIII в. совокупностью равноправных и равных по имущественному положению крестьян. Византийская община не была общиной равных уже потому, что она хорошо знала рабство [21]. «Земледельческий закон» пять раз упоминает о рабах, пользуясь для обозначения их античным термином δοῦλοι. Рабы были заняты в производственной деятельности — во всяком случае, рабы-пастухи пасли скот. Раб по-прежнему считался юридически

неправоспособным лицом, и за совершенную рабом кражу материальную ответственность должен был нести господин: именно он возмещал ущерб, нанесенный преступлением раба, а сам уже расправлялся с невольником по собственному усмотрению. Только в особо тяжелых случаях «Земледельческий закон» предусматривал наказание для раба, притом наказание специфически рабское — мучительную смерть на «фурке», особом орудии пыток.

Среди самих свободных существовали имущественные градации; «Земледельческий закон» уделяет несколько статей положению апоров (ἄποροι), неимущих.

В трудных условиях VIII столетия беда в любой день могла прийти к крестьянину: вражеское нашествие, нехватка кормов или мор оставляли крестьянскую семью без вола и заставляли либо нанимать чужого вола для пахоты, либо вовсе отдавать землю зажиточному соседу. В таком случае заключался договор, где определялось, какую работу берется совершить зажиточный сосед — только ли вспахать или, помимо того, и засеять. Подобная сдача надела в аренду означала, разумеется, первый шаг к тому, чтобы вовсе потерять землю. И, действительно, подчас обедневшие крестьяне, будучи не в состоянии обработать землю и выполнить государственные повинности, покидали свою деревню и уходили в чужие края.

По нормам позднеримского права в таком случае вступала в силу так называемая прикидка (эпиболэ): на соседей возлагалась обязанность платить налоги, лежащие на выморочном наделе, за что они получали право пользоваться опустевшей землей [22]. В смутное VII столетие эпиболэ перестала действовать, и «Земледельческий закон» не требует непременного привлечения соседей к выполнению круговой поруки; он устанавливает лишь, что выморочным наделом можно пользоваться, коль скоро прежний его владелец не отбывает свои повинности; но тот, кто пользуется, обязан эти повинности выполнять. Следовательно, то, что было в VI в. обязанностью, теперь превратилось в возможность: крестьяне не были обязаны платить налоги за ушедшего из деревни общинника, но могли взять его надел и в таком случае принимали на себя все связанные с этим наделом обязательства [23].

Апоры «Земледельческого закона» еще не превратились в особую категорию византийского крестьянства; по социальному положению они не отличимы от основной массы общинников; их состояние рассматривается как временное, и даже ушедший из деревни земледелец может еще вернуться и в таком случае претендовать либо на свой покинутый надел, либо же на получение равноценного (если кто-нибудь тем временем построил на его земле дом или разбил виноградник). Но уже появилась группа лиц, потерявших свой надел и утративших вместе с ним прежнее полноправие. Покуда у крестьянина есть клочок земли или хотя бы плодовое дерево — он остается членом общины и пользуется известной суммой общинных прав; но вот участок отдан зажиточному соседу, и апор в течение нескольких лет тщетно скитается в чужих краях — что ждет его там?

Замкнутость и сплоченность византийской общины своеобразно оборачивалась против чужаков, против всех, стоящих вне ее. Крестьянину-пришельцу крайне затруднительно было приобрести надел на новом месте, и члены византийской общины (подобно членам германской марки) неохотно допускали в свою среду отщепенца [24]. Выбитому из жизненной колеи крестьянину приходилось становиться мистием (μίσθιος) — наемником. «Земледельческий закон» знает мистия только в роли пастуха, но мистии нанимались и на иную работу — например подносчиками воды, поливавшими сады и виноградники. В самом понятии наемника заключалось для византийца нечто унизительное: мистия постоянно упоминают бок о бок с рабом; используя библейскую традицию [25], этот термин применяют как бранное слово, как синоним безответственного нерадивого слуги, как прямую противоположность хорошему пастырю. Мистий — юридически свободное лицо, но практически наниматель обладал известной властью над своим наемником, пока тот работал у него.

Одной из загадочных категорий крестьянства, упомянутых в «Земледельческом законе», является мортит (μορτίτης), о котором идет речь в двух статьях. Мортит — арендатор, берущий землю у собственника, названного здесь «земледавец» (χωροδότης); согласно «Земледельческому закону», мортит получает $^{9}/_{10}$ урожая («девять снопов»), т. е. уплачивает $^{1}/_{10}$ — сравнительно невысокую арендную плату. Ему запрещено жать хлеб без ведома земледавца, дабы не обмануть его и не присвоить большего числа снопов. Напрасно стали бы мы гадать о том, каково социальное лицо земледавца: кто он, крестьянин-общинник или, может быть, духовный собственник [26]. Не более ясно и положение мортита: в нем пытаются видеть и свободного арендатора, и зависимого крестьянина — но, к сожалению, данные «Земледельческого закона» слишком скудны для каких-либо более определенных выводов. Термин «морта» (μόρτη) встречается и в более позднее время, обозначая аренду с уплатой десятой доли урожая [27].

Византийская деревня знала и заклад земли. Правда, составители «Земледельческого закона» заботились о том, чтобы заклад не превратился в форму экспроприации крестьянина, и устанавливали, что доход от семилетнего пользования заложенным полем засчитывается за половину долга. Однако на практике ростовщичество становилось бичом бедноты и часто вело к полному разорению.

Итак, мы встречаем в византийской общине довольно развитые правоотношения: обмен (а также, видимо, и куплю-продажу) земли, различные формы аренды, заклад земельных наделов, наем. Все эти формы связей, естественно, усиливали имущественное неравенство. Особая роль принадлежала здесь денежным отношениям. Хотя независимая свободная община в принципе предполагает господство натурального хозяйства, хотя Византия с конца VII в. вступила в полосу известной натурализации экономики (см. ниже, стр. 24), торговля и деньги не исчезли из византийской деревни: «Земледельческий закон» определяет некоторые штрафы (за кражу мотыги, садового ножа или топора) в деньгах. Впрочем, в законе упомянуты лишь фоллы (мелкая монета).

Наличие элементов денежного обращения в византийской общине определялось не столько экономическими, сколько политическими причинами — взиманием государственных налогов в денежной форме. Крестьянин не нуждался в городских товарах, он сам обеспечивал свои потребности в одежде, нехитрой утвари, сельскохозяйственных орудиях, но он вынужден был отвозить зерно и гнать скот на ярмарку, чтобы иметь возможность рассчитаться со сборщиками податей. Хронисты единодушно жалуются, что повышение налогов в VIII в. заставляло крестьянина продавать на рынке даже необходимое. Необходимость реализовать продукцию для уплаты налогов создавала благоприятные условия для действия ростовщиков и вела в конечном итоге к расшатыванию общинных связей.

Таким образом, византийской общине — как, впрочем, и всякой общине в условиях классового общества — был присущ своеобразный дуализм: крестьянин вел самостоятельное хозяйство на своем наделе, нередко обнесенном изгородью и окопанном рвом; он мог эксплуатировать рабов и нанимать мистиев; мог сдавать землю в аренду, закладывать и обменивать; он был втянут в денежные отношения. А вместе с тем он поддерживал и сохранял традиционные, архаичные методы хозяйствования, признавал общинную собственность на неподеленные территории, мог быть членом патронимии и сохранял права на чужую собственность.

Сила общинных связей оказалась в Византии даже более действенной, нежели на Западе. Можно лишь догадываться о причинах этого: возможно, дали себя знать прочные традиции эллинистического и даже доэллинистического прошлого, сохранявшиеся в Малой Азии вопреки влиянию римского права; возможно, славяне принесли в Византию более стойкие формы общности, нежели те, что были принесены германцами в Галлию или Италию.

Как бы то ни было, несмотря на разъедающее действие дуализма, византийская община оказалась более прочной, нежели германская марка, и это в известной мере определило характер развития феодальных отношений на территории бывшей Восточной Римской империи: они складывались медленнее, они формировались первоначально где-то на периферии общины, сумевшей долго и упорно отстаивать от крупных собственников свои основные земли.

ГОРОД

Перестройка византийской деревни, протекавшая, как мы видели, в условиях постоянных вторжений соседей на Западе и Востоке, не могла не затронуть экономического положения городов — основных центров рабовладельческого хозяйства [28]. Многолюдные и экономически развитые города Сирии, Египта, Африки попали в руки арабов. Города Балканского полуострова, кроме некоторых приморских центров (Фессалоника, Коринф), не скоро смогли оправиться после длительных варварских нашествий. В сходном положении оказались городские центры Италии, значительная часть которых подверглась аграризации. Судьба городов в Малой Азии и на остро-

вах Эгейского моря была аналогичной: на протяжении десятилетий арабская конница совершала почти ежегодно грабительские рейды на византийскую территорию Малой Азии; нападения арабского флота привели к полному запустению многих островов. Связи между городами были парализованы, и города должны были перестраивать весь свой быт применительно к условиям постоянной военной опасности.

Крупное поместное хозяйство городской знати на большей части территории Византии стало почти невозможным. Кумуляция в городах прибавочного продукта сельских местностей в значительной степени сократилась, новая сеньориальная форма эксплуатации еще не развилась. Накопление ценностей в городах могло происходить только за счет прибавочного продукта мелких хозяйств города и деревни — путем налогового гнета, повинностей в пользу государства и церкви и торговой прибыли. Это было время преобладания мелких индивидуальных хозяйств — в деревне сплоченных сельской общиной, в городе — мелких ремесленных и торговых предприятий, объединенных в корпорации. Но низкая покупательная способность городской знати и господство натурального хозяйства в деревне при относительной медленности имущественной и социальной дифференциации крестьянства задерживали развитие провинциальных городов.

Экономический спад проявляется прежде всего в запустении многих городов. Археологические раскопки свидетельствуют, что в местах, густо населенных в IV—VI вв., просто-напросто отсутствует культурный слой VII—VIII столетий [29]. Каменное строительство было в эту пору ничтожным: только в Константинополе, Фессалонике и, может быть, еще двух-трех центрах засвидетельствовано возведение церквей из камня и кирпича. Каменное строительство ограничивалось преимущественно сооружением стен и башен.

Данные нумизматики свидетельствуют о значительном сокращении денежного обращения в городах конца VII — середины IX в. [30] При раскопках византийских поселений почти не находят медной монеты этого времени, служившей основным средством обмена на внутреннем рынке. Натуральный обмен господствует и в отношениях с рядом соседних народов (например с болгарами) — экономический упадок Европы, естественно, сказывался и на византийском хозяйстве. Сокращается чеканка золотой монеты, применявшейся преимущественно в сделках с арабскими и южноитальянскими купцами.

К сожалению, мы знаем очень плохо историю византийского ремесленного производства, но можно предполагать, что в ряде отраслей (керамическом производстве, стеклоделии, шелкоткачестве) имел место известный регресс [31].

Многие старые города были заброшены вовсе, другие — оставлены, и их жители переселились на новые места. Так, жители покинули старинный город Колоссы и переселились в местность, отстоявшую от него на расстоянии 4 км; она называлась Хоны. Новое место избрали себе обитатели античного Эпидамна: они создали поселение, из которого затем вырос город Диррахий. Жители Эфеса также перебрались на новое место. Опасность, грозившая с моря, застав-

ЧАША.
*Глина.
Коричневая
глазурь.
Музей
в Коринфе*

ляла население уходить от берега, в глубь страны. Особенно благоприятными местами для поселения были высокие и крутые холмы, где можно было воздвигнуть оборонительные стены. Если античный Коринф лежал на побережье, в легкодоступной местности, то средневековый город перемещается на соседний холм — подальше от моря и морских пиратов, на крутые склоны — место, может быть, менее удобное для торговцев, но зато гораздо более надежное в час военной опасности. Города стали укрепленными крепостями: они либо были окружены стенами, либо же имели укрепленный центр — «кастрон», возле которого группировалось поселение.

Иные города потеряли прежнее значение, уступили место новым центрам. Так, по-видимому, зачахли Гангры, главный город Пафлагонии; напротив, соседняя Амастрида приобретает все большую роль. В конце VIII в. амастридский епископ вышел из подчинения Гангрскому митрополиту, получив автокефалию. То же самое произошло и в Галатии, где Пессинунт перестал быть крупнейшим городом провинции, а вытеснивший его Аморий в VIII в. сделался автокефальным церковным центром.

Трудно сказать, сколько было городов в Византии VIII—IX вв. Арабский географ Ибн-Хордадбех считает большинство прежних городских центров Малой Азии простыми крепостями, выделяя там лишь пять больших городов: Эфес, Никею, Аморий, Анкиру и Самалу. Ибн-Хордадбех свидетельствует, в частности, что некогда крупнейший из городов Вифинии — Никомидия — лежал в его время в развалинах.

Из бесспорного факта упадка городов в VII—IX вв. не следует, однако, делать слишком прямолинейные и односторонние выводы

и говорить о полной «дезурбанизации» и аграризации Византии. Античный полис являлся городом вовсе не потому, что он был центром ремесленного производства. Античный город был центром административной, военной и торговой эксплуатации, выполняя тем самым функции расширения и сохранения рабовладельческих отношений, поддержания и распространения товарно-денежного обращения; притом такой город всегда сохранял многие черты аграрного поселения.

Основная масса товарного производства как в античное время, так и в раннее средневековье состояла не из изделий ремесла, а из продовольственных товаров, из продукции земледелия и скотоводства. Не парфюмерия и изделия ювелирного искусства, не тонкие ткани, а вино, оливковое масло, хлеб, мясо, рыба, мед, воск, соль были теми предметами, которые составляли основу товарно-денежного обращения в раннем средневековье. Поэтому, когда современники говорят о богатстве какого-либо византийского города, они молчат о ювелирах и ткачах, но вспоминают об обилии в подгородных районах виноградников, скота, оливковых рощ, садов, огородов или хозяйств, доставлявших пшеницу, мед и воск. Можно сказать, что известия о любом византийском городе сводятся преимущественно к тому, что жители городов возделывали поля и виноградники, что реки и заливы изобиловали рыбой и что близ города было множество пастбищ, садов и огородов. Именно производство таких предметов, потребителями которых являлась масса населения, и делало раннесредневековый город производственным центром. Это придавало особенное хозяйственное значение садоводству, виноградарству внутри городов и особенно наличию вокруг городов подгородного района, тесно связанного с городским рынком. Эти подгородные хозяйства, «проастии», разумеется, были втянуты в рыночные отношения; этим они отличались от деревни, где торговали только излишками натурального хозяйства.

Наличие подгородного сельскохозяйственного района, вовлеченного в товарное производство, является самой характерной чертой средневекового города как экономического центра. При этом земли в подгородном районе в основном принадлежали жившим в городе землевладельцам. Не только городская знать, но и широкие массы городского населения имели в пригородах свои собственные или арендованные участки, виноградники, оливковые рощи, сады, ульи, огороды. Ни хозяева, ни арендаторы, как правило, не жили на своих подгородных участках, которые обрабатывали или рабы, или наемные работники — мистии.

Вокруг городов строилось много монастырей. Верхушка монашества была связана с городской знатью. К тому же часто пригородные монастыри были собственностью богатых горожан: в VIII и в начале IX в. в Византии широко распространяется так называемое «ктиторское» право: знатные горожане в преклонном возрасте принимали монашество, но оставались жить в своем проастии, обращенном в монастырь. Такие «ктиторские» монастыри были видом собственности городской знати.

Монастыри в городах были также центрами ремесла, обслуживавшего не только потребности братии, но и городской рынок. Среди

СОСУД ДЛЯ КУРЕНИЙ.

Майнц. Римско-германский Центральный музей. VII—VIII вв.

монахов Студийского монастыря в Константинополе были кожевники и портные, ювелиры и кузнецы, каменщики и плотники, специалисты по изготовлению ножей, мастера, занимавшиеся исключительно производством ключей. Монастыри играли важную роль и в организации торговли: в престольный праздник в монастыре устраивалась ярмарка, на которую прибывали и соседние крестьяне, и подчас заезжие купцы. Одни из них обменивали продукты на продукты, другие продавали свой товар за деньги [32]. В пригородных монастырях близ Константинополя устраивались «подворья» — гостиные дворы для монастырских купцов.

В подгородных районах лежали также владения служилой знати, пожалованные императором. Целые деревни — свободные общины — втягивались в такие подгородные районы. Товарное хозяйство проникало в них, и они со временем становились пригородами. Беззащитные в час вражеских нашествий и междоусобиц, они легко становились добычей пожара, но их жители успевали укрыться

под защитой городских стен и затем отстраивали вновь свои жилища. Даже внутри городских стен было немало виноградников, садов и полей.

Византийские города были прежде всего административно-фискальными центрами. Эксплуатация непосредственных производителей осуществлялась через налоговую систему, централизованным путем. В этих условиях значительная часть знати, участвуя в судебно-административном и военном аппарате, удерживала у себя известную долю прибавочного продукта непосредственных производителей (в форме жалования или вымогательств) и эти средства выбрасывала на городской рынок, покупая продукцию пригородных районов.

Церковь — поскольку сеньориальная система эксплуатации еще не добилась заметных успехов — также нуждалась в рынке. Конечно, известную часть своих потребностей церковь покрывала за счет собственных владений или солемниев, пожалованных казной. Однако она располагала и денежными средствами и потому превращалась в потребляющий центр. Там, где жил епископ и, особенно, митрополит, где существовала епископская канцелярия, куда приезжали представители соседних епископов или патриарха, естественно, возникала дополнительная потребность в сельскохозяйственных продуктах. То же самое относится к монастырям: византийские монастыри далеко не всегда представляли собой самодовлеющие экономические единицы, и монахам приходилось покупать на рынке хлеб, сыр, дрова и многое другое.

Несмотря на известное сокращение ремесленного производства, Византия, разумеется, не превратилась в совокупность деревень, целиком обреченную на натуральнохозяйственное прозябание. Византийское ремесло сохраняло преемственность от античности: например, стеклоделие полностью опиралось на античную технологию, тогда как Западная Европа стала применять иные рецепты.

Потребности армии и двора стимулировали развитие византийского ремесла — армия нуждалась в разного рода оружейниках для изготовления стрел, мечей, щитов; в каменщиках для возведения стен; в саперах для устройства подкопов. С конца VII в. византийская армия начинает применять так называемый греческий огонь — особую смесь нефти, селитры и других горючих веществ, которая с помощью сифонов направлялась на вражеские корабли. Византийские огнеметы предполагали наличие квалифицированных мастеров. Конечно, без специалистов — плотников, конопатчиков, ремесленников, шивших паруса,— нельзя было строить корабли для византийского флота. Немало ремесленников требовалось и для удовлетворения нужд двора. Византийские императоры пытались тянуться за своими предшественниками и любили поражать воображение иноземных послов роскошью своих дворцов. Мозаичисты, ткачи по шелку, ювелиры, не говоря уже о более скромных ремесленниках, обслуживали императорский двор. Византийские мастера сохранили античный секрет изготовления приводимых в движение водой автоматов для украшения дворцов [33], умели сооружать музыкальные орга́ны, которые удивляли современников.

ЛАРЕЦ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ.
Берлин. Кайзер-Фридрих-Музеум. IX в.

Все эти мастера не создавали прибавочного продукта; напротив, они расходовали те богатства, которые были созданы крестьянами и извлечены из сельских общин с помощью налоговой системы. Но как бы то ни было, в Византии сохранялась определенная группа ремесленников — людей, в основном не связанных с сельским хозяйством и нуждавшихся в продуктах земледелия и скотоводства.

Наконец, в Византии сохранялось и купечество, особенно в приморских городах. Несмотря на господство арабов на море, несмотря на развитие пиратства, морской транспорт был все-таки предпочтительнее, нежели перевозки по трудным горным дорогам. При этом организация торговли претерпевает сравнительно с эпохой Ранневизантийской (поздней Римской) империи существенные перемены.

Во-первых, происходит, если так можно выразиться, демократизация торговли: городская знать обеднела, и морская торговля перешла в руки менее состоятельных людей. Судя по данным «Морского закона», корабли строили меньшей вместимости, нежели в V—VI вв. Владелец корабля был вместе с тем и шкипером, и купцом; он выходил на рыбную ловлю, а подчас даже не брезговал морским разбоем. По-видимому, с демократизацией морской торговли связана и практика финансирования торговых поездок группой лиц, получавших определенную долю прибыли. Подобная система, так называемая χρεοκοινωνία, засвидетельствованная «Морским законом», впоследствии была использована итальянским купечеством.

Во-вторых, в VII в. значительно сократилась роль принудительных форм торговли, столь характерных для поздней Римской империи. Исчезла государственная повинность по транспортировке продовольственных грузов, лежавшая на земледельцах. О коллегии навику-

ляриев больше ничего не слышно — снабжение хлебом столицы и крупнейших городов перешло в руки независимых купцов [34].

Поскольку византийские города оставались средоточием товарного производства, они являлись и центрами ростовщичества. Осуждаемое церковью, ростовщичество тем не менее продолжало существовать, и необходимость уплачивать хотя бы часть налога в денежной форме составляла предпосылку для широкого распространения кредитных операций. Процентные ставки были чрезвычайно высокими, доходили до 100% годовых, и жалобы на суровость ростовщиков, подобных диким зверям, без конца повторяются в агиографии VIII—IX вв. Впрочем, размах кредитных операций, как и размах торговли, сокращается к VIII в. Исчезают крупные ростовщические конторы — их место занимают либо монастыри, ссужавшие нуждающихся деньгами и продуктами, либо же сидевшие на рынках трапезиты-менялы, располагавшие сравнительно ограниченными средствами.

В зависимости от тех методов, которыми город преимущественно оказывал влияние на периферию, можно различать типы византийских городов. Город мог экономически воздействовать на периферию как административно-фискальный центр, как церковный центр, как опорный пункт обороны, как город-гавань, как выдающийся пункт на путях транзитной торговли и, наконец, как центр ремесленного производства и торговли, в особенности, если в подгородном районе были солеварни или велась добыча металла. Крупнейшие города, μεγαλοπόλεις, одновременно были и административными, и церковными, и военными, и ремесленно-торговыми центрами.

Состав городского населения был крайне пестрым. Состоятельные городские верхи — это собственники домов, кораблей, земельных наделов, по-прежнему владевшие рабами. Экономический спад затронул в первую очередь эту группировку: все заметнее в ее рядах становилась тенденция к тезаврации своих средств, к изъятию золота и серебра из обращения, к натурализации доходов. Опасаясь торгового риска в трудных условиях, эти потомки куриалов охотно вливаются в ряды императорского чиновничества и в церковную иерархию. Передача средств монастырям казалась в ту пору наиболее надежным помещением денег. Городские верхи все теснее сливались с монашеством, а их богатства материализовались в драгоценной церковной утвари, в окладах икон, украшенных золотом и жемчугом.

Большинство ремесленников работало в одиночку: одни из них имели свои мастерские (эргастирии), другие трудились прямо на площадях или в крытых портиках. Эргастирий служил одновременно и лавкой, а не имеющие мастерской ремесленники торговали своим товаром вразнос. Более зажиточные мастера и купцы использовали труд одного-двух рабов или мистиев.

Плебейские массы города состояли из мистиев, моряков, грузчиков, строительных рабочих, которые далеко не всегда имели заработок, да и самый заработок едва мог обеспечить полуголодное существование. Разница между этой категорией лиц, живших наемным трудом, и наводнявшими города деклассированными элементами (нищими, ворами, проститутками, беглыми рабами, монахами-

СВЕТИЛЬНИКИ.
Музей в Коринфе

расстригами) была весьма условной. Те и другие нуждались в подачках государства и церкви.

Позднеримская система городского самоуправления продолжала существовать, несмотря на то, что императорские чиновники и, особенно, епископы активно вмешивались в решение местных дел. Чем дальше от столицы, тем более самостоятельным было муниципальное управление: горожанам приходилось созывать собрания, возводить стены, создавать милицию для организации обороны. В окраинных городах протевонты (πρωτεύοντες) осуществляли всю полноту власти, и подобные города имели тенденцию к обособлению, к превращению в независимые республики. Венеция, южноитальянские центры, далматинские города, Херсон управлялись местной городской знатью, фактически мало зависевшей от центрального правительства. Перед империей могла возникнуть угроза превращения в конгломерат городов-государств [35].

Среди византийских городов VIII в. большую роль играла Фессалоника. Она была морским портом и вместе с тем лежала на сухопутной дороге (Via Egnatia), соединявшей город с Адриатическим морем. Фессалоника была центром торговли со славянами, расселившимися в непосредственной близости от городских стен. Афины и Коринф находились в ту пору в упадке, но зато на юге Пелопоннеса начал расти новый город — Монемвасия. На Адриатическом побережье постепенно укреплялся Диррахий — центр торговли с Италией и вместе с тем опорный пункт византийского владычества на Западе.

Сравнительно крупным центром был Эфес, где в VIII в. ежегодно созывалась ярмарка, которая давала византийскому государству около 100 литр золота в качестве торговых пошлин [36]. По-видимому, в IX в., после некоторой стабилизации положения в Малой Азии, начинается подъем двух городов на Черном море — Амастриды и Трапезунда, через которые шла торговля с Закавказьем и Месопотамией. Никея и Аморий стояли на сухопутной дороге из Константинополя к Тарсу; оба эти города были важными административными

и церковными центрами, равно как и Анкира, связанная сухопутной дорогой с Мелитиной. В VIII в. эти дороги являлись по преимуществу стратегическими путями, по которым двигались то арабские, то византийские войска; с IX столетия на них все чаще можно было видеть караваны купцов.

Херсон, крупнейший византийский центр в Крыму, потерял в VII в. былое экономическое значение: ремесло в нем переживает упадок, прекращается чеканка собственной монеты. Напротив, в VIII в. заметно возрастает значение мелких крымских поселений, монастырских центров, где сосредоточивается экономическая жизнь, и в частности керамическое производство [37]. Вместе с тем Херсон оставался и в VIII столетии военным форпостом первостепенной важности, откуда византийцы могли следить за опасным передвижением кочевников по причерноморским степям.

Среди городов империи особое место принадлежало ее столице — Константинополю [38]. Правда, тяжелые годы экономического регресса затронули и его. Население города сократилось: сказались эпидемии, нехватка воды (разрушенный аварами в 626 г. водопровод не был восстановлен до 766 г. [39]); еще в 715 г. из Константинополя были выселены все жители, которые не могли обеспечить себя продовольствием на три года [40]. Торговый путь через Ниш к берегам Дуная уже не контролировался Византией, а морская торговля с Западом резко сократилась.

И все же относительное значение Константинополя скорее возросло, чем упало в результате событий VII столетия. После арабских завоеваний империя потеряла основные центры, которые соперничали с Константинополем,— Александрию и Антиохию. Константинополь остался городом, не имевшим себе равных в империи, городом по преимуществу, «царицей городов» и «оком вселенной», как его называли византийцы. Константинополь был крупнейшим центром морской торговли благодаря своему исключительному географическому положению. Здесь находился императорский двор, сюда стекалась основная масса налога, и, соответственно, столица была главным центром потребления: тут работали шелкоткацкие и ювелирные мастерские, здесь производились благовония и драгоценная утварь для нужд государя и придворных. Патриарший двор и многочисленные монастыри также создавали устойчивый спрос для довольно значительной массы ремесленников.

Прекращение подвоза хлеба из Египта, вызвав, по-видимому, сокращение населения столицы, заставило вместе с тем расширять товарное производство зерна в подгородных районах: Константинополь был окружен полями, виноградниками, садами, а некоторые проастии помещались даже внутри городских стен (впрочем, не следует преувеличивать масштабы пригородного хозяйства — тут же под Константинополем тянулись обширные леса, где знать развлекалась охотой на оленей). Рыболовство также стимулировалось постоянным спросом: на улицах столицы рыбаки жарили свежую рыбу и продавали ее.

Константинополь VIII—IX вв. являлся в основном потребляющим, а не производящим центром: правительство стимулировало

ШЕЛКОВАЯ ТКАНЬ. *VIII в.*

Музей Виктории и Альберта. Лондон.

не вывоз местных товаров, не «захват рынков», а ввоз продовольствия, иноземных предметов роскоши, тканей, специй, металлических изделий [41]. Благосостояние города зиждилось не столько на его развитом производстве, сколько на его исключительной роли административного центра. На первых порах это создавало существенный стимул для поддержания ремесла и торговли, но в дальнейшем определило экономическую слабость Константинополя, не выдержавшего конкуренции с итальянскими городами-республиками.

Если провинциальные города (особенно окраинные) рано проявили тенденцию к децентрализации, то население Константинополя, наоборот, было заинтересовано в поддержании целостности Византийской империи, ибо налоги, взимаемые централизованно, составляли в конечном счете материальную предпосылку благосостояния и константинопольских вельмож, и городского плебса.

Таким образом, Византия пережила заметный экономический спад; значительная часть городов аграризировалась, превратилась в крепости, денежное обращение сократилось, ремесло и торговля сворачивались. Но все это не означало исчезновения города: немало городских центров пережило позднюю Римскую империю, а ремесло сохранило античные технические приемы. Город играл в Византии VIII—IX вв. более значительную роль, нежели в те же столетия на Западе, причем совершенно исключительным было место Константинополя, столицы империи. Византийский город вошел в средневековье «в готовом виде», т. е. как центр товарного производства и культуры.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Несмотря на то, что преобразования в византийской деревне привели к краху старых аграрных порядков и распространению свободной общины; несмотря на аграризацию значительной части городов и сокращение товарного производства; несмотря на то, что экономическое развитие Византии в общем и целом напоминало развитие Западной Европы, политическая структура не подверглась здесь коренным преобразованиям, старый государственный механизм не был сокрушен. Византия унаследовала государственный аппарат Римской империи, сложившийся в иных экономических условиях.

Действительно, что могло быть более противоречивым: страна, распадающаяся на множество мелких общин, лежащих в горных долинах, самой природой изолированных от окружающего мира; страна, где господствовало натуральное хозяйство и где лишь несколько городских центров поддерживало товарное производство и традиции римского права — и вместе с тем централизованный государственный аппарат со множеством чиновников, получающих жалование в деньгах, с четким разграничением гражданских и военных функций, с развитой податной системой. Сохраненный в новых условиях старый государственный аппарат все отчетливее превращался в самостоятельную силу, действовал в интересах узкой группировки чиновничества.

Подобное положение поддерживалось спецификой структуры господствующего класса. Основные группировки позднеантичного мира — сенаторская знать и куриалы — сошли на нет, новые, феодальные сеньоры еще не явились на свет, поскольку не создалась сеньориальная форма эксплуатации и не сформировались феодальные институты. Господствующий класс распадался на разнородные группы, ни одна из которых не обладала достаточной мощью, чтобы взять в свои руки управление государственным аппаратом: сельская аристократия, фемная знать, городская верхушка — все эти силы не были консолидированы, не стали наследственными, не превратились в замкнутые сословия. Используя их противоречивые интересы, служилая знать, окружавшая императора, могла лавировать и сохранять видимость независимости [42].

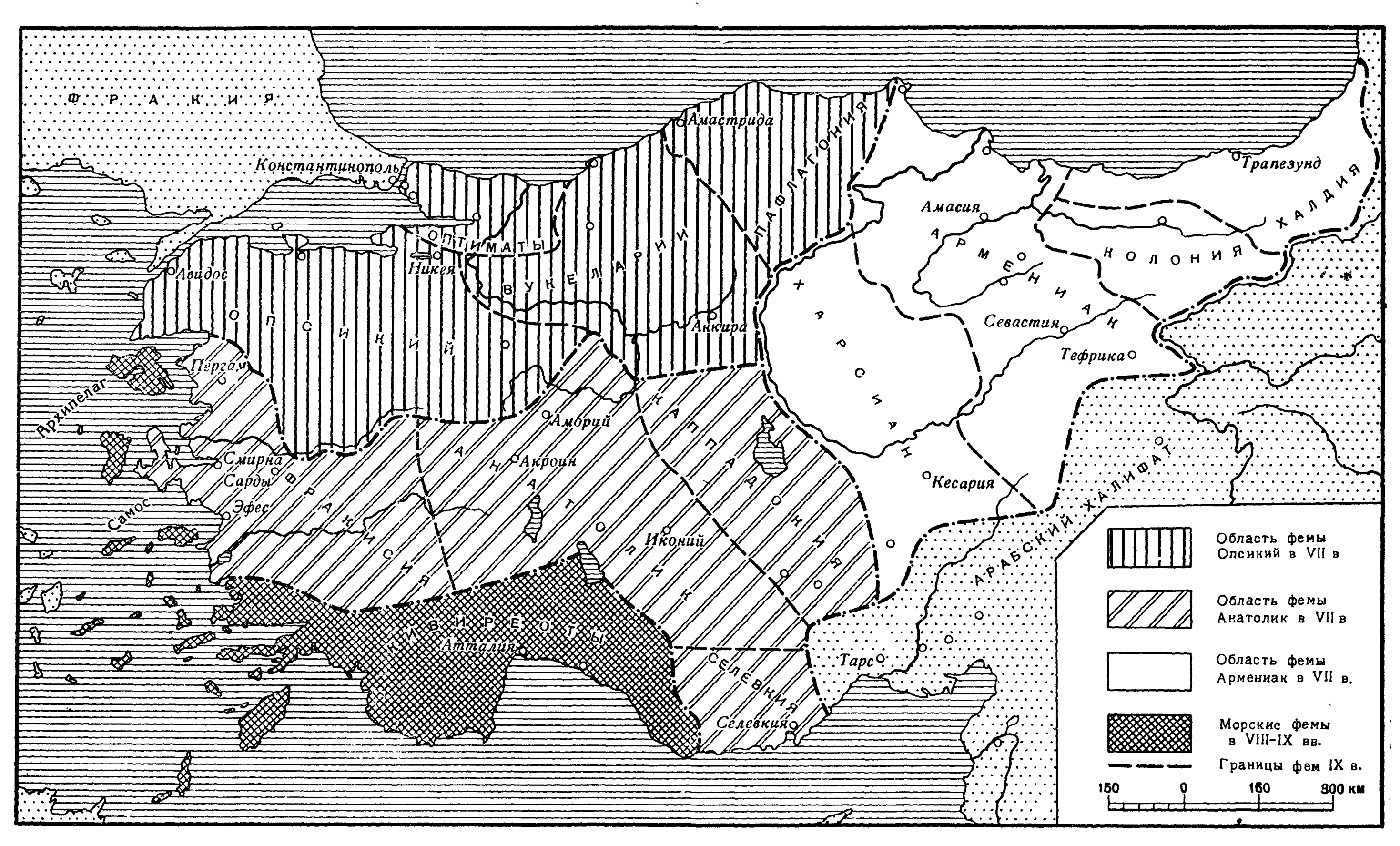
Разумеется, смутное VII столетие принесло с собой известные тенденции к децентрализации, к ослаблению государственного аппарата. Прежде всего ослаб податной гнет. Уже при императоре Маврикии налоговое бремя было сокращено на одну треть [43]. Старый поземельно-подушный налог, установленный реформами Диоклетиана и Константина, по-видимому, исчез в конце VII в. [44] Сельская община «Земледельческого закона» платит лишь так называемые экстраордина. Термин «экстраордина» — не новый. Экстраордина взимались в ранневизантийский период и сохранялись в завоеванном арабами Египте по крайней мере до VIII в. Но в арабском Египте, как и в ранней Византии, экстраордина были одним (и отнюдь не главным) видом обложения: население платило там денежный налог (χρυσικὰ δημόσια), распадавшийся на поземельную и подушную подать, налог хлебом, различные пошлины и экстраордина [45]. «Земледельческий закон», напротив, говорит об экстраордина как о единственном или, во всяком случае, наиболее важном виде обложения. Вместе с тем исчезли многие принудительные повинности, характерные для империи IV—VI вв.: монополии, эпиболэ, принудительная доставка продуктов.

Строгая регламентация внешней торговли также была ослаблена: к началу VIII в. значительно сократилось число таможен, которые действовали теперь по преимуществу на подступах к Константинополю — в районе Авидоса на юге, в Месемврии и вифинских центрах на севере; кроме того, существовали таможни в Фессалонике [46]. В IX в. таможня в Месемврии исчезает.

Ослабевает и прежняя централизация финансового управления: в VI в. все оно подчинялось одному чиновнику, префекту претория; в VII в. его функции постепенно разделяются между несколькими ведомствами, возглавляемыми логофетами [47]. Впрочем, четкое разграничение функций между различными логофетами существовало лишь в теории — на практике же их деятельность часто скрещивалась, либо же на них возлагались обязанности, вообще не имевшие никакого отношения к финансам [48].

Еще более отчетливо тенденция к децентрализации проявилась в провинциальном устройстве: на смену строгой иерархии провинций, возглавляемых гражданскими наместниками, приходит фемная система [49]. Фемы возникли в VII в. Они представляли собой военные

МАЛОАЗИЙСКИЕ ФЕМЫ VII—IX ВВ.



3*

подразделения, возглавляемые стратигом и расквартированные в провинции; старое провинциальное деление сохранялось рядом с фемным до самого конца VII столетия. Однако постепенно стратиги подчинили себе провинциальное гражданское управление и превратились в полновластных правителей области, которая также получила название фемы. Все управление было военизировано: фема разделялась на несколько военно-территориальных единиц, так называемых турм, возглавляемых турмархами. Стратиги ведали судом и администрацией, включая распределение податей между отдельными населенными пунктами.

Первоначально вся территория Малой Азии была разделена на три фемы: Анатолик, Армениак и Опсикий. Из свободных крестьян этих фем формировалось войско нового типа, сменившее наемные отряды, которые составляли ядро ранневизантийской армии. Каждый крестьянин-воин (стратиот) должен был являться на смотр или в поход с собственным конем и вооружением. Стратиг, имевший в своем подчинении отряд, набранный в обширной феме, был опасным соперником императора, и на рубеже VII—VIII вв. византийский престол грозил сделаться игрушкой в руках честолюбивых и могущественных стратигов.

Но тенденции к децентрализации не возобладали в Византии. С VIII в. византийское государство становится более прочным, государственный аппарат укрепляется. Две причины способствовали этому.

Во-первых, специфическое положение Константинополя, с которым не могли соперничать ослабленные города провинций, порождало постоянную центростремительную тягу. Константинополь, куда стекались товары из Италии и арабских стран, из причерноморских степей и с берегов Дуная, Константинополь, где находился двор, манил провинциальную знать. Вместе с тем константинопольские ремесленники, торговцы и плебс составляли значительную силу, отстаивавшую свое монопольное положение. Если окраины тяготели к независимости, то Константинополь был одним из важнейших факторов централизации.

Во-вторых, сельская аристократия в провинциях оставалась заинтересованной в упрочении государственного аппарата. Покуда сеньориальные формы эксплуатации находились еще в зародыше, а феодальные институты не сложились, покуда свободное крестьянство определяло лицо византийской деревни, сельская аристократия могла господствовать над общиной только при поддержке государственного аппарата. Чем более стойкой была община, тем более затягивался период централизованной ее эксплуатации. Стойкость византийской общины с ее патронимиями и сильно развитыми правами на чужую землю задерживала процесс феодализации и оказывалась в конечном счете одной из важных причин, способствовавших усилению византийского государства.

Укрепление императорской власти в VIII—IX вв. принимает форму возрождения римской государственности. К началу IX в. за византийскими государями окончательно утверждается официальный титул «василевса ромеев» (βασιλεὺς Ῥωμαίων) [50], в котором причудливо сочетается представление о царской власти (васи-

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

Миниатюры из Хлудовской псалтири. IX в.

левс значит царь) с римскими традициями (ромеи — греческая транскрипция слова Romani, «римляне»). Возрождается, достигая фантастических размеров, культ императорской власти: пышные одеяния, роскошная обстановка приемов, земные поклоны присутствующих. Византийским художникам было приказано изображать императора на публичных зданиях Константинополя,

на роскошных шелковых тканях, на монетах. Возрождая старую символику, созданную в ранневизантийский период и забытую в VII столетии, художники VIII—IX вв. активно способствовали прославлению императорской власти [51].

Одной из важнейших проблем, стоявших в ту пору перед императорской властью, было отношение к церкви. Ставшая большой экономической и политической силой, церковь не раз пыталась отстоять свою независимость. Правда, наиболее непокорный патриархат — Александрийский — вышел с VII в. из-под сферы власти византийского императора, но римский папа все более активно отстаивал автономию. Рим был далек, и подчинить его было трудно (хотя в VII в. императоры еще смещали и ссылали неуступчивых пап), но константинопольскую церковь императоры стремились превратить в свое покорное орудие.

Если в конце VII в. император назвал себя «рабом Христа» и впервые приказал чеканить изображение Христа на реверсе своих монет, то в VIII в. положение меняется: императоры подчеркивают не свою подчиненность богу, а свою власть над церковью. В послании к римскому папе византийский правитель официально объявил себя «василевсом и жрецом» [52], политическим и духовным владыкой своих подданных. Императоры претендуют не только на то, чтобы быть «епископами внешних дел», но присваивают себе последнее слово в богословских конфликтах.

Постепенно оформляется новая иерархия титулов, достигающая завершения к концу IX в. (см. ниже, стр. 159). Расширяется центральный государственный аппарат. По-видимому, в первой половине VIII в. была введена должность логофета дрома. На первых порах его функции были ограниченными: он был доверенным лицом императора, представлявшим государю донесения (ὑπομνήσεις) о важнейших событиях. Впоследствии логофет дрома стал одним из крупнейших чиновников: он ведал возрожденным римским cursus publicus — государственной почтой и обслуживанием послов и чиновников, разъезжающих по служебным надобностям; позднее он распоряжался системой сигнальных огней — своего рода световым телеграфом, доносившим в Константинополь весть об арабских вторжениях. Логофет также руководил сношениями с иностранными державами, выкупом пленных, приемом иноземных послов; он разбирал судебные дела, возникавшие с приезжавшими в Константинополь иностранными купцами. Наконец, функцией логофета дрома было наблюдение за состоянием империи: специальные чиновники — эпискептиты, посланные в различные части страны, должны были регулярно отправлять логофету дрома донесения [53].

В то время как VII столетие принесло империи раздробление финансовых ведомств, с VIII в. предпринимаются попытки вновь восстановить их единство: ввели должность сакелария, поручив ему контроль за всеми центральными учреждениями и преимущественно за теми из них, которые были связаны со сбором налогов и выплатой государственных средств [54].

Податной гнет на протяжении VIII — первой половины IX в. постепенно усиливался. Около 739 г. был введен побор, называемый

дикератон, предназначавшийся специально для восстановления константинопольских стен; примерно с того же времени начали взыскивать экзафоллон. Оба эти налога составляли прибавку к денежной сумме налогов примерно в 10% [55]. Возрастание податей продолжалось и в третьей четверти VIII в. [56] С начала IX в. мы впервые слышим о капниконе — налоге, который взимался с дома или семьи. В ту пору он составлял сравнительно небольшую сумму — два милиарисия в год [57]; впоследствии налоговая ставка заметно выросла. Первое упоминание о капниконе связано с податным произволом: около 810 г. византийское правительство попыталось ввести обложение церковных париков, которые до того были свободны от капникона. Одновременно с этим император предпринял меры к тому, чтобы восстановить круговую поруку при уплате податей.

Фемы, которые в конце VII в. выступали как основные силы децентрализации, постепенно были преобразованы. Прежде всего они подверглись дроблению. В начале VIII в. одна из наиболее опасных для Константинополя фем — Анатолик — была разделена на две части и из нее выделилась Фракисийская фема. Образовалось несколько так называемых морских фем, прежде всего фема Кивиреотов и область Эгейского моря, затем распавшаяся на ряд более мелких фем. Не позднее 767 г. из состава Опсикия выделилась уже фема Вукелариев. В первой половине IX в. в Малой Азии появляются новые фемы: Пафлагония и Халдия на южном берегу Черного моря, а затем — Харсиан, Каппадокия и Селевкия на восточной границе империи. Одновременно права стратига ограничиваются: судебная власть в феме передается особому чиновнику, независимому от стратига; сбор налогов переходит в руки представителей логофета геникона (см. подробнее ниже, стр. 161). Фема превращается в послушный механизм государственного аппарата.

Повсюду, где империя насаждала свою власть, она вводила теперь фемный строй, но фемы, которые повсеместно создавались в VIII—IX вв., были мелкими. Уже в конце VIII в. появляются первые фемы в Греции, а в первой половине IX в. возникает фема Климатов в Крыму. Здесь особенно отчетливо проявляется новая роль фемных порядков: назначаемый из Константинополя стратиг постепенно узурпирует функции херсонских протевонтов. Фемный строй выступает как средство подавления городского сепаратизма.

Самый оплот фемного строя — крестьянское ополчение — постепенно меняет свой характер. Прогрессирующая имущественная дифференциация крестьянства приводит к появлению широкого слоя земледельцев, не обладающих достаточным имуществом, чтобы приобрести коня и боевое вооружение. В византийских войсках мы все чаще можем встретить людей босых и оборванных, вооруженных простыми дубинами. В Византии происходит то же, что и во Франкском королевстве: военная служба из права становится бременем, нести которое может не каждый; сама по себе она, отрывая крестьянина от поля, нередко стимулирует его разорение.

Государство старается использовать общинные средства, чтобы бороться с надвигающейся опасностью: на соседей возлагает оно
 ответственность за снаряжение воина. Отныне из нескольких кре-

стьян один отправляется в поход, другой дает ему коня, третий панцирь и меч. Вместе с тем государство наделяет воинов известными привилегиями: они освобождаются от части налогов, получают выдачи деньгами и натурой. Пройдет еще немного времени — и воины отделятся от основной массы крестьянства и превратятся в особую замкнутую группу, принадлежность к которой фиксировалась в особых списках — так называемых стратиотских каталогах.

Аграризация большинства городов сказалась, естественно, и на положении церкви: в предшествующий период епископ был прежде всего главой городской общины, державшим с помощью особых должностных лиц — периодевтов — в своем подчинении сельские приходские церкви; он принимал активное участие в политической жизни города и городской администрации, руководил городской благотворительностью. В VIII—IX вв. многие епископии, хотя и удерживают прежнее название, становятся по преимуществу центрами сельской округи. Интересы епископа все более сосредоточиваются на сельском хозяйстве.

Развитие церковной иерархии обнаруживало противоречивые тенденции. Прежде всего, в VII—IX вв. продолжает усложняться епископальная администрация: появляются новые должности, копирующие ведомства государственного аппарата. Но усиление власти епископов (и особенно митрополитов) вызывает противодействие константинопольского патриарха, пытающегося наложить руку на епископальные центры. Наконец, император стремится к активному вмешательству в церковные дела. Действие всех этих противоречивых сил проявилось всего отчетливей в спорах о положении эконома. Этот епископальный чиновник, известный уже в V в., а может быть даже в IV в. [58], ведал церковным имуществом. В 787 г. церковный собор подтвердил старое постановление, воспрещавшее епископу управлять церковью без эконома: теперь, если митрополит медлил с его назначением, патриарх получал право поставить своего человека. По-видимому, в середине IX в. император присваивает право назначать эконома Константинопольской патриархии [59].

VII столетие было временем ослабления византийского государственного аппарата. С начала VIII в. он медленно и постепенно укрепляется. И хотя господствующий класс Византийской империи был ослаблен и потерял экономические позиции, укрепление государственного аппарата принимает формы регенерации, возрождения старых учреждений. В некотором отношении такое возрождение могло иметь прогрессивное значение: возрождение римского права способствовало подъему товарных отношений; постоянный спрос двора и армии стимулировал развитие ремесла; сильному государству легче было отстоять границы империи, поставить предел арабскому натиску. И все же возрождение централизации в конечном счете оказалось трагичным для страны, ибо именно византийская государственность с ее развитой налоговой системой и гипертрофированным бюрократическим аппаратом стала наиболее серьезным препятствием для полного развития отношений, которые в ту пору были наиболее прогрессивными,— для феодальных отношений франкского типа.

Глава
3
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ VII—НАЧАЛЕ VIII В.

Успехи, достигнутые при Константе II и Константине IV, были закреплены в первой половине царствования сына и преемника Константина — Юстиниана II (685—695 и 705—711). Это был человек неутомимой энергии, чрезвычайно властолюбивый, воинственный, но безрассудный в своих решениях, невероятно подозрительный и беспощадный к действительным и мнимым врагам. Когда умер Константин IV, Юстиниану было всего 16 лет. Вступление на престол молодого императора использовали военные круги для укрепления самостоятельности фем.

Византийцы перешли в наступление против славян и подчинили всю территорию Фракии вплоть до Фессалоники, куда Юстиниан торжественно вступил в 688/89 г. [1] Таким образом, процесс создания славянского государства Склавинии был прерван и славянские племена подчинены Византии. Походы Юстиниана имели большое значение для восстановления торговых путей из Константинополя в Грецию и к Эпиру.

Завоевание сопровождалось чрезвычайными жестокостями. Громадное число славян (свыше 30 тыс. способных носить оружие) переселили в Вифинию в качестве поселенцев, обязанных военной службой. Учреждены были специальные славянские колонии, во главе которых стоял византийский чиновник — начальник «славянских рабов Вифинской провинции»[2].

Военные круги увлекли Юстиниана и в войну с халифатом, где в буре гражданской войны пришел к власти энергичный Абдал-Мелик (685—705). Византийцы, однако, не пошли на Сирию, решив

сначала отвоевать Армению и Кипр. Операции в Армении были удачны. Византийцы укрепились и на Кипре, жителей которого Юстиниан приказал перевести в опустошенный Кизик. Это мероприятие закончилось очень печально: большинство киприотов во время переселения погибло. Только после этого византийские войска были направлены в Северную Сирию. Несмотря на чрезвычайно тяжелое положение, халифу удалось заключить мир ценой уступки части Армении и Кипра и уплаты денежных сумм. Византийцы по соглашению 689 г. обязались принять в пределы Византии христиан-мардаитов, которые жили в горах Ливана и которых арабы никак не могли подчинить своей власти. Мардаиты не получили определенной территории в Византии, но были распределены как по феме Кивиреотов, так и по горным округам Малой Азии и Греции.

Юстиниан главную военную силу империи видел в посаженных на землю переселенцах. Его мероприятия положили начало созданию пограничных опорных поселений, где жили воины-колонисты, так называемые акриты, которые напоминали римских limitanei. Акриты пользовались самоуправлением и получали обычно щедрые денежные вознаграждения из казны [3]. Однако попытки Юстиниана создать армию из славян и других народностей не дали немедленного военного преимущества Византии. Когда в 692 г. Юстиниан нарушил мир с арабами, продвижение византийской армии в Сирию кончилось катастрофой. Славянские переселенцы в бою под Севастополем (в Армении) перешли на сторону арабов; в результате поражения византийцам пришлось отказаться от Армении, чтобы купить мир.

Правительство Юстиниана осуществляло тяжелый налоговый гнет, обременявший и сельские местности и города. Финансовое управление возглавлял опытный, но бесцеремонный финансист Стефан Перс, который полновластно распоряжался в столице. Его власть была настолько велика, что он, по словам Феофана, приказал как-то высечь мать императора Анастасию, не подчинившуюся его распоряжениям [4]. Эпархом, потом логофетом геникона был назначен зверски жестокий авва Феодот. Феофан сообщает, что это было время арестов, конфискаций имущества и казней знатных горожан. Налоговое бремя легло также и на городскую знать, и выполнения государственных повинностей (в особенности по строительству) требовали от нее с беспощадной строгостью. За медлительность в постройке зданий строительных работников побивали камнями. Финансовый гнет лег и на деревенские общины. Свободные крестьяне стали объектом усиленного налогового обложения. Бегство из деревень делается обычным явлением. Налоговый гнет вызвал социальный протест масс, причем формой этого протеста по-прежнему являлись ереси.

Наиболее тяжелым положение было в Армении — области, где не прекращались военные столкновения арабов и византийцев. Одно время налоги с Армении делились поровну между арабами и византийцами. Именно в Армении социальный протест стал особенно острым и там развернулось еретическое движение. Византийцы называли армянских еретиков манихеями и, может быть, действительно традиции учения Мани еще сохранялись в Армении. Юстиниан

приказал самым свирепым образом расправиться с приверженцами ереси. По сообщению Петра Сицилийца, еретиков сжигали живыми. Такая жестокость объясняется тем, что византийское правительство усматривало в ереси выражение социального протеста.

Монофелитство еще не было окончательно поколеблено, и предание анафеме на VI Вселенском соборе тех учений, которые долгое время были официальными, естественно, многих привело в смущение и усилило религиозные споры. Бродячие монахи, распространявшие в массах всевозможные учения, были для господствующих кругов Византии социально опасным элементом. Правительство Юстиниана приняло меры к регулированию церковных отношений. В 692 г. был созван в Трулльском зале Константинопольского дворца так называемый Пятошестой (т. е. дополняющий решения V и VI соборов) собор, занимавшийся не догматическими, а дисциплинарными вопросами. Было определено правило ежегодно созывать съезды духовенства по епархиям с любопытной оговоркой, что из-за варварских нашествий трудно собираться дважды в год. Отметив, что варварские нашествия и другие причины вынуждали духовенство бросать свою паству, собор потребовал, чтобы духовные лица немедленно вернулись в свои приходы. Епископу было разрешено управлять епархией, попавшей под власть врагов империи извне, с византийской территории. Тем самым, нарушая старинные правила, правительство стремилось сохранить политическое влияние на население страны, покоренной славянами или арабами. Собор осудил еретиков, и особенно манихеев. Предписывалось в проповедях точно придерживаться учения церкви, а книги, не вошедшие в канон и считавшиеся апокрифическими,— сжечь.

Особую тревогу собора вызывали демократические элементы в церкви. Строго возбранялось, под угрозой отлучения, непосвященным проповедовать в храме: «Не мудрствовать паче, еже мудрствовати подобает». Верующие должны были считать себя только овцами, священник — пастырем: «Почто твориши себе пастырем, будучи овцою?». Духовенству и монахам было запрещено создавать тайные организации—фратрии. Особенно много положений собора касается монашества. Общая тенденция их — прикрепить монахов к монастырям; даже затворникам-безмолвникам не разрешалось приступать к «подвигу», пока в течение трех лет не докажут они в монастыре свою дисциплинированность. Собор осудил бродячих монахов, которые проповедовали среди мирян, и предписал, чтобы такие монахи закреплялись за монастырями и бросили бродяжничество. Строго запрещался выход из монастырей без соответствующего разрешения игумена.

В силу ктиторского права отдельные монастыри переходили в руки частных собственников. Собор потребовал неприкосновенности монастырской собственности и для лиц, превращающих монастыри в «мирские обиталища», ввел церковное наказание. Духовенству запрещалось заниматься ростовщичеством. Собор осложнил отпуск рабов на свободу: прежде требовалось два свидетеля — теперь не менее трех.

Свирепые казни и конфискации, суровое обложение налогами городской знати, необдуманно строгое обращение Юстиниана со своими приближенными военными — все это создало почву для заговора. Распространился слух, что Юстиниан намерен произвести массовые убийства жителей Константинополя, начиная с патриарха. Под влиянием этих слухов созрел заговор. В конце 695 г. произошел переворот.

Заговорщики сумели убедить известного полководца, отличившегося в Армении, патрикия Леонтия, стать во главе недовольных. Переворот удался. Народные массы на ипподроме, руководимые венетами, с криками: «Сокрушим кости Юстиниана!» — бросились на дворец. Юстиниана схватили, отрезали ему нос и сослали в Херсон. Императором был провозглашен Леонтий (695—698), который стал вести новую политическую линию. Леонтий был поставлен константинопольской сановной знатью и осуществлял ее политику. Преследования константинопольской знати прекратились.

Важно было сохранить в византийских руках оставшиеся провинции. В конце VII в. арабами был взят Карфаген. Леонтий направил в Африку сильное войско, которое сумело вытеснить арабов из Карфагена. Однако удержаться в нем византийцы не могли и окончательно оставили Карфаген весной 698 г. В неудаче стали обвинять Леонтия. Особенно волновались моряки, которые провозгласили императором своего предводителя Апсимара. Начался поход флота против столицы. За спиной моряков стояла провинциальная военная знать. Горожане оказали сопротивление, но среди них не было согласия.

Смена тиранического правления Юстиниана, осуществившаяся с участием народных масс, в какой-то мере развязала деятельность демократических слоев населения столицы. Значительную активность стали проявлять цирковые партии (борьба венетов и прасинов в цирке все еще продолжалась). Но борьба партий VII в. радикально отличалась от борьбы прослоек городской знати в VI в. После сокрушения мощи сенатского сословия Константинополя борьба приобретает иной характер: городская знать, в основном извлекавшая доходы из участия в государственном аппарате, из эксплуатации провинций (в форме налогового гнета), выступала против новой формирующейся знати, фемных архонтов, стремившихся укрепить свое влияние на население провинций.

И венеты и прасины были чисто городскими партиями. Ни та ни другая партия не могла быть на стороне формирующейся провинциальной военно-землевладельческой фемной знати. Но в Константинополе усилилась внутренняя антагонистическая борьба эксплуатируемой бедноты против богатых собственников и сановной знати, которую мы можем условно назвать патрициатом столицы. Юстиниан опирался на новую военно-землевладельческую знать, вел отчаянную борьбу против городской аристократии — Леонтий, напротив, был ставленником столичного патрициата. Враждебность константинопольской бедноты к эксплуататорской верхушке была использована фемной знатью в собственных интересах. В силу традиционной вражды прасинов к венетам прасины выступили против Леон-

тия[5]. К тому же распространившаяся чума подорвала силы горожан. После четырехмесячной осады Константинополя фемными войсками сосредоточенные в Константинополе «внешние», т. е. провинциальные, архонты, охранявшие стены Константинополя у Влахерн, сдали город Апсимару (конец 698 г.). Столица была жестоко разграблена моряками, множество знатных убито, изгнано, их имения конфискованы.

Леонтий был свергнут. Ему тоже отрезали нос и сослали в монастырь. Императором был провозглашен Апсимар, принявший имя Тиверия III (698—705). Правительство Апсимара прекратило морские походы, тяжко обременявшие моряков и не дававшие никаких выгод фемной знати. Все устремления Апсимара были направлены на войну с арабами за Армению. Война велась с переменным успехом. Сначала византийцы одержали крупную победу над арабами под Самосатой — причем, как уверяет Феофан, было перебито до 200 тыс. арабов и захвачена богатейшая добыча. Но арабы повели наступление в Армении и провинция 4-я Армения была захвачена ими. Посланные в Армению византийские отряды имели некоторый успех и стали вытеснять арабские войска с занятых ими территорий. Армянская знать все в большей мере переходила на сторону Византии. Массы армян вошли в состав византийской знати. Но в этот момент в Константинополе произошел новый переворот.

Изгнанный в Херсон Юстиниан не оставил надежды вернуться на престол. Он бежал к хазарскому хакану, сумел привлечь его на свою сторону, женился на его дочери и стал готовить выступление против Апсимара. Тот потребовал от хакана выдачи Юстиниана, живым или мертвым. Хакан послал убийц, но Юстиниан, заблаговременно предупрежденный женою, расправился с ними и бежал из Хазарии по морю к болгарам. Феофан рассказывает характерный анекдот: случилась буря; суеверные моряки требовали, чтобы Юстиниан поклялся простить своих противников,— они думали, что тогда бог сжалится и утихомирит бурю. А Юстиниан поклялся, что не оставит в живых ни одного из своих врагов.

Благополучно прибыв в Болгарию, Юстиниан сумел привлечь на свою сторону болгарского хана Тервеля и с болгарским войском подступил в 705 г. к Константинополю. Константинополь был осажден болгарами. Юстиниан сам сумел проникнуть в город через подземный ход, вслед за ним ворвались войска. После победы болгары отошли от города, получив большие подарки.

Население Константинополя бурно приветствовало Юстиниана. Легкость переворота, сопровождавшегося гибелью многих знатных лиц, объясняется наличием острой борьбы между плебсом и знатью и в то же время относительной слабостью константинопольского патрициата.

Репрессии Юстиниана были направлены и против городского патрициата, и против командного состава фемного войска. Юстиниан не мог еще иметь многочисленную регулярную армию. Он посылал сражаться плохо вооруженные ополчения из ремесленников и крестьян, которые терпели поражения на суше и на море вследствие неопытности в военном деле.

Начатая война с арабами была очень неудачной. Положение в Италии стало шатким. Равенна, подозреваемая в мятеже, была разгромлена Юстинианом с невероятной жестокостью. Но с римским папой Юстиниан решил заключить соглашение, думая этим укрепить положение византийцев в Италии. В конце 710 г. папа был торжественно принят в Константинополе в ущерб самолюбию константинопольского духовенства[6].

Жители Херсона, опасаясь политики Юстиниана, направленной против городского самоуправления, вступили в сношения с хазарским хаканом, который направил в Херсон своего наместника. Юстиниан послал карательную экспедицию против Херсона и занял город, взяв в плен хазарского наместника. Однако эта экспедиция, подчинив Херсон, не ликвидировала городского самоуправления и не осуществила репрессий, которых требовал Юстиниан. Херсон время от времени продолжал выказывать неповиновение: вскоре там был провозглашен императором Вардан, вступивший в союз с хазарами.

Посланное войско не смогло взять Херсон и перешло на сторону Вардана, принявшего имя Филиппика. Юстиниан отправился в провинцию набирать ополчение, а также заручился союзом с болгарами. Но Вардан, быстро переправившись через Черное море, без сопротивления занял столицу. Юстиниан был выдан и погиб вместе со всей своей семьей 11 декабря 711 г. Против Юстиниана дружно выступили как городская знать, так и военные провинциальные круги. Террористическая политика Юстиниана не нашла также и поддержки плебса.

Юстиниан правил в то время, когда существовала опасность отделения от Византии самостоятельных городов-государств (см. выше, стр. 32). Фактически отпали Венеция, далматинские города; к полному отпадению стремились Херсон и Равенна. Юстиниан, надеясь сохранить единство империи, опирался на ополчение крестьян, рыбаков, городского плебса, подавлял сепаратистские движения городов, способствуя тем самым развитию провинциальной знати. Направление его политики можно было бы назвать даже прогрессивным, но безумные приемы личной деспотической власти, методы террора и политической мести, массовых репрессий — все это отталкивало от Юстиниана даже сторонников его политики.

Юстиниан не мог найти защиту и у своих союзников. Только после его низложения болгарский хан Тервель под предлогом мести за Юстиниана произвел опустошительный поход на Фракию, вплоть до стен Константинополя.

Переворот 711 г. был крупным событием. Военные провинциальные малоазийские круги полностью захватили власть. Переворот был направлен также против усиливавшегося влияния папы.

Новый император Вардан-Филиппик был армянином. Он был тесно связан с теми кругами, которые входили в различные религиозно-сектантские общины и которым победа православия на соборе 681 г. казалась отходом от истинной веры. Окружение Вардана не склонно было поддерживать решения VI собора. Феофан передает легенду о том, что прорицатели предсказывали Вардану долгое и

мирное царствование, если тот сумеет привести империю снова к истинной вере — т. е. к монофелитству. Филиппик созвал в 712 г. церковный собор, на котором монофелитство вновь было провозглашено единственно допустимой в стране религией. Ни один епископ не протестовал: очевидно, византийское духовенство было возмущено Юстинианом, признавшим папское верховенство, и охотно вернулось к догмату о единой воле.

Но такая политика вызвала противодействие городской знати Константинополя с партией прасинов во главе. Возник заговор, и 3 июня 713 г. произошел новый переворот. Филиппик был схвачен и ослеплен, а на следующий день императором провозгласили одного из чиновников, грамматика Артемия-Анастасия II. Под предлогом угрожавшей Константинополю блокады из города приказано было удалить всех, у кого не было продовольственных запасов на три года. Это мероприятие носило не столько военный, сколько социальный характер.

Правление Анастасия было попыткой константинопольской столичной сановной знати и правоверного (т. е. не сочувствующего монофелитству) духовенства взять власть в свои руки. Однако такой поворот в политике вызвал длительную и тяжелую гражданскую войну. Население фемы Опсикий начало восстание и провозгласило императором сборщика податей незнатного происхождения (ἀπράγμονά τε καὶ ἰδιώτην) Феодосия III. Фемное войско подошло к Константинополю (император был в Никее, где собирал войска). Многочисленный флот восставших и фемные отряды осадили столицу. Городская знать организовала отчаянное сопротивление. Шесть месяцев продолжались ежедневные бои у Константинополя, и наконец, в конце августа 715 г., город был с боем захвачен войсками Опсикия и «готогреками». Столица подверглась ужасающему разгрому и грабежу. Император Анастасий, находившийся в Никее, отказался от престола.

Константинопольская знать потеряла свою власть, но на этом борьба не закончилась: началось соперничество между войсками Опсикия, с одной стороны, и войсками фем Анатолик и Армениак, с другой. Во главе Анатолийской фемы стоял Лев, прозванный Исавром[7], выходец из провинциального сирийского города Германикии, попавшего под власть арабов.

Семья Льва была переселена во Фракию, где Лев, очевидно, получил крупный участок земли. Как передает Феофан, Лев сумел приблизиться к Юстиниану, поставив в войско во время одного из походов 600 овец. С этого времени началась карьера Льва: он стал близким лицом императора: Юстиниан послал Льва на Кавказ, чтобы тот натравил одни горные племена на другие. При Анастасии Лев был назначен стратигом Анатолика. Он приобрел славу полководца и популярность в провинциальных войсках. Для зарождающейся провинциальной фемной знати Лев был удобным вождем. Вступив в сношения с арабами, которые поддерживали его, надеясь втянуть Византию в длительную смуту, Лев провозгласил себя 13 апреля 716 г. императором и начал поход против Константинополя.

Феодосий подписал в 716 г. договор с болгарским ханом, обязался выдать перебежчиков и заключить торговое соглашение, облегчающее византийским купцам распространение товаров в Болгарии[8]. Феодосий думал этим привлечь на свою сторону константинопольскую знать. Однако существенной помощи от болгар Феодосий не получил. В продолжение шести месяцев длилась междоусобная борьба. 25 марта 717 г. войска Анатолика вступили в Константинополь. Лев III стал императором, положив начало так называемой Исаврийской династии.

В правление Юстиниана II в основных чертах завершаются те спонтанные преобразования, которые начались, по-видимому, вскоре после смерти Юстиниана I и приобрели особенно значительный размах при Константе II и Константине IV. Несмотря на довольно длительный период смут — с 695 до 717 г.— Византийская империя приходит к началу VIII столетия внутренне обновленным государством. Господство перешло в руки провинциальной знати. Городской патрициат был ослаблен и потерял влияние, хотя и продолжал вести борьбу за власть.

Глава

4

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ИКОНОБОРЧЕСТВА

Лев III пришел к власти в критический для Византии момент. Халифат находился на вершине могущества — империя, наоборот, ослабленная смутами при Юстиниане II и его преемниках, казалась бессильной приостановить натиск арабов. Льву приходилось быть воином и дипломатом, раздавать щедрые обещания и тут же нарушать их, сражаться во главе конников и на легком суденышке нападать на арабские корабли. Он вырос на Востоке, хорошо знал врага и, по-видимому, говорил по-арабски. Он оказался вождем, способным принять на свои плечи тяжкое бремя[1].

В 717 г. арабы, убедившись, что Лев не склонен выполнять обещания, которые он дал, ища их поддержки против Феодосия III, предприняли генеральное наступление. Арабская армия под командованием Масламы обложила Константинополь: близ города был вырыт ров и возведены каменные стены, осадные машины поставлены против константинопольских башен. Арабский флот вошел в Босфор, чтобы отрезать столицу империи от Причерноморья. Греки в страхе насчитали 1800 арабских кораблей.

Но арабам пришлось узнать горечь поражения: византийские корабли, оснащенные «греческим огнем», смогли поджечь десятки вражеских судов. Блокировать город с моря не удалось, и этим сразу же предприятие Масламы было обречено на неудачу. Наступила суровая зима 717/18 г. Сто дней земля была покрыта снегом. Оторванные от своей базы, арабы не могли наладить снабжение, в лагере Масламы начался голод: воины поедали трупы умерших, из-за недостатка провианта в отрядах вспыхивали стычки. Прибывшая весной эскадра снова была разгромлена византийцами.

В Малой Азии арабы встретились с сопротивлением местного населения («пешего войска»). Феофан передает, что византийцы сражались «по обычаю мардаитов» [2], т. е. вели партизанскую войну. Арабские войска вынуждены были оставить Вифинию. Льву III удалось использовать союз с болгарами, заключенный в 716 г. Хан Тервель появился в тылу арабских войск, осаждавших Константинополь. Арабы должны были отступить, и 15 августа 718 г. осада столицы была снята [3].

Потери арабов были чувствительными; несколько лет они не в состоянии были возобновить наступление. Только начиная с 726 г., когда в Византии обострилась внутренняя борьба, арабы снова предприняли поход, стремясь овладеть Малой Азией. Они заняли Кесарию Каппадокийскую, осадили Никею, но не могли удержаться в захваченных областях. Тем не менее в продолжение 12 лет они предпринимали ежегодные грабительские походы на территорию Малой Азии.

Естественным союзником Византии против арабов был Хазарский хаканат, ибо хазары вели в это время упорную борьбу с халифатом [4]. В 729 г. из Константинополя к берегам Волги было отправлено посольство, а в 732 г. союзные отношения закреплены династическим браком: сын императора Константин женился на дочери хакана. Арабы направили свой удар прежде всего против Хазарии. В 737 г. хазары были разбиты и даже вынуждены принять мусульманство и подчиниться власти арабского халифа. Однако эта экспедиция против хазар оказалась спасительной для Византии. Используя затруднения арабского войска в Хазарии, Лев III отправился в поход против арабов и в генеральном сражении у Акроина (невдалеке от Амория) одержал в 740 г. блестящую победу. Она явилась переломным моментом в византино-арабских отношениях. С этого времени византийское фемное войско стало в свою очередь вести постепенное, но неуклонное продвижение в области, занятые арабами в Малой Азии и Сирии. Граница Византии, которая в течение многих десятилетий фактически была открытой, теперь оказалась хорошо защищенной. Можно сказать, что только с этого времени оказалось возможным восстановление крупного землевладения в Малой Азии.

Разгром арабов при Акроине решил судьбу и византийских союзников — хазар. Арабы должны были уйти с занятых территорий, а хазары отказались от навязанного им мусульманства. Союзные отношения Византии с хазарами сохранялись в продолжение всего VIII в.

Чем объяснить внешнеполитические успехи Льва III? Многие историки XIX в. (М. Папарригопуло, К. Цахариэ фон-Лингенталь, В. Г. Васильевский) искали разгадку их в широких реформах основателя Исаврийской династии, будто бы отменившего крепостное право и насаждавшего просвещение. Г. А. Острогорский подверг убедительной критике взгляды Папарригопуло и его сторонников и показал, что ни о каких широких социальных реформах Льва III не может быть речи [5]. Лев III использовал те изменения в общественном строе Византии, которые произошли в VII в. Создание сильной

государственной власти на данном этапе развития Византии соответствовало интересам развивающейся фемной знати, поскольку для формирования крупного землевладения и сеньориальных методов эксплуатации необходимо было наличие твердой власти, содействующей укреплению военно-землевладельческого сословия, имевшего тенденцию к превращению в класс феодалов.

Используя результаты социальных сдвигов VII столетия, Лев III предпринимает усилия к тому, чтобы восстановить элементы римского права и римской государственности, поколебленные при его предшественниках. В 726 г. был издан законодательный сборник, получивший название «Эклоги» (см. выше, стр. 7). Издание его преследовало цель закрепить принцип частной собственности. Во введении к сборнику говорилось, что в стране, особенно в провинции, почти совсем забыто законодательство прежних императоров и что «Эклога» снова вводит в действие основные начала Юстинианова права. Все положения прежних законов о статусе рабов остались в силе, введены были только некоторые облегчения при отпуске рабов на волю. О зависимых (колонах), столь типичных для аграрных порядков IV—VI вв., «Эклога» молчит: по-видимому, законодатели имеют перед глазами свободную деревню. «Эклога» ограничивала власть главы семьи, тем самым способствуя распаду патронимий, возникших в византийской деревне под влиянием славян и иных переселенцев, и укреплению индивидуальной малой семьи — основной ячейки частнособственнических отношений. Вместе с тем пристальное внимание к арендным отношениям, и особенно к эмфитевсису, выражало интересы новой провинциальной знати, разрывавшей изнутри целостность и стойкость византийской общины.

Ряд статей «Эклоги» был порожден политической обстановкой тех лет — непрерывными войнами с халифатом: рабам, которые участвуют в борьбе с врагом, была обещана свобода; регулировалось распределение военной добычи, которая служила стимулом для участия в походах и составляла важный источник богатств провинциальной военной аристократии.

В «Эклоге» отражены и попытки укрепить централизацию: во введении законодатель заявлял о своем намерении ввести для судей строго определенное жалование с тем, чтобы они ничего не взыскивали с населения. Неизвестно, насколько это благое пожелание претворялось в жизнь. Население вовсе не было ограждено от поборов в пользу чиновников, — и сама «Эклога» говорит о συνήθεια (поборах) для низшего административного персонала [6]. Наконец, в «Эклоге» повторяются старинные постановления относительно ересей. Особенно подвергались преследованиям манихеи и монтанисты.

Правительство Льва III и после издания «Эклоги» стремилось укрепить государственный аппарат: разукрупнение фем (см. об этом выше, стр. 39) было одним из важных шагов в этом направлении. В 740 г. Лев III нанес серьезный удар по городскому самоуправлению, передав государству обязанность поддерживать городские укрепления (прежде эта обязанность лежала на городах). Возрастал налоговый гнет.

Политика централизации, осуществляемая Львом III, натолкнулась на сопротивление городов, пытавшихся добиться независимости. Сепаратистские волнения произошли в сицилийских городах; попытка организовать там самостоятельное государство окончилась подавлением мятежа и казнями. В Фессалонике был организован заговор, имевший целью вернуть престол Анастасию II. Его поддержала высшая знать столицы. Заговор был раскрыт и ряд видных светских и духовных деятелей, в том числе сам Анастасий, казнен. Сепаратистское движение развилось в Италии, особенно в Равенне, где был убит в 727 г. экзарх Павел. Лангобарды осадили Равенну и даже захватили ее гавань. Византийскому императору не удалось восстановить свой авторитет в Средней Италии.

Особенной остроты политическая борьба достигла тогда, когда Лев III вступил на путь иконоборчества. Формы обрядности более, чем догматы, затрагивали широкие слои народа, и спор о почитании икон сделался массовым. Через то или иное отношение к культу икон выражали свои политические, социальные и культурные стремления различные прослойки византийского общества. Поэтому спор об иконах, продолжавшийся открыто более столетия,— сложнейшее явление византийской истории[7].

Иконоборчество родилось как движение народных масс. Подобно тому, как протест против произвола императорских чиновников выражался в низвержении императорских статуй, оппозиция господствующей церкви издавна связывалась с отвержением икон. Все ереси IV—VII вв.— несторианская, монофиситская и монофелитская— решительно отвергали почитание икон. Это вражда к иконам, священным изображениям на драгоценных сосудах и раках, отражала также протест против роскоши в церкви. Господствующая церковь имела главный центр в Константинополе, откуда и исходил социальный гнет в то время, пока еще относительно слабо развилась сеньориальная эксплуатация. К тому же среди населения Малой Азии было много выходцев из Сирии, где чувствовалось влияние мусульманской религии, отвергающей поклонение предметам изобразительного искусства. Наибольшей остроты еретическое движение, притом в самой радикальной форме, достигло в Армении, где сильны были традиции Мани и Маздака. Еретические движения, начинаясь с критики обрядовых, бытовых или догматических принципов церкви, противопоставляли «испорченности» духовенства внутреннюю религиозность; проповедь правды, справедливости и борьбы со «злом» содействовала внутреннему сплочению общины, объединению тружеников в борьбе с социальным гнетом.

Народное недовольство было использовано борющимися за власть прослойками эксплуататоров. Фемная провинциальная военно-землевладельческая знать и провинциальное духовенство стремились оттеснить с руководящих позиций константинопольскую сановную знать. Хотя высшие военные должности империи уже перешли в руки провинциальных малоазийских и армянских землевладельцев, столичная церковь, возглавляемая патриархом Германом, была тесно связана с константинопольскими собственниками домов, кораблей и проастиев. Недовольство иконопочитанием в широких массах

Малой Азии и Армении было использовано для наступления против столичной церкви.

В 724 г. ряд малоазийских церковных иерархов выступил против иконопочитания. В 726 г. Лев публично поддержал малоазийское духовенство. Начался конфликт между императором и патриархом Германом, который усматривал в иконоборчестве злейшую ересь. Неизвестно, отдал ли император соответствующее распоряжение или же наиболее решительные противники иконопочитания начали действовать самостоятельно, но в центре Константинополя, в Халкопратии, иконоборцы попытались уничтожить икону Христа. Произошло столкновение: фанатики растерзали лиц, снимавших почитаемый образ. Последовали репрессии. Несмотря на противодействие римского папы Григория II, император продолжал наступление. 17 января 730 г. Лев III собрал заседание синклита, так называемый силенций, и предложил высшей знати подписаться под эдиктом, запрещающим иконопочитание. Патриарх Герман категорически отказался: он был смещен и заменен иконоборцем Анастасием. Таким образом, отмена культа икон была проведена законодательным путем[8], хотя и не получила еще формального церковного утверждения.

Императорская власть использовала иконоборчество для укрепления своих политических позиций, для подчинения себе церкви. Вместе с тем она использовала иконоборчество и для укрепления своих экономических позиций. Борьба против почитания икон давала возможность присваивать церковные сокровища: утварь, оклады икон, раки с мощами святых. В условиях известной натурализации хозяйства и отлива золота за пределы империи (в форме дани арабам, оплаты наемных дружин, в результате постоянных грабежей) императорская власть испытывала нехватку драгоценных металлов: начиная с Ираклия византийские василевсы пытались обратить на государственные нужды богатства церкви.

Но только ли церковные сокровища присваивали иконоборцы? Не проводили ли они также конфискацию и, более того, секуляризацию церковных и монастырских земель? Разумеется, в качестве карательной меры проводилось закрытие мятежных монастырей с конфискацией земель, что в конечном счете было выгодно провинциальной знати. Однако нет никаких оснований говорить о секуляризации церковно-монастырского землевладения. Церковь вовсе не лишилась своих поместий; наоборот, полемисты-иконопочитатели обличают иконоборческих епископов в стяжательстве, в том, что те имеют обширные имения и все внимание обращают на ведение хозяйства в своих поместьях. К тому же не следует преувеличивать размеры монастырских хозяйств, конфискация которых была бы соблазнительной для императорской власти: значительная часть монастырей в Малой Азии и на Балканах лежала после опустошительных набегов VII — начала VIII в. в развалинах. Проблемой того времени была скорее незаселенность земли, нежели ее нехватка: государство не знало, что делать с обширными невозделанными пространствами.

На первых порах иконоборческая политика императоров встретила поддержку различных слоев населения, и, за исключением от-

дельных эксцессов, изъятие церковных ценностей не вызывало особого сопротивления. Единственной социальной группировкой, всерьез заинтересованной в сохранении церковных имуществ, была городская знать, для которой золото священной утвари составляло своего рода резервный фонд, плод тезаврации городских богатств,— но именно городская знать оказалась всего более ослабленной в результате социально-экономических сдвигов VII в. Теперь иконоборчество наносило ей новый удар.

Сразу же после эдикта Льва III в Константинополе начались казни и преследования знатных лиц, недовольных иконоборческой политикой. Однако наиболее энергичное сопротивление император встретил не в столице, а на окраинах Византии и за пределами страны. Центром пропаганды иконопочитателей стал Дамаск. Арабский халифат, ведя непрерывную борьбу против империи, охотно поддерживал любые выступления, которые могли бы внести разброд в умы византийцев. Главой иконопочитателей являлся даровитый Иоанн Дамаскин-Мансур, один из христианских чиновников халифа, впоследствии монах в сирийском монастыре. Он резко критиковал деятельность Льва III и теоретически оправдывал иконопочитание.

Недовольство охватило также Элладу и острова Эгейского моря. Население этих областей, поддержанное флотом, подняло восстание и провозгласило императором некоего Косьму. Флот двинулся к Константинополю, но был уничтожен 18 апреля 727 г. греческим огнем. Командир флота восставших Агаллиан бросился в море, а узурпатор Косьма был казнен.

Третьим центром протеста против иконоборческой реформы стала Италия. Римский папа вступил в полемику с императором по поводу иконопочитания, а в ноябре 731 г. в Риме созван был поместный собор, который осудил иконоборческую политику, не упоминая, впрочем, имени императора. Иконоборчество императора стало предлогом для восстания в Италии. Византийские войска были разбиты или перешли на сторону папы, города (в том числе Венеция) отложились. Только на юге — в Сицилии, Апулии и Калабрии — удалось удержать власть Византии.

В качестве репрессии против папы был издан эдикт Льва III о переходе под юрисдикцию константинопольского патриарха Сицилии и Калабрии, а также тех областей Балканского полуострова, которые до того времени находились под духовной властью римской курии: Эпира, Иллирии, Македонии, Фессалии, Дакии [9]. Те льготы, которыми пользовались папские владения в Сицилии и Южной Италии, были теперь аннулированы, а доходы от них перешли византийской казне. Так же как и в Византийской империи, население Сицилии и Калабрии подверглось переписи и было обложено подушной податью.

Только страх перед лангобардским завоеванием временно удерживал Равенну и Рим от полного отпадения от Константинополя. Но когда в середине VIII в. папа сумел найти нового покровителя в лице франкского короля, отпадение от Византии было осуществлено полностью. Таким образом, иконоборческая политика ускорила создание союза папы и франкского короля.

Борясь против поклонения иконам, иконоборцы выдвинули положение о том, что иконопочитание есть извращение христианства[10]. Иконопочитатели это отвергали, ссылаясь на традицию, на легенды о существовании нерукотворных образов Христа. В действительности, первоначальное христианство не знало поклонения иконам. Культ икон распространился с III—IV вв. и к VI в. достиг большой популярности. В конце VII в. на Трулльском соборе принимаются меры к созданию единого типа икон, выносится запрещение символических изображений в церквах. И все же до VIII в. в церкви не было определенного, канонического суждения относительно икон.

В чем же сущность догматического спора об иконах, который так взволновал византийское общество? Первым обвинением в адрес иконопочитателей было то, что они поклоняются идолам. На это иконопочитатели отвечали, что они, почитая изображение бога, поклоняются самому богу.

Далее иконоборцы в борьбе против культа икон перешли к доводам из христологических споров. Что изображают иконы? Если само божество, то это противоречит Священному писанию, ибо бог — дух, неописуемый и непознаваемый. Следовательно, икона вовсе не изображение божества, а только идол. Если же икона изображает Христа как бога и человека в едином образе, то это монофиситство, объединяющее два естества Христа в единое. Если же икона представляет воплотившегося Христа в его человеческом естестве, то это ересь несторианская, полностью отделяющая человека Христа от божественного Логоса. Поэтому всякое изображение божества есть ересь и святотатство.

Иоанн Дамаскин отражал эти обвинения, используя положения платоновской философии. Все в мире является образами (по-гречески εἰκών — образ, изображение). Человек — образ и подобие бога, любая вещь — образ идеи. Между образом и прототипом, между материей и духом имеется связь. Коль скоро иконоборцы полностью отвергают связь материи с духом, то они — манихеи, отвергающие какую бы то ни было причастность материи к божеству.

Иконоборцы считали, что икона и прототип должны иметь единую сущность. На это иконопочитатели отвечали, что в иконах имеется внутреннее единство с прототипом: так, приводили они пример, изображение царя есть в то же время выражение идеи царской власти. Можно сказать, что изображение царя и царь обладают внутренним единством. Икона есть поэтому материализация исконной реальности — божества, материальное отображение сверхчувственного мира.

Ярко выражена эта мысль в двустишии Феодора Студита[11]:

На иконы взирая, ты достигаешь
Несказанного вида небесных зрелищ.

При этом иконопочитатели утверждали, что связь изображения с прототипом осуществляется не естеством (φύσις), а благодаря божественной энергии. Поднимая вопрос об энергии, иконопочитатели перешли от христологических споров к новому этапу богословских

распрей — об отношении божества к людям, о мистических связях божества с человеком.

Икона в представлениях иконопочитателей облегчает связь человека с божеством. Подобно тому, как бог пришел к людям через вочеловечение Христа, человек через лицезрение иконы ощущает действие энергии божества и как бы приобщается мистическому единению с божеством («деификации»). Иконоборцы же утверждали, что этого можно достичь только через таинство причащения, где под видом хлеба и вина верующий получает благодать божью, и что поэтому истинным образом Христа является не его изображение, а евхаристия.

Хотя иконоборцы выступали против культа икон, изображение креста они считали священным. Догматически иконоборчество обосновывало культ креста тем, что в миссии Христа важна не столько его земная жизнь и чудеса, сколько его искупление человечества страданиями и смертью на кресте.

18 июня 741 г. умер Лев III, и престол перешел его сыну Константину, воспитанному в духе фанатичного иконоборчества[12]. Подобно своему отцу, он был императором-полководцем, близким к фемному войску. Но он был непопулярен среди городской знати, распространявшей о нем всевозможные порочащие слухи. Во враждебных кругах ему дали прозвище Копроним (в славянских памятниках: «гноеименитый»), утверждая, что младенцем при крещении он обмарался в купели. Его называли Каваллинос («кобылятник») — за пристрастие к лошадям. В византийских источниках нет более презренного имени, чем Константин V. Победившая партия иконопочитателей полностью овладела историографией, и вплоть до конца Византии все хроники единогласно проявляют лютую ненависть к Константину V.

Его вступление на престол стремились использовать противники провинциальной знати. Во главе заговора стал известный сторонник иконопочитания стратиг фемы Опсикий Артавасд, зять Льва III. Он неожиданно напал на Константина во время похода против арабов, а константинопольское население провозгласило Артавасда императором. Культ икон был восстановлен. Но если Опсикий был за Артавасда, то прочие фемы решительно выступили против него, и после 16-месячной гражданской войны Константинополь 2 ноября 743 г. бы взят фемными войсками. Феофан сообщает, что Константин приказал провинциальным архонтам грабить дома константинопольских горожан[13], масса сторонников Артавасда была осуждена. После разгрома константинопольской знати власть Константина окрепла, и иконоборчество снова стало политикой империи. Можно предполагать, что именно после подавления восстания Артавасда фема Опсикий была разделена на три фемы — Оптиматов, Вукелариев и собственно Опсикий.

Политика укрепления центральной власти империи и расширения границ была основным стремлением провинциальной знати, овладевшей государственным аппаратом. При Константине V в основном эта политика проводилась удачно.

Успешными были походы Константина в Исаврию. Германикия была занята, часть Сирии отошла к Византии. Германикия была вновь

отвоевана арабами в 768 г., а в 770 г. арабы проникли в Малую Азию, но были наголову разбиты фемными войсками. Во время успешных походов Константин переселял христианское население захваченных областей в европейские провинции. Успехам Константина способствовали смуты в халифате; династия Омейядов была свергнута, центр халифата перенесен в Багдад.

Отношения с болгарами начиная с 716 г., когда был заключен мирный договор, были дружественными; согласно обязательству, Византия ежегодно выплачивала болгарскому хану субсидии. Но как раз в середине VIII в. в Болгарии начались смуты. Константин V укреплял границу, строил крепости во Фракии и расселял здесь пленных в качестве воинов. Хан Кормисош в 755 г. протестовал и требовал повышения субсидий — Константин отказал. Болгары предприняли нападение на Фракию и дошли до Длинных стен. В ответ Константин в 756 г. попытался полностью разгромить Болгарское государство, начав одновременно поход от границ Фракии и высадив в устье Дуная сильный десант. Болгары понесли поражение в битве у Маркелл. Кормисош вынужден был просить мира, но и Константину не удалось полностью подчинить Болгарию.

Новый хан Телец решил обрушиться на Византию. Однако Константин внимательно следил за событиями в Болгарии и сумел своевременно подготовить отпор. Константин отправил сильный флот с кавалерийским десантом к Анхиалу, а сам с большой армией вторгся в Болгарию. 30 июня 763 г. Телец выступил. Произошла битва у Анхиала, которая окончилась полным разгромом болгар. Большое количество пленных, в том числе представители высшей болгарской знати, были приведены в Константинополь.

Телец был свергнут, и вскоре после этого болгары заключили мир с Византией. Используя успех в борьбе с Болгарией, Константин решил расправиться со славянами Македонии, во главе которых стоял князь северян Славун. Не объявляя войны, Константин напал на него и взял в плен. В числе пленных оказались и греки, «скамары» (так называли повстанцев из греческого населения, отказавшихся от христианства). Главарь скамаров подвергся по приказу императора ужасающему наказанию — ему отрубили руки и ноги и живым вскрыли, чтобы врачи могли наблюдать жизнедеятельность человеческого организма; после этого он был сожжен [14].

Заручившись содействием некоторых слоев болгарской знати, Константин намеревался полностью подчинить Болгарию, но посланный им флот был рассеян бурей в июле 766 г. Дальнейшие походы также не принесли особых успехов. Константин пытался подкупить болгарскую знать, но и это оказалось неудачным. В 744 г. хан Телериг отправил Константину секретное письмо, сообщая, что решил опереться на Византию, и просил назвать ему имена друзей империи, на которых он мог бы положиться. Не разгадав ловушки, Константин сообщил хану имена своих агентов. Хан приказал их всех перебить. Как пишет Феофан, Константин, узнав об этом, рвал на себе волосы от досады [15].

Однако и после этого связи с Византией не прервались; наоборот, хан Телериг, перебивший византийских агентов, сам впоследствии

бежал в Константинополь, где принял христианство и, породнившись с императором, получил сан патрикия.

Победы дали возможность Константину V обратиться к внутренним делам. Он решил закрепить победу иконоборчества решениями вселенского собора. С 10 февраля по 27 августа 754 г. заседал собор в одном из предместий Константинополя. 338 представителей церкви единогласно приняли положения о том, что иконопочитание возникло вследствие козней сатаны. Писать иконы Христа, богоматери и святых — значит оскорблять их «презренным эллинским искусством». Запрещалось иметь иконы в храмах и частных домах. Собор принял также меры против расхищения церковных сокровищ под предлогом борьбы против священных изображений. Все «древопоклонники и костепоклонники» (т. е. почитавшие мощи святых) предавались анафеме и особо Иоанн Дамаскин и Герман.

Каноны собора 754 г. представляют собой изложение учения умеренного иконоборчества, которое вовсе не имело целью вступать в контакт с ересями и отходить от положений господствующей церкви. Что среди иконоборцев было и радикальное крыло, явствует из угроз тем лицам, которые не признают культа богородицы или святых. Совершенно явственно звучит требование прекратить дальнейшее изъятие церковных сокровищ и оградить храмы от «порабощения» их светскими архонтами. Никаких решений относительно монашества собор 754 г. не выносил.

Собор 754 г. встретил критику со стороны римского папы и всей западной церкви. В 769 г. на Римском церковном соборе были отвергнуты иконоборческие положения собора 754 г. [16] Неудачной оказалась и попытка Константина опереться в этих спорах на поддержку Франкского королевства.

Именно после собора 754 г. выступает на сцену как наиболее решительный противник иконоборчества монашество. Борьба против икон была материально невыгодна монастырям. Дело не только в том, что отдельные монастыри вели бойкую торговлю иконами и реликвиями святых. Более важно иное обстоятельство: монашество (особенно столичных и подгородных монастырей) было тесно связано с городской знатью. Наконец, на позицию монашества влияло давнее соперничество между монастырями и епископатом. Решения ряда соборов ставили монастыри под власть епископата, тогда как монахи стремились к независимости. Представился удобный повод не подчиниться центральному церковному управлению и епископату под предлогом несогласия с канонами собора 754 г. об иконоборчестве.

Встретив сопротивление, император начал террор, особенно против городской знати. В столице Константин стремился натравить городское население на монахов, которых называл «мраконосителями». Монахов выводили на ипподром для публичного осмеяния, фактически в Константинополе организовывались погромы монахов. Гонения на непокорных, фрондирующих монахов затронули и провинцию. Стратиг Фракисийской фемы Лаханодракон в 770 г. собрал монахов и монахинь в Эфесе и предложил им на выбор: или немедленно вступить в брак и стать светскими лицами, или же быть ослепленными и изгнанными. Большинство подчинилось стратигу

и бросило монашескую жизнь, но нашлись и фанатики, предпочитавшие пострадать за веру. Сторонники иконопочитания эмигрировали в Сицилию и Южную Италию, в Херсон, на острова. В 771 г. Лаханодракон закрыл ряд монастырей во Фракисийской феме. Монастыри передавались под казармы, земли и скот распродавались. Нельзя думать, однако, что Константин уничтожил все монастыри — репрессиям подверглись только непокорные обители. Иконоборческие монастыри оставались зачастую под контролем государственного чиновника.

Положение в империи в результате иконоборческого движения было очень напряженным. Это заставляло Константина V искать союзников в среде еретиков. Отношение к еретикам со стороны иконоборческого правительства было весьма сложным. Разумеется, союз государства с господствующей церковью ни в коем случае не мог быть поколеблен. Собор 754 г. прекрасно это показал, преследования еретиков формально не были отменены. И все же и Лев III, и Константин V проявляли терпимость к павликианам (см. ниже, стр. 76). Оба они видели в павликианах в известном смысле союзников в борьбе против иконопочитателей. Терпимое отношение к павликианам иконоборческих императоров объясняется также политическими соображениями: павликиане подвергались жестокому преследованию в Арабском халифате[17].

В иконоборчестве существовало радикальное крыло, которое было гораздо ближе к учению павликиан, чем официальная иконоборческая церковь. Так, в споре со старцем Георгием иконоборец, по-видимому, из низов, некий Косьма, выступал даже против почитания креста, что было характерно для павликиан, а не иконоборцев, которые весьма чтили крест[18].

В политике Константина V важное место принадлежало переселенческим мероприятиям. В 752 г., взяв Мелитину, Константин переселил во Фракию живших в Мелитине павликиан. Ряд армянских землевладельцев-нахараров перешел в подданство Византии и получил от Константина земельные владения. Часть армян переселена была во Фракию, где они представляли оплот Византии против возрастающего могущества болгар. В столице Константин стремился поселить ремесленников из провинции[19]. Для восстановительных работ Константин V переселил туда несколько тысяч строителей различных специальностей: из Малой Азии, Понта, Греции и островов, благодаря чему возрос удельный вес столичного ремесленного производства. Константинополь в правление Константина был заселен преданными ему элементами: военным гарнизоном с семьями, переселенным из самых верных Константину фем — Анатолика и Фракисийской, представителями фемной знати.

Стремление Константина опереться на население столицы в конечном счете привело к отрицательным для иконоборчества результатам: император не предусмотрел воздействия экономических условий Константинополя как крупного центра товарного производства и обращения. Очень скоро ремесленные массы так или иначе стали экономически зависеть от местной знати, ростовщиков, домовладельцев, а представители фемной знати легко включались в ряды

константинопольского патрициата и стали воспринимать его идеологию. Этому способствовало упрочение внутреннего и внешнего положения Византии к концу 70-х годов. На всех границах велись наступательные войны, дававшие большую добычу. Византийский флот господствовал в восточной части Средиземного моря. Развитие морской торговли укрепляло положение столичной знати, которая, владея кораблями, давая ссуду, могла пользоваться выгодами внешней торговли, не пускаясь лично в опасное плавание. Для того, чтобы иметь за собой поддержку шумной столицы, Константин стал вести политику, которая в конечном счете подрывала социальный базис его власти.

Для укрепления своего положения в Константинополе Константин стал усиливать налоговый гнет в деревне. Патриарх Никифор называет Константина угнетателем крестьян[20]. Крестьяне, которые облагались непосильными налогами, должны были дешево продавать хлеб для столицы, на столичных рынках появились дешевые продукты. Патриарх Никифор едко замечает по этому поводу: «Нерассудительные люди объясняли это изобилием плодов земли, процветанием, а разумные — проявлением жадности, тирании и человеконенавистничества»[21]. Дальнейшая история иконоборческого периода связана с серьезным обострением социальной борьбы в деревне. Многочисленные казни крестьян в конце правления Константина[22] являются показателями этого обострения.

Вместе с этим появляются симптомы спада политической мощи иконоборчества. По мере перерождения верхушки фемной знати фанатизм и пыл иконоборчества смягчаются и появляются тенденции к компромиссу. Показательным явился брак сына Константина V Льва с представительницей тех кругов Греции, которые не отличались преданностью политике, проводимой иконоборцами. Женой Льва стала афинянка Ирина, воспитанная в иконопочитании.

После смерти Константина V на престол 24 сентября 775 г. вступил Лев IV, иконоборец по убеждению, но вовсе не так радикально настроенный, как его отец. Хотя преследования иконопочитателей и продолжались, антимонашеские выступления прекратились. Лев IV считался другом монахов (очевидно, большая часть монашества примирилась с отказом от икон). Лев был религиозным ханжой, что особенно проявилось в его постановлении о недействительности браков даже между восприемниками при крещении.

Лев IV получил прозвище Хазарин (он был сыном хазарской принцессы). Отношения с Хазарией оставались дружественными, несмотря на то, что в конце VIII в. хазарский двор принял иудейство. В 80-х годах VIII в. вспыхнуло восстание христианского населения Крымской Готии против хазар. Во главе восставших стоял епископ Готии Иоанн. Безусловно, Византия могла взять под защиту христианское население и использовать к своей выгоде религиозные смуты в Хазарии. Однако византийское правительство не желало разрывать с Хазарским хаканатом и ограничилось учреждением Готской митрополии, подчиненной Константинополю.

После смерти Льва IV 8 сентября 780 г. его энергичная вдова Ирина, оставшаяся с малолетним сыном Константином VI, оказа- 60

ИМПЕРАТРИЦА ИРИНА

Слоновая кость. Флоренция. Национальный музей. VIII в.

лась во главе византийского правительства. Опираясь на городскую знать, она быстро расправилась со своими противниками, группировавшимися вокруг братьев Льва IV. Началась чистка аппарата, и в первую очередь церковных епископских кафедр. Борьба за власть обострилась.

Вместо представителей фемной знати в правительстве Ирины все большее значение стали приобретать евнухи, особенно Ставракий, ловкий интриган, но способный военачальник. Фемные стратиги стали терять политическое влияние. Ирина стремилась назначать на епископские кафедры противников иконоборчества. На патриарший престол удалось поставить иконопочитателя Тарасия (784—806). Видный константинопольский богач[23], он вовсе не был духовным лицом. Тарасий вел подготовку к новому собору, надеясь осудить иконоборчество. Летом 786 г. участники собора съехались в Константинополь, но иконоборческие епископы апеллировали к войску, которое и разогнало собор. Ирина и Тарасий стали готовить второй

созыв собора. Предварительно нужно было вывести гарнизон преданного иконоборчеству войска. Под предлогом начавшегося похода войско было выведено из Константинополя, и одновременно город был занят заранее подготовленными отрядами из Фракии. 24 сентября 787 г. в Никее начался собор, который получил название VII Вселенского. Иконоборчество было осуждено, а иконоборческие епископы отказались от своих убеждений.

Собор 787 г. принял ряд важных решений относительно земельной собственности церкви. Категорически запрещалось монастырям и епископам сдавать в аренду церковные земли крупным землевладельцам и чиновникам, но разрешалось передавать участки клирикам и крестьянам.

Решения собора не вызвали особого противодействия населения. Фемная знать, лишенная Ириной политического влияния, стремилась вернуть свое положение, не настаивая на восстановлении иконоборчества, но играя на противоречиях честолюбивой матери и ее сына. Весной 790 г. Ирина ликвидировала организованный против нее заговор и объявила себя полновластной императрицей, но уже в декабре 790 г., опираясь на фемные войска, молодой Константин VI отстранил мать от власти. Советники Ирины были удалены, и во главе правительства оказались молодые представители фемной знати. Борьба снова обострилась. Ирина же оставалась во дворце и плела интриги.

Положение империи во время реставрации иконопочитания в значительной степени стало неустойчивым в результате внешней опасности. При иконоборческих императорах Византия имела перед собой врагов, ослабленных внутренней борьбой: в Болгарии были внутренние смуты, в халифате происходила длительная гражданская война. К концу VIII в. положение совершенно изменилось. Арабы начали наступление. В 782 г. они совершили опустошительный набег, и византийцы вынуждены были купить мир ценою ежегодной уплаты 70 тыс. номисм.

На Балканском полуострове положение тоже обострилось. Сразу же после заключения мира с арабами началось продвижение византийских войск в области, населенные независимыми славянскими племенами. Ставракий в 783 г. успешно действовал в Элладе и Фессалии, в 784 г. был завоеван ряд областей во Фракии и основан город Иринополь (Верея). Но теперь византийцам пришлось столкнуться с окрепшей Болгарией: в 789 г. хан Кардам предпринял наступление на завоеванные Византией области в Македонии по реке Струме. Болгария определенно претендовала на Македонию с ее славянским населением. Контрнаступление Константина VI закончилось разгромом византийских войск, мир был заключен на условиях ежегодной выплаты Византией субсидии. В 796 г. Константин в резкой форме отказался от очередного взноса, послав хану вместо денег конский навоз. Началась война, поход Константина был совершенно безрезультатным.

Внешнее положение Византии осложнялось придворными интригами и борьбою за власть различных прослоек господствующего класса. Правление молодого Константина VI явилось как бы компромис-

сом фемной знати и городского патрициата, не удовлетворявшим ни ту, ни другую сторону. На сцену снова выступило монашество, но уже не с защитой икон, а с осуждением императора-«прелюбодея». Поводом к этому стали семейные дела Константина VI. Ирина приказала привезти из провинций различных молодых девушек и выбрала из провинциальной захудалой знати невесту сыну. Константин вынужден был жениться против воли, но скоро бросил жену и, заключив ее в монастырь, вступил во второй брак. Игумен Студийского монастыря резко нападал на императора. Фактически монашество стремилось добиться хозяйственной самостоятельности от епископата и превратить монастыри в независимые религиозно-хозяйственные центры. Константин предпринял ряд жестоких мер против монахов. Но это только облегчало Ирине захват власти. Используя неудачные походы Константина в Болгарию и его «прелюбодеяние», Ирина организовала переворот.

Заговорщики по приказу Ирины схватили Константина и ослепили его. Ирина была провозглашена единодержавной императрицей (15 августа 797 г.). Она стремилась сохранить поддержку константинопольского населения. Последовал ряд ее указов — о снижении налогов с константинопольского населения и пошлин с кораблей, привозивших грузы в столицу. Ее сторонники восторженно отзывались об этих мероприятиях [24]. Деятельность Ирины способствовала повышению авторитета монастырей, при которых создавались больницы, странноприимные дома, дома призрения нищих. Монастырям были предоставлены значительные льготы, что сделало Ирину, несмотря на ослепление сына, в глазах монахов-хронистов благочестивой императрицей.

Узкая прослойка придворных подхалимов, евнухов и монахов, проявившая такое упорство и смелость в интригах, оказалась во главе с Ириной совершенно неспособной управлять государством. Самостоятельное правление Ирины заполнено внутренней борьбой ее приближенных. В Греции вспыхнуло восстание местного населения, которое под руководством славянского князя Акамира провозгласило императором одного из сыновей Константина V. Восстание, направленное, нужно полагать, против действий константинопольских властей, было жестоко подавлено и закончилось массовыми ослеплениями восставших.

Отношения с римским папой после собора 787 г. несколько улучшились. Но папа вовсе не был удовлетворен результатами собора. Папский примат Византия не признала и не возвратила папе Сицилию и Южную Италию. Поэтому папа не вполне принял формулу иконопочитания: в своем послании он признал пользу икон только в том, что неграмотные могут через иконы познакомиться со священной историей вместо книг. К тому же папа уже не был властелином в своей области. Власть Карла Великого ощущалась во всей Италии. Отношения Византии с Франкским королевством первоначально были дружественными и даже предполагалось заключение брака Константина с дочерью Карла.

Однако вследствие критического отношения Карла к собору 787 г. [25] и политических противоречий в Италии брак расстроился,

начались военные действия. Главным предметом раздора были Адриатика и Южная Италия[26].

В 800 г. Карл был провозглашен императором Франкской империи. Византия не признала за ним этого титула. Как передает Феофан, Карл в 802 г. направил посольство, предлагая руку Ирине, чтобы тем самым воссоединить Восток и Запад. Однако вельможи с евнухом Аэтием во главе воспрепятствовали браку. Можно предположить, что толки о возможном появлении в Византии Карла ускорили выступление недовольного чиновничества. К тому же показное ханжество Ирины и ее клики, усиление влияния монахов и евнухов, разбазаривание казны и щедрые раздачи монастырям не могли не вызвать оппозиции среди сановной знати Константинополя. Назревал дворцовый переворот.

Глава 5

ВТОРОЙ ПЕРИОД ИКОНОБОРЧЕСТВА

31 октября 802 г. произошел дворцовый переворот, организованный чиновниками, недовольными налоговой политикой императрицы и полным расстройством государственных дел. Императором был провозглашен патрикий и логофет геникона Никифор. Свержение Ирины прошло бескровно — не встретила она поддержки ни со стороны патриарха, ни со стороны константинопольского населения, несмотря на свои «благодеяния». Только монашеская группа Феодора Студита оплакивала ее падение.

Переворот не был переходом власти к другим прослойкам знати. Никифор выступал как представитель константинопольских верхов, как иконопочитатель. Недостаточное расположение Никифора к церкви вызвало у хронистов представление, будто он сам был еретиком, иконоборцем. Однако после смерти Тарасия он поставил на патриарший престол столь же ревностного иконопочитателя Никифора. Избрание этого патриарха — дело чисто политическое: подобно Тарасию, Никифор до патриаршества был мирянином, образованным представителем константинопольской аристократии.

Вскоре после вступления на императорский престол Никифора, в 803 г., фемная знать сделала попытку вернуть власть. Императором провозглашен был Варданий «Турок», стратиг фемы Анатолик. Фемное войско подошло к столице, но горожане не приняли Вардания, и мятеж был подавлен. Никифор конфисковал имущество Вардания и, как сообщает Феофан (с обычным для него преувеличением), под предлогом кары за восстание «ограбил всех фемных архонтов и ктиторов» [1].

Громадное количество конфискованных у знати земель Никифор стремился принудительно распродать навклирам, собственникам кораблей, ведущим морскую торговлю (главным образом в Малой Азии). Это возмущает Феофана, так как навклиры, по его словам, никогда не занимались земледелием [2].

За время господства евнухов Ирины финансы империи были расстроены. Константинопольская знать стремилась усилить выгодную ей форму эксплуатации населения — через налоговое обложение. Никифор провел ряд мероприятий, вызвавших негодование монашеской партии, которая боролась теперь не против иконоборчества, а против жесткой финансовой политики. Этот финансовый нажим затрагивал и монастыри. Никифор не только отменил налоговые смягчения, объявленные Ириной, но и приказал обновить налоговые списки. Обложены были и церковно-благотворительные учреждения, которые в провинции превращались в настоящие вотчины. Усиленно проводилось взимание капникона.

Наступление на крестьян выразилось и в усугублении ответственности общины за выполнение повинностей всеми крестьянами. Феофан сообщает, что Никифор приказал беднякам служить в армии, с тем чтобы односельчане вооружали их; кроме того, он распорядился, чтобы государственные налоги выплачивались по принципу круговой поруки (ἀλληλεγγύως) [3].

В мае 810 г. последовало распоряжение Никифора, направленное против землевладельческой знати: он приказал повысить налоги с земель и при этом требовал, чтобы архонты выплатили налоги за восемь предыдущих лет. Эти мероприятия распространялись и на церковные земли. Никифор почти вдвое уменьшил количество приписанных к благотворительным учреждениям земель, сохранив, однако, подати на прежнем уровне.

Конфискованные или полученные в уплату налогов церковные сокровища Никифор приказывал переплавлять в монету. Церковные круги негодовали, что Никифор, ссылаясь на государственные интересы, прекратил преследование павликиан и других еретиков, давая им возможность мирно обрабатывать землю.

Непопулярным мероприятием Никифора оказалось и принудительное кредитование государством из $16\,^2/_3\%$ купцов, участвовавших в морской торговле. Это имело целью стимулировать предпринимательство во внешней торговле и создавало выгоды для казны. Однако мероприятие Никифора болезненно ощущалось константинопольскими ростовщиками, которые до того сами кредитовали купцов, получая львиную долю торговой прибыли. Ростовщичество вообще было запрещено частным лицам, и, таким образом, ростовщическая прибыль, по мысли Никифора, должна была сделаться доходной статьей государства [4]. Как передает Феофан, Никифор сознательно в своих мероприятиях выставлял государственные интересы на первый план, заявляя, что никто из прежних императоров по-настоящему не умел править государством.

Казалось, что вопрос об иконоборчестве совершенно забыт. Общество потрясала ожесточенная борьба воинствующего монашества с Феодором Студитом во главе против патриаршего управления цер-

ковью. Церковные смуты привели к настоящему расколу внутри господствующей церкви. Студит обвинял патриарха в недостаточной твердости в отношении к светской власти — причем по-прежнему ссылался на дело о незаконном венчании давно погибшего Константина VI. Студит был признан возмутителем церкви и осужден на соборе 809 г.

Политика Никифора на Балканском полуострове заключалась в скорейшем освоении населенных славянами территорий. Мероприятия византийских властей вызвали противодействие славян. Пелопоннесские славяне в начале IX в. осадили город Патры, один из центров византийского государства в Пелопоннесе [5]. Однако славяне потерпели поражение, и страна, которая вся была «ославянена» (по выражению Константина Багрянородного), постепенно стала эллинизироваться.

Славянские племена были покорены, христианизированы и приписаны к Патрской митрополии. Нужно полагать, что тогда возникли фемы Пелопоннес, Диррахий и Фессалоника. Чтобы прочнее освоить территорию, Никифор предпринял меры для заселения греками областей, занятых славянами во Фракии: для этого он приказал людей, считающихся «пришлыми» в крестьянских общинах — париков (т. е. чужаков, которые поселились арендаторами на частных и казенных землях), переселить принудительно в Фракию, считая, что этим можно увеличить число налогоплательщиков [6]. Но затем, видя, что эта мера недостаточна для заселения края, приказал часть жителей Малой Азии принудительно переселить в Склавинию. Переселенцы должны были продать свое имущество и обосноваться на новых местах. Хотя колонизационные мероприятия вызвали ненависть к императору, все же они закрепили за Византией южную часть Балканского полуострова [7].

Важные мероприятия были проведены для создания прочного фемного войска. Так как в походах участвовали ополчения беднейших крестьян и ремесленников, то созданные таким путем армии были плохо вооружены и небоеспособны; требовалось увеличить число хорошо вооруженных всадников. Никифор ввел систему складничества: крестьянские общины должны были вносить $18^1/_2$ номисм на каждого воина, отправляющегося в поход. Заставляя собственников кораблей (в том числе, нужно думать, и мелких, рыбацких) покупать земельные участки (см. выше, стр. 66), Никифор стремился пополнить наследственную прослойку землевладельцев, обязанных службой во флоте. Другой наследственной военно-землевладельческой прослойкой являлись состоятельные крестьяне, вносимые в «каталоги» стратиотов кавалерийских фем.

Мероприятия Никифора можно считать политически и социально целеустремленными: они были направлены на создание солидной прослойки земельных собственников-крестьян, которые непосредственно подчинялись бы столичному чиновничеству.

Но внешняя политика Никифора не была удачной. Фемная знать была настроена против него. Попытка Никифора прекратить выплату дани арабам и возвести укрепления на восточной границе дала халифу предлог для нового нападения на Византию; в 806 г. арабы

взяли Ираклию. Этому событию арабские писатели придавали колоссальное значение. Только опасность на Востоке удержала халифа от дальнейшего наступления против империи [8].

Византийская колонизация Македонии и Западной Фракии вызвала противодействие Болгарии, во главе которой стоял с 803 г. энергичный хан Крум. В 809 г. Крум занял Сердику (Софию). В 811 г. Никифор предпринял большой поход против болгар и захватил столицу Крума Плиску. Но на обратном пути византийцы попали в засаду. 26 июля 811 г. болгары окружили войска Никифора в горной теснине. По преданию, император воскликнул: «Только крылья могли бы спасти нас!» Пытавшиеся бежать попали в болота или же были перебиты болгарскими лучниками. Никифор пал в битве, и Крум приказал сделать из его черепа чашу для пиров.

После сражения 811 г. Болгария надолго стала наиболее опасным противником Византии.

Поражение и смерть императора Никифора использовала группа недовольных его жестокой финансовой политикой, в особенности церковь с патриархом Никифором во главе. Тяжело раненный в бою сын императора Никифора Ставракий был провозглашен императором, однако придворные и патриарх боялись, что Ставракий будет продолжать политику отца. Патриарх Никифор, как передает Феофан, пришел к Ставракию и потребовал, чтобы тот отдал распоряжение о возвращении церкви всех взятых его отцом богатств. Ставракий, несмотря на свои мучения от раны, отказался. Феофан передает смутное известие, что умирающий Ставракий угрожал «димократией» (δημοκρατίαν), которая могла принести христианам новые беды [9]. По-видимому, в Константинополе назревало движение народных масс, которых Ставракий (а вслед за ним и Феофан) отождествлял с димами. Страх перед выступлением плебса заставил патриарха и его сторонников действовать энергично, и 2 октября 811 г. императором был провозглашен Михаил I Рангаве (может быть, его прозвище — славянского происхождения и означает «сильнорукий»), муж сестры Ставракия, безвольный и недалекий придворный. Предварительно патриарх взял у него заверение в том, что церковь будет вознаграждена за потери, которые понесла при Никифоре, что новый император будет править полностью в согласии с церковью и что все клирики и монахи будут навсегда освобождены от телесных наказаний.

Немедленно из тюрем были освобождены монахи, а их вождь Феодор Студит стал главным советником императора Михаила [10]. Религиозный ханжа и пламенный иконопочитатель, Михаил в короткий срок растратил на подарки церковникам и городской сановной знати колоссальные средства, которые собрал Никифор. Церковники с патриархом Никифором во главе добились (при слабом противодействии Студита) суровых мер против ересей. Павликиан стали предавать смертной казни. Преследования особенно повлияли на настроения тех павликиан, которые расселены были Никифором для защиты болгарской границы; они стали переходить на сторону болгар.

Внешнее положение империи между тем осложнялось. Опасность со стороны Болгарии делалась все грознее. Ища поддержки за пределами страны, Михаил решил изменить отношение Византии к рим-

ПОДВЕСНАЯ ПЕЧАТЬ
Изображение императора Ставракия. Государственный Эрмитаж

скому папе и Карлу Великому. Под влиянием Феодора Студита отношения с папой стали дружественными. Карл Великий был признан императором, на что никак не желал соглашаться Никифор.

Война против болгар продолжалась. Военные неудачи дискредитировали правительство иконопочитателей. Открыто выступали приверженцы разных ересей, вновь сделались популярными лозунги иконоборчества,— особенно стали прославлять правление Константина V. Предпринята была попытка возвести на престол находящихся в заточении и ослепленных сыновей Константина V. Эта попытка не удалась. Константинопольский гарнизон, который явно стал проявлять иконоборческие симпатии, был расформирован. Фемные вожди были недовольны своим положением. Особенно выдвигался среди них Лев Армянин. Во время решительной битвы с болгарами под Адрианополем 22 июня 813 г. стратиг Лев со своим войском оставил поле сражения, византийцы были снова разбиты и Крум осадил Константинополь, хотя и не мог овладеть столицей. Под давлением оппозиции Михаил отказался от престола. Стратиг Лев провозглашен был императором 11 июля 813 г. Власть и государственный аппарат снова стали достоянием фемной знати.

В VIII и начале IX в. в Малой Азии значительно усилилось влияние армянской знати [11]. Этому способствовали и арабские нашествия, и народные движения в Армении, вынуждавшие некоторых армян-землевладельцев эмигрировать в Византию. К числу таких византийских армян принадлежал и новый император.

В правление Льва V Армянина (813—820) начался новый период иконоборчества [12]. Фемная знать, свергнувшая монашеско-бюрократическую клику Михаила Рангаве, уже во многом отличалась от того фемного войска, которое привело к власти Льва III. Главная роль теперь принадлежала богатым землевладельцам.

Благодаря победам иконоборческих императоров, а также внутреннему разложению в халифате в византийских фемах создались известные условия для развития вотчинного хозяйства и упрочения частной собственности на землю. Вместе с тем развивалась власть крупного землевладельца над окружающим населением и, соответственно, стремление знати к захвату земель и закабалению бедноты.

Если общины еретиков могли быть политическими союзниками фемной знати в борьбе против константинопольских иконопочитателей, то по своей социальной природе они оставались опасными врагами начинавшего развиваться крупного землевладения. Фемные кавалерийские войска постепенно конституировались: в них входили лишь состоятельные общинники. Фемные воины-стратиоты были опорой фемной знати, но вместе с тем землевладельческая аристократия стала использовать свое командное положение в армии в эгоистических целях, стремясь поставить подчиненных ей стратиотов в экономическую зависимость. Все это происходило в обстановке сурового финансового гнета, от которого получившая в свои руки государственный аппарат фемная знать не думала отказываться.

В таких условиях второе издание иконоборчества не имело той внутренней силы, какую имели иконоборцы при Константине V. К тому же доходы от пошлин, обусловленные ростом товарного обращения, заставляли иконоборцев осторожнее относиться к представителям константинопольской знати, а обострение классовых противоречий требовало некоторого сближения враждующих прослоек эксплуататоров. Все это отразилось на ходе событий.

Правительству Льва предстояла задача отразить наступление болгар. Крум произвел ужасающие опустошения во Фракии. Десятки тысяч жителей были взяты в плен и отправлены к берегам Дуная. Но после смерти Крума (13 апреля 814 г.) опасность со стороны Болгарии временно была устранена. В 815 г. или несколько позднее был заключен мир на 30 лет. Граница между Болгарией и Византией во Фракии была строго определена.

На востоке положение было благоприятно для Византии — Багдадский халифат был вновь охвачен междоусобицами, а затем с 815 г. началась опасная для господствующего класса крестьянская война под руководством Бабека. Это сковывало силы халифата и развязывало руки Льву V.

Победа иконопочитателей в 787 г. носила более или менее ограниченный характер. Было прекращено преследование иконопочитателей, но победители не решались насильственно внедрять поклонение иконам в тех областях, где оно не было распространено. Нет никаких свидетельств — ни археологических, ни письменных — о подъеме иконописной живописи в период 787—815 гг.[13] Победа иконопочитателей не была полной, и это делало реставрацию иконоборчества вполне возможной.

Пришедшая к власти группировка фемной знати стремилась снова овладеть управлением церковью и подчинить монашество, которое при Михаиле I Рангаве заняло весьма влиятельное положение.

Патриарх Никифор был смещен 13 марта 815 г., и на его место возведен представитель иконоборческой знати Феодот Мелиссин. Не-

медленно в 815 г. созван был церковный собор, который предал анафеме каноны собора 787 г. и подтвердил решения иконоборческого собора 754 г. Начались ссылки противников — в первую очередь из группы сторонников Феодора Студита, который вел отчаянную борьбу против иконоборчества. Он готов был признать папский авторитет в делах церкви, требовал подчинения императорской власти священству и доходил до призыва бойкотировать налоговое обложение. Императоров он называл «иродами», что было прямым политическим оскорблением. Студит требовал полной автономии монастырей. Поскольку монастырь, по Студиту, должен был являться своего рода трудовым коллективом, основанным на безбрачии, этот лозунг — покуда свободная крестьянская община еще преобладала — в какой-то мере мог импонировать, и прославление Студитом физического труда монахов имело успех среди масс. Однако объективно выступление Студита идеологически подготовляло превращение монастырей в феодальные сеньории [14]. Бóльшая часть монашества не приняла идей Студита: ведь Лев V вовсе не вел такой последовательной политики, как Константин V. Теперь уже не было речи о захвате имущества монастырей, ни даже о полном отказе от иконопочитания: от монахов требовалось только подчинение иконоборческому патриарху.

Политика Льва была суровой, она основывалась на жесточайшем терроре в столице. Между тем, по мере нарастания социального протеста масс иконоборческая провинциальная знать все менее склонялась к тому, чтобы резко противопоставлять себя константинопольским иконопочитателям. Недовольные методами правления Льва сгруппировались вокруг Михаила из Аморийской фемы, прозванного Травлом («шепелявый»). Он происходил из простых стратиотов и был почти неграмотным, но проявил себя как опытный военачальник. Хронисты считают его иудеохристианином, следовательно еретиком; он во всяком случае не был религиозным фанатиком и даже отличался некоторым вольнодумством. Заговор был раскрыт, Михаил арестован и осужден на сожжение. Однако в ночь перед рождеством, 24 декабря 820 г., произошел дворцовый переворот — Лев был убит заговорщиками, а Михаил прямо из тюрьмы, в цепях, возведен на престол [15].

Свержение Льва V ускорило то обстоятельство, что господствующий класс Византии испытывал страх перед народным восстанием, которое как раз в это время охватило восточные провинции империи. В 820 г. началось первое в Византии массовое антифеодальное восстание [16]. Социальный состав восставших был пестрым. Хронист пишет: «Рабы подняли руку на господ, стратиот — на командира, лохаг — на стратига». Процесс феодализации затронул интересы различных прослоек. Недовольная медленным развитием процессов феодализма провинциальная знать объединилась с широкими массами, страдающими от этих процессов.

Поскольку крупное землевладение еще только начинало укрепляться и наиболее тяжелой формой эксплуатации трудящихся был налоговой гнет, гнев восставших был направлен преимущественно против налоговых сборщиков. Напротив, фемной знати иногда удавалось играть роль союзника трудящихся масс и направлять движение

в своих интересах. Помимо рабов [17] и угнетенного крестьянства, к движению примкнули стратиоты, покоренные славянские племена, а также лица, насильно переселенные во Фракию и Грецию.

Восстание описано в источниках не вполне ясно. В арабской Сирии появилось много эмигрантов из Византии, готовых выступить против Льва. Правительство арабского халифа решило поддержать эмигрантов. В 820 г. во главе их стал славянин Фома, человек пожилой [18]. Он происходил из низов общества, но сделал карьеру в фемном войске и стал одним из видных византийских военачальников, однако затем был вынужден бежать в халифат. Здесь он объявил себя чудесно спасшимся Константином VI. Арабы организовали в Антиохии торжественное его коронование и тут же стали собирать наемную армию из различных народностей Востока.

Вооружив эту армию с помощью арабов, Фома двинулся в пределы Византии еще в правление Льва. Дворцовый переворот в Константинополе был на руку Фоме. Некоторое замешательство в рядах сторонников Льва, боявшихся репрессий со стороны Михаила, помогло Фоме укрепиться в Анатолике, Фракисийской феме, феме Кивиреотов и Армениаке. Фоме удалось привлечь на свою сторону местный аппарат власти; он получил большие средства, присвоив налоговые поступления.

Однако главными участниками восстания Фомы Славянина стали народные массы, которые решительно расправлялись со знатными сторонниками центрального правительства. Выступление Фомы имело притягательную силу для самых различных элементов империи. Однако оно не могло быть приемлемым для той прослойки константинопольской знати, которая использовала доходы от товарного хозяйства, от налогов. Население крупных городов не примкнуло к восстанию Фомы, жители Константинополя, несмотря на трудное положение, не открыли ему ворот.

В 821 г. войска Фомы направились против Константинополя, но в феме Опсикий потерпели жестокое поражение. Прибрежные области Малой Азии были тесно связаны с Константинополем, тут имелись земельные владения многочисленных константинопольских ктиторов, и связи со столицей определяли позицию стратиотов Опсикия. Эта фема оставалась базой для правительства Михаила II.

Тогда армия Фомы направилась к Константинополю с запада. Опираясь на флот фемы Кивиреотов, в жестоких боях преодолевая сопротивление константинопольских морских сил, войско Фомы высадилось во Фракии. Тут Фома получил значительное подкрепление. Во Фракии было много армян, насильственно переселенных из Малой Азии, которые находились в тяжелых условиях. Многие из них были павликианами. К Фоме присоединились и местные славянские племена, которые хотели освободиться от гнета византийского государства [19].

Фома подступил вплотную к Константинополю. Началась длительная осада столицы. Даже некоторые представители высшей знати, вроде Григория Птерота, стали присоединяться к восставшим. Однако ожидания Фомы, что жители Константинополя откроют ему ворота, не оправдались; константинопольцы отчаянно защи-

щались. Эта стойкость города вызвала некоторые сомнения в победе Фомы, колеблющиеся элементы стали переходить к императору. Тем временем Михаил сумел привлечь на свою сторону болгарского хана Омортага. Болгарский хан весной 823 г. предпринял неожиданную диверсию в тылу войск Фомы. Это вызвало перелом в ходе восстания. Армия Фомы уже не смогла оправиться от удара болгар.

В лагере Михаила все разногласия были забыты — во имя спасения господствующих кругов Византии, тогда как среди восставших, по мере того как затягивалась гражданская война, противоречия становились все более острыми. Руководящая верхушка не провела социальных реформ, не установила демократического управления. Нуждаясь в денежных средствах, Фома использовал старый финансовый аппарат, старую налоговую систему. Лишь непосредственное окружение узурпатора, где было немало авантюристов, обогащалось, тогда как положение народных масс, втянутых в длительную войну, не становилось лучше. К тому же содействие арабов Фоме дискредитировало его движение и дало возможность противникам (например Феодору Студиту) объявить это движение «нашествием иноплеменников» [20].

Охлаждение населения к Фоме отразилось на ходе восстания. Фома продолжал военные действия, но летом 823 г. должен был снять блокаду Константинополя. С остатками войска он отступил в Аркадиополь, все еще угрожая столице. Однако в среде восставших начался разброд, в конце 823 г. Фому выдали, и Михаил предал его мучительной казни.

Сопротивление сторонников Фомы продолжалось и после его казни. Только в 825 г., после падения последнего оплота восставших — Каваллы, с движением было покончено.

Первое антифеодальное восстание было подавлено благодаря сплочению сил константинопольской аристократии и фемной знати. Подавление восстания сопровождалось конфискациями имущества тех, кто примкнул к восставшим, при этом конфискованные земли немедленно передавались военным, сторонникам Михаила [21]. Фемная знать вышла из этих событий значительно окрепшей.

Восстание Фомы способствовало сближению иконоборцев и иконопочитателей. Михаил освободил из заточения Феодора Студита и его сторонников, а Феодор Студит в свою очередь писал во время блокады Константинополя: «Теперь не время возобновлять прошлые споры. Это приносит смуты. Теперь время единомыслия!» [22].

После подавления восстания Михаил стремился не разжигать религиозных споров и предоставлял каждому относиться к иконам так, как тот хочет. Иконы не конфисковывались, однако требовалось, чтобы в храмах их привешивали достаточно высоко во избежание извращенных форм поклонения [23]. Все споры об иконах были запрещены. Выдвигались идеи компромисса. Так, Студит сообщает, что он познакомился с одной книгой иконоборца, в которой говорится, что иконы нужны только в назидание простому народу, а не для просвещенных. Впрочем, Студит отверг такую форму компромисса [24].

Но терпимость к иконопочитанию не означала прекращения борьбы против городской знати. Ряд знатных и богатых лиц был обвинен

в сочувствии Фоме и под этим предлогом выслан из столицы, их имущество было конфисковано[25]. Власть иконоборческой знати значительно окрепла, и это дало возможность основанной Михаилом II Аморийской династии продолжать политику иконоборчества еще два десятилетия.

Гражданская война в Византии 820—825 гг. не могла не отразиться на военной мощи страны. Особенно жестоким ударом явилась гибель большей части флота в упорных боях под Константинополем. Это привело к ослаблению Византии на море. В 823 г. египетские мусульмане предприняли поход против Крита и около 826 г. овладели им. Это была тяжелая потеря для Византии, потому что Крит стал пиратским государством и морская торговля Византии оказалась почти парализованной. В то же время началось вторжение африканских мусульман в Сицилию. Византия не смогла послать нужные военные силы, и бо́льшая часть острова попала в руки арабов[26].

Сын Михаила II — Феофил, который вступил на престол в октябре 829 г., был учеником Иоанна Грамматика, будущего патриарха, видного идеолога иконоборчества. Иконопочитание он считал невежеством, а монахов — социально опасным элементом.

Иконопочитание было запрещено. Особенно преследовалась религиозная живопись. Но Феофил был далек от вольнодумства Константина V или Михаила II; страстный любитель церковной музыки, он сам был видным церковным композитором. Отношение Феофила к монашеству было двойственным: он боролся с фанатиками-иконопочитателями, сослал в 838 г. часть столичных монахов в провинцию. Но вместе с тем при Феофиле строили новые обители, опальные вельможи постригались в монахи и даже у самого императора были собственные монастыри.

Изгоняя из городов монашество — верного союзника городской знати, Феофил объективно содействовал распространению монастырей в провинции и тем самым — упрочению крупной собственности в деревнях. Монастырь, воздвигнутый в сельской местности, силою вещей становился феодальным сеньором и союзником фемной знати в ее политических устремлениях, тогда как городские и подгородные монастыри полностью являлись собственностью именитых горожан.

Феофил любил выступать в роли борца за сохранение законности, защитника бедноты от городской знати. Он ходил переодетым по городу, лично расспрашивая о несправедливостях, и публично наказывал виновных. Это являлось пропагандой личной власти императора в ущерб синклиту и городской сановной знати. Но вряд ли Феофил такими мерами личного воздействия мог добиться справедливости — страшные насилия, сопровождавшие преследование еретиков, лучше всего характеризуют его правление.

Феофил опирался на фемную знать Анатолика, центром которого был Аморий. Окружение Феофила состояло из анатолийских землевладельцев. Торговлю он считал занятием, унизительным для аристократа. Когда Феофил узнал, что его жена приобрела торговое судно, он приказал сжечь этот корабль с товарами.

Между тем и внутреннее, и внешнеполитическое положение Византии становилось все более напряженным. В 836 г. вспыхнуло круп-

ное восстание славян около Фессалоники [27]. Еще более значительным было восстание славян в Пелопоннесе в 841 г. [28] Оба восстания были подавлены. Боязнь народных восстаний привела Феофила и к репрессиям против павликиан: многие из них были брошены в тюрьмы [29].

На протяжении VIII столетия внешняя политика Византии основывалась на традиционном союзе с хазарами. В начале IX в. Хазарию охватили длительные религиозные войны, ослабившие государство. Появление венгров в Причерноморье, а затем складывание Древнерусского государства подрывало гегемонию хаканата в Восточной Европе. Но и сами отношения Византии с хазарами становились все более напряженными: хазары опасались и торговой конкуренции греков, и прямого проникновения империи в причерноморские степи. Конфликт возник уже в 834 г., когда византийские строители во главе с Петроной прибыли в Хазарию, чтобы помочь хакану построить крепость Саркел на Дону. Попытки Петроны укрепить византийское влияние в Саркеле (он намеревался, в частности, построить здесь христианский храм) встретили резкое сопротивление хазар.

Тогда Феофил решил упрочить позиции империи в Крыму. Херсон был превращен в фему Климатов, во главе которой поставлен был стратиг. Возможно, что организация новой фемы определялась, помимо прочего, страхом византийцев перед крепнущими восточнославянскими государствами на Днепре (см. ниже, стр. 227).

Несмотря на симпатии Феофила и его окружения к арабской культуре, отношения Византии и халифата были крайне враждебными. Продолжалось соперничество в пограничных районах. После окончания продолжительной междоусобной войны халифат снова начал наступление против Византии в 830 г. Византийская армия потерпела поражение. Но в 831 г. византийцы нанесли ответный удар. Война продолжалась с новой силой при халифе Мутасиме.

Однако Багдадский халифат не смог сосредоточить свои силы против Византии — в это время арабской знати приходилось бороться с грандиозным восстанием Бабека. Феофил из политических соображений стремился поддерживать движение Бабека, и можно думать, что среди перебежчиков-персов, служивших у Феофила, были лица из числа приверженцев Бабека, бежавших от преследования.

Феофил начал генеральное наступление и добился серьезного успеха, взяв в 837 г. Самосату. Однако, отпраздновав пышный триумф, Феофил не сумел принять меры для укрепления границ. Между тем правительственные войска подавили движение Бабека, и руки халифа были развязаны. Мутасим предпринял неожиданную диверсию в центр Анатолика. Византийская армия была разбита под Дазимоном 22 июля 837 г. Мутасим направился против Амория, который в то время считался крупнейшим городом после Константинополя и являлся местопребыванием анатолийской военно-землевладельческой аристократии. 12 августа 838 г. Аморий после ожесточенного сопротивления пал, причем ненависть угнетенных павликиан к византийской администрации послужила причиной, ослабившей сопротивление аморийцев [30]. Аморий был разрушен, население обращено в рабство или перебито. Аморий был опорой иконоборческого

движения, важнейшим центром политического влияния фемной знати. Удар был нанесен жестокий, и Феофил опасался нового наступления арабов на Константинополь. Однако дальнейшее продвижение их войска было приостановлено: жестокости арабов и их религиозная нетерпимость вызвали сопротивление населения. Арабская армия не смогла удержаться в занятом районе и ограничилась только опустошением фемы Анатолик. Между тем Феофил в отчаянии обратился к странам Запада за помощью против мусульман, впервые выдвинув идею крестового похода против мусульманского мира [31].

Тем временем арабские войска из Сицилии переправились в Южную Италию: около 840 г. они заняли Тарент, в 842 г., уже после смерти Феофила,— Бари. Некоторые из южноитальянских феодалов поддерживали мусульман. Положение византийских владений в Италии стало угрожающим.

Отношения с Болгарией все время были враждебными. Мирный договор 815 г. был нарушен. Болгарский хан Персиан, зная о затруднениях Византии в Малой Азии, напал в 837 г. на византийские владения в Македонии и захватил некоторые местности, заселенные македонскими славянами [32].

На границах Болгарии Феофил селил персидских перебежчиков из арабских войск. Они представляли собою относительно надежную охрану границ и в то же время, будучи чуждыми местному славянскому населению,— опору правительства в случае народных восстаний.

Наиболее острой формой народных выступлений становится павликианство [33]. Если правительство Никифора еще не видело в секте особой опасности, то при его преемниках начались жестокие преследования. По мере усиления налогового гнета и развития крупного землевладения в идеологии павликиан произошли значительные изменения. Первые павликиане, судя по рассказу Петра Сицилийца, аргументировали свое учение в основном ссылками на послания апостола Павла, автор которых превозносил личный труд, гордясь, что зарабатывал на жизнь своими руками. В этих посланиях провозглашалось: «Не трудящийся да не ест!». Формулы Павловых посланий вполне соответствовали мировоззрению общинного крестьянства.

Если верить Петру Сицилийцу, основоположник секты — последователь Мани Константин заявлял, что он, Сильван, верный ученик апостола Павла. В дальнейшем посланный для искоренения секты чиновник Симеон примкнул к павликианам и стал называть себя именем другого ученика апостола Павла — Тита. У некоей Каллиники из Самосаты были сыновья Павел и Иоанн, ревностные сектанты. Сын Павла Гегнесий стал называть себя по имени ученика апостола Павла Тимофеем. Иосиф, приемный сын Тимофея, заявлял, что он ученик апостола Павла — Эпафродит. В дальнейшем вождем павликиан стал некий Сергий из Тавии (близ Анкиры), который назвал себя по имени ученика апостола Павла Тихиком.

Самое название сектантов происходит от имени апостола Павла, но византийские писатели ни за что не желали принять эту этимологию — она казалась им кощунственной. По Петру Сицилийцу, название павликиан происходит от имени сыновей Каллиники Павла

и Иоанна. Фотий придумал, что вообще павликиане раньше назывались «павлоиоанны»[34]. Искусственность этого построения очевидна[35].

Первоначально пассивное учение, павликианство постепенно стало проникаться более критическим духом. Это явилось результатом соприкосновения византийских павликиан с армянскими сектантами, которые хранили традиции Мани (см. выше, стр. 42). Идеология павликиан постепенно приближалась к манихейству. Христианские священные книги не отвергались павликианами, но истолковывались в духе манихейских идей. Павликиане стали считать сатанинским творением все институты классового общества, в том числе и церковь.

Когда первоначально церковники называли павликиан манихеями, это было лишь бранным словом, но мало-помалу традиции Мани действительно стали основой мировоззрения павликиан. Павликиане стали отвергать почитание богоматери и всех святых, не считали крест предметом поклонения, но наоборот, символом проклятия (ибо на нем был распят Христос), не принимали икон и церковной обрядности, не признавали таинств крещения и причащения. Поскольку все общественные учреждения того времени павликиане считали злом, естественно, перед ними должен был стать вопрос, откуда идет зло, коль скоро бог-творец — абсолютное благо? Логический вывод сводится к догмату: все материальное — творение сатаны, и только внутренний духовный мир — создание божественного духа. Павликиане признавали догмат о троице, но считали, что триипостасный бог-отец является творцом только небес, ангелов и духовного мира.

Окончательное оформление павликианского движения относится ко времени первого мощного антифеодального движения 820—825 гг.

Главная притягательная сила павликианства состояла в отрицании духовенства как обособленной группы населения; религия делалась общим делом верующих. Отвергалось обидное противопоставление пастырей и овец, отрицалась пассивность населения в сфере идеологии. Сам народ создавал основы своей идеологии, исходя из своеобразно понимаемых текстов евангелия и посланий. Вожди павликиан вовсе не были священниками. Они назывались синекдемами, «спутниками» (словом, заимствованным из Павловых посланий). «Спутники» были разъезжающими проповедниками учения павликиан и организаторами павликианских общин. Сплоченные идейно и спаянные демократическим самоуправлением общины превращались в мощного противника крепнущих феодальных институтов: сущностью движения сделался протест против процесса феодализации.

В начале IX в. наиболее выдающимся представителем и реорганизатором[36] павликианского движения стал Сергий-Тихик, неутомимый проповедник. С 801 по 835 г. он неустанно переходил из одной местности в другую, проповедуя, что священники господствующей церкви (безразлично — инокоборческой или иконопочитательской) торгуют божьим словом. Он организовал ряд павликианских общин, проникнутых боевым настроением: Сергия Петр Сицилийский обвиняет в самых ужасных преступлениях — вплоть до продажи в рабство девушек и юношей. Правда, тот же Петр Сицилийский приводит слова Сергия, что эти ужасы происходили против его воли: «Я пред-

лагал им прекратить пленение ромеев, но они не послушали меня...». Главное, что тревожило византийское правительство,— это то, что Сергий «развратил» монашество и привлек в секту массу священников. Это казалось опасным и иконопочитателям, и иконоборцам.

Михаил I и Лев V, несмотря на то, что принадлежали к разным лагерям, с одинаковой свирепостью обрушились на павликиан. Особенной силы движение достигло в феме Армениак. Фемная знать совместно с церковью действовала здесь с беспощадной свирепостью. Эти гонения вызвали восстание, и павликиане — астаты [37] и кинохориты— убили митрополита и экзарха, после чего бежали из пределов Византии в пограничную Мелитину. Там, напротив Мелитины, на правом берегу Евфрата, павликиане основали свой центр, который был недоступен репрессиям византийских властей. Пользуясь покровительством арабов, павликиане начали смело распространять свое влияние на территории Малой Азии.

Приблизительно в это время оформилось родственное павликианству в социальном отношении и почти тождественное в своих взглядах на церковную иерархию движение тондракитов. Это народное движение в Армении придало в свою очередь силу и византийскому павликианству, поскольку в рядах павликиан было много лиц армянского происхождения [38].

Смерть императора Феофила 20 января 842 г. ускорила падение политического преобладания фемной знати, которое уже стало фактом после разгрома фемы Анатолик арабами. Императором был провозглашен малолетний сын Феофила Михаил III, а вся власть оказалась в руках клики городской сановной знати с императрицей Феодорой во главе. Родственники Феодоры быстро слились с константинопольской знатью. Фактическим правителем стал константинопольский вельможа — логофет дрома Феоктист.

Сразу же был поставлен вопрос об иконоборчестве. Иоанн Грамматик, образованный патриарх-иконоборец, стал подвергаться гонениям. Был собран собор, на котором 4 марта 843 г. Иоанн Грамматик был низложен, а на патриарший престол возведен Мефодий, политиканствующий иконопочитатель. 11 марта 843 г. собор торжественно восстановил иконопочитание [39]. В знак победы иконопочитания на монетах и печатях после 843 г. вновь появляется изображение Христа [40].

Восстановление иконопочитания в православной церкви рассматривается как событие исключительной важности: это не только победа над иконоборцами, но и окончательное упрочение, консолидация единства церкви, победа над всеми отклонениями от канона. Учрежден был обряд анафематствования всех ересей (на первой неделе великого поста, в «неделю православия»). Во время этого праздника император вместе с патриархом торжественно вступал в храм св. Софии, как бы символизируя единство государства и церкви.

Хотя победа над иконоборчеством была полной, полемика против иконоборцев не прекращалась. В появившихся после 843 г. псалтирях (среди них особенно известна хранящаяся в Москве так называемая Хлудовская псалтирь) помещены острые карикатуры на иконоборцев (см. ниже, стр. 100). Богатейшая агиографическая лите-

ратура сохраняла полемический задор — императоры-иконоборцы изображались наподобие языческих государей III в. Очевидно, в массах еще не полностью были преодолены враждебные иконам настроения.

Внутри церкви продолжались трения. Собор 843 г. ни в коей мере не удовлетворил воинствующую часть монашества, которая добивалась автономии от централизованной церкви. Именно стремлению собора 843 г. создать сильную власть патриарха сопротивлялось монашество, отстаивая своего рода демократизацию церковного управления в Византии — поскольку патриарх фактически являлся не кем иным, как чиновником особого государственного ведомства — церкви.

Победа иконопочитания не вызвала большого сопротивления. С одной стороны, опора иконоборчества — фемная знать Анатолика — была разгромлена, с другой — общая опасность перед разрастающимся народным движением павликиан заставила провинциальную аристократию искать союза с городской сановной знатью. К тому же иконоборчество оказалось неудобной формой идеологии, поскольку оно само было генетически связано с малоазийскими ересями.

После смерти Феофила предпринимаются невиданные по своему размаху карательные акции против павликиан. Господствующий класс решил окончательно подавить ту идеологию, которая придавала силу сопротивлению народных масс. В Малую Азию были посланы три сановника с самыми обширными полномочиями: Аргир, Дука и Судал. Они стремились физически истребить еретиков. Одних павликиан распинали на кресте, других — обезглавливали, третьих — топили. Разумеется, карательные мероприятия сопровождались конфискацией имущества. Всего было казнено 100 тыс. человек. Подобные расправы ускоряли обезземеление крестьянства и переход крестьянской земли в руки феодализирующейся знати. Страшные преследования еще более обострили обстановку, и Малая Азия сделалась ареной новой гражданской войны.

Глава

6

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНЦЕ VII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX В.

Широко распространено мнение об эпохе иконоборчества как о «темном» периоде византийской истории, как о времени упадка византийской культуры. Однако в исследованиях последних лет все чаще подчеркивается, что наука и просвещение в VIII—IX вв. находились на довольно высоком уровне [1].

Разумеется, политическая обстановка к началу VIII в. не благоприятствовала культурному расцвету: тяжелые войны потребовали длительного напряжения сил, многие культурные центры были потеряны, на территории империи расселились варварские племена, которым нужно было время, чтобы приобщиться к многовековой эллинской цивилизации. Многие из старых полисов — центров античной культуры — аграризировались, и культурная жизнь все более сосредоточивалась в столице.

Но было бы односторонним сводить перемены в культурной жизни Византии только к стагнации, к умиранию старых традиций: варваризация сопровождалась вызреванием новых принципов мировоззрения и новых эстетических идеалов.

Предшествующий период был своего рода переходным временем: христианское мировоззрение еще не вытеснило античные традиции, античный идеал гармоничного сочетания духовного и физического. Сама церковная проповедь руководствовалась принципами античной риторики. К концу VII в. переходный период закончился: новые художественные приемы, новые жанры становятся господствующими и достигают классической завершенности. Так, в литературе этого времени господствует хроника, житие и литургическая поэзия.

Литература, изобразительное искусство, наука развиваются в рамках, предоставленных им христианским мировоззрением: священное писание и произведения отцов церкви определяют движение мысли. В каждой ситуации византийские писатели и художники готовы увидеть параллель к тому или иному эпизоду Библии, постоянно сопоставляют своих героев с библейскими, а цитаты из Библии или отцов церкви кажутся теперь лучшим выражением собственных суждений.

Литература и искусство приобретают откровенно дидактический характер: задачей творчества становится не образное отражение и познание мира, а пропаганда априорных, до познания реальности усвоенных идей. Творчество предназначено не осмыслять и объяснять, но «спасать», наставлять читателя (или, скорее, слушателя) и зрителя на правый путь, обличать порок.

Идеал гармонически цельной личности исчез: духовное совершенство заслонило физическую красоту. Военные доблести, острота ума, тонкость черт и быстрота ног — все это сошло на нет перед монашеским идеалом смирения, терпения, целомудрия, благочестия. Прославляя аскетизм, византийская литература и искусство объявили терпение подвигом.

Постепенно сужаясь, создается ограниченный набор художественных образов, присущих данному жанру. Герой жития рождается, растет, учится и совершает свои подвиги в соответствии с установившимся житийным каноном [2]. Император-иконоборец наделяется определенной суммой качеств: свирепостью, сребролюбием, гневливостью, тогда как благородный мученик стойко выдерживает злобу врага, будь то иноплеменник и иноверец или тиран.

Повышенный интерес к духовному, к сущности событий влечет за собой пренебрежение деталями: спиритуализация живописи и рассудочность литературы раннего средневековья определяются одинаковыми причинами. Художника и писателя равно волнует не многообразие преходящей действительности, а приближение к «истине», к абсолюту, к божеству.

Но средневековое мышление при всей своей устремленности к абстракции, к высшей идее, к богу не покидает почвы материального, и абстрактные идеи приобретают материальные формы. Религиозный культ мыслим лишь через посредство чувственных предметов и конкретных действий; человек средневековья нуждается в храмах, в символике, в иконах; он обращается к святому с большей надеждой, если может прикоснуться к костям этого мученика. Средневековая вера порождает яркие видения: верующему словно наяву чудятся богородица, св. Андрей, отгоняющий варваров, ужасные образы ада.

Христианская пропаганда демократична по своему адресу. Она всегда обращается к массам, и общая варваризация эпохи не могла не сказаться на культуре. Вместе с тем она не может оторваться от земных интересов маленького человека: сочувствие страдальцу становится постоянной темой искусства. Страдание поэтизируется — в центре христианского мировоззрения стоит образ страдающего бога.

Таковы некоторые из противоречивых черт византийской культуры раннего средневековья.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Развитию науки и образованности в иконоборческий период никак не могли способствовать ни тяжелое внешнее положение империи, ни ожесточенная длительная борьба между иконоборцами и иконопочитателями. И иконоборцы, и иконопочитатели в пылу столкновений не стеснялись в средствах и причинили немало вреда просвещению, знанию, книжным богатствам. Так, Феофан сообщает о разорении иконоборцами монастырских библиотек [3]. Об иконоборцах как врагах просвещения писал и современник событий — лангобардский историк Павел Диакон [4].

Среди монахов-иконопочитателей невежество не считалось большим пороком, так как для монаха и христианина следовать церковным заповедям было важнее, нежели уметь читать [5]. Наставник Иоанна Дамаскина, суровый простой монах, говорит Иоанну: «И не возносись знанием, которое ты приобрел; знание монашеское и подвижническое не ниже его (т. е. мирского знания), но гораздо выше его по своему положению и мудрости... О мирских науках, которые ты изучил, не говори и не вспоминай вовсе» [6]. VII вселенский собор, собор победивших иконопочитателей, предъявлял весьма скромные требования к образованности кандидатов на епископские кафедры: от них обязательно требовалось только хорошее знание псалтири, а осведомленность в евангелиях и прочих библейских книгах признавалась только желательной. Следовательно, общий уровень образования духовенства не был высоким [7].

Чем вызывался упадок византийской образованности? По мнению Е. Э. Липшиц [8], его «вернее было бы отнести за счет гонений на светские науки, начавшихся с VI в.», т. е. за счет активной борьбы церкви с языческим наследием, за счет стремления церкви подчинить своему влиянию всю культуру, всю духовную жизнь греческого народа. Возможно, этот период следует считать временем не столько упадка византийской культуры, сколько ее перестройки. В самом деле, в византийской культуре IV—VII вв. сохранялось многое от античной и эллинистической Греции; напротив, в IX в. средневековая наука, средневековая система образования, средневековая литература сохраняют наследие древности лишь в той мере и в тех формах, в каких это соответствовало потребностям и уровню развития средневекового общества. Е. Э. Липшиц высказывает мнение, что «об упадке науки можно говорить лишь в том смысле, что исчез старый научный центр в столице и не было создано на место его нового — до времен Феофила. Частное же преподавание и изучение философии и других наук, по всей вероятности, продолжались» [9].

Хотя прямых свидетельств об организации начальной и высшей школ в VII—IX вв. не сохранилось, в источниках можно найти данные и о начальном обучении детей, и о том, какого рода знаниями надлежало овладеть высокообразованному византийцу [10].

Как и раньше, начальное обучение дети проходили у частных учителей, в частных школах или в школах при монастырях. Так, св. Евдоким, современник императора Феофила, родившийся в Каппадокии, учился в школе, где его ленивые товарищи подвергались

за нерадение наказаниям. В этой школе учились не только маленькие дети, но также подростки или юноши: в свободное от занятий время товарищи Евдокима забавлялись охотой и верховой ездой [11]. Начальное обучение проходили нередко и девочки.

Есть основания предполагать, что иконоборцы пытались подчинить своему влиянию и школу. Феодор Студит, описывая в одном из своих писем [12] гонения на иконопочитание, жалуется, что детей воспитывают в неблагочестивых догматах, в неправой вере, так как их учат по «книгам, данным учителем». Вероятно, это были книги, составленные в духе иконоборчества.

Круг наук, составлявших высшее образование, сохранялся в общем тот же, что и на всем протяжении византийской истории. Иоанн Дамаскин дает следующий обзор наук, входящих в общее понятие «философии».

«Философия разделяется на теоретическую и практическую. Теоретическая в свою очередь разделяется на богословие, физиологию и математику, а практическая — на этику, экономику и политику. Теоретической философии свойственно украшать знание. При этом богословие рассматривает бестелесное и невещественное: прежде всего бога, поистине невещественного, а затем ангелов и души. Физиология есть познание материального и непосредственно нам доступного, например животных, растений, камней и т. п. Математика есть познание того, что само по себе бестелесно, но созерцается в теле, т. е. чисел и гармонии звуков, а кроме того, фигур и движения светил. При этом рассмотрение чисел составляет арифметику; рассмотрение звуков — музыку, рассмотрение фигур — геометрию, наконец, рассмотрение светил — астрономию. Все это занимает среднее место между телами и бестелесными вещами... Практическая философия занимается добродетелями, ибо она упорядочивает нравы и учит, как следует устроить свою жизнь. При этом, если она предлагает законы одному человеку, она называется этикой; ...если же городам и странам — политикой» [13].

Жития, один из наиболее важных источников для истории образования, отмечают как высокое достоинство знакомство святых с науками цикла «тривиум» и «квадривиум». Георгий Амастридский (ум. в начале IX в.) прошел все «энциклическое образование» — духовное и светское, причем его биограф подчеркивает, что духовным образованием Георгий овладел полностью, а из светских знаний извлек только полезное [14].

Арабские вторжения привели к тому, что перестали существовать высшие школы в Антиохии, Бейруте и других восточных городах, потерянных в VII в. Византией. Обстановка на Балканском полуострове также не благоприятствовала научной и учебной деятельности: Афины, которые еще в первой половине VII в. привлекали жадных до наук юношей из далекой Армении, затем перестают быть научным центром; в Фессалонике в первой половине IX в. невозможно было найти учителя, способного сообщить что-либо, кроме элементарных сведений.

Высшее образование сосредоточивается в Константинополе. Правда, Лев III закрыл оппозиционное иконоборчеству высшее

училище [15]. Но ни он, ни его преемники в острой идеологической борьбе не могли обходиться без квалифицированных полемистов, знатоков священного писания и патристики. По-видимому, и при иконоборцах какая-то высшая школа действовала в Константинополе [16].

Оппозицию централизаторской тенденции в образовании составляли монастыри. Их роль была двойственной, противоречивой: с одной стороны, они были враждебны всему «языческому» и с узостью фанатиков насаждали рабски догматизированное мышление, с другой — они сохраняли старые книги и энергично распространяли иконопочитательские сочинения среди широких масс. Особенно важная роль в распространении монашеской идеологии (и соответственно — письменности) принадлежала Студийскому монастырю в Константинополе.

Разумеется, богословие стало в эту пору наукой наук. Крупнейшим богословом иконоборческой поры был Иоанн Дамаскин.

Иоанн родился во второй половине VIII в. в богатой христианской семье в Дамаске. Он учился в доме отца вместе со своим «духовным братом» Косьмой (позднее — епископом маюмским) у какого-то пленного калабрийского монаха. Если верить «Житию Иоанна Дамаскина», оба юноши приобрели основательные познания в грамматике, диалектике, этике, астрономии. Агиограф даже утверждает, что в знании арифметики они уподоблялись Пифагору и Диофанту (александрийскому математику III в. н. э.), а познания в геометрии позволяли их считать Евклидами [17]. Впрочем, трудно думать, что Иоанн Дамаскин действительно впитал всю сумму знаний, завещанных античностью: люди средневековья умели брать из прошлого то, что было им нужно и полезно; недаром наставник Дамаскина, говоря о Пифагоре Самосском, указывал Иоанну в первую очередь на «аскетические элементы» в его учении — на предписанное Пифагором молчание.

Возможно, что Иоанн был преемником своего отца, занимавшего важный пост в финансовом ведомстве халифа; благорасположение арабских властей он сумел сохранить позднее, когда стал монахом монастыря св. Саввы и неофициальным советником иерусалимского патриарха. Умер он около 753 г. [18]

Перед Иоанном Дамаскином стояли две основные задачи: полемическая и догматическая. Он полемизировал с иконоборцами, опровергал ереси несториан и манихеев. Вся вторая часть его основного сочинения, называющегося «Источник знания», посвящена описанию и критике старых и новых еретических учений, а также полемике с исламом.

Вместе с тем Дамаскин попытался систематизировать богословскую науку, разработать полное догматическое учение о боге, о сотворении мира, о человеке. Получилась грандиозная система, объемлющая всю христианскую науку и послужившая в дальнейшем образцом для западноевропейской схоластики. Правда, Иоанн не принадлежал к творческим умам и твердо придерживался провозглашенного им принципа: «Не люблю ничего моего». Не разум, а авторитет отцов церкви (особенно Григория Богослова) кажется

ему надежным руководителем. К тому же из святоотеческой традиции он осторожно выбирает лишь то, что санкционировано соборами и не несет на себе ни малейшего отпечатка свободомыслия: так, одного из наиболее самостоятельных мыслителей в истории христианства, Оригена, он вспоминает только как объект для критики.

Дамаскин понимал значение античной философии для выработки богословской системы: в «Источнике знания» он излагал физику и логику по Аристотелю и его комментаторам, утверждая, в частности, что логика — такое же оружие богословия, как мысль — оружие философии.

Иоанн Дамаскин создал богословскую школу в халифате. Одним из его учеников был Феодор Абу-Курра, епископ Харрана; к Дамаскину примыкал и Иоанн Иерусалимский. Полемика с иконоборцами обеспечивала христианским богословам покровительство халифата — после разгрома иконоборчества значение этой школы сходит на нет.

Константинопольские богословы в обстановке обостренной религиозной борьбы ограничивались практическими задачами — полемикой и дисциплинарными вопросами — и не пытались создать такой же обобщающий труд, как «Источник знания». Впрочем, и среди них было немало образованных людей: патриархи Тарасий, Никифор, Иоанн Грамматик, диакон Игнатий, славившийся знанием Гомера, Еврипида и Платона. Игнатий учился у Тарасия и лекции своего учителя отдавал в переписку лучшим писцам [19]. Одно время с Игнатием был близок Иоанн Грамматик, иконоборческий политический деятель (см. выше, стр. 78), известный своей ученостью. Само прозвище Иоанна — «Грамматик» подчеркивает это. Его называли также Леканомантом («предсказателем»), так как он производил какие-то опыты, дававшие современникам повод считать, что он занимается черной магией.

Богословское влияние испытали в ту пору и другие науки, прежде всего история. Оба важнейших исторических сочинения того времени — Феофана и Никифора (см. выше, стр. 9—10) пронизаны монашеской идеологией и полны легенд, часто невероятных. Изложение событий ведется по годам; описание чудесных явлений подчас оттесняет описание человеческой деятельности, ибо в чудесных явлениях авторы видят отчетливое выражение божественной воли.

Широко распространяются в эту пору краткие хроники, излагающие в самых общих чертах историю от Адама и библейских патриархов. Они были рассчитаны на малообразованного читателя, знакомя его с библейскими преданиями и с поучительными эпизодами всемирной истории.

О естественных науках того времени мы знаем очень мало. Во второй половине VII в. византийская алхимия создала греческий огонь [20], но после этого мы ничего не слышим о ее успехах. Возможно, что в VIII—IX вв. был составлен свод алхимических сочинений более ранних авторов, известный по рукописям X столетия [21].

По-видимому, несколько замирает разработка медицинских проблем [22], но какие-то медицинские школы продолжали существовать, и известно, что грек-врач принимал участие в основании Салернской медицинской школы [23]. В правление Феофила некий врач Лев,

получивший прозвище врача-мудреца, написал компилятивный «Обзор медицины». Его современнику, монаху Мелетию, принадлежало сочинение (ныне утерянное) о строении человеческого тела [24].

Крупнейшим ученым, стоящим уже на грани следующего периода, был Лев, получивший прозвище, «Математика» [25]. Он родился в начале IX в. и дожил до 869 г. Свое образование Лев завершил на острове Андросе, где изучал риторику, философию и математику под руководством какого-то учителя, чье имя нам неизвестно [26]. Можно только строить догадки, почему Лев оставил Константинополь и отправился на остров, который в IX в. был полузаброшенным обиталищем монахов и беглых стратиотов.

Слава Льва была так велика, что халиф собирался пригласить его к себе. В 840 г. Лев был поставлен фессалоникским архиепископом, но низложен сразу же после смерти Феофила.

С именем Льва связаны два изобретения: система световой сигнализации, с помощью которой сообщалось во дворец о событиях, происходивших в халифате, а также приводимые в движение водой статуи (рычащие львы, поющие птицы), которые украшали приемную залу Большого дворца (см. о них выше, стр. 28, прим. 33). Огромное значение имело применение Львом букв как арифметических символов [27] — таким образом, он по существу заложил основы алгебры.

Лев был широко образованным человеком. Его библиотека содержала книги Птолемея, Архимеда, Евклида, философов Платона, Порфирия, Прокла и многих других. Он составил медицинскую энциклопедию, включавшую выписки из старых книг [28]. Наконец, он писал стихи.

Светские интересы и обширные познания Льва Математика раздражали фанатичных монахов, и они объявили его тайным язычником, что, по-видимому, не соответствовало действительности.

Важным фактом в истории византийской культуры начала IX в. является возникновение минускула, нового типа книжного письма на пергамене, сменившего древнее книжное письмо — унциал [29].

Возникновение минускула было подготовлено развитием письма в литературных папирусах предыдущих веков. Немало способствовало появлению минускула и завоевание Египта арабами в середине VII в., в результате чего в Византию перестал поступать древний писчий материал — папирус. Это обстоятельство, несомненно, усилило нехватку писчего материала и повысило его цену. Унциал — письмо, как правило, крупное, в котором буквы стоят раздельно, — был не экономичен, и потому начались попытки применения курсива для написания книг; византийский минускул представляет собой именно регуляризованный курсив. Процесс становления минускула, с одной стороны, скрыт от современных исследователей отсутствием памятников, а с другой — еще недостаточно прослежен по папирусам литературного содержания. Однако известно, что выработка нового типа книжного письма, как правило, более мелкого, связанного и широко применяющего лигатуры (т. е. более экономичного по сравнению с крупным унциалом) была заслугой монахов Студийского монастыря. В типике этого монастыря, составленном

Феодором Студитом, одним из образованнейших людей своего времени, среди прочих наставлений указаны правила поведения писца и правила для книгохранителя (т. е. библиотекаря), которому вменялось в обязанность содержать книги в порядке.

Древнейший датированный образец минускульного письма — евангелие 835 г., переписанное одним из ближайших учеников Феодора Студита — Николаем Исповедником.

Изменяется и оформление книги. В VIII—IX вв. были выработаны приемы убранства рукописи с помощью заставок, инициалов, миниатюр, приемы распределения материала на листе путем выделения полей, разлиновки листов, различных помет, помогающих читателю ориентироваться в тексте. В это же время была разработана и так называемая иерархия шрифтов для выделения частей текста: заголовки стали писать шрифтом, отличным от шрифта текста. Заголовки в рукописях обычно писали вязью, а примечания — так называемые схолии — более мелким письмом, чем основной текст, с применением множества сокращений; в минускульных кодексах схолии нередко писали беглым мелким унциалом.

Если ранее книга производилась в скрипториях, где под диктовку писцы (нередко рабы) писали сразу несколько экземпляров, то в VIII—IX вв. возникают многочисленные скриптории при монастырях, где тексты, как правило, переписывали не под диктовку, а держа копируемый текст перед собой и читая его про себя. В Византии, однако, в отличие от Западной Европы, существовали не только монастырские скриптории, но также и светские. Светские скриптории, видимо, были сосредоточены в столице империи, куда с начала IX в. стекаются книги со всей империи [30].

ЛИТЕРАТУРА

Пожалуй, ни в одной области византийской культуры различие между IV—VI столетиями и иконоборческой эпохой не было столь заметным, как в сфере литературы. IV—VI века жили еще античными традициями — с VII столетия все отчетливее проступает вульгаризация литературы. Классические традиции теряют смысл; ощущение преемственности культуры, восходящей к античным временам, перестает быть актуальным. Рафинированная имитация древних образцов находит все меньше читателей. При этом в условиях специфической духовной ситуации раннего средневековья вульгаризация литературы неизбежно должна была вылиться в ее сакрализацию: удельный вес жанров, связанных с жизнью и запросами церкви и монастыря, сильно возрастает. Житие и литургическая поэзия, оттесненные в VI в. на периферию литературного процесса, оказываются теперь в его центре.

На пороге иконоборческой эпохи стоит Андрей Критский (ок. 660 — ок. 726). Ему принадлежит покаянный «Великий канон», вошедший в поговорку из-за своего объема (250 строф!). Канон — более усложненный вид литургической поэмы по сравнению с кондаком: так, он предполагает наряду со строфами еще и более высо-

кие единицы членения текста («ихи» и «песни»). Андрей заметно подражает Роману Сладкопевцу, но заменяет простоту своего образца тяжеловесной пышностью. Отдельные захватывающие места тонут в иератическом многословии: по выражению одного исследователя, здесь «тема раскручивается, как бесконечная спираль».

По понятным причинам литературная продукция иконоборцев почти полностью утрачена. Но их теологический рационализм наложил явственную печать на творчество их оппонентов; последние логикой борьбы принуждены были культивировать рационалистические методы. В обстановке яростных споров предельно оттачивались навыки рассудочного и схематичного мышления.

Крупнейшим полемистом православной партии был Иоанн Дамаскин. Роль Иоанна Дамаскина в истории философии велика; истории литературы он принадлежит как гимнограф. Но Дамаскин и в своей поэзии остается ученым: рассудочный характер его творчества проявился, в частности, в том, что он снова реставрирует в литургической лирике отброшенную еще Романом Сладкопевцем классическую просодию. До необычайной усложненности доводит Дамаскин архитектонику канона, дополняя ее хитроумнейшими акростихами и превращая в какую-то кристаллическую структуру, воздействующую на воображение своей продуманностью и замкнутостью. Схоластический пафос рассудочной стройности торжествует у него над эмоциональной теплотой Романа или Андрея Критского. Лишь иногда (преимущественно в тех гимнах, которые отступают от классической просодии) у Дамаскина прорываются более простые и выразительные мотивы. Это относится, например, к его знаменитому заупокойному гимну, который известен русскому читателю по древнему славянскому переводу («Кая сладость житейская, все привременных пристрастие...») и по довольно точному рифмованному переложению А. К. Толстого («Какая сладость в жизни сей земной печали не подвластна?...»)[31].

Утонченные песнопения Дамаскина и его сотоварищей (Иосифа Студита, Иосифа Сикелиота, Косьмы Дамаскина и др.) вытеснили из обихода гимны Романа Сладкопевца, казавшиеся теперь слишком примитивными. Когда в XIV в. историк Никифор Ксанфопул составил стихотворный перечень классиков литургического жанра (всего из 11 имен), Роману в нем вообще не нашлось места.

На рубеже VIII—IX вв. жили Феофан и Никифор — виднейшие историки тех лет (см. о них выше, стр. 9—10). К началу IX в. относится и подъем агиографии.

Любимый герой житийной литературы IX в. — мученик эпохи иконоборчества. Типичнейший среди них — Стефан Новый, житие которого было написано диаконом церкви св. Софии Стефаном 42 года спустя после смерти святого[32]. Конечно, подробности жизни Стефана Нового были уже забыты, но автор смело творит их, сплетая сочиненные им речи императора с благочестивыми чудесами: богородица во сне явилась матери Стефана Нового и предсказала рождение ребенка; святой исцелил слепого и заранее знал будущее; после его казни поднялась буря и обрушилась на зеленеющие пашни вокруг Константинополя.

Стефан Новый живет не для себя, но для бога: земные блага и собственная плоть его не интересуют — он переносит оскорбления, побои, темницу, но ничто не сбивает его с прямого пути; сомнения ему неведомы, и без колебаний отдает он жизнь за идею, за иконопочитание. Смерть Стефана описана с мельчайшими подробностями, со сладострастным любованием муками: толпа тащила его по улице, била палками по голове, пока не забила до смерти; издевались и над бездыханным трупом: отрезали пальцы, рассекли живот, из горящего костра вытащили обгорелое полено и раздробили череп, так что мозг вытек на мостовую.

Иной характер носит «Житие Филарета Милостивого», написанное в начале IX в. монахом Никитой. В нем нет той ненависти к иконоборцам, которая пронизывает каждую страницу «Жития Стефана». Сельский быт описан в житии с массой подробностей, а в основу рассказа положен почти фольклорный рассказ о Золушке, которую находит принц. И все же Филарет по природе своей родствен Стефану Новому — такой же простодушный и щедрый, безропотно переносит он выпавшие ему беды и испытания, последним делится с приходящими к нему бедняками; его жизненный путь прост и ясен, сомнения и раздвоенность чужды ему [33].

Одним из своеобразнейших писателей на рубеже VIII—IX вв. был Феодор Студит. Он родился в 759 г. в семье приверженцев иконопочитания, которая приняла монашество, превратив свое вифинское имение Саккудион в монастырь. Феодор провел всю жизнь в борьбе с иконоборцами, был проповедником аскетизма и организатором монастырской жизни [34]. В 798 г. опасность заставила его покинуть Саккудион; он перебрался в столицу, в полузаброшенный Студийский монастырек, который за несколько лет превратил в цветущую обитель и в крепость ортодоксии. Не только иконоборцы, но и умеренный патриарх Никифор подвергался нападкам студийских монахов.

Феодор сумел навлечь ненависть трех императоров, трижды он отправлялся в ссылку и умер в 826 г., так и не вернувшись в столицу. Он оставил свыше 500 писем, где наставляет, поучает, утешает; догматические трактаты; руководства для монахов; речи и проповеди. Среди этого колоссального наследия простотой и непосредственностью выделяются ямбические стихотворения, посвященные монастырской жизни. Монашество было идеалом Феодора, промежуточной ступенью между землей и небом, и этот непреклонный обличитель компромиссов со светской властью старался опоэтизировать каждую черточку монашеского быта.

Вот его стихи к монастырскому повару:

О чадо, как не удостоить повара
Венца за прилежанье целодневное?
Смиренный труд — а слава в нем небесная,
Грязна рука у повара — душа чиста,
Огонь ли жжет — геенны огнь не будет жечь.
Спеши на кухню, бодрый и послушливый,
Чуть свет огонь раздуешь, перемоешь все,

Накормишь братью, а послужишь господу.
Да не забудь приправить труд молитвою,
И воссияешь славою Иакова,
В усердье и смиренье провожая жизнь [35].

Таким образом, герой Феодора — тот же, что и герой агиографии: смиренный человек, труженик, с грязными руками, но чистой душой.

Интересное историко-культурное явление эпохи — творчество поэтессы Касии (род. ок. 810 г.) [36]. О ее жизни сохранился рассказ в стиле восточной новеллистики: около 830 г. мать императора Феофила устроила для сына смотр знатнейших и красивейших девиц империи, и в число претенденток была включена Касия; именно она особенно понравилась Феофилу, и он уже подошел к ней с яблоком, предназначенным избраннице. Однако слишком свободная речь образованной Касии отпугнула царственного жениха, и ей пришлось идти в монастырь и искать утешения в насмешках над человеческой глупостью. Действительно, эпиграммы против «глупцов» и «невежд» занимают необычайно большое место в литературном наследии этой ученой женщины.

Когда невежда умствует — о боже мой,
Куда глядеть? Куда бежать? Как вынести?

В одной из эпиграмм против глупцов содержится явный намек на злосчастные смотрины:

Ужасно выносить глупца суждения,
До крайности ужасно, коль в почете он;
Но если он юнец из дома царского,
Вот это уж доподлинно «увы и ах!»

Излюбленной формой Касии была одностишная ямбическая сентенция; иногда она развертывается в двустишие или целую эпиграмму. Ряд сентенций начинается одним и тем словом (например «μισῶ» — «мне мерзостен»).

Мне мерзостен глупец, что суемудрствует.
Мне мерзостен, кто всем готов поддакивать.
Мне мерзостен невежда, как Иуда сам.
Мне мерзостен в речах нецеломудренный.
Мне мерзостен доносчик на своих друзей.
Мне мерзостен речистый не ко времени.

Две сентенции в достаточно озорном для византийской монахини тоне трактуют о женщинах и женской красоте. Пикантность одной из них оттеняется ссылкой на авторитет библейского апокрифа:

Во всем победу женский род снискал себе:
Так учит Ездра, подтверждает — истина,

другой же — постной интонацией первого стиха:

Хоть женщина красивая — конечно, зло,
А все же в красоте немало радости;
Но если и пригожесть у нее отнять,—
Двойное зло: и радоваться не на что! [37]

Кроме ямбов, Касии принадлежат литургические песнопения, к которым она сама писала музыку. Среди последних интересен рождественский гимн, где проводится развернутая аналогия между утверждением в римском мире единодержавия Августа и установлением на земле веры в единого бога — Христа.

Многие сочинения Касии банальны и повторяют избитые истины христианской морали: она прославляет монашество, осуждает скупость, погоню за богатством, восхваляет терпение и трудолюбие. Ее идеал приближается к традиционным образам агиографии, хотя он до некоторой степени субъективно окрашен: несправедливость личной судьбы, трагическое столкновение с глупостью самодержца вдохновили Касию на настойчивое осуждение глупости и невежества вообще.

Дитя иконоборческой эпохи, Касия, хотя и гордится своей светской образованностью, чуждается классических реминисценций и игнорирует классическую просодию.

К этому же времени относится творчество диакона Игнатия (см. выше, стр. 85). Его поэма «На грехопадение Адама» примечательна своей драматической (точнее, диалогической) формой. Она состоит из 143 тримеров, причем на каждую реплику бога, Адама, Евы и змия отведено ровно по три стиха: лишь заключительная реплика бога нарушает эту квоту. Такой же жесткий формальный распорядок царит и в Игнатиевых переложениях басен Эзопа, где сюжет каждой басни втиснут в четверостишие.

Памятники народного творчества, к сожалению, не сохранились— за исключением случайных песенок, включенных в текст хроник. Эти песенки подчас высмеивали пьянство и разврат императоров-иконоборцев.

ИСКУССТВО

До нашего времени дошло очень мало памятников византийского изобразительного искусства VIII—IX вв. Иконоборческие споры привели к массовому уничтожению памятников, среди которых значительное место занимали произведения, связанные с религиозными сюжетами. Иконоборцы, отстаивавшие догму о невозможности воплощения божества в иконе (см. выше, стр. 55), считали недопустимым сохранение в церквах изображений Христа, богоматери и святых. Они считали природу Христа неописуемой.

После торжества иконопочитателей памятники живописи вновь реставрировались в старом духе. Однако многое было утрачено безвозвратно. В настоящее время мы можем судить о развитии искус-

ЦЕРКОВЬ СВ. СОФИИ В ФЕССАЛОНИКЕ *VIIIв. Внешний вид*

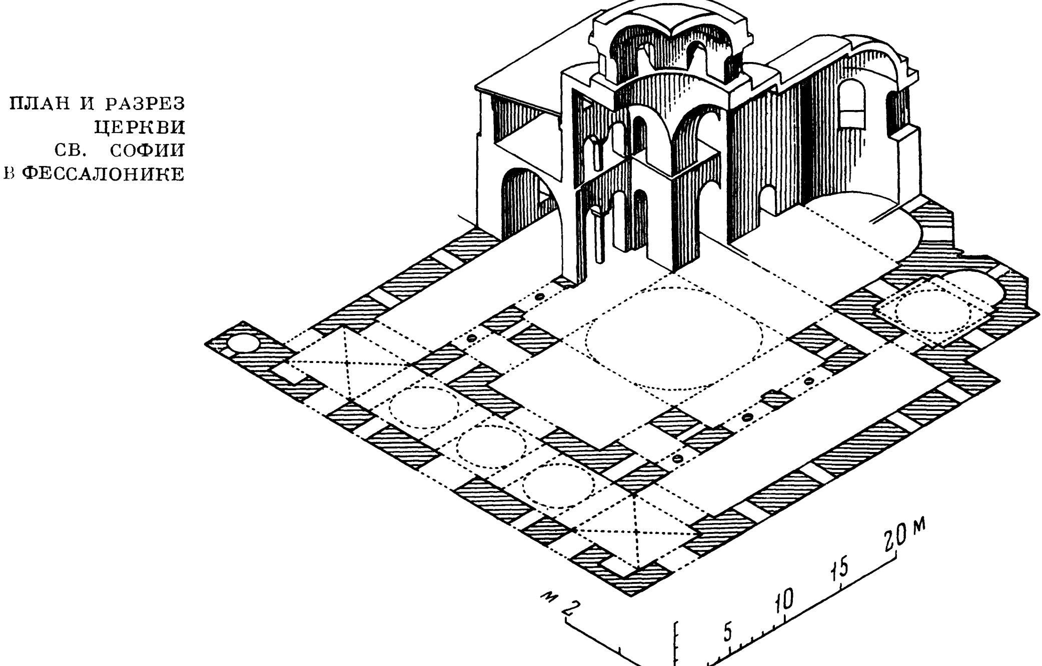
ства этого периода истории Византии лишь по случайно уцелевшим памятникам и по косвенным свидетельствам письменных источников.

Постоянные военные столкновения между Византией и халифатом в Малой Азии, войны с Болгарией на Балканах сказались губительным образом и на сохранности сооружений византийских зодчих. Из известных нам по письменным источникам памятников архитектуры лишь очень немногие дошли до нашего времени, да и то в большинстве случаев в сильно перестроенном и переделанном виде. Многочисленные перестройки, которым они подвергались частью уже в византийские времена, частью позднее — после турецкого завоевания, исказили первоначальный замысел строителей подчас до полной неузнаваемости. Лишь глубокое и тонкое обследование всех структурных частей зданий позволило современным ученым выяснить их первоначальный план и определить время их возникновения, хотя бы приблизительно.

Совокупность имеющихся данных приводит к выводу, что развитие архитектуры продолжалось в VIII—IX вв. в направлениях, которые были намечены уже с конца V в. Поиски форм купольной базилики, начавшиеся в V в. и увенчавшиеся в VI в. успешным построением грандиозного здания Софии Константинопольской, продолжа-

лись и позднее. Вслед за церковью Хоры в Константинополе (позднее превращенной в мечеть Кахриэ-Джами) и сходной с ней по плану церковью Успения в монастыре Иакинфа в Никее, датируемыми обычно VI—VII вв., мы встречаемся опять с купольной базиликой в храме Софии в Фессалонике в 30-х годах VIII в. Церковь Софии в Фессалонике, подобно названным храмам, представляет собой трехнефную базилику. Здание в плане приближается по своим формам к квадрату, напоминая в этом отношении пропорции памятников архитектуры Константинополя. В архитектуре храма слегка уже намечены черты крестовокупольной конструкции. Четыре узких полуцилиндрических свода, сдерживающих распор купола, расположены вокруг центральной части храма таким образом, что образуют фигуру креста. Боковые нефы внизу перекрыты цилиндрическими сводами; вверху, во втором этаже, они имеют деревянные перекрытия.

Несмотря на явные черты сходства Софии Фессалоникской с Софией Константинопольской, сказывающиеся в общей композиции купольной базилики, между этими двумя памятниками заметны и существенные различия. София Фессалоникская гораздо более статична, тяжеловесна и материальна по своим формам. В ней, хотя и непоследовательно и незаконченно, все же ощущается мысль архитектора соединить купольную базилику с крестовым планом. Тем самым в ней намечены пути дальнейших исканий, которые найдут



ПЛАН И РАЗРЕЗ ЦЕРКВИ СВ. СОФИИ В ФЕССАЛОНИКЕ

впоследствии более последовательные решения. «Благодаря тому, что в трехнефную базилику вставлен купол и подпирающие его с четырех сторон полуцилиндры вместе с поддерживающими их столбами, боковые нефы оказались раздвинутыми так далеко друг от друга, что они уже не соответствуют боковым апсидам, совершенно отрезанным стенками от нефов, и расположены только отчасти против боковых нефов, а отчасти и против среднего» [38].

Бóльшая массивность перегородок внутри здания, бóльшая разъединенность отдельных его частей друг от друга, бóльшая расчлененность его свидетельствует о поступательном движении архитектурной мысли в направлении, которое найдет впоследствии свое завершение в создании крестовокупольного храма средневизантийского периода.

К числу памятников IX в., также относящихся к разряду купольных базилик с намеченным уже крестовокупольным планом, вероятно, можно отнести здание, носящее турецкое название,— мечеть Ходжа Мустафа в Константинополе. Его первоначальное византийское название в точности неизвестно. Может быть, его следует отождествлять с церковью Петра и Марка, которая, по имеющимся сведениям, была расположена вблизи Золотого Рога. Здание представляет собой в настоящее время трехнефную базилику с куполом, возвышающимся над центральной частью. Купол и сводчатые перекрытия переложены в турецкий период. Первоначально храм был, по мнению Н. И. Брунова, пятинефным и крестовокупольным [39].

Некоторые образцы переходных форм от купольной базилики к крестовокупольному храму наблюдаются в зданиях, сохранившихся на далекой периферии, за пределами собственно Византийской империи. К числу таких памятников, стилистически связанных с византийским зодчеством, некоторые ученые относят церковь Иоанна Предтечи в Керчи, датируемую концом VIII в. Характеризуя это здание, Н. И. Брунов отметил, что оно представляет собой тот вариант плана крестовокупольного храма, который встречается на почве Константинополя. Подпоры в главной части здания поставлены свободно [40].

Постепенно, в течение VIII и IX вв., в византийском церковном зодчестве получили развитие те элементы планировки и конструкции зданий, которые открывали новые возможности развития архитектуры. Эти новые формы были вызваны к жизни не только творческими исканиями византийских архитекторов, но и тем, что они больше, чем прежние, соответствовали изменившимся условиям жизни византийского общества.

По мере развития феодализма элементы иерархического членения общества и сословных разграничений играли все более значительную роль. Общественные различия давали себя чувствовать не только при всех торжественных церемониях при дворе византийского императора, но и во время церковной службы, к этому времени уже детально разработанной. В зависимости от своего ранга и общественного положения лица получили право занимать определенные места в церкви, будучи отделены от прочих участников службы. Появившиеся внутренние перегородки в храме, наличие в нем слабо

сообщавшихся друг с другом помещений как бы отражали в архитектурных формах складывавшиеся социальные группировки. Внутреннее пространство здания утратило свое единство, столь характерное для купольной базилики предшествующей поры.

В VIII—IX вв. велись значительные строительные работы и в области гражданской архитектуры. Реставрировались и перестраивались городские стены в таких центрах, как Константинополь и Никея. Строились новые поселения городского типа в Греции и Малой Азии. Восстанавливались здания, пришедшие в упадок во время военных нападений, землетрясений и других бедствий. С первой половины IX в. начались работы в Константинополе по строительству Большого дворца.

К началу IX в. Большой дворец состоял из двух групп зданий. Первая из них — его первоначальное ядро — включала дворец Дафна, построенный еще в IV в. в непосредственной близости от ипподрома и площади Августеон. Вторая, расположенная к юго-востоку от первой, была создана при Юстиниане II. Все здания Большого дворца были разбросаны среди садовых и парковых насаждений. В IX в., в период правления императора Феофила, был воздвигнут новый комплекс зданий. Эти памятники византийской архитектуры известны только из описаний византийских хронистов.

Среди архитектурных сооружений Большого дворца выделялся своими характерными формами так называемый Триконх, служивший тронным залом. Здание было двухэтажным, с различной планировкой помещений в обоих этажах. Верхний, имевший три апсиды (конхи) с восточной, северной и южной стороны, и дал название всему этому сооружению. Внизу апсиды были ориентированы иначе. В нижнем этаже находилась окружная галерея, отделенная от центральной части здания девятнадцатью колоннами. Здание было богато разукрашено разноцветным мрамором и имело крышу, сверкающую позолотой.

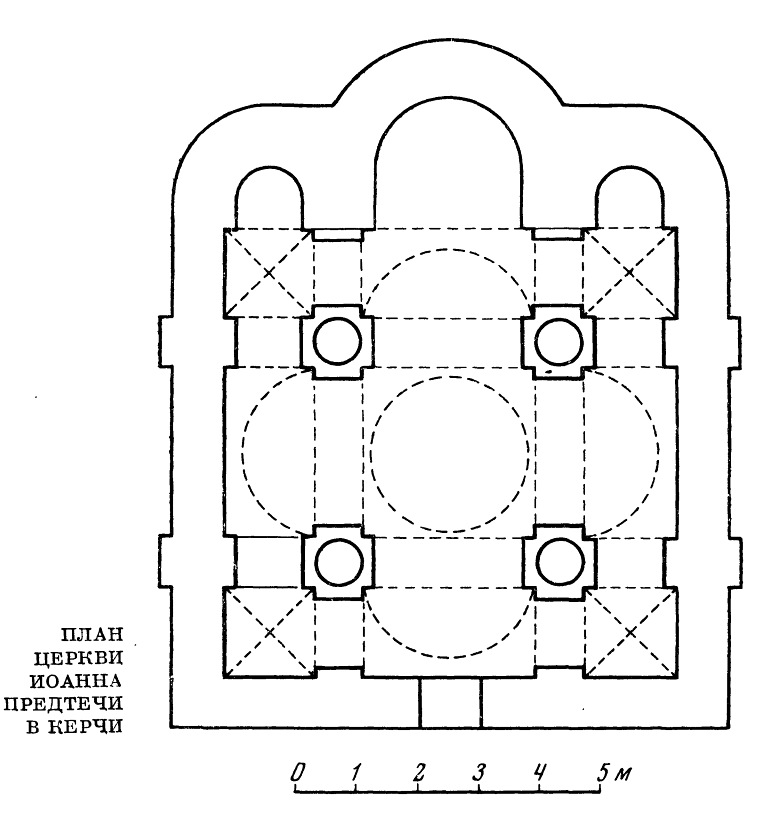
К Триконху примыкал перистиль Сигмы (части дворца, названной так по сходству с соответствующей буквой греческого алфавита). На открытом дворе был расположен фиал, выполненный из бронзы и отделанный серебром. Здесь же были устроены мраморные трибуны, бассейн и фонтан, бивший из львиных пастей. В дни праздников в этой новой части дворца устраивались представления. Трибуны заполнялись народом, сановниками, димархами, представителями цирковых партий — венетов и прасинов. Присутствующих потчевали всевозможными угощениями.

В хрониках описываются и другие дворцовые сооружения — Триклиний жемчуга, Эрос, Мистерион, Камилас, Мусикос. Все они были богато украшены мрамором и многоцветными мозаиками. В архитектуре дворцов использовались многие конструктивные черты, хорошо известные из сохранившихся от того времени памятников церковной архитектуры: арки, своды, колонны, акустические раковины — апсиды. При строительстве большое внимание уделялось вопросам акустики. Использовались эффекты эха (в Мистерионе); хорошая слышимость в разных концах зала приводила в изумление современников.

Наряду со строительством новых зданий украшались и перестраивались и ранее существовавшие части дворца. В зале Магнавры были установлены образцы искусства византийских ювелиров и механиков (см. выше, стр. 86). Там же были поставлены два больших оргáна.

Для некоторых из сооружаемых зданий использовались строительные материалы, взятые из языческих храмов. Оказали влияние на формы дворцовой архитектуры Константинополя и аналогичные

ЦЕРКОВЬ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КЕРЧИ.
VIII в. Внутренний вид



ПЛАН ЦЕРКВИ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КЕРЧИ

по своему назначению здания, строившиеся на территории халифата. Так, из письменных источников известно, что для константинопольского дворца Вриас были использованы планы дворцов Багдада. Они были привезены в Константинополь Иоанном Синкеллом, впоследствии ставшим константинопольским патриархом и одним из главных деятелей и идеологов иконоборческой партии. С другой стороны, и византийские художники принимали участие в работах по украшению мозаиками храма Скалы и мечети Омейядов в Дамаске [41].

При всей бедности сведений, которыми мы располагаем из-за гибели памятников изобразительного искусства того времени, все же можно полагать, что значительны и интересны были достижения и в области византийской живописи.

Памятники живописи, созданные художниками той эпохи, принадлежат к числу первоклассных произведений византийского искусства. В то время существовало несколько одновременно развивавшихся художественных направлений.

Первое из них, крепко державшееся за традиционные схемы, выработавшиеся к VI в., представлено несколькими великолепными по мастерству исполнения образцами, вышедшими из столичной

школы живописи. К числу этих памятников можно отнести фрагмент константинопольской церкви Николая на Фанаре, часть мозаичного убранства церкви Успения в монастыре Иакинфа в Никее, а также некоторые мозаики Константинопольской Софии.

Фрагмент из церкви Николая изображает голову ангела. Живописная трактовка лица, представленного в трехчетвертном повороте, богатство различных оттенков зеленого, розового, желтого, красного и коричневого полутонов, сочетание возвышенной одухотворенности с чувственным и мягким овалом лица сближают этот фрагмент с ранней группой мозаик церкви Успения в Никее [42].

Иную, провинциальную линию развития представляют сохранившиеся памятники фресковой живописи, а также иконописи.

Особняком стоит отражающая более живые народные течения в искусстве купольная мозаичная роспись Фессалоникской Софии. К последнему направлению наиболее близки и некоторые миниатюры, украшающие византийские рукописи IX в.

Наконец, рассматриваемая эпоха характеризуется и повышенным интересом к живописи светского содержания, распространенной преимущественно при дворе императоров-иконоборцев.

Мозаик, украшавших некогда алтарную часть церкви Успения в Никее, в настоящее время уже не существует. Они были разрушены в 20-х годах текущего столетия. Однако своевременная публикация памятника дает основание для самой высокой оценки их художественных достоинств. Мозаичная композиция, находившаяся в своде вимы и апсиде, по-видимому, еще в VIII—IX вв. подверглась реставрации и, возможно, неоднократной. В период торжества иконоборцев изображение богоматери, сменившее первоначальный крест, было уничтожено и заменено новым изображением креста. После победы иконопочитания, при реставрации мозаик доиконоборческого времени, крест вновь уступил место фигуре богоматери. Вероятно, в то же время подверглись реставрации и фигуры ангельских чинов, изображенные в своде вимы [43].

Вся художественная композиция алтарных мозаик церкви Успения полностью подчинена догматической идее непорочного зачатия, триединого божества — вопросам, остро и длительно дискутировавшимся в византийском обществе, особенно в период иконоборческих споров.

Изумительное мастерство художников проявилось в тончайшей индивидуальной характеристике лиц, в удивительном чувстве цвета, в обладающей множеством оттенков импрессионистической палитре. Строго фронтальное расположение четырех попарно стоящих ангельских чинов по сторонам «уготованного престола», симметрия и строгое следование выработанной схеме изображения небесных персонажей, казалось бы, должно было связать художника. Тем более замечательно, что лики ангелов — чинов небесной иерархии — поражают своей жизненностью и совсем особой чувственной прелестью.

Если сравнить эти «портреты» с аналогичными образами более раннего времени (например в Фессалонике, Равенне), то бросается в глаза не только более мастерское расположение кубиков смальты

в мозаике но и обогащение палитры художников. Более утонченная и разнообразная красочная гамма, более индивидуализированная и тонкая психологическая характеристика, пронизывающая все лица трепетная жизненность, явились бесспорно, большим завоеванием художников, создавших никейские мозаики. Есть все основания причислять этих мастеров к столичной школе.

К другому течению, местному, менее связанному с установившейся иконографией VI в. и свидетельствующему о живучести эллинистической традиции в VIII в., относятся фрески древнейшего слоя росписи церкви Санта-Мария Антиква в Риме. Фрески, раскрытые в Стоби, по-видимому, также свидетельствуют о неугасших чертах эллинистического искусства на почве Македонии.

В области станковой живописи в VIII—IX вв. было сделано немного. Впрочем, отсутствие иконописи легко объяснимо, если принять во внимание вероятную гибель подобных произведений искусства во время разгара иконоборческих споров. Возможно, что к VIII в. относится икона Сергия и Вакха, хранящаяся в Музее Западного и Восточного искусства в Киеве. В. Н. Лазарев сближает с ней по стилю исполнения и другую икону того же собрания с изображением двух мучеников. Обе иконы отнесены исследователем к числу произведений, выполненных сирийскими художниками [44].

В сравнении с иконописными памятниками более раннего времени, икона Сергия и Вакха отличается подчеркнутой линейностью и простыми локальными красками [45]. Отсутствие композиционной связи между двумя поясными портретами, представленными на этой иконе в чистом фасе, сближает этот памятник иконописи с мозаиками VI в.

Рассмотренные течения в искусстве VIII—IX вв. не исчерпывают, однако, всего богатства художественной жизни того времени. Из письменных источников известно, что иконоборческие императоры уделяли много внимания искусству вообще и в частности живописи. Папа Григорий II обвинял императора Льва III в том, что тот заменил иконы арфами, кимвалами, флейтами, а вместо благословлений и славословий стал завлекать народ баснями [46]. Противники упрекали иконоборцев и за то, что, уничтожая иконы святых, они не только сохраняли изображения деревьев, птиц, животных, конских бегов на ипподроме, псовой охоты, театральных сцен, но и обновляли их.

Эти указания очень интересны, так как из них явствует, что живописное убранство зданий отнюдь не исчерпывалось изображением священных сюжетов, но включало и пейзажные и бытовые сцены. В иконоборческий период к подобным сценам были, очевидно, присоединены еще и новые. В особенности это широко практиковалось в первой половине IX в. при строительстве зданий Большого дворца. Во дворце Камилас, например, являвшемся частью Большого дворца, как и в некоторых других, на стенах были представлены в мозаической технике сбор плодов, орнаменты, деревья, животные. Увлечение светскими сюжетами затронуло и церковную живопись, где в те времена появились изображения птиц, животных, пейзажи и т. д.

Повышенный интерес к светской тематике, характерный для этого периода византийской культуры, проявился и в книжных миниатюрах. Миниатюры рукописи Птолемея, изображающие колесницу солнца и знаки зодиака, принадлежат к числу хороших образцов живописи этого рода.

Наиболее плодотворным, однако, для дальнейшего развития византийского искусства явилось еще одно художественное направление, получившее свое развитие в те времена. Несмотря на малое количество сохранившихся источников, можно выявить хотя бы его главные черты. К этому течению могут быть отнесены некоторые миниатюры, украшающие византийские рукописи. Замечательным памятником такого рода является греческая псалтирь собрания Государственного исторического музея, относящаяся к середине IX в. Псалтирь эта широко известна под названием «Хлудовской» — по имени своего прежнего владельца. Она неоднократно привлекала внимание ученых начиная с прошлого столетия. Многочисленные иллюстрации, расположенные на широких полях псалтири, дошли до нашего времени, к сожалению, в сильно поврежденном виде. Многие из них облупились, некоторые были вырезаны, большинство было реставрировано еще в византийское время и покрыто новым слоем красок значительно позднее IX в. По мнению В. Н. Лазарева, «буквально все миниатюры кодекса были переписаны, и притом неоднократно, весьма грубым образом, вследствие чего первоначальный рисунок и краски часто едва различимы» [47].

Тем не менее облупившаяся позднейшая запись обнаружила первоначальный рисунок местами настолько отчетливо, что современные исследователи могут судить о его характере. Можно составить представление и о красках, которыми пользовались миниатюристы, создавшие первоначальное украшение рукописи.

Все черты миниатюр этого кодекса псалтири дают основание говорить о «народном» характере украшающей его живописи, глубоко отличающемся от официальных памятников византийского искусства.

К числу древнейших миниатюр псалтири относятся живые сценки, иллюстрирующие псалмы, изображения бедняка, старца с посохом, отречения апостола Петра, композиция Тайной вечери и некоторые другие. Во всех миниатюрах изображение действующих лиц носит живой, выразительный характер. Оживленные позы и жестикуляция часто являются подлинными находками художника, сумевшего схватить и передать их с большим искусством. Краски — легкие, нежные, преимущественно светлые (нежно-голубые, бледно-лиловые, светло-зеленые, красноватые), без резких контуров, они напоминают по своей гамме ту, которая наблюдается и в монументальной живописи того времени в Никее и Константинополе.

Некоторые миниатюры имеют сюжетом злободневные темы иконоборческих дискуссий первой половины IX в. Эта группа миниатюр отличается более подчеркнутой линейностью, резкостью красок, плоскостностью, менее выраженной связью с традициями эллинистического искусства. Они были, по-видимому, выполнены другим миниатюристом и занимают промежуточное место между миниатю-

ДАВИД, ПАСУЩИЙ СТАДА.

Миниатюра из Хлудовской псалтири. IX в.

рами первой группы и всеми прочими, чрезвычайно грубо переписанными, с применением резких, кричащих красок.

Цикл миниатюр, посвященных иконоборческой тематике, вводит в сферу книжной иллюстрации к священному писанию совершенно новые, непривычные для предшествующего византийского искусства темы — политически заостренную карикатуру на современные

события. Поэтому, помимо своего художественного значения, эти миниатюры могут служить наглядной иллюстрацией к событиям иконоборческих дискуссий, в которые были вовлечены в те времена широкие слои византийского общества. В них мы видим черты политического памфлета на вождей иконоборческого движения — императора Льва V и, в особенности, иконоборческого патриарха Иоанна Грамматика — и на писателя Игнатия. Они представлены в сценах иконоборческого собора и всевозможного поругания икон. Иоанна Грамматика нередко сопровождает черт. На одной из миниатюр изображено замазывание иконы губкой, насаженной на длинный шест, который иконоборцы собираются окунуть в стоящий под иконой сосуд с известкой. На другой — иконоборцы представлены с длинными языками, волочащимися по земле, и с губами, прикрепленными к небесному сегменту. Эта миниатюра иллюстрирует слова псалма: «Поднимают к небесам уста свои и язык их расхаживает по земле» (Пс. 72,9).

В исследованиях, посвященных византийскому искусству, неоднократно отмечалось, что миниатюры первой группы с изображениями бедняков, убогих, «правых сердцем» не находят аналогий в византийской живописи. Они имеют ясно выраженный демократический характер, вводя в круг изображаемых лиц представителей эксплуатируемых классов византийского общества, обычно не фигурировавших в памятниках «высокого» искусства.

Свежая струя чувствуется и в злободневных миниатюрах на иконоборческие темы. Она заметна и в художественных приемах, которыми пользовались миниатюристы, украшавшие псалтирь. Часто встречающиеся профильные изображения, трехчетвертные сложные повороты не были обычными для византийского искусства той поры. Композиционная связь между участниками сцен становится благодаря этим приемам более прочной, изображения, кажутся пронизанными дыханием жизни. Эти черты явились бесспорным завоеванием художников рассматриваемой эпохи, хотя далеко не сразу они были восприняты позднейшим византийским искусством.

Часть

2

ОФОРМЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И РАСЦВЕТ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ В ВИЗАНТИИ

(СЕРЕДИНА IX—XII В.)

Глава

1

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX—XII В.

Период с середины IX до конца XII в. значительно лучше освещен источниками, нежели два предшествующих столетия.

Археологический и нумизматический материал этого времени имеет большое значение, особенно для истории византийского города. Впрочем, данные раскопок, относящиеся к истории византийских городов второй половины IX—XII в., все же незначительны, хотя и более обильны, чем археологический материал, датируемый предыдущим периодом. К настоящему времени изучены средневековые слои лишь немногих городов, преимущественно Херсонеса (византийского Херсона), Коринфа, Афин, Пергама, Сард, Приены и некоторых других; в Константинополе также обследованы пока еще небольшие участки. При этом более или менее последовательно изучены лишь керамическое и стеклоделательное производства и строительное дело, тогда как остальные отрасли едва только затронуты. Далеко недостаточно еще описаны и систематизированы памятники византийского ремесла — ткани и ювелирные изделия, хранящиеся в различных собраниях, равно как и остатки византийских крепостей и церквей. В дальнейшем поступление нового археологического материала не раз еще будет приводить к уточнениям и поправкам.

Число надписей второй половины IX—XII в. крайне невелико; это по большей части строительные надписи или надгробия, содержащие очень скудный исторический материал. Лишь изредка встречаются надписи, существенные для изучения административной истории, а также надписи, упоминающие о политических событиях [1].

Сохранилось множество памятников византийского права второй половины IX—XII в., но значение этого типа источников ни в коей мере не соответствует их объему. Памятники византийской юриспруденции находятся в зависимости от формулировок римского права: во многих случаях бесспорно устаревшие положения продолжают рассматриваться как действующие, и это обстоятельство, естественно, становится препятствием для понимания реальных общественных отношений, существовавших в Византийской империи. Это относится в первую очередь к обширному своду правовых норм, изданному в конце IX в. под названием «Василики» (Βασιλικά) [2], который излагает основные положения Юстинианова права, взятые к тому же в старых переводах на греческий язык (конца VI—начала VII в.); поэтому в «Василиках» воспринято большое количество устаревших норм, и пользоваться этим сводом законов следует с крайней осторожностью. Вместе с тем «Василики» являются важным источником для изучения византийского правосознания [3]. В большей мере реальные общественные отношения отразились в некоторых других правовых сводах, гораздо более кратких: в «Прохироне», составленном при Василии I, и в «Эпанагоге», которая, скорее всего, являлась проектом законодательного сборника, выработанным при участии Фотия (см. ниже, стр. 176—177).

Значительно богаче, чем законодательство императоров иконоборческой эпохи, представлено законодательство X—XII вв. Новеллы императора Льва VI и его преемников затрагивают важнейшие вопросы социальных отношений. К сожалению, до сих пор отсутствует критическое издание византийских новелл, а опубликованные по худшим рукописям тексты содержат позднейшие искажения и интерполяции [4].

Кроме общих постановлений византийских императоров, известны определения судей, т. е. документы, тесно связанные с судебной практикой того времени и в силу этого весьма близко отражающие реальные отношения. Помимо отдельных определений (например постановления известного судьи X в. магистра Косьмы, регламентирующие взаимоотношения зависимого крестьянина с епископией), сохранился сборник постановлений судьи XI в. Евстафия Романа, именуемый «Пира» (Πεῖρα, т. е. «Опыт») и затрагивающий самые различные стороны византийского права [5].

Уникальным правовым памятником, не имеющим параллелей в византийской литературе, является «Книга эпарха» (Ἐπαρχικὸν βιβλίον), составленная, скорее всего, в самом начале X в. [6] Это сборник уставов константинопольских ремесленных и купеческих коллегий, позволяющий сравнительно детально познакомиться с организацией производства и торговли в византийской столице, с внутренней жизнью византийского города.

К источникам этого типа примыкают памятники канонического права (номоканоны), постановления патриархов [7], решения соборов, которые освещают не только внутрицерковные вопросы, но и многие проблемы социально-экономической истории Византии. В частности, чрезвычайно существенные данные могут быть почерпнуты из толкований канониста XII в. Феодора Вальсамона на постановления все-

ленских соборов и на номоканон в XIV титулах [8]. Наконец, документами официального характера являются акты (протоколы) церковных соборов, особенно важные для истории церковно-политической борьбы второй половины IX в.

Особую группу источников составляют трактаты — произведения, хотя и не имеющие правового значения, однако предназначенные направлять деятельность различного рода чиновников. Сюда относится в первую очередь «Трактат об обложении» (X в.), подробно характеризующий организацию податной системы Византийской империи и отражающий в этой связи многие существенные вопросы аграрного строя [9]; данные «Трактата об обложении» в значительной мере пополняются материалами, содержащимися в трактатах для землемеров.

Для изучения византийской администрации в целом первостепенным памятником являются обрядники IX—X вв., описывающие в иерархическом порядке всю совокупность чинов и должностей; к сожалению, обрядники освещают не практическую деятельность византийского чиновничества, а чисто парадные вопросы: расположение во время царских приемов, формальности при производстве в чин и пр. [10] Серия трактатов по военному искусству («стратегиконов» или «тактиконов»), преимущественно X в., содержит основной материал для изучения византийской армии того времени [11]. Вместе с тем в них затронуты некоторые вопросы податного обложения и аграрных отношений.

Деловые документы, которых практически не сохранилось для предыдущего периода, являются одним из наиболее важных источников при изучении аграрных отношений в Византии с конца IX в. Однако и для интересующего нас периода число их весьма невелико и среди них отсутствует наиболее важный вид деловых документов — поземельная опись типа западных полиптиков, содержащая подробное описание сравнительно большого земельного комплекса. Фрагмент государственного кадастра XI в., относящийся к району Фив [12], к сожалению, сообщает лишь сумму налога (или сумму налоговых льгот) и не приводит сведений даже о размерах земель, не говоря уже о характеристике наделов и повинностей держательских хозяйств. Императорские пожалования, выписки из судебных протоколов, вкладные и купчие грамоты исчисляются в лучшем случае десятками и касаются преимущественно владений афонских монастырей в Южной Македонии [13], тогда как бóльшая часть территории империи остается совершенно в тени. Зато XI веком датируется несколько завещаний (из разных областей империи — от Южной Италии до Армении), среди которых наиболее значительный материал содержится в завещании Евстафия Воилы [14], где мы найдем подробный рассказ о принадлежавших ему поместьях.

К деловым документам можно причислить также и монастырские ктиторские уставы — документы, регламентирующие жизнь монастыря [15]. В этих уставах («типиконах») иногда описываются принадлежащие монастырю земельные владения или дается характеристика взаимоотношений монастыря с держателями монастырских земель. Наиболее ценные данные по аграрной истории дают типиконы Бач-

ковского монастыря, основанного в Болгарии в конце XI в., и монастыря богородицы Спасительницы мира близ Эноса (середина XII в.); устав константинопольского монастыря Пандократора особенно интересен детальным описанием монастырской больницы.

Важнейшие сведения, относящиеся как к сфере политической, так и в немалой степени к сфере социально-экономической истории, мы по-прежнему находим в нарративных источниках, в первую очередь в исторических сочинениях, несмотря на то, что они в силу самой своей природы окрашены субъективизмом и нередко искажают описываемые события. Исторические сочинения, относящиеся ко второй половине IX—XII в., гораздо богаче содержанием, чем хроники предшествующего времени. Вместо всемирно-исторических хроник (наподобие Феофана и Георгия Амартола) с их вниманием к событиям церковной истории теперь — после ряда сочинений промежуточного типа — ведущей формой исторического повествования становится описание короткого периода времени (одного или нескольких царствований), сделанное на основе личных впечатлений или рассказов современников и нередко насыщенное фактами самого разнородного характера, живыми характеристиками и серьезными рассуждениями о причинах событий.

Среди всемирно-исторических хроник, составленных в это время, наиболее значительным произведением является «Сокращенная история» (Ἐπιτομὴ ἱστοριῶν) Иоанна Зонары [16], законченная в первой половине XII в. и рассказывающая о событиях от сотворения мира до 1118 г. В отличие от более ранних авторов всемирно-исторических хроник, Зонара использовал широкий круг античных писателей (в том числе Диона Кассия, отдельные книги которого известны только в переработке Зонары); он пользовался также трудами византийских историков, отмечая противоречивость их версий. Поскольку, однако, подавляющее большинство использованных Зонарой византийских авторов дошло до нас в оригинале, значение его произведения для изучения истории IX—XI вв. сравнительно невелико: книга Зонары оказывается более ценным источником по истории Римской империи, чем Византийской. Только для рубежа XI—XII вв. Зонара сообщает оригинальные сведения.

Для византинистов важнее другая всемирно-историческая хроника — «Обозрение истории» (Σύνοψις ἱστοριῶν) Георгия Кедрина, доведенная до 1057 г. [17] Это сочинение — простая, некритическая компиляция, первая часть которой восходит преимущественно к хронике Феофана (см. о ней выше, стр. 9), а вторая представляет собой почти буквальный пересказ «Обозрения истории» видного византийского чиновника конца XI в. Иоанна Скилицы. Последнее произведение, охватывавшее период 811—1057 гг., сохранилось в многочисленных рукописях, но, к сожалению, до сих пор еще не издано, поэтому «Обозрением» Кедрина историки пользуются в настоящее время вместо остающегося пока в рукописи «Обозрения» Скилицы. Наибольшее значение имеют те разделы книги Кедрина (Скилицы), которые освещают историю второй половины X — первой половины XI в., поскольку источники, использованные Скилицей для написания этой части, ныне утеряны.

Помимо «Обозрения» Скилицы известно еще несколько памятников (преимущественно X в.), которые хотя и не начинаются от сотворения мира, однако охватывают значительные отрезки времени и являются в своей основе компилятивными. Сюда относятся: хроника Симеона Логофета (она охватывает время от 842 до 948 г.), дошедшая до наших дней в трех основных изводах и во множество списков, иногда ошибочно приписываемых различным авторам (Льву Грамматику, Феодосию Мелитинскому и др.); анонимное произведение, повествующее о событиях 813—886 гг., сохранившееся в единственной лейпцигской рукописи и условно названное «Книгой царей», автором которой обычно считают Генесия; сочинение с условным названием «Хроника Продолжателя Феофана», излагающее историю 813—961 гг.; «История» Льва Диакона, посвященная сравнительно короткому промежутку времени (959—976 гг. с экскурсом в более поздние события), но столь же компилятивная и опирающаяся в значительной части на источник, общий с «Обозрением» Скилицы. Структура этих произведений весьма сложна: каждое из них делится на несколько частей, восходящих к различным источникам; одни из этих частей компилятивны, другие принадлежат современникам событий и носят сравнительно индивидуальный характер, но в целом изложение остается столь же обезличенным, как и во всемирно-исторических хрониках. Социальные и политические тенденции таких произведений нередко оказываются противоречивыми: в одной части мы встретим защиту интересов одной группировки господствующего класса, в другой части — апологию другой группировки. «Обозрение» Скилицы, например, в изложении событий третьей четверти X в. опирается на два не дошедших до нас произведения, одно из которых прославляло феодальный род Фок, а другое было ему враждебно — поэтому в «Обозрении» мы встречаем то хвалу в адрес императора Никифора Фоки, то самое суровое осуждение его политики [18].

С XI столетия появляется новый тип исторического произведения: историк перестает быть безличным регистратором событий, он ведет рассказ от первого лица, повествует о своем участии в военных действиях или в политической борьбе, дает оценки современникам. Первым памятником этого типа является «Хронография» (Χρονογραφία) Михаила Пселла, посвященная событиям 976—1078 гг. [19] Бо́льшая часть описанных им событий (начиная со второй четверти XI в.) разворачивалась перед глазами самого автора, во многих из них он принимал активное участие. Пселл не стремится представить в собственном смысле историю своего времени: некоторые важнейшие события он опускает, о других говорит бегло. Его задача — дать характеристику византийских императоров, их фаворитов и любовниц, дворцовых переворотов и интриг, которая внезапно перемежается философскими рассуждениями. Пселл — внимательный наблюдатель и беспощадный судья, под его пером возникают одна за другой сценки из жизни бездарных правителей, окруженных шутами и интриганами. Поклонник античной культуры, Пселл высмеивает суеверия и астрологию. Он не питает особого уважения и к императорской власти: хотя царствующего императора (Михаила VII Дуку) Пселл осыпает щедрыми похвалами, он склонен считать, что импера-

торская власть губит человека, превращая самого властителя в мелочного и злобного деспота. Выходец из среды мелкого чиновничества, Пселл высоко поднялся по служебной лестнице, не брезгуя ни низкой лестью, ни участием в заговорах. О народных массах он отзывается с пренебрежением, но и мир вельмож не вызывает у него уважения, и поэтому все его повествование пронизано пессимизмом и бесперспективностью.

Иной характер носит «История» (Ἱστορία), написанная современником Пселла Михаилом Атталиатом и рассказывающая о событиях 1034—1079 гг. [20] Атталиат больше связан традицией, чем Пселл: это сказывается и в том, что он отводит своей персоне куда меньше места, чем это сделал Пселл, и в том, что он решительно отстаивает церковно-богословскую концепцию о прямом вмешательстве бога в исторические события. Атталиат — откровенный сторонник феодальных кругов, выдвинувших на престол императора Никифора III Вотаниата, и книга его полна прославлений рыцарских доблестей Вотаниата и его щедрости (в то время как Пселл в безудержной щедрости константинопольского двора видел одну из существеннейших причин упадка империи).

Среди памятников византийской хронографии этого времени наиболее апологетическим по своему характеру является «Алексиада» (Ἀλεξιάς) Анны Комнины [21], старшей дочери императора Алексея I Комнина. Хронологические рамки произведения — 1069—1118 гг. Анна (в первых книгах «Алексиады» она опиралась на сочинение своего мужа Никифора Вриенния, также дошедшее до нас) прославляет деятельность Алексея Комнина, сначала видного полководца, а с 1081 г.— императора. Образ Алексея подан крайне героизированным, все враги его, будь то крестоносцы или богомилы, описаны Анной с откровенной враждебностью. Как и Атталиат, Анна высоко ценит рыцарские доблести и, подобно этому поклоннику Вотаниата, прочно стоит на позициях ортодоксального богословия; самые незначительные факты она склонна объяснять непосредственным вмешательством божества. Однако хорошая осведомленность во внутренней и внешней политике Алексея, наблюдательность писательницы и живость ее характеристик сделали «Алексиаду» одним из наиболее крупных памятников византийской хронографии.

История XII столетия описана довольно подробно двумя современниками: Иоанном Киннамом и Никитой Хониатом. Рассказ о правлении императора Иоанна Комнина (1118—1143) сходен в обеих хрониках и имеет, по-видимому, общий источник, но в дальнейшем изложение становится независимым и опирается преимущественно на личные впечатления и рассказы очевидцев. «Сокращенное изложение» (Ἐπιτομή) Киннама [22], сохранившееся лишь в одной рукописи, обрывается на середине фразы, доходя до 1176 г.; при этом возможно, что уцелевшая рукопись передает не первоначальный текст, а сокращенный вариант хроники. Хроника (Χρονικὴ διήγησις) Никиты [23] доведена до 1206 г. Суховатый рассказ Киннама — это прославление рыцарственного императора Мануила I Комнина, к непосредственному окружению которого принадлежал сам Киннам. В повествовании Никиты Хониата, гораздо более богатом деталями, отно-

шение к Комнинам весьма скептическое. История последних десятилетий XII в., для которых сочинение Никиты является единственным источником, описана с позиций человека, пережившего трагедию падения Константинополя. С одной стороны, он ищет причины бессилия Византийской империи и видит их в своекорыстной политике василевсов и их окружения; с другой — он готов признать достоинство правителей сельджуков и вождей крестоносцев, которых нередко противопоставляет «испорченным» византийцам. Никита неоднократно апеллирует к памятникам древнегреческой мысли, хотя и остается человеком своего времени, верящим в чудеса и допускающим непосредственное вмешательство божества в развитие исторических событий (см. о нем ниже, стр. 387).

К византийской хронографии принадлежит также небольшое сочинение первой половины X в., начало и конец которого не сохранилось: оно было условно названо «Жизнеописанием патриарха Евфимия» или «Псамафийской хроникой». Внешней канвой его является рассказ о жизни игумена Псамафийского монастыря Евфимия, который сделался константинопольским патриархом (907—912 гг.); по существу же оно рисует картину сложной политической борьбы в Константинополе на рубеже IX—X вв.

Примерно в то же время было написано сочинение фессалоникийца Иоанна Камениаты (Εἰς τὴν ἅλωσιν Θεσσαλονίκης), содержащее описание его родного города и рассказ о взятии Фессалоники арабскими войсками в 904 г. [24] Камениата сам пережил все ужасы арабского штурма и некоторое время находился в плену; его бесхитростное и далекое от героизации действующих лиц повествование возникло как результат личного опыта и впечатлений и потому особенно ценно для исследователя.

К хронографии примыкает другая группа памятников, содержащих обильный материал, но расположенный не в хронологической последовательности; это поучения и наставления, авторы которых неоднократно ссылаются на исторические примеры. Сюда относятся в первую очередь несколько сочинений императора Константина VII Багрянородного: «Об управлении империей» «О фемах», «О церемониях константинопольского двора» [25]. Константин располагал обширным архивом, которым пользовались, по-видимому, и некоторые хронисты X в. Его сочинения содержат множество фактов, не известных по другим источникам: в частности, книга «Об управлении империей» сообщает уникальные сведения об отношении Византии с соседними народами в первой половине X в., в том числе с Русью. Однако во многих случаях (особенно это заметно в книге «О фемах») Константин довольствуется пересказом старых книг, и обрисованные им отношения уже не соответствуют действительности, к искажению которой ведет также присущая царственному автору тенденция преувеличивать мощь Византии и рассматривать как часть владений империи давно уже потерянные земли.

Разнообразные сведения по истории содержатся также и в поучениях Кекавмена (XI в.), условно названных «Советы и рассказы» (см. о нем ниже, стр. 381). Здесь наряду с наставлениями, как должен
 вести себя придворный или правитель провинции (наставлениями,

весьма ценными для характеристики быта византийской знати), мы находим рассказы о столкновениях с соседними народами и о восстаниях в провинциях; эти события нередко или вовсе не освещены в современных хрониках, или освещены крайне бегло.

Третья группа нарративных источников — житийная литература (общую характеристику агиографии см. выше, стр. 12). Относительное значение житий как исторического источника для периода начиная с середины IX в. значительно меньше, чем для времени иконоборчества. При этом наиболее содержательные жития относятся преимущественно к IX—X столетию, тогда как более поздние агиографические памятники становятся, за редким исключением, схематичными. Некоторые жития богаты материалом по истории политической и особенно церковной борьбы; таково, в частности, «Житие патриарха Игнатия», принадлежащее перу Никиты Пафлагона и являющееся одним из важнейших (несмотря на откровенно выраженную тенденциозность) источников для истории церковных смут второй половины IX в. В большинстве же случаев жития лишь мимоходом упоминают о политических событиях (например, в «Житии Василия Нового» упоминается поход русского князя Игоря на Византию), но зато сохраняют многочисленные бытовые картинки, существенные особенно для изучения византийской провинции.

Наконец, к числу нарративных источников мы можем отнести беллетристические произведения в стихах и прозе, сюжетом которых иногда являются реальные исторические факты, а по большей части — вымышленные и обобщенные события. Однако разбросанные в этих памятниках намеки могут представлять известную ценность для воссоздания если не самого хода событий, то во всяком случае отношения к этим событиям тех или иных общественных группировок. Кроме того, стихотворения византийских поэтов X—XII вв. (Иоанна Геометра, Феодора Продрома, Иоанна Цеца и др.) содержат разнообразные, далеко еще недостаточно использованные данные для изучения быта и мировоззрения византийского общества.

Особую группу источников составляют памятники византийского ораторского искусства — речи и письма, ценность которых заключается в том, что они создавались, непосредственно по горячим следам описанных в них событий и поэтому стоят ближе к реальной действительности, чем нарративные памятники, возникавшие много времени спустя по воспоминаниям, заметкам или рассказам. Так, в речах известного уже нам византийского историка Никиты Хониата мы встречаем иногда иное и, надо сказать, более точное описание событий, чем в его хронике, написанной много позднее этих речей. Однако парадное многословие, свойственное византийскому красноречию, нередко обволакивает реальное историческое зерно, составляющее предмет письма или речи, такой туманной пеленой, что до него почти невозможно добраться. К тому же многие речи испорчены угодливостью по отношению к императорам, заставляющей не только нагромождать неслыханные эпитеты, но и превращать незначительное столкновение с противником в героическую победу.

Изданные до сих пор наиболее важные письма и речи относятся по преимуществу к следующим периодам. От второй половины IX в.

дошла обширная переписка Фотия. Началом (преимущественно первой четвертью) X в. датируется большое количество риторических произведений: сюда относятся туманные и трудные для понимания речи и письма Арефы Кесарийского, дипломатические донесения Льва Хиросфакта и прежде всего переписка патриарха Николая Мистика, содержащая материал для внутренней и внешнеполитической истории империи [26].

Обильны памятники эпистолографии середины и второй половины XI в.: в письмах и речах Иоанна Мавропода мы найдем характеристику политической и идейной борьбы; многочисленные письма Пселла служат важным источником для истории общественных отношений и администрации; письма Феофилакта Эфеста, архиепископа болгарского [27], сообщают разнообразные сведения по внутренней истории болгарских фем (в первую очередь по истории податного обложения). Особенно большое количество риторических произведений сохранилось от конца XII столетия: к этому времени наряду с бесчисленными трафаретными и трескучими панегириками относятся сочинения Михаила Хониата (старшего брата историка), изобилующие материалами по внутренней истории [28], а также речи, памфлеты и письма Евстафия Солунского, в том числе его памфлет, обличающий монашество, и повесть о захвате Фессалоники норманнами [29].

Богословская литература, весьма обильная и для этого времени, содержит лишь отрывочные сведения по внутренней истории империи, однако полемические произведения (против еретиков, против латинян) могут служить весьма существенным источником для изучения народных движений и внешнеполитической борьбы. Вместе с тем и в богословских сочинениях изредка встречаются разрозненные характеристики быта и общественных отношений.

Большое количество памятников византийской риторики и богословских сочинений X—XII вв. пока еще хранится в рукописях (в том числе в московских и ленинградских хранилищах); особенно знаменит Эскуриальский кодекс Y II 10, содержащий ряд неопубликованных писем и речей византийских писателей второй половины XII в. — как известных, так и вовсе неизвестных [30].

Помимо собственно византийских памятников (письменных и археологических), существует широкий круг иноязычных документов, сообщающих то более подробные, то разрозненные сведения о Византийской империи. Это сочинения на латинском, славянских, старофранцузском, скандинавских и различных восточных языках (армянском, сирийском, арабском, еврейском и др.). Число подобного рода свидетельств значительно возрастает в сравнении с предыдущим периодом, что объясняется, с одной стороны, появлением новых литератур (например, славянских), а с другой — расширением международных связей.

Иноязычные источники могут быть разделены на несколько категорий. Сюда относятся прежде всего официальные византийские документы, сохранившиеся почему-либо только в иноязычном переводе. Таковы, например, русско-византийские договоры, известные лишь по тексту русской летописи, или послание императора Алексея I Комнина графу Роберту Фландрскому, уцелевшее в латинской

версии. Далее, сюда следует причислить официальные документы иностранных дворов, например папские послания или донесения послов и легатов, вроде принадлежавшей, по-видимому, перу кардинала Гумберта «Записки» (Commemoratio brevis), сообщающей о церковной борьбе 1054 г. [31] Источником первостепенной важности служат описания Византии, составленные побывавшими там иностранцами: послами, паломниками или пленниками; среди этих сочинений особое место занимает докладная записка (Relatio) кремонского епископа Лиутпранда, посла германского императора Оттона I [32]. К этой же категории источников могут быть отнесены описания крестовых походов, содержащие разнообразные сведения по внешнеполитической и внутренней истории империи: так, сложная внутренняя борьба в 80-е годы XII в. подробно описана в латинской хронике Ансберта, а взятие Константинополя послужило специальным предметом для западных хронистов Жоффруа Виллардуэна и Робера де Клари [33].

Менее ценной является самая многочисленная группа иноязычных источников: в хрониках соседних народов (арабов, армян, грузин, итальянцев, венгров, русских) и даже в английских и французских хрониках мы встречаем спорадические сведения о Византии; там упоминаются мирные договоры, говорится о военных столкновениях с империей, а иногда встречаются экскурсы (нередко путаные) и в область ее внутренней истории. Наконец, в иноязычных памятниках (как в хрониках, так и в деловых документах) упоминаются пленные греки, поездки в Византию, а то и просто византийские товары или монеты. К сожалению, пока еще не составлена сводка известий иноязычных авторов о Византии.

Значительно более подробные, чем для предыдущего периода, источники второй половины IX—XII в. позволяют детальнее представить себе и внутреннюю, и внешнеполитическую историю Византии этого времени. Однако многие стороны византийской жизни по-прежнему не находят отражения в исторических памятниках или же освещаются противоречиво и тенденциозно.

Глава

2

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВИЗАНТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX—X В.

Предшествующий период аграрной истории Византийской империи характеризовался прежде всего укреплением мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства. Начиная с середины IX столетия византийская деревня вступает в новый этап развития [1]. Старые черты еще кажутся преобладающими: сельская община существует и в известной мере пользуется поддержкой государственной власти; основная масса сельского населения признается свободной; эксплуатация крестьян осуществляется в централизованной форме. И вместе с тем с этого момента становится ощутимой тенденция к становлению вотчинной, сеньориальной системы присвоения прибавочного продукта и соответственно к закрепощению крестьянства, к превращению «налогоплательщиков» в личнозависимое население. Долгое время феодальное поместье не может освободиться от контроля государственной власти, права собственника на землю и крестьян ограничены правами казны, иммунитет остается неполным и византийские поместья не идут в сравнение с владениями западноевропейских монастырей и светских сеньоров. И все-таки именно этой тенденции предстояло возобладать в будущем.

Особенности развития византийской общины в X в. определялись прежде всего борьбой укреплявшихся частнособственнических начал с постепенно отживающими общинными традициями и далеко зашедшим процессом социальной дифференциации свободного крестьянства.

Право частной собственности на индивидуальный надел общинника, утвердившееся уже в предшествующий период, в X в. осуще-

ствлялось в практике всякого рода отчуждений. Общинник X в. широко использовал право наследования земли, завещания, заклада, дарения, купли-продажи, сдачи в наем и пользование другому лицу. Перераспределение земельной собственности в общине, начавшееся в результате реализации этих прав еще в VIII в., весьма существенно изменило облик византийской деревни. Имущественные и социальные противоречия, наблюдаемые в сельской общине уже в эпоху «Земледельческого закона», к X столетию достигают значительной остроты. Различия в имущественном положении общинников четко отражает законодательство X в., разделяя их на состоятельных и неимущих. «Бедным», «убогим» крестьянам противостоят общинники, владеющие несколькими наделами, имеющие собственность вне данной деревни — в других селах и местностях. Некоторые общинники, не довольствуясь участками в пределах села, предпочитали селиться вне деревни, обычно на неразделенных общинных землях. По свидетельству «Трактата об обложении», так поступали зажиточные общинники, «имевшие много скота и рабов». В пределах общины возникали агридии — хутора и более крупные усадьбы — проастии, в которых обычно жили «не сами хозяева, но зависимые от них люди — рабы, мистии и подобные им» [2].

Крупное землевладение укрепляет свои позиции в общине. В селе Иериссо на Афонском перешейке наряду с крестьянами имели наделы некоторые монастыри. В одном из селений поблизости от Фессалоники членами общины были динаты, имевшие зависимых крестьян. В деревне Драговунты (в той же местности) значительную часть земли захватил соседний монастырь; многие же крестьяне, разорившись, бросили свою землю и разбежались. Даже хозяйства зажиточных крестьян этой деревни пришли в упадок, и их владельцы предпочли продать свои наделы.

Процесс имущественной дифференциации приводил к расколу общины, распаду общинных связей, к потере общиной ее прежней силы и внутренней спаянности. Тем не менее в византийской свободной деревне X в. еще продолжали сохранять значение некоторые характерные общинные традиции. Как и в эпоху «Земледельческого закона», общины в X в. располагали общими землями. Это были пастбища, воды, горные урочища. Нередко общинники продавали земельные участки из резерва неразделенных общинных угодий. Так поступили крестьяне селения Радохоста, продавшие монастырю для устройства мельниц участок на берегу реки. Крестьяне села Иериссо продавали землю из неразделенных угодий общины на Афонском перешейке. В результате систематических заимок либо массовых разделов общинные угодья постепенно переходили в частную собственность общинников.

В каких случаях производились разделы? Их необходимость диктовалась хозяйственными потребностями деревни, обусловленными расширением сельскохозяйственного производства, увеличением населения. Разделы могли осуществляться и для того, чтобы определить надел одного из членов общины. Это делалось в тех случаях, когда кого-либо из общинников не удовлетворяла выделенная ему земля или возникал спор по поводу границ участка.

КЛЮЧИ.
Музей Коринфа

В византийской общине X в., как и в VIII в., по-прежнему сохраняло силу право на чужую землю — на участки соседей и других односельчан. В отдельных случаях при продаже запустевшей земли в частное владение фактически поступала только надельная земля бывшей общины, старое же пастбище новым владельцам надлежало использовать сообща. Покупатели не должны были никому запрещать рубить лес, собирать каштаны и косить траву на купленных участках бывших коллективных угодий [3].

В X в. право на чужую землю получало юридическое оформление в виде так называемого права близости, определяемого термином πλησιασμος. Факт соседства, близости к определенному виду собственности (земельной или иной) создавал предпосылку права предпочтения, т. е. права преимущественной покупки земли соседа. В качестве пережиточных форм общинной собственности в X в. было распространено совместное владение землей или иным имуществом двух или нескольких лиц. Подобное совладение возникало на основе общей покупки или иного способа совместного приобретения. После покупки владение могло быть разделено на отдельные участки между «совладельцами» или «соучастниками». Совместное владение тоже обусловливало право на предпочтение: в случае отчуждения одним из совладельцев своей доли остальные пользовались правом предпочтения на эту часть владения. Но когда владение не подлежало разделу между соучастниками, сохранялось общее пользование им. Предпосылку права предпочтения создавало не только непосредственное соседство с отчуждаемым участком или совместное владение, но и просто членство в общине и совместная уплата податей.

Однако в результате внутренней дифференциации общины вся система прав на чужую землю со временем начинает терять свое значение. Постепенно исчезло право безнаказанно входить в чужие сады и лакомиться плодами. К концу X в. в ряде случаев соседям уже запрещалось без ведома хозяев вступать на чужую территорию и рубить там дрова.

Ослабление общинных традиций в условиях роста частной собственности в значительной мере происходило под влиянием византийского законодательства. Правовые нормы «Василик» вопреки общинным традициям предоставляли каждому человеку право свободно отчуждать принадлежащую ему долю в совладении, и соучастники в собственности не могли ему в этом препятствовать [4].

Эксплуатация византийского крестьянства осуществлялась и в IX—X вв. в значительной мере в централизованной форме, через налоговую систему (см. ниже, стр. 162). Начисление налогов происходило на основе установления нормы обложения, т. е. определения числа модиев земли, соответствующих одной номисме налога. Норма обложения определялась путем сопоставления площади земли, подлежащей обложению налогами в каждой податной единице, и соответствующей суммы всех налоговых платежей — так называемой ридзы; к сожалению, остается неясным, как подсчитывалась ридза — назначалась ли она каждому податному округу вышестоящими податными органами в качестве обязательной налоговой квоты или определялась на местах в соответствии с прежними суммами налогов по отдельным объектам обложения [5].

Важнейшим фактором налоговой политики византийского государства, направленной на подчинение свободной общины, было введение системы коллективной податной ответственности.

Еще во второй половине IX в. в империи намечался проект общегосударственной податной реформы, целью которой было принудительное привлечение налогоплательщиков к взаимной налоговой ответственности за пустующие земли, независимо от того, использовались они или нет. Однако этот проект не был осуществлен, и, по свидетельству Продолжателя Феофана, в это время «весь народ всех провинций избегал фискального контроля и налогов, и земли оставались в пользовании соседей-бедняков» [6].

Радикальные преобразования в сфере налогового обложения византийское государство смогло провести лишь во второй четверти X в., когда был введен аллиленгий. К этому времени сопротивление общинного крестьянства было в значительной степени подавлено. Немалое разорение причиняли крестьянскому хозяйству непрерывные войны, в частности жестокие поражения Византии в первые десятилетия X в. (см. ниже, стр. 204). Наконец, непосредственно перед введением аллиленгия Византии пришлось пережить несколько неурожайных лет. Особенно тяжелым был 928 год, когда в результате голода и чумы «обезлюдели многие деревни, поселки и селения». Распадались целые общины, рушились общинные связи, ослабели позиции общинного землевладения в целом. В этих условиях государству удалось ввести аллиленгий. По сообщению Симеона Метафраста, после голода 928 г. «всякий сосед, оставшийся в живых, принуж-

дался платить налоги за тех, кто обитал поблизости, но умер от чумы или нужды, либо же из-за нищеты покинул жилище» [7].

Введение аллиленгия повлекло за собой разорение и рост задолженности крестьян.

Представление о том, в каком положении находился византийский крестьянин, дают стихотворения Иоанна Геометра, поэта X в. Рассказывая о своем путешествии из Константинополя в Силиврию, автор описывает поля, «зияющие от засухи, рассыпавшиеся колосья, поблекшие и поникшие, как будто мертвые, совсем увядшие». Крестьяне в отчаянии восклицают: «Кто уплатит лежащие на нас тяготы долгов? Кто впредь будет кормить наших жен и детей? Кто внесет подати и другие повинности в государственную казну? Нет никого...»[8].

Тяжесть налогового гнета усугублялась злоупотреблениями и бесчинствами податных чиновников. Сборщики податей произвольно повышали нормы налогового обложения, жестоко преследовали недоимщиков, заключая их в тюрьмы, творили всевозможные насилия и жестокости. Сборщик податей представлял собой самую ненавистную фигуру в византийской деревне. В глазах современников это были «презренные людишки, не приносящие государству никакой пользы, притесняющие бедных и, проливая кровь их, неправедно приобретающие себе множество талантов золота» [9].

Доведенные до отчаяния тяжестью налогового бремени, крестьяне покидали свои участки. Бегство крестьян принимало столь массовый характер, что государство спешно начало изыскивать средства к возвращению бежавших крестьян на покинутые земли. Специально издавались законодательные акты, сурово карающие за укрывательство беглых крестьян, проводились экспедиции с целью розыска крестьян и возвращения их к выполнению государственных литургий.

Страх перед возможностью народных восстаний и нежелание терять налогоплательщиков вынудили государство пойти на некоторое облегчение налогов. Беднейшим крестьянам, для того чтобы они не покидали своих участков, временно снижали налоги [10]. Чаще же всего налоговые облегчения предоставлялись в связи с запустением земель и необходимостью взимать за них аллиленгий с соседей. Боязнь, как бы последние сами не выселились, заставляла правительство либо раскладывать причитающуюся сумму на всю общину, либо давать скидку, либо полностью снимать налог с заброшенного участка. Если же через 30 лет его владельцы не возвращались, эта земля переходила в категорию так называемых класм — выморочных земель, которые государство изымало из земельного фонда общины и продавало или отдавало в дар другим собственникам [11].

Временное облегчение в положении крестьян, принесенное этими мерами, оказалось ничтожным по сравнению с тем огромным ущербом, который нанесло крестьянскому землевладению сокращение общинных земель в результате изъятий выморочных участков.

Наступление византийского государства на свободное крестьянство не ограничилось усилением налогового гнета и введением коллективной податной ответственности общинников. Государство проводит серию мероприятий, резко ограничивших права свободных

крестьян на принадлежащую им землю. Начиная со второй четверти и до конца X столетия в Византии издается ряд законодательных актов, запрещавших свободное отчуждение земельных наделов крестьянами-общинниками. В соответствии с общинными традициями, дававшими крестьянам право на соседскую землю, законодательство установило три основные категории лиц, пользовавшихся правом предпочтительной покупки отчуждаемых крестьянских земель. Ими являлись: 1) родственники, 2) совладельцы, 3) соседи.

Этими мерами государство стремилось лишить крестьян возможности свободного распоряжения принадлежащей им землей. Поставив целью ограничить деятельность общинников пределами родной деревни, государство по сути дела пыталось прикрепить их к земле [12]. Ощутимо проявившиеся в политике византийского государства тенденции к подчинению общинников незамедлительно отразились в терминологии документов. Вместо прежних обозначений «неимущие», «бедные», «георги», в X в. крестьяне-общинники все чаще начинают именоваться димосиариями — (государственные крестьяне), а позднее — государственными париками.

Оформляется несколько категорий государственных крестьян, различавшихся между собой по характеру повинностей, которые они несли в пользу государства. Зонара в сообщении, относящемся к 60-м годам X в., причисляет к ним «бедняков», лиц, обслуживающих ведомство дрома, и стратиотов [13].

Главной обязанностью государственных париков — димосиариев, которые представляли собой основную массу общинного крестьянства, была уплата денежного налога — государственного канона, дополнительных поборов и выполнения государственных барщин — ангарий. Так называемые экскуссаты были связаны с обслуживанием императорского хозяйства. Отличительной особенностью категории экскуссатов было освобождение от всех государственных повинностей, за исключением той особой, которая была на них возложена. Так, повинности экскуссатов дрома были связаны с обслуживанием ведомства дрома — государственной почты, а также предполагали перевозку императорских послов и, возможно, службу по охране дорог. Из «Книги церемоний» известна и другая разновидность экскуссатов, своеобразной государственной повинностью которых была ловля рыбы для императорского стола [14]. К экскуссатам были близки просодиарии, несшие повинности натурального характера.

По-видимому еще в IX в. в Византии определенный фонд земельной собственности в крестьянских общинах был переведен государством в разряд воинских земель, а сидевших на них крестьян обязали нести наследственную воинскую службу, которая стала для них основной государственной повинностью. Стратиоты платили денежный налог, но от прочих поборов и барщин были освобождены. Им полагались от государства выдачи деньгами (руга) и натурой (опсоний и ситиресий).

Стратиоты первоначально сохраняли обычный общинный уклад жизни византийского крестьянства. Однако сами принципы организации византийского войска представляли собой предпо-

сылку имущественного расслоения в рядах стратиотов. Служба в том или ином роде войска определялась имущественным положением стратиота: для всадника обязательным было владение имуществом, оценивавшимся в 4—5 литр золота, пехотинца — в 2 литры. Естественно, что малоимущие слои крестьянства, превращаясь в стратиотов, пополняли низшие разряды войска, тогда как приобретение значительного земельного надела прокладывало им путь к командным воинским должностям. Бедность стратиотов была обыденным явлением в Византии. Образ нищего стратиота, лишившегося единственного коня, неоднократно фигурирует в агиографии. Продолжатель Феофана рассказывает о бедном стратиоте, хозяйство которого было совершенно разорено, и после его смерти остались несчастная вдова и нищие дети [15]. Часто стратиоты не имели возможности самостоятельно обеспечить себя конем, оружием и обмундированием. В этом случае община должна была выделить им в помощь так называемых συνδόται — группу общинников, которые были обязаны сообща вооружить и экипировать стратиота. Впрочем, бедность стратиота иногда была такова, что и эта спасительная мера не помогала.

Стратиотская повинность была нелегкой. Ее тяготы нередко вынуждали стратиотов к бегству. В «Житии Павла Латрского» рассказывается о бегстве 10 стратиотов-моряков, которые подверглись аресту за уклонение от «общей повинности» [16]. Зачастую бедняки-стратиоты предпочитали переселяться на частновладельческие земли и оставаться там в качестве зависимых крестьян.

В то же время новеллы X в. упоминают представителей войска среди «наиболее видных и знатных членов общины» [17]. Военное подчинение массы рядовых стратиотов своим начальникам постепенно превращалось в отношения личной зависимости феодального характера. Офицерская верхушка войска, так же как и динаты, не причастные к воинской службе, ведет наступление на земли бедных стратиотов, превращая последних в своих зависимых людей. Те, кому доставалось начальствовать над войском, сообщается в одной из новелл, подвергали своих стратиотов всяческим мытарствам и вымогательствам. Не умея брать дань с врагов, они обирали подданных [18]. В итоге социальное расслоение приводило к тому, что беднейшие стратиоты лишались своих наделов и превращались в зависимых крестьян.

В результате централизованного натиска государства на сельскую общину свобода основной массы общинного крестьянства стала фикцией. Общинников рассматривали как государственных крестьян, обязанных выполнять строго определенные литургии. Следствием этого было массовое обнищание крестьянства, ускорение мобилизации земли и дальнейшее ослабление позиций общинного землевладения.

В этих условиях византийские динаты, экономически значительно более могущественные, нежели столетие назад, смогли начать повсеместное наступление на общину, захватывая крестьянские земли, присваивая их под видом дарений и наследств, всевозможных юридических сделок и договорных отношений, забирая в собственность под предлогом сорокалетней давности владения. Особенно больших

масштабов процесс поглощения крестьянских земель феодалами достиг в тяжелые годы, последовавшие за неурожаем и голодом 928 г., когда крестьяне отдавали свои земли за бесценок, а иногда просто в обмен на хлеб. В императорских новеллах X в. постоянно идет речь о насилиях динатов, которые «являются в села со множеством слуг, мистиев и всякого рода спутников». Их злоупотребления увеличивают тяготы бедных, влекут за собой всевозможные «притеснения, вымогательства, барщины и восстания» [19].

Так постепенно, добавляя захваченные у крестьян «немногие и небольшие угодья» к своим землям, ранее «добытым грабежом и обманом», составляли византийские динаты богатые поместья, передававшиеся — подобно владениям Романа Муселе близ города Филомилия [20] — по наследству детям и внукам их первоначальных собственников. К концу X в. в империи сложились многочисленные наследственные владения византийской феодальной знати, отдельные представители которой, по словам императорской новеллы 996 г., в течение доброй сотни лет сохраняли могущество своих родов и свое благосостояние [21].

Многообразные пути генезиса феодальной собственности обусловили появление различных в структурном отношении типов динатских поместий. В одном случае это могли быть хозяйственно обособленные, не связанные с крестьянской общиной поселения; в другом — поместье могло состоять из многих земельных владений, находящихся в различных селах и местностях и располагающихся чересполосно с наделами свободных крестьян или землями других феодалов. Наконец, иногда поместье представляло собой подчиненную динатом сельскую общину.

Для определения крупного светского феодального поместья в целом или одной из его частей источники X в. часто употребляли термин «икос». Икосы в большинстве случаев представляли собой господские усадьбы, служившие центром поместья, и включали господский дом, окруженный служебными постройками, церкви, сады, парки. Наименование «икос» наиболее часто применялось к аристократическим поместьям в Малой Азии, где процесс феодализации протекал наиболее интенсивно.

Фемы Фракисийская, Анатолик, Армениак в новеллах X в. не раз упоминаются как районы массовых злоупотреблений динатов в отношении свободного крестьянства. В малоазийских фемах располагались поместья самых известных аристократических фамилий: феодальных родов Склиров, Фок, Дук, Аргиров. В Каппадокии такое же положение занимали Малеины, находившиеся в родстве с несколькими византийскими императорами [22]. Некоторые родовые поместья малоазийской аристократии образовали своеобразные княжества, населенные тысячами рабов и зависимых людей. Таковы были каппадокийские владения Малеинов, занимавшие территорию протяженностью в 115 км и простиравшиеся от города Клавдиополя до реки Сангарий [23]. В крупных поместьях-икосах, принадлежавших в Харсиане знатному роду Аргиров, число зависимых людей было столь велико, что еще в IX в. Лев Аргир мог совершать с ними нападения на павликиан Тефрики.

Провинциальные феодалы имели подчас собственный двор, а их челядь носила титулы, напоминавшие титулатуру константинопольских придворных. Так, при дворе стратига Фракии и Македонии Апостиппа были протостратор, кувикуларий, «первый среди ближних» [24].

Огромные владения во второй половине X в. принадлежали знатному византийскому вельможе, паракимомену и проэдру Василию Нофу. На восточных границах империи в его собственность перешли отвоеванные у арабов богатые области Лонгиада и Дриза Из большого количества своих зависимых людей Василий мог выставить отряд в три тысячи воинов в полном вооружении. [25]

После победы иконопочитания в Византии начинается также подъем церковного землевладения.

Со второй половины IX в. в различных районах империи — на Афонском полуострове, в округе Фессалоники, в Малой Азии, особенно в Вифинии и в районе Милета, в Константинополе, Афинах, на островах Пропонтиды и Архипелага, возводятся новые монастыри. Правда, количественный рост монастырей в конце IX в. еще не сопровождался повсеместным созданием крупных монастырских поместий, ибо в большинстве случаев в это время воздвигались мелкие обители, насчитывавшие нередко по 4—6 монахов. Так, на Афоне в конце IX в. были разбросаны лишь уединенные кельи монахов-отшельников, а из нескольких мелких монастырей, находившихся здесь, только два располагали земельной собственностью: небольшой грузинский монастырь, имевший землю на близком к Афону полуострове Кассандре, и построенный в 867—869 гг. монастырь Иоанна Колову, владевший землями на Афонском перешейке.

В окрестностях Фессалоники — на горе Хортаит и плодородной равнине Каламарии — хотя и находилось в это время значительное число монастырей [26] (по преданиям, их было здесь более 24), они, однако, тоже не отличались большими богатствами. Сохранились названия лишь немногих из них, а сколько-нибудь конкретные сведения имеются в сущности лишь об одном — монастыре св. Андрея, построенном в 872 г. на Перистерской горе, в 30 км к востоку от Фессалоники. И этот, несомненно наиболее крупный из местных монастырей, именовавшийся современниками «великой лаврой», на рубеже IX—X вв. еще только начинал накапливать земельные владения.

Несколько иным было положение в Малой Азии. Среди многочисленных монастырей Вифинии, группировавшихся по склонам гор Олимпа, Иды, Кимина, по берегам Пропонтиды и в районе Прусы, некоторые выделялись своими размерами. Так, Мидикийский монастырь близ Прусы насчитывал до сотни монахов [27]; монастырь в городе Кие имел большое хозяйство, владел виноградниками и яблоневыми садами. В этом монастыре были каменные здания и богато украшенный храм, существовала гостиница для приезжих богомольцев. На вифинском Олимпе располагался Агафский монастырь, которому принадлежало несколько метохов — мелких зависимых монастырьков, находившихся на Левкадском мысу к западу от Никомидии и в окрестностях Прусы [28]. Земельными угодьями владели монастыри и в районе Милета: в собственности монастыря св. Павла

находилась значительная часть территории Латрской горы, а соседний Лампониев монастырь владел местностью Драконтием и хорафием Пелеканеей [29].

Разумеется, наиболее состоятельными в этот период были столичные церкви и монастыри. «Великая церковь» Константинополя — храм Софии — владела крупным поместьем Мантеей и несколькими имениями на Стримоне [30]. Вновь построенному в конце IX в. столичному Псамафийскому монастырю принадлежали на Босфоре проастий и Агафов монастырь, а также несколько виноградников [31]. Крупные поместья в качестве императорского дара получили в это время столичные монастыри Диомида и Фоки [32]. Однако такие монастыри в IX в. были немногочисленны, их богатства определялись их привилегированным положением в столице и близостью императорского двора. Большинство же вновь построенных и восстановленных в конце IX в. монастырей, особенно на периферии империи, еще не превратилось в крупных земельных собственников. Отсутствуют в это время и какие-либо сведения об использовании труда зависимых крестьян в монастырях: монастырское хозяйство, как правило, велось силами самих монахов.

В X в. положение существенно меняется.

Начинается расширение монастырских владений, происходившее за счет многочисленных пожертвований и вкладов, передаваемых монастырям окрестными землевладельцами, в том числе и крестьянами, а в наиболее крупных, привилегированных монастырях — в результате императорских пожалований. Помимо предоставления земельных угодий при основании монастырей, распространенным видом пожалований была передача крупным монастырям в качестве метохов мелких монастырей с принадлежащими им землями.

Среди этих мелких монастырьков в X в. большинство представляло собой запущенные, несостоятельные в хозяйственном отношении обители. Были, однако, случаи, когда в качестве метохов передавались экономически крепкие монастыри — их подчинение крупным монастырям зачастую сопровождалось острой борьбой.

Среди жалуемых монастырям земель были распространены и изъятые в общинах, выморочные и брошенные владельцами участки (класмы). В X в. монастырям было передано значительное количество пустующих земель на Афонском перешейке и полуострове Кассандре. Земли беглых стратиотов были розданы монастырям и в феме Армениак. Эти пожертвования, а также денежные пожалования из государственной казны создавали многим монастырям реальные возможности для покупки земельных угодий. В своей страсти к обогащению монашество ряда монастырей использовало любые средства — от всевозможных, зачастую недобросовестных сделок до прямых насильственных актов. Недаром в одной из императорских новелл X в. говорится, что по всем фемам империи «целые селения в это время не только терпели вред и стеснения, но и совсем переставали существовать, заедаемые монастырями» [33]. Нередко монастыри вступали на путь прямого обмана и подделки официальных документов вплоть до императорских хрисовулов. Такую попытку предпринял монастырь Иоанна Колову, стремившийся еще в конце IX в.

захватить всю территорию Афонского полуострова, а также земли некоторых примыкавших к Афону свободных деревень. Широкую деятельность в округе Фессалоники в первой половине X в. развернул Перистерский монастырь св. Андрея, расширивший свои владения за счет земли, приобретенной у государства и частных лиц. С середины X в. на его землях стал применяться труд зависимых крестьян. Особенно заметно владения византийских монастырей возросли во второй половине X в.: именно с этого времени начинается возвышение Афона как центра византийского монашества.

С 60-х годов X в. на Афонском полуострове строится и восстанавливается ряд крупных монастырей — лавра Афанасия, Ивир, Ватопед, Ксенофонтов, Эсфигмен и другие; владения их, правда, в X в. были еще невелики и не простирались далеко за пределы близлежащих областей Халкидики и Южной Македонии: они располагались, помимо Афона, преимущественно на соседних полуостровах — Кассандре и Лонгосе, в окрестностях Фессалоники и на некоторых островах.

К концу X в. в империи постепенно складывается характерный тип монастырской феодальной вотчины, представлявшей собой систему поселений с центральным помещением и комплексом подчиненных владений — метохов и отдельных имений, деревень и земельных участков, населенных зависимыми крестьянами. Так, лавра Афанасия, крупнейший монастырь Афона, еще до конца столетия стала собственником нескольких метохов, в том числе Перистерского монастыря св. Андрея, переданного ей императорским указом 964 г. Лавре принадлежал остров Новых, где у монахов были стада, поля и виноградники, на Афоне — несколько мелких прибрежных владений с рыбными ловлями. Кроме того, лавра имела земли в селе Хрисополь, где были поселены 25 парических семейств.

Укрепление монастырской вотчины сопровождалось интенсивным расширением хозяйственной деятельности монахов. Монастыри значительно увеличивали площади посевов, разбивали новые виноградники и сады, разводили скот. В X в. на монастырских землях появляются стада свиней, овец, коз, быков, волов, мулов; участки на Афоне, Латрской горе, в Сидерокавсийских дубовых рощах (к северу от Афонского полуострова) отводятся для пастбищ. Заботы об урожае заставляли монахов следить за тщательной обработкой земель, применять усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, создавать оросительные системы.

Монахи вели оживленную торговлю, извлекая немалые доходы от продажи вина, масла, строевого леса, смолы. Торговые операции монастырей были столь значительными, что монахам лавры Афанасия, например, потребовалось построить склады на побережье и большую морскую пристань, а затем приобрести для перевозки грузов специальное морское судно водоизмещением в 6 тыс. модиев. Морские суда для торговых рейсов в Фессалонику и некоторые другие прибрежные местечки вскоре появились у Ивира и других афонских монастырей. Монастыри и даже отдельные монахи широко практиковали спекуляции земельными участками и виноградниками. Неукротимую страсть к стяжательству, охватившую византийских

монахов, отметил составитель одной из императорских новелл. «Каждый день, — утверждает он,— монахи стараются приобрести тысячи плефров земли, строят роскошные здания, разводят несметные табуны лошадей, стада волов, верблюдов и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, так что монашеская жизнь уже ничем не отличается от мирской» [34]. «Мирской» образ жизни в крупных монастырях-общежитиях (киновиях), все более решительно подчинявших мелкие монастырьки и одиноких монахов-келиотов, повлек за собой существенные перемены в организации быта монахов. Кроме храмов и монашеских келий, в монастырях воздвигались разнообразные хозяйственные и служебные постройки: трапезные, кухни, пекарни, мельницы, помещения для производства вина и масла, разного рода мастерские, хлевы для скота. Заботясь о благоустройстве, монахи некоторых монастырей, в частности лавры Афанасия, налаживали специальную систему водоснабжения — оборудовали своеобразные водопроводы, строили бани. При монастырях существовали больницы, гостиницы, странноприимные дома, всякого рода благотворительные службы.

Неуклонно возрастало число монахов. К 971 г. — времени утверждения первого устава афонского монашества — на Афоне насчитывалось до 600 монахов, из них 120 человек — в лавре Афанасия. Под уставом поставлена 41 подпись игуменов местных монастырей. На рубеже X—XI вв. число монахов на Афоне достигало уже 3 тыс. человек.

Как же осуществлялась эксплуатация вотчинных земель?

Прежде всего, византийские динаты не отказались от использования в своих поместьях труда рабов. На рубеже IX—X вв. наблюдалось даже некоторое укрепление рабовладельческого уклада и относительное (хотя и временное) расширение применения рабского труда в сельском хозяйстве [35]. Эта тенденция была закономерной в условиях, когда система частновладельческой эксплуатации еще только начинала складываться и кадры феодально-зависимого крестьянства были ограничены. Нужда в рабочих руках заставляла господствующие круги Византии предпринимать попытки еще более урезать ничтожные права рабов. Это нашло отражение в стремлении законодательным путем восстановить некоторые старые нормы римского права, утверждавшие господина в качестве полного собственника раба. В конце IX в. было отменено постановление Юстиниана о том, что раб обретает свободу, если станет монахом или клириком. Господину разрешалось возвращать беглого раба в любое время, независимо от срока давности. Бесправность раба усугублялась и тем, что рабам запрещалось выступать в суде.

В конце IX—X вв. рабы как сельскохозяйственные работники использовались преимущественно в поместьях светских феодалов; церковь, наоборот, выступала противником рабства, считая освобождение рабов делом богоугодным. Особенно широко использовались рабы в качестве домашней челяди.

Вместе с тем рабы нередко получали свободу, причем обычно отпуск на волю сопровождался предоставлением рабам легата — определенного имущества или земли. Хотя отпуск на волю превращал

раба в свободного человека, фактически в условиях развивающегося феодализма вольноотпущенники быстро становились феодально-зависимыми людьми своего прежнего господина или другого феодального собственника [36].

Наряду с рабами для обработки вотчинных земель использовались мистии (см. о них выше, стр. 22). Характерная особенность положения мистиев — отсутствие у них собственности. Как правило, мистии были чужаками, пришлыми людьми, вербовавшимися преимущественно из внеобщинных элементов, потерявших в родных местах средства к существованию. Юридически оставаясь свободными людьми, мистии были одной из наиболее бесправных и обездоленных групп сельского населения, чье подневольное положение легко ставило их в зависимость от нанимателей.

По-видимому, трудом мистиев осуществлялась обработка новообразованных владений динатов в первое время, когда в распоряжении владельцев не было еще достаточного количества зависимых крестьян. Наряду с рабами, византийские документы X в. упоминают мистиев в качестве основного трудящегося населения проастиев, принадлежавших как светским, так и церковным собственникам.

Труд мистиев, как и труд рабов, был непроизводительным. Будучи лично свободными, мистии могли нарушать заключенные с ними договоры, бросать предусмотренную договором работу и уходить из поместий. Отсутствие личной заинтересованности мистиев в труде делало их использование для обработки земли невыгодным. Поэтому с увеличением на землях поместий числа феодально-зависимых крестьян, наделенных средствами производства, мистии как социальная категория постепенно начинают исчезать, превращаясь в обычных зависимых крестьян.

Рабы и мистии, естественно, не могли играть решающей роли в феодальной вотчине. Главную рабочую силу на частновладельческих землях представляло феодально-зависимое крестьянство.

Формирование феодальной зависимости крестьян в Византии происходило различными путями. Как и в большинстве стран Западной Европы, основным был путь, когда феодальное подчинение крестьян осуществлялось параллельно с присвоением феодалами крестьянской земли, т. е. в процессе формирования феодальной вотчины. В этом случае крестьяне не отрывались от своего надела и обычно не теряли связи с общиной.

Их переход в зависимое состояние нередко становился логическим завершением процесса внутреннего расслоения деревни, попадавшей в зависимость от одного или нескольких разбогатевших односельчан. Подобным сельским богатеем был некий Филокали, упомянутый в одной из императорских новелл. По происхождению он был крестьянином и, пока оставался бедняком, нес все тяготы вместе с односельчанами. Но когда Филокали удалось разбогатеть и достичь звания протоспафария, он подчинил родную деревню и обратил ее в собственный проастий [37].

Личная зависимость при сохранении крестьянами владельческих прав на свои наделы возникала в Византии и на основе прекарных отношений. Византийский крестьянин нередко должен был искать

«помощи и защиты» сильного человека и, следовательно, вступать в разного рода сделки с динатами. В Византии прекарий чаще всего приобретал форму, напоминающую западную precaria oblata: крестьянская земля переходила в собственность феодала и возвращалась на правах держания, обычно пожизненного, прежнему владельцу, который продолжал ее обрабатывать уже в качестве зависимого человека, обязанного господину определенной рентой.

Прекарий особенно распространился на землях монастырей, став одним из основных источников расширения монастырской земельной собственности. Разумеется, дарения и продажи земли крестьянами, частым следствием которых становился прекарий, отнюдь не всегда были добровольными актами, продиктованными благочестием и заботой о спасении души. Они были вызваны тяжелым экономическим положением крестьянства, его разорением, тяжестью налогов, отсутствием возможностей обрабатывать имеющуюся землю, неизбежностью ее потери под натиском феодалов.

Так, в 897 г. прекаристами Перистерского монастыря стали братья Феодор и Никита, крестьяне деревни Драговунты близ Фессалоники [38], передавшие в дар монахам свой земельный участок, полученный в наследство от отца. Братья происходили из относительно зажиточного крестьянского семейства, которое в былые годы даже имело раба. Но впоследствии семья разорилась, раб был отпущен, хозяйство заброшено, а несколько братьев и сестра Феодора и Никиты ушли в монастырь, стали монахами. Их родное село к тому времени пришло в упадок, община фактически распалась, многие крестьяне разбежались, бросив свои участки.

К подчинению крестьян вела и передача ими своей земли во временное пользование феодалу (χρῆσις). Императорским законодательством X в. такая передача предусматривалась в тех случаях, когда крестьянин не имел возможности вернуть динату долг. В соответствии с суммой долга динат мог использовать крестьянскую землю и получать доходы с нее в течение 3—10 лет. Впрочем, иногда земля оставалась в руках крестьянина, но рассматривалась как находящаяся в залоге у феодала, которому поступала бóльшая часть дохода с нее, а крестьянин имел право оставить себе только то, что необходимо для его жизни и обработки земли. И хотя законодательство специально предписывало должнику и кредитору давать взаимные обязательства в том, что земля по истечении срока договора вернется к крестьянину и последний не будет лишен права собственности [39], жизненная практика предоставляла достаточно поводов, чтобы превратить временное пользование крестьянской землей в постоянное, а крестьянина — в зависимого человека.

Часть византийских крестьян вовлекалась в феодальную зависимость, не разрывая своих связей с общиной и оставаясь на вскормившем их участке земли. Но в Византии не менее распространен был и другой путь возникновения феодальной зависимости, при котором подчинению крестьян предшествовало их обезземеление и отрыв от общины. Будучи согнаны с земли в ходе наступления феодалов на сельскую общину, крестьяне лишались общинных прав и были вынуждены покидать родную деревню, искать счастья на стороне. По-

иски средств к существованию обычно приводили этих крестьян к тому, что они поселялись на землях динатов, где со временем превращались в зависимых людей.

Значительное число крестьян-присельников оседало на домениальных землях первоначально в качестве арендаторов. Их отношения с собственниками земли фиксировались арендными договорами и на первых порах не содержали элементов личной зависимости феодального характера. В практике X в. в Византии применялось два вида аренды земли: эмфитевтическая, т. е. долгосрочная, и аренда, определяемая термином μίσθωσις — на более короткий период времени. Оба вида аренды широко практиковались как на церковных землях, так и в поместьях светских феодалов. В аренду сдавалась не только пахотная земля, но и виноградники, сады, масличные плантации, пастбища, дубовые рощи. Арендаторы в X в. пользовались известными правами на арендуемую землю — в частности предусматривалась возможность расторжения арендатором арендного соглашения, а также передача земли в субаренду. Арендная плата — пакт — взималась в размере одной номисмы с 10 модиев земли.

В течение X в. аренда в Византии переживает существенную трансформацию: с углублением процесса феодализации все более отчетливо проявляется тенденция к превращению арендных отношений в феодальную зависимость арендаторов от собственников земли. Эта новая форма аренды получила наименование парического права.

Согласно постановлению видного византийского юриста X в. магистра Косьмы, парическое держание в отличие от обычной аренды, которая гарантировала арендатору землю на срок, зафиксированный в арендном договоре, имело «силу, прочность и твердость, пока на то была воля и согласие господина земли». По воле последнего парик мог в любой момент быть изгнан с переданного ему надела; он не приобретал на него никаких прав, не мог ни передавать, ни, тем более, продавать участок [40]. Парики, однако, сохраняли право беспрепятственно покидать господскую землю, и земельные собственники в этом случае были обязаны вернуть им материал для постройки жилища.

Парическое право, понятие о котором возникло, очевидно, еще в IX в., получило юридическое оформление в первой половине X в. и в дальнейшем постепенно стало основным фактором, регулирующим взаимоотношения собственников земли и приселяющихся крестьян. Термин «парик» в X в. решительно теряет свое старое, восходящее к библейской и агиографической традициям значение «присельник» (см. выше, стр. 17) и, приобретая четкий социальный смысл, становится обычным наименованием феодально зависимого крестьянина.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о различных категориях феодально зависимых крестьян в Византии X в., хотя в документах наряду с термином «парик» встречаются и другие их наименования — «проскафимены», «дулопарики». Можно лишь говорить о специфических особенностях возникновения феодальной зависимости в монастырских вотчинах. Здесь фактически на положении зависимых крестьян находились низшие слои монашества. Они выполняли

не только основную часть сельскохозяйственных работ на монастырских землях (обработка земли, уход за скотом, приготовление сельскохозяйственных продуктов), но и несли в пользу игуменов «так называемые ангарии», т. е. специальные барщинные повинности [41].

Монашеские ангарии, а также барщины, налагавшиеся динатами на крестьян по мере подчинения ими свободной общины [42], —вот и весь перечень сведений об отработочной феодальной ренте в Византии X в. Столь же мало известно о денежной ренте: можно предполагать, что в ряде случаев она по своему характеру не отличалась от государственного налога с крестьянских наделов. В большей степени была распространена натуральная рента: она могла взиматься в виде определенной доли урожая, в частности морты — «десятого снопа».

Итак, в течение X в. в Византии в основном сложились феодальная вотчина и вотчинная система эксплуатации крестьянства. Вотчинная система в Византии X в. развивалась в значительной степени в результате централизованного воздействия византийского государства. Будучи органом господства класса феодалов, византийское государство (вразрез с собственными декларациями о защите мелкой крестьянской собственности против притязаний динатов) рядом мер активно содействовало развитию феодализма, росту феодальной собственности и закабалению крестьян.

Наряду с пожалованиями земель византийское государство практиковало условные дарения в пользу крупных феодальных собственников: феодалу в той или иной форме передавался ряд невещных прав [43]. Условный характер этого рода дарений определялся их зависимостью от воли дарителя, возможностью их отмены и ограничения прав получателя на объект дарения. К этой категории официальных пожалований могут быть отнесены такие византийские институты, как солемний, арифмос и харистикий.

Солемнии, известные уже в VIII—IX вв. (см. выше, стр. 16), продолжают существовать и в X столетии. Монастыри (в том числе и афонские) получали солемнии в разных формах. Вместе с тем институт солемния претерпевает в X в. существенные качественные изменения: распространяется новый тип солемния, представлявший собой передачу государством права на взимание точно зафиксированной суммы государственного канона с крестьян не подчиненных монастырю деревень. При этом монахи должны были сами взимать пожалованный налог. Получение этого типа солемния сулило монахам значительные выгоды. Не случайно в X в. он предоставлялся «по просьбам монахов», как о том говорит «Трактат об обложении». Его привлекательность для монастырей заключалась в таившейся в нем возможности феодального подчинения крестьян. Правда, обретение монахами прав взимания государственного налога с крестьян определенной деревни не превращало автоматически этих крестьян в монастырских париков. Однако в лице монастыря они приобретали своеобразного патрона; обязанность платить ему подати, естественно, ставила их в подчиненное положение и в будущем легко могла привести к возникновению отношений феодальной зависимости и к приобретению монастырем владельческих прав на

землю. Итак, в процессе своей эволюции солемний приобрел принципиально новое качество: из учреждения, функцией которого было экономическое укрепление монастырей, он превратился в одно из действенных средств феодализации, став, таким образом, феодальным институтом, одним из истоков будущей пронии.

Другим характерным феодальным институтом, сложившимся на основе государственных условных дарений, был так называемый арифмос (буквально — «число»), представлявший собой пожалование феодалу (как правило, монастырю) права на владение строго определенным количеством (обычно — несколькими десятками) париков. Самим актом пожалования государство не предоставляло монастырю конкретных крестьян. Их приобретение было заботой самих монахов. При этом в качестве непременного условия монастырям вменялось в обязанность комплектовать пожалованное «число» париков из лишенных собственности крестьян, не обязанных государству никакими повинностями. Естественно, что реализация монастырями пожалований арифмоса осуществлялась преимущественно за счет крестьян, потерявших землю и оказавшихся вне общины, т. е. из рядов неимущих присельников.

Арифмос, как и солемний, являлся эффективным стимулом процесса феодализации. Официально закрепляя крестьян за феодальными собственниками, оба эти института непосредственно вели к возникновению феодальной зависимости приселенных париков.

Применение арифмоса свидетельствует об острой борьбе, развернувшейся в X в. внутри господствующего класса Византии за крестьянскую ренту. Идя навстречу устремлениям крупных земельных собственников и передавая им в форме разного рода пожалований ряд своих прерогатив, государство тем не менее пыталось держать развитие феодальной вотчины под постоянным контролем. Жалуя монастырям париков, государство в то же время ревниво оберегало свои интересы, допуская пополнение рядов частновладельческих крестьян только за счет внеобщинных элементов и пресекая попытки феодалов к подчинению свободных общинников-налогоплательщиков [44]. Периодически государство проводило проверки с целью выявления государственных крестьян-налогоплательщиков, бежавших на частновладельческие земли. Такой проверке подверглись в 974—975 гг. владения ряда афонских монастырей. Обнаруженные там государственные крестьяне были вновь принуждены отбывать государственные повинности, а монастырям оставлены лишь контингенты париков, предусмотренные императорскими пожалованиями [45].

По своему значению в развитии процесса феодализации к солемниям и дарениям париков был близок и институт харистикия, который представлял собой передачу (в качестве условного пожалования) монастыря или иного церковного учреждения в распоряжение светского или духовного феодала. Подобные пожалования были обычно пожизненными, но иногда давались на два и даже на три поколения. Одной из первоначальных побудительных причин, вызвавших появление харистикиев, было стремление византийских императоров и патриархов к укреплению пришедших в упадок или экономически слабых монастырей.

Однако вскоре в качестве харистикиев стали передаваться и хозяйственно крепкие монастыри, а этот институт окончательно приобрел характер привилегии, дававшейся в знак императорской милости [46].

Поскольку харистикарии получали значительные права распоряжения имуществом монастыря, его хозяйством и доходами, довольно обычным явлением была расхитительная деятельность харистикариев в предоставленных им монастырях. Хозяйничанье харистикариев сводилось к извлечению максимальных выгод из вверенных их попечению хозяйств и сказывалось самым губительным образом на положении монахов, особенно их низших категорий. Так, около 886 г. монахи монастыря Иоанна Колову обманным путем добились императорского хрисовула, предоставлявшего им на правах харистикия весь Афонский полуостров. Вскоре в адрес императора последовали жалобы афонских монахов на то, что коловиты обращаются с ними, как со своими париками. После этого обман был раскрыт и притязания монастыря Иоанна Колову значительно ограничены [47].

Особенно пагубную роль в судьбе монахов играла передача под власть феодалов мелких крестьянских монастырьков, возникавших в сельских общинах. В византийской деревне нередко кто-либо из крестьян, пытаясь сохранить землю, строил на своем участке церковь и становился при ней монахом. К нему присоединялись еще несколько односельчан, так что со временем известная часть жителей данного села оказывалась монахами деревенского монастырька. Новообразованная обитель вскоре попадала в подчинение местной епископии, а впоследствии под предлогом хозяйственной несостоятельности могла быть передана под власть кого-нибудь из динатов [48]. В результате монахи-крестьяне переданного монастырька превращались в париков харистикария.

Упрочению феодальной вотчины и расширению форм частновладельческой эксплуатации крестьян способствовала и система податных привилегий, дававшихся государством крупным феодальным собственникам.

Особенно широко освобождение от уплаты податей в конце IX—X в. предоставлялось владениям церкви. В «Эпанагогу» (IX, 16) было включено общее положение о том, что митрополии и епископии не должны нести крестьянские повинности или барщины и платить подати. Афонские монахи еще во второй половине IX в. получили освобождение от «вмешательства» сборщиков налогов. «Трактат об обложении» описывает несколько типов податных льгот, даровавшихся государством церковным учреждениям. Все они представляли собой полное освобождение владений церкви от государственных повинностей и различались лишь формальными признаками, в частности способами регистрации жалуемой привилегии. Наиболее характерными из них были так называемые изъятые пожалования, абсолютный и бессрочный характер которых подчеркивался тем, что соответствующие записи о налогах устранялись из писцовых книг [49].

Особую категорию составляют податные привилегии, предоставлявшиеся монастырям в качестве пожалования так называемой экскуссии.

Это византийское учреждение обычно отождествляется с западноевропейским иммунитетом, а X век рассматривается как начальный этап в развитии этого института, как время сложения податного иммунитета. Характерным обстоятельством, отличавшим предоставление экскуссионных привилегий в X в., было то, что освобождение от податей, жалуемое феодалу, в этот период относилось к его крестьянам, но не к другим объектам собственности. Преимущественно это были частичные налоговые привилегии, освобождавшие монастырских париков от натуральных государственных повинностей и ангарий (поставки продовольствия и фуража, строительство укреплений, обязанность принимать на постой чиновников и солдат). Были, однако, случаи, когда экскуссия распространялась на основные государственные налоги — в этом случае парики вместо казны должны были уплачивать их господину. Передача феодалу права на повинности его крестьян и — как следствие — бóльшая степень феодального подчинения париков, т. е. те факторы, которые составляли существо податного иммунитета, подтверждаются данными об экскуссии париков лавры Афанасия. В 80-х годах X в. 25 париков лавры, живших в селении Хрисополь, были освобождены, по-видимому, от всех государственных налогов и, что особенно важно, платили подати лавре. Византийцы отлично сознавали, что освобождение частновладельческих крестьян от уплаты налогов государству приводило к значительному усилению их зависимости от господина. Это понимание выдает, в частности, та заинтересованность и настойчивость, с которой Константинопольская патриархия в X в. пыталась однажды добиться для своих зависимых крестьян освобождения от государственных налогов [50].

Однако, несмотря на значительную роль экскуссионных привилегий в расширении вотчинной эксплуатации крестьянства, византийская экскуссия X в. еще не создавала податной экзимированности крупного феодального землевладения. Развитие экскуссии как феодального института в X в. только начиналось. Экскуссионные привилегии имели ограниченный характер, и феодальная вотчина оставалась еще тесно связанной с государством.

Глава

3

ГОРОД ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX—X В.

Относительный упадок города ко второй половине IX в. постепенно сменяется оживлением городской жизни; по мере того как самое тяжелое время становления новых отношений в Византийской империи — время нашествий славян, болгар, аваров, арабов, значительно усугублявших трудности переходного периода, оставалось позади, частичная натурализация экономики Византии, аграризация ее городов уступает место новому росту товарного производства, подъему ремесла и торговли.

Процесс этот определялся факторами, среди которых развитие производительных сил и рост внутреннего рынка не играли главной и решающей роли. Орудия труда продолжали оставаться примитивными, рассчитанными на индивидуальное употребление и не позволявшими сколько-нибудь значительно расширить производство. Производительность труда зависела в первую очередь от личного мастерства ремесленника. Однако этим ремесленником, как правило, был уже не раб, а свободный — человек, непосредственно заинтересованный в увеличении продукции своего труда и улучшении ее качества. С другой стороны, сбыт ремесленной продукции, в первую очередь предметов роскоши, находил теперь все возрастающий спрос как среди усиливавшейся византийской феодальной знати, так и среди крепнувшей и богатевшей знати романо-германских и славянских государств, для которых Византия была в то время главным, если не единственным, их поставщиком.

Укреплению и росту городов содействовала политика императоров. Налоговые поступления от ремесла и торговли, доходы с тамо-

женных пошлин, будучи одним из основных источников пополнения государственной казны, в значительной степени определявших силу и богатство византийского централизованного государства, побуждали правительство всемерно содействовать развитию ремесла и торговли; эта политика на начальных стадиях развития сеньориальных форм эксплуатации находила поддержку и со стороны господствующего класса, немалую долю своих доходов получавшего через государственный аппарат.

Возрождение старых, а также появление новых городских центров на территории Византии, интенсификация ее внешнеторговых связей во второй половине IX и особенно в X в. были облегчены сложившейся внутри- и внешнеполитической обстановкой. После бурной эпохи иконоборчества и грозных выступлений народных низов во внутренней жизни страны наступает временное затишье; этнически инородное население Византии, в первую очередь славяне, неоднократно поднимавшие восстания против имперской власти и самовластно распоряжавшиеся в особенно густо заселенных ими районах империи, в массе своей были замирены и втянуты в ее хозяйственную деятельность. Распад Багдадского халифата сделал невозможным дальнейшие крупные наступательные операции арабов против Византийской империи. Правда, во второй половине IX и в первой четверти X в. нормальному развитию византийских городов (особенно приморских), как и всей имперской торговли, препятствовал еще более усилившийся по сравнению с предшествующим временем натиск на империю арабского флота. Пиратские разбои арабов на основных торговых путях того времени — Средиземном и Эгейском морях, нападения на приморские города Греции, Малой Азии и Южной Италии, опустошение островов Эгейского моря наносили серьезный ущерб византийским городам, затрудняли торговое мореплавание. Однако и в это время торговые сообщения по морю не прекращались. Иоанн Камениата отмечает, например, что в фессалоникскую гавань «отовсюду» прибывали корабли, а в самой Фессалонике имелось много судов, «на которых наши купцы возили хлеб»; он рассказывает также, что в Эгейском море арабский флот с пленными фессалоникийцами встретился с груженным хлебом кораблем [1]. Со второй же четверти X в., когда Византия, создав сильный флот и разгромив крупнейший из пиратских флотов — арабский,— восстановила свое господство на море, угроза пиратов для торгового мореплавания была окончательно ликвидирована.

Крупнейшими городами Византийской империи, товарное производство в которых сохранялось и в период наибольшей натурализации ее экономики, продолжали оставаться Константинополь и второй по величине и значению город империи — Фессалоника; их ремесло и торговля в X в. переживают полосу особенно бурного подъема.

Роль Константинополя не ограничивалась пределами самой Византии; это был первейший из городов тогдашнего средневекового мира. Обнесенный высокими каменными стенами с мощными крепостными башнями, еще ни разу за всю свою предшествующую историю не павшими под натиском многократно осаждавших город вра-

гов, Константинополь представлялся иноземцам неприступной твердыней. Его огромное, почти полумиллионное, население намного превышало численность западноевропейских городов даже значительно более позднего времени. Главные площади и улицы Константинополя были вымощены, в городе имелся водопровод с цистернами для хранения воды; школы, гостиницы, общественные бани — вся эта унаследованная Византией цивилизация античного мира резко отличала византийские города, и в первую очередь столицу империи, от городов Западной и Восточной Европы, только еще начинавших — в подавляющем большинстве — свою историю [2].

Правда, в этой легендарно прославленной столице на берегах Босфора пышность и красота ее дворцов, храмов и домов богачей соседствовала с ужасающей нищетой жилищ простого народа. Сравнительно небольшую (немногим более 10 кв. км) территорию Константинополя, разделенную на 300 с лишним кварталов, довольно беспорядочно пересекали чрезвычайно узкие, кривые улицы и переулки, лишенные яркого света даже в дневное время. Они были застроены в значительной части тесно лепившимися друг к другу высокими, в несколько этажей, домами, ставшими неотъемлемой принадлежностью общего вида византийской столицы уже в самую раннюю пору ее существования. Нижние этажи домов были заняты, как правило, под лавки и ремесленные мастерские, верхние снимали малосостоятельные горожане, ютившиеся в жалких каморках. Константинополь, в котором верхние этажи домов, сооружавшиеся выступами на улицу, едва не смыкались, где жилища обогревались жаровнями с углями, был подвержен частым и опустошительным пожарам. Большинство константинопольских улиц были грязными и зловонными, на них подолгу валялись отбросы. Несовершенство системы водоснабжения служило причиной нехватки в городе воды [3]. Недостаток жилищ в чрезмерно перенаселенном Константинополе определял их очень высокую стоимость: в уставе для столичных ремесленников и торговцев этого времени неоднократно встречаются статьи, запрещающие повышать квартирную плату. Городские бедняки зачастую не имели своего угла и вынуждены были даже в зимнее время ночевать под открытым небом. Об их положении в византийской столице в пору ее наивысшего расцвета можно судить хотя бы по тому, что правительству пришлось разрешить лицам, не имевшим средств для погребения покойника за городом, хоронить в черте города. «Те люди, которые всю жизнь были бедняками и ничего не имели, как они перед смертью могут добыть себе средства для погребения?» — спрашивал автор соответствующего постановления [4]. Крайняя нужда заставляла превращать в своего рода «ремесло» грабеж могил: судьям предписывалось освобождать от наказания бедняков, которые ограбили могилу в первый раз [5].

Слой городской бедноты — мелких ремесленников-одиночек, наемных работников, сезонных строительных рабочих, поденщиков — непрерывно возрастал: развитие процессов феодализации, проходившее в это время в Византии быстрыми темпами, вызывало многочисленные случаи бегства со своих земель обедневших кре-

ВАЗА.
Государственный Эрмитаж. X—XI вв.

стьян, оказывавшихся под угрозой закрепощения или лишенных средств для уплаты налогов. В Константинополе имелось огромное число нищих, проституток и другого деклассированного элемента [6].

Но при всем том Константинополь — крупнейший центр развитого товарного производства — по праву занимал то высокое место, которое отводили ему современники. Благодаря своему исключительно удачному расположению на стыке важнейших водных и сухопутных путей тогдашнего мира, прочно удерживаемой им роли связующего звена в международной торговле город являлся средоточием самой оживленной торговой деятельности. В византийскую столицу съезжались купцы из самых отдаленных стран Востока, Запада, придунайских стран, Балканского полуострова, Руси. В городе и его предместьях обосновались целые торговые колонии иностранных купцов: итальянцев, арабов, сирийцев, русских. На улицах постоянно слышалась разноязыкая речь приезжих, бурлила торговая жизнь, менялы-трапезиты до поздней ночи не прекращали денежных расчетов.

В Константинополе были сосредоточены различные государственные мастерские: монетный двор, мастерские по изготовлению оружия, императорские гинекеи, в которых вырабатывались наиболее ценные сорта шелковых пурпурных тканей. Изделия константинопольского ремесла этого времени славились далеко за пределами империи. Тончайшие шелковые ткани, золотая и серебряная парча, искуснейшим образом изготовленные ювелирные изделия и изделия из стекла, самые разнообразные предметы роскоши —

все это производилось в основном, а в ряде ремесел исключительно, в константинопольских мастерских. Главная улица византийской столицы — Меса — была застроена многочисленными эргастириями, в которых ремесленники изготовляли и продавали свои товары. Эргастирии были расположены в основном в центральных районах города и сконцентрированы обычно, как это имело место еще в античных городах, в том или ином квартале или торговом ряду в зависимости от производимой ими продукции. Так, медники размещались на Халкопратии, ювелиры — на Аргиропратии, сапожники — в Цангарии. В Артополии (или Артопратии) находились многочисленные хлебные ряды, а также лавки, торговавшие фруктами и овощами. Скот продавался главным образом на площадях Стратигия и Тавра, мясо — в особых рядах, называвшихся Димакеллон; конский базар находился на Амастрийской площади.

В Константинополе имелся также специальный рынок по продаже рабов; на особом рынке была сосредоточена продажа мехов. Существовали точно установленные базарные дни, когда торговля велась особенно оживленно.

Специфика становления в Византии феодальных отношений — непрерывное существование сильной центральной государственной власти и сохранение городского строя, со всеми вытекавшими отсюда последствиями: длительным сохранением института рабства, преемственностью от римско-эллинистического полиса производственных традиций и организации городского ремесла и торговли — все это наложило на византийский город особый отпечаток. Однако к X в. в товарном производстве византийского города уже наблюдаются изменения, вызванные общей эволюцией общественно-экономического строя империи, и он приобретает черты, характерные для городов средневекового типа.

Ценнейшие сведения об организации константинопольского ремесла и торговли, структуре и социальном составе торгово-ремесленных корпораций (цехов), правах и обязанностях столичных ремесленников и торговцев в это время дает «Книга эпарха» (см. выше, стр. 106)[7]. Содержащиеся в ней данные позволяют увидеть, что основной фигурой в византийском городе был мелкий самостоятельный ремесленник, а типичной производственной ячейкой — эргастирий, небольшая мастерская, являвшаяся зачастую одновременно и лавкой по сбыту произведенных в ней товаров. В таком эргастирии работал сам хозяин с двумя-тремя помощниками: наемным рабочим — мистием, учеником, рабом, причем труд хозяина играл, как правило, первостепенную роль. Более крупные производственные объединения создавались при больших монастырях, в домах богатейших представителей знати; особенно значительными производственными объединениями в первую очередь были государственные мастерские. Там осуществлялось разделение между ремесленниками всего процесса труда (например при изготовлении тканей) на ряд отдельных операций. Однако государственные мастерские вырабатывали свою продукцию, как правило, не для рынка, а для потребностей двора и армии; в них работали в основном рабы и лица, осужденные на принудительный труд.

ГЛАДИАТОРЫ, ЦИРКОВАЯ СЦЕНА.

Ларец. Слоновая кость. Париж. Музей Клюни. X в.

В наиболее трудоемких видах ремесла — например в производстве шелковых тканей — между производителем и потребителем имелся посредник—торговец, занимавшийся исключительно их сбытом. Так, закупку шелка-сырца и продажу шелковой пряжи вели только торговцы — метаксопраты; если катартарии, очищавшие шелк-сырец и превращавшие его в пряжу, хотели стать метаксопратами, они должны были оставить свое ремесло. Торговлю наиболее ценными видами тканей и одежды производили вестиопраты, прандиопраты и офониопраты — лица, не занимавшиеся их производством и шитьем; сирикариям, изготовлявшим шелковые ткани, запрещалось заниматься их продажей. Сбыт товаров широкого потребления (колбасы, сыра, меда, масла, овощей, веревок, глиняной посуды, гвоздей и т. п.) также находился в руках специальных торговцев — салдамариев.

Значительная часть константинопольских ремесленников и торговцев была объединена, подобно ремесленникам и торговцам городов позднеримского времени, в корпорации. Вне корпоративной организации оставались мастера, не имевшие возможности обзавестись эргастирием и вынужденные работать в одиночку прямо на улицах, в портиках и крытых галереях домов. Не были объединены в корпорации и строительные рабочие: столяры, лепщики по гипсу, работники по мрамору и т. п., нанимавшиеся на работу на определенный срок и составлявшие наиболее низкооплачиваемую ремесленную прослойку городского населения.

Корпорации IX—X вв., оставаясь в основе своей, как и корпорации позднеримских городов, производственно-торговыми объединениями лиц одинаковых профессий, во многом от них отличались. Искусственные узаконения, предпринятые некогда государственной властью с целью поддержания городов, ослабевших под тяжестью кризиса рабовладельческой системы, были отменены или попросту

отмерли в силу своей малой эффективности. Принадлежность к той или иной корпорации уже не была наследственной, принудительное зачисление горожан в корпорации отошло в область истории. Во второй половине IX—X в., с подъемом экономической жизни империи, когда ремеслом и торговлей занималась значительная часть городского населения, вступление в корпорации было связано даже с известными трудностями: для этого необходимо было, как правило, представить пять поручителей и внести в пользу корпорации, а иногда и государственной казны, определенный вступительный взнос. Хотя некоторые корпорации, как и прежде, должны были в случае необходимости выполнять определенные государственные повинности, старинные «литургии» перестали быть столь всеобъемлющими и обременительными, как в ранневизантийское время [8].

Эти изменения в положении корпораций, явившиеся следствием пройденного Византийской империей за минувшие столетия пути социально-экономического развития, не поколебали, однако, их зависимость от центральной государственной власти. Византийские корпорации, созданные, в отличие от позднейших западноевропейских цехов, скорее в интересах государства, чем для защиты интересов самих членов этих корпораций, продолжали находиться в тесном контакте с органами городского управления. Старшины корпораций являлись непосредственными помощниками представителя центральной власти — городского эпарха. Они должны были, как и вообще все члены корпораций, следить друг за другом, а также за лицами, не входившими в корпорации и тайком занимавшимися деятельностью, признанной монополией данной корпорации, и доносить ведомству эпарха о замеченных нарушениях. Корпорации обязаны были участвовать в обороне города во время вражеской осады, занимая отведенные для них места; они были участниками торжественных процессий и церемоний.

Объединенные в корпорации ремесленники и торговцы находились под защитой правительства, крайне заинтересованного в регулярном поступлении доходов с ремесла и торговли, в нормальном и бесперебойном функционировании торгово-ремесленной жизни столицы, в недопущении спекулятивного вздутия цен. Членам корпорации предоставлялись монопольное право занятия той или иной отраслью ремесла и торговли, льготные условия при закупке товаров у иностранных купцов, что в определенной степени защищало их от конкуренции и позволяло занимать привилегированное положение. Однако центральная государственная власть ставила константинопольские корпорации как в административном, так и в экономическом отношении под скрупулезнейший контроль эпарха и его штата.

Выбор старшин корпораций, как и прием новых членов, в большинстве случаев фактически зависел от воли и желания эпарха. За малейшую провинность члены корпораций подвергались всевозможным наказаниям (штраф, конфискация, исключение из корпорации, ссылка, острижение, отсечение руки, наказание плетьми), причем показательно, что телесные наказания стали применяться теперь не только к рабам, но и к свободным.

ИОАНН ПРЕДТЕЧА.

Пластинка. Слоновая кость. Государственный Эрмитаж. X в.

Деятельность членов корпораций подвергалась самой мелочной регламентации. Важнейшие вопросы даже сугубо хозяйственного характера решались эпархом. Каждый ремесленник и торговец имел право заниматься только одной профессией или одной отраслью торговли. Например, аргиропратам — ювелирам и торговцам ювелирными изделиями — разрешалось закупать необходимые для их ремесла и торговли золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни, но строжайшим образом запрещалось покупать (кроме как для собственного потребления) медь, льняные ткани и другие товары, обработкой которых и продажей занимались представители других профессий; мировары — торговцы благовониями, пряностями, красителями и некоторыми лекарственными веществами — не имели права вести торговлю предметами широкого потребления: она находилась в ведении салдамариев. Категорически запрещалось даже заниматься двумя смежными профессиями. Так, вестиопраты — торговцы шелковыми и другими ценными одеждами — не могли одновременно и торговать шелковыми тканями; прандиопратам разрешалось торговать только одеждой и тканями, привозившимися из Сирии. Строгие ограничения существовали в закупке сырья: например, плавильщик золота не имел права покупать для своей работы единовременно больше одной литры нечеканенного золота; катартарии и лоротомы также могли закупать сырье лишь в том количестве, какое они сами могли обработать. В целях наиболее удобного контроля деятельность членов особо важных корпораций была ограничена определенным местом: так, ювелиры и трапезиты должны были находиться на Месе, прандиопраты — у Эмвола и т. д.

Цена товаров и норма прибыли от продажи таких важнейших продуктов питания, как хлеб, рыба и мясо, были точно определены; строго установлена была также норма прибыли салдамариев. Строжайшим образом запрещалось создавать запасы товаров в целях спекуляции.

Во избежание конфликтов между хозяевами мастерских и нанимаемыми ими работниками последним не разрешалось до отработки полученной платы наниматься к другому хозяину; хозяин, в свою очередь, не имел права переманивать к себе чужого работника. Некоторые из этих до мелочей разработанных установлений были направлены к поддержанию в столице спокойствия по ночам: корчмарям, например, предписывалось с наступлением второго часа ночи закрывать свои заведения, «чтобы тем, которые весь день сидят в кабачках, не было разрешено приходить туда же ночью и чтобы в пьяном виде они не устраивали драк, насилий и всякого безобразия» [9]. Мировары должны были вести торговлю своими товарами «на Халке, вплоть до Милия», чтобы благовония возносились «на услаждение императорских дворцов» [10].

Специфическое положение византийского государства — монополиста по производству предметов роскоши, особое место, которое занимал византийский император среди правителей и народов того времени, побуждали центральную власть ограничивать или полностью запрещать производство ремесленниками особо ценных шелковых и шерстяных тканей, а также продажу их иностранцам [11].

НАПЕРСТКИ.
Музей Коринфа.

Их изготовление находилось в государственной монополии и происходило в государственных мастерских. Право ношения одежды, сшитой из некоторых сортов этих тканей, имел один император. Ткани, вырабатывавшиеся в государственных мастерских, использовались также для даров иностранным государям, подкупа послов, выкупа пленных [12].

Деятельность иностранных купцов в столице также подвергалась строгому контролю. Надзор за ними был поручен особому должностному лицу — лигатарию, который назначался эпархом и утверждался императором. В целях интенсификации товарооборота и ограничения конкуренции со стороны иностранных купцов, последним разрешалось (как это имело место уже в VII в.) останавливаться в Константинополе или его предместьях в специально отведенных для них помещениях на срок, не превышавший трех месяцев; в течение этого времени они обязаны были распродать товары и сделать все необходимые для себя закупки.

В своей внешнеторговой политике правительство стремилось к тому, чтобы привлекать в Константинополь иностранное купечество и ограничивать поездки столичных торговцев за границу [13]. Такая политика позволяла центральной власти держать под своим контролем и внешнюю торговлю, извлекать максимальные доходы от таможенных пошлин; интенсивная торговля в Константинополе стимулировала, в свою очередь, развитие столичного ремесла, налоги с которого также существенным образом пополняли государственную казну. Особенно строго контролировалась продажа шелка. Хотя секрет производства шелковых тканей был раскрыт еще при Юстиниане I, потеря империей Сирии и Финикии — центров разведения шелковичного червя — вынуждала византийское шелковое производство работать не столько на местном, сколько на привозном сырье. В силу этого правительство всемерно поощряло ввоз в Константинополь шелка-сырца: восточные купцы, привозившие шелк-сырец, как и скупавшие его у них константинопольские метаксопраты, были освобождены от всяких торговых пошлин. Метаксопраты должны были производить свои операции по закупке и продаже (катартариям) шелка-сырца в точно определенном месте; за попытку избежать контроля метаксопраты, как и во времена Юстиниана I, подвергались высылке из Константинополя. В отношении поездок

самих метаксопратов в чужие страны ради покупки шелка-сырца продолжало действовать восходящее к VI в. постановление, запрещавшее торговцам шелком-сырцом выезжать из Константинополя.

Стремление сохранить монополию Константинополя в производстве шелковых тканей (особенно чисто шелковых, ценившихся на вес золота), а также в посреднической торговле восточными тканями, вывозимыми на Запад, побуждало правительство заботиться о том, чтобы шелк-сырец и сирийские шелковые ткани и одежды поступали только в распоряжение константинопольских ремесленных и торговых корпораций. Эти товары должны были складываться привозившими их купцами в определенном месте — митате — и продаваться представителям константинопольских корпораций. Закупка производилась всей корпорацией; товар распределялся в соответствии с суммой взноса каждого члена и только после этого поступал на рынок [14]. В случае если сирийские купцы не успевали распродать свои товары в установленный срок, им следовало представить остаток эпарху, который давал указания о его реализации. Строжайшим образом запрещалось продавать шелк-сырец лицам, которые могли бы перепродать его за пределами Константинополя.

Политика правительства, направленная на сохранение столицей ее монопольного положения, проводилась не только по отношению к иностранцам, но и к иногородним. Запреты и ограничения в области продажи шелка-сырца, шелковых тканей и одежды распространялись и на византийских подданных, не являвшихся жителями Константинополя. Вообще торговля с купцами провинциальных городов империи продолжала рассматриваться, как и во времена античности, как внешняя, что в немалой степени тормозило создание в Византии внутреннего рынка.

Относительно организации ремесла и торговли в провинциальных городах источники не дают почти никаких сведений. В «Книге эпарха» содержатся данные только о Константинополе, специфика которого как столичного города, не могла не наложить своего особого отпечатка. По-видимому, и в провинциальных городах, во всяком случае в крупнейших из них, также существовали корпорации. В протоколе свидетельских показаний жителей Фессалоники, относящемся к самым первым годам XI столетия (1008 г.), упоминаются экзархи, которые, очевидно, были старшинами корпораций [15]. Несомненно, с другой стороны, что ремесленники и торговцы провинциальных городов пользовались большей свободой действий, поскольку целый ряд запретов и ограничений, действовавших в столице империи, там был невозможен и просто ненужен.

Среди провинциальных городов Византийской империи самым значительным была Фессалоника — важный торгово-ремесленный, административный, военно-стратегический и культурный центр; утверждали даже, как пишет арабский историк X в. Табари, что она «равняется Константинополю» [16]. Численность ее населения, особенно возросшая в конце IX в. в связи с нападениями пиратов на приморские города и острова (вынуждавшими жителей переселяться в считавшуюся недоступной врагу благодаря своим крепостным укреплениям Фессалонику), достигала, по всей вероятности,

ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГРИФА
Санс. Ок. 1000 г.

200 тыс. человек [17]. В городе, основанном еще в эллинистическую эпоху, сохранялись, как и в Константинополе, некоторые элементы благоустройства эллинистическо-римского полиса: водопроводы с цистернами, общественные бани, вымощенные камнем и выложенные мраморными плитами улицы и т. п. Правда, многие из этих сооружений древности находились в запущенном состоянии и не восста-

навливались. К X в. от правильной геометрической планировки города уцелели две-три прямые и широкие улицы, пересекавшие город с запада на восток и с юга на север; остальные же улицы Фессалоники, особенно в припортовой ее части, где жила городская беднота, были кривыми и узкими [18].

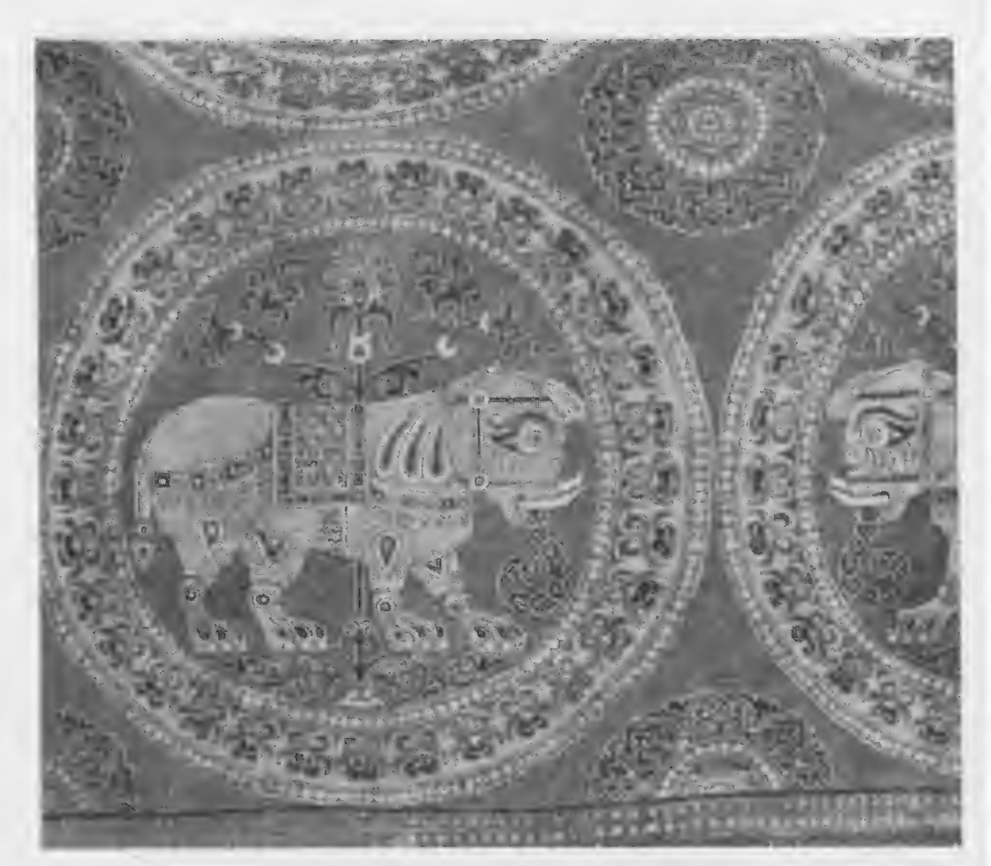
Великий путь древности — знаменитая Via Egnatia, проходившая через Фессалонику и связывавшая ее с Адриатическим побережьем на западе и с Константинополем на востоке, продолжала оставаться основной магистралью города. По Via Egnatia в Фессалонику прибывали многочисленные купцы. Здесь они останавливались на отдых, сбывали часть своих товаров и приобретали нужные для себя вещи. «Проще было пересчитать песчинки на морском берегу,— с гордостью заявляет Камениата,— чем людей, проходивших через рыночную площадь и заключавших торговые сделки» [19]. О значительных торговых оборотах города свидетельствуют и сохранившиеся моливдовулы фессалоникских коммеркиариев [20]. В результате оживленной торговой деятельности «у многих накопились несметные сокровища золота, серебра и драгоценных камней, а шелковых тканей было столько, сколько у других шерстяных» [21]. Приезжавшим в город купцам фессалоникийцы продавали, наряду с продовольственными товарами, всевозможные изделия своего ремесленного производства.

Особенно развиты в Фессалонике были ремесла, связанные с обработкой металлов. «О меди, железе и олове, о свинце и стекле, которым ремесла благодаря обработке огнем придают жизнь, я считаю излишним и упоминать,— пишет Камениата,— ибо их столько, что благодаря им можно возвести и построить еще один город» [22]. Медной и железной утвари, награбленной арабскими пиратами за несколько дней пребывания в Фессалонике в 904 г., было так много, что военачальники запретили погружать ее на корабли, стремясь оставить место для более ценных вещей.

В Фессалонике было превосходно поставлено производство различных видов оружия. Известно, что в 908 г. (спустя всего 4 года после страшного опустошения города арабами) стратиг Фессалоники должен был поставить 200 тыс. стрел, 3 тыс. дротиков и большое количество щитов для организованной империей морской экспедиции против арабов [23].

Хорошо было развито в Фессалонике изготовление различных тканей, главным образом высокосортных льняных и шерстяных: в течение продолжавшегося десять суток грабежа Фессалоники арабы вынесли из города такое множество шелковых одежд и льняных тканей, «которые по тонкости соперничали с паутиной», что все эти вещи, сложенные в гавани для погрузки на корабли, образовывали «горы и холмы» [24]. Количество шерстяных одежд, принесенных жителями для своего выкупа, было столь велико, что арабы вообще считали излишним приобретать их.

Эта нарисованная очевидцем картина, вероятно, довольно близка к действительности: во всяком случае в окрестностях города были прекрасные условия для развития овцеводства, а ткачи полотняных тканей могли закупать необходимое им сырье в долине



ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СЛОНОВ.

Часовня Карла Великого в Аахене X—XI вв.

Стримона — именно отсюда льняные ткани в большом количестве доставлялись в Константинополь.

В Фессалонике — крупнейшем морском порте всего Эгейско-Средиземноморского бассейна — было много ремесленников-судостроителей. В 904 г. арабы захватили в фессалоникской гавани 60 принадлежавших городу кораблей, поместив на них пленных и добычу, которые не уместились на их собственных кораблях [25].

В хозяйственной жизни Фессалоники заметную роль играли осевшие еще в VII в. в окрестностях города славянские племена — сагудаты, драгувиты и стримонцы. Хотя в это время процесс разложения уже затронул славянские общины (см. выше, стр. 116), значительная часть славян-земледельцев еще оставалась свободными людьми. Они являлись тем производительным населением, которое снабжало город основным продуктом питания — хлебом. Славяне, жившие в Халкидике, и в частности в самом центре рудных разработок — Сидерокавсии (главным образом ринхины), были поставщиками сырья для одной из наиболее высоко развитых в Фессалонике отраслей ремесленного производства — обработки металлов. Наконец, славянские племена, раскинувшие свои селения вдоль

Via Egnatia, а также занимавшие земли там, где начинался большой торговый путь по долине Вардара на север, в Белград, были посредниками в торговле между Фессалоникой и Болгарией [26].

Насколько можно судить на основании нумизматического материала, в конце IX—X в. начинается возрождение Афин и особенно Коринфа: количество найденных на территории этих городов монет, относящихся к X в., заметно увеличивается по сравнению с предшествующим временем [27]. Спарта в X в. была известна искусными мастерами по отделке шелковых тканей. Подъем ремесла в Коринфе, Афинах и Спарте подтверждается находками керамических изделий на территории этих городов; эти находки свидетельствуют об улучшении техники керамического производства.

Крупными транзитными пунктами в торговле империи с Закавказьем и Месопотамией были Амастрида, Арце и особенно Трапезунд, возведенный во второй половине IX в. в ранг митрополии. «Трапезунд является пограничным городом греков. Все наши купцы приходят туда. Все ткани греческого производства, вся парча, которая ввозится на мусульманскую территорию, проходят через Трапезунд»,— писал арабский географ X в. Истахри [28]. В Трапезунде ежегодно происходила ярмарка, на которую съезжались мусульманские, византийские, армянские и другие купцы. Трапезундские купцы наряду с арабскими были одними из основных поставщиков для Константинополя восточных пряностей и благовоний, доставлявшихся из Ирана, Средней Азии, Индии, Цейлона, Явы, Тибета, Аравии [29]. Из Сирии привозились высоко ценившиеся разнообразные ткани, одежды, ковры, а также благовония и красители. Постепенная стабилизация положения Византии в Малой Азии, отвоевание в конце X в. столицы Сирии — Антиохии предоставили империи возможность активизировать торговлю как с арабскими, так и с более отдаленными восточными странами.

Заметно оживляется торговое мореплавание по Черному морю. Возрождаются и развиваются связи империи с Херсоном, переживавшим с конца IX в. экономический подъем, а также с Северным Причерноморьем [30]. С конца 60-х годов IX в. в Херсоне возобновляется выпуск местной бронзовой монеты, город усиленно застраивается. Херсон — центр всей северопричерноморской торговли Византийской империи, вел оживленный товарообмен с причерноморскими кочевниками, в первую очередь с печенегами. Печенеги приобретали в Херсоне шелковые ткани, бархат, металлические предметы, перец, привозя взамен продукты скотоводческого хозяйства, а также меха и воск, которые они выменивали на Руси или захватывали там во время набегов. Пушнину, пользовавшуюся большим спросом среди византийской знати, и требовавшийся империи в большом количестве воск херсонские купцы перепродавали потом в Константинополе и других городах Византии. В трактате «Об управлении империей» Константин Багрянородный отмечает, что «когда херсонцы не ездят в Романию (т. е. в Византию.— *Ред.*) и не продают там шкуры и воск, которые они скупают у печенегов, они не могут существовать [31]. На вымененные у кочевников товары херсонцы покупали византийские ткани, поливную посуду, резную кость, а в южночерно-

ВЕРЕТЕНА.
Музей Коринфа

морских портах фем Вукелариев, Пафлагонии и Армениака — хлеб, вино и другие продукты питания. Предметами собственной торговли Херсона были соль и рыба.

Помимо Херсона, Византия имела и другие форпосты своей северопричерноморской торговли. Известно, например, что в конце IX — начале X в. мадьяры обменивали в византийской черноморской пристани Карх (очевидно, Керчь) захваченных у славян пленников на византийскую парчу, ковры и т. п.

Во второй половине IX в. завязываются торговые связи Византии с Киевской Русью, которые в X в., по мере политических и хозяйственных успехов последней, а также благодаря принятию Русью христианства по греческому обряду, все более развиваются и крепнут (см. ниже, стр. 229).

Расширяется торговля Византийской империи с западноевропейскими странами, а также с возникшими и возникавшими на принадлежавших ей некогда землях Балканского полуострова славянскими государствами.

Устойчивость византийской золотой номисмы, при слабом развитии денежного хозяйства, обилии различных монетных систем и низком качестве монеты в Западной Европе, делала ее самой распространенной и ценной монетой на рынках Средиземноморья, выполнявшей роль международных денег [32].

В X в. вновь расширяются связи Византии с итальянскими приморскими городами. Довольно регулярной была торговля между Византией и Венецией, окончательно освободившейся к концу X в. от всякой, даже чисто внешней, зависимости от империи. Роль Венеции в византийско-венецианской торговле заметно возросла. Интенсивно развивая судостроение, Венеция стала перевозить на своих судах значительную часть предназначавшихся для стран Запада византийских и восточных товаров. В 992 г. Византия заключила с Венецией, уже как с равноправной стороной, соглашение, согласно которому таможенные пошлины на грузы венецианских купеческих судов были снижены [33]. Из южноитальянских городов наибольшего расцвета достиг Бари, являвшийся главным центром византийских владений в Южной Италии и особенно оживленно торговавший с Константинополем и Диррахием, а также Амальфи. Амальфийцы имели собственные мастерские в Константинополе и образовывали там особую церковную общину; их колонии появились в Диррахии и Антиохии; амальфийские купцы торговали с североитальянскими городами, испанскими и африканскими арабами. Арабский географ и купец Ибн-Авкал, посетивший Амальфи в 977 г., отмечает, что это был «самый процветающий, знаменитый, богатый и блестящий» город Италии.

Наибольшим спросом у итальянцев пользовались византийские шелковые ткани. Известен случай, когда купцы из Аквилеи поселились в области Спарты, чтобы скупать шелковые изделия непосредственно в этом городе, на месте их производства. Амальфийские купцы и венецианцы ухитрялись контрабандой вывозить из Византии особые сорта шелковых тканей, которые запрещалось экспортировать. Помимо шелковых тканей и шелковых одежд, Византия продавала итальянским городам ремесленные и художественные изделия, перепродавала восточные пряности; у итальянских купцов, в частности венецианцев, она покупала далматинский лес для судостроения, оружие и рабов.

Косвенные показания источников, а также памятники материальной культуры, свидетельствующие об употреблении франкской и англосаксонской знатью шелковых византийских одеяний, о приобретении византийских ювелирных изделий, указывают на торговлю Византии и с другими странами Западной Европы [34]. Известно также, что западные купцы привозили в Константинополь галльское мыло.

Все большее место в товарообороте Византийской империи приобретает торговля с придунайскими странами, в первую очередь с Болгарией. Торговые связи обоих государств особенно усиливаются после принятия болгарами христианства (см. ниже, стр. 198), причем наиболее оживленными становятся торговые отношения между Болгарией и расположенной в непосредственной близости от визаний-

ско-болгарской границы Фессалоникой [35]. В торговле империи со славянскими странами Балканского полуострова Фессалоника вообще играла не менее значительную роль, чем Константинополь. Торговые связи Византии со славянами проходили главным образом по древней дороге, связывавшей Белград с Константинополем и имевшей ряд боковых ветвей-дорог во внутреннем массиве Балканского полуострова, а также по Via Egnatia [36]; при этом путь Морава — Вардар, связывавший Дунай с Фессалоникой, не уступал по своему значению шедшему на Константинополь пути Морава — Марица.

В X в. эти важнейшие торговые пути почти полностью оказались под контролем Болгарии, завладевшей византийскими землями вплоть до глубин Фракии и Македонии. Византийская торговля с западнославянскими странами и Русью в немалой своей части осуществлялась через Болгарию: доставлявшиеся из Византии товары обменивались здесь на различные продукты славянского производства. В X в., несмотря на заполняющие это столетие длительные болгаро-византийские войны, развитие торговых связей между обоими государствами не прекращается. Хорошо известны слова русского князя Святослава, побывавшего в болгарской столице Переяславце на Дунае в середине X в.: там, говорит он, «вся благая сходятся: от Грекъ злато, паволоки, вина и овощеве разноличные; из Чехъ же, из Угорь, сребро и комони, из Руси же скора и воскъ, медъ и челядь» [37]. Основными предметами болгарской торговли в Константинополе были льняные ткани и мед, взамен которых болгары приобретали византийские шелковые ткани и другие товары. Болгары продавали также рабов [38].

Торговля между империей и Болгарским государством носила в это время по преимуществу все еще меновой характер: арабский хронист Аль-Масуди (20—50-е годы X в.) отмечает, что болгары не имели ни золотых, ни серебряных монет и рассчитывались за покупки коровами и овцами [39]. Камениата, рассказывая о торговле Фессалоники с болгарами, также говорит, что обе стороны «обменивали между собою необходимые продукты» [40].

Существование в крупных византийских городах развитого, дифференцированного по отдельным отраслям ремесленного производства, хорошо налаженной торговли, широкое распространение товарно-денежных отношений не изменяли общего характера городской экономики: во второй половине IX—X в. византийский город по типу хозяйственной жизни был городом средневековья.

Наряду с производством на рынок ремесленных изделий, немалое место в городской жизни все еще занимало товарное производство продуктов сельского хозяйства. Процветание даже таких торгово-ремесленных центров, какими были Константинополь и Фессалоника, в известной степени определялось плодородием почвы и интенсивностью эксплуатации земель в прилегающих к ним пригородных районах. Камениата самым обстоятельным образом описывает окружавшие Фессалонику земли, засаженные виноградниками и садами, и объясняет благосостояние жителей города обилием плодов земледелия и доходами от торговли [41]. Широко распростра-

ненным предметом торговли была также рыба. «Реки,— пишет Камениата,— доставляют городу изобилие благодаря доходам от рыболовства» [42]. Возделанная земля, сады и виноградники имелись и в пределах самих городов. Некоторые византийские города вообще являлись по преимуществу административно-фискальными, военными, церковными центрами или пунктами транзитной торговли, жители которых значительную часть своих потребностей удовлетворяли натурально-хозяйственным путем.

Хозяйственная жизнь города базировалась на простом товарном производстве, позволявшем ремесленнику и торговцу лишь обеспечивать, как правило, свое существование. Даже в том случае, когда какому-либо члену корпорации удавалось разбогатеть, вершиной его стремлений была покупка звания, должности, земли, а не расширение производства. Самый уровень развития производительных сил, запрещение со стороны центральной государственной власти расширять эргастирии, сковывавшие свободное развитие ремесла и торговли, регламентация и контроль обусловливали переход разбогатевшей торгово-ремесленной верхушки в ряды земельных собственников и чиновников, не позволяли им стать крупными предпринимателями.

Возможности для развития предпринимательства сановной знати также были ограничены. Императорская власть, выражая в целом интересы константинопольской знати, не решалась, тем не менее, оставить вне контроля ее предпринимательскую деятельность в области ремесла и торговли: непомерное возрастание могущества константинопольской знати, опасное для византийской автократии само по себе, создавало бы непосильную для рядовых ремесленников конкуренцию и лишало бы государственную казну значительной доли доходов. Сановная знать могла иметь в своих домах ремесленные мастерские, производившие изделия (главным образом различного рода ткани) лишь для собственного потребления, а не на рынок. Правда, господин мог использовать в качестве подставного лица своего раба, которому разрешалось иметь мастерскую на основе свободного распоряжения пекулием. Однако подобная мастерская находилась, как и все прочие эргастирии, под контролем городской администрации. Особенно высоко ценившиеся сирийские ткани сановникам и некоторым влиятельным лицам разрешалось закупать непосредственно у привозивших их восточных купцов, однако лишь в количестве, необходимом для их собственного потребления.

Хотя применение наемного труда в это время имело довольно большое распространение, он не играл решающей роли в производстве. Византийские мистии не составляли устойчивой прослойки городского населения: ими могли временно стать в силу сложившихся обстоятельств и самостоятельные прежде ремесленники, нередко нанимавшиеся на работу со своим собственным инструментом, и лица, отрабатывающие задолженность, и рабы, направлявшиеся господами для занятия той или иной отраслью ремесла или просто нанимавшиеся тайком от господина. Мистиями на временную работу, не требующую квалификации, нанимались нищие и т. д. Мистии не были постоянными работниками: хозяин вообще имел право, как

это было еще и в VI в., заключать договор с работником и выплачивать ему деньги лишь на срок, не превышающий одного месяца. По истечении срока действия договора мистий мог или заключить с прежним хозяином новый договор, или перейти к другому хозяину; если у него появилась возможность самому закупить сырье, он мог стать, при примитивности орудий труда того времени, самостоятельным ремесленником; не найдя спроса на свою рабочую силу, мистий превращался в нищего. Положение мистия в значительной степени определялось довольно неустойчивой конъюнктурой на константинопольском рынке, зависевшей от обстоятельств чисто внешнего порядка [43].

В византийском городе X в. труд рабов находил еще довольно широкое применение. Рабы использовались в качестве подсобных работников в эргастириях, в домах крупной знати, а также в государственных мастерских. Раб и сам мог открыть — при условии поручительства за него господина — свою мастерскую или лавку и стать членом корпорации. Эта наметившаяся еще в ранневизантийском городе тенденция передавать рабу ремесленную мастерскую или поручать ему ведение какого-либо дела на праве свободного распоряжения пекулием становится в X в. широко распространенным явлением. Рабы не допускались лишь в особо важные корпорации, например в корпорацию трапезитов, выполнявшую функцию регулирования монетного обращения; они не фигурируют в торговле импортным шелком, одеждами, благовониями. Рабы не встречаются, с другой стороны, в корпорациях хлебопеков, мясников, свечников, кожевников: незначительный доход, получаемый от занятия этими отраслями ремесла и торговли, делал невыгодным для господина использование в них своего раба. Рабы направлялись по преимуществу в корпорации, занимавшиеся производством предметов роскоши, где доход, по-видимому, в меньшей степени подлежал контролю государственных чиновников.

Значительную эволюцию претерпело к X в. внутреннее политическое устройство византийского города. По мере усиления центральной власти, укрепления и расширения бюрократического аппарата процесс постепенного урезывания муниципальных свобод и привилегий приходит к своему логическому завершению [44]. Юридическим оформлением сложившегося к этому времени положения вещей было изъятие из государственного законодательства старых законов о куриалах и куриях, «накладывающих на них тяжелые и невыполнимые литургии, а в качестве вознаграждения дающих куриям право на занятие некоторых начальственных должностей и самостоятельное управление городами».— «Теперь,— говорится в императорской новелле,— император обо всем заботится и печется сам и с божьей помощью все дела направляются и решаются его попечением...» [45]

Даже в такой отдаленной окраине империи, как Херсон, местное самоуправление перестало иметь сколько-нибудь существенное значение. Правда, херсонцы вели себя отнюдь не как покорные подданные империи: в конце IX в. там был убит стратиг Херсонской фемы Симеон, а Константин Багрянородный указывает на возможность

в Херсоне городских волнений. Однако это уже не протесты города, сильного своим местным самоуправлением и независимостью: хотя в Херсоне, как и в некоторых других городах Византийской империи, вплоть до начала XI в. продолжала существовать должность протевонтов, эти представители местной городской знати не являлись помехой для осуществления империей централизованного управления городами [46].

Значительные сдвиги, происшедшие в социально-экономических отношениях Византии, во многом преобразили во второй половине IX—X в. византийский город. Внутриимперские условия, как и внешнеполитическая ситуация, способствовали тому, что товарное производство и обращение переживали в этот период подъем. Однако среди специфических для византийского города черт, наряду с такими благоприятными обстоятельствами, как сохранение со времен античности товарно-денежного хозяйства с его детально разработанными правовыми нормами, имелись и такие, которые сковывали его свободное развитие, порождали внутреннюю слабость.

Полная зависимость константинопольских корпораций от центральной власти, регламентация всех сторон их жизни, консервирование устаревших форм организации ремесла и торговли — все это явилось тормозом на пути развития городской экономики. Наличие в ряде торгово-ремесленных корпораций как свободных, так и рабов лишало их сословного единства, внутренней сплоченности. Политика византийского правительства, направленная на ограничение поездок константинопольского купечества за пределы столицы, ставила его в невыгодное положение перед уже начинавшим развивать активность и набирать силы купечеством итальянских городов. Чрезвычайно замедленное образование внутреннего рынка, с одной стороны, и укрепление мощи феодальных магнатов — с другой, способствовали созданию местных торгово-ремесленных центров, экономическая и политическая власть в которых попадала в руки крупных земельных собственников, а не купечества. Однако эти отрицательные для развития византийского города моменты начали выявляться, и то еще в очень незначительной степени, лишь с конца X в. В течение всего периода со второй половины IX и в X в. Константинополь мог пользоваться всеми преимуществами своего привилегированного положения, а развитие провинциальных городов пошло даже ускоренными темпами.

Глава
4

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX—X В.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Начиная с VIII в. византийское государство постепенно укрепляется, центральный аппарат все более усиливается (см. выше, стр. 35), и к X в. создаются классические формы византийской государственности. Государственный аппарат в эту пору пытался контролировать все проявления экономической, политической и культурной жизни страны. Централизованность государственного управления коренным образом отличала Византию от современных ей феодально-раздробленных государств Западной и Центральной Европы и, наоборот, сближала ее с халифатом.

Однако всевластие центрального аппарата имело в Византии экономически и политически обусловленные пределы. С одной стороны, неразвитость путей сообщения и экономическая самостоятельность сел, затерянных в лесистых горах, или городов, ведущих полунатуральное хозяйство, ограничивали вмешательство константинопольских властей и создавали естественные предпосылки для сохранения элементов самоуправления; связь таких городов и сел с центром практически сводилась к уплате дважды в год налогов и к приему случайно нагрянувшего чиновника. С другой стороны, едва только византийское государство достигает, казалось бы, наивысшей степени централизации, как развитие феодальных институтов и хозяйственный прогресс провинциальных городов начинают подготовлять почву для грядущей раздробленности.

 Идеологи византийского государства утверждали, что все византийское общество представляет собой некое единство — по их тер-

минологии, общину (κοινότης) — и что интересы этой общины стоят выше интересов отдельного человека. «Вы хорошо понимаете,— писал патриарх Николай Мистик,— что спасение общины принесет каждому спасение его частных интересов, но, если она погибнет, какая же останется защита для частного человека»? Общие интересы требуют и общих действий. «Как же еще помочь в общей беде, если только все не возьмутся за исправление бед в меру своих сил?» [1]

Но если государство — община, скованная общими интересами, то его подданных следует рассматривать как равных и равноправных граждан. Идею всеобщего равенства особенно детально развивал на рубеже IX—X вв. анонимный автор трактата, именуемого «Тактикой Льва»; он утверждал, что благородство человека определяется не его происхождением, не знатностью его предков, но его собственными заслугами и добродетелью.

Все граждане империи объявлялись детьми императора-отца. Императорские новеллы называют василевса справедливым отцом, который в равной мере любит всех своих детей [2]. Еще подробнее эта мысль развита в «Эпанагоге» (II, 1). «Император,— читаем мы там,— являет собой воплощение законности и общее благо для всех подданных. Он никого не преследует, руководясь враждой, но раздает награды в соответствии с добродетелью каждого».

Византийское учение о равенстве граждан имело идейные корни и в античных политических учениях, и в нормах римского права, и — в какой-то мере — в христианской этике, провозглашавшей равенство перед богом. Но влияние античных и христианских принципов могло осуществиться лишь потому, что социальная структура византийского общества давала для этого известные основания. В отличие от Запада, в Византии X в. еще не сложились замкнутые классы-сословия, чьи привилегии и обязанности передавались бы по наследству; хотя место человека в обществе определялось его принадлежностью к корпорации (стратиотов, цеховых мастеров, монахов, чиновников и т. п.), корпорации эти не стали недоступными для чужаков кастами. Возможность для отдельных выходцев из народа — благодаря случайности или настойчивости — подняться на самые высокие общественные ступени создавала иллюзию «демократичности» социальных порядков — иллюзию, закрепляемую официальной пропагандой.

В учении о всеобщем равенстве был один момент, чрезвычайно импонировавший идеологам византийского государства: всеобщее равенство в византийском понимании оборачивалось всеобщим бесправием перед могущественным государем. Если идеологи византийского государства объявляли императора «справедливым отцом» всех граждан, «общим благом» и воплощением законности, то одновременно с этим они рассматривали его как господина (δεσπότης), а все население империи — как его подданных и рабов. Из представления о поданных как о рабах вытекало и учение о том, что управление всеми делами должно принадлежать императору [3]. Иначе говоря, идеологи византийского государства провозглашали номинальное равенство всех граждан империи только для того, чтобы превратить его в равенство подданных, в бесправное ра-

венство перед лицом всевластного господина — императора. Эта политическая теория опять-таки коренным образом отличалась от правосознания, господствовавшего на Западе, где государь выступал лишь как «первый среди пэров» и где, следовательно, разграничение проводилось не между сувереном и подданными, а между феодалом и податным сословием.

По официальным византийским представлениям, власть василевса была божественной [4]. Каким бы способом император ни достиг престола — убийством, подкупом или интригами,— считалось, что господь возвел его на царский трон и коронация механически очищала от всех ранее совершенных грехов [5]. Божественность императорской власти закреплялась всем ритуалом константинопольского двора: по словам Константина Багрянородного, ритм придворной жизни отражал гармонию и порядок, созданные творцом для вселенной [6].

Император носил особую одежду: багряные сапожки, многоцветные шелковые расшитые золотом и жемчугом облачения, корону; даже конь василевса был убран золотом, жемчугом, драгоценными сирийскими тканями. Императорский дворец считался святыней, и всякое появление государя перед вельможами и народом разыгрывалось как театральное представление: ему отвешивали земные поклоны, целовали стопы и колени, перед ним возжигали свечи и курили фимиам. В определенные дни император должен был совершать выходы из Большого дворца: пешком или верхом на лошади, облаченный в парадные одежды, он направлялся в церковь св. Софии или в иной константинопольский храм, чтобы присутствовать на богослужении; на это зрелище собирался весь город, и граждане приветствовали василевса в соответствии со строгими формулами аккламаций (славословий) [7].

Божественный император считался владыкой вселенной, ойкумены, а земли, где властвовали «варвары», лишь временно им утраченными. Он был единственным истинным государем, тогда как все остальные правители лишь архонтами, «начальствующими» — византийская политическая теория долгое время не соглашалась признать титул «василевса» за преемниками Карла Великого.

Культ императорской власти был предназначен для того, чтобы, эмоционально воздействуя на подданных, поднять императора до уровня божества, подчеркнуть его всевластие.

Прерогативы василевса были чрезвычайно широки. Хотя византийское право сохраняло частнособственнические принципы римского права, политическое учение предоставляло василевсу — как, впрочем, и римскому августу — верховное распоряжение всей земельной собственностью подданных. Объявляя всякую недвижимость подчиненной государству (ὑποδημόσιον), византийское государство присваивало право конфисковать — без суда и следствия — любой земельный надел. Василевс свободно распоряжался государственной землей и налогами, он мог пожаловать монастырю или частному лицу как землю, так и право на взимание налогов. Император считался верховным судьей и мог без суда сослать в монастырь, заключить в тюрьму или ослепить неугодного ему человека.

Он назначал и смещал чиновников, принимал посольства, издавал законы, командовал войсками.

И все же власть василевса была ограниченной. Эта ограниченность проявлялась прежде всего в отсутствии престолонаследия: сын василевса не рассматривался византийским обычаем как непременный наследник отца, императором делало не рождение, а определенная церемония; церемониал был сильнее, чем родство, и императором мог стать любой, самый далекий от своего предшественника человек. Эта система коренным образом отличалась от порядка престолонаследия в большинстве феодальных государств того времени: недаром хазары смеялись над византийцами, не знающими наследственности императорской власти [8].

Формально провозглашение императором предполагало участие народа: церемония совершалась на ипподроме, где жители Константинополя символизировали население всей империи. Провозглашение войском или синклитом также имело конституционное значение: войско и синклит выступали в данном случае как представители народа. Однако с IX в. даже формальное волеизъявление народа постепенно сводится на нет — император сам объявляет об избрании преемника.

Византийцы широко практиковали институт соправителей, который в какой-то мере должен был обеспечивать упрочение принципов легитимности: еще при жизни государя его сыновья или иные близкие родственники становились соправителями [9]. Но если в VII в. соправителей (формально) избирал народ, то в IX—X вв. их, как правило, назначал сам василевс. Институт соправителей не обеспечивал династического принципа престолонаследия, сам являясь порождением слабости легитимных представлений. К тому же институт соправителей (число которых было подчас довольно значительным) не мог не ограничивать полновластие «великого василевса».

Тот самый церемониал, который возносил императора до уровня божества, ставил, как это ни парадоксально, определенные пределы полновластию василевса. Ритуал облачений, выходов, приемов погружал государя в рутину обычаев и правил, изменить которые было невозможно. Константин Багрянородный сообщает весьма примечательное предание: в храме св. Софии хранились императорские венцы и иные украшения, предназначенные для больших праздников: если василевс наденет их в будний день, его ждет болезнь и тяжкая смерть. Но не только церемониал Большого дворца нерушим — император бессилен лишить вельможу титула; титул, однажды пожалованный, остается пожизненным.

Традиционализм, с такой яркостью выразившийся в рутине придворного ритуала, накладывал свою печать и на политическую жизнь страны. Император рассматривался как хранитель традиций, будь то римское право или постановления соборов; если расправа с отдельным лицом не доставляла василевсу особенных сложностей, то попытка сколько-нибудь серьезных реформ расценивалась как нарушение божественных установлений. Этот традиционализм, превращая василевса в «раба церемониала», подчеркивал (как и отсутствие твердого порядка престолонаследия), что «божественным»

и полновластным является не каждый данный император, но василевс «вообще», самый принцип императорской власти. Иначе говоря, обожествляется не личность императора и не данный род, имеющий исключительные права на престол, но самый императорский престол, средоточие государственного аппарата. Усиление государства в византийских условиях IX—X вв.— это не усиление личной власти государя, а возрастание роли центрального аппарата, возрастание централизации.

Вместе с тем в византийской конструкции императорской власти начинают проявляться новые тенденции, порожденные воздействием феодальных отношений. Это прежде всего упрочение принципа легитимности (см. ниже, стр. 175) и возникновение элементов частноправовых отношений между государем и подданными. В X в. византийский «самодержец» (αὐτοκράτωρ), по собственному произволу распоряжающийся жизнью и имуществом подданных, заключает частный договор с тем или иным из подданных, подтверждая свои обещания клятвой [10].

Как и на Западе, господствующий класс в Византии IX—X вв. имел иерархическую структуру, но в отличие от Запада византийская иерархия основывалась не на вассально-ленных связях, а на раздаваемых императором титулах. Согласно «Клиторологию» Филофея [11] (обряднику, составленному в самом конце IX в), византийская сановная знать и все чиновничество разделялось по 18 рангам: в IX—X вв. каждый чиновник — от самой мелкой пешки в государственном аппарате до руководителей центральных ведомств — должен был иметь титул.

Редко встречавшиеся высшие титулы (кесарь, новелиссим, куропалат и т. п.) жаловались почти исключительно ближайшим родственникам императора. За этими экстраординарными титулами следовали чины первого класса (магистр, анфипат, патрикий и протоспафарий), обладатели которых составляли верхушку византийского чиновничества. Число магистров не должно было одновременно превышать 12 человек [12]. Самые термины, обозначавшие высшие титулы, восходили к римской терминологии: «патрикий» соответствовал римскому патрицию, «анфипат» — римскому проконсулу. Однако византийская действительность IX—X вв. не знала ни римских патрициев, ни проконсулов: соответствующие термины оказывались лишь старой оболочкой, под которой скрывалось новое содержание [13]. Термин «протоспафарий», появившийся впервые в поздней Римской империи, обозначал тогда первых императорских спафариев («меченосцев») и только с начала VIII в. сделался названием чина [14].

Ниже протоспафариев шли чины второго (спафарокандидаты), третьего (спафарии) и четвертого класса; к последнему Филофей причисляет различные титулы, позднее (в XI в.) обозначавшиеся единым термином — «кандидат».

Специфической чертой византийской иерархии являлась ее текучесть, нестабильность: титул считался пожизненным, но ни в коем случае не наследственным; пожалование чина являлось в Византии личной акцией императора и распространялось только на получа-

теля. Если в поздней Римской империи (во всяком случае в ее западной половине) сыновья сенаторов автоматически уже с самого своего рождения удостаивались титула clarissimi [15], то в Византии IX—X вв. не существовало наследственности званий. Конечно, дети вельмож и чиновников на практике имели больше шансов проникнуть в среду сановной аристократии — но нередко ранняя смерть какого-нибудь чиновника ставила его вдову и малолетних детей перед угрозой чуть ли не голодной смерти. Вместе с тем отдельные стратиоты, крестьяне, горожане, императорские вольноотпущенники время от времени вливались в ряды служилой знати.

Каждый человек, получающий титул, должен был заплатить немалую сумму. Были установлены расценки на все титулы, а если получатель желал, чтобы соответствующие инсигнии и диплом были вручены ему в особо торжественной обстановке, сумма возрастала [16]. Некоторых императоров X в. даже упрекали в том, что они сделали чины и должности продажными.

Приобретение титула давало, разумеется, определенные материальные преимущества: византийские чиновники получали жалованье (например, патрикий — 12 фунтов золота в год и праздничное платье, а магистр — 24 фунта и два платья), кроме того, им вручались подарки в дни коронации, в церковные праздники и в некоторых иных случаях. Однако далеко не одни материальные выгоды делали титулы привлекательными — титул давал положение, пусть личное, пусть не передаваемое по наследству; титул открывал дорогу в корпорацию сановной знати, в правящую клику. Некий клирик Ктен, живший на рубеже IX—X вв., захотел стать протоспафарием. Император отказал ему, ибо считал невозможным пожаловать высокий титул безвестному клирику. Тогда при посредстве императорского фаворита Ктен пообещал заплатить за титул 60 фунтов золота (обычная цена такого чина колебалась между 12 и 22 фунтами) и все-таки добился своего. Уплаченная им сумма была слишком велика, чтобы пожилой клирик мог рассчитывать возместить ее за счет жалованья, но его манили не деньги, а блеск титула, место в чиновной иерархии, более ценное в византийских условиях, нежели крупная денежная сумма.

В соответствии со своими чинами византийские вельможи должны были занимать скамьи во время трапез во дворце: специальному должностному лицу — атриклину — было поручено строго различать значение чинов и рассаживать гостей за императорским столом в соответствии с их титулами. При этом иной раз из-за старшинства вспыхивали ссоры, поскольку с течением времени значение старых чинов забывалось, а появление новых титулов вносило путаницу.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО

Высшая константинопольская знать в своей совокупности составляла синклит; члены синклита именовались синклитиками [17].

Что представлял собой синклит — регулярно действующее учреждение, обладающее определенными правами, или же парадную

ассамблею, торжественными кликами провожавшую всемогущего василевса? Византийское право никогда не определяло функций синклита и оставляло императору возможность пренебрегать суждением синклитиков, однако на практике синклит в X в. играл немалую роль во внутренней и внешней политике государства. Синклит выступал как одна из высших судебных инстанций и оказывал значительное влияние на назначение высших чиновников; в синклите обсуждались предстоящие военные экспедиции, синклит участвовал в заключении мирных договоров.

Состав синклита был определен если не правом, то во всяком случае обычаем. Туда входили гражданские и военные чиновники, имевшие титул протоспафария или же более высокий. Чины дворцовой службы и высшее духовенство (кроме некоторых исключений) не являлись членами синклита. Синклитики, как правило, должны были жить в Константинополе.

Синклит возглавляли специальные лица, называвшиеся парадинастевонтами и первыми членами синклита. В середине X в. была введена должность проэдра синклита. «Книга церемоний» именует эту должность «светлейшей» и ставит проэдра выше магистров: она подробно описывает, как высшие вельможи должны были встречать проэдра, являвшегося во дворец, и как синклитики обязаны были его приветствовать, когда он проходил по залам.

Центральное административное управление отличалось от администрации поздней Римской империи обилием независимых высших чиновников, ответственных только перед императором [18]. Это создавало чрезвычайную громоздкость бюрократического механизма; многие ведомства дублировали друг друга и соответственно функции ряда учреждений оставались нечеткими. Зато до мельчайших деталей была разработана иерархия должностей и строго определены места в росписи рангов для руководителей секретов, стратигов фем или судей.

Основными функциями центрального аппарата были фискальные, судебные и военные.

Уже в VII в. финансовое управление было разделено между несколькими ведомствами (см. выше, стр. 39) [19]. Среди финансовых секретов «Клиторологий» Филофея ставит на первое место геникон (γενικόν), главное налоговое ведомство. Перед геникон стояли две задачи: установление налоговых ставок и взимание налогов; обе эти задачи выполнялись разными чиновниками.

Для составления и исправления налоговых списков из Константинополя в фемы время от времени посылались эпопты, которые проводили измерение земли, распределяли налоги между наследниками умерших плательщиков, разыскивали и вносили в списки запущенные и не приносящие дохода участки — короче говоря, ведали кадастром, на основе которого производилось взыскание податей.

Взыскание налогов осуществляли другие чиновники — диикиты, позднее получившие название практоров. Как и эпопты, диикиты принадлежали к центральному аппарату: они приезжали из Константинополя в ту или иную фему на короткий срок — специально для сбора налогов, а затем снова возвращались в столицу. Сборщики

податей несли материальную ответственность и должны были возмещать из личных средств недоимки, что, разумеется, заставляло их с утроенной энергией заботиться о соблюдении «государственных» интересов.

Налоговая система, по-видимому, претерпела со времен «Земледельческого закона» известные изменения. Термин «экстраордина», обозначавший в VIII в. основной налог, не встречается больше ни в «Трактате об обложении», ни в иных документах IX—X вв. «Трактат об обложении» называет основной поземельный налог государственным каноном (δημόσιος κανών). В отличие от позднеримской системы, в Византии IX—X вв. при исчислении налоговой ставки объект обложения не сводился к сумме условных наделов — juga [20]; весьма проблематично, продолжал ли применяться римский принцип оценки земли по качеству [21].

«Трактат об обложении» не упоминает других налогов, в частности капникон и синону, известных по иным источникам. К сожалению, характер их недостаточно ясен — составляли ли они в совокупности канон или, наоборот, были дополнительными поборами, помимо канона? Уплачивали ли капникон все налогоплательщики империи или только зависимые крестьяне своим господам? Все эти вопросы продолжают оставаться дискуссионными [22].

Помимо канона, крестьяне платили аэрикон — судебные пошлины, иногда взимавшиеся с общины в заранее установленном размере (специальные поборы в пользу податных чиновников); энномий — пошлину за пользование пастбищем. Крестьяне обязаны были также выполнять некоторые натуральные повинности: принимать и кормить проезжающих чиновников и проходящие войска, поставлять продукты и провиант, строить укрепления.

В городах наиболее важным побором был коммеркий — пошлина с торговли. Кроме того, ремесленники должны были поставлять на государственные склады часть произведенной ими продукции.

Может показаться, что геникон действительно представлял собой четко организованный механизм со строгим разграничением отдельных функций между разными группами чиновников податного ведомства. Однако это не совсем так. Прежде всего, в составе секрета были дублировавшие друг друга должности: так, наряду с эпоптами действовали эксисоты и анаграфевсы, обязанности которых неотличимы от обязанностей эпоптов. Далее, непериодичность проверки кадастра, в отличие от римской системы, предполагавшей проверку кадастра раз в 15 лет [23], не могла не отразиться печальным образом на порядке взимания налогов. Взимание торговых пошлин (коммеркия) нечетко отделялось от взыскания поземельных налогов, и термин коммеркиарий, прежде обозначавший таможенного сборщика, стал к X в. синонимом практора [24]. Наконец, деятельность геникона не ограничивалась только сбором налогов; в подчинении логофета геникона находилось управление некоторыми императорскими поместьями, водоснабжением, государственными рудниками.

От геникона были отделены многочисленные казначейства, предназначенные хранить и расходовать государственные средства. Логофет стратиотской казны (στρατιωτικοῦ) ведал расходами на войско,

в сакелле должны были скапливаться денежные поступления, в вестиарии — натуральные (если стратиотская казна сложилась еще в VII в., то сакелла и вестиарий известны лишь с середины IX столетия). Однако и в этом случае действительность оказывалась более многообразной и противоречивой: вестиарий, дублируя сакеллу, принимал и денежные средства; в штате вестиария находился чиновник, ведавший чеканкой монеты [25]. Одной из важных функций сакеллы было снабжение войска и флота необходимыми материалами. и продовольствием [26]. Наряду с государственным вестиарием существовал императорский, и функции того и другого были однородными Наконец, аналогичные обязанности выполняло ведомство идика (εἰδικόν), управлявшее государственными мастерскими, а также, подобно сакелле, снабжавшее императорский двор и войско провиантом и припасами. В казне секрета идика хранились и драгоценные златотканные одежды (точно так же золото и драгоценные одежды хранились в вестиарии).

К финансовым ведомствам по своим функциям были чрезвычайно близки специальные учреждения, управлявшие императорскими доменами. До середины IX в. управление императорскими поместьями было сосредоточено в одном ведомстве, находившемся под началом великого куратора. С IX в. администрация доменов постепенно становится все более сложной и разветвленной, отражая, по-видимому, расширение самих императорских земель.

Особый логофет стад распоряжался императорскими табунами; в его подчинении, в частности, находились конные заводы Азии и Фригии [27]. В конце IX и начале X в. возник ряд новых кураторий (см. стр. 176, 184). Это были обширные поместья, охватывавшие иногда целые области и снабжавшие дворцовое хозяйство всевозможными припасами. Наконец, императорскими доменами управляло еще одно ведомство, во главе которого стоял «начальник домашних» (ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν)[28].

Как и финансовое управление, византийское судопроизводство было распылено между множеством различных учреждений. Городской эпарх (см. о нем выше, стр. 140) разбирал все судебные дела по преступлениям, совершенным в пределах столицы и в ее ближайшей округе, а также дела о рабах, выкупившихся на свободу, об опеке и о проституции; он судил ремесленников и торговцев и карал за нарушение цеховых уставов, следил за финансовыми операциями и за общественным спокойствием в публичных местах. Другой высший судебный чиновник, квестор, должен был принимать жалобы от крестьян и разбирать земельные тяжбы, следить, чтобы в столице не было «праздношатающихся», разбирать дела приезжавших в Константинополь купцов. Квестору принадлежали также высшие нотариальные функции: он заверял завещания константинопольских граждан, в его присутствии следовало вскрывать завещания.

Помимо этого, дворцовые служащие подлежали суду этериарха и протовестиария (см. об этих должностях ниже, стр. 168), моряков судили друнгарий флота и протоспафарий фиалы; особые судебные функции выполнял логофет геникона, на местах тяжбы разбирали

фемные судьи. В XI титуле «Эпанагоги» устанавливается градация судебных инстанций: высшими судебными инстанциями названы там императорский и патриарший суд, решения которых не подлежали обжалованию; судебными инстанциями второго порядка — суды эпарха и квестора, которые принимали апелляции на решения всех прочих судебных учреждений.

Византийский суд был платным, и лица, представавшие перед судом, уплачивали судье специальный взнос, так называемый эктаги (ἐκταγή), размеры которого на практике могли быть сколь угодно значительными. Подобная система оплаты судей открывала широкие возможности для взяточничества.

Византийское судопроизводство руководствовалось принципами римского права [29], и от судей требовалось знание римских правовых норм. Однако в римскую систему были внесены серьезные коррективы. Широко распространилась характерная для Востока система членовредительских наказаний. Появились примитивные способы установления виновности, основанные на наивной магии: заподозренный в воровстве должен был вперить взор в «магическое око», нарисованное на стене, или же проглотить специальным образом приготовленный кусочек хлеба. Введен был — по-видимому, под влиянием соседних народов — принцип виры-вергельда: в возмещение за убийство родственники убитого получали часть имущества [30].

Продолжая традиции римского права, византийские законодатели постоянно подчеркивали справедливость византийского права и суда: законы торжественно провозглашались «очами государства» и подданным гарантировался принцип справедливого возмездия. Однако византийская «справедливость», как и византийское «равенство», были классово-ограниченными. Византийское право сохранило античное деление на рабов и свободных; оно полностью подчиняло раба господину, рассматривая его лишь как объект права и в то же время карая более тяжелыми наказаниями, нежели свободного.

Сложившийся в античном обществе принцип частной юрисдикции (власть рабовладельца над рабом) был теперь расширен: частная власть распространена была с рабов на мистиев и других свободных лиц, находящихся в подчинении, господин рассматривался — если не правом, то обычаем — как судья своих рабов, мистиев и свободных слуг.

Между богачом и бедняком византийские правовые нормы, как и римские, проводили отчетливое разграничение, карая во многих случаях того и другого по-разному: там, где богач отделывался денежным возмещением или ссылкой, бедняка ждало бичевание или даже продажа в рабство. Определенными привилегиями перед судом пользовались протоспафарии и вельможи более высокого ранга: даже уличенные в убийстве или в составлении заговора, они не карались смертной казнью, ибо чин давал им преимущество перед остальными гражданами [31] (правда, в самом конце X в. была предпринята попытка уничтожить эту привилегию.

На рубеже IX—X вв. византийскому чиновничеству удалось добиться важной льготы: служебные преступления (в том числе присвоение казенных средств) не рассматривались как уголовные и

ВОИН.

Мозаика.
Церковь Неа Мони на Хиосе. XI в.

виновник не карался смертью, но должен был возместить похищенное в двойном либо в четырехкратном размере [32].

Таким образом, в Византии стали зарождаться некоторые элементы судопроизводства, основанного на сословном принципе: привилегии чиновничества, с одной стороны, и подчинение свободных слуг, подобно рабам, частной власти — с другой.

Характерной чертой византийской администрации было наличие наряду с судебными специального контрольного ведомства. Контроль за всеми чиновниками центрального аппарата (преимущественно — за финансовым ведомством) осуществлял сакеларий (которого не следует смешивать с хартуларием сакеллы, возглавлявшим соответствующий секрет казначейства): в каждом секрете сакеларий имел собственного нотария, наблюдавшего за всеми делами этого секрета. Сакеларий был одним из первых государственных чиновников в начале IX в. (см. выше, стр. 39), но к середине X в. объем его прав, по-видимому, значительно сократился: обрядники этого времени ставят его даже ниже такого сравнительно малозначительного чиновника, каким был логофет стратиотской казны [33].

Иного рода контрольные функции осуществляло ведомство логофета дрома (см. выше, стр. 37), который руководил внешними сношениями, почтой и охраной государственной безопасности.

Византийская армия VIII столетия была по преимуществу крестьянским ополчением (см. выше, стр. 35). В IX—X вв. положение изменяется: крестьянство (по-видимому, к середине IX в.) было разделено на две большие категории: одни крестьяне должны были платить налоги и выполнять повинности, основной функцией других стала военная служба (см. выше, стр. 120). Стратиоты имели неотчуждаемые земельные наделы и обязаны были являться в армию со своими лошадьми и вооружением. Процесс феодализации приводит в X в. к быстрой дифференциации стратиотов: если беднейшие стратиоты теряли свои земельные наделы (вопреки закону о неотчуждаемости) и превращались в частновладельческих париков, то к середине X в. все отчетливее вырисовывается иная группа стратиотов. «Житие Луки Столпника» рассказывает о стратиотской семье X в.: это не были «бедные стратиоты», нуждавшиеся в хлебе и уклонявшиеся от воинской повинности (о таких стратиотах постоянно упоминают новеллы императоров X в.),— зажиточные родители Луки давали соседям хлеб в долг, а сам Лука мог позволить себе роскошь отказаться от получения причитавшихся воинам выдач и питаться продуктами, полученными из дому.

Процесс обособления стратиотской верхушки был юридически оформлен в середине X в., когда был установлен новый, гораздо более высокий минимум стратиотского надела — втрое превышавший прежний. Тем самым стратиоты были окончательно отделены от крестьянства, к которому они принадлежали прежде, и резко противопоставлены ему в правовом отношении. Выделению стратиотской верхушки способствовало в значительной мере изменение военной тактики: основным ядром византийского войска становятся теперь катафракты — одетые в панцирь всадники: легковооруженная пехота несет лишь охрану лагеря и прикрывает кавалерию в случае отступления.

Естественно, что крестьянам было трудно приобрести тяжелое вооружение. Войско катафрактов оказывалось по своему существу феодальным войском.

Оттеснение пехоты на задний план и подчинение военной тактики действиям сравнительно немногочисленного отряда тяжеловооруженных всадников приводило к изменению всей организации военного дела: сократилась численность военных подразделений, широко внедрялась тактика внезапных нападений и ночных сражений, от которой с пренебрежением отказывались полководцы еще в начале IX в.[34] Интерес к военным проблемам выразился, в частности, в появлении ряда военных трактатов.

Помимо стратиотского войска, византийцы используют также и наемные отряды: варягов, русских, хазар (которые, однако, составляли в X в. еще сравнительно незначительную часть армии).

Византийское войско IX—X вв. разделялось на две основные части: константинопольские гвардейские отряды, размещавшиеся преимущественно во Фракии и Македонии, и фемные контингенты. Фактически командующим войском был с середины IX в. доместик схол (первоначально — командир одного из гвардейских отрядов). В середине X в. под властью доместика схол были оставлены лишь восточные войска, тогда как западные отряды стали подчиняться особому командиру — доместику Запада [35]. Должности обоих доместиков, а также фемных стратигов занимали по преимуществу представители знатнейших феодальных родов: Фоки, Куркуасы, Аргиры, Дуки. На протяжении X в. постепенно значение фемных контингентов уменьшается.

Византийский военный флот состоял из больших кораблей (дромонов, насчитывавших свыше 200 гребцов и около 70 стратиотов), вооруженных греческим огнем, и различных более мелких судов; специальные грузовые суда служили для перевозки продовольствия, осадных орудий и лошадей. Быстроходные тахидромы несли разведывательную службу и перевозили гонцов. На протяжении X в. постепенно уменьшалось число тех судов, которые выставлялись фемами, и соответственно возрастала численность так называемой императорской эскадры [36].

Военным флотом командовал друнгарий флота. В отличие от доместиков и стратигов, друнгарии флота IX—X вв. большей частью были людьми незнатными, начинавшими свою карьеру, подобно будущему императору Роману Лакапину, с низших ступеней служебной лестницы.

Помимо государственных чиновников, заполнявших разнообразные финансовые, судебные и военные ведомства, в Византии существовала многочисленная и влиятельная группа дворцовых слуг: одни из них ведали жизнью самого дворца, его хозяйством и церемониалом; другие составляли императорскую стражу, третьи были секретарями василевса. Среди придворных было множество евнухов: существовали должности, которые могли занимать только евнухи; не любивший их Константин Багрянородный говорил, что евнухов во дворце столько же, сколько весною мух в овечьей ограде [37].

Евнух-препозит, распоряжавшийся церемониалом, занимал чрезвычайно высокое место в государстве и, в отличие от большинства дворцовых слуг, являлся членом синклита. В его подчинении находились группы придворных, которым были поручены определенные роли во время императорских выходов и приемов. Одни из них выносили царские одежды, другие накидывали плащ на плечи василевса, третьи распахивали двери, четвертые возглашали: «Повелите!» Царским гардеробом ведал протовестиарий со штатом подчиненных ему лиц; за императорским столом следил стольничий, за императорской конюшней — комит конюшни и протостратор. Комендантом Большого дворца был папий, которому подчинялись диэтарии, наблюдавшие за отдельными покоями дворца, а также многочисленная прислуга: банщики, истопники, ламповщики и т. п.

Охрана императора была возложена на различные отряды гвардии. Личная императорская гвардия состояла в середине IX в. преимущественно из иноземцев (варягов, хазар и пр.); ее возглавлял этериарх; наружной охраной дворца ведал друнгарий виглы; императорская опочивальня охранялась особыми слугами — китонитами, находившимися под надзором паракимомена.

Большое число придворных обслуживало императорскую канцелярию: тут был начальник жалоб, подготовлявший судебные решения императора; протонотарий, передававший императору донесения; каниклий — хранитель императорской чернильницы, принимавший участие в оформлении императорских грамот; наконец, мистик — личный секретарь василевса. В подчинении этих лиц находилось немало чиновников-писцов.

Разница между придворными ведомствами и государственными учреждениями во многих случаях стиралась. Особенно трудно провести грань между государственной и патримониальной казной: если в государственной казне хранилась часть императорского гардероба, то зато штрафы подчас уплачивались в личную казну императора. Придворные активно вмешивались в государственное управление и даже командовали флотом и сухопутными войсками.

Основной единицей провинциального управления по-прежнему оставалась фема (в некоторых случаях создавались более мелкие территориальные единицы — клисуры или архонтии) [38]. По мере упрочения феодальных порядков стратиги фем все отчетливее стремились к феодализации своей должности: они добивались того, чтобы их пост стал наследственным. И действительно, в X в. должность стратига одной из важнейших фем, Анатолика, становится фактически наследственной в роде Фок. Стратиги получают право на известную долю податей в своей феме: так, стратиги западных фем не получали ругу из казны, но зато имели право собирать со своих областей «обычные» подати. Аналогичные права приобрели и некоторые из восточных стратигов: например, стратигу Месопотамии поступал весь коммеркий этой фемы [39].

Вместе с тем византийские императоры в X в. стремились ограничить власть стратигов. Стратигу запрещено было приобретать земли в своей феме (что, впрочем, не соблюдалось), срок его пребывания в одной феме пытались ограничить четырьмя годами. Дела-

лись попытки уменьшить объем его функций. В IX—X вв. стратиг уже не был единовластным наместником фемы, как в начале VIII столетия. Он командовал войсками, расположенными в феме, и в частности являлся судьей своих стратиотов, но гражданское управление фемы находилось в руках независимого от него чиновника, так называемого претора, или фемного судьи; обо всем управлении фемой претор должен был доносить непосредственно императору. Независимым от стратига был и протонотарий фемы, находившийся в подчинении хартулария сакеллы: его обязанностью было снабжать войска, проходящие через фему, заготовлять провиант перед походом и поставлять припасы для императорского двора, если император проезжал по феме.

С конца X в. в организации провинциального управления намечаются некоторые новые тенденции [40]: командование войсками сосредоточивается в руках дук и катепанов, объединяющих под своей властью отряды нескольких фем; при этом под власть одного дуки могут быть поставлены соединения, расположенные в самых различных фемах — например в Фессалонике, Вукелариях и Армениаке. Фемный судья постепенно освобождается от своего военного коллеги — стратига и превращается в высшее должностное лицо фемы; стратиги становятся комендантами крепостей или командирами соединений в небольших «фемах», возникающих в результате раздела старых фем. Короче говоря, исчезает старое соединение в одних руках военных и гражданских функций (хотя при отсутствии четкого разграничения властей дука иной раз выполнял обязанности гражданского чиновника) и соответственно обнаруживает тенденцию к разложению и старая система фем.

ЦЕРКОВЬ И МОНАШЕСТВО

Императорская власть и церковь в Византии были связаны множеством прочных нитей. Дело не только в том, что императоры присвоили некоторые священнические права (они были единственными из мирян, кто мог вступать в алтарь), и, наоборот, некоторые высшие иерархи церкви (как патриарший синкелл, ближайший советник патриарха) являлись непременными членами синклита,— императорская и патриаршая власть взаимодополняли друг друга, и их функции нередко смешивались. Так, наряду с императорским патриарший суд мог принимать апелляции на решения всех судебных инстанций, вплоть до суда эпарха и квестора. Если император обладал решающим словом в поставлении патриарха, то начиная с IX в. патриарх приобретает право помазания на царство; если императоры вмешивались в церковные дела и даже в богословские диспуты, то и патриархи бывали регентами, управлявшими политической жизнью государства.

Развитие византийской церкви во второй половине IX—X в. определяется в конечном счете общим направлением истории Византии этого времени, и прежде всего укреплением феодальных порядков. После восстановления иконопочитания, а особенно с нача-

ла X в., византийские церкви и монастыри расширяют фонд своих земельных владений, превращаясь нередко в крупных феодальных собственников (см. выше, стр. 124); впрочем, в X столетии церкви и монастыри жили не только за счет земельных владений, но и по-прежнему продолжали получать различного рода выдачи (солемнии) из государственной казны. Так, константинопольская церковь св. Софии в середине X в. получала от государства 100 золотых фунтов, а к 1028 г. эта сумма возросла до 180 фунтов [41].

Укрепление феодальных элементов во всем византийском обществе и в самой византийской церкви накладывало определенную печать и на ее организационные формы. Если в середине IX в. всякие приношения епископам (и мирян, и духовных лиц) носили еще нерегулярный характер, то с середины X в. византийская церковь предпринимает попытки превратить эти приношения в обязательные [42]. С этого времени епископы начинают взимать определенные взносы за священнические действия; клирики должны были платить им за рукоположение, миряне — за разрешение на брак, взималась также поминальная плата. Особенно важным было введение церковного налога — канոникона (с конца X в.); канոникон взимался с каждой деревни пропорционально числу домов в ней; он уплачивался как деньгами, так и натурой: баранами, курами, мукой, ячменем, вином. И все же, в отличие от Западной Европы, в Византии не взималась церковная десятина.

С увеличением экономической мощи византийской церкви постепенно возрастал и усложнялся управляющий ею аппарат должностных лиц. К X в. высшие епископальные чины (хартофилак, эконом, сакеларий, скевофилак и сакелий) образовали замкнутую «пятерку» (пентаду), сосредоточившую в своих руках управление епископией. Хартофилак был начальником епископального секрета (канцелярии), сакелий и эконом — казначеями епископии, скевофилак ведал церковной утварью, а сакеларий (подобно императорскому сакеларию) осуществлял функции контроля за всем финансовым управлением епископии, в том числе он контролировал хозяйство подчиненных епископии монастырей.

Централизация церковного управления значительно укрепилась в сравнении с ранневизантийским периодом. Константинопольский патриарх стал к этому времени непререкаемым главой византийской церкви, поскольку все остальные патриаршие престолы Востока оказались с VII в. на территории, принадлежащей арабам. В X в., правда, византийским войскам удалось вступить в Антиохию, но, разумеется, патриарх завоеванного города не мог соперничать с епископом византийской столицы.

В усилении политического влияния константинопольского патриарха немаловажную роль сыграло право ставропигии, т. е. создания епископальных монастырей. Постепенно епископы и митрополиты были лишены права ставропигии, и только константинопольский патриарх мог основывать монастыри — в том числе и в чужих епархиях. Ставропигиальными монастырями со временем стали называть монастыри, находившиеся в непосредственном подчинении патриарха.

В период иконоборчества наиболее значительную роль играли столичные монастыри, и в первую очередь Студийский (см. выше, стр. 71). Хотя и Студийский монастырь, и некоторые иные столичные обители продолжали в X в. оказывать известное влияние на политическую жизнь, однако первенствующая роль постепенно переходит к провинциальным монастырям, из которых во второй половине IX и X столетии наибольшей известностью пользовался комплекс монастырей на вифинском Олимпе. Олимпийские монастыри были тесно связаны с византийской аристократией, а олимпийские игумены принимали активное участие в политической жизни Византийской империи. В IX—X вв. возникает много новых монастырей в глухих горных районах, где монахи — сперва собственными руками, а затем при помощи труда зависимых крестьян — осваивают новые земельные массивы; в частности, с конца IX в. начинается освоение монахами Афонского мыса, где впоследствии создаются могущественные монастыри (см. выше, стр. 123).

Процесс укрепления феодальных элементов в церкви выразился, в частности, в обмирщении быта духовенства и монашества; несмотря на постоянные призывы к пустынножительству, многие монахи и священнослужители жили в роскоши и неге, занимались торговлей и ростовщичеством. Внутри самой церкви все более отчетливо вырисовывались социальные градации, свойственные феодальному обществу: если епископы и игумены вливались в класс феодалов, то младшие монахи и рядовые клирики по своему положению сближались с зависимым крестьянством.

Внутреннее расслоение в монашеской среде порождало стремление известной части высшей монастырской братии к выделению частной собственности монахов. Юстинианово право не знало свободы завещания монахов, но уже к концу IX в. монахи получили право распоряжаться своим имуществом и составлять завещания [43].

Сложности социальной структуры Византийской империи соответствовала и сложность ее государственного механизма. Внешне византийская государственность казалась воплощением принципов римского права и христианства, провозглашавших всеобщее равенство и справедливость, в действительности же это мнимое равенство превращалось в обоснование всеобщего угнетения. Огромный бюрократический аппарат претендовал на то, чтобы являть собой стройную систему учреждений, управляющих разнообразными сторонами общественной жизни. На самом деле многочисленные ведомства дублировали друг друга, а разграничение между императорским и государственным хозяйством — ясное в теории — на практике оказывалось крайне смутным и неопределенным.

Две противоречивые тенденции оказывали определяющее влияние на развитие государственного строя в Византии: тенденция к децентрализации государственного аппарата, связанная с процессом феодализации, и тенденция к его централизации; последняя тенденция в IX—X вв. оказывалась более сильной. Византийская иерархия сложилась как иерархия титулов и должностей, и именно своеобразное «дворянство мантии» (а не родовитая аристократия землевладельцев) пыталось оформить себя как привилегированное сословие.

Глава
5

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ВИЗАНТИИ В СЕРЕДИНЕ IX—СЕРЕДИНЕ X В.

Соглашение в марте 843 г., очевидно, привело на некоторое время к консолидации сил господствующего класса и стабилизации государства, несмотря на то, что малолетство императора Михаила III (842—867) создавало, казалось бы, благоприятные условия для всякого рода смут и волнений. Когда же Михаил подрос, его более всего стали занимать охота, ристания на ипподроме, маскарады; он проводил свои дни среди цирковых актеров и возничих, веселые попойки затягивались далеко за полночь, шумная ватага собутыльников императора слонялась по улицам, передразнивая патриарха и вельмож. Этот разгульный император (противники наградили его прозвищем «Пьяница» [1]) прожил всего 27 лет и, разумеется, личное влияние на государственные дела он если и оказывал, то лишь в самом конце своего длительного царствования. Первое время власть находилась в руках его матери Феодоры и ее фаворита логофета дрома Феоктиста (см. выше, стр. 78); затем, в 856 г., произошел дворцовый переворот, Феоктист был убит, Феодора сослана в монастырь, а фактическим правителем страны сделался кесарь Варда, дядя императора, который в свою очередь в 865 г. пал жертвой дворцовых интриг.

Достигнутая соглашением 843 г. консолидация борющихся сил (если только она действительно имела место; возможно, что представление об этой консолидации объясняется крайней скудностью источников для истории начала правления Михаила III) оказалась весьма кратковременной: последнее десятилетие правления Михаила было ознаменовано новым обострением политической борьбы.

Около 857—858 гг. некто Гивон явился из Диррахия в Константинополь и попытался выдать себя за сына Феодоры, незадолго перед тем заключенной в монастырь. Константинопольский плебс приветствовал самозванца, однако попытка Гивона закончилась неудачей: он был схвачен, заключен в темницу и предан казни. Вскоре после убийства Варды произошла враждебная Михаилу демонстрация в городке Акрите: когда император проезжал через этот город, какой-то человек в монашеской одежде, поднявшись на большой камень, стал обвинять василевса в бесчисленных прегрешениях. «Ты неплохой парад устроил,— кричал он Михаилу,— ты, который пролил кровь своего дяди!» Слуги императора пытались задержать неизвестного смельчака, но жители городка дружно встали на его защиту и не дали в обиду [2].

Гораздо более опасным для империи, нежели эти разрозненные выступления, было движение павликиан, давно уже охватившее восточные области Византии (см. выше, стр. 76) и все более усиливавшееся в правление Михаила. Вождь павликиан Карвей, преемник Сергия, основал около 843 г. в Западной Армении, вне пределов власти василевса, город Тефрику («город Карвея», как называл ее Табари), центр павликианства, куда стекались из Византии все — по терминологии Петра Сицилийца — «распутные и безумные люди», т. е. те, кто выступал против византийского правопорядка и социального гнета. Павликиане Тефрики держали связь с единоверцами в Византии, которые иногда захватывали ненавистных налоговых сборщиков и выдавали их Карвею. Вместе с арабскими войсками павликиане неоднократно участвовали в нападениях на византийские земли.

Борьба павликиан с империей превращается во второй половине правления Михаила в регулярную войну. В 856 г. византийские войска под командованием стратига Фракисийской фемы Петроны (брата кесаря Варды) совершили поход против Тефрики, разрушив множество павликианских селений. В ответ на это Карвей вторгся в 860 г. на византийскую территорию и, действуя в союзе с арабами, захватил 5 тыс. пленных. В 863 г. Карвей погиб [3]; его преемником стал Хрисохир, которому удалось добиться более значительных успехов; впрочем, это было уже после смерти Михаила.

На вторую половину правления Михаила III приходится также обострение борьбы внутри господствующего класса, проявившееся с особой яркостью во время так называемых фотианских споров.

Правительство кесаря Варды, опиравшееся в значительной мере на поддержку феодальной провинциальной знати и высших военных командиров (как Петрона), попыталось в 858 г. низложить старого патриарха Игнатия и поставить на его место видного ученого и дипломата Фотия, до этого момента не думавшего ни о какой духовной карьере. Фотий, происходивший из знатной семьи, был близок к провинциальной аристократии; его враждебность к павликианству (и, более того, ко всяким народным движениям), а вместе с тем симпатии к аристократическим формам правления (он высказывал даже соображения о необходимости ограничить императорскую власть [4]) делали Фотия приемлемым кандидатом для провинциаль-

ной знати. Однако переворот 858 г. вызвал резкое сопротивление «игнатиан», к которым принадлежали в первую очередь представители столичного монашества и чиновничества из прежнего окружения Феодоры и Феоктиста. Игнатиане, утверждая, что Фотий был избран в нарушение канонических правил, отказывались признать его патриархом. В 861 г. в Константинополе состоялся церковный собор, подтвердивший законность избрания Фотия и принявший ряд правил, отразивших тенденцию к усилению власти патриарха: в частности, правила собора 861 г. требовали строжайшего соблюдения церковной иерархии и подчинения всех митрополитов и епископов патриарху; кроме того, монастыри были поставлены под контроль епископата, а монахам запрещалось покидать свои обители — в противном случае их следовало водворить на место.

Торжество провинциальной знати, возглавляемой Вардой, Петроной и Фотием, оказалось непрочным: константинопольские синклитики ненавидели надменного кесаря и в борьбе против его клики стремились опереться на нового фаворита Михаила III — уроженца окрестностей Адрианополя (который в ту пору считался македонским городом) Василия, отличавшегося необычайной физической силой и привлекшего к себе симпатии молодого императора искусством укрощать лошадей. Милость Михаила к Василию выразилась не только в чинах — император выдал за него свою любовницу Евдокию Ингерину. 21 апреля 865 г. Варда был убит — его убийцей был сам Василий. Через год убийца кесаря Варды был провозглашен соправителем.

Блестящая карьера македонского крестьянина Василия явилась не только плодом счастливого переплетения случайностей или результатом его беззастенчивости — за этой фигурой стояли влиятельные круги столичной знати, недовольной усилием провинциальной аристократии в правление кесаря Варды. Естественно поэтому, что коронация Василия вызвала возмущение провинциальной аристократии: она подняла восстание, возглавленное армянином Смбатом, стратигом Фракисийской фемы, и Георгием Пигани, стратигом Опсикия; восставшие признавали одного Михаила законным императором, а Василия всячески поносили; они жгли поля, принадлежавшие константинопольским вельможам. Вскоре мятеж Смбата и Пигани был подавлен, а его вожди ослеплены.

Восстание Смбата и Пигани напугало константинопольских синклитиков: понимая, что их положение остается непрочным, покуда власть находится в руках Михаила III, они решили возвести на трон своего любимца Василия. В ночь на 24 сентября 867 г. пьяный император был зарезан в собственной спальне. Василий Македонянин сделался единовластным правителем.

Василий I (867—886) [5], сделавшись единовластным правителем, старался укрепить византийское государство — расширить его границы, подавить сопротивление народных масс, усовершенствовать административный аппарат. Василий отстаивал принципы самодержавия. В «Поучении сыну» он писал, что на земле нет никого выше василевса, никого, кто мог бы ему приказывать. Только византийский государь, полагал Василий, может считаться василевсом —

никто другой не вправе претендовать на этот титул. Вместе с тем Василий стремился упорядочить престолонаследие: ему удалось утвердить принцип легитимности и основать династию (так называемую Македонскую), продержавшуюся свыше полутора столетий: хотя время от времени законные наследники оттеснялись узурпаторами на задний план, ни один из потомков Василия не заплатил головой за трон. Феодальная идея принадлежности престола царственной династии стала внедряться в Византии.

К сожалению, о внутренней политике Василия мы знаем почти исключительно из панегирических сообщений его царственного внука, Константина Багрянородного: по словам Константина, Василий был защитником бедняков, охранявшим их от насилия могущественных лиц (динатов). «Слабые до сих пор члены бедняков,— восклицает Константин,— укрепились, ибо Василий дал каждому возможность в безопасности обрабатывать свою пашню и возделывать виноградник и никто не осмеливался отнять у бедняка отцовские оливы и смоковницы» [6]. Трудно сказать, отражают ли эти слова Константина действительные тенденции политики Василия или являются простой проекцией в прошлое политических проблем середины X в. По-видимому, защищая крестьян от динатов, правительство Василия стремилось оградить налогоплательщиков от посягательства феодалов и тем самым сохранить и даже увеличить долю крестьянских повинностей, взыскиваемых централизованным путем, непосредственно органами государства. Правительство Василия пыталось упорядочить взимание налогов и предприняло шаги (хотя и безрезультатные) к тому, чтобы возродить римскую систему ответственности землевладельцев за налоги с соседских выморочных участков.

Начало правления Василия было ознаменовано новыми успехами павликиан, которые под командованием Хрисохира продвинулись далеко на запад и заняли Эфес. Первый поход Василия против павликиан, предпринятый в 868 г., сразу же после его прихода к власти [7], закончился разгромом византийских войск. Император был вынужден отправить в Тефрику посольство, возглавленное Петром Сицилийцем, оставившим подробное описание своего путешествия в павликианскую столицу (869—870 гг.), однако результаты переговоров Петра Сицилийца оказались неутешительными: Хрисохир готов был заключить мир лишь в том случае, если византийское правительство откажется от своих притязаний на Малую Азию и ограничится западными областями; он грозил изгнать Василия из византийских пределов, если тот не согласится с требованиями павликиан.

Это был момент наивысшего подъема павликианского движения: казалось, что восставшее крестьянство восточных областей Византии действительно сможет сбросить гнет Константинополя и упрочить павликианское государство. Однако надежды не оправдались: Василий отправил против павликиан войска под командованием своего зятя Христофора, которому удалось овладеть Тефрикой и соседними крепостями. Хрисохир отошел к Вафириаку (на северо-запад от Севастии) и разбил лагерь в речной долине, тогда как византийские

войска заняли крутой и лесистый холм Зоголоин. Утром, еще до рассвета, небольшой отряд византийских воинов с громким криком напал на павликианский лагерь, принудив воинов Хрисохира в панике отступить; во время бегства вождь павликиан был ранен копьем в бок и схвачен; ему тут же отрубили голову, и «приятный дар» был немедленно послан императору. Захват Тефрики и смерть Хрисохира в 872 г. знаменовали разгром павликианского движения.

Победа над павликианами открывала перед правительством Василия возможности для дальнейшего укрепления централизованного государственного аппарата, пытавшегося все более активно вмешиваться в экономическую жизнь страны. Правительство Василия, в частности, запретило взимание процента, что, разумеется, привело к бесчисленным злоупотреблениям чиновников и осложнило ведение денежных операций в городах и уплату налогов, поскольку обладавшие денежными средствами лица не склонны были давать нуждающимся беспроцентные ссуды [8]. Правительство Василия стремилось расширить управление домениальными землями: с этой целью была создана специальная кураториия Манганов, доходы от которой шли на устройство императорских трапез; одновременно с кураторией Манганов возникло еще одно ведомство, управлявшее императорскими землями — Новый дворец.

Не ограничиваясь частными мероприятиями, правительство Василия предприняло попытку общего пересмотра византийского законодательства, что в официальных документах того времени было названо «очищением старых законов» (ἀποκάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων). Плодом этого очищения старых законов явился изданный в 70-е годы краткий сборник законов «Прохирон», излагавший в 40 титулах основные принципы византийского права. Составители «Прохирона» решительно размежевались с »Эклогой», составленной в период укрепления свободного крестьянства, и возвращались во многих случаях к нормам Юстинианова права.

«Прохирон» не являлся систематическим изложением норм римского права, но затрагивал лишь некоторые вопросы: брак и приданое, обязательства, наследственное право. Редакторы «Прохирона» стремились воспроизвести с возможно большей точностью Юстиниановы законоположения и во многих случаях сохраняли даже латинскую юридическую терминологию. Хотя со времени издания Corpus iuris civilis прошло более трех веков и в Византии установились новые общественные отношения, составители «Прохирона» почти не коснулись этих изменений [9].

В некоторых случаях издатели «Прохирона» сохранили правовые нормы «Эклоги», хотя и относились резко отрицательно к этому памятнику законодательной деятельности императора-иконоборца. Они сохранили, в частности, членовредительские наказания (отсечение языка и т. п.), введенные «Эклогой». В состав «Прохирона» было включено также несколько новелл Василия I, касавшихся — помимо новеллы о процентах — довольно специальных вопросов (о числе свидетелей, о конкубинате). Более существенным было постановление «Прохирона» (XXXIV, 17) о том, что рабы лиц, умерших без завещания, должны получать свободу.

Из общей позиции Василия, ставленника столичной знати, закономерно вытекает и его отношение к фотианским спорам: если кесарь Варда поддерживал Фотия, то Василий уже в самом начале правления добивается низложения патриарха, отстаивавшего идею ограничения императорской власти: в 867 или 868 г. Фотий был отправлен в ссылку, а на патриарший престол возвращен престарелый Игнатий. Низложение Фотия было подтверждено на константинопольском соборе 869—870 гг. в присутствии папских легатов.

По-видимому, во время изгнания Фотия Арефа, один из его ближайших учеников и последователей, на полях принадлежавшей ему рукописи с раздражением писал о расточительной роскоши, господствовавшей при дворе Василия Македонянина [10].

Однако конфликт с фотианами оказался временным: провинциальная знать, оттесненная на первых порах на задний план, постепенно приобретает все большее значение при дворе. Первым свидетельством изменения политики константинопольского двора явилось возвращение Фотия из ссылки и назначение его воспитателем сына императора; когда через несколько лет после этого, в 877 г., умер престарелый Игнатий, Фотий оказался его естественным преемником. В конце правления Василия Фотий принимал активное участие в составлении нового законодательного сборника «Эпанагоги», где нормы Юстинианова права были переработаны значительно более самостоятельно, нежели в «Прохироне». Особенно оригинальной для византийского права была трактовка прав патриарха, разработанная под несомненным воздействием Фотия: вопреки традиционному византийскому представлению о единовластии божественного автократора, авторы «Эпанагоги» развивали учение о двух взаимодополняющих властях — императорской и патриаршей, согласие между которыми объявлено было непременным условием благоденствия подданных [11]. «Эпанагога» включила также постановление, запрещавшее сановной знати приобретать от подчиненных лиц земельные владения как в форме дарения, так и путем покупки. Мы не знаем судьбы «Эпанагоги» — была ли она издана в качестве официального государственного документа или же так и осталась проектом, вышедшим из фотианских кругов; как бы то ни было, создание этого памятника отражало усиление позиций провинциальной феодальной аристократии.

И действительно, в окружении Василия все более значительную роль начинают играть видные полководцы, которые в своем большинстве происходили из малоазийской знати. Среди них наиболее заметной фигурой был Никифор Фока Старший, участвовавший, по-видимому, еще в походе на павликиан в 872 г., затем занявший пост стратига Харсиана, а в 885 г. посланный во главе византийских войск в Южную Италию [12].

Но провинциальная знать не удовлетворялась своеобразным компромиссом с непосредственным окружением Василия, компромиссом, приведшим к возвращению Фотия на патриарший престол и назначению Никифора Фоки на один из высших командных постов. В конце царствования Василия возник заговор, возглавленный одним из видных малоазийских феодалов Иоанном Куркуасом;

возможно, что в числе заговорщиков был и Фотий [13]. Впрочем, действия заговорщиков успеха не имели.

Василий умер в 886 г. Согласно преданию, он погиб от несчастного случая на охоте, когда колоссальный олень внезапно бросился на увлекшегося преследованием всадника, поддел его рогами под пояс и, сорвав с седла, понес; он тащил императора 16 миль, прежде чем одному из императорских стражников удалось ударом меча перерубить пояс. Василий упал без чувств на землю; едва придя в себя, он приказал арестовать своего спасителя и расследовать, не был ли тот заговорщиком, поднявшим меч не для того, чтобы освободить василевса, но чтобы нанести ему роковой удар. Мы не знаем, чем кончилось это своеобразное следствие, но Василий не прожил и десяти дней после падения: он умер, оставив преемником Льва, своего сына, 20-летнего юношу, человека слабовольного, непоследовательного, склонного к слезам и вместе с тем вспыльчивого.

Лев получил прекрасное образование под руководством Фотия, любил произносить речи и сочинять стихи, но избегал командовать войсками, предпочитая походам чинную жизнь Большого дворца с его ритуалом и интригами. Иной раз ночью, переодевшись, бродил он по уснувшему Константинополю, чтобы лично проверить, не спят ли стражники на своих постах. Лев был очень доволен, когда однажды его схватили и отправили в тюрьму — наивная забава правителя могущественного государства. Покойный император был человеком решительным и деятельным, хотя в последние годы становился все более мрачным и подозрительным, все чаще уединялся с волшебниками и магами, пытаясь вызывать души покойников. Переход власти в руки его робкого сына, остававшегося до конца жизни игрушкой в руках временщиков, естественным образом должен был способствовать прекращению установившегося при Василии компромисса и новому обострению борьбы внутри господствующего класса — борьбы, в ходе которой все решительней стала заявлять о своих интересах третья социальная сила — константинопольские купцы и ремесленники.

Правление Льва VI (886—912) [14] началось серией акций, задачей которых было публично продемонстрировать разрыв с политикой Василия I. Именно с этой целью был выкопан из могилы труп Михаила III, который в саркофаге из кипарисового дерева торжественно перевезли в Константинополь. Патриарха Фотия, приближенного Василием в последние годы его царствования, сместили, обвинив в том, что он пытался возвести на престол своего родственника. Место патриарха занял младший брат императора Стефан.

Во главе всего государственного управления был поставлен Стилиан Заутца, который при Василии был этериархом; еще при жизни Василия он оказал важные услуги Льву, теперь же его положение еще более упрочилось благодаря тому, что дочь Стилиана Зоя стала любовницей императора. Заутца был назначен логофетом дрома, а некоторое время спустя ему присвоили новый, специально для него созданный титул василеопатора.

Стилиан Заутца, придя к власти, сместил многих видных чиновников — сторонников покойного императора. Это не было только

борьбой придворных клик: василеопатор в борьбе против провинциальной знати стремился опереться на константинопольское купечество.

В начале правления Льва была составлена обширнейшая компиляция, называвшаяся «Царские книги» («Василики») и основанная полностью на нормах римского права; было опубликовано также свыше ста новелл от лица императора. Рецепция норм римского права, осуществленная в «Василиках», соответствовала, разумеется, потребностям сильной императорской власти, ибо в законодательных нормах времен Юстиниана византийское правительство конца IX в. находило санкцию самодержавия; вместе с тем тщательная регламентация в «Василиках» купли-продажи, залоговых операций и т. д. была необходима для купечества и ремесленников, которым римское право давало в готовом виде решение многообразных проблем, возникавших в условиях товарного производства. В отличие от этого, нормы Юстинианова права, касавшиеся статуса зависимого сельского населения, привлекались лишь спорадически, а терминология отношений зависимости в «Василиках» оказалась запутанной до бессмыслицы: составители этой компиляции, по-видимому, сравнительно мало интересовались положением дел в византийской деревне.

Еще более отчетливо политические тенденции правительства Стилиана Заутцы проявились в новеллах Льва [15]. Выступая против провинциальной знати, законодатель в 84-й новелле запрещал правителям провинций приобретать недвижимость в подчиненных им областях; в 5-й новелле император осуждал стяжательство монастырей. Вместе с тем новеллы содержали ряд немаловажных уступок торгово-ремесленной верхушке: в 52-й новелле император проявлял заботу об увеличении денег в обращении, заявляя, что недостаток денег приносит вред торговцам, ремесленникам и крестьянам; 83-я новелла отменяла постановление Василия I, запретившего взимание процента; 80-я и 81-я новеллы содействовали развитию ювелирного и шелкоткацкого производства, ликвидируя некоторые ограничения, сковывавшие свободу мастеров: им разрешалось изготовлять для продажи украшения из золота, серебра и драгоценных камней, а также продавать лоскуты пурпурных шелковых тканей. Новеллы поощряли развитие торгово-ремесленных коллегий. Наконец, правительство Заутцы прямо поддерживало богатых купцов: так, купцы Ставракий и Косьма получили от Заутцы монопольное право на торговлю с болгарами, причем эта торговля была перенесена из Константинополя в Фессалонику, где купцы были более свободны от контроля администрации, нежели в византийской столице [16].

Провинциальная знать, на первых порах оттесненная от власти сторонниками Стилиана Заутцы, понемногу, однако, начинала восстанавливать свои позиции [17]: еще при жизни Заутцы был возвращен из ссылки и назначен доместиком схол родственник Фотия и один из активных его сторонников Лев Катакил, подвергшийся опале после воцарения Льва; в то же время выдвигается и другой фотианин — Николай, ранее бежавший от преследований Заутцы, а теперь занявший пост императорского секретаря (мистика). Впрочем, Заутца до самой своей смерти оставался фаворитом императора и прак-

тическим руководителем политики империи; в 898 г., вскоре после смерти императрицы, ему даже удалось выдать за Льва свою дочь, что должно было еще более укрепить его позицию. Но в 899 г. Заутца внезапно умер, а через полгода после него скончалась и Зоя; обе эти смерти облегчали действия враждебной Заутце группировки провинциальной знати.

Сподвижники Заутцы, хотя и выпустили из рук кормило правления после смерти Стилиана и Зои, были несклонны складывать оружие; по-видимому, с их деятельностью следует связывать возбуждение судебного процесса против одного из наиболее видных фотиан — Арефы (в начале 900 г. он был обвинен в безбожии). Последователи Заутцы не ограничивались акциями против отдельных вождей провинциальной знати: создается заговор, целью которого было возвести на престол некоего Василия, одного из многочисленных родичей покойного василеопатора. Но заговор Василия был раскрыт, и это сразу же усилило позиции противников Заутцы, фотиан, выражавших интересы провинциальной знати.

Огромным успехом этой группировки было избрание мистика Николая константинопольским патриархом в 901 г. Вслед за тем Арефа, который не так давно еще находился под судом, получил высокое назначение: он стал архиепископом Кесарии Каппадокийской, первопрестольным митрополитом. Ключевые позиции в византийской церкви оказались снова в руках фотиан. Естественную поддержку эта группировка находила в среде высшего командования, где главные посты принадлежали провинциальным феодалам Дукам и Аргирам.

Сановная аристократия, составлявшая еще сравнительно недавно социальную опору правительства Василия I, была оттеснена на задний план Стилианом Заутцей. Теперь же, после падения сторонников Заутцы, политическая роль этой группировки снова возрастает. Ее возглавлял в первые годы X в. евнух Самона, красивый молодой человек, в прошлом араб-невольник, заложивший основы своей карьеры в 900 г., когда он выдал заговор Василия. Наибольшей остроты борьба между группировками провинциальной и сановной знати достигла в 906—907 гг., во время мятежа Андроника Дуки [18].

Андроник Дука, один из виднейших византийских полководцев, занял с помощью своих рабов и «людей» крепость Кавалу (близ Конии) и вступил в сношение с арабами; он рассчитывал, по-видимому, опираясь на поддержку арабов, добиться императорского престола. Андроника тайно поддерживал и константинопольский патриарх Николай Мистик. Положение византийского императора осложнялось тем обстоятельством, что он как раз в это время вступил, в нарушение канонических правил, в четвертый брак [19]. Патриарх, воспользовавшись этим, наложил на Льва эпитимью и запретил ему входить в церковь: у врат константинопольской Софии несколько раз разыгрывались драматические сцены, когда Лев в окружении синклитиков являлся к храму, а патриарх со своей свитой выходил ему навстречу, но не с целью подобострастно приветствовать самодержавного василевса, а для того, чтобы преградить ему

вход. Синклитики поднимали шум, требуя, чтобы Лев силой вступил под своды храма, а Николай заявлял, что в этом случае он вместе со всеми священниками покинет церковь. Положение в стране было настолько напряженным, что император долгое время не решался на открытое насилие и отступал в слезах. Наконец, 1 февраля 907 г. правительство Льва отважилось на решительные действия: Николай был приглашен во дворец; когда же он (в который раз!) отказался снять эпитимью, его схватили, бросили в лодку и отвезли на другой берег Босфора, где поместили в монастыре Галакрины.

Первое время Николай Мистик держался стойко, отказывался отречься от патриаршего престола, но известие о том, что Андроник Дука прекратил борьбу и бежал из Кавалы к арабам, показало патриарху бессмысленность дальнейшего сопротивления: он написал по требованию Самоны отречение, и это позволило столичной знати возвести на престол своего кандидата — игумена одного из столичных монастырей Евфимия, который был известен как ожесточенный противник Стилиана Заутцы, выступавший не раз ходатаем за константинопольских чиновников, смещенных или высланных всесильным василеопатором. Спор о четвертом браке завершился победой императора.

После разгрома мятежа Андроника Дуки и отречения Николая Мистика движение провинциальной знати на некоторое время заглохло, а ее идеологи стали переходить на сторону победителей. Так, одним из ревностных сторонников патриарха Евфимия сделался теперь Арефа Кесарийский, который до недавнего времени был наиболее ожесточенным противником «четвертого брака» [20]. Столичная знать держала в своих руках государственный аппарат, причем основную роль играли не руководители секретов, логофеты или сакеларий, но первые лица дворцовой службы. Сперва всю политику направлял Самона, занявший пост паракимомена, а после его пострижения в монахи — новый паракимомен, патрикий Константин. Огромным влиянием пользовался в это время также друнгарий флота Имерий, родственник четвертой жены императора Зои Карбонопсиды. Сосредоточие власти во дворце, отстранение на задний план секретов знаменовало упрочение самодержавных тенденций.

Накануне смерти Льва VI из ссылки вернулся Николай Мистик, возведенный вслед затем вновь на патриарший престол [21]. Этому событию предшествовали какие-то народные выступления в Константинополе, о которых мы имеем, к сожалению, весьма туманные сведения. Арефа Кесарийский, обращаясь к Николаю Мистику, говорил: «Какими канонами ты руководствовался, когда проник в церковь? Собрание каких иереев сопровождало тебя в храм? Мы ведь знаем, что беспорядочная и отверженная толпа лавочников и поварят, вооруженная палками и дубинками, встала на твою сторону и восстановила тебя в церкви»[22]. Даже если сделать скидку на риторичность заявления Арефы, все же вполне естественным остается предположение, что восстановление Николая Мистика было связано с движением константинопольских ремесленников («лавочников и поварят»).

Как раз в это время, в 911 или в начале 912 г., была, по-видимому, составлена «Книга эпарха» — запись уставов константинопольских

ремесленных и торговых коллегий. «Книга эпарха» означала по существу известную уступку столичной знати и торгово-ремесленным коллегиям: она ограничивала права константинопольских вельмож в ремесле и торговле, запрещала им скупать больше товаров, нежели это необходимо было для их собственных потребностей, запрещала торговать этими продуктами. Весьма вероятно, что «Книга эпарха» явилась результатом того же демократического движения в Константинополе, которое имело своим результатом восстановление на престоле Николая Мистика.

Лев умер 11 мая 912 г., оставив своим преемником брата Александра, бездарного и развратного человека. Засилье столичной знати в правление Александра сделалось совершенно невыносимым, а новые налоги еще более усиливали недовольство населения. Возмущение назревало; оно вылилось бы в восстание еще при Александре, если бы тот внезапно не умер на ипподроме 6 июня 913 г. Наследником престола стал восьмилетний сын Льва VI Константин VII Багрянородный, вместо которого должен был управлять регентский совет.

В этот момент Константинополь оказался охваченным восстанием, чрезвычайно сложным по своему составу. В восстании участвовала константинопольская беднота, недовольство которой стремилась использовать в своих интересах провинциальная знать. Во главе движения стоял доместик схол Константин Дука, сын Андроника Дуки; участвовал в восстании и Лев Хиросфакт, бывший в 906—907 гг. деятельным сторонником Андроника. Лев Хиросфакт, один из учеников Фотия, был большим знатоком и поклонником античной культуры, что навлекло на него обвинение в безбожии; вместе с тем противники упрекали Хиросфакта в том, что он заигрывает с чернью [23].

По свидетельству хроник, восстание началось на рассвете, когда вооруженная толпа сторонников Дуки заняла ипподром; при свете факелов Константин был провозглашен императором и тут же двинулся на штурм Большого дворца. Однако осада окончилась поражением: штурм был отбит с большими потерями, и самому Константину отрубили голову.

В событиях 913 г. двусмысленную роль сыграл Николай Мистик. На первых порах он действовал в союзе с Константином, призывал его в Константинополь и обещал поддержку; затем он внезапно отошел от движения и возглавил оборону Большого дворца: с малолетним импеатором на руках он обходил дворцовые укрепления, призывая воинов сражаться против восставших. Вряд ли измену Николая Мистика можно объяснить только корыстными соображениями: естественнее предположить, что он был связан с какими-то кругами константинопольских торговцев и ремесленников, которые осуждали правительство Александра, но оказались непоследовательными, когда дело дошло до открытой борьбы.

После поражения Константина Дуки борьба различных группировок господствующего класса за власть продолжалась. Николай Мистик, скомпрометировавший себя во время событий 913 г., вскоре был оттеснен от управления государством. Одну из наиболее влиятельных политических группировок возглавлял малоазийский феодал Лев Фока (сын Никифора Фоки Старшего). другую — друнга-

ВИЗАНТИЙСКАЯ МОНЕТА ИМПЕРАТОРОВ РОМАНА I ЛАКАПИНА (920—944), КОНСТАНТИНА VII БАГРЯНОРОДНОГО (913—959) И ХРИСТОФОРА ЛАКАПИНА.

Париж. Кабинет медалей

рий флота Роман Лакапин, выходец из Лакапы в феме Ликанд, человек незнатный и необразованный, начинавший свою службу во флоте с самых низких ступеней. Роману Лакапину удалось отстранить противника; его победа была закреплена в 919 г., когда он женил юного императора на своей дочери Елене и получил, подобно Стилиану Заутце, титул василеопатора. Попытка Льва Фоки силой захватить власть оказалась неудачной; несмотря на поддержку многих влиятельных лиц, Лев Фока был захвачен в плен и ослеплен. После победы над Львом Фокой у Романа Лакапина не оставалось соперников: в ближайшее время он получил титул кесаря, в декабре 920 г. был провозглашен соправителем, а в следующем году стал самодержцем, оттеснив своего зятя на задний план. Вместе с тем он постарался обеспечить престол своим сыновьям: уже в мае 921 г. соправителем был провозглашен сын Романа Христофор (умерший в 931 г.), в 924 г. последовало провозглашение братьев Христофора — Стефана и Константина. Сын Льва VI, хотя и сохранил жизнь и императорский титул, затерялся среди царственных родственников своей жены.

Период правления Романа I Лакапина (921—944)[24] был временем господства сановной знати: как и при Льве VI, управление государством сосредоточивалось во дворце, и протовестиарий Феофан, позднее занявший должность паракимомена, а не кто-либо из логофетов возглавлял государственный аппарат. Этот придворный вел переговоры с болгарами и венграми и даже командовал флотом [25]. Сановная знать продолжала энергичное наступление на крестьянство, добиваясь увеличения налогов. По словам Продолжателя Феофана, при Романе «несчастные бедняки» подвергались столь несправедливым поборам, что после его смерти новое правительство было принуждено облегчить тяжкое бремя податей [26]. И в позднейших законодательных актах мы находим упрек в адрес вельмож Лакапина, которые, утверждает законодатель, были бессильны обложить данью соседей Византии и потому взимали колоссальные налоги с подданных [27]. Действительно, Роман, будучи ставленником константинопольской сановной знати, поддерживал ее стремление к возрастанию той доли прибавочного продукта, которая поступала непосредственно в государственную казну: не случайно в его законах всемерно подчеркивается значение податей для византийского государства. Весьма вероятно к тому же, что именно в правление Ро-

мана был окончательно восстановлен принцип принудительного обложения землевладельцев в случае бегства или смерти соседей [28]. Наконец, правительство Лакапина стремилось к расширению императорских доходов: продолжая политику Василия I, оно создавало новые куратории и в 934 г. превратило в домен василевса завоеванную на востоке обширную область Мелитины (см. ниже, стр. 190).

Одновременно с централизованным натиском на крестьянство, осуществлявшимся правительством Романа, на эти годы приходился и рост феодальных вотчин, сопровождавшийся превращением стратиотов и плательщиков государственных податей в зависимых крестьян (см. выше, стр. 121). Этот процесс был усугублен неурожайными годами и голодом, последовавшим за на редкость морозной зимой 927—928 гг., когда нищета принуждала крестьян продавать свои земли по баснословно низким ценам или просто отдавать за хлеб.

Все это привело к новому обострению классовой борьбы в византийской деревне: однако, в отличие от народных движений IX в., носивших широкий, «общеимперский» характер, восстания этого времени локально значительно более ограничены и вспыхивают, как правило, на окраинах Византийской империи, где протест против налогового гнета сочетается с сепаратистскими тенденциями, поддерживаемыми также и местной знатью.

Ряд серьезных волнений в провинциях прокатился уже в самом начале правления Романа. В 920—921 гг. восстанием была охвачена Южная Италия. В 921 г. вспыхнуло восстание славянских племен Пелопоннеса, которые объявили себя независимыми и отказались принимать византийского наместника и уплачивать подати; стратиг Пелопоннеса Кринит разграбил всю область славян, сжег хлеб на полях и вынудил восставших сложить оружие; на славянские племена была наложена дань, в четыре раза превышавшая размер налогов, уплачиваемых ими до восстания. Около 922 г. восстало население Халдии, среди которого было много армян; в восстании принимали участие «убогие и незнатные», наряду с сепаратистски настроенной малоазийской знатью. Первоначально восставшим удалось захватить крепость Баберд, но затем они были разгромлены полководцем Романа Иоанном Куркуасом. Примерно к этому же времени относится и восстание «племен Анатолика», о котором смутные сведения сохранил Лиутпранд.

Наиболее значительным народным движением того времени было восстание крестьян в Опсикии (около 932 г.), возглавленное Василием из Македонии. Еще раньше он принимал участие в народном возмущении, был схвачен и предан суду; ему отрубили руку, но увечье не сломило энергии Василия: изготовив себе медную руку, к которой был приклепан меч огромной величины, он стал выдавать себя за популярного в народных массах империи Константина Дуки — неудачливого вождя восстания 913 г., и возглавил новое движение. После первых успехов (восставшим удалось захватить крепость Платея Петра, где хранились натуральные подати, взысканные с окрестных крестьян) сторонники Василия были разгромлены, а сам он захвачен в плен и публично сожжен в Константинополе.

ИМПЕРАТОР ВАСИЛИЙ II БОЛГАРОБОЙЦА.

Миниатюра. 976—1025 гг.

Приблизительно к тому же времени (между 929 и 936 гг.) относится новое восстание в Южной Италии.

Народные движения свидетельствовали о крайнем обострении аграрного вопроса в стране и заставляли правительство Романа принимать меры для упорядочения положения в деревне. Именно ко времени Романа относятся первые памятники аграрного законодательства императоров Македонской династии, не раз привлекавшие внимание исследователей и трактуемые нередко как свидетельство заботы государства о «меньшей братии». В действительности же новеллы Романа были изданы в интересах одной из группировок господствующего класса — столичной знати; те уступки крестьянам, на которые он шел, были сделаны за счет провинциальной аристократии и, наоборот, соответствовали интересам сановной знати и связанного с ней купечества, поскольку целью этих реформ было сохранение крестьянства, способного уплачивать государственные налоги.

Первая новелла Романа Лакапина датируется обычно 922 г.— впрочем, эта датировка сомнительна [29]. В первой новелле император восстанавливал преимущественные права общинников на покупку земли односельчан и запрещал динатам приобретать крестьянские участки в тех селах, где у них ранее не было собственного имущества.

1 сентября 934 г.— непосредственно после восстания крестьян Опсикия — появилась вторая новелла Романа. Император осуждает в ней захваты и насилия, чинимые динатами в деревнях, осуждает тех, кто, используя своих рабов и мистиев, вторгается в села, сгоняет крестьян с земли, заставляет их отбывать барщину. Злоупотребления динатов, по словам Романа, приносят ущерб государству, ибо именно крестьянское землевладение обеспечивает обе главные потребности государства — в налогах и в военной силе. Роман торжественно провозглашал, что он выступает против «жадных рук» динатов. С этой целью он разрешил крестьянам и их наследникам выкупать земли, проданные во время голодных лет, а динатам запретил захватывать крестьянские наделы и закабалять крестьян. Таким образом, новелла Романа была направлена только против вотчинных форм эксплуатации крестьянства, но совершенно не затрагивала налоговой системы, в сохранении и укреплении которой как раз и была заинтересована сановная знать, поддерживавшая правительство Лакапина.

Налоговый гнет, разоряя крестьян и стратиотов, оказывался одним из важных факторов, заставлявших земледельцев терять и собственность, и свободу [30]. При этом императорские домены также росли за счет крестьянских общин: недаром один из преемников Романа возмущался тем, что наделы стратиотов переходили императорскому монастырю в Лакапе или каким-либо кураториям [31].

Защита интересов столичной знати определяла вообще политику правительства Романа. История предшествующих царствований показала, что высшая церковная иерархия не раз оказывалась верной союзницей провинциальной аристократии: поэтому одной из задач правительства было подчинение церкви императорской власти. Прежде всего, на соборе 920 г. в присутствии папских

легатов было вынесено окончательное решение по вопросу о «четвертом браке»: формально собор должен был привести к прекращению борьбы сторонников Николая и Евфимия, на деле же его решения были использованы для расправы с теми епископами, которые выступали на стороне оттесненного от власти Константина Багрянородного. Когда умер Николай Мистик (925 г.), патриарший престол занимали некоторое время малозначительные фигуры, а с 931 г., после низложения безграмотного Трифона, он и вовсе оставался вакантным. Наконец, в 933 г. Роман добился избрания патриархом своего сына Феофилакта, едва достигшего шестнадцати лет; юный патриарх был покорным исполнителем отцовской воли и предпочитал проводить время не в храме св. Софии, а в конюшне, где кормил коней изюмом и сушеными фигами.

Опиравшееся на столичную знать правительство Романа искало поддержки константинопольского плебса, проявившего себя значительной политической силой уже во время событий начала X в. По приказанию императора государственная казна выплатила долги, в том числе и квартирную плату, всех константинопольских горожан — как бедняков, так и знати [32]; при этом долговые обязательства были публично сожжены. Правительство Романа также видело союзника в монашестве: было построено большое количество церквей и монастырей, монахам щедро раздавали ругу; по-видимому, по требованию монашества Роман запретил празднование брумалий, языческого по своему происхождению веселого карнавала. Правительство Романа заигрывало и с некоторыми представителями провинциальной знати, например с Куркуасами и Аргирами, которые занимали видное положение в государственном аппарате и особенно в войске. Однако провинциальная знать неоднократно выступала против Романа, организуя заговоры, о которых лишь очень скупо упоминают хроники. Так, магистр Стефан со своими «людьми» пытался захватить престол, но неудачно — в наказание он был сослан на пустынный остров; другой заговор возглавили мистик Иоанн и его друг, представитель знатного малоазийского рода стольничий Константин Воила; к провинциальной знати принадлежал и еще один заговорщик, магистр Николай, высланный после раскрытия заговора в собственное поместье.

Правительство Романа Лакапина, сумевшее подавить народные движения и расправиться с аристократическими заговорами, пало в результате внутренних интриг и распрей. Собственные сыновья Романа Стефан и Константин совершили 16 декабря 944 г. переворот: Роман I был низложен и сослан на остров Прота, где и скончался в 948 г. Правление Лакапинидов оказалось непродолжительным: их противники воспользовались раздорами в семье Лакапина и выдвинули против них легитимного наследника престола, сына Льва VI — Константина VII, не принимавшего до тех пор реального участия в управлении государством. 27 января 945 г. сыновья Романа были арестованы и отправлены в ссылку, где их ждала насильственная смерть.

Столетняя борьба внутри господствующего класса — от восстановления иконопочитания до низложения Лакапинидов — про-

текала при заметном преобладании столичной знати; с 945 г. начинается новый период, когда господство переходит к провинциальной феодальной аристократии.

Столетие, последовавшее за восстановлением иконопочитания, было временем упрочения феодальных общественных отношений в деревне; вместе с тем на этот период приходится начало экономического возрождения провинциальных городов. Все эти новые явления нашли свое выражение в социальной борьбе, определявшей, естественно, и политику господствующего класса. Классовая борьба крестьянства в это столетие постепенно теряет прежний «общеимперский» характер, проявившийся с особой отчетливостью во время восстания Фомы Славянина (см. выше, стр. 71—73): выступления становятся все более локально ограниченными, они охватывают отдельные, преимущественно окраинные области империи; антиналоговые требования по-прежнему постоянно выдвигаются во время этих восстаний, но вместе с тем скудные источники доносят до нас иной раз сообщения о волнениях в поместье, вызванных жестокостями вельможи или попытками обратить окрестное население в париков. Городские движения вспыхивают не только в Константинополе, но и в провинциальных городах, где они обычно направлены против императорских наместников и связаны с попытками сохранить остатки городской независимости.

Внутри господствующего класса на протяжении этого столетия вели борьбу две основные группировки; обе они жили за счет эксплуатации крестьянства, но их разъединял спор о формах этой эксплуатации и, соответственно, о формах государства. Одну из этих группировок составляли по преимуществу константинопольские синклитики и придворные, а также тесно с ними связанные чиновники многочисленных столичных канцелярий. Эта константинопольская сановная знать, включавшая в себя большое число неродовитых людей, проникавших в чиновную среду то благодаря своей энергии и и образованности, то благодаря благосклонному вниманию самого василевса или его фаворита, существовала в значительной степени на доходы от жалованья, от императорских щедрот, от всевозможных взяток и вымогательств, возможность для осуществления которых широко предоставлялась византийской системой администрации. Естественно, что в силу этого сановная знать была заинтересована в сохранении и расширении налоговой системы, в прикреплении крестьян-налогоплательщиков к земле и в обеспечении исправной уплаты податей; вместе с тем сановная знать активно поддерживала сильную централизованную государственную власть, поскольку именно сильная власть василевса могла обеспечить и жалование, и подарки, и безнаказанное вымогательство.

К другой группировке принадлежали в первую очередь представители провинциальной знати, владельцы проастиев и икосов, расположенных в различных концах страны, стремившиеся к расширению своих поместий и закабалению окрестного населения. Централизованная налоговая система рассматривалась этой группой феодалов как препятствие к расширению их владений; соответственно они пытались выступать против византийского самодержавия.

Глава
6

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ IX—СЕРЕДИНЕ X В.

Вторая половина IX и первая половина X столетия были временем, когда Византии удалось не только упрочить свои границы, но и создать опорные пункты для успешного наступления на соседние страны, которое привело позднее, во второй половине X и начале XI в., к значительному расширению византийских владений. Правда, наступившая стабилизация не раз нарушалась тяжелыми поражениями (было потеряна Сицилия, болгарские войска вновь подступали к стенам Константинополя), но в целом этот период характеризуется ростом политического авторитета Византии.

Особенно заметными были успехи на восточной границе империи. Уже в конце 50-х годов IX в. византийские полководцы совершили несколько удачных набегов на арабские владения в районе Самосаты [1]; в то же время византийский флот появился у египетских берегов, близ Дамьетты [2]. Ответом были набеги арабов на византийские крепости Малой Азии; в 863 г. эмир Мелитины Омар прошел через фему Армениак и, выйдя к берегам Черного моря, занял город Амис. Сохранилось предание, будто эмир, разгневанный тем, что водная стихия препятствовала его дальнейшему продвижению, приказал (подобно персидскому царю Ксерксу) бичами наказать море.

Против Омара двинулось большое византийское войско под командованием Петроны, стратига Фракисийской фемы, дяди Михаила III; если верить арабским источникам, Михаил и сам находился с войсками. Против арабов были подняты стратиоты важнейших малоазийских фем: с севера шли отряды Армениака, Вукелариев, Ко-

лонии и Пафлагонии, с юга — Анатолика, Опсикия и Каппадокии; сам Петрона, помимо императорских тагм, вел войска своей фемы и отряды из Фракии и Македонии. Не желая быть осажденным в Амисе, Омар оставил город и разбил лагерь в местности Посон, близ речушки Лалакаон.

Сражение началось ночью, когда посланные Петроной и Омаром отряды попытались овладеть высотой, господствовавшей над полем боя; первая стычка закончилась победой византийцев. Тогда Омар, собрав все силы, бросил их против центра византийской армии, но и на этот раз Петрона отразил натиск, а вслед за тем сумел окружить арабов. В отчаянье Омар ворвался в ряды врагов, но был убит. Лишь небольшой части арабского войска во главе с сыном эмира удалось бежать, да и они были захвачены в плен одним из византийских командиров в феме Харсиан. Победа оказалась тем более полной, что через месяца полтора после битвы у Лалакаона византийцы разгромили другое арабское войско.

Победы 863 г. не имели, однако, серьезных политических последствий: переворот в Константинополе, стоивший жизни императору Михаилу, а вслед за тем усиление павликиан помешали византийским полководцам развить успехи. Только десять лет спустя, в 873 г. (на следующий год после разгрома Тефрики), византийские войска предприняли поход в арабские области по Среднему Евфрату. Этот поход не принес им большой славы [3]. Правда, Василию I, возглавлявшему войска, удалось овладеть Запетрой и Самосатой и захватить там обильную добычу, но под стенами Мелитины (которая являлась главной целью похода) Василия ждало поражение, что, впрочем, не помешало ему совершить триумфальный въезд в Константинополь и под клики придворных возложить себе на голову венок победителя. Василий еще несколько раз совершал походы на восток, но ни Мелитину, ни какой-либо другой значительный город ему не удалось занять; более того, в 883 г. византийский полководец Стиппиот был разбит арабами и пал в битве. Арабские хронисты с восторгом описывают колоссальную добычу: драгоценные украшения, оружие, шелковые ткани, меха, сосуды и 15 тыс. лошадей и мулов.

Не более результативными оказались и военные успехи талантливого византийского полководца Никифора Фоки Старшего, действовавшего при императоре Льве VI: через горные проходы он проник в Киликию, подошел к Адане, уничтожил виноградники и плодовые деревья в окрестностях города, взял в плен правителя Тарса и с добычей сумел уйти из Киликии, обманув арабские войска, дожидавшиеся его у одного из перевалов. Однако смелый набег Никифора не имел никаких последствий, а его политическое влияние было вскоре сведено на нет успехами арабов на море.

Морские набеги арабов привели к запустению многих островов Эгейского моря: лишь охотники на диких коз рисковали приезжать на Парос, да и на Патмосе, Эгине, Самосе ютились немногочисленные обитатели: стратиоты, бежавшие от военной службы, монахи-отшельники. С конца IX в. арабский флот стал действовать еще более энергично. В 898 г. евнух Рагиб разбил византийскую эскадру

у берегов Малой Азии, сжег захваченные корабли, отрубил головы пленным и благополучно возвратился в Тарс. В 902 г. арабы, сломив упорное сопротивление жителей, заняли город Димитриаду в Фессалии и, разграбив его, удалились. В 904 г. Лев Триполитанин, выходец из Атталии, принявший мусульманство, явился с большим арабским флотом к Фессалонике и, ворвавшись в нее, овладел колоссальной добычей [4].

Правда, в 904 г. Андроник Дука разбил арабские войска в сражении у Мараша, а вслед за тем, в 906 г., Имерий одержал победу над арабским флотом в водах Эгейского моря, высадился на Кипре и предпринял экспедицию против арабских владений на малоазийском побережье [5]. Впрочем, все успехи были сведены на нет весной 912 г., когда Лев Триполитанин и другой ренегат Дамиан напали на Имерия близ Хиоса: потеряв почти все корабли, он едва спасся от плена в Митилене на Лесбосе [6].

Но как раз в эти годы, когда правительство Льва терпело одну за другой внешнеполитические неудачи, малоазийская знать подготавливала наступление на востоке. Евстафий и Лев Аргиры, Константин Дука и особенно поступивший на византийскую службу армянин Млех-Ментц сыграли в этой подготовке наиболее существенную роль. Уже в конце правления Льва Млех-Ментц отвоевал у арабов обширные территории, где были построены крепости Ликанд и Цаманд, а в малолетство Константина VII возникла фема Ликанд, стратигом которой стал Млех-Ментц [7].

Первые успехи Млех-Ментца были развиты затем Иоанном Куркуасом, одним из малоазийских феодалов, который занял пост доместика схол при Романе Лакапине. После упорного сопротивления сдалась, наконец, Мелитина, эмир которой Абу-Хафс стал союзником византийского императора и сражался на стороне греков против арабов. Хотя наместнику халифа удалось на некоторое время занять Мелитину, однако в 934 г. в город вступили войска Куркуаса и Млех-Ментца; те из мелитинских мусульман, кто принимал христианство, сохраняли семью и имущество; область Мелитины превратилась в императорскую кураторию. Вслед за Мелитиной снова была занята Самосата — византийцы выходили теперь к среднему течению Евфрата и угрожали владениям арабов в Северной Сирии. Успешные действия Куркуаса на Среднем Евфрате принудили эмира Эдессы заключить с византийцами «вечный» мир и выдать пользовавшуюся громкой известностью на Востоке святыню — «нерукотворный образ Иисуса Христа», который арабы почитали главным защитником города.

Продвижение византийцев на Среднем Евфрате в значительной мере облегчалось той междоусобной борьбой, которая развернулась в эти годы между различными арабскими государствами, возникавшими на обломках распадавшегося халифата. Поэт и воин Сейф-ад-Даула из рода Хамданидов, правивший в Мосуле, не только не признавал власти багдадского халифа, но и вел постоянные войны как с самим халифом, так и с полунезависимым наместником Египта ал-Ихшидом. Так как именно Сейф-ад-Даула представлял для византийцев наиболее грозную опасность, Роман Лакапин стремил-

ся получить благорасположение халифа и Ихшида. Летом 938 г. император обменялся письмами с халифом, добившись установления перемирия и обмена пленными; успешно протекали также и переговоры с Ихшидом [8].

В восточной политике византийских императоров важное место занимал армянский вопрос [9]. Основная территория Армении находилась с VII столетия под властью арабов, жестоко страдая от арабского ига. Ослабление халифата заставило арабов перейти к более гибкой политике в отношении Армении, в которой они хотели видеть союзника против Византии: фактически уже в 869 г. Армения получила независимость, а в 886 г. наместник халифа возложил на голову Ашота Багратида венец, признав формальное существование Армянского царства [10]. Но и византийцы не намерены были терять свое влияние на Армению: вскоре после провозглашения Ашота царем Василий I со своей стороны послал ему венец и заключил договор о союзе и дружбе. Однако единое Армянское царство просуществовало недолго: уже в начале X в. из его состава выделились независимые армянские государства, а значительная часть Армении оказалась под властью арабских эмиров, лишь номинально подчинившихся Багратидам.

В 920 г. патриарх Николай Мистик обратился с посланием к армянскому католикосу Иоанну, где призывал всех кавказских правителей прекратить междоусобицы и объединиться в борьбе с арабами. Вслед за тем в Армению прибыл с обильными дарами императорский посол, предложивший армянскому царю Ашоту III возобновить союз и дружбу. В 921 г. сам Ашот побывал в Константинополе, где император принял его с почетом. Союз с Византией помог Армении освободиться от арабских претензий, и со своей стороны армянские феодалы принимали активное участие в войнах Византии с арабами; многие из них переходили на службу к византийским императорам. Укрепление позиций империи в Армении заставило и некоторые арабские эмираты (в том числе Манцикарт) признать верховную власть василевса [11].

Итак, несмотря на отдельные неудачи и поражения, положение на восточных границах Византии в целом заметно улучшилось: подчинение нескольких важных городов в области по Среднему Евфрату, установление тесного союза с освободившейся от арабского ига Арменией и, наконец, раскол в лагере арабов — таковы наиболее сущ ственные итоги столетней военно-политической борьбы в Малой Азии. Только на море арабское господство оставалось непоколебимым, и потому византийцам все еще не удавалось отвоевать ни Крит, ни Кипр.

Борьба с арабами на западных рубежах империи, в Сицилии и Южной Италии, разворачивалась далеко не столь успешно [12]. В 859 г. в результате предательства арабы смогли проникнуть ночью в неприступную крепость Кастроджованни, служившую резиденцией византийского наместника Сицилии; они перерезали стражу и открыли ворота; город был взят, и победителям досталась огромная добыча и множество пленных. Затем потерпел поражение византийский флот, посланный в Сицилию: по сведениям арабских писателей,

византийцы потеряли сто кораблей, тогда как у мусульман погибло только три человека. В 869 г. африканские арабы овладели Мальтой, расположенной к югу от Сицилии,— последним из окружавших Сицилию островков, который греки еще удерживали в руках.

Уже с конца 60-х годов арабы переходят к энергичному натиску на крупнейший из сицилийских городов, находившихся под византийской властью,— на Сиракузы. Сперва они уничтожили посевы вокруг города, затем заняли предместья и после этого приступили к осаде. Византийцы оказали упорное сопротивление: осада длилась девять месяцев. Население, лишенное подвоза, питалось травой, шкурами животных, истолченными костями, но не сдавалось. 21 мая 878 г. арабы внезапно ворвались в полуразрушенную башню, прикрывавшую брешь, пробитую в стене осадными машинами; незначительный отряд греков, оборонявших башню, был перебит; через брешь арабы вступили в Сиракузы. Защитники города были перебиты или взяты в плен, лишь нескольким воинам удалось бежать и добраться до Монемвасии, где в то время медлил друнгарий флота Адриан, давно уже посланный на выручку осажденных Сиракуз.

В начале 80-х годов византийцам удалось одержать несколько небольших побед в Сицилии; они упорно отстаивали область Катании и Таормины и отражали отряды арабов, пытавшиеся уничтожать посевы и вырубать деревья; около города Кальтавутуро они в 882 г. разбили наголову арабские войска. Однако об отвоевании острова уже не приходилось и думать, да и сохранить оставшиеся владения византийцам удавалось лишь потому, что внутренняя борьба разъединяла силы мусульман: сицилийские правители в середине 90-х годов заключили перемирие с греками, а затем подняли восстание против африканских властителей, господствовавших над Сицилией. Только в 900 г. Абу-л-Аббас, сын правителя Африки Ибрахима, сумел подавить восстание сицилийских арабов и вновь подчинить остров Африке; по-видимому, византийцы намеревались оказать какую-то поддержку восставшим, хотя и не слишком действенную и, как обычно, с опозданием: в Регии и Таормине были сосредоточены византийские отряды, а флот из Константинополя прибыл к Мессине.

Сразу же после победы над восставшими Абу-л-Аббас двинулся против Таормины и Катании, но стояла уже поздняя осень, и он ограничился несколькими стычками и уничтожением виноградников. На следующий год Абу-л-Аббас действовал успешнее: переправившись через пролив, он занял Регий, а затем нанес поражение византийскому флоту, подошедшему к Мессине. В 902 г. отец Абу-л-Аббаса Ибрахим уступил престол сыну, а сам, объявив священную войну, двинулся в Сицилию и осадил Таормину. Снова Константинополь медлил с присылкой подкреплений, и 1 августа 902 г. Таормина сдалась. Единственное, на что решилось правительство Льва VI, это обвинить в измене тех командиров, которые избегли плена в Таормине и возвратились в Константинополь; они были приговорены к смертной казни, которую, впрочем, под давлением Николая Мистика Лев заменил пострижением. Теперь в руках византийцев оставалось лишь несколько незначительных укреплений в Сицилии,

практически не игравших никакой роли. Захватив Сицилию, арабы стремились укрепиться в Южной Италии, где политическая обстановка, казалось, всемерно благоприятствовала их успехам. В Южной Италии сталкивались интересы различных политических сил: помимо византийских владений, здесь существовали независимые лангобардские герцогства, нередко враждовавшие между собой. На влияние в этих областях претендовали франкские императоры, власть которых, однако, с середины IX в. значительно ослабела; за политической борьбой в Южной Италии внимательно следила и папская курия, которая во второй половине IX в. пыталась играть самостоятельную роль. Даже перед лицом арабского натиска все эти государства не могли прекратить раздоры и добиться единства действий.

Важнейшими опорными пунктами арабов в Южной Италии были Бари и Тарент. В 867 г. по просьбе южноитальянских государств против арабов двинулся франкский император Людовик II, которому удалось отвоевать у арабов несколько крепостей, однако наместник Бари нанес Людовику поражение. Действия Людовика и его итальянских вассалов осложнялись отсутствием у них флота; их, правда, поддерживали венецианцы, но венецианские корабли после первой же победы над арабами у Тарента возвратились восвояси: по-видимому, венецианское купечество, продававшее арабам рабов и корабельный лес, не было заинтересовано в окончательном разгроме мусульман. К тому же перспектива усиления власти Людовика в Италии не привлекала правителей республики св. Марка. В этих условиях было вполне естественным заключение союза Людовика с константинопольским василевсом, тем более что византийский престол перешел в 867 г. в руки нового императора — Василия I. Достигнутый союз предполагалось скрепить браком дочери Людовика Ирменгарды и сына Василия Константина (впрочем, этот брак так и не состоялся).

В соответствии с переговорами Василий отправил в Италию большой флот, с моря осадивший Бари; одновременно туда были переправлены отряды византийских союзников — славянских племен: хорватов и сербов. 2 февраля 871 г., после длительной осады, Людовик взял Бари. Успехи Людовика, естественно, поднимали его авторитет в Южной Италии: пользуясь этим, франкский император начал довольно решительно вмешиваться в дела Калабрии и других подвластных Византии владений. Такая политика вела к разрыву франко-византийского союза. Помимо того, возросшее влияние Людовика вызывало опасения лангобардских феодалов: был составлен заговор, и уже через несколько месяцев после взятия Бари император оказался в плену у беневентского герцога, который отпустил его только после клятвы никогда более не вступать на территорию Беневента: антиарабская коалиция распалась.

Потеря Бари понудила арабов к более решительным действиям: они стали наступать на Неаполь, Салерно и Беневент. Правитель Салерно искал помощи Людовика II, который в 872 г. действительно разгромил арабов; напротив, беневентский герцог вступил в переговоры с византийским императором, обещая вассальную верность,

и Василий послал войска ему на помощь. На этот раз франки и византийцы действовали порознь, да и Людовик вскоре после победы удалился из Италии. Это позволило арабам удержать свои владения.

Несмотря на то, что союз с западным императором оказался недолгим, византийские войска Василия некоторое время удачно действовали в Южной Италии и на прилегающих к ней морях: в 880 г. византийский флотоводец Насар одержал большую победу над арабами, грабившими западные берега Греции; часть судов была сожжена, другая — захвачена; после этого Насар вторгся в морские владения арабов и нанес им второе поражение. Одновременно на суше успешно протекали операции византийских войск под командованием протовестиария Прокопия: им удалось овладеть несколькими крепостями. Еще бо́льших успехов добился в Южной Италии Никифор Фока Старший, который занял в 885—886 гг. Амантию и несколько других крепостей, причем мусульманскому населению было разрешено переправиться в Сицилию.

Уход франкских войск из Италии и успехи визатийских полководцев вынуждали правителей Италии считаться с волей византийского императора. Римский папа Стефан V видел в византийских кораблях единственное спасение от набегов арабов; Неаполь, Гаэта и Амальфи признали — пусть номинально — византийское верховенство; в вассальную зависимость от Константинополя должны были вступить Беневент и Салерно, а в течение нескольких лет (891—894 гг.) византийский стратиг Смбат даже управлял Беневентом Союз Византии с Западом был закреплен в 901 г. династическим браком дочери Льва VI с императором Людовиком III Слепым [13].

Но междоусобицы южноитальянских государей по-прежнему мешали успешной борьбе против арабов, ибо сами они подчас искали поддержки мусульманских правителей. Около 882 г. правитель Гаэты, опасаясь посягательств римского папы, обратился за помощью к арабам и основал арабскую колонию на берегу реки Гарильяно. Через несколько лет арабское укрепление у Гарильяно сделалось разбойничьим гнездом, державшим в страхе не только соседнее Сполето, но и Рим. Грабежи арабов препятствовали нормальному развитию южноитальянской торговли, и потому правители торговых городов Неаполя и Амальфи, а также герцог Беневента объединились в борьбе против Гарильяно и в 910 г. просили Льва VI прислать войска для изгнания арабов.

Проект совместной борьбы с арабами Гарильяно был осуществлен лишь после смерти Льва. К союзу примкнули римский папа и маркграф Фриуля Беренгар, провозглашенный незадолго до того императором, а также герцог Сполето. Итальянские союзники действовали с суши, а с моря к Гарильяно подошли византийские корабли. Византийцы выстроили крепость, отрезав подвоз продовольствия к арабской колонии. В августе 915 или 916 г., после трехмесячной осады, арабы сожгли свои укрепления и пытались найти спасение в окрестных лесистых горах, но большинство их попало в плен или было перебито [14]. Успехи византийцев в Южной Италии были практически сведены на нет в 20-е годы. Усиление византийского влияния

вызывало опасения местных феодалов (как за несколько десятилетий до этого их опасения вызвали победы Людовика II). В 920—921 гг. византийские владения в Южной Италии были охвачены народным движением (см. выше, стр. 184). Восставших поддержал герцог Беневента Ландульф, который еще недавно, во время похода на Гарильяно выступал союзником Византии: Ландульф разбил византийские войска и занял всю Апулию. Впрочем, вскоре между Беневентом и Византийской империей был заключен мир и Ландульф получил должность стратига.

За восстанием в Южной Италии последовал ряд набегов африканских арабов. В 924 г. арабы заняли город Орию в Апулии. По словам арабского хрониста, 10 тысяч греков было уведено в плен, а 6 тысяч убито. Византийскому правительству удалось добиться перемирия, но в качестве заложника арабы получили правителя Калабрии. С 927 г. на Южную Италию несколько раз нападал арабский военачальник Сабир или Саян, славянин по происхождению; он осаждал Отранто, Салерно, Неаполь; итальянские города уплатили Сабиру богатый выкуп. С огромной добычей и тысячами захваченных в плен детей и женщин Сабир возвратился в Африку, обложив к тому же Калабрию ежегодной данью.

Положение изменилось только после смерти халифа ал-Махди из династии Фатимидов, правившего в Африке. Махди умер в 934 г., и сразу же после его смерти Сицилию охватило восстание. Роман Лакапин поддерживал восставших, на остров были посланы корабли с припасами и войском; мусульмане Сицилии, не желавшие подчиниться Фатимидам, искали приюта в византийских владениях в Калабрии. Разумеется, в это время константинопольский император не помышлял об уплате дани.

В Италии византийское правительство не раз испытывало горечь поражения. Но если Сицилия была окончательно потеряна, то позиции Византии в Южной Италии, несмотря на многие неудачные битвы, в общем и целом упрочились. Изгнание арабов из Бари и Гарильяно было крупным успехом, а ослабление Западной империи заставляло лангобардских правителей искать поддержку Константинополя.

Иконоборческие споры были в VIII в. использованы папами для освобождения от опеки Византии; в этой борьбе папская курия искала поддержки франкских королей (см. об этом выше, стр. 54). Особенно острыми римско-константинопольские противоречия [15] становятся в правление Михаила III, когда папой был избран властный Николай I (858—867), ставленник императора Людовика II, обратившийся затем против своего покровителя, первосвященник, сумевший смирить самовластие крупнейших князей церкви — таких, как реймский и равеннский архиепископы. Николай не удовлетворялся независимостью от Константинополя, достигнутой уже его предшественниками; он пытался вмешиваться в дела константинопольского патриаршества. Обстоятельства благоприятствовали папским замыслам: как раз в 858 г., в год вступления Николая на папский престол, византийское правительство, возглавляемое Вардой,
 добилось низложения патриарха Игнатия и возвело на его место став-

ленника провинциальной аристократии Фотия (см. выше, стр. 173). Понимая, что низложение Игнатия являлось антиканоническим актом, византийское правительство обратилось за санкцией к папе. В 859 г. в Рим было отправлено посольство, которое везло с собой послание нового патриарха, где Фотий старался оправдать низложение Игнатия. Обращение Фотия было использовано Николаем, стремившимся к установлению супрематии римского престола: он направил в Константинополь своих легатов, которым предстояло принять участие в соборе и разобрать дело низложенного Игнатия. Собор состоялся в 861 г., и папские легаты оправдали действия Фотия.

Казалось бы, вопрос можно было считать исчерпанным. Однако Николай вовсе не склонен был лишиться столь удобного повода для постоянного вмешательства в константинопольские дела: в письмах, направленных Фотию и Михаилу III в 862 г., он требовал представления новых данных о виновности Игнатия и настаивал на продолжении расследования. Вместе с тем Николай поднимал другой, чрезвычайно болезненный вопрос: он требовал, чтобы Иллирик и Сицилия, находившиеся под юрисдикцией константинопольского патриаршества, перешли под руку римских пап; за такую дорогую цену намеревался он продать свое благословение произведенного Вардой церковного переворота. Византийское правительство и константинопольский патриарх не склонны были идти на столь большие уступки. Положение обострялось.

Этим обстоятельством как раз и воспользовались игнатиане. Их вождь, игумен Феогност, обратился к папе и просил Николая защитить сосланного патриарха. Римский собор 863 г., основываясь на послании Феогноста, объявил Фотия низложенным, а Игнатия признал единственным патриархом Константинополя; папским легатам, участвовавшим в Константинопольском соборе 861 г., было поставлено в вину, что они своими действиями нанесли ущерб справедливости (иначе говоря, интересам папского престола). В ответ Михаил III обратился к папе с письмом, в котором не только требовал немедленного признания Фотия константинопольским патриархом, но и отвергал претензии Рима на супрематию; одновременно Фотий выдвинул против западной церкви обвинение в нарушении церковной дисциплины, обряда богослужения и богословских принципов; западная церковь, заявлял он, нарушила традиции, приняв тезис об исхождении святого духа не только от бога-отца, но и от бога-сына. Основываясь на этих посланиях, Константинопольский собор 867 г. отлучил Николая I от церкви, а учение об исхождении святого духа «и от сына» (filioque) объявил еретическим.

Впрочем, разрыв обеих церквей оказался временным. Вскоре после собора 867 г. в Константинополе произошел дворцовый переворот. Новый император, Василий I, искавший союза с Людовиком II и итальянскими правителями в целях совместной борьбы против арабов, пошел на низложение Фотия. Примирению с папством способствовало и то, что в том же 867 г. умер Николай I, а его преемник папа Адриан II склонялся к смягчению претензий престола св. Петра.

Тенденция к сближению становится особенно заметной со второй половины 70-х годов, когда арабская угроза нависла над Сред-

ней Италией, а византийские войска оказались единственной силой, способной противостоять вторжению арабов. Преемники Адриана, которые были современниками второго патриаршества Фотия, единодушно признавали его патриархом. Официальное примирение византийской церкви с папским престолом произошло около 900 г., а в начале X в. Лев VI уже искал у папского престола поддержку во время так называемого «спора о четвертом браке»: в феврале 907 г. папские легаты приняли участие в Константинопольском соборе, который утвердил низложение Николая Мистика и признал Константина Багрянородного законным наследником императора.

Однако успех папской курии не был в дальнейшем закреплен. С начала X столетия смуты в Средней Италии ослабили политическое могущество пап: в те годы знатная римлянка Мароция по своему произволу смещала и назначала римских первосвященников. В это время, конечно, папы и мечтать не могли о супрематии над Константинополем и, напротив, искали поддержки византийских войск как во время борьбы против арабов Гарильяно, так и позднее.

Таким образом, взаимоотношения с папским престолом, которые в 60-х годах IX в. развивались весьма драматически и грозили привести к разрыву между Константинополем и Римом, позднее сложились вполне благоприятно для Византии: ослабление папства, с одной стороны, и заинтересованность пап в поддержке византийских войск, с другой, принуждали римскую курию к союзу с василевсами.

Третьей важнейшей внешнеполитической проблемой, стоявшей перед византийским правительством, была северобалканская. И на Балканах византийским войскам и дипломатам приходилось вести упорную борьбу, поражения в которой были чреваты большими опасностями, поскольку они открывали противнику путь к самой столице.

Арабская опасность заставила сблизиться с Византией славянские города на Адриатическом побережье. В 866 г. Дубровник был осажден арабской эскадрой, и, хотя город упорно сопротивлялся, стало ясно, что дубровчанам своими силами не отразить врага. Тогда в Константинополь было послано посольство, прибывшее уже после переворота Василия I; император немедленно откликнулся на просьбу дубровчан: большая византийская эскадра под командованием друнгария флота Никиты Орифа была послана в Адриатическое море. Арабы не приняли боя и, сняв осаду Дубровника, продолжавшуюся 15 месяцев, отошли в свои воды. В дальнейшем дубровчане, а также хорваты и сербы принимали участие в военных действиях против арабов на территории Италии.

Некоторое время спустя Дубровник и другие славянские города Адриатики (Котор, Задар, Сплит) признали суверенитет Византии: в 70-х годах была образована фема Далмация, включавшая узкую прибрежную полосу и несколько лежавших у берегов островов. Далматинские города платили империи подать [16].

Правительство Василия I поддерживало также сношения с независимыми сербскими племенами: велись переговоры об отправке в Сербию религиозной миссии, чтобы завершить крещение сербов,

начатое значительно ранее; другое посольство ко двору Василия I прибыло от славянского племени неречан [17].

Более оживленными были в ту пору византино-болгарские сношения. Болгария в середине IX в. вела дипломатическую борьбу на два фронта: на северо-западе с Немецким королевством и на юго-востоке с Византией. В 845 и 862 гг. болгарские послы посетили двор немецкого короля, но достигнуть соглашения им не удалось, и в 853 г. болгарские войска приняли участие в походе моравского князя Ростислава против Людовика Немецкого — впрочем, неудачно. Обострение отношений с немцами заставляло болгарского князя Бориса обратиться к Византии; по-видимому, около 853 г. Борис возобновил договор о дружбе [18]; в 860 г. послы Бориса снова вели переговоры с константинопольским правительством [19]. Однако вскоре после 860 г. болгарский князь опять меняет свою ориентацию [20]. Смуты в Германии заставили Людовика Немецкого обратиться за помощью к Борису: уже в 863 г. болгарские войска действовали совместно с отрядами Людовика. Положение болгарского князя осложнялось тем обстоятельством, что Болгария оставалась языческой страной и потому правители христианских государств не склонны были рассматривать болгарского князя как равного себе. Поэтому политическая обстановка (не говоря уже о внутренних, социальных условиях) толкала Бориса к принятию христианства. Естественно, что переговоры Бориса с Людовиком Немецким затрагивали вопрос о крещении болгар.

Вопрос о принятии христианства болгарами приобрел в 60-е годы IX в. чрезвычайную остроту [21]. Это было время, когда отношения между Римом и Константинополем достигли особенного напряжения (см. выше, стр. 196). Обе стороны стремились играть роль восприемника Бориса, рассчитывая таким путем подчинить своей власти новую паству. Еще в мае 864 г. папа предполагал, что Борис будет крещен западными священниками, однако этого не произошло: военная демонстрация византийских войск, подтянутых к болгарской границе, решила колебания болгарского князя. Ослабленная голодом страна не в силах была воевать с Византией, и Борис предпочел не ввязываться в опасную авантюру, но принять новую веру от византийского духовенства. В 864 г. он был крещен [22] и получил в честь константинопольского василевса новое имя — Михаил. Вслед за князем стали крестить знать, а затем и крестьян.

Однако союз болгар с Византией продержался недолго. Борис-Михаил стремился добиться организации независимого болгарского патриаршества, что ни в коей мере не отвечало интересам византийской политики. Тогда он решил использовать противоречия между Константинополем и Римом: он обратился к Николаю I, и тот, стремясь оторвать Болгарию от союза с Константинополем, согласился на создание самостоятельной болгарской церкви, во главе которой должен был стоять, правда, не патриарх, а архиепископ. Для продолжения христианизации в Болгарию направилась духовная миссия во главе с двумя второразрядными епископами. Разумеется, действия Николая I в отношении Болгарии еще более обостряли римско-константинопольский конфликт.

В 867 г. Николай I умер, так и не поставив болгарам архиепископа. Адриан II, стремившийся к сближению с Византией, тоже не спешил с назначением архиепископа, несмотря на напоминания Бориса-Михаила. Тогда болгарский князь обратился в Константинополь, и на Константинопольском соборе 869—870 гг. было признано (несмотря на сопротивление папских легатов), что болгарская церковь должна подчиняться Константинополю; вместе с тем за ней признавалась автономия. Это была победа византийской дипломатии: византийцам удалось воспрепятствовать установлению церковного союза Болгарии с папством и политического союза ее с Немецким королевством.

Прошло не более четверти столетия, и союзник Византийской империи превратился в ее могущественного противника. Значительно усилившаяся к концу IX в. Болгария претендовала на ряд пограничных областей. Уже в 894 г. новый болгарский правитель Симеон (893—927) начал военные действия против империи, воспользовавшись в качестве предлога для войны обидным для престижа Болгарии перенесением центра болгаро-византийской торговли из столицы империи в Фессалонику (см. выше, стр. 179). На первых порах византийские войска под командованием Никифора Фоки Старшего успешно действовали против болгар и принудили Симеона заключить перемирие. Но в 896 г. в битве при Болгарофигоне Симеон нанес византийцам сокрушительное поражение; византийское правительство заключило мир, приняв на себя обязательство платить ежегодную дань. В 904 г., когда византийцы оплакивали печальную судьбу Фессалоники, разграбленной арабским флотом, Симеон потребовал территориальных уступок: болгаро-византийская граница была передвинута далеко на юг, и межевые знаки стояли теперь в непосредственной близости от Фессалоники. В 912 г. Симеон снова грозил войной, и когда правительство Александра оказалось не в состоянии выплатить дань, которую он потребовал, Симеон начал военные действия [23]. Николай Мистик, фактический правитель империи после смерти Александра, готов был на уступки: за Симеоном признали титул василевса, а его дочь объявили невестой малолетнего Константина VII. Однако отстранение Николая от регентства означало отказ от всех этих соглашений.

Тогда Симеон перешел к решительному наступлению. В 914 г. он занял Адрианополь и стал фактически хозяином на всей территории от предместий Константинополя до Фессалоники. 20 августа 917 г. на реке Ахелой (близ Анхиала) большое византийское войско, вторгшееся на болгарскую территорию, было разбито наголову. И все-таки, несмотря на военные успехи Симеона, Константинополь оставался неприступной крепостью, которую болгары не могли ни взять с суши, ни осадить с моря. В поисках союзников Симеон обратился к Фатимиду ал-Махди, но далекий правитель африканских арабов не оказал болгарам эффективной помощи.

Тем временем Роман Лакапин старался поднять против Симеона его западных соседей — сербов и хорватов. В Сербии провизантийская группировка знати взяла верх, и сербы выступили, но, несмотря на помощь присланной сюда византийской армии, потерпели

отчаянное поражение и в 924 г. подчинились болгарскому царю. Зато поход Симеона против хорватов закончился отнюдь не так удачно: болгарское войско было разгромлено, и Симеону пришлось просить посредничества папы, чтобы заключить мир с хорватами. Вскоре вслед за этим поражением Симеон умер.

Сын Симеона Петр поспешил заключить мир с Византией, получив титул царя, руку внучки Романа Лакапина и обещание платить дань. Тем временем византийское влияние на западных границах царства Петра становилось все более сильным. Сербский князь Часлав отложился от Болгарии и признал верховную власть византийского императора; аналогично поступил и захлумский правитель Михаил. Томислав Хорватский также признавал себя вассалом империи. Таким образом, практические результаты натиска Симеона оказались ничтожными: его победы были куплены слишком дорогой ценой, чтобы стать прочными; измученная войнами страна не могла более воевать, ни даже сохранять прежние владения. И если Византия в середине X в. еще платила болгарам дань и во время официальных приемов болгарских послов сажали на самые почетные места, практически позиции империи на Балканах не были поколеблены; напротив, Византии удалось укрепить влияние на северо-западе полуострова — в Далмации, Хорватии и Сербии.

Византийское правительство стремилось распространить свое влияние и за пределы Балканского полуострова. В начале 60-х годов IX в., когда между Византией и Болгарией отношения были враждебными, естественным союзником империи стало Великоморавское княжество, молодое славянское государство, сложившееся в левобережье Дуная. Ростислав Моравский, стремившийся освободиться от немецкого вмешательства и опасавшийся своего южного соседа, болгарского князя, обратился в 862 г. в Константинополь с просьбой о поддержке. Ростислав просил прислать византийского церковного наставника, однако византино-моравское соглашение имело отнюдь не только духовный, но и политический характер. Мораване приняли христианство от немецких епископов, и немецкое духовенство активно проникало во вновь обращенную страну, захватывая здесь земли, взимая десятину и подготавливая полное подчинение Моравии немецкому королю. Церковное подчинение далекому Константинопольскому патриаршеству было для Ростислава гораздо более безопасным.

В начале 863 г., в самый разгар церковной борьбы с Римом, духовная миссия из Константинополя двинулась в столицу Великоморавского княжества [24]. Эту миссию возглавляли опытные дипломаты братья Константин и Мефодий, происходившие из Фессалоники и с детских лет владевшие славянским языком.

Миссия Константина и Мефодия имела колоссальные культурные последствия, выходящие далеко за пределы обычных дипломатических сношений: с деятельностью фессалоникских братьев связано создание славянской письменности. По-видимому, какие-то примитивные формы письменности существовали у славян до Константина — это могли быть пиктограммы, «черты и резы», как их называет болгарский писатель Храбр, пригодные для счета или гада-

ния. Никаких бесспорных свидетельств о существовании славянских книг до Константина нет [25]. Во всяком случае еще в середине IX в. болгарские надписи делались на греческом языке, а кроме того, по сообщению Храбра, славяне пользовались греческой азбукой для записи своих слов.

Константин еще до отъезда в Моравию разработал славянскую письменность и вместе с братом перевел на славянский язык ряд богослужебных текстов. Созданная им письменность была, скорее всего, глаголицей: недаром Храбр писал, что первая буква нового алфавита —«Аз» — коренным образом отличается от «поганой» альфы [26].

Создание первой упорядоченной славянской азбуки было наиболее важным результатом деятельности Константина и Мефодия. Перевод с греческого ряда книг положил начало формированию старославянского литературного языка, а просветительная деятельность братьев способствовала распространению грамотности у славян Моравии.

Положение фессалоникских братьев скоро изменилось к худшему: в августе 864 г. Людовик Немецкий с большим войском вторгся в Моравию, и Ростислав, осажденный в своей столице, вступил с ним в переговоры, дал заложников и принес клятву верно служить немецкому королю. Вскоре после этого Болгария стала союзницей империи; исчезла важнейшая побудительная причина византино-моравского союза, и правительство Михаила III перестало уделять моравской миссии внимание. По-видимому, у братьев родилась мысль просить поддержку папского престола.

867 год принес изменение политической ситуации: и новый папа, Адриан II, и новый император, Василий I, готовы были к примирению. Константин и Мефодий прибыли в Рим, где Адриан II, хотя и чрезвычайно осторожно, стал оказывать помощь моравской миссии: он распорядился посвятить учеников Константина и Мефодия в священнический сан, а самого Мефодия в епископы [27] и даже позволил несколько раз совершить богослужение на славянском языке в самом Риме. Тут-то в Риме в феврале 869 г. Константин, постригшийся перед смертью в монахи и принявший монашеское имя Кирилла, умер. Мефодий же, получив официальное разрешение отправлять богослужение на славянском языке, уехал в Моравию.

Тем временем произошли два события, которые значительно повлияли на положение моравской церкви: во-первых, в августе 869 г. Ростислав, одержав победу над немцами, добился политической независимости Великоморавского княжества; во-вторых, папство, затянув решение о посылке в Болгарию архиепископа, потеряло Болгарию. Поэтому Адриан II, стремясь сохранить под своим контролем моравские земли, создал новую Паннонскую епархию и поставил во главе ее Мефодия как архиепископа Паннонии. Вскоре политические неудачи поставили под угрозу самое существование новой архиепископии. В Моравии произошел переворот, Ростислав был выдан немцам и передан суду, как вассал, поднявшийся против своего сеньора; ослепленный, он кончил жизнь в одном из баварских монастырей. Вслед за тем, осенью

870 г., состоялся собор баварских епископов, где в присутствии Людовика Немецкого Мефодий был осужден (не считаясь с решением Адриана II, епископы обвинили Мефодия в том, что он действует в области, подчиненной баварской церкви) и заключен во Фрейзингенский монастырь.

Возможно, что как раз в это время византийское правительство сделало попытку еще раз вмешаться в дела Моравии. В 872 и 873 гг. к Людовику Немецкому было отправлено два посольства из Константинополя; второе посольство возглавлял архиепископ Агафон — по-видимому, тот самый, который подписал в 879 г. акты Константинопольского собора как архиепископ Моравии. Весьма вероятно, что еще до 873 г. Агафон был рукоположен в архиепископы Моравии: если это так, можно было бы сделать вывод, что создание Паннонской архиепископии, подчиненной Риму, вызвало противодействие в Константинополе — и как бы в противовес этому была создана другая архиепископия Моравии, возглавляемая Агафоном [28]. В свете этих событий (восстановление которых остается, однако, гипотетическим) получили бы объяснение действия папской курии: свыше двух лет она мирилась с арестом Мефодия, но в мае 873 г. папа поспешно отправил своего легата в Германию и добился освобождения Мефодия и восстановления его на архиепископском престоле.

Впрочем, ни папству, ни константинопольскому патриаршеству не удалось удержать под своим влиянием моравскую церковь. «Моравская архиепископия» константинопольского патриархата, видимо, существовала лишь на бумаге; Мефодий же, хотя и действовал в Моравии, был скован интригами немецкого духовенства, находившего поддержку у нового князя Святополка. После смерти Мефодия в 885 г. славянское богослужение в Моравии было прекращено, а его ученики изгнаны из страны и нашли пристанище в Болгарии. В начале X в. перестало существовать и Великоморавское княжество, сокрушенное натиском венгров. И хотя воздействие немецкого духовенства, а затем венгерское вторжение свело почти вовсе на нет и византийское культурное влияние, и зародившуюся славянскую литературу в Моравии, однако ученики Мефодия продолжали свою деятельность на болгарской территории, способствуя здесь расцвету славянской литературы на рубеже IX и X вв., в период политического подъема страны при Симеоне.

Византийскому правительству приходилось постоянно следить за племенами, населявшими Причерноморские степи. Во второй половине IX в. области от Дона до устья Дуная заселяли венгры [29], которых и болгары, и византийцы стремились привлечь как союзников. Во время болгаро-византийской войны 894—896 гг. нападение венгров на северные области Болгарии определило первоначальные успехи византийских войск. В дальнейшем, когда венгры под натиском печенегов продвинулись на запад и, сокрушив Великоморавское княжество, расселились на Среднем Дунае, они не раз совершали набеги не только на Болгарию, но и на византийские земли; венгерское предание сохранило легенду о полководце Ботонде, который боевым топором стучал по воротам Константинополя.

В Причерноморских степях венгров сменили печенеги [30], которые на протяжении нескольких столетий беспрерывно приковывали к себе внимание византийских дипломатов. Успехи болгарского правителя Симеона в 896 г. во многом объясняются тем, что он сумел склонить на свою сторону печенежских вождей, которые нанесли поражение венграм — союзникам Византийской империи. Позднее византийское правительство неоднократно пыталось использовать печенегов в собственных интересах: то против болгар, то против русских.

Традиционным союзником Византии в Северном Причерноморье оставалась Хазария [31]: обе страны объединены были общими интересами и общей опасностью, угрожавшей им как от кочевников Причерноморских степей, так и от арабов. В 860—861 гг. в Хазарию была отправлена византийская церковная миссия, участники которой вели длительные дискуссии при дворе хакана, стремясь насадить среди хазар христианство. Хазары сражались в византийских войсках во время первой войны с Симеоном. По-видимому, с начала X в. хазаро-византийские отношения несколько ухудшились: дело в том, что византийское правительство предприняло попытку опереться на аланов, соседей и союзников Хазарии; в 20-е годы аланы приняли христианство, и было создано подчиненное Константинополю епископство Алании. Византийцы строили далеко идущие планы, предполагая, что правитель Алании будет держать хазар в страхе и воспрепятствует их набегам на крымские владения империи. Однако союз с аланами оказался недолговечным, и когда в 932 г. аланский правитель, подстрекаемый Романом Лакапином, пошел войной на хазар и потерпел поражение, греческие священники были изгнаны из Алании и аланы вновь признали суверенитет Хазарии [32].

Таким образом, на северной границе византийское правительство почти не прибегало до середины X в. к военной силе; оно стремилось удержать свое влияние здесь дипломатическими средствами, то посылая церковные миссии, то натравливая одни народы на другие. Набеги северных соседей носили спорадический характер: независимая Болгария прикрывала византийскую территорию и от венгров, и от печенегов. Попытка византийцев упрочить свои позиции в Алании, близ самых границ Хазарского хаканата, оказалась столь же эфемерной, как и их попытка утвердиться в Моравии.

Византийская внешняя политика рассмотренного столетия развивалась в условиях, когда византийцы отнюдь не обладали военным превосходством ни на суше, ни на море. Поэтому огромная роль в том, что им все-таки удалось стабилизировать положение, а в некоторых случаях даже расширить свои владения, принадлежит византийской дипломатии [33]. В Византии были кадры опытных дипломатов: одним из таких деятелей был Константин-Кирилл, возглавлявший в 860—861 гг. посольство в Хазарию, а в 863 г.— миссию в Великоморавское княжество. Виднейшим византийским дипломатом был и Лев Хиросфакт. Он неоднократно ездил с посольством к Симеону Болгарскому и, в частности, сумел в 904 г. ценою территориальных уступок удержать Симеона от нападения на опустошенную Фессалонику. Во время спора о четвертом браке Хиросфакт был отправлен

с посольством к восточным патриархам, но, будучи сторонником Николая Мистика, вел там двойную игру, за что его сослали в 907 г. Позднее Лев Хиросфакт принимал участие в аристократическом заговоре в пользу Константина Дуки, а после поражения сторонников Дуки был заключен в Студийский монастырь, где и окончил свои дни (см. о нем выше, стр. 182).

Теоретические принципы византийской дипломатии были обобщены Константином Багрянородным в книге, которая называется «Об управлении империей» (см. выше, стр. 111). Одним из важнейших принципов было натравливание одних соседей на других: византийцы поддерживали сицилийских арабов против африканских, багдадского халифа против Сейф-ад-Даулы, армян против арабов, аланов против хазар, печенегов против русских. Византийская казна щедро выделяла золото и шелк для раздачи подарков иноземным правителям и их женам, не скупилась она и на устройство пышных приемов послов: византийцы сознательно поддерживали у соседних народов представление о несметных богатствах и мощи Константинополя, что, впрочем, иной раз приводило к противоложным результатам, поскольку богатства византийской столицы манили соседних князей.

Большое внимание византийское правительство уделяло церковным миссиям, христианизация оставалась сильным оружием во внешнеполитической борьбе. Зато сравнительно редко пользовались византийские дипломаты династическими браками как средством насаждения своего влияния: этому препятствовало представление о том, что константинопольский василевс является правителем всей вселенной, которому должны повиноваться остальные государи. Константин Багрянородный специально подчеркивал, что византийских принцесс не следует выдавать замуж за иноземных правителей.

На протяжении столетия от середины IX до середины X в. в истории византийской внешней политики чередуются полосы бо́льших и меньших успехов, бо́льших и меньших неудач. Правление Михаила III и бо́льшая часть царствования Василия I были временем активизации византийской внешней политики и военных успехов на Востоке; дипломатическая борьба за Болгарию завершилась победой Византии; византийское влияние утвердилось в Далмации и сербских землях; взятие Бари было крупнейшим успехом в борьбе с западными арабами. Однако с конца правления Василия I начинается серия военных и внешнеполитических неудач: значение потери Сиракуз в 878 г. не могло быть сведено на нет последующими успехами в Италии Насара и Никифора Фоки Старшего; поражение войск Стиппиота в 883 г. знаменовало крушение всех планов Василия I на востоке; после смерти Мефодия Моравия была окончательно потеряна для греков.

Еще более очевидным становится крах византийской внешней политики в царствование Льва VI: была потеряна Сицилия, арабский флот хозяйничал в Эгейском море, и его натиска не могли выдержать такие города, как Фессалоника и Димитриада; болгары разгромили византийские войска при Болгарофигоне и продвинули свою границу почти до Фессалоники. К этому надо еще добавить успешный на-

бег русских на Константинополь и заключение невыгодного для Византии договора (см. об этом ниже, стр. 230).

Военные успехи времен Михаила III и Василия I были последними успехами централизованного византийского государства, опиравшегося на фемные войска. Ослабление этого централизованного государства и начинающийся распад фемной системы и подготовили в конечном счете полосу военных неудач империи. Дальнейшие военные успехи империи, одержанные позднее, во второй половине X в., были обеспечены армией нового типа, феодальной по своей структуре, но уже в стабилизации политической обстановки после смерти Льва VI решающая роль принадлежала войскам армянских и малоазийских феодалов, как Млех-Ментц и Куркуас.

Глава

7

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XI В.

Во второй половине X в. провинциальная землевладельческая аристократия предприняла несколько попыток вырвать власть из рук чиновной знати. Некоторое ослабление классовой борьбы в деревне и усиление социальной борьбы в крупных городах, где властвовала сановная бюрократия, способствовали замыслам военной аристократии провинций.

Правда, провинциальная аристократия еще не посягала на безраздельное господство. Часть военной знати, успевшая приобрести огромные земельные владения, предпочитала путь медленного проникновения в органы центральной власти — ценой компромисса с чиновной бюрократией. Другая группировка военных, включавшая многочисленных средних землевладельцев, росту богатств которых препятствовала политика центрального правительства, была настроена более решительно.

Сановной знати было все труднее удерживать власть, в ее среде росли противоречия: тесная группа дворцовых сановников, спаянная родственными узами, присваивала главные плоды своего владычества; в противоречии с официально провозглашенным курсом внутренней политики она вступила на путь присвоения государственных земель. Правящая клика, чтобы сохранить привилегированное положение, искала соглашения с крупнейшими представителями военной аристократии, допуская их к участию в управлении.

Крупные торговцы, судовладельцы, ростовщики в столице все настойчивее выдвигали свои требования. Они вступали во временные союзы с боровшимися за власть группами, маневрировали,

апеллировали к городским низам, используя их силу для давления на правительство. Епископат, столичное и провинциальное монашество принимали активное участие в политической борьбе. И сановная знать, и военная аристократия искали поддержки духовенства.

Выступления угнетенных в этот период носили крайне неорганизованный характер. Свободное крестьянство было экономически и социально ослаблено. Среди крестьян появилось множество имущественных и социальных категорий и прослоек. Их сопротивление гнету государства и натиску феодалов уменьшилось.

Хотя выступления горожан против налогового гнета и произвола властей стали более частыми и бурными, особенно в столице империи, все же ремесленники и торговцы, организованные в цехи, легко удовлетворялись мелкими уступками и отходили от движения. Неорганизованные в цехи ремесленники и торговцы были одиноки в своих действиях. В период борьбы провинциальных феодалов за власть трудовое население города было противником центральной власти, так как она являлась главным его эксплуататором.

Дезорганизованная городская беднота нередко становилась жертвой демагогии и оказывалась в лагере сторонников мятежных феодалов.

27 января 945 г. Лакапиниды были низложены и сосланы (см. выше, стр. 186). Тайной пружиной переворота был евнух паракимомен Василий — побочный сын Романа I от рабыни-«скифянки», в руках которого оказалась реальная власть во время правления безвольного книжника Константина VII.

Выражая интересы столичного чиновничества, правительство Константина продолжало борьбу с динатами. Новеллой 947 г. предписывалось вернуть крестьянам все те земли, которые были захвачены динатами после провозглашения Константина VII самодержцем, а также участки, приобретенные в обход законодательства Романа, после 927 г. Земли же, проданные динатам самими крестьянами, могли быть выкуплены в течение трех лет. Если состояние продавшего оценивалось менее, чем в 50 номисм, участок возвращался безвозмездно [1].

Протест динатов был, по-видимому, достаточно дружным: в том же 947 г. или в ближайшие годы оговорка о безвозмездном возвращении земли беднейшим крестьянам была отменена. Лишь срок выплаты сумм за проданные участки был увеличен до пяти лет [2].

Гораздо более строгими были меры по охране стратиотского землевладения. Раньше не было юридического разграничения между стратиотами и прочими налогоплательщиками [3]. Существовал лишь обычай, согласно которому воинские участки не отчуждались; участки воинов-всадников при этом должны были оцениваться не менее, чем в 4 литры. Константин закрепил этот порядок, добавив, что участки фемных моряков, снаряжавших суда на свой счет, должны оцениваться также в 4 литры, а участки моряков императорского флота, получавших жалование,— в 2 литры. В случае дробления воинских участков совладельцы обязаны были сообща снаряжать воина, предоставляя средства соответственно своей доле [4].

Новеллы Константина не задели существенно интересов крупнейших земельных магнатов. Они не закрывали дорогу к обогащению и мелким феодальным элементам внутри общины. Зажиточные крестьяне, превращаясь на деле в динатов, сохраняли юридический статус общинников. Они имели законное право скупать земли обедневших односельчан. Они фактически пользовались и правом предпочтения при покупке динатской земли.

Группировка сановников, стоявшая за спиной паракимомена Василия, не была органически связана с потомственной столичной знатью. Опасаясь за свое господство, она вступила в союз с частью военной аристократии и с представителями торгово-ростовщических кругов столицы. Крупнейший феодал Варда Фока получил пост доместика схол Востока. Его сыновья (Никифор, Лев и Константин) стали видными полководцами. Василий осуществлял продажу должностей, вводя в состав высшего чиновничества угодных себе лиц из числа состоятельных горожан.

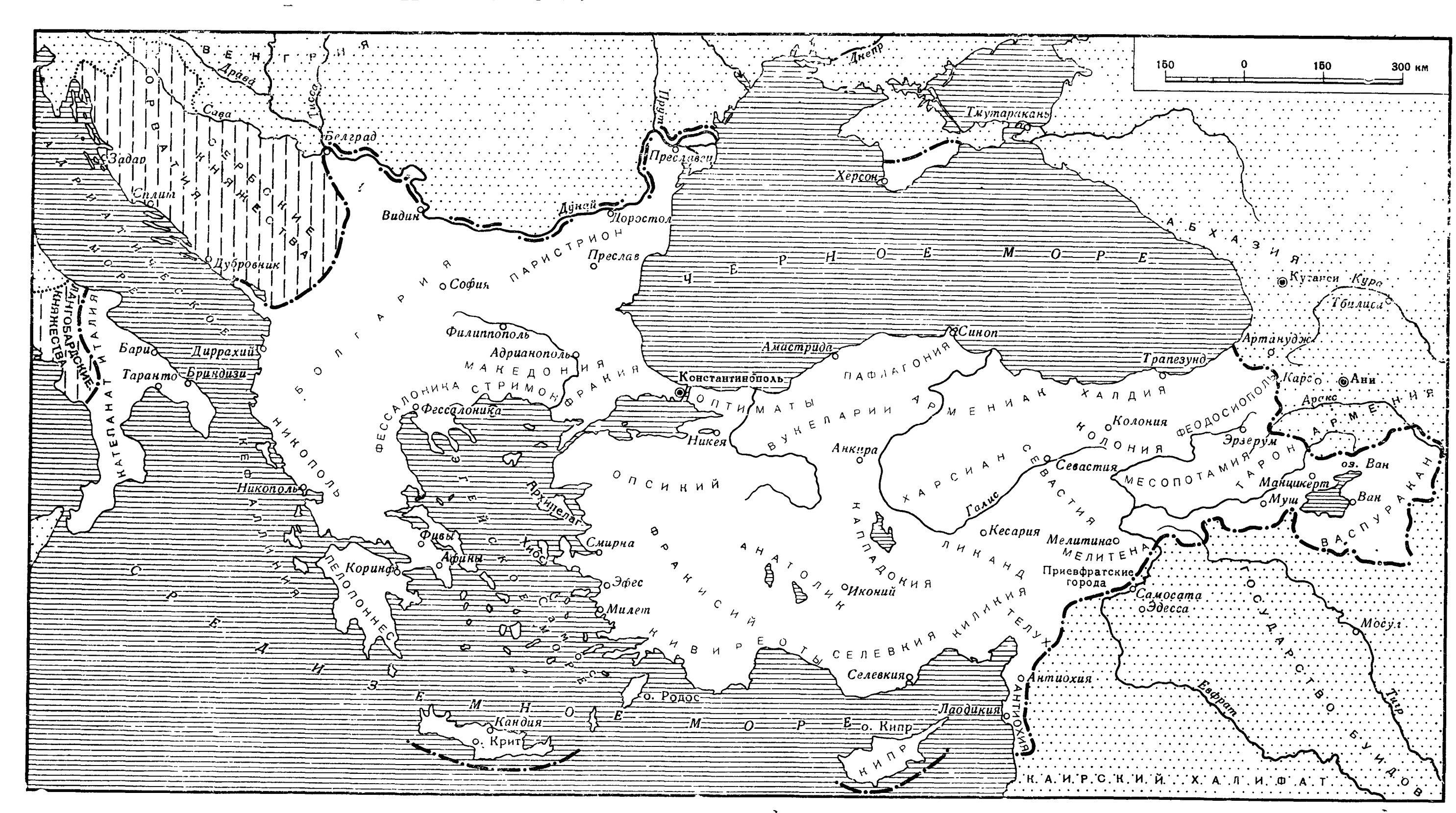
В центре внешнеполитической жизни Византии были по-прежнему отношения с арабами. Некоторые мелкие эмиры признавали суверенитет Византии, платили дань, служили в византийском войске, даже переходили в христианство. Другие сами получали дань с империи, но сохраняли дружественные или даже союзные с ней отношения. Третьи не прекращали враждебных действий. Главным врагом оставались Хамданиды, подчинившие себе, помимо Мосула, также и Алеппо. После побед Иоанна Куркуаса борьба на Востоке заметно ослабела. Главным орудием внешней политики стала дипломатия. Империя вела сложную дипломатическую игру на Востоке, Кавказе, в Причерноморье, но одновременно собирала силы для решительного удара.

В 949 г. с затратой огромных средств была снаряжена флотилия, посланная на отвоевание Крита — важнейшей базы арабских пиратов. Но действия бездарного полководца Константина Гонгилы привели к катастрофе: значительная часть флота погибла или была захвачена врагами.

Временные успехи были достигнуты в Азии: в том же 949 г. были взяты Адана, Мараш, Феодосиополь. В начале 50-х годов византийские войска перешли через Евфрат, но в 953 г. потерпели поражение. Мараш был снова потерян. Эмир Алеппо Сейф-ад-Даула и эмир Тарса несколько лет безнаказанно разоряли византийские владения. Перевес стал решительно клониться на сторону Византии с конца 50-х годов. Блестящие полководцы Никифор Фока и Иоанн Цимисхий одерживали победу за победой над эмирами Алеппо, Тарса и Триполи. В 957 г. Фока взял Хадат, в 958 г. Цимисхий захватил Самосату, открыв путь в Междуречье. Константин VII уже думал о походе в Сирию. В Южной Италии и Сицилии борьба проходила с переменным успехом. В конце царствования Константина с сицилийскими арабами был заключен мир. Византия вновь стала выплачивать им дань.

Сохранившиеся данные о социальной борьбе в деревне в это время относятся, по-видимому, к свободному крестьянству. Особенно тяжелыми были условия жизни народа в пограничных районах,

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В 1025 Г.



постоянно подвергавшихся опустошению. В 954—955 гг. в Киликии начались волнения после набега арабского эмира Тарса [5]. Оснований для возмущения у крестьян пограничных областей было больше чем достаточно. Грабежами и мародерством занимались не только враги, но и собственные войска. Воины Никифора Фоки должны были во время походов сами добывать себе пропитание, так как средств на провиант и фураж не отпускалось [6]. Отчаявшееся население малоазийских деревень иногда перебегало к арабам.

Оппозиция сановной знати, недовольной диктатом паракимомена, усилилась к концу царствования Константина. После смерти непопулярного патриарха Феофилакта трон занял властный и энергичный Полиевкт (956—970), настойчиво проводивший идею независимости духовной власти от светской. Он требовал отстранения от власти паракимомена Василия. Оппозиционно настроенные круги чиновной знати группировались вокруг сына Константина Романа. Способный, но безвольный и сластолюбивый Роман был женат на дочери владельца харчевни Анастасии (она приняла в замужестве имя Феофано), пленившей царевича необыкновенной красотой и имевшей на него огромное влияние. Константин умер в ноябре 959 г. в обстановке нараставшего возмущения.

Вступив на престол, Роман II (959—963) тотчас удалил паракимомена Василия и его приверженцев. Гражданское управление оказалось в руках другого евнуха — Иосифа Вринги. Ранее он занимал пост друнгария флота, теперь стал паракимоменом. Вновь возросла роль синклита.

Роман подтвердил аграрное законодательство своего отца. Однако при этом были сделаны некоторые послабления: фактически разрешалось скупать доли стратиотских участков; не выкупленный крестьянином участок мог быть выделен из общинных земель, и перспективы возвращения земли в таком случае резко снижались. Не возбранялось принимать разорившихся стратиотов в качестве своих зависимых людей [7].

Роман еще более возвысил Фок. В борьбе с арабами император был вынужден опереться на могущество, военный опыт и таланты Фок. Еще при Константине VII в 954 г. вместо Варды Фоки, скомпрометированного хищениями казенных денег, доместиком схол Востока стал Никифор Фока. Роман дал ему большие полномочия. Брат Никифора Лев стал вскоре доместиком Запада. Летом 960 г. огромная флотилия во главе с Никифором Фокой отправилась к Криту. После 7 месяцев осады в марте 961 г. столица критских арабов Хандак пала. Господство византийского флота на Эгейском море было обеспечено. Популярность полководца в столице росла. Полз кем-то пущенный слух, что провидение давно предназначило корону тому, кто отвоюет Крит. Одновременно Лев Фока, замещавший брата на посту доместика схол Востока, разгромил войска Сейф-ад-Даулы. В 961—962 гг. Никифор взял Аназарб, Рабан, Телух, вернул Мараш, подчинил Алеппо. В походах этих лет была взята огромная добыча.

Жесткая финансовая политика Вринги, суровый контроль над ремесленной и торговой деятельностью быстро сделали его ненавист-

ным константинопольскому плебсу. Все было в его руках — его и обвиняли во всех бедах. Чиновная знать столицы (πολιτεῦται) всерьез опасалась, как бы военная аристократия провинций не вырвала власть у непопулярного Вринги и разгульного императора. Возник заговор, в центре которого снова оказались Лакапиниды: зять Романа I, сестры императора, его мать и, очевидно, паракимомен Василий. Заговорщики были сосланы: но не в столичной оппозиции видел Вринга главную опасность. Он страшился Фок.

В середине марта 963 г. Роман внезапно умер, оставив малолетних сыновей Василия и Константина (5 и 3 лет) и родившуюся за 2 дня до смерти отца дочь Анну. Перед Феофано встала не терпевшая отсрочки задача обеспечить себе и детям надежную опору и защиту. Вопреки воле Вринги, она в апреле вызвала Никифора в столицу и вступила с ним в тайные переговоры. Одновременно переговоры с Фокой вел и синклит, высказавшийся за союз с полководцем: ему был дан пост стратига-автократора и обещание не производить перемен в составе высшей чиновной знати без его согласия. Фока поклялся хранить верность императорам.

Но Вринга не доверял Фоке. Он знал о сговоре Никифора с Феофано и о страсти, которую питал к красавице-императрице стареющий полководец. Момент казался военной знати благоприятным: на престоле сидели дети, фактический правитель государства, Вринга, вызвал широкую оппозицию в столице, между ним и императрицей разгоралась вражда, высшее военное руководство находилось в руках Фок, пользовавшихся симпатиями простого населения Константинополя. На стороне Никифора оказалась и временно отстраненная от власти влиятельная группировка столичной знати во главе с паракимоменом Василием.

Когда Никифор в Азии готовился к новому походу, Вринга отправил тайное письмо двум соратникам Никифора — видным полководцам и крупнейшим малоазийским феодалам Иоанну Цимисхию и Роману Куркуасу, предлагая им силой постричь Фоку в монахи или убить; кроме того, он обещал первому пост доместика схол Востока, второму — пост доместика Запада. Со стороны Вринги это был шаг отчаяния. И Цимисхий и Куркуас расценили его как признак слабости. Письмо Вринги лишь ускорило восстание военной знати.

2 июля 963 г. Фока объявил себя императором. Восточные войска с готовностью поддержали победоносного полководца. Через месяц узурпатор уже стоял в Хрисополе, против столицы. В Константинополе началось открытое движение в пользу Фоки. Сбежавшаяся к св. Софии толпа с боем оттеснила людей Вринги, которые хотели схватить укрывшегося в церкви отца Никифора Варду.

9 августа, в воскресенье, Вринга сам явился в св. Софию. Теряя почву под ногами, он с бранью набросился на присутствующих. «Я смирю вашу дерзость и бесстыдство,— кричал он толпе,— я сделаю так, что, купив хлеб за номисму, вы унесете его за пазухой!» Вскочив на коня, Вринга поехал по Месе, приказывая хлебопекам прекратить выпечку и продажу хлеба.

Во второй половине дня произошли новые кровавые столкновения — толпы народа напали на отряды македонцев и пленных арабов и разгромили их. На стороне Иосифа оказалась какая-то часть простолюдинов, по-видимому, привилегированные мастера и торговцы [8]. Многие из них были убиты. В ночь на 10 августа дома приверженцев Вринги были разграблены и разрушены до основания, ворота города открыты.

На сцену снова вышел паракимомен Василий, вооруживший до 3 тыс. своих людей и возглавивший движение в пользу Никифора. Вринга укрылся в св. Софии. Многие синклитики были схвачены. Три дня в городе не прекращались уличные бои. В них принимали участие воины Никифора. В середине августа Никифор торжественно вступил в Константинополь.

Вринга был сослан. В угоду патриарху и паракимомену на время удалили Феофано. Но скоро начались трения. Власть Фоки утверждалась в столице с трудом. Через месяц он вернул Феофано и женился на ней, вызвав недовольство сановников и высшего духовенства.

Начало конфликту было положено — он стал углубляться после первых же законоположений Никифора II Фоки (963—969). Новый император-полководец подчинил все интересы страны планам успешной борьбы с арабами. Регулярно выплачивая жалованье воинам, он сократил другие расходы. Была урезана руга синклитикам — святая святых, обеспечивавшая социальную базу императорам Македонской династии. Отражая интересы землевладельческой знати, Никифор отобрал право предпочтения на покупку динатской земли у крестьян, передав его динатам. Всякие иски относительно крестьянских земель, потерянных более 40 лет назад (до голода 928 г.), прекращались. При выкупе своих земель крестьяне должны были уплачивать двойную цену, если динаты возвели на той земле постройки [9].

Дружины феодальных магнатов, однако, еще не могли стать главной военной силой страны. Уже не могли ею быть и крестьянские ополчения. Ядро армии при Фоке составляли тяжеловооруженные всадники — катафракты (см. выше, стр. 166). Необходимость этой реформы Фока прямо объяснял введением тяжелого вооружения [10]. Фока освобождал от налогов не только катафрактов, но и их родственников и слуг.

Но Фока не отказался и от крестьянской военной повинности. По словам Зонары, Фока приписал много свободных крестьян к ведомству логофета дрома; те же, кто ранее нес повинности в пользу этого ведомства, были теперь записаны моряками, прежние моряки должны были нести повинности пеших воинов, пешие воины —конных стратиотов (очевидно, в легкой коннице), а конные стратиоты становились катафрактами. Так для каждого возросли, говорит Зонара, тяготы службы в войске [11]. Были введены новые налоги и повышены старые.

Ухудшилось и положение городского населения. В 965—969 гг. в Константинополе царил голод. Цена хлеба поднялась в 8 раз. Брат императора Лев Фока беззастенчиво наживался на народной нужде. В угоду ему и в интересах клики торговцев, связанных

с паракимоменом Василием, был ослаблен государственный контроль на рынках. В первую очередь пострадал ремесленный люд — беднейшее население столицы. Вместо того, чтобы нормализовать цены, император приказал продавать хлеб из государственных амбаров по спекулятивной цене. Престиж Фоки в столице упал [12].

Обострились отношения Фоки с духовенством. Покровительствуя нищему афонскому монашеству, Никифор был против обогащения церкви и монастырей. Было запрещено основание новых монастырей и расширение монастырской собственности. У монастырей отбирались даже пожалованные императорами земли, если прежние владельцы-стратиоты требовали их возвращения [13]. Фока принудил высших иерархов подписать документ, согласно которому патриарх не мог утверждать епископов без одобрения императора. После смерти епископа в епархию являлся чиновник, производил опись имущества и конфисковал все, что, по его мнению, превышало потребности епископа и клира.

Таким образом, у Никифора Фоки не оказалось в столице опоры, кроме узкого слоя привилегированного дворцового чиновничества. Всерьез опасаясь за жизнь, он превратил Большой дворец в крепость [14]. Строить укрепления он заставил горожан, выполнявших эту работу с ненавистью и презрением.

Недовольство и раздражение вызвал Никифор и у влиятельных кругов провинциальной аристократии. Требуя беспрекословной воинской дисциплины от катафрактов, Никифор не терпел и неповиновения земельных магнатов.

Подлинная опора императора — мелкие вотчинники-катафракты — была значительной силой. Но она находилась вне стен столицы. На ее сбор требовалось немало времени. Сохраняя Фоку у власти, боялись потерять влияние на дела и крупная провинциальная аристократия, и правящая клика во главе с Василием. Фока оказался недостаточно гибким политиком в обстановке, когда ни та, ни другая группировка не имела решительного перевеса.

Не спасли престижа Фоки и военные успехи.

Основные усилия императора были направлены на отвоевание Сирии. Однако пока в тылу оставались враждебные города Киликии, наступать на Сирию было слишком опасно. В течение первых двух лет царствования Никифор не прекращал борьбы за Киликию. В 965 г. пылающая Мопсуестия лежала у его ног; немедленно сдался и Тарс. Одновременно византийский флот завоевал Кипр — ключ к побережью Сирии.

Осенью 966 г. Никифор уже стоял перед «великим градом божьим», как называли Антиохию восточные христиане. Никифор не осмелился на штурм. В 968 г. он снова пришел в Сирию. Двигаясь вдоль берега, император подчинил множество городов и крепостей. Глубокой осенью Никифор осадил Антиохию, но наступившая зима заставила прервать осаду. Никифор выстроил поблизости крепость и передал ее Михаилу Вурце. Войска были расквартированы в Киликии. Во главе их стоял евнух Петр.

Вурце удалось склонить к измене военачальника одной из башен города, захватить часть стен, а 28 октября 969 г. с помощью подо-

спевших войск Петра — овладеть и всем городом. Весть об этом вызвала ликование в столице. В результате походов Фоки были завоеваны Киликия, часть Северной Месопотамии и Северной Сирии. По словам Скилицы, Никифор завоевал более 100 городов. Эмир Алеппо по договору 969 г. обязался выплачивать дань. Арабам был нанесен тяжелый удар. Но завоевания были непрочны. Во взятых городах не прекращались волнения, некоторые из них вскоре «стряхнули ромейское владычество».

С середины X в. венгеро-византийские отношения постепенно стабилизировались; набеги уступали место регулярным дипломатическим связям, укреплявшимся по мере того, как венгерская знать принимала христианство. В 948 г. один из виднейших венгерских вождей, Булчу, был крещен в Константинополе; вслед за ним в 952 г. крестился другой венгерский вождь, Дьюла, который, возвращаясь на родину, взял с собой монаха Иерофея, рукоположенного константинопольским патриархом в епископы Венгрии. Впрочем, в дальнейшем византийская церковь не удержала своих позиций с Венгрии.

Отношения с Болгарией при Константине VII оставались мирными. Когда болгарский царь Петр в 963 г. после смерти своей жены — внучки Романа I — решил возобновить мирный договор с Византией, Вринга согласился на это при условии, что сыновья Петра Борис и Роман явятся в Константинополь как заложники, а Болгария обязуется не пропускать венгров через свою территорию. Петр просил помощи против венгров у Никифора II, но не получил ее и был вынужден искать мира с венграми. В 965 г. император отказался выплачивать дань болгарам и весной 966 г. начал военные действия против Болгарии.

Опасаясь, что война с Болгарией может помешать борьбе с арабами, Фока обратился к русскому князю Святославу. В результате этого неудачного дипломатического маневра Византия получила на Балканах еще более опасного врага, чем болгары.

Когда антифатимидское восстание в Сицилии было подавлено, новый халиф потребовал, чтобы император возобновил уплату дани и выдал всех перебежчиков-мусульман. В ответ на это большое византийское войско было переправлено в Италию, но после того, как сицилийский наместник в 951 г. вторгся в Калабрию, оно без боя отошло к Отранто и Бари. Калабрия была охвачена паникой, население искало спасения в горах и пещерах. Только наступление зимы заставило арабов возвратиться в Мессину. В 952 г. сицилийские арабы снова появились в Италии; на этот раз византийское войско было разгромлено, а головы военачальников, павших в битве, победители отослали в Сицилию и Африку. После поражения византийцы заключили мир с арабами, который, впрочем, то та, то другая сторона время от времени нарушала.

Никифор II отказался платить дань и сицилийским арабам. Однако его попытки отвоевать Сицилию кончились неудачей. Византия с трудом удерживала Южную Италию. После коронации Оттона I в 962 г. в качестве германского императора немцы заняли почти всю Италию. Они вступили в союз с герцогами Беневента и Капуи—

вассалами Византии — и осадили Бари. Оттон I надеялся, однако, получить византийскую Южную Италию мирным путем — в качестве приданого за одной из порфирородных представительниц правящего византийского дома, которую он в 968 г. просил в жены своему сыну — будущему императору Оттону II. Никифор II надменно отверг притязания германского императора.

Недовольство политикой Никифора II Фоки становилось все более явным. В 969 г., на пасху, произошла кровавая схватка между преданным Никифору отрядом армян и константинопольскими моряками. Вероятно, армянский отряд понес большие потери, так как разнесся слух, что император не простит избиения его воинов. Скоро после конных ристаний на ипподроме Фока приказал показать народу потешный рукопашный бой. Воины обнажили мечи. Не понявшие их намерений и встревоженные слухами зрители в панике бросились к выходам, насмерть давя друг друга.

В праздник вознесения возвращавшийся из монастыря Животворного источника Фока был встречен на хлебном рынке бушующей толпой, которая заступила ему дорогу. На императора обрушились брань и проклятия. В него бросали камнями и комьями грязи. Знатные горожане встали на защиту Никифора, оттеснили народ и проводили василевса до дворца.

Отношения Никифора с его прежними соратниками становились все более напряженными. В немилость впал Михаил Вурца; был заподозрен Иоанн Цимисхий, к которому Никифор ревновал Феофано, воспылавшую страстью к красавцу-воину. Фока сместил Цимисхия с поста доместика схол Востока и сделал логофетом дрома. Скоро тот был лишен и этой должности и получил приказ не покидать своих владений. Но он успел достигнуть взаимопонимания не только с Феофано, но и с Василием и дворцовыми чинами. В ночь с 10 на 11 декабря 969 г. с помощью слуг Феофано во дворец пробралось несколько человек во главе с Цимисхием. Фока был зверски убит. Переворот совершился.

Придя к власти, Цимисхий начал с уступок. В угоду патриарху он сослал Феофано, всем рискнувшую ради него, отменил закон Фоки о порядке назначения епископов, наказал ссылкой и пострижением непосредственных убийц императора, принеся в жертву друзей. Вернув паракимомену Василию прежнее положение в синклите, Цимисхий позволил ему сместить с важнейших постов родственников и приверженцев Фоки и заменить их своими людьми. Была увеличена руга синклитикам. Он роздал свое огромное состояние «окрестным земледельцам» и прокаженным, содержавшимся в больнице у Босфора, увеселял жителей столицы празднествами, щедро раздавал милостыню.

Цимисхий опасался мощного рода Фок. Он сменил правителей провинций, сослал Фок, но на более суровые репрессии не решился. В частности, не были конфискованы богатства, награбленные куропалатом Львом. Эти богатства были вскоре использованы для заговора с целью свержения Цимисхия. Сын Льва Фоки Варда, пользуясь предоставленными отцом средствами, собрал в Каппадокии армию приверженцев для борьбы за престол. Отец мятежника, бежав из

ссылки, пытался поднять на восстание стратиотов Фракии. Помимо титулов и чинов, Фоки обещали своим сторонникам в случае победы земельные владения. Однако Цимисхий одолел мятежников, выдвинув против них другого провинциального магната — Варду Склира и соблазнив ряд наиболее видных сторонников Фок щедрыми обещаниями.

Стремясь утвердить свое положение в столице, Цимисхий женился на одной из дочерей Константина VII — Феодоре. Его силой захваченные права на престол приобрели характер законных — идея легитимости императорской власти все более упрочивалась. Едва вступив на престол, Цимисхий должен был совершить поход в Сирию. Египетские Фатимиды сделали попытку подчинить всю Сирию и отнять Антиохию. Весной 970 г. Цимисхий взял Алеппо. Эмир города заключил с Византией унизительный мир, обязавшись выплачивать дань. Пока Цимисхий находился на Востоке, Святослав в 970 г. опустошил Фракию. Цимисхий прервал военные действия на Востоке и двинул войска против Святослава. Тяжелая война закончилась летом 971 г. победой Цимисхия. Северная часть Болгарии (Паристрион) была аннексирована Византией [15].

Закончив войну в Болгарии, Цимисхий возобновил походы на Восток. В 972 г. были взяты Нисибис и Мартирополь в Северной Месопотамии. В ближайшие годы была отражена угроза со стороны африканских арабов, которые в конце 60-х годов X в. при Фатимидской династии подчинили Египет и угрожали Сирии. В 974 и 975 гг. Цимисхий пересек Сирию, взял Эмесу, Баальбек и дошел почти до Палестины [16]. На побережье под власть Византии перешли Аккон, Сидон, Бейрут. Дамаск и Триполи снова признали суверенитет империи. Позиции Византии в Северной Сирии были упрочнены. В это время в Малой Азии оживилась деятельность павликиан, «отягчавших весь Восток», как говорит Скилица. Желая укрепить положение в Сирии, Цимисхий переселил множество павликиан в район Филиппополя, на границу с болгарами. Пришлось Цимисхию улаживать и опасный конфликт с немцами, возникший при его предшественнике.

Таким образом, в ожесточенной борьбе на Востоке и на Балканах, которую Никифор Фока и Иоанн Цимисхий вели с неослабеваемым упорством и величайшей жестокостью, были заложены основы того внешнеполитического подъема империи, который был достигнут в первой четверти XI в. Столичная чиновная знать, опираясь на союз с крупнейшими представителями провинциальной аристократии, добилась огромных успехов во внешней политике. Но одним из неизбежных результатов этого союза было быстрое возрастание политического веса провинциальных магнатов, возглавлявших победоносные военные предприятия. Военной знати было достаточно объединить свои силы, чтобы покончить с господством чиновной бюрократии. Однако внутри провинциальной аристократии, прежде чем она успела овладеть центральным государственным аппаратом, вспыхнуло острое соперничество между наиболее крупными феодальными фамилиями. Всячески используя это соперничество в своих интересах и постепенно привлекая на свою сторону мелких вотчинни-

ков (ядро военных сил империи), столичная знать приобретала шансы продлить свое господство.

В значительной мере внутренняя политика Цимисхия — такого же представителя провинциальной военной аристократии, каким был Никифор Фока, — была капитуляцией перед чиновной знатью. Синклитиков не удовлетворяли, однако, те уступки, которые он сделал. Армия оставалась под безраздельным контролем провинциальных магнатов. Гражданское управление было снова в руках властного и резкого паракимомена — родственника второй жены Цимисхия. Не привыкший считаться с мнением других, Василий подавлял синклит, жадно и поспешно обогащался. Когда император находился в Болгарии, в среде столичной бюрократии против него был организован заговор, в котором оказался замешан патриарх Василий.

Мероприятия, проведенные Цимисхием в последние годы — новые уступки клиру и столичному чиновничеству. Цимисхий сделал богатый вклад в св. Софию, выстроил в столице великолепный новый храм, официально узаконил собиравшиеся ранее в качестве добровольных приношения в пользу церкви (см. выше, стр. 170). Цимисхий вернулся к аграрной политике предшественников Фоки. На землях светской знати и духовенства было произведено расследование, и все свободные крестьяне и стратиоты, переселившиеся с государственных земель, объявлялись независимыми от частных лиц и должны были снова платить налоги и нести повинности в пользу казны [17]. Однако это мероприятие не коснулось временщика Василия и его окружения. Родственник подраставших детей Романа II, он чувствовал, что его положение укрепляется, позиции же Цимисхия слабеют. Сановная знать была еще очень сильна.

Уступчивость Цимисхия вызвала раздражение военной аристократии. Поднял мятеж ближайший соратник и родственник императора — Варда Склир. Мятеж был подавлен, но Цимисхий счел необходимым простить Склира, боясь совсем потерять поддержку провинциальной аристократии.

В предвидении нового обострения борьбы за власть паракимомен Василий укреплял союз с чиновной знатью, сплачивавшейся вокруг сыновей Романа II. Говорили, что заболевший странной болезнью и быстро угасший Цимисхий был отравлен медленно действующим ядом. В январе 976 г. император умер.

Таким образом, царствование двух полководцев не привело к утверждению господства провинциальной аристократии. Путь «мирного» овладения престолом — через институт соправительства и компромисс с высшей сановной знатью — оказался несостоятельным. Первый этап борьбы провинциальной аристократии за престол закончился поражением. Начался второй этап — этап ожесточенных вооруженных схваток.

Обязанные своему внучатому дяде Василию избавлением от опеки блестящего воина-отчима, неопытные и растерянные Василий и Константин отдали все управление в его руки. Хитрый евнух тотчас вернул Феофано, которую некогда сам сослал. Варда Склир был лишен должности доместика Востока и отослан в качестве дуки

Месопотамии. Доместиком Востока поставили стратопедарха Петра — ближайшего сподвижника Никифора Фоки.

Летом 976 г. Варда Склир поднял мятеж. К нему стекались представители военной знати. Его поддержали армянские феодалы, а также мусульмане пограничных районов. Явились к нему на помощь сыновья князя Таронского, эмиры Амиды и Мартирополя дали денег и отряд в 300 всадников. Узурпатор собирал подати, конфисковал имущество противников. Первые победы Склира послужили сигналом для малоазийской знати к массовому переходу на его сторону. Скоро в его руках была почти вся Малая Азия. С содействия Михаила Вурцы под властью узурпатора оказалась Антиохия. Принял его сторону и императорский флот. В начале 978 г. Склир разгромил императорские войска. Сдалась Никея. Паракимомен Василий срочно вызвал из ссылки Варду Фоку.

Поставленный во главе правительственных войск Варда Фока не просто усмирял мятежников — он снова боролся за возвышение фамилии Фок. Так поняла это и военная знать провинций. Часть ее немедленно поддержала Фоку, в том числе Михаил Вурца. Недаром еще до возвращения Варды из ссылки Каппадокия, где лежали владения Фок, отказалась примкнуть к Склиру. Оказал помощь Варде Фоке и давний его приятель, повелитель Иверии Давид. Борьба была тяжелой и затяжной. В марте 979 г. во время сражения близ Амория Фока ранил Склира в единоборстве. Армию Склира охватила паника. Склир бежал и скоро оказался у халифа Хосроя в Багдаде[18].

Опасность со стороны Склира была устранена ценой нового возвышения Фок. Василий снова рассчитывал удержаться у власти, играя на противоречиях как внутри самой чиновной знати, так и среди провинциальной аристократии. Но он ошибся в оценке молодого императора и сплотившейся за его спиной сановной знати, потрясенной восстанием Склира. Безмолвная и незаметная фигура в первые годы после смерти Цимисхия, Василий II (976—1025) внезапно вышел на политическую арену. Суровый, простой в быту, молчаливый и косноязычный, Василий II был энергичен и умен. Он не легко поддавался гневу, был сдержан, но злопамятен. Рассчитывать на его прощение было почти невозможно.

Время небывало возросшего влияния провинциальной аристократии на военные дела империи окончилось — император взял армию под личный контроль. Евнух все более отстранялся от гражданского управления и никак не мог смириться с этим. Он стал сближаться с Вардой Фокой и другими полководцами, которых Василий удалял от руководства. Но в 985 г. евнух был сослан, его имущество конфисковано, приверженцы смещены с должностей. Заподозренного Варду Фоку Василий держал фактически не у дел. Отправляясь в 986 г. в поход против болгар, император не взял с собой ни Фоку, ни Михаила Вурцу. Это означало опалу. Высшая военная знать остро переживала падение своего влияния на армию.

17 августа 986 г. византийские войска были разгромлены болгарами. Уже четверть века Византия не терпела такого поражения. Слух о нем быстро докатился до Багдада. В начале 987 г., заручившись поддержкой некоторых арабских племен, Варда Склир снова

ВИЗАНТИЙСКАЯ МОНЕТА ИМПЕРАТОРОВ ВАСИЛИЯ II (976—1025 *гг.*) И КОНСТАНТИНА VIII (1025—1028 *гг.*).

Париж. Кабинет медалей

появился в пределах империи, возобновив притязания на престол. Василий вернул Фоке пост доместика схол Востока и приказал выступить против Склира. Но Фока в августе [19] 987 г. провозгласил себя императором. Восстание Фоки сразу же приняло огромные размеры. Высшая военная знать примкнула к Фоке. Склир был готов признать его верховенство. По сообщению Скилицы, Фока обещал Склиру Палестину, Сирию и Месопотамию [20]. Но Фока обманул Склира, бросил его в темницу и соединил оба войска. К концу 987 г. он подчинил всю Малую Азию. В его власти оказалась и Антиохия.

Василий срочно отправил послов на Русь к Владимиру с просьбой о помощи. В начале 986 г. Фока осаждал Авидос, другое его войско стояло у Хрисополя. Фока хотел блокадой задушить Константинополь. В 987 г. или весной 988 г. из далекой Руси прибыл шеститысячный отряд. Переправившись ночью через Босфор, Василий с русской дружиной обрушился на часть войск Фоки, стоявшую у Хрисополя, и наголову разгромил ее. Решительная битва произошла у Авидоса лишь 13 апреля следующего, 989 г. Командовал сам Василий, выступивший «со своими войсками и войском русов» [21]. Узурпатор хотел пробиться к императору, чтобы, убив его, выиграть битву. Он был уже близко у цели, когда внезапно покинул поле боя, сошел с коня, лег на землю и умер, не будучи никем ранен. Говорили, что он погиб от яда, который ему дал перед сражением подкупленный слуга.

Смерть Фоки повергла мятежников в ужас. Часть армии Фоки собралась вокруг Склира, освобожденного из темницы. Император вступил в переговоры со Склиром. Утомленный старец согласился прекратить борьбу, если Василий не обойдет его почестями, оставит за его приверженцами титулы и владения, которые Склир успел им раздать. Василий принял условия. Провинциальная аристократия должна была на время сложить оружие.

Василий был последовательным и решительным проводником политики столичной сановной знати. Отстранив от власти паракимомена, он решительно сократил выплаты из казны. В 995 г. Василий осуществил всеобщую перепись имущества налогоплательщиков с целью упорядочить налоговую систему [22]. Новеллой 996 г. он отменил сорокалетнюю давность: крестьянские земли, попавшие в руки динатов, подлежали возвращению независимо от того, когда эти

земли были потеряны. Значительный ущерб провинциальной землевладельческой аристократии причинил закон 1001—1002 гг. об аллиленгии, согласно которому динатов обязали уплачивать налоги за разорившихся крестьян налогового округа, в который входили владения дината. Разбогатевших общинников Василий повелел рассматривать как динатов и соответственно — возвращать крестьянам захваченные этими богачами земли. Конфискованы были имения и паракимомена Василия, и участников восстаний Фоки и Склира.

Награждая государственных и военных деятелей, император обычно жаловал титулы, повышал по должности, передавал движимое имущество, но не земельные владения. Император приблизил к себе группу незнатных лиц, способных и всецело ему преданных. Пселл с осуждением говорит, что он правил «не по писаным законам» [23].

Политика Василия в целом отвечала интересам чиновной знати, но непосредственное влияние синклита на внутреннюю и внешнюю политику упало — все решалось в тесном кругу близких к самодержцу лиц.

Василий, как и его предшественники, проявлял особую заботу о низшем слое феодалов — о стратиотах-катафрактах; катафракты сыграли решающую роль в азиатских походах Фоки и Цимисхия и в болгарских войнах Василия, который аккуратно и щедро выплачивал воинам жалованье, раздавал им захваченную на войне добычу, наделял титулами.

Об отношении Василия к городскому населению источники содержат мало сведений. Разгромив группировку паракимомена Василия, император ввел строгий контроль за деятельностью ремесленных и торговых коллегий. Контроль императора простирался на мелкие провинциальные рынки: новелла 996 г. затрудняла динатам устройство рынков и ярмарок в собственных владениях [24].

Проявляя заботу о константинопольцах, вечно страдавших от недостатка воды, император восстановил водопровод Валентиниана. Отмена налогов с сельского населения во время голода в последние два года его правления должна была сдержать рост цен на городском рынке. Благотворно на уровне цен на хлеб и вино в столице отразилось, очевидно, и сохранение натурального характера налогов с покоренных областей [25]. Внешняя простота Василия и его победоносная завоевательная политика способствовали популярности императора среди населения столицы. Высшее духовенство было всецело подчинено воле Василия. О претензиях, выдвигавшихся некогда Полиевктом, теперь не было и речи. Император самовольно смещал и назначал патриархов. В 90-х годах император на четыре года оставил византийскую церковь без патриарха [26].

В начале правления Василий благоволил монашеству [27], впоследствии он запретил рост монастырского землевладения и ввел суровый контроль за числом освобожденных от налогов монастырских крестьян. Новеллой 996 г. Василий запретил основание новых монастырей за счет свободного крестьянства. Особенно большой ущерб понесло от аллиленгия именно церкви и монастыри. Патриарх Сергий и епископы тщетно просили императора об отмене аллиленгия.

Экономическая политика Василия способствовала значительному росту доходов казны. Регулярно выдаваемая руга чиновникам и щедрое жалованье воинам обеспечили поддержку чиновной знати и мелких феодалов. Но политика Василия нанесла, несомненно, удар по среднему и крупному землевладению — она во всяком случае затормозила его рост.

Провинциальная аристократия снова подняла голову в конце царствования Василия. Опале подверглось несколько крупных малоазийских полководцев. Летом 1022 г., отправляясь в поход против абхазцев, Василий не взял с собой стратига Анатолика Никифора Ксифия и сына Варды Фоки Никифора. Опальные полководцы восстали, заручившись поддержкой независимых армянских князей[28]. В сговоре с ними, по-видимому, состоял и князь Абхазии Георгий. Готовы были бежать к мятежникам некоторые малоазийские аристократы, участвовавшие в походе Василия в Абхазию. Мятежники имели сторонников и среди людей, близких ко двору. Но между Ксифием и Никифором Фокой возникло соперничество. Ксифий убил Фоку, а затем был арестован. Участников мятежа подвергли конфискации имущества и заключению. Ксифий был пострижен в монахи. Содействовавший ему дворцовый евнух был отдан на съедение львам императорского зверинца.

После бурных событий в Константинополе в царствование Никифора II в источниках почти на полстолетия исчезают сообщения о каких-либо волнениях народа в столице. Не прекратилось, однако, движение в провинциальных городах, в частности на окраинах империи. При этом удаленные от центра города империи проявляли тенденцию к полной независимости. В 987 г. восстание разразилось в Бари. Поддержавшая мятеж Варды Фоки Антиохия до глубокой осени 989 г. отказывалась признать власть императора, и Василию стоило большого труда склонить антиохийцев на свою сторону. В 992—993 гг. восстала Лаодикия, и после подавления восстания жители города были переселены во внутренние районы. В 1009 г. вспыхнуло новое восстание в Бари. Восставшие разгромили византийские войска и в течение нескольких месяцев сохраняли независимость. Вскоре отделился Херсон, и Василию пришлось в 1016 г. посылать туда флот. Процветающие окраинные города тяготились зависимостью от византийской администрации с ее поборами и мелочным контролем. Показательно в этом отношении поведение малоазийского города Цаманда, во время восстания Варды Склира. Горожане не выступили против мятежника и не перешли на его сторону — они попросту откупились от Склира значительной суммой.

Правление Василия было временем почти непрерывных тяжелых военных кампаний. Главным театром военных действий стали Балканы. Более 30 лет основные силы империи, стянутые в Европу, вели ожесточенную войну с болгарами. Прежде чем Византия смогла начать активную борьбу на Балканах, она в течение 10 лет почти без сопротивления отступала под давлением своего северного соседа.

Иоанн Цимисхий присоединил к империи лишь Северо-Восточную Болгарию. Ни походы Святослава, ни русская кампания Цимис-

хия не коснулись западных и юго-западных земель Болгарского государства. Источники умалчивают о судьбе этих областей в период между вторжением Святослава и смертью Цимисхия (968—976). В 976 г. болгары восстали. Власть над страной оказалась у комитопулов — четырех сыновей комита Николы. Скудость и неточность сообщений источников стали причиной непрекращающихся споров в литературе [29-30]. Можно лишь предполагать, что между 969 и 976 гг. на этих землях, после того как центральный государственный аппарат Болгарии был сначала парализован, а затем ликвидирован, постепенно упрочивалась власть комитопулов. Восстание 976 г. привело к ликвидации византийского господства и воссоединению территории Болгарии. Пользуясь мятежом Варды Склира, комитопулы развернули наступление на земли империи. Главную роль в этих войнах играл младший из братьев Самуил. Старшие братья Давид и Моисей погибли в первые же годы борьбы. Аарон держался пассивной тактики. К 986 г. Самуил утвердил свое господство в Южной Македонии и в Фессалии [31].

Услышав об успехах комитопулов, в конце 70-х годов сыновья Петра Борис и Роман бежали из Константинополя. На одном из горных перевалов Борис, одетый в византийскую одежду, был по ошибке убит болгарским лучником, Роман же был объявлен царем Болгарии. Но воцарение Романа не привело к каким-либо существенным переменам в Болгарии: комитопулы сохранили в своих руках фактическое руководство страной. Василий II отправился в первый поход против Сердики, стремясь разрезать Болгарию на две части. Однако осада города была неудачной и завершилась паническим отступлением и поражением византийских войск (см. стр. 218).

Борьба с узурпаторами снова отвлекла силы империи на Восток, и Самуил получили свободу действий на Балканах. В эти годы Самуил стал единовластным правителем. Аарон, интригуя против Самуила, затеял тайные переговоры с византийцами и был убит по приказу Самуила. В 989 г. Самуил овладел Верией, хитростью захватил Сервию, опустошил Фессалию. Василий должен был срочно укреплять Фессалонику и ввести в нее большое войско во главе с Григорием Таронитом.

Лишь в начале 991 г. Василий выступил во второй поход против Самуила. В этой войне, длившейся 4 года, византийцы добились первых успехов. Но Василий еще не рисковал вторгаться во внутренние области Болгарии. Освободив некоторые районы Южной Македонии и разрушив ряд болгарских крепостей, император отправился в поход на Восток. Самуил немедленно перешел в наступление. Его войска подступили к Фессалонике. Выступивший из города Григорий Таронит был убит, а его сын Ашот взят в плен. Самуил прошел Фессалию, Беотию, Аттику и вторгся в Пелопоннес [32]. По его следам был направлен назначенный на место Таронита опытный полководец Никифор Уран. На реке Сперхей в 997 г. Самуил понес тяжелое поражение.

Поражение не остановило его наступательных походов. Официально короновавшись царем болгар после смерти в 997 г. Романа, Самуил на время обратил свои усилия на запад и северо-запад полу-

острова. Сербское государство не могло оказать сопротивления Самуилу. Князь Зеты (Дукли), Травунии и Хума (Захлумья) Иван-Владимир должен был признать себя вассалом Самуила. Вероятно, в этот период в руках Самуила оказался и Диррахий, управление и охрану которого Самуил поручил Ашоту, выдав за него свою дочь.

Новый этап византийско-болгарской войны начался в 1001 г., когда Василий приступил к систематическому завоеванию Болгарии. Василий с неслыханной даже в те времена жестокостью из года в год опустошая болгарскую территорию, ослепляя пленных воинов и некоторых жителей, что принесло ему прозвище Болгаробойцы.

Весной 1001 г. Василий вторгся в район Сердики, Никифор Ксифий был послан в Северо-Восточную Болгарию; одновременно начались военные действия в Южной Македонии. Пали Преслав, Малый Преслав, Плиска; была возвращена Фессалия, взяты Сервия и Водена. Начались первые акты предательства болгарских воевод — Верию без боя сдал Добромир. Скоро Василий осадил Видин. Осада затянулась. Стараясь отвлечь Василия от Видина, Самуил разграбил Адрианополь. Но Василий не ушел от Видина. Через 8 месяцев город пал. В этой кампании Василию помогло высшее духовенство Видина [33]. На обратном пути от Видина император разбил болгарского царя близ Скопле, после чего эта твердыня сдалась без сопротивления. В 1005 г. Ашот сдал византийцам Диррахий.

Решающие события разыгрались летом 1014 г. Василий подошел к одной из главных засек у горы Беласица. Никифор Ксифий зашел в тыл болгарам. Болгары были разгромлены. Через несколько дней они понесли еще одно тяжелое поражение под Струмицей. Василий приказал ослепить 14 или 15 тыс. пленных болгар, оставив на каждую сотню слепцов по одному ослепленному на один глаз поводырю, и отправить их к Самуилу.

Говорили, что Самуил не вынес зрелища тысяч слепцов — 6 октября 1014 г. он умер. Император тотчас вернулся в Болгарию, взял Штип и Прилеп, осадил Битоль — резиденцию нового царя Болгарии, сына Самуила Гавриила-Радомира. Византийские войска непрерывно опустошали Болгарию в течение трех лет (1015—1017). Василию II помогали венгры [34]. Болгария была охвачена смутами, ее царь погиб от дворцового переворота, новый правитель был убит в 1018 г. под стенами Диррахия. После гибели царя боляре и воеводы открыто перешли на сторону Василия. Болгария капитулировала. В начале 1019 г. Василий совершил торжественный въезд в столицу Болгарии Охрид. Правители сербских и хорватских земель признали свою зависимость от империи.

Впервые со времен Юстиниана I византийское господство снова распространилось на весь Балканский полуостров. На территории бывшего Болгарского государства была введена система византийского управления. Формы и размеры налогов Василий оставил такими, какими они были при Самуиле. Все важнейшие посты в администрации и церкви были заняты греками. Болгарское патриаршество было уничтожено. Василий не подчинил церковь западных областей Болгарии константинопольскому патриарху — она была организована как автокефальная архиепископия, глава которой (архиепис-

коп города Охрида) назначался самим императором. Болгарскому архиепископу были подчинены также несколько епископий с греческим населением. Болгарский архиепископ занял фактически третье место в церковной иерархии империи после патриархов Константинополя и Антиохии. Непосредственное подчинение императору огромного диоцеза давало Василию II возможность для более широких маневров в его церковной политике.

В Европе возникли новые фемы: катепанат Болгария, фема Паристрион (Северо-Восточная Болгария), особую административную единицу составила область Сирмия. Была восстановлена фема Диррахия.

Войны с Болгарией Василию приходилось неоднократно прерывать ради походов на Восток. Главным врагом империи здесь в это время стали Фатимиды — египетские халифы, постоянно посягавшие на Сирию и враждовавшие не только с Византией, но и с Хамданидами — эмирами Алеппо, союзниками и данниками империи. Эмиры Алеппо трепетали перед египетской угрозой и постоянно просили помощи у Василия, но готовы были при случае порвать зависимость от Византии. Василию приходилось зорко следить за союзниками и нередко обуздывать их вооруженной рукой, однако союз с ними был необходим. Обычно крайне бережливый, император в борьбе за Северную Сирию не жалел денег, подкупая местное духовенство и арабских эмиров.

После подавления мятежа Склира, эмир Алеппо отказался выплачивать дань, обусловленную договором 969 г. В 981 г. Варда Фока, осадивший по приказу императора Алеппо, вынудил эмира согласиться на выплату ежегодно 400 тыс. дирхемов, но в 983 г. Фоке пришлось повторить поход, чтобы заставить эмира уплатить дань за два года. В 985 г. население Алеппо снова отказалось платить дань. Произошли серьезные столкновения. Однако вскоре обманувшийся в надежде на помощь Египта алеппский эмир возобновил договор с Византией. Укрепление союза с Алеппо и обострение отношений с Фатимидами произошло в начале 90-х годов. В конце 991 г. умер эмир Алеппо Сейф-ад-Даула. Фатимиды решили захватить Алеппо. Эмир Дамаска по приказу египетского халифа осадил Алеппо, разбил летом 992 г. войска сына Сейф-ад-Даулы, разорил византийские владения вокруг Антиохии. Выступивший на помощь Алеппо дука Антиохии Михаил Вурца и его армянское союзное войско были разгромлены. Весной 995 г. в ответ на отчаянные призывы эмира Алеппо Василий появился под стенами Алеппо. Эмир Дамаска поспешно ушел от города. Василий вторгся во владения Фатимидов, взял Рафанею и Эмесу, повергнув в ужас арабов своей жестокостью. Но занять Триполи ему не удалось. Дукой Антиохии стал Дамиан Далассин.

Ответом Фатимидов на поход Василия было новое нападение эмира Дамаска, длившееся три года. Рафанея и Эмеса были отвоеваны, окрестности Антиохии и Алеппо опустошены. Дамиан Далассин потерпел жестокое поражение и погиб в сражении. В 999 г. Василий должен был совершить новый поход в Сирию. Был взят Шейзар; Рафанея и Эмеса сожжены и разрушены. Осада Триполи была безуспешной и на этот раз. Отвлекаемый неожиданно обострившейся об-

становкой в Иверии и Армении и войной с болгарами, Василий вступил в переговоры с халифом и в первой половине 1001 г. заключил с Фатимидами десятилетнее перемирие [35]. Но это перемирие фактически кончилось уже через три года. Среди арабских племен и соседних эмиров в 1004—1005 гг. распространяется идея священной войны за веру. Новый египетский халиф ал-Хаким проводил открыто враждебную империи политику. В 1015—1016 гг. Алеппо, наконец, попал во власть Фатимидов. Василию удалось завязать дружбу с египетскими наместниками Алеппо, тяготившимися зависимостью от Каира. Положение на границах с арабами было восстановлено.

Значительно расширил Василий владения империи и на северо-востоке Малой Азии, в Армении и Иверии. В 990 г. он совершил поход на Кавказ против правителя Иверии Давида и Багратидов, оказавших помощь Варде Фоке. Соединенные войска Багратидов и Давида были разбиты. Давид признал зависимость от Византии и завещал подвластные ему земли императору. В 1001 г. Давид умер. Некоторые из иверийских князей не захотели признавать завещания Давида, и Василий поспешил на Кавказ. Князья области Тайк должны были подчиниться, архонт внутренней Иверии обязался не посягать на уступленные Давидом земли [36].

Однако укрепить позиции империи в Иверии и Армении Василию удалось лишь в конце царствования. В походах 1021—1024 гг. Василий II нанес несколько поражений правителю Абхазии Георгию, пресек его попытки заключить военный союз с ал-Хакимом и мятежной военной знатью Георгий был вынужден признать зависимость от империи и отдал императору своего сына Баграта в заложники. Во время этих походов правитель Васпуракана передал Василию все свои земли. Сын умершего в 1020 г. Гагика I, царя Ани, Смбат заключил с Василием договор, подобный тому, который ранее заключал с императором Давид [37]. В результате этих приобретений на северо-востоке империи появились новые фемы Васпуракан, Иверия и Феодосиополь.

Не смог Василий восстановить позиции империи лишь в Сицилии и Италии. Владениям империи здесь не переставали угрожать с севера германские императоры, с юга — арабы, в 1017 г. здесь появились и норманны. Василий объединил византийские владения за Адриатикой в единый катепанат, сосредоточив всю власть в руках императорского наместника — катепана. Катепан Италии Василий Воиоанн на время остановил арабские набеги и на некоторый срок отодвинул границы империи на север вплоть до Рима. Однако в 20-х годах положение в Италии снова было весьма тревожным. В 1025 г. Василий начал готовиться к походу против сицилийских арабов. Войска уже были посажены на корабли, когда император неожиданно заболел. 15 декабря 1025 г. Василий II умер.

Неизмеримо возрос авторитет империи в царствование Болгаробойцы. За 40 лет единовластного правления он побывал почти на всех сухопутных границах империи, огнем и мечом утверждая византийское владычество. Никогда после смерти этого крупнейшего представителя Македонской династии Византия не достигала такого могущества, а пределы ее не были столь обширны.

Глава

8

ВИЗАНТИЯ И РУСЬ В IX—X ВВ.

В системе политических взаимоотношений Византии с окружавшими ее странами и народами большое значение имели в IX—X вв. ее отношения с северными соседями. «Варварский мир» Северного Причерноморья переживал в эту эпоху бурные социально-экономические перемены, отразившиеся и на политической ситуации на берегах Черного моря. Наиболее существенные изменения в политическую обстановку на северных берегах Черного моря внесло возвышение и укрепление нового государства — Древней Руси. Неуклонно следуя излюбленному принципу «разделяй и властвуй», византийская дипломатия сосредоточила свои усилия на том, чтобы помешать распространению русского влияния на Причерноморье, отрезать Русь от Черного моря.

В борьбе, затянувшейся на несколько веков, Русь оставалась наступающей стороной. Тревога за свои позиции в Причерноморье и за северные границы была главным мотивом в политике Византии по отношению к Руси. Эта борьба не могла перерасти в сколько-нибудь длительный вооруженный конфликт — географические условия исключали возможность ведения широких военных действий. Русь обладала тем преимуществом, что была в состоянии время от времени наносить чувствительные удары по важнейшим византийским центрам. Византия в ответ действовала чужими руками, натравливая на Русь соседние народы. Кроме того, одним из важнейших средств византийской политики становится христианизация Руси. Византия, безусловно, рассчитывала, что вслед за религиозным удастся распространить на Русь и политическое влияние. Представление о праве

императора на власть во всей «ойкумене» составляло неотъемлемую черту политического мировоззрения византийских государственных деятелей, дипломатов и философов. Но эта доктрина оставалась бесплодной догмой там, где империя не могла утвердить ее с помощью материальных средств [1]. Именно так сложились отношения Византии с Русью: империя была вынуждена постепенно сдавать одну позицию за другой.

В IX в. в Византии начался подъем крупных городских центров. Укреплялись и расширялись экономические связи с соседними народами (см. выше, стр. 134). В то же время IX столетие было переломным и в экономической и политической истории восточных славян. Улучшалось ремесленное производство, прогрессировало пашенное земледелие, росли города. Происходила политическая консолидация восточнославянских племен, создалось единое Русское государство.

Рост могущества Древнерусского государства вызвал тревогу у византийских политических деятелей. Тяга господствующей верхушки «варварских государств» к богатствам империи была хорошо изведана в Византии. Империя готова была из соображений безопасности границ пренебречь торговыми выгодами от сношений с «варварами-язычниками». Во многом эти опасения были основательными. Купцы «варваров» еще соединяли торговлю с грабежом, а правители молодых государств, стремясь утвердить свои права на международной арене, не останавливались перед чисто грабительскими походами в чужие земли.

Инициатором в развитии связей с Византией стало Русское государство. Чрезвычайно заинтересованное в установлении регулярных отношений с Константинополем, оно силой оружия шаг за шагом преодолевало преграды, созданные усилиями византийской дипломатии.

Первым этапом в развитии византино-русских отношений было установление связей Руси с византийской колонией в Крыму — Херсоном, торговля которого с «варварами» Причерноморья была главным источником его существования и процветания (см. выше, стр. 14). Позднее появилась тенденция к установлению прямых связей с империей, минуя посредничество херсонитов. В этом, однако, не были заинтересованы ни Херсон, ни Константинополь: первый — по экономическим, второй — по политическим мотивам. Херсон стал военным форпостом, препятствовавшим продвижению русских к южным берегам Черного моря. Устье Днепра было издавна освоено херсонитами. Чтобы вывести из Днепра в море большой купеческий караван или провести войско, необходимо было доброе согласие херсонитов. Недовольство русских возбуждали и торговые пошлины в Херсоне. Ибн-Хордадбех, писавший в 40-х годах IX в., сообщает, что русские купцы «вывозят меха белок, чернобурых лисиц и мечи из крайних пределов славянства к Румскому морю, и берет с них десятину румский властелин» [2].

Второй этап византино-русских отношений характеризуется попытками русских установить непосредственные связи с городами прибрежных черноморских провинций Византии. Византийцы зна-

ли русских задолго до их появления под стенами Константинополя. Во всяком случае жители Амастриды были знакомы с русскими до середины IX в. Не прервались связи города с ними и впоследствии. Никита Пафлагон в IX в. говорил об Амастриде: «О, Амастрида, око Пафлагонии, а лучше сказать — почти всей вселенной! В нее стекаются, как на общий рынок, скифы, как населяющие северные берега Эвксина, так и живущие южнее. Они привозят сюда свои и забирают амастридские товары» [3]. Нападениям Руси на Константинополь предшествовали набеги на провинции империи: «Все лежащее на берегах Эвксина, — пишет Скилица, — и его побережье разорял и опустошал в набегах флот россов (народ же рос — скифский, живущий у северного Тавра, грубый и дикий). И вот самую столицу он подверг ужасной опасности» [4].

По-видимому, установление непосредственных торговых связей русских, силой прорвавших блокаду херсонитов, с городами метрополии было далеко не мирным процессом. При этом русские, по всей вероятности, предпринимали и грабительские набеги на прибрежные города Понта. Однако о их готовности к мирным отношениям с греками свидетельствует уже «Житие Георгия Амастридского», написанное, скорее всего, в иконоборческий период (до 842 г.) диаконом Игнатием [5] и повествующее о набеге русских на Византию. Русские, «начав разорение от Пропонтиды» [6], достигли, наконец, и Амастриды. Город был взят и разграблен. Однако вскоре «устраивается некоторое примирение и соглашение» русских с греками. Часть награбленного была возвращена, пленные освобождены.

Автор «Жития Георгия Амастридского» склонен отождествлять русских с «тавроскифами». По его словам, язычники-русские, поклоняющиеся рощам и лугам и приносящие им жертвы, сохраняют и «древний обычай тавров — избивать иностранцев» [7]. «Таврические скифы» уже в середине IX в. служили в императорской гвардии [8]: вполне вероятно, что это были русские наемники. Согласно легенде о захвате Киева Олегом, путешествие купцов с товарами по Днепру в Византию — обыденное явление. Во всяком случае нападение русских на Константинополь с многочисленным флотом не могло быть предпринято без достаточного знакомства с особенностями дальнего пути и без знания политической обстановки в империи и на ее границах.

Третий этап византино-русских отношений — начало непосредственных контактов с Константинополем [9]. Попытку установить регулярные отношения со столицей империи еще в первой половине IX в. можно усмотреть в сообщении Бертинских анналов. При императоре Феофиле в Константинополь явились послы некоего «хакана». Не имея возможности вернуться на родину обычным (днепровским?) путем, поскольку он был перерезан враждебным народом (венграми?), послы возвращались окружной дорогой и в 839 г. прибыли в Ингельгейм к Людовику Благочестивому. Послы называли себя руссами, но автор Бертинских анналов считает их свевами (шведами) [10]. Известно, что и впоследствии не раз в числе послов русского князя в Византию оказывались норманские дружинники последнего.

18 июня 860 г. русские на 20 судах напали на Константинополь. Окрестности столицы были опустошены. Нападение русских было совершенно неожиданным для византийцев [11]. Вестники херсонитов не сумели опередить русских, чтобы сообщить в столицу о нашествии. Император срочно вернулся из похода против арабов, с трудом пробившись в осажденный город [12]. Часть русского флота опустошала в это время Принцевы острова [13]. По-видимому, русские не думали о штурме стен Константинополя. Так же внезапно, как напали, они 25 июня [14] сняли осаду и ушли из-под города. Обстоятельства этого отступления остаются неизвестными. По одним данным, внезапно поднявшаяся буря разметала русские корабли, и только немногие из них уцелели. По другим — русские с триумфом возвратились домой. Согласно свидетельству Фотия, очевидца нашествия, русские ушли неожиданно для византийцев [15]. Нападение русских произвело большое впечатление на жителей Константинополя.

Источники ничего не сообщают о каких-либо переговорах русских с греками перед их уходом из-под стен Константинополя. Однако вскоре какие-то переговоры были завязаны. В окружном послании 867 г. Фотий извещал, что не только болгары, но и «пресловутые русские» приняли христианство, что этот народ, покоривший соседние с ним племена, чрезвычайно возгордившийся и еще недавно дерзнувший поднять руку на Ромейскую державу, ныне причислил себя к «подданным и друзьям» византийцев, исповедует христианское учение и принял византийского иерарха [15а]. В «Жизнеописании Василия I», составленном его внуком, Константином Багрянородным, утверждается, что Василий добился дружбы языческого народа русских, заключил с ними соглашение и склонил к принятию христианства [16].

Вероятно, попытки обратить русских в христианство предпринимались неоднократно. Принятие христианства Болгарией не могло не оказать влияния на господствующие круги Русского государства. Повышение международного авторитета новообращенной Болгарии, выгодные торговые отношения с Византией, усиление центральной власти — все это должно было привлечь внимание правителей Русского государства. По-видимому, в распространении христианства на Руси не меньшую роль, чем византийские проповедники, сыграли болгары.

Договоры русских с греками 907 и 911 гг. свидетельствуют об уже сложившейся системе дипломатических и торговых отношений, которые сохранялись, по всей вероятности, до конца IX в. Торговля с Византией способствовала увеличению экономического могущества правителей Руси — сюда они сбывали часть дани и военной добычи (меха, воск, мед, лен, шкуры, рабов). На константинопольском рынке можно было приобрести дорогие ткани, ценное оружие, изделия роскоши, изысканные яства.

Торговля и политика были связаны теснейшими узами. Только правитель государства с его аппаратом власти был в состоянии обеспечить выгодные условия торговли с соседней страной и безопасность торговых караванов на огромном протяжении сухопутного и морского пути. В IX—X вв. внешнюю торговлю Руси осуществляла непосредственно правящая верхушка Русского государства. Конвой сопро-

вождал купцов на всем пути до Константинополя. Купцы, не имевшие печатей или грамот, выданных князем, лишались права на льготы, обусловленные договорами с Византией. Недружелюбное отношение к «гостям», нередко выполнявшим и дипломатическую миссию, рассматривалось как прямое оскорбление отправившего их монарха.

В начале X в. внутреннее и внешнеполитическое положение Византии вновь стало тяжелым. Именно в это время, в 905—907 гг. [17], русский флот и сухопутное войско [18] снова появились под Константинополем. По-видимому, отношения русских с болгарами были дружественными: проход к Константинополю по территории Болгарии был бы, разумеется, невозможен без согласия Симеона. Очевидно, дело не дошло до серьезных военных столкновений, поэтому рассказ о походе не попал в византийские летописи [19]. Однако смутный намек на набег «руси-дромитов» можно усмотреть в одном из испорченных мест хроники Псевдо-Симеона [20]. По всей вероятности, византийцы предпочли переговоры военным действиям против русских. Как это следует из русской летописи, византийцы богато одарили русских, выплатили контрибуцию и согласились уплачивать дань.

Важнейшим подтверждением известий летописи об удачном походе на Византию являются договоры русских с греками, в подлинности которых ныне едва ли можно сомневаться [21]. Договоры свидетельствуют, что в Константинополе проживали русские купцы и воины; русские служили наемниками в императорских войсках; в Византию бежали с Руси невольники; русские суда терпели бедствия близ византийских берегов, а византийские — неподалеку от владений русских. Случались и недоразумения, споры, драки и тяжбы между русскими и византийцами. Иногда русские полувоины-полукупцы творили грекам «пакости в селах». Свидетельствует договор и о том, что эти мирные отношения были прерваны незадолго перед походом и заключением договора.

В 907 г. под стенами Константинополя было достигнуто соглашение, важнейшие статьи которого сообщает русская летопись. Русские получили право беспошлинной торговли в столице империи. Во время пребывания в столице русским послам предоставлялось особое «посольское» довольствие, а купцам — месячина в течение 6 месяцев: хлеб, вино, мясо, рыба, овощи. На обратный путь их снабжали якорями, парусами, канатами, продуктами. Местом пребывания русских устанавливалось предместье Константинополя близ храма св. Мамы.

В сентябре 911 г. был заключен еще один договор, торжественно скрепленный взаимными клятвами. Договор устанавливал порядок урегулирования конфликтов, обмена и выкупа пленных, возвращения беглых рабов и преступников, охраны и возвращения имущества, находившегося на судах, потерпевших кораблекрушение, касался вопросов наследования и др. В момент заключения договора 911 г. 700 русских принимало участие в военной экспедиции византийцев против критских арабов [22].

Существенные перемены в характере отношений с русскими внесло укрепление Византийской империи в 20—30-х годах X в. и вторжение в причерноморские степи полчищ печенегов (см. выше, стр. 203).

С этого времени печенежская угроза становится важнейшим фактором антирусской политики империи. Однако дружественными отношения между Византией и Русью оставались в 20-х годах X в. В 922 или 924 г. патриарх угрожал царю Болгарии нашествием венгров, алан, печенегов и русских [23]. «Клятвенные договоры» с русскими сохраняли силу вплоть до похода Игоря в 941 г.[24] Еще в 30-х годах X в. русские служили в византийской армии и принимали участие в войнах в Италии. В договоре 944 г. как бы признается и вина Византии за происшедший разрыв — взаимная неприязнь объясняется происками «враждолюбца-дьявола». Византия, по-видимому, не желала более соблюдать условия договоров 907 и 911 гг. Встревожило, по всей вероятности, империю и постепенное укрепление русских на берегах Черного моря. Русские пытались обосноваться в устье Днепра, оставаясь там и на зимнее время. Очевидно, речь шла о попытке русских использовать днепровское устье и другие районы Причерноморья в качестве плацдарма для подготовки весенних и летних военных экспедиций в бассейне Черного моря.

По договору 944 г. русские должны были защищать Херсон от нашествия черных болгар, занимавших степи между Доном и Кубанью. В договоре также решительно подчеркивается, что русский князь не имеет права распространять свою власть на владения империи на северных берегах Черного моря. Все это позволяет предполагать, что между 911 и 944 гг. Русь стала соседкой крымских колоний империи. Недаром Масуди называет Черное море «Русским» и утверждает, что русские живут «на одном из его берегов», мало того — что никто, кроме них, по нему не плавает [25].

Результатом византино-русских противоречий, выявившихся после заключения договора 911 г., был поход Игоря 941 г. На этот раз поход не был неожиданностью для византийцев. Узнав о приготовлениях Игоря, херсониты и болгары тотчас известили императорский двор. Молва о нашествии русских распространилась в Константинополе еще до официального оповещения херсонского стратига.

8 июня [26] у входа в Босфор бесчисленные однодеревки Игоря были встречены византийскими кораблями, снабженными греческим огнем. Легкие суда Руси были рассеяны. Русские высадились на берегах Босфора, главные силы флота отошли в мелководье близ малоазийского побережья [27]. Русские разорили Вифинию и берег Понта до Ираклии и Пафлагонии. Лишь в сентябре, стянув значительные силы из Малой Азии, Фракии и Македонии, византийцы вытеснили русских. Византийский флот напал на отходившие суда русских и нанес им поражение. Захваченные в плен были обезглавлены [28].

Несмотря на неудачу, русский князь, едва вернувшись на родину, принялся готовиться к новому походу. В 943 [29] или 944 г. Игорь, заключив союз с печенегами, выступил по суше и по морю против Византии. Однако императорские послы встретили русское войско на Дунае и сумели склонить Игоря к миру. Вскоре был заключен новый договор, более благоприятный для византийцев, чем договор 911 г. В договоре уже не говорилось о беспошлинной торговле русских в Константинополе. Русским купцам запрещалось приобретать

шелковых тканей более, чем на 50 номисм[30], русские обязывались помогать Византии, защищать ее крымские колонии.

Среди русской знати, скреплявшей договор 944 г., была довольно многочисленная группа христиан, принесших клятву в церкви св. Ильи. Согласно арабским авторам, русские приняли христианство в 912/913 г.[31], т. е. вскоре после заключения договора 911 г. Можно предполагать, что христианская община на Руси постепенно росла и становилась все более влиятельной. Недаром в 972 г. папа Иоанн XIII считал русских христианами [32].

В течение четверти века после заключения договора 944 г. отношения Византии и Руси были мирными. Русские купеческие караваны ежегодно прибывали в Константинополь [33]. На пути к Константинополю русские опасались нападений врагов (печенегов) лишь до границ с Болгарией. Очевидно, отношения русских с Болгарией, сохранявшей с 927 г. дружественные связи с Византией, были также мирными. О торговле русских в Переяславце на Дунае как о постоянном явлении сообщается в Повести временных лет [34]. Одновременно русские продолжали вести торговлю с Херсоном. Иногда посредниками в этой торговле были печенеги, иногда русские сами являлись в Херсон, а херсониты — к русским, переправляясь через Днепр около Крарийской (Кичкасской) переправы [35]. Участвовали русские и в военных предприятиях Византии. В 954 г. они были в составе войск империи в Азии [36]. Гарнизоны из русских воинов стояли по крепостям Византии [37].

В 957 г. Русь сделала шаг навстречу империи: русская княгиня Ольга в сопровождении большой свиты, половину которой составляли купцы, совершила путешествие в Константинополь и была принята Константином VII Багрянородным. По-видимому, в Константинополе она крестилась под христианским именем Елены [38].

Однако уже в это время в отношениях Руси с империей проскальзывают черты настороженности и враждебности. Константин Багрянородный видел в Руси потенциального врага и делал ставку на печенегов как на союзников против русских [39]. Русская летопись сохранила предание о недовольствие княгини Ольги приемом, оказанным ей в Константинополе. Правительница крупнейшего государства Восточной Европы была принята в соответствии с церемониалом приема мелких владетельных князьков Востока. По возвращении Ольга пыталась завязать переговоры с германским королем об организации христианской церкви на Руси.

Дело, тем не менее, не дошло до открытого разрыва с Византией. По-видимому, ни та, ни другая сторона не выполняли всех условий договора 944 г. Русская летопись сообщает, что Константин VII просил у Ольги «вои в помощь», но оскорбленная приемом в столице империи княгиня ответила отказом. Русские, правда, продолжали служить в византийской армии. В 960—961 гг. отряд русских принимал участие в отвоевании Крита у арабов, но не известно, были ли это войска, посланные из Киева по просьбе императора, или отряд вольных русских наемников.

Противоречия, нараставшие между Византией и Русью, вылились в конце 60 — начале 70-х годов в крупное военное столкновение.

Оба государства достигли к тому времени значительных успехов на международной арене. Византия вела успешные войны с арабами. Болгарский двор находился под ее политическим влиянием. Одновременно, в 964—966 гг. князь Святослав значительно расширил пределы Русского государства. Он победил вятичей, разгромил волжских болгар и хазар, взял крепость Саркел, подчинил ясов и касогов. Владения русских теперь охватывали византийские колонии в Крыму с севера и востока.

Византийский двор, несомненно, был осведомлен о победоносных походах Святослава. Когда в 965—967 гг. возник новый острый конфликт с Болгарией, Никифор Фока решил столкнуть болгар и русских, чтобы ослабить их взаимной борьбой (см. выше, стр. 214). Обращение к Святославу с просьбой о походе против болгар не было, однако, простой реализацией соответствующей статьи договора 944 г.[40] Чтобы добиться выступления Святослава в поход, ему было послано 15 кентинариев золота.

В августе 968 г. Святослав с союзными печенежскими отрядами появился на Дунае, разгромил высланные против него болгарские силы и занял города по Дунаю [41]. Обстановка, сложившаяся в Болгарии в течение первого полугодия пребывания в ней русских, и перемены в отношениях между Русью, Болгарией и Византией, происшедшие в это время, к сожалению, не нашли отражения в источниках. Официально в июле 968 г. (т. е. еще до появления Святослава на Дунае) отношения Руси с Византией были дружественными: 20 июля этого года русские корабли еще стояли в константинопольской гавани [42]. Однако уже месяцем раньше, 29 июня, болгарские послы были с почетом приняты Никифором Фокой — возможно, болгары знали о предстоящем походе и старались если не предотвратить его, то восстановить дружбу с империей.

Вероятно, в результате дипломатических маневров Византии печенеги весной 969 г. осадили Киев. Святославу пришлось покинуть Болгарию. По-видимому, уже тогда империя окончательно убедилась, что Святослав преследует на Балканах собственные интересы, отнюдь не совпадающие с интересами империи. Святослав хотел укрепиться на Дунае и перенести сюда, в Переяславец, даже столицу своего государства. В июле — августе 969 г., отогнав печенегов от Киева, Святослав снова появляется в Болгарии, и его действия сразу же принимают ярко выраженную антивизантийскую направленность.

Никифор поспешил возобновить союзные отношения с Болгарией, опасаясь начинать войну одновременно «против двух народов» (русских и болгар) [43]. Очевидно, между Святославом и определенными кругами болгарской знати сложился союз, к которому примыкали венгры и часть печенегов. Никифор старался отколоть болгар от Святослава. Этот замысел, как видно, увенчался успехом лишь в отношении непосредственно правящей группировки болгарской знати во главе с Борисом (Петр умер еще в январе 969 г.).

В декабре 969 г. Никифор был убит, Цимисхий же, всецело занятый войной на арабских границах и подавлением мятежа Фок, до 971 г. не мог двинуть главные силы против Святослава. Русский

князь в течение 970 г. овладел всей Северо-Восточной Болгарией. Болгарская столица была занята соединенным русско-болгарским гарнизоном. Борис сохранял все регалии царской власти.

Весной или летом 970 г. Святослав перешел через Балканский хребет и опустошил Фракию. Его передовые отряды, направляясь к византийской столице, дошли до Аркадиополя. Здесь, однако, они были остановлены византийскими войсками во главе с Вардой Склиром. Вскоре после битвы под Аркадиополем Святослав прекратил войну с византийцами и ушел за Балканы. Есть основания предполагать [44], что отход Святослава был следствием каких-то мирных обещаний Цимисхия. Вот почему весенняя кампания Цимисхия (971 г.) была полной неожиданностью для Святослава: он спокойно оставался на севере Болгарии, в Доростоле; гарнизон болгарской столицы, Преслава, не был усилен; балканские проходы не охранялись.

Цимисхий, один из крупнейших полководцев X в., обратил всю мощь закаленной в азиатских походах византийской армии против войска смелого завоевателя, оторванного от своих коммуникаций. Весной 971 г. Цимисхий быстрым маршем вторгся в Болгарию. Одновременно флот, вооруженный греческим огнем, был направлен в устье Дуная, чтобы отрезать русским путь к отступлению и помешать подходу подкреплений с левого берега реки. 12 апреля Цимисхий осадил Преслав. 14 апреля византийцы вошли в город. Только группе воинов удалось прорвать кольцо врагов и достигнуть Доростола, где находился Святослав с главными силами. Царь Борис с семьей попал в плен. Болгарская казна оказалась в руках Цимисхия.

Император и его окружение развернули широкую кампанию против русских, выступая в роли освободителя болгар от «тирании» Святослава. Борису оказывались знаки почтения как царю Болгарии. Часть болгарской знати, деморализованная падением столицы и пленением царя, отошла от Святослава. Многие города и крепости Болгарии без сопротивления сдавались Цимисхию.

Святослав срочно отозвал в Доростол русские гарнизоны из других городов и крепостей. Антирусские настроения проявились и среди знати Доростола. Святослав прибег к репрессиям: часть знатных боляр была казнена, часть брошена в тюрьмы.

В конце апреля армия Цимисхия окружила крепость. Византийский флот блокировал Доростол с Дуная. Венгерские и печенежские союзники, по-видимому, к этому времени покинули Святослава. Осада продолжалась три месяца, в течение которых русские совершали частые вылазки. На стороне русских еще сражались какие-то болгарские силы: среди убитых воинов находили даже женщин, вероятно, жительниц Доростола [45].

Осажденные терпели голод. К Цимисхию между тем непрерывно прибывали подкрепления. 21 июля Святослав дал последнее сражение. Русские сначала теснили греков, но Цимисхий бросил в бой тяжелую конницу и отбросил русских внутрь стен. Святослав был ранен. Византийцы считали победу достигнутой «сверх всякого ожидания».

Святослав прекратил сопротивление и завязал с Цимисхием переговоры. Цимисхий с готовностью пошел на установление мира. По

заключенному под Доростолом договору Святослав должен был покинуть Болгарию и никогда впредь не посягать ни на эту страну, ни на византийские колонии в Крыму. В случае необходимости русский князь обязался оказывать империи военную помощь. Византийцы в свою очередь предоставляли русским свободный выход из Болгарии, снабжали каждого из 22 тыс. воинов Святослава продовольствием и обязывались впредь относиться «как к друзьям» к русским, прибывавшим в Константинополь по торговым делам. Император должен был также убедить печенегов не нападать на дружину Святослава, когда она будет возвращаться на родину [46].

Посланец Цимисхия к печенегам, Феофил Евхаитский, вел с ними переговоры отнюдь не только о Святославе. Цимисхий предлагал печенегам сохранять дружбу, не переправляться через Дунай и не вторгаться в Болгарию, а также будто бы пропустить Святослава. Печенеги приняли все предложения императора, кроме последнего [47]. По-видимому, желания печенегов не противоречили тайным инструкциям, данным Феофилу [48]. В 972 г. Святослав погиб в районе порогов в результате нападения печенегов.

Попытка русского князя распространить свое господство на часть Болгарии не увенчалась успехом. Однако авторитет Руси в глазах византийцев, составивших отчетливое представление о силах Русского государства, повысился, несмотря на поражение русских. Об этом наглядно свидетельствуют события, разыгравшиеся 15 лет спустя.

После Доростольского договора торговые и дипломатические отношения Византии с Русью возобновились. Русская летопись сохранила предание о переговорах князя Владимира с империей о принятии христианства в качестве государственной религии.

В 986 (987?) г. теснимый в Европе болгарами, а в Азии мятежником Вардой Фокой, Василий II обратился к Руси за военной помощью. Обращение Василия было актом, подготовленным предшествующими дипломатическими сношениями. В завязавшихся переговорах Василий был вынужден принять встречные условия русских, а именно — выдать за русского князя порфирородную царевну, свою сестру Анну. Русские, и прежде всего сам князь, обязались принять христианство.

В условиях того времени тесное родство с императорским константинопольским двором означало значительное повышение международного авторитета Руси. Согласие Василия на брак Анны с Владимиром было дано только под давлением чрезвычайно тяжелых обстоятельств. Что касается согласия русского князя принять христианство, то оно явилось не следствием «дипломатической победы» Византии, а закономерным итогом предшествующего развития Русского государства. Византийское влияние не могло бы привести к христианизации Руси, если бы там не созрели для этого социально-политические предпосылки. Процесс христианизации Руси ко времени княжения Владимира длился уже более столетия. Русская знать успела убедиться, что христианство сулило и повышение авторитета Руси в сношениях с другими государствами, и оформление социального господства феодальной верхушки, и приобщение к куль-

турным традициям Византии. Экономические и политические связи с империей, ее значительное культурное влияние обусловили принятие христианства из Византии, однако это было не столько делом византийской дипломатии, сколько глубоко продуманным государственным актом дальновидного русского князя.

Весной 988 г. (а может быть, в конце лета или осенью 987 г.) из Руси на помощь Василию прибыл 6-тысячный корпус. Летом 988 г. русские принимали участие в разгроме войск Фоки под Хрисополем. Положение Василия значительно укрепилось. Император, по всей вероятности, не спешил с выполнением достигнутого соглашения — Анна не была отправлена на Русь [49]. Чтобы принудить Василия к этому, Владимир весной следующего, 989 г., осадил Херсон (который был взят в начале лета) [50]. В те же дни, 13 апреля, русский корпус способствовал разгрому основных войск Варды Фоки под Авидосом (см. выше, стр. 219). Опасаясь углубления конфликта с ними и желая вернуть крымские колонии, император распорядился отправить порфирородную сестру к Владимиру. Брак, которому предшествовало принятие христианства Владимиром, состоялся, по-видимому, летом 989 г. Владимир приступил к крещению языческого населения своего государства. Среди духовных лиц, принимавших в этом участие, находились митрополиты и епископы, отправленные Василием [51].

Политика христианизации в руках византийских дипломатов являлась испытанным средством политической экспансии. Болгария, сперва принявшая христианство от греков, была в дальнейшем подчинена Византией. В отношениях с Русью планы империи не могли простираться столь далеко. Однако византийское правительство, несомненно, рассчитывало на политическое верховенство. Но возможность этого не стала действительностью. Ни христианизация, ни родственные узы не привели к подчинению Руси интересам империи. Русь не следовала в фарватере внешней политики Византии, но русская угроза ее северным границам временно исчезла. Гораздо больше выиграла от этого союза Русь, ставшая в один ряд с крупнейшими христианскими державами средневековой Европы. Попытки византийских дипломатов представить Русь как часть Романии, как народ, подчиненный (ὑπόσπονδος) империи, не принесли ни вреда Русскому государству, ни выгод Византии. Русь продолжала расти и развиваться независимо ни от константинопольского двора, ни от мировоззрения византийских автократоров, их панегиристов и дипломатов.

Глава

9

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИМПЕРИИ В XI—XII ВВ.

Если сравнить политическое положение Византийской империи в начале XI и в конце XII в., различие бросится в глаза: в начале XI в. Византия была самым сильным государством Средиземноморья, в конце XII в. она оказалась беспомощной. Что произошло за эти полтора-два столетия? Вправе ли мы объяснять этот упадок Византии (от которого она, по сути дела, уже никогда не смогла оправиться) только усилением ее соседей, ее врагов? Конечно, нет; ведь на протяжении многих столетий Византия выдерживала натиск с востока и запада, успешно отражала наступление арабов и болгар, не раз подходивших к самому Константинополю. Главным врагом Византии на востоке были теперь тюркские племена сельджуков, но их натиск ослаб уже к концу XI в., а в XII в. им самим приходилось думать об обороне от византийцев и ограничивать свои действия грабежом пограничных селений. С запада Византии угрожали крестоносцы, полчища которых с конца XI до начала XIII столетия четыре раза появлялись на территории империи; трижды вожди крестоносцев, мечтавшие о захвате византийской столицы, должны были играть роль союзников императора ромеев, и только в четвертый раз, в 1204 г., они овладели Константинополем. Однако легко убедиться, что войска участников Первого крестового похода были не менее многочисленными, нежели рати Четвертого крестового похода, или что один из вождей Второго крестового похода — германский король Конрад III — мог собрать под своими знаменами более сплоченное войско, чем возглавлявший Четвертый поход маркиз Бонифаций

Монферратский. Политическое ослабление Византии к концу XII в. отнюдь не было только результатом катастрофического изменения внешнеполитической ситуации — значит, его причины нужно искать во внутреннем положении страны.

Тот рост крупной земельной собственности, который начался уже в предыдущий период, приводит к резкому сокращению, если не сказать — к почти полному исчезновению, свободного крестьянства. Лишь кое-где в лесистых и горных районах страны сохранились свободные деревни: в горах Тайгета на протяжении всего XII столетия продолжали существовать славянские поселения, не знавшие никаких повинностей, кроме военной службы; славяне Тайгета называли себя свободными в отличие от жителей долины, которые были обложены всевозможными барщинами и налогами. Не меньшей свободой пользовались обитатели маленьких островов, затерявшихся на озере Пусгуса, в Малой Азии: они вовсе не подчинялись императору ромеев и, будучи христианами, вступили, однако, в тесные связи с сельджуками; лишь с огромным трудом и большими потерями византийские войска в середине XII в. овладели островами Пусгусы.

Свободное крестьянство сохранялось, видимо, в горных районах Эпира и окрестностях малоазийского Олимпа [1].

В свободных селах (да и не только в свободных) по-прежнему удерживались существенные пережитки общинных порядков. Михаил Пселл, писавший в XI в., сам крупный земельный собственник и видный политический деятель, с неудовольствием взирал на сохранявшиеся общинные связи и осуждал действия «соседей», γείτονες. Он возмущенно пишет о «тирании» какого-то бедняка, который воспрепятствовал восстановлению полуразрушенного поместья,[2]— видимо, новоявленный тиран использовал в интересах «соседей» право близости, согласно которому могло быть воспрещено строительство на соседнем участке. В другом письме Пселл сообщает о смерти какого-то земледельца, соседи которого в обход его родни старались овладеть выморочным участком [3]; такие действия могут быть понятны, только если допустить, что соседи — это общинники, которые, по византийским нормам, обладали преимущественными перед дальней родней правами.

Еще более отчетливо свободная община вырисовывается из тех писем Пселла, где ненавистные ему «соседи» активно отстаивают свою собственность от посягательств феодалов. Умер некто Феодор Алоп, владелец нескольких поместий, поручивший Пселлу управление своим имуществом. Пселл просит судью фемы Кивиреотов унять крестьян-«соседей» на Родосе, которые заняли земли Алопа и захватили его скот [4]. У сына Михаила Хиросфакта был проастий в местности Пифии, который обрабатывали его рабы; против него судьба подняла какого-то «соседа», никому неведомого крестьянина, человека страшной силы: он то поносил рабов Хиросфакта, то подвергал побоям, и Пселл просил судью фемы Опсикий усмирить «соседа» [5]. Сплоченной общиной действовали и жители деревни Мамица в Южной Македонии: они отвели поток, питавший три мельницы соседнего монастыря, и направили его к своей мельнице (скорее всего, общинной),

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «СЛОВАМ» ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА.

Парижская национальная библиотека. XI в.

которая до той поры могла работать лишь в зимнее время [6]. Наконец, из письма Пселла мы узнаем, что епископ Короны (в Пелопоннесе) опасался своих «соседей» и просил фемного судью оградить владения церкви от их грабежа [7].

Именно как «соседи» выступают в изображении писателя-феодала крестьяне, отстаивающие свои интересы.

Но свободная община в XI—XII вв. сохранилась лишь на окраинах, лишь в глухих районах империи. Если составленный в X в. «Трактат об обложении» рассматривает крестьянскую общину как основную форму сельского поселения, на периферии которого только еще формируются проастии крупных собственников, то в источниках XI—XII вв. картина предстает совершенно иной. Фрагменты Фиванского кадастра, составленного, скорее всего, на рубеже XI и XII столетий, содержат описание нескольких десятков земельных владений в районе Фив; основная часть земельных собственников — это византийская титулованная знать; в некоторых случаях титулы лиц, занесенных в опись, не оговорены, но, разумеется, это не дает оснований зачислять всех этих людей в ряды непосредственных производителей, крестьян. Только в одном случае Фиванский кадастр упоминает земельный участок, принадлежащий бедняку — Николаю, сыну Андрея Трула [8].

Значит, в Беотии к началу XII в. мелкое независимое землевладение практически перестало существовать; оно было поглощено крупными и средними поместьями. Недаром к концу XII в. беотийская знать — беотархи, как называет ее Михаил Хониат — пользовалась в своей области настолько большим политическим влиянием, что смогла не допустить в Беотию назначенного туда императорского судью [9].

Положение дел в других областях Византии известно гораздо хуже, чем в Беотии, ибо исследователи должны ограничиваться лишь спорадическими свидетельствами нарративных источников или деловых документов. Однако, судя по этим памятникам, отнюдь не Беотия была наиболее важным центром крупной земельной собственности. Достаточно сослаться хотя бы на Скилицу, который упоминает поместья наиболее знатных родов XI в. прежде всего в малоазийских фемах; в Пафлагонии — икос Исаака Комнина, в Анатолике — владения Склира, Вурцы, Вотаниата, Аргира, в Армениаке — поместье Константина Далассина, в Харсиане — «прекрасную деревню» знатного болгарина Алусиана, сына одного из комитопулов. Если до середины XI в. наиболее влиятельными были феодальные фамилии Анатолика, Каппадокии, Армениака и других восточных фем Малой Азии, то с середины этого столетия все большую роль играет феодальная знать Южной Македонии [10]; по мере того, как с наступлением сельджуков Византия теряет малоазийские владения, именно Македония превращается в главный центр феодального землевладения: здесь располагаются владения Дук, Комнинов, Ангелов, здесь получают обильные пожалования отличившиеся в боях полководцы, такие, как Лев Кефала или Григорий Бакуриани. В XII в., когда сельджуки были потеснены, значительная часть малоазийских земель опять оказалась в руках крупных феодалов: так, Трапезунд

превратился в феодальный удел знатного рода Гавров (см. ниже, стр. 309).

Среди крупных византийских феодалов видное место занимали иноземцы, при этом не только болгары и армяне, которые давно уже стали проникать в господствующий класс Византийской империи, но и выходцы из Венгрии, Моравии, Италии. Печенежский вождь Кеген получил после своего перехода на византийскую территорию в середине XI в. многочисленные земельные владения и три крепости на берегу Дуная; богатый город был пожалован в середине XII в. византийским императором Богуте, родственнику моравского герцога Конрада [11]. Число таких примеров может быть увеличено — к сожалению, они так или иначе останутся только примерами, не давая возможности точно определить долю земельной собственности в руках крупнейших феодальных фамилий.

Значительно меньшими сведениями мы располагаем о представителях другой социальной группировки — феодалах средних и мелких, которые, естественно, гораздо реже попадали на страницы хроник или удостаивались пожалования императорских грамот. Тем более интересно составленное в 1059 г. завещание феодала средней руки Евстафия Воилы, содержащее немудреную повесть о его жизни (см. выше, стр. 107). Евстафий был выходцем из Каппадокии, но обстоятельства вынудили его в 1036 г. [12] перебраться в Тайк, где он стал вассалом наместника области дуки Михаила Апокапа и сохранял верность его сыну Василию.

В глухой лесистой области Евстафий расчистил территорию для нескольких проастиев и поселил там рабов и зависимых людей. Часть владений Евстафий был вынужден передать своим сеньорам Василию и Михаилу, которые к тому же удержали у себя 25 литр (золота?), принадлежавших Евстафию; у него осталось всего четыре проастия, приносивших ему, помимо ренты хлебом и вином, около 200 номисм. Если считать, что среднее крестьянское хозяйство платило 2 номисмы денежной ренты, то Воиле должно было принадлежать около 100 крестьянских семей.

Значительными земельными богатствами располагали в XI—XII вв. монастыри. Если в IX в. преобладающим типом монастыря была расположенная в городе обитель, обладающая мастерскими, лавками, кораблями, мельницами, огородами, или затерянная в горах, на пустынном острове, в лесу группа келий, существующая на императорские солемнии и доброхотные даяния, то с X в. растут, а в XI—XII столетиях все шире распространяются монастыри — крупные землевладельцы. Основанный в конце XI в. на запустевшем острове Патмосе монастырь Иоанна Богослова постепенно приобрел владения на соседних островах Липсосе и Леросе, а к концу XII в. располагал даже имением на далеком Крите. Примерно в то же время возник основанный крупным феодалом Григорием Бакуриани Бачковский монастырь, деревни которого находились в окрестностях Филиппополя, близ Серр, неподалеку от Фессалоники и в ряде других мест; домениальные земли Бачковского монастыря обрабатывало 47 упряжек. В конце XI в. был основан монастырь Богородицы Милостивой в Македонии, чьи владения еще более расширились

в середине следующего столетия; обширные земли принадлежали и другому богородичному монастырю — Спасительницы мира, который находился близ Эноса; в его распоряжении было 15 сел, не считая проастиев, крепостей и другой недвижимости. Если в конце IX в. Афон был населен отшельниками, обитавшими в неустроенных кельях, если в X в. основным источником существования афонских монахов оставались императорские солемнии, то в XI—XII вв. афонские монастыри быстро приобретают деревни и стада скота, луга и рощи; к 1089 г. одна только лавра Афанасия обладала 4 тыс. гектаров земли; по всей Южной Македонии были рассеяны владения афонских монастырей [13].

Расширяются в это время и императорские домены. В X в. налоги составляли основной источник доходов казны, рядом с которым сравнительно незначительной оставалась доля, даваемая домениальными землями. Однако по мере того, как прежние государственные земли все больше и больше переходят в руки духовных и светских феодалов, сами императоры стремятся опереться не столько на государственные налоги, сколько на свои фамильные владения. Если источники X в. лишь в исключительных случаях упоминают о «царской земле», то хронисты XI столетия постоянно сообщают об «императорских деревнях», об «императорских владениях», расположенных в Малой Азии (за рекой Сангарием) и в Македонии [14]; целые области, завоеванные в X и начале XI в., были превращены в императорские вотчины: так, в XII в. в Болгарии находились обширные домены, где паслись табуны императорских коней. Обильные находки печатей, принадлежавших управляющим императорскими поместьями XI — XII вв., в свою очередь свидетельствуют о значительных масштабах домениального землевладения.

В X в. византийские государственные крестьяне были разделены на несколько категорий, права и повинности которых были сравнительно четко очерчены (см. выше, стр. 120). Все эти категории (стратиоты, экскуссаты дрома, просодиарии, димосиарии и пр.) не встречаются в поздних источниках [15]. По-видимому, четко организованная система эксплуатации государственных крестьян, существовавшая в X столетии, теперь исчезла, а сами государственные крестьяне в в своем большинстве превратились в зависимых людей императорского домена или в частновладельческих париков. Ни у кого из византийских писателей нет, пожалуй, такой яркой картины превращения подданных в частновладельческих крестьян, как у Никиты Хониата, который с возмущением рассказывает, как император «голод войск лечил так называемыми раздачами париков»; сколько было тогда ловкачей, которые давали чиновнику взятку — персидского скакуна или щедрый куш золотых монет — и получали плодородную землю, населенную людьми, своей доблестью превосходившими новых господ; прежние данники казны должны были платить теперь налоги какому-нибудь жалкому человечишке, полуромею-полуварвару [16].

Положение зависимых людей на землях византийских феодалов было неодинаковым: среди них встречались и бесправные рабы и лично свободные поселенцы.

МИНИАТЮРА ИЗ РУКОПИСИ ПАРИЖСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ.
Начало XI в.

Рабский труд был по-прежнему довольно широко распространен в Византии XI в. Во всех сохранившихся завещаниях, датированных этим столетием, упоминаются рабы: и в известном уже нам завещании малоазийского феодала Евстафия Воилы, и в завещании гречанки Сирики из южноитальянского города Бари, и в завещаниях Смбата и Кали Бакуриани, владения которых были расположены в Македонии [17]. Византийские войска, отправляясь в поход, как и раньше, несли с собой веревки и ремни, чтобы тут же на поле брани связывать пленных [18], которых затем продавали в рабство.

А вместе с тем в единственной поместной описи, сохранившейся от XI столетия,— в описи селения Варис от 1072 г.— говорится, что все рабы в этом поместье перемерли [19]. Там, где рабы еще встречались, они были по-преимуществу челядинцами, домашними слугами, например подручными, месившими тесто. В XII в. пленных далеко не всегда превращали в рабов, но расселяли как крестьян, наделяя землей, а то даже зачисляли в войско.

По-видимому, большое число рабов в XI в. было отпущено на свободу, и хотя сохранившиеся завещания единодушно называют

вольноотпущенников «свободными гражданами-ромеями», на практике отпущенные на свободу рабы становились зависимыми людьми либо своих прежних господ, либо других лиц, либо церкви. Но и те, кого в это время продолжали называть рабами, изменили свой статус: в конце XI в. было разрешено венчать рабов при вступлении их в брак и закреплены известные права рабов на их имущество [20]. Процесс слияния рабов с зависимым крестьянством практически завершается в XI—XII вв. Рабы сохраняются лишь как челядь.

В отличие от рабов, которые не могли покинуть своих хозяев, частновладельческие парики XI в. пользовались свободой перехода[21]; это отличало их, кстати сказать, и от государственных париков предыдущего столетия, прикрепленных к общине. По-видимому, ослабление государственной системы эксплуатации крестьянства, приведшее, как мы уже видели, к превращению значительной части государственных земель в частновладельческие и домениальные, имело своим результатом восстановление (на некоторое время) свободы перехода различных слоев крестьянства

И все же парики рассматривались как несвободные люди. У архиепископа болгарского Феофилакта, например, был парик Лазарь, доставивший своему господину и пастырю большие неприятности: этот Лазарь неоднократно обращался с жалобой на архиепископа то к податным сборщикам, то к константинопольскому правительству. «Лазарь,— писал о нем Феофилакт, — парик церкви, но считает себя свободным, намереваясь сбросить ярмо парикии» [22].

Мы не можем точно выяснить, чем отличались (и вообще отличались ли) от париков крестьяне, обозначаемые термином проскафимены; зато особую категорию явно составляли так называемые дулопарики, из числа которых рекрутировались пастухи, подручные, месившие тесто, и вообще лица «рабских профессий»— однако дулопарики были лично свободны, имели семью и некоторое хозяйство.

Рента зависимых крестьян складывалась из барщин, натуральных взносов и денежных платежей. К сожалению, источники XI—XII вв., подобно более ранним памятникам, не дают возможности определять соотношение различных видов ренты: можно лишь предполагать, что в это время происходит коммутация части натуральных и отработочных повинностей, во всяком случае на государственных землях. В XI в. стратиотская повинность заменялась денежными взносами [23]: замена натуральных повинностей денежными послужила поводом для массового народного восстания в 1040—1041 гг. (см. ниже, стр. 267). Аналогичный процесс можно иногда проследить и на частновладельческих землях: так, в конце XI в. Афинская митрополия пыталась заменить «десятую долю», которую уплачивали арендаторы виноградников, хорафиев, усадеб и мельниц, денежными платежами [24]. Возможно, что именно коммутация явилась причиной исчезновения из жалованных грамот XII в. длинных списков экстраординарных повинностей, натуральных и отработочных, которые буквально переполняли императорские хрисовулы в конце XI в.

Бок о бок с этой тенденцией развивается и другая, на первый взгляд противоречащая ей: феодальное поместье, все более активно

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «СЛОВАМ» ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА.

Парижская национальная библиотека. Конец XI в.

втягиваясь в рыночные отношения, производит теперь значительную массу продукции для продажи. В XI в. Кекавмен советовал: «Вина производи побольше, а пользуйся им поменьше» [25]; значит, бо́льшая часть произведенного в поместье вина должна была идти на продажу. Этого совета придерживались многие духовные и светские феодалы: монастырь Спасительницы мира продавал, например, оливковое масло

на рынке города Эноса [26]. Из письма Михаила Хониата мы узнаем, что в принадлежавшем ему имении на острове Эвбее было произведено свыше 40 медимнов ячменя и 11 медимнов пшеницы; часть урожая следовало на корабле перевезти к митрополиту, а остальное поступало в продажу [27]. С конца XII в. производство сельскохозяйственной продукции на продажу возрастает настолько, что зерно, масло, мясо и вино становятся важнейшей составной частью византийского вывоза в Италию.

Теперь уже не ткани и ювелирные изделия, а прежде всего сельскохозяйственные продукты вывозят из ромейских портов итальянские корабли [28].

Впрочем, противоречие этих двух тенденций экономического развития лишь кажущееся; в действительности и коммутация натуральной и отработочной ренты, и расширение поместного хозяйства были порождены общей причиной: постепенным возрастанием товарности сельского хозяйства, все бо́льшим втягиванием деревни в рыночные отношения.

Упрочение форм феодальной эксплуатации, естественно, сопровождалось развитием феодальных институтов: феодальной иерархии и частной власти. Феодальные институты были орудиями, с помощью которых земельные собственники осуществляли внеэкономическое принуждение на принадлежавшей им территории.

Вассальные отношения между императором и крупными феодалами, иноземными и византийскими, становятся в XI—XII вв. обыденным явлением: таких вассалов обозначали обычно термином «люди» (ἄνθρωποι) или заимствованным из западной терминологии словом «лидзии» (λίζιοι) [29]. Куропалат Филарет Вахамий построил себе в неприступных горах замки, подчинил окрестные города и долгое время не признавал власти императора: позднее, в конце 70-х годов XI в., он принес византийскому императору присягу на верность [30]. Анна Комнина сохранила подробное изложение договора, заключенного в 1108 г. Боэмундом Тарентским с императором, где Боэмунд признавал себя «лидзием скипетра», рабом и подданным и обещал быть «верным человеком твоей царственности»; за землю, которую Боэмунд получал от императора, он приносил присягу на верность и обещал вместе со своим войском служить василевсу, а других вассалов императора, нарушивших клятву верности и ищущих приюта на землях Боэмунда, отвергать и ненавидеть [31].

Но вассальные отношения возникали не только между императором и крупными земельными собственниками: византийские феодалы могли иметь собственных вассалов; вассалы были, например, у севастократора Исаака Комнина, одного из крупнейших феодалов в середине XII в.; они получали земли от своего сеньора и несли военную службу. Когда Исаак Комнин передал часть земель монастырю Спасительницы мира, он приказал некоторым из своих вассалов стать вассалами монастыря [32]. Пселл рассказывает о каком-то человеке благородного происхождения и опытном в военном деле, который получил от Пселла землю и признал себя его «подручником», вассалом [33].

Иногда, несмотря на скудость источников, мы можем проследить наличие более сложной, трехчленной иерархии. Уже известный нам Евстафий Воила был вассалом Апокапов, крупных феодальных сеньоров на востоке империи, но и у самого Евстафия были вассалы, получившие от него земельные владения. Точно так же Пселл ходатайствовал за владельцев проастиев Петрону и братьев Пиргинов, вассалов монастыря Омонии, госпожой которого считалась знатная дама — «опоясанная патрикия» Анна из рода Мономахов [34].

Крупные собственники располагали своими войсками [35]; у феодалов были свои крепости, и естественно, что между феодалами нередко происходили столкновения. Во второй четверти XI в. Василий Склир пошел войной иа магистра Прусиана; затем вспыхнула война между двумя феодалами фемы Армениак — Георгием Маниаком и его соседом Романом Склиром; Маниак вынудил своего противника бежать из собственных владений; в 1042 г., воспользовавшись отсутствием Маниака, посланного во главе византийских войск в Италию, Роман Склир напал на его деревни и подверг их разграблению.

Помимо вассалитета и частных дружин, в Византии XI—XII вв. распространяются иммунитетные отношения. Земельные магнаты в XI в. обычно выступали как судьи зависимого от них населения. По словам Кекавмена, знатному человеку, живущему в своем поместье, подчиняется окрестное население, а он творит публичный суд, карая преступников [36]. По сообщению Никиты Хониата, земельные собственники обладали в своих поместьях такими же правами, как наместники провинций: и у тех, и у других были свои слуги, способные держать подвластных лиц «в страхе божьем и в должном почтении к царской власти» [37].

XI и XII столетия были в истории Византии периодом ослабления централизованной системы эксплуатации крестьянства, периодом укрепления вотчинных форм эксплуатации и, соответственно, упрочения феодальных институтов; процесс этот оказался окрашенным специфическими чертами: вотчинные формы эксплуатации сложились, но государственная налоговая система не исчезла; частная власть феодалов формировалась, а рядом с ней продолжал существовать разветвленный, дорогостоящий и продажный государственный аппарат. Казна — это сторукий Бриарей,— не устает восклицать Феофилакт Болгарский [38]; податные сборщики, по его словам, грабители, для которых божьи и царские законы не более прочны, чем паутинка [39]. Ему вторит Михаил Хониат, заявляя, что жадность податных сборщиков — причина всех болезней государства ромеев [40]; они пожинают то, что не сеяли, и собирают там, где не пахали, и поедают, словно ломоть хлеба, несчастных поселян [41].

Специфичность феодального развития отчетливо отразилась на характере таких византийских институтов, как арифмос, прония (или экономия) и экскуссия. Арифмос сложился еще в X в. (см. выше стр. 133), однако в дальнейшем он уступил место пронии, впервые засвидетельствованной источниками второй половины XI в. [42] Как и арифмос, прония представляла собой пожалование, но если при арифмосе феодал получал строго определенное количество париков, то прония была пожалованием строго определенного количества

государственных налогов, взимать которые отныне должен был сам феодал: так, в 1083 г. экономия в размере 200 перперов в год была пожалована одному из афонских монастырей — Ксенофонтову [43]. Пронии получали не только монахи [44], но и светские лица — и чиновники, и воины.

Правда, прония лишь теоретически оставалась пожалованием строго ограниченной суммы налогов с определенной территории — практически же прониары очень скоро приобретали в своих владениях власть подлинных феодальных господ-землевладельцев: о них говорили, что они «держат в пронии» тот или иной проастий, что те или иные земли населены париками прониаров. И все же государство сохраняло контроль за прониарскими владениями, как и за пожалованием арифмоса [45].

Точно так же экскуссия — пожалование тому или иному феодалу налогов с его собственных владений — не приводила в XI—XII вв. к созданию экзимированных поместий [46]. Подобно тому, как государство сохраняло за собой право конфискации частновладельческих земель (не только земель прониаров), оно сохраняло также право пересмотра податных привилегий; при этом можно заметить, что особенно щедрые пожалования экскуссии приходятся на конец XI в., тогда как с XII в. византийское правительство все чаще предпринимает попытки отмены или ограничения податных пожалований. Далее, византийская экскуссия обычно освобождала не от всех налогов, но лишь от так называемых эпирий — дополнительных повинностей (впрочем, чрезвычайно обременительных), связанных с приемом государственных чиновников.

И все-таки при всей ее ограниченности экскуссия способствовала дальнейшему формированию феодальных порядков: освобождая феодала от необходимости платить налоги за своих зависимых людей, экскуссия прежде всего расширяла права феодала; она избавляла, далее, его владения от обременительных поборов в пользу фемных судей, податных сборщиков и их прожорливой свиты; наконец, пожалование экскуссии имело и принципиальное значение: оно превращало поместье в привилегированное, выделяло его из общей массы обязанных всеми родами повинностей земель.

Развитие феодальных форм эксплуатации и феодальных институтов приводило к изменению представлений о природе собственности: хотя византийские юристы XI—XII вв. исходили в своих трактатах из римского учения о полной частной собственности, практически же складывались новые формы правоотношений, которые не могли вместиться в античные нормы. И арифмос, и прония представляли собой такие формы условной собственности (ограниченной либо числом зависимых крестьян, либо квотой взимаемой собственником ренты), какие были не совместимыми с римским правом. В XI в. в Византии появляется и такая характерная для средневекового права форма собственности, как держание на срок жизни [47]. Широко распространяется в XI—XII вв. и харистикарная система, представлявшая собой пожалование монастырю или светскому феодалу какого-нибудь монастыря или иного духовного учреждения сроком на одну или две жизни; такой ограниченный сроком хfamous—

АДАМ И ЕВА.

Ларец. Слоновая кость (боковая стенка). Государственный Эрмитаж. XII в.

кий также являлся условной собственностью [48]. Развитие феодальных форм собственности ведет к стиранию граней между собственностью и арендой [49]: они сближаются между собой, имея тенденцию превратиться в типичное средневековое держание.

Итак, ослабление централизованных форм эксплуатации и упрочение ее вотчинных форм — характерные черты экономического развития византийской деревни XI—XII вв. Параллельно с этим византийская деревня переживает процесс втягивания в товарные отношения, приводящий, в частности, к коммутации некоторых видов отработочной и продуктовой ренты. Обе эти тенденции усугублялись теми процессами, которые протекали в городах.

В VIII—IX вв. городами, являвшимися средоточием ремесла и торговли, были лишь Константинополь и несколько других крупнейших центров, сохранявшихся в основном от ранневизантийского времени; подавляющее же большинство пунктов, которые в источниках назывались «городами», являлись в действительности лишь крепостями, административными или епископальными центрами. Разумеется, даже в XI—XII вв. отделение ремесла от сельского хозяйства было осуществлено далеко не последовательно: по-прежнему города оставались прежде всего центрами сельской округи и их население занималось виноградарством, хлебопашеством, скотоводством на прилегавших к городу полях и лугах. И все-таки, начиная с X в. и особенно интенсивно в XI—XII столетиях, многие византийские города-бурги и города — епископальные центры превращаются в центры ремесла и торговли [50].

Сколь ни скуден археологический материал, добытый при раскопках византийских городов, он свидетельствует о значительном подъ-

еме ремесла в XI—XII столетиях. Керамика — наиболее массовый и потому наиболее показательный материал; изучение керамики, найденной в Коринфе, Афинах, Спарте и других византийских центрах, позволяет представить эволюцию керамического производства. Древнейшая византийская глиняная посуда из Коринфа датируется только концом IX в., причем в ту пору она отличалась грубым тестом, толстыми стенками и неровным (из-за несовершенства обжига) коричнево-серым цветом. Напротив, в XI—XII вв. керамическое производство в Коринфе, как и в других провинциальных центрах, переживает расцвет: наряду с грубой кухонной посудой здесь изготовляли самые разнообразные формы первосортной керамики, украшенной росписью или штрихами [51].

Другие отрасли ремесленного производства известны нам значительно хуже, и все же тот спорадический материал, которым мы располагаем, опять-таки указывает на XI—XII столетия как на время подъема ремесленного производства. К XI—XII вв. как раз относится единственная до сих пор обнаруженная стеклоделательная мастерская, раскопанная в Коринфе [52]. На XI—XII вв. приходится и расцвет шелкоткацкого производства в провинциальных центрах: изделия пелопоннесских и беотийских ткачей продавались в XII в. на ярмарке в Фессалонике; их высокое качество прославляли и византийские, и иноземные писатели. Особенно крупным центром шелкоткацкого производства были Фивы, где Вениамин Тудельский, испанский еврей, проехавший через империю, насчитал (по-видимому, со значительным преувеличением) две тысячи одних только евреев-ткачей. Фиванские шелкоткацкие мастерские снабжали еще во второй половине XII в. императорский двор, и сельджукские правители требовали уплаты дани непременно фиванскими шелковыми тканями.

Наконец, именно на XI—XII вв. приходится подъем каменного зодчества: множество сравнительно небольших церквей возводится в это время не только в Фессалонике, Афинах или Коринфе, но и в различных мелких городских и сельских центрах Пелопоннеса, Средней Греции, Фессалии, Македонии и на островах Эгейского моря: даже в глухих по тем временам районах, как Мани или Эпир, оживляется строительство из камня.

И нарративные источники сообщают об энергичном строительстве городов в XI—XII вв., хотя, разумеется, часть этих городов была лишь укрепленными пунктами, воздвигнутыми для обороны от сельджуков (см. ниже, стр. 298).

Экономический подъем византийских провинциальных городов XI—XII столетий всего отчетливее виден благодаря статистической обработке нумизматических данных, полученных в результате систематических раскопок в византийских городах. Эти находки единодушно свидетельствуют об интенсификации монетного обращения в XI—XII вв. Так, в Афинах [53] было обнаружено монет, чеканенных:

в 867—976 гг.	454
в 976—1081 гг.	2536
в 1081—1180 гг.	5186.

ГЛИНЯНАЯ ПОЛИВНАЯ ЧАША
Музей в Коринфе. XI в.

Аналогичные цифры получаются и при суммировании монетных находок в Коринфе [54] (с той только разницей, что здесь интенсификация денежного обращения началась несколько раньше, нежели в Афинах). В Коринфе известно монет, чеканенных:

в 668—867 гг.	213
в 867—969 гг.	3765
в 969—1081 гг.	7671
в 1081—1180 гг.	15738.

Расширение товарооборота и увеличение количества монеты, необходимой для его обслуживания, порождало нехватку драгоценных металлов: с 30-х годов XI в. византийские императоры начинают ухудшать качество золотой монеты [55]; византийская номисма, считавшаяся до тех пор образцом стабильности, теперь приобретает все больше примесей и к концу XI в. резко обесценивается. Порча монеты, разумеется, использовалась в корыстных интересах византийским казначейством, однако, было бы неверно не замечать, что ее вызвала к жизни и хозяйственная необходимость: старая золотая монета была скорее средством тезаврации, чем обмена; теперь же возникла потребность в золотой монете для совершения частых торговых сделок.

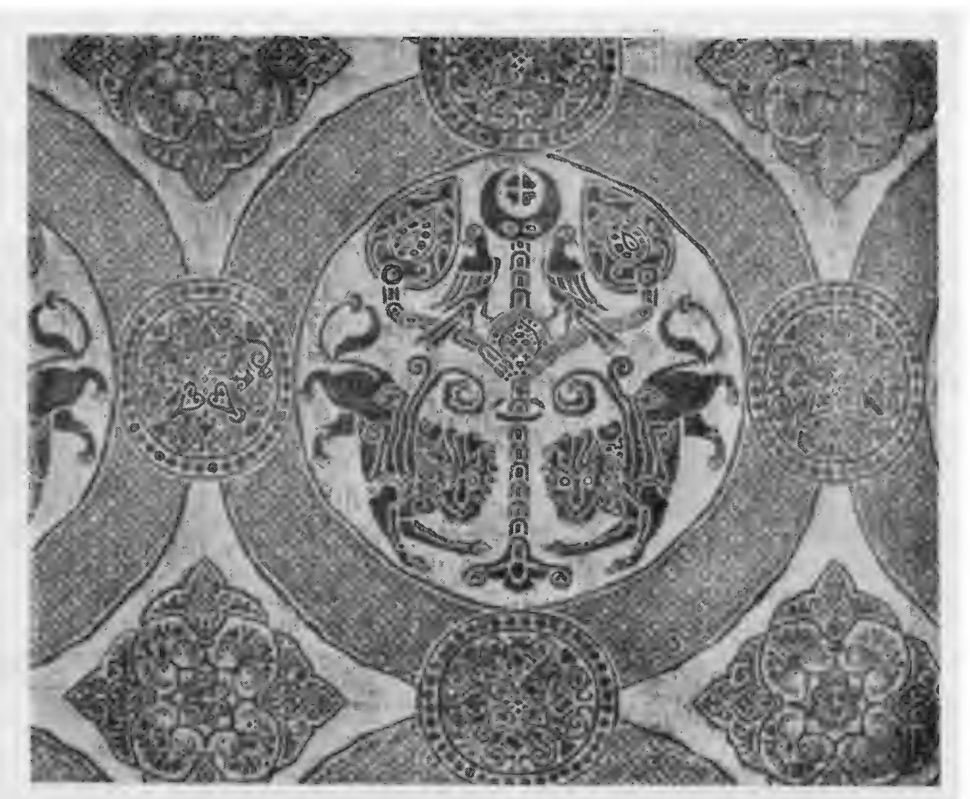
Развитие ремесла, по-видимому, захватывает в это время и деревню, однако имеющиеся в распоряжении исследователей скудные факты не содержат материала для сопоставлений с уровнем развития поместного ремесла и крестьянских промыслов в предыдущий период. Разумеется, крестьянские хозяйства продолжали и в это (как и в более позднее) время в значительной мере удовлетворять собственными средствами свои несложные потребности в сельскохозяйственном инвентаре и предметах первой необходимости: орудия, утварь, одежда в большинстве случаев изготовлялись самими крестьянами. Лишь в поместьях крупных собственников были ремесленники-профессионалы: гончары, плотники, сапожники, бочары, портные, ткачи, которые, видимо, не только обслуживали нужды их хозяев, но и производили какую-то продукцию на рынок.

Типично средневековой формой обмена между городом и деревней оставалась ярмарка. Многолюдная ярмарка собиралась ежегодно в малоазийском городе Хоны: она привлекала не только обитателей окрестных городов и селений, но и сельджуков из Икония. Особен-

ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПТИЦ.

Берлин. XI—XII вв.

ной славой в XII в. пользовалась ярмарка в Фессалонике, которую устраивали в день св. Димитрия — покровителя города: туда приезжали купцы из далекой Испании и из мусульманского Египта. Постоянными были ярмарки в маленьких городках и селах [56]: так, на пасху в Бачковском монастыре собиралась ярмарка, где можно было купить все необходимое. Однако все эти факты — любопытные



ШЕЛКОВАЯ ТКАНЬ С ОРНАМЕНТОМ.
Зигбург. XII в.

сами по себе — недостаточны для того, чтобы определить, как изменилась в XI—XII вв. внутренняя торговля в Византии в сравнении с предыдущим периодом.

Что же касается внешней торговли, то она, видимо, становится все более оживленной: об этом свидетельствуют, в частности, обильные находки византийской монеты XI—XII вв. в соседних странах: в Закавказье, в областях по Нижнему Дунаю; византийская золотая монета, редко упоминавшаяся в западных письменных источниках до X в., с этого момента встречается гораздо чаще [57]; со второй половины X в. в Центральной Европе появляются подражания византийским монетам [58].

Но если мы можем говорить об экономическом подъеме византийской провинции в XI—XII вв., то положение дел в Константинополе было, видимо, совершенно иным. Здесь опять-таки прежде всего нужно обратиться к самому массовому археологическому материалу — к керамике. Обнаруживающаяся при этом картина, на первый взгляд, оказывается совершенно неожиданной: в то время как качество провинциальной керамики XI—XII вв. улучшается, а количество ее возрастает, константинопольское керамическое производство этих столетий переживает упадок. Расцвет константинопольской керамики приходился на вторую половину IX—X в [59]. С XI в. резко сокраща-

ДЕКОРАТИВНАЯ ВАЗА С ДВУМЯ РУЧКАМИ.

Глина. Коричневая глазурь. Музей в Коринфе. XI в.

ется производство полихромной константинопольской посуды, отличавшейся наиболее высоким качеством; соответственно сокращается ее вывоз в провинциальные города, в частности в Коринф; другие типы поливной константинопольской керамики изготовлялись в эту пору довольно неряшливо, на поливе нередко оставались рябины. Часть константинопольской керамики (а к концу XII в. даже ее бóльшая часть: по находкам в Большом дворце — до 70%) — это изделия из грубого теста, смешанного с дресвой, по форме своей рядовые кувшины.

Соответственно этому в XII в. наблюдается упадок в тех отраслях ремесла, которые были сосредоточены преимущественно в Константинополе,— в производстве предметов роскоши. Расцвет ювелирного дела приходится на X—XI вв., а с XII в. начинается его постепенный упадок, особенно заметный в эмальерном производстве. Точно так же с XII в. прослеживается упадок и художественной резьбы по кости, и книжного дела.

В то время как провинциальные города XI—XII вв. оживленно отстраиваются, общественные сооружения Константинополя в XII в. приходят в упадок: водопровод давно не ремонтировался, и жители страдали от нехватки воды; будучи не в состоянии восстановить старую систему водоснабжения, правительство ограничивалось постройкой цистерны в районе Петры; городские стены Константинополя обветшали уже к середине XII столетия.

Чтобы понять причины экономического спада в Константинополе, мы должны вспомнить, что его ранний расцвет в IX—X вв. был в значительной мере основан на интенсивной поддержке столичного ремесла и торговли императорами и столичной знатью: налоги, которые щедро лились в Константинополь, стимулировали развитие столичного ремесла; константинопольские мастера и торговцы имели обеспеченную клиентуру и пользовались покровительством центральной власти. За это, правда, они расплачивались потерей своей самостоятельности, строжайшим подчинением всей их деятельности контролю городского эпарха (см. выше, стр. 140). Однако до поры до

БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ. РАСКОПКИ В ХЕРСОНЕСЕ.

Чашка, кувшинчик, курильница, замок в форме коня. XII в.

времени преимущества, вытекавшие из системы покровительства и контроля, оказывались более существенными, нежели недостатки ее: покуда Константинополь оставался монопольным центром ремесла и торговли в Восточном Средиземноморье, константинопольские купцы и владельцы эргастириев могли спокойно пожинать плоды этой монополии: им не надо было искать новых рынков или заботиться о новых методах производства и торговли — традиционная система давала им обеспеченную прибыль.

В XI и особенно в XII в. положение изменилось. Выросли провинциальные города, которые стали ремесленными центрами своих районов. Сократилась доля налоговых поступлений по мере возрастания вотчинных форм эксплуатации крестьянства. Часть феодалов уже не стремилась в Константинополь и удовлетворяла свои потребности за счет вотчинного ремесла или в близких провинциальных центрах. Здесь находили себе крупные собственники и умелых строителей, и гончаров, и ткачей; сюда, на маленькие и на большие ярмарки, съезжались со всех концов купцы, привозившие самые разнообразные товары.

Вместе с тем контроль за деятельностью столичных торговцев и ремесленников не ослабел: византийское правительство по-прежнему мелочно опекало ремесленное производство Константинополя и стремилось наложить свою лапу на богатства, накопленные столичными купцами. В этом отношении очень показателен рассказ Никиты Хониата, относящийся к концу XII в. Жил в ту пору в Константи-

нополе некто Каломодий, купец и меняла — по словам Хониата, скряга, готовый умереть на своих мешках. Его богатства давно уже вызывали зависть государственного казначейства, и чиновники решили конфисковать имущество Каломодия, а его самого бросить в тюрьму. Правда, попытка эта оказалась неудачной, потому что арест вызвал возмущение в столице и «лавочники» принудили патриарха выступить в защиту Каломодия [60], но самый эпизод показывает, в какой обстановке приходилось действовать константинопольским купцам и ремесленникам.

По-прежнему в Константинополе функционировали государственные мастерские, основанные на принудительном труде. Живший на рубеже XII и XIII столетий писатель и политический деятель Николай Месарит с сочувствием отзывался о тяжком труде работников константинопольского монетного двора, которые проводили дни и ночи в подземельях под назором бесчеловечных надсмотрщиков [61]. Работники монетного двора и других государственных мастерских были одним из самых активных элементов во время народных выступлений в столице.

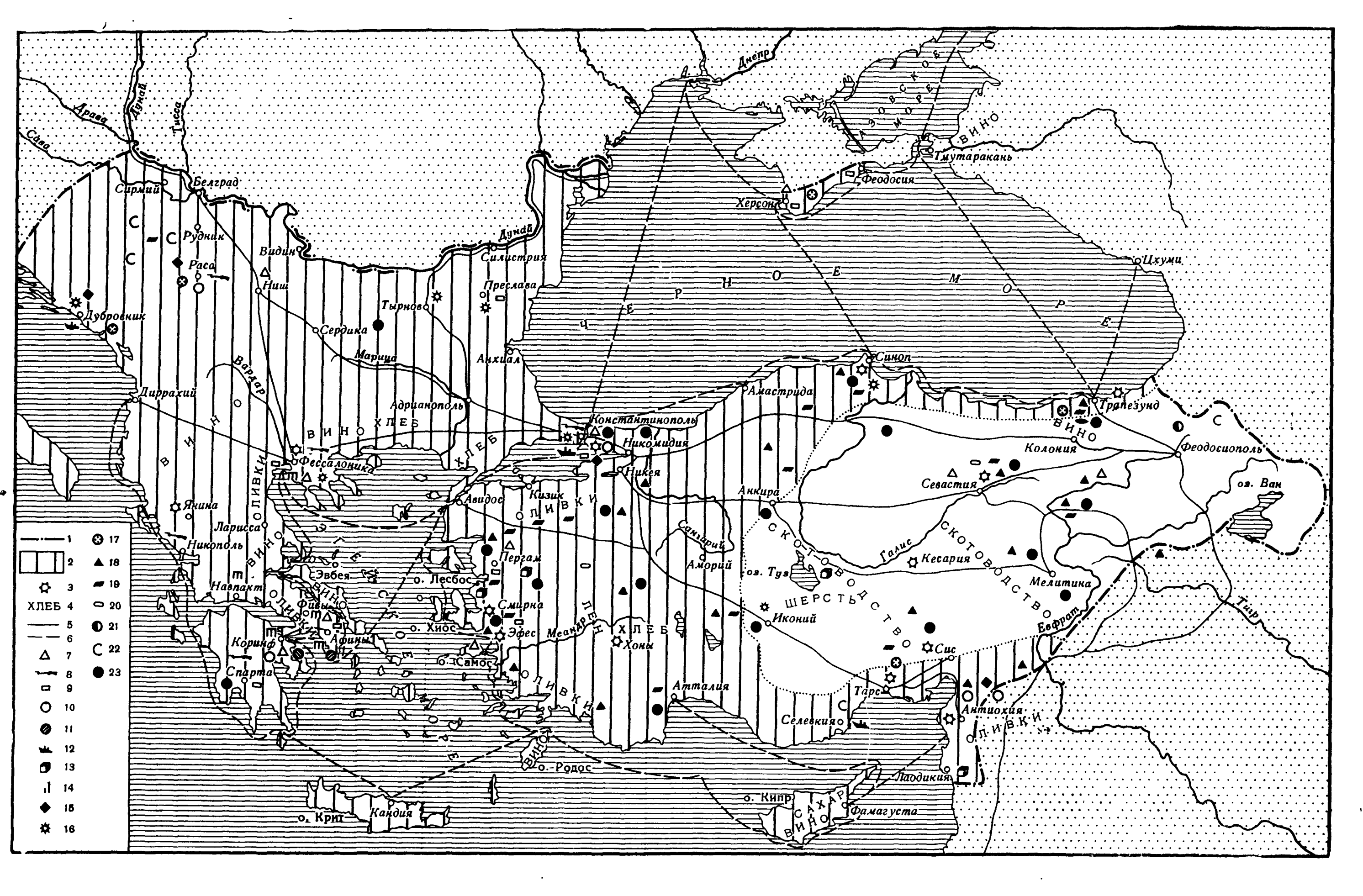
Возможно, что именно в XII в. исчезают ремесленные и торговые корпорации Константинополя [62]. Если это действительно так, то константинопольские мастера лишились тех органов, которые отстаивали цеховые привилегии от конкуренции вотчинного ремесла и от не объединенных в корпорации ремесленников и торговцев.

Экономический спад Константинополя усугублялся еще одним обстоятельством. Если в X в. византийское правительство последовательно отстаивало монопольное положение столичного ремесла и торговли, то с конца XI в. оно постепенно капитулирует перед венецианскими и генуэзскими купцами, предоставляя им разнообразные привилегии преимущественно в самом Константинополе: уже по договору 1082 г. венецианцы получили не только право беспошлинной торговли, но и склады в византийской столице. Постепенно иноземцы приобретали в империи дома, причалы, церкви, земли.

Широко распахивая двери перед итальянскими купцами, византийское правительство не просто проявляло непростительную близорукость — дело было значительно сложнее. Определенные круги византийских феодалов оказались заинтересованными в торговле с Генуей и Венецией, куда, как мы видели, особенно с конца XII в., из империи ромеев вывозили разнообразные сельскохозяйственные продукты. Определенные круги византийской знати, следовательно, были заинтересованы в пролатинской экономической политике и привлечении итальянского купечества. Поэтому договор 1082 г., порожденный тяжелой внешнеполитической обстановкой, не перестал действовать позднее, когда непосредственная опасность, его породившая, уже исчезла: привилегии венецианцам и генуэзцам византийские императоры щедро раздавали на протяжении всего XII столетия.

Рост провинциальных городов в XI—XII вв. повлек за собой тенденцию к оформлению элементов городской независимости: в городах того времени складываются свои учреждения — советы, собрания

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАРТА ВИЗАНТИИ X—XII ВВ.



1. Границы Византийской империи около 1025 г.
2. Территория Византийской империи в XII в.
3. Важнейшие ярмарки.
4. Основные районы сельского хозяйства.
5. Сухопутные торговые пути.
6. Морские торговые пути.

Центры ремесленного производства:

7 — кузнечного,
8 — оружейного,
9 — керамического,
10 — стекольного,
11 — бумажного,
12 — судостроительного,
13 — коврового,
14 — текстильного,
15 — кожевенного,
16 — ювелирного,
17 — предметов роскоши

Добыча металлов:

18 — железа,
19 — меди,
20 — олова,
21 — золота,
22 — серебра,
23 — свинца.

граждан и вооруженные дружины. Совет из 12 знатных лиц существовал в конце XI в. в Эдессе [63]; сходка, которую историк Вриенний называет античными терминами «экклисия» или «вулевтирий», созывалась в городе Амасии: на ней главную роль играли местные динаты; сходка в Амасии решала важнейшие дела — к ней, в частности, обратился византийский полководец с просьбой о средствах, но амасийцы встретили его просьбу криком и грозили поднять восстание, если он посмеет требовать деньги. Старейшин, архонтов, «первенствующих» в византийских городах XI—XII вв., часто упоминают нарративные источники того времени.

Были в городах и свои вооруженные силы: мы знаем о вооруженных отрядах Диррахия и Авидоса, о городском ополчении Никеи. Возможно, что некоторым провинциальным городам были пожалованы грамоты, закреплявшие за ними те или иные привилегии, прежде всего податные. Тексты жалованных грамот городам XI—XII вв. до нас не дошли, но в некоторых нарративных источниках встречаются упоминания о них [64].

Однако административная независимость византийских провинциальных городов была очень незначительной: Византия XI—XII столетий не знала победоносных «коммунальных революций», а движение в городах за независимость от центрального правительства было использовано в своих интересах местной феодальной знатью. Поэтому города либо остаются в подчинении наместников, либо становятся центрами движения за феодальное раздробление страны, опорными пунктами феодальной знати.

Итак, укрепление вотчинной системы эксплуатации, с одной стороны, и возрастание экономической роли провинциальных городов, с другой, создавали экономические предпосылки для феодального распада Византийской империи. Однако — и в этом-то, пожалуй, следует искать причину того острого политического кризиса, который охватил империю в конце XII в. и подготовил ее падение под натиском крестоносцев,— нормальная тенденция феодального развития в Византии не смогла осуществиться без внешнего толчка: византийская государственность оказалась столь прочной, что центральная власть продолжала контролировать различные стороны жизни деревни и города.

Практически это приводило к тому, что население империи оказалось под двойным гнетом: и феодала-вотчинника, и податного сборщика; вотчинник был сам судьей подвластного ему населения, и вместе с тем судебные функции продолжали отправлять государственные чиновники. Элементы феодальной политической надстройки были налицо в Византии, но все они оказались специфическими, соединенными с имперскими учреждениями. Городские свободы существовали лишь в зародыше, и поэтому города не смогли стать здесь мощной политической силой. Стратиотское ополчение распалось, но система феодальных дружин не заменила его, хотя там и здесь уже возникали феодальные дружины. Это привело к ослаблению византийского войска, которое уже не могло созываться по старому принципу, но еще не могло созываться по новому принципу, господствовавшему в ту пору в Европе. Византийским императорам XI—XII вв.

ЯКОРЬ.

Железо.
Музей Коринфа.
XI—XII вв.

ГРЕБНИ.

Музей Коринфа. XI в.

КОСТЯНАЯ ПЛАСТИНКА ШКАТУЛКИ.

Раскопки в Херсонесе. XII в.

приходилось все более рассчитывать на иноземные войска: на варварские контингенты печенегов или половцев, которые расселялись по территории империи; на русских, скандинавских или английских наемников; на иноземную феодальную знать, получавшую крепости и земли, привилегии и париков.

Распалась и старая фемная система. Старые областные единицы — большие фемы — к XI в. разделились на небольшие районы, прилегавшие к той или иной крепости; во главе новых фем стояли военные командиры, которые носили старый титул «стратиг», но не обладали функциями гражданского управления и подчинялись высшим военным командирам — катепанам и дукам [65]. В XII в. время от времени воссоздаются крупные фемы (см. ниже, стр. 302) — но и они не превращались в полностью независимые единицы, подобные западным герцогствам или графствам. В их создании заключалась тенденция к политическому распаду страны, поскольку главную роль в новых фемах играли местные крупные землевладельцы; но коль скоро государство, постоянно сменяя наместников и иных высших чиновников, сохраняло контроль за фемной администрацией, фема не могла стать ядром нового политического порядка.

Какие причины вызвали политический кризис, завершившийся падением Константинополя? Можно ли считать, что он был подготовлен феодальными силами, растаскивавшими империю на части?

Такое заключение было бы, пожалуй, преждевременным: развитие феодализма в Византии еще не привело к превращению поместья в замкнутую, изолированную общественную ячейку, еще недостаточно окрепли провинциальные города. Напротив, можно было бы предположить, что именно отставание феодального развития порождало политический кризис: старые формы централизованного государства, тяжелым бременем ложившегося на плечи трудящихся масс, были недостаточно гибкими в новых условиях. Политическая централизация Византии до X в. была фактором, обеспечивающим экономическую и политическую мощь страны: она способствовала подъему ремесла и торговли Константинополя, создавала обширные золотые запасы империи, поддерживала боеспособное войско стратиотов. К XI в. централизованное государство практически изжило себя, но традиционные формы были весьма привычны, и к тому же их поддерживала влиятельная столичная знать и верхушка столичного купечества. Византийское самодержавие превратилось в фактор, мешавший прогрессу страны: оно препятствовало формированию независимых городов, последовательному торжеству вотчинной формы эксплуатации, созданию прочного внутреннего единства отдельных районов. Оно препятствовало реализации прогрессивных тенденций, наметившихся в экономической жизни страны. Византии не хватало боеспособного рыцарского войска; разветвленный чиновничий аппарат был заражен коррупцией, действовал вяло и медленно, а каждый чиновник оглядывался на старшего, и все они вместе ждали приказов из дворца; налоговая система, все более обременительная для подданных, оказывалась выгодной не столько для казны, сколько для сборщиков податей. Приезд императорского чиновника превращался в бедствие, от которого население искало спасения в бегстве; высшие чины не только наживались на взятках, но и беспардонно растаскивали государственное имущество; должности продавались. Нищее население сел и городов с ненавистью смотрело на константинопольское правительство. Во внешней политике традиции централизма оказывались не менее опасными и вредными: вопреки реальной действительности они поддерживали и раздували универсалистские идеи, стремление к воссозданию единой империи — ойкумены во главе с единым василевсом ромеев. Падение Византии в 1204 г. в этих условиях явилось закономерным завершением экономического и политического развития страны в XI—XII вв.

Глава 10

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ В 1025—1057 ГГ.

Разгромленная при Василии II провинциальная аристократия отступила и почти в течение четверти века не могла сплотиться для новой борьбы за власть. Однако и столичная знать уже не проявляла прежней настойчивости в проведении политики сохранения свободного крестьянства. Ее представители сами превращались в крупных землевладельцев. Старое соперничество чиновной знати столицы и землевладельческой аристократии провинций все более превращалось в борьбу за власть двух группировок землевладельческой знати — гражданской и военной. Феодальная рента как основной вид доходов приобретала все большее значение как для первой, так и для второй группировки. Получение государственной должности все определеннее связывалось не только с денежной ругой, но и с приобретением недвижимости в качестве императорского пожалования.

Стратиотское ополчение стало еще быстрее сходить со сцены как серьезная военная сила, а вместе с этим резко снизились возможности столичной знати противостоять мощному натиску военной аристократии.

На политике императорского двора в полустолетие после смерти Василия II лежит печать переходного периода [1]. Она утратила свой строгий, целенаправленный характер. Старая система организации власти, связанная с военной повинностью свободного крестьянства и денежной компенсацией за государственную службу, изживала себя.

В кратковременное правление Константина VIII (1025—1028) еще не произошло заметных перемен в соотношении сил. Дряхлый самодур лишь пожинал плоды страха, посеянного Болгаробойцей. Подозрительный и трусливый, он подавлял малейшее недовольство, особенно охотно прибегая к ослеплению своих действительных и мнимых врагов. Репрессии обрушились прежде всего на потомков Фоки и Склира. Способных, дельных людей, окружавших Василия II, сменили соучастники кутежей разгульного старика. Щедрость василевса по отношению к своим любимцам и льстецам была неслыханной.

Беспримерное расточительство государственных средств сочеталось с чрезвычайным усилением налогового гнета. В последние два года правления Василия II и в начале царствования Константина VIII была страшная засуха, царил голод. Василий снял недоимки за два года, а Константин приказал взыскать налоги за все голодные годы. Возросли поборы и с населения городов. В 1026 г. восстали жители Навпакта. Стратиг города, притеснявший горожан при взыскании податей, был убит, его имущество разграблено.

Началось брожение среди военной аристократии. Возникли заговоры Никифора Комнина [2], потомков Фок. Больной Константин срочно выбирал себе преемника. У него не было сыновей. Из его трех дочерей старшая, рябая Евдокия, давно была монашенкой. Младшая, Феодора, отказалась от брака. Мужа подыскивали для средней — 50-летней Зои. Выбор пал на «первенца синклита» — эпарха столицы Романа Аргира, блестящего представителя образованной столичной знати, родственника Македонского дома [3].

Как в свое время Цимисхий, Роман III Аргир (1028—1034) начал с уступок. Но если Цимисхий делал уступки сановной знати, то Роман осуществлял их в пользу провинциальной землевладельческой аристократии. В первый же год правления Роман отменил аллиленгий. Он вернул из ссылки крупнейших представителей военной знати и наделил их землей [4]. Тесно связанный с клерикальными кругами (Роман был одно время экономом св. Софии), император богато одарил константинопольский клир. Чтобы снискать популярность у населения столицы, Роман освободил должников из тюрьмы, уплатив их частные долги и простив государственные, выкупил пленных, захваченных печенегами. Начало царствования Романа было благоприятным. В первый год его правления собрали богатый урожай.

Скоро, однако, начались затруднения. У слабовольного, увлекающегося императора не было никакой реальной программы. Боясь военной знати, он не решался опереться на ее мощь; мечтая о многочисленном войске, он пренебрег мелкими вотчинниками-катафрактами, лишив их привилегированного положения в армии. Рассчитывая на силы крестьянского ополчения, Роман в то же время ослаблял деревню неслыханным налоговым гнетом. Император стал, говорили современники, не самодержцем, а практором. Неумолимо взыскивались даже старые недоимки, «долги отцов». Крестьяне разбегались. В последние годы царствования Романа обнищавшие жители восточных фем продавали детей и бежали во Фракию. Император силой принуждал их возвращаться обратно.

Собранные средства тратились на бессмысленное, пышное строительство. Духовенство столицы процветало. Праздное монашество увеличивалось. Чем больше становилось монахов, пишет Пселл, тем быстрее росли подати [5]. Роман исправил городской водопровод, возводил и опекал дома призрения и больницы прокаженных, но его благотворительность «превзошла, по словам Пселла, всякие представления о разумной мере» — она достигалась ценой «смущения жизни общества и нарушения гражданского управления» [6]. Горожане постоянно должны были перевозить строительные материалы и выполнять другие работы.

Среди военной аристократии против Романа один за другим возникли четыре заговора. Потомки известных полководцев в союзе с провинциальным духовенством группируются вокруг Феодоры, сестры Зои. При активном участии Зои, очень не любившей сестру, Роман постриг Феодору. Молчали лишь синклитики. Правительство не скупилось на подкуп высшего чиновничества.

Бывший эпарх, имевший широкие связи с торгово-ростовщическими кругами столицы, Роман возвысил выходца из Пафлагонии евнуха Иоанна, прозванного впоследствии Орфанотрофом. Сын менялы [7], Иоанн взял в свои руки дела казначейства и постепенно приобрел огромную власть при дворе. Возвысились и его братья: Михаил, Константин, Никита и Георгий. Ведя далеко рассчитанную интригу, Иоанн приблизил своего брата Михаила к Зое. Забытая императором, лишенная денег и удовольствий, развратная и своенравная Зоя скоро вступила в тайную связь с молодым пафлагонцем.

11 апреля 1034 г. больной император направился в баню, и там преданные Зое и пафлагонцам слуги утопили Романа III. Приглашенный той же ночью во дворец патриарх выразил недоверие к версии о естественной кончине императора, но благоволение сребролюбивого владыки и клира св. Софии было все-таки куплено — бракосочетание совершилось.

Весть о воцарении Михаила IV разнеслась по городу. Многие выражали откровенную радость [8], но военная аристократия была недовольна. Бывший при Константине VIII кандидатом в мужья Зои Константин Далассин открыто возмущался предпочтением «худородного» «благородным». Испуганный Орфанотроф спешно наделял синклитиков высокими чинами, устраивал для горожан бесплатные раздачи, осыпал их дарами. Ему удалось хитростью заманить Далассина в столицу и держать его фактически под арестом.

Михаил IV, став императором, установил за Зоей строгий надзор. Без ведома Орфанотрофа она не могла не только выходить из дворца, но и передвигаться в нем. Родственники и клевреты пафлагонцев наводнили дворец.

Политика пафлагонцев отвечала интересам синклитиков. Пселл с удовлетворением замечает, что Орфанотроф превосходно разбирался в сборе налогов, что Михаил IV ничего не менял в синклите и благоустраивал города [9]. Импонировало синклитикам и отношение Орфанотрофа к провинциальной военной аристократии. Вверив Орфанотрофу финансы, Михаил первоначально сохранил за собой контроль над армией [10]. Однако из-за прогрессировавшей эпилепсии

император все более отходил от дел, удовлетворяясь «призраком власти». Орфанотроф начал смещать с военных постов провинциальных магнатов, назначая вместо них своих родственников и преданных ему гражданских лиц. Его «стоглазая стража» зорко следила за военной знатью. В 1034—1035 гг. восстало население Антиохии. Причиной восстания были непомерные налоги и произвол сборщика. Он был убит. Брат императора Никита расправился с восставшими. Восстание в Антиохии было использовано Орфанотрофом для новых преследований видных представителей военной знати. Удалось будто бы доказать, что антиохийцы затеяли мятеж в пользу Константина Далассина. Он был сослан на о. Плату, сослали и его многочисленных родственников. Репрессиям подверглись также другие крупные полководцы.

Борьба принимала острый характер: конфискуя владения опальных магнатов, Орфанотроф передавал их имущество своей родне. Его неспособные ставленники старались следовать примеру корыстолюбивого временщика. Многие из них стали военными, по всей вероятности, благодаря возобновленной Орфанотрофом практике продажи должностей [11]. Новоявленные полководцы грабили население, отбирали у воинов оружие и коней, присваивали казенные деньги. Особенно бесчинствовали братья Иоанна Никита и Константин. Своих людей устраивал Орфанотроф и на епископские посты, а сам мечтал о троне патриарха.

Поглощенный болезнью, впавший в богомольный экстаз император был далек от «мирских» забот. Он крестил детей, лечил больных, раздавал милостыню, одарял монахов. До него доходили слухи о бесчинствах братьев; но у него не было сил для решительного вмешательства в ход дела.

Всеобщее негодование трудового населения вызывала налоговая политика Орфанотрофа. Был восстановлен аэрикон, состоявший теперь в уплате денег (от 4 до 20 номисм с деревни). Эти деньги должны были идти на экипировку разорившихся стратиотов [12]. Были введены и другие новые налоги, которые, как говорит Скилица, «стыдно и перечислять» [13]. В завоеванных Василием II славянских провинциях взимавшийся ранее натуральный налог был переведен на деньги (1 номисма). Коммутация налога сопровождалась его значительным повышением [14]. Рост налогового гнета совершался в условиях почти непрерывных стихийных бедствий. Почти каждый год страну поражали то засуха, то град, то налеты саранчи, то проливные дожди, то эпидемии, то землетрясения [15]. «Нет пафлагонцам божьей милости»,— говорили в народе.

Михаил IV, пишет Пселл, «благоустраивал города». Может быть, это верно в отношении Константинополя. Но во всяком случае, политика пафлагонцев вызывала ненависть населения провинциальных городов. В 1037 г. после страшной засухи выпал град, уничтоживший то, что пощадил зной. В столице начался голод, вызвавший народные волнения.

В 1040 г. в ответ на коммутацию и увеличение налогов [16] вспыхнуло восстание Петра Деляна в Болгарии. Оно быстро охватило почти половину западных владений империи. Начавшись как народно-освободительное движение против византийского господства,

оно носило черты и антифеодального восстания. Византийские власти были изгнаны с огромной территории (от Дуная и Моравы до Фессалоники и Афин, от Диррахия до Сердики). Местное население оказывало повстанцам активную поддержку. К восставшим болгарам примкнули албанцы, сербы, греки. Перешли на их сторону стратиоты фемы Диррахий. присоединилась вся фема Никополь (кроме Навпакта). Против восставших отправился сам Михаил IV, с трудом превозмогая тяжелый недуг. Восстание было подавлено в 1041 г. вследствие раскола среди восставших и измены части болгарской знати, участвовавшей в движении [17].

По всей вероятности, налоговая реформа Орфанотрофа, проведенная одновременно на огромном пространстве славянских провинций, привела к падению цен на хлеб на провинциальных рынках. Можно предполагать, что Орфанотроф, вышедший из торгово-ростовщических кругов, провел свою реформу в интересах торговых коллегий Константинополя, получивших возможность по дешевке закупать продовольствие в провинциях и сбывать его со значительной выгодой в столице.

С торговцами и моряками столицы Орфанотроф был связан и через своего зятя, мужа сестры пафлагонцев Стефана Калафата («Конопатчика») [18], ставшего друнгарием флота. Поддержка синклитиков и некоторой части торговцев и моряков Константинополя не спасла, однако, Орфанотрофа, когда против него поднялись широкие слои столичного населения. Константинопольцы настолько возненавидели братьев за лихоимство, произвол и жестокость, что мечтали об истреблении всего их рода [19].

В последние два года правления Михаила заговоры возникали один за другим. Был раскрыт заговор полководцев в Малой Азии во главе с Григорием Таронитом, в мятеже был заподозрен стратиг Диррахия Василий Синадин [20], в столице внезапно сгорел в бухте императорский флот, в Италии был обвинен в посягательстве на престол талантливый полководец Георгий Маниак, перебежали к Деляну из Фессалоники несколько придворных сановников Михаила, увезя с собой императорский обоз с казной и гардеробом. Решилась на заговор и столичная чиновная знать во главе с Михаилом Кируларием и Иоанном Макремволитом.

Раздоры вспыхнули среди самих пафлагонцев. Орфанотроф, предвидя близкий конец Михаила, добился усыновления Зоей племянника пафлагонцев, сына Стефана Калафата—Михаила. Император возвел его в достоинство кесаря. Михаил оказался в центре интриг, связанных с вопросом о преемнике Михаила IV. 10 декабря 1041 г. Михаил IV умер, его преемником стал Михаил V Калафат. Зоя в третий раз вышла из своего уединения на политическую арену. Михаил V униженно называл ее «матушкой и повелительницей». Его положение было весьма непрочно.

С особой неприязнью хронисты говорят о том, что Михаил V тотчас принялся «все менять» [21]. К сожалению, известия о его мероприятиях крайне отрывочны и неясны. Орфанотроф был удален из дворца в окрестности Константинополя. С ним отправилась, пишет Пселл, «толпа синклитиков». Это была демонстрация недоверия Ми-

хаилу со стороны столичной знати. Действительно, Михаил, по свидетельству Атталиата, лишь «вначале» выказывал почтение к синклиту [22]. Он не проявил, говорит Пселл, благоволения к сановникам, замышляя сместить многих из них с занимаемых постов, «для народа же добиться свободы, чтобы пользоваться защитой многих, а не немногих» [23].

Брат покойного государя Константин, получивший сан новелиссима, стал ближайшим наставником своего племянника. Михаил и Константин поспешили расправиться с остальными своими родственниками. Император смещал их с постов, оскоплял, ссылал. По-видимому, расправа с ненавистными пафлагонцами была с восторгом встречена населением. Осмелев, Михаил перестал считаться с Зоей. Желая перед решительным шагом лишний раз убедиться в отношении народа к своей особе, император в первое воскресенье после пасхи, 19 апреля 1042 г., совершил торжественный выход, направившись в храм Апостолов. Весь город собрался на пути следования процессии. Михаил рассчитывал на поддержку «видных горожан и тех, кто живет, толкаясь по рынкам и занимаясь ремеслом». Он оказывал им благоволение, и они, пишет Пселл, «были его приверженцами». Сторонники Михаила были богаты. Атталиат называет их «первенцами рынка» (οἱ τῆς ἀγορᾶς προεξάρχοντες). Они разостлали под ноги императора материи и украсили его коня шелками [24]. Это были, по всей вероятности, главы ремесленных и торговых корпораций [25].

В ночь на 20 апреля Зоя была сослана на Принцевы острова и пострижена. Но Калафат переоценил свои силы. Имя представительницы Македонского дома было символом политики, благоприятной для столичного населения. Сами права Михаила на престол основывались лишь на авторитете его приемной матери Зои. Мероприятия же, выгодные широким слоям населения города, о которых якобы помышлял император, еще не были осуществлены. Пафлагонцы оставались ненавистными. Расправа Михаила с некоторыми из них не была радикальным средством. К тому же место Орфанотрофа фактически занял лихоимец Константин.

Утром 20 апреля начались волнения. Михаил докладывал синклитикам, что Зоя посягала на его жизнь. Некоторые поверили. Но патриарх, удаленный из города Михаилом, ослушался приказа и вернулся в столицу непримиримым врагом василевса. Напряжение нарастало. Утром 21 апреля [26] эпарх города читал толпе императорский указ об изгнании Зои. Внезапно раздался крик: «Не желаем Калафата, крест поправшего, императором! Хотим законную нашу наследницу, матушку Зою!». Толпа взорвалась единым воплем: «Поломаем кости Калафату!» Эпарх едва успел укрыться в св. Софии. Столы менял были опрокинуты, ножки выломаны. Люди набивали карманы камнями, вооружались чем попало. Дома многих пафлагонцев подверглись разграблению. Народ устремился ко дворцу. Несмотря на град стрел и копий, встретивший безоружные толпы, восставшие не ослабляли натиска. Народ прорвался в один из покоев дворца, расхитил найденные там ценности и уничтожил налоговые списки.

Испуганный Михаил тотчас вернул Зою и показал ее народу с балкона. Но восставшие забросали императора камнями и не слушали императрицу. Чиновная знать и духовенство с тревогой следили за ходом событий. Гнев народа пугал их. «Многим,— говорит Пселл,— совершавшееся казалось безрассудным переворотом» [27]. Синклитики и патриарх ухватились, как за якорь спасения, за мысль возвести на трон Феодору. Она срочно была доставлена из монастыря в св. Софию.

Михаил остался в одиночестве. Стала покидать его и дворцовая стража. Отчаявшись, он бежал вместе с Константином в Студийский монастырь, но в тот же день оба были схвачены и ослеплены.

Плоды народного движения против налогового гнета и произвола пафлагонцев были пожаты столичной знатью. Сестер заставили помириться. Толпа гражданских и военных сановников постоянно теснилась в гинекее. Чиновная бюрократия столицы безраздельно владела троном. Продажа должностей была отменена — торговые круги города снова утратили влияние на политику государства. На синклитиков изливались потоки золота. Средства, предназначенные на военные цели, были сокращены [28].

Неприязнь сестер была использована соперничающими группировками синклита. Каждую окружала толпа враждующих царедворцев. Интриги грозили парализовать государственный аппарат. Синклитики решили выдать Зою замуж, на что 64-летняя императрица без колебаний согласилась. Она вспомнила о своем бывшем фаворите, сосланном Орфанотрофом, Константине Мономахе — знатном и богатом константинопольце. Не прошло и двух месяцев после низвержения Калафата, как правление сестер окончилось. Трон занял третий супруг Зои.

Между тем внешнеполитическое положение империи стало быстро ухудшаться. Василий II не успел достаточно укрепить позиции империи на Востоке, его преемник, Константин VIII, предпочитал «воевать» с врагами не оружием, а деньгами и раздачей титулов. Осмелевшие эмиры Алеппо нарушили мир с империей и систематически опустошали окрестности Антиохии. В конце правления Константина они разгромили войско дуки города почти у стен Антиохии.

Едва вступив на престол, Роман III должен был начать сборы для похода в Сирию. Была снаряжена огромная армия. Эмир Алеппо предлагал мир и возобновление выплаты дани, но Роман, мечтавший о славе полководца, отверг предложение и в летнюю пору 1030 г. безрассудно вторгся в Сирию. Войско страдало от жары, безводья и эпидемии. Потерпев первую неудачу под Алеппо, Роман III начал отступление, превратившееся в беспорядочное бегство. Византийцы понесли тяжелое поражение. Обоз императора стал добычей арабов.

В следующие годы в борьбе с арабами были достигнуты некоторые успехи. Георгий Маниак отразил набеги арабов на фему Месопотамию, а в 1032 г. овладел Эдессой. Было отвоевано несколько крепостей и в Сирии. С новым эмиром Алеппо заключили мир. Город возобновил выплату дани и принял представителя византийской власти. Однако эти успехи были кратковременными. Арабский флот опустошал острова, берега Иллирии и Малой Азии. Особенно разо-

ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН IX И ИМПЕРАТРИЦА ЗОЯ.

Мозаика. Церковь св. Софии в Константинополе. XI в.

рительным был набег египетских арабов весной 1032 г. В ответ в 1035 г. византийский флот разорил дельту Нила вплоть до Александрии, а в сентябре того же года разгромил флотилию египетского халифа у византийских берегов. В 1036 г. арабы Египта были вынуждены заключить с империей 30-летний мир.

Удачные действия византийцев на море не повлияли на ход дел в Сирии. Положение там снова резко ухудшилось. Жители Алеппо в 1035 г. прекратили выплату дани и выгнали византийского правителя из города. Перевод Георгия Маниака в Италию развязал им руки. Набеги арабов возобновились.

Еще хуже обстояло дело в Сицилии и на юге Италии. При Романе III империя потеряла почти всю Сицилию. Африканские и сицилийские арабы все чаще вторгались в Южную Италию. Георгий Маниак, став катепаном Италии, к концу 30-х годов вернул империи почти весь остров. Однако во время успешного наступления Маниак поссорился с плохо выполнявшим его указания Стефаном Калафатом, был оклеветан и арестован. Бездарный зять Михаила IV в содружестве с другим полководцем, занявшим место Маниака, быстро растерял все завоевания. Население Сицилии восстало против византийцев. С помощью африканских арабов оно изгоняло гарнизоны и срывало крепости. В руках византийцев сохранилась лишь Мессина. Придя к власти, Михаил V должен был освободить Маниака и снова направить его в Италию.

Ослабление военной мощи империи отразилось и на отношениях с полунезависимыми княжествами Кавказа. В 1027 г.[29] абхазская знать предъявила претензии на земли, приобретенные Василием II в Асфарагане. Роману III удалось заключить мир с наследником Георгия Абхазского Багратом, женив его на своей племяннице. Но тотчас после смерти Романа Баграт порвал договор и вернул себе уступленные крепости.

Значительно осложнилась обстановка и на Балканах. Население славянских областей, завоеванных Василием II, было постоянно готово к восстанию. В 1035 г. Зета предприняла попытку добиться независимости. Византийцам удалось подавить движение. Жупан Стефан Воислав был увезен пленником в Константинополь. Удалось утвердить господство империи и в области Задара, коварно захватив приехавшего в Константинополь ее архонта Доброну [30]. Но незадолго перед восстанием Деляна Стефан бежал из Константинополя. Он выгнал из Зеты византийского стратига и наголову разгромил в 1042 г. высланную против него армию. Под его власть попали также Травуния и Захлумье. Было положено начало независимости Сербии.

Завоевав Болгарию, Византия стала непосредственной соседкой задунайских кочевых племен[31]. В 1026 г. печенежская орда впервые переправилась через Дунай и устремилась на юг, все сметая на своем пути. Через несколько лет печенеги совершили новый опустошительный набег. В 1036 г. они вторгались в пределы Византии трижды и с тех пор в течение полувека держали константинопольский двор в непрерывной тревоге за западные владения.

Таким образом, через пять лет после смерти Болгаробойцы империя не только прекратила наступление, но с трудом удерживала позиции и на востоке, и в Италии, и на Балканах. Вышли из повиновения абхазцы, сербы, а между тем на пограничных рубежах появились новые опасные враги: на востоке в первых схватках с византийскими гарнизонами пробовали силы турки-сельджуки [32]; в Южной Италии начали завоевания норманны [33]; на севере нарастал натиск печенежских орд. Необходимы были срочные и решительные меры по укреплению военных сил империи. Курс же политики Константина IX Мономаха (1042—1055) был прямо противоположен этому.

Делами государства при Мономахе управляли три видных синклитика — Константин Лихуд, Иоанн Ксифилин и Михаил Пселл. Их политика была направлена против военной знати. Все сколько-нибудь выдающиеся полководцы смещались с постов и заменялись сугубо гражданскими лицами, нередко — случайными людьми, иноземцами, евнухами, монахами. Множество стратигов и стратиотов оказалось не у дел. Стратиотское войско сознательно сокращали. Константин распустил 50-тысячное грузинское войско, приказав, чтобы поступавшие ранее в качестве опсония воинам налоги с нескольких областей передавались теперь в казну.

Константин отдавал себе отчет в абсолютной неспособности назначаемых им военачальников, но он боялся, что опытный и видный полководец, получив значительные силы, тотчас восстанет против

него. Едва прошел год после воцарения Мономаха, как военная знать провинций действительно поднялась против нового императора. Отозванный с поста катепана Италии в момент своих наивысших успехов, Маниак, зная, что ждет его в столице, поднял стратиотов. В 1043 г. высадившись близ Диррахия и не встречая сопротивления, Маниак двинулся к столице. Недалеко от Фессалоники, близ Острова, произошла битва с правительственными войсками. Маниак уже выиграл сражение, когда был насмерть поражен стрелой. Гибель претендента означала конец мятежа.

Мятеж Маниака открыл серию почти непрерывных восстаний военной аристократии. В том же году затеял заговор в пользу стратига Мелитины нечаянный победитель Маниака евнух Стефан. На Кипре вспыхнуло восстание против местного судьи и сборщика податей. Возмущение народа пытался использовать в целях борьбы за престол Феофил Эротик, бывший наместником в Сербии при Михаиле IV. Народ убил сборщика, но не поддержал претензий Эротика.

Неудержимое расточительство, военные неудачи, увеличивавшийся налоговый гнет вызывали недовольство горожан. Поводом к открытому возмущению послужило возвышение наперсницы Константина Склирины. Император пожаловал ей сан севасты. Она заняла место после Зои и Феодоры, и василевс уже мечтал о том, чтобы посадить ее на трон императрицы. 9 марта 1044 г. угрожающая толпа окружила Константина во время императорского выхода. «Не хотим Склирину царицей! — кричали в толпе.— Да не умрут из-за нее наши матушки, порфирородные Зоя и Феодора!» Народ был готов убить императора, и Мономах в страхе вернулся во дворец.

Наиболее опасным для Константина был мятеж Льва Торника в 1047 г., нашедшего поддержку части столичной знати, группировавшейся вокруг сестры императора, тетки Торника — Евпрепии. Главной опорой Торника была военная знать Македонии, которая, начиная борьбу за престол, враждовала не только со столичной знатью, но и с военной аристократией малоазийских фем [34]. Подозревая Торника в мятеже, Константин отправил его стратигом в Иверию. Расценив это назначение как ссылку, Торник оказал сопротивление. Он был пострижен и получил повеление не покидать своего дома в столице [35]. Но Торник бежал в Адрианополь и поднял восстание. К нему тотчас примкнула военная знать Македонии и Фракии. За несколько дней он собрал прекрасно вооруженную армию. Города Фракии и Македонии, кроме Редесто, подчинились узурпатору. Все разоряя на своем пути, Торник привел кавалерийские отряды под стены Константинополя. Император срочно отозвал войска из восточных фем, из Болгарии и обратился за помощью к русским [36].

Торник рассчитывал, что население Константинополя само откроет ему ворота. Он знал, что правлением Мономаха были недовольны и многие синклитики. Дело в том, что Константин нарушил одну из главных заповедей императоров Македонского дома: он начал раздавать должности и титулы по собственной прихоти, пренебре-

гая табелью о рангах, «не различая лиц», не сообразуясь со временем и порядком. Люди «с перекрестков», говорит Пселл с осуждением, попадали сразу в синклит [37], выходцы из варваров занимали важные посты, войска же вверялись «не Периклам и Фемистоклам, а презреннейшим Спартакам» [38]. Император непрерывно перестраивал стоившие огромных денег дворцы и храмы. Собранные Василием II деньги, пишет Пселл, выбрасывались на ветер. Открытое сожительство со Склириной скандализировало и чиновничество, и церковь. Чтобы задобрить духовенство, василевс задаривал его золотом и драгоценной утварью [39].

Для обороны столицы было собрано около тысячи человек. Торник без труда рассеял выступившее из города ополчение. Его воины могли на спинах отступавших ворваться в город: ворота были открыты, и стража бежала. Но Торник приказал воинам вернуться. Он ждал делегацию синклитиков, надеясь торжественно вступить в столицу. Его расчеты, однако, оказались несостоятельными. Население столицы не желало видеть на престоле представителя военной аристократии. Торник вызвал ненависть жителей деревень на захваченной им территории, которая была разорена больше, чем при вражеском нашествии. Пострадало и население пригородов Константинополя. Лишил себя Торник и всякой возможности договориться с синклитиками. Он подошел к городу, заранее разделив плоды будущей победы среди «македонцев»: им были отданы все важнейшие должности, все наиболее высокие титулы.

Между тем прибыли вызванные императором войска. Внося раскол в армию узурпатора, щадя местное население и лишая Торника возможности снабжать свое войско продовольствием, полководцы императора добились перевеса. Армия узурпатора рассеялась. Под рождество 1047 г. он был схвачен и ослеплен.

Император не сделал никаких выводов из восстания Торника. Он утратил всякое уважение даже среди соучастников его развлечений. Один за другим против него возникают заговоры среди столичных сановников. Бывшие приверженцы императора Константин Лихуд, Ксифилин и Пселл были удалены от дел. «Бранные письма» против императора и патриарха ходили по рукам [40]. Денег в казне не было. «Промотав и разорив» царство ромеев, как говорит Кекавмен [41], император начал лихорадочно искать новые источники доходов. Вводились дополнительные налоги, тюрьмы были переполнены недоимщиками, судьи свирепствовали, стоял стон налогоплательщиков. Император усилил контроль над землями знати, пользовавшейся налоговыми льготами. Церкви и монастыри лишались ситиресия, если не могли представить соответствующих документов о привилегиях. Фискальные мероприятия Константина совпали с новым тяжелым бедствием. В апреле 1054 г. в столицу пришла чума.

В обстановке всеобщего недовольства и презрения император умер 11 января 1055 г. Зоя скончалась еще раньше, в 1050 г., и престол перешел к Феодоре. Власть целиком забрала в свои руки дворцовая чиновная знать во главе с евнухами скупой монашествующей императрицы. Политика, направленная против представителей военной знати, стала проводиться еще решительней. Один из крупнейших

КОНСТАНТИН IX МОНОМАХ.

Мозаика св. Софии в Константинополе

магнатов Малой Азии, известный полководец Исаак Комнин был смещен со своего поста. Отосланный Константином IX на войну против сельджуков со всеми «македонскими силами» адрианополец Вриенний затеял заговор, но был схвачен и сослан. Его владения были конфискованы.

31 августа 1056 г. умиравшая императрица возложила корону на приведенного к ней евнухами синклитика Михаила, прозванного Стратиотиком. Бывший логофет стратиотской казны, он играл жалкую роль при Мономахе. Стратиотик поклялся, что без ведома и позволения ставленников Феодоры ничего не будет делать. Пселл прямо называет Михаила VI Стратиотика (1056—1057) представителем «гражданской партии», при котором все блага изливались на синклитиков, но не на стратиотов [42]. Когда стало известно о его воцарении, племянник Константина IX Феодосий Мономах, вооружив своих слуг, родственников и друзей, двинулся ко дворцу, освобождая из тюрем заключенных. Но народ не поддержал Феодосия. Его высмеяли в шуточной песенке с припевом: «Ай да Мономах! Что ни задумал — совершил!» Незадачливый претендент тотчас оказался в изгнании.

С не меньшим сарказмом встретил народ и воцарение Стратиотика. Его звали не иначе, как «Старикашка», потешаясь над детскими забавами выжившего из ума императора. Он послушно выполнял волю окружавших его дворцовых сановников, явно третируя военную аристократию. В 1057 г. на пасху при раздаче руги малоазийским полководцам было проявлено намеренное пренебрежение. Видя их возмущение, дворцовая клика решила сыграть на противоречиях, нараставших в борьбе за власть между восточной и западной группировками военной аристократии. Вриенний был возвращен из ссылки и сделан стратигом «македонцев» и каппадокийцев. Но ему не вернули конфискованных владений, требуя вначале показать верность новому императору. Вриенний затаил обиду.

Тяготясь правлением «гражданской партии», военные составили заговор. Трон было решено добывать для Исаака Комнина. Удалось привлечь к заговору и Вриенния. Раздосадованный отказом Михаила вернуть конфискованные владения, Вриенний поторопился и выдал себя. Его схватили и ослепили. Это и послужило сигналом к открытому мятежу. 8 июня 1057 г. в Пафлагонии Исаак Комнин был провозглашен императором. Верными Михаилу остались западные войска, отряды фем Армениака и Харсиана и часть наемников — франков и русских, расквартированных в Малой Азии. С запоздалой щедростью император осыпал не присоединившихся к Комнину стратигов милостями.

Исаак между тем одарял своих сторонников титулами и должностями, установил каждому ситиресий, снабдил воинов оружием и необходимым снаряжением. Вскоре сдалась Никея. Недалеко от нее произошла встреча двух враждебных армий. Многие стратиоты из правительственной армии перебегали к Исааку. Лишь македонцы рвались в бой со своими соперниками и первые начали сражение.

Кровопролитная битва кончилась победой Комнина. Михаил решил вступить в переговоры с узурпатором.

Успеху малоазийской военной аристократии способствовало состояние внешнеполитических дел империи. Чиновная знать обнаружила полную неспособность наладить оборону империи от новых врагов и дискредитировала себя в глазах столичного населения. Систематические набеги давно уже совершали отдельные отряды турок-сельджуков. Они разорили Васпуракан и Иверию. Давление сельджуков возрастало год от году. В последние годы жизни Мономаха они начали осаждать византийские города и крепости. В 1054 г. под угрозой захвата оказался Манцикерт.

Некоторые успехи были достигнуты при Мономахе лишь в Армении. В 1045 г. сын и наследник царя Ани Иоанна Смбата Гагик II отказался выполнить условия договора его отца с Василием II, а именно — признать зависимость от Константинополя. Мономаху удалось принудить Гагика II к капитуляции. Анийское царство было присоединено к империи, но ее позиции здесь оставались крайне непрочными. Несколько спокойнее стало на границах с арабскими эмиратами. Занятые войнами с сельджуками и междоусобной борьбой, арабы ослабили натиск на империю. Однако в 1047—1048 гг. фанатичное арабское духовенство снова выдвинуло лозунг священной войны за веру. Месопотамия подверглась опустошению. Лишь благодаря вмешательству сохранявшего мир алеппского эмира удалось погасить пламя арабо-византийской войны.

Гораздо опаснее была обстановка на западных границах империи. Вскоре после восстания Маниака Сицилия была окончательно потеряна. В Южной Италии город за городом переходил в руки норманнов. К 1045 г. у византийцев остались лишь Отранто, Бари, Бриндизи и Тарент.

Особенно тяжелым было положение на Балканах. В результате междоусобий печенежских ханов одна из орд печенегов перешла Дунай и поселилась в Паристрионе. Византийский двор рассчитывал использовать своих новых подданных в качестве союзников в борьбе с их соотечественниками. Однако политика Мономаха в отношении печенежских поселенцев была крайне неудачной. Император легко переходил от неумеренных раздач предводителям печенежского воинства к подозрительности и репрессиям. Союзная печенежская орда очень быстро втянула империю в конфликт с задунайскими полчищами кочевников. Около 1046 г. огромные их толпы перешли Дунай, опустошая все на своем пути. Вскоре среди печенегов вспыхнула эпидемия. Разбитые в сражении, печенеги были расселены в районе Сердики, Ниша и Овчеполя. Их ханам были пожалованы высокие титулы. Однако, когда Мономах отправил часть печенегов в Азию на войну против сельджуков, они взбунтовались, переправились обратно через Босфор, соединились с другими печенежскими ордами и ушли в Паристрион. Начались бесконечные, изнурительные войны с кочевниками. В 1049—1051 гг. византийцы потерпели несколько сокрушительных поражений. В своих набегах печенеги доходили почти до столицы. Император согласился на переговоры с печенегами, и по заключенному в 1051—1052 гг. 30-летнему миру они получили признанное империей право проживать в ее пределах. Расселение печенегов на Балканах таило серьезную опасность

для империи. Тюрки по происхождению, они готовы были в любой момент объединить свои действия против империи в Европе с действиями сельджуков в Азии.

Большое значение для всей последующей истории Византии имел происшедший при Константине Мономахе разрыв между восточной и западной церквами. Схизма была вызвана совокупностью причин — социально-экономических, политических и идейных. Западноевропейская церковь к XI в. давно уже стала крупным феодальным собственником, тогда как византийская жила еще в значительной степени за счет солемниев и даров. Западное духовенство значительно более резко обособилось от мирян, что выражалось, в частности, в требовании безбрачия священников, чего не знала Византия. Внутри самой церкви иерархическое членение было на Западе более отчетливым, нежели на Востоке. Политические противоречия проявлялись как в претензиях римского и константинопольского престола на верховенство, так и в территориальных спорах — главным образом из-за областей по Дунаю и Южной Италии. Наконец, немаловажное значение имели различия идейных традиций: западная церковь опиралась преимущественно на наследие римского права, и юридизм мышления отличал западное богословие с его интересом к проблеме греха и воздаяния, возможности выкупа грехов за счет «сверхдолжных заслуг» святых; напротив, византийская церковь развивала неоплатонические традиции с их преимущественным интересом к проблемам сущности божества. Все эти противоречия усугублялись языковым различием и локальными особенностями богослужения. Практически к середине XI в. обе церкви стали обособленными, и их идеологи вели постоянную полемику между собой. Разделение церквей стало вопросом времени.

Казалось, общая для папства и для византийских владений в Италии норманская опасность приведет к союзу Византии с папством. Уже велись переговоры об этом, когда в ход событий решительно вмешался византийский патриарх Михаил Кируларий (1043—1058). Бывший претендент на императорский трон при Михаиле IV, энергичный патриарх с неудовольствием наблюдал усиление религиозного влияния папства в ускользавшей из-под власти империи Южной Италии. Он мало считался и с политическими расчетами Константина IX, настойчиво отстаивая идею превосходства духовной власти над светской. Кируларию оказали поддержку и некоторые члены синклита [43].

Кируларий закрыл подчиненные Риму церкви и монастыри в Константинополе. По его поручению болгарский архиепископ Лев направил епископам Италии послание, в котором объявил традиционное у латинян причащение опресноками и соблюдение субботнего поста ересью. Послание Льва положило начало новому взрыву ожесточенных споров по догматическим и литургическим вопросам. Сторонник союза с Византией, папа Лев IX не желал, однако, отказаться от суприматии над Южной Италией и признать равноправие константинопольского патриарха. Кируларий не хотел и слышать о каком-либо верховенстве папы над восточной церковью и

решительно противился распространению богослужения по западному образцу в занятых норманнами византийских владениях в Италии. Его поддерживали духовенство и широкие слои константинопольского населения.

В начале 1054 г. в Константинополь прибыли папские послы во главе с фанатичным кардиналом Гумбертом. Кардинал скорее диктовал свои условия, чем пытался найти основу для соглашения. Кируларий отвечал Гумберту тем же. Тщетно император пытался помирить спорящие стороны. 16 июля 1054 г. папские послы положили на алтарь св. Софии хартию, которой предавались анафеме патриарх Михаил и его сторонники «со всеми еретиками вместе с дьяволом и аггелами его» [44]. 20 июля созванный Кирударием собор анафематствовал в свою очередь папских легатов и всех, кто находится в общении с ними. Слабые попытки Константина IX заставить Кирулария пойти на уступки успеха не имели. Патриарх прямо пригрозил Мономаху восстанием народа [45], и император отступил.

Схизма 1054 г. не привела к резкому изменению в соотношении сил. Не помешала она и дальнейшему развитию экономических и политических отношений Византии с западными странами. Но она обострила политическую обстановку на Балканах, активизировала деятельность католического духовенства на Адриатическом побережье, в Хорватии и Западной Сербии. Вместе с тем схизма усилила сопротивление западному влиянию в Восточной Сербии, в Болгарии и в Киевской Руси. Раскол 1054 г. стал для папства и западных государств сильнейшим пропагандистским средством против схизматиков — греков и славян, извлекаемым на свет всякий раз, когда нужно было оправдать враждебные им политические акции.

В истекшие после смерти Мономаха два с половиной года внешнеполитическое положение оставалось тяжелым, хотя хронисты и говорят об этом периоде как о спокойном. Действительно, ни печенеги, ни сельджуки не совершали в то время крупных вторжений. Но в Паристрионе кочевники по-прежнему чувствовали себя, как дома, норманны продолжали захватывать владения империи в Италии, а турецкие отряды рыскали по территории пограничных восточных фем. Претензии военной знати приобретали в такой обстановке все большее оправдание в глазах жителей Константинополя, высших иерархов, части синклита. Даже синклитик Пселл заявил во время мятежа Комнина, что обида военных на Стратиотика была справедливой [46].

Послы Михаила VI к Исааку Комнину — Михаил Пселл, Константин Лихуд и Лев Алоп — предлагали узурпатору титул кесаря с правом наследования престола после смерти Михаила. Предложение было отвергнуто. Одним из важнейших требований военной знати было предоставить Исааку право самому назначать людей на военные посты, а также сохранить за приверженцами узурпатора все те богатства, владения и титулы, которые он им успел раздать. Вернувшись через день, послы сообщили, что император готов усыновить Исаака и сделать его своим соправителем. Военная аристократия, ободренная победой над Никеей, требовала безраздельного гос-

подства. Она не доверяла столичной знати. Сами императорские послы, и прежде всего Михаил Пселл, зорко следя за обстановкой в столице, вели двойную игру, давая понять Исааку, что положение Стратиотика крайне непрочно, что население столицы расположено в пользу Комнина.

Переговоры еще не были завершены, когда события в городе решили исход дела. Кируларий открыто стал на сторону Исаака и возглавил его сторонников в столице. Патриарх не остановился перед применением силы против враждебных Исааку и колеблющихся синклитиков. Дома части знати, оставшейся верной Михаилу, подверглись разгрому. Кируларий предложил Стратиотику оставить трон, ибо «так хочет народ». «Что обещает мне патриарх взамен этого?» — спросил Стратиотик, сбрасывая багряные сапожки.— «Царство небесное»,— ответили ему. 1 сентября Исаак торжественно вступил в столицу, на следующий день состоялась его коронация.

Духовенство сыграло важную роль в победе Исаака. Не случайно еще в самом начале мятежа Комнина митрополиты советовали старому императору отречься от престола [47]. Не случайно первое собрание заговорщиков произошло в св. Софии. Не случайно, наконец, Пселл указывал Михаилу на раздор с патриархом как на серьезную опасность [48]. Кируларий третировал Мономаха, не любил Феодору и открыто враждовал со Стратиотиком. Желая распоряжаться троном, он содействовал воцарению Исаака, но его теократические претензии встретили отпор военной аристократии.

Новый этап борьбы за власть между двумя группировками господствующего класса Византии завершился победой военной аристократии провинций. Впервые ее представитель стал самодержцем не через институт соправительства, не благодаря родственным узам с членами Македонской династии, а по праву сильного. Однако это еще не было окончательной победой. Столичная знать не была разгромлена. Она пошла на компромисс, надеясь, что новый император оценит ее уступчивость и не будет ущемлять ее интересов.

Глава

11

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В КОНЦЕ XI В. И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗГРОМ

Исаак Комнин поднял мятеж против всемогущества столичной служилой знати, но, придя к власти, оказался вынужденным опереться на тех самых лиц, которые управляли страной при Михаиле VI. Ключевые позиции в государственном аппарате по-прежнему оставались в руках все того же Константина Лихуда и Пселла. Иными словами, оказалось, что провинциальная военная аристократия в состоянии захватить трон, но бессильна разрушить освященные традицией формы господства, несмотря на то, что они уже не отвечали интересам экономически наиболее сильной группировки господствующего класса.

Исаак Комнин был властным и честолюбивым человеком. Он требовал безусловного повиновения и не выносил возражений. На новых номисмах он приказал изобразить меч, приписывая тем самым все свои успехи не всевышнему, но собственной мощи и военному опыту. Он носился с идеей провести реформы в церкви и реформировать государство. «Он все хотел преобразовать»,— восклицает Пселл, осуждая Исаака за его беспокойную деятельность [1].

Важнейшее мероприятие Исаака Комнина — конфискация части земель, полученных византийской аристократией при его предшественнике. Многие частные лица были лишены поместий, и им не могли помочь щедрые хрисовулы, гарантировавшие их собственность. Отнятая земля передавалась фиску. Более того, Комнин стремился поддержать мелких собственников: он убеждал, если верить Пселлу, «всех» довольствоваться своими доходами, не обращаясь

несправедливо с крестьянской беднотой [2]. Мы узнаем в этих мероприятиях традиции политики Василия II.

Отношение нового правительства к церкви при всей своей противоречивости соответствовало тем же принципам. На первых порах Исаак как будто даже санкционировал известную независимость церкви, предоставив константинопольскому патриарху право распоряжаться церковными прониями [3]; соответственно великий эконом и скевофилак прежде подчинявшиеся самому императору, теперь были поставлены под непосредственное начало патриарха. Но вслед за тем император нанес удар монастырскому землевладению, конфисковав у монастырей немалые угодья. Сторонники императора связывали и это мероприятие с защитой мелких собственников, которые теперь будто бы были освобождены от притеснений со стороны монахов и от страха потерять свои владения [4]. Наконец, вполне отвечало традиционной политике византийского правительства и стремление укрепить контроль государства за ремеслом и торговлей. Атталиат рассказывает, как император назначал из числа своих сторонников надзирателей над коллегиями, что, видимо, вызывало враждебное отношение к нему константинопольского плебса [5].

Итак, мероприятия нового василевса имели целью сохранить централизованное византийское государство. И если вожди чиновничества выступили против императора-воина и принудили его, как мы увидим, отказаться от трона, то это случилось не потому, что внутренняя политика Исаака была для них принципиально неприемлемой; дело в том, что конфискации земель и попытки оздоровить государственный аппарат задевали интересы широкой касты лиц, привыкших видеть в государственной власти неограниченный источник для личного обогащения. Действия Исаака возбудили против него могущественные силы: прежних сторонников Михаила VI, церковь, константинопольские коллегии. К тому же столичная знать опасалась, что активизация внешней политики повлечет за собой сокращение доходов чиновничества и уменьшение его политического веса [6]. Успешные действия Исаака против печенегов обеспокоили одного из идеологов столичной знати, Пселла, и он обратился к императору с письмом, где, восхваляя победы своего повелителя, тем не менее осуждал активную внешнюю политику. «Сколькими головами варваров ты уравновесишь гибель одного ромея,— наставляет Пселл,— пусть это даже копейщик, или пращник, или вестник, или трубач. Куда лучше было бы, если бы никто из наших не пал на поле брани, а варвары подчинились в результате мирных переговоров» [7]. И это Пселл писал, несмотря на то, что поход против печенегов завершился победой — первой после серии крупных неудач при предшественниках Исаака, несмотря на то, что победа византийцев привела, по словам самого Пселла, к разгрому варваров, переселению их на новые места и подчинению [8].

Создался своеобразный исторический парадокс: вождь феодального мятежа действовал в интересах централизации византийского государственного аппарата, а столичная знать, объективно заинтересованная в этой централизации, оказывалась в оппозиции к нему.

Открытая борьба становилась неминуемой, и начало ей было положено столкновением с патриархом.

Михаил Кируларий был не таким человеком и политиком, чтобы легко примириться с программой, проводившейся Исааком Комниным. Его политическим идеалом была независимость византийской церкви — независимость как от папства, так и от императорской власти. Если первого Кируларию удалось добиться еще в 1054 г. (см. выше, стр. 275), то попытки освободиться от постоянной опеки в самом Константинополе, на первых порах, быть может, удачные, затем встретили решительное противодействие Комнина. Конфискация монастырских земель особенно обострила противоречия между Большим дворцом и храмом св. Софии.

Сторонники императора ставили Кируларию в вину демократические настроения (δημοκρατικὸς ὢν ἀνήρ) и пренебрежение к монархии [9]; передавали, что патриарх грозил лишить Исаака престола, заявляя: «Я тебя сотворил, печка, я тебя и разрушу» [10]; ходил слух, что Кируларий надевал багряные сапожки — обувь, предназначенную только василевсу,— и утверждал, что достоинство епископа не ниже царского. Трудно сказать, в какой мере достоверны эти подробности, но бесспорно, что уже очень скоро после воцарения Исаака отношения императора и патриарха сделались крайне напряженными. После нескольких безрезультатных попыток примирения наступила развязка. В ноябре 1058 г. Кируларий, ехавший в загородный монастырь, был внезапно арестован и отправлен в заточение. А так как он не пожелал подписать отречение, император приказал созвать синод для низложения упрямого патриарха. Опасаясь выступления константинопольского плебса, местом для проведения синода избрали один из небольших городков Фракийского Херсонеса. Впрочем, Кируларий скончался, не дождавшись синода.

Высшая константинопольская знать осталась в этом конфликте на стороне императора. В открытом письме Кируларию Пселл заявлял: «Посмотри, какие горы, какие моря, какие материки отделяют нас друг от друга» [11]; мы различаемся, продолжал он, и своим происхождением, ибо ты принадлежишь к знатному роду, и своими воззрениями: все, чем я занимался, ты всегда называл пустой болтовней. Это письмо Пселла не следует считать вульгарным проявлением сервилизма перед сильной стороной; хотя долгое время Пселл и Кируларий были союзниками и близкими людьми, они действительно принадлежали к разным группировкам господствующего класса: Кируларий отстаивал интересы независимой, феодальной церкви, Пселл же был идеологом и вождем сановной знати; Пселл охотно жертвовал монастырскими землями, напротив, Кируларий — как некогда Полиевкт — считал конфискацию монастырских угодий беззаконием.

После смерти Кирулария его место занял один из ближайших к Пселлу лиц — Константин Лихуд. Союз Исаака со сторонниками Пселла был лишь временным; как мы видели, мероприятия императора существенно задевали интересы константинопольских вельмож. Правда, дело не дошло до открытого разрыва: ловкая интрига Пселла, воспользовавшегося внезапной болезнью василевса, вынудила

Комнина в декабре 1059 г. отречься от престола, постричься и передать трон — в обход своих родственников — старинному другу Пселла, Константину Дуке [12].

Сохранившаяся у Пселла характеристика нового императора, Константина X Дуки (1059—1067), естественно, является откровенным панегириком. Достаточно сказать, что Пселл представил Константина X знатным человеком, потомком славного в прошлом столетии рода Дук [13]. Совсем по-иному, однако, писал о происхождении Константина Зонара: оказывается, хотя император и причислял к своим предкам знаменитых Дук, в действительности же этот род угас при Константине VII, не оставив мужского потомства [14]. Правда, Константин Дука породнился с аристократическими домами XI в.— с Далассинами и Макремволитами (его жена Евдокия Макремволитиса была племянницей Кирулария); он активно участвовал в мятеже Исаака Комнина,— и все-таки политическая линия нового императора была еще дальше от программы провинциальной феодальной знати, чем линия его предшественника.

Современники единодушно утверждают, что социальной опорой Константина стали синклитики и горожане. При нем «были почтены многие купцы и синклитики»,— утверждает Атталиат [15], а Пселл ставит ему в заслугу уничтожение стены, которая до тех пор разделяла горожан и синклитиков [16] (напомним, что при Исааке Комнине горожане поддерживали Кирулария, а синклитики группировались вокруг Константина Лихуда и Пселла). Стремление опереться на торгово-ремесленные круги обнаружилось уже в самом начале правления Константина: в тронной речи, произнесенной перед ремесленными коллегиями, император обещал быть милостивым и человеколюбивым, явиться для юношей — отцом, для сверстников — братом, для старцев — опорой; он заверял, что дарует всем благоденствие и справедливость. Для нас, разумеется, существенны не эти весьма туманные обещания императора (впрочем, современники были поражены кротостью его слов),— гораздо более важен самый факт, что император обращается с речью к ремесленным коллегиям, признавая в них серьезную политическую силу. Что касается синклита, то Константин снискал его расположение возвращением к власти тех, кого сместил Исаак Комнин [17].

Самое пристальное внимание Константин уделял государственной казне, которую застал в расстроенном состоянии. Но если Исаак Комнин стремился укрепить государство, увеличивая фонд императорских земель, то Константин думал достигнуть того же с помощью налоговой системы. Любимым занятием императора было изыскание путей к увеличению государственных доходов, а также разбор тяжб между подданными. Человек, не блещущий образованием, но уважающий знания, терпимый и трезво оценивающий придворных льстецов (рассказывают, что одному из вельмож, обещавшему отдать жизнь за императора, он возразил: «Увидев меня падающим, ты еще, пожалуй, подтолкнешь»), Константин довольно успешно восстанавливал золотой запас казны. Но так как ему приходилось щадить ремесленные коллегии и щедро оделять синклитиков, василевс оказался вынужденным искать иные источники доходов. Он

охотно продавал должности, значительно расширив ряды столичного чиновничества и даже членов синклита. Кроме того, действуя в традициях Пселла, он сокращал расходы на армию. Так, когда осенью 1064 г. кочевники перешли Дунай и стали грабить византийские земли, император от огорчения не находил себе места и все же медлил послать войска, избегая ненужных (как ему казалось) расходов; эта бессмысленная скупость дала хронисту основание бросить упрек в том, что обол был для государя дороже всего [18]. И даже панегирист Константина Пселл свидетельствует, что император избегал военных действий и предпочитал дарами откупаться от неприятеля; по словам Пселла, он боялся расходов на войска [19]. Внимание императора к судопроизводству поощряло развитие сутяжничества и увеличение числа судейских. В царствование Константина многие воины забросили оружие и забыли о походах, превратившись в адвокатов и правоведов.

Подобная политика Константина должна была вызывать недовольство провинциальной знати. И действительно, мы находим у Продолжателя Скилицы известие, что василевс казался динатам невыносимым [20]. По-видимому, именно это недовольство явилось причиной заговора 1060 г., имевшего целью устранить Константина. Участниками заговора были знатные лица, прежде всего воины. Они предполагали заманить императора на корабль, управляемый заговорщиками, и по дороге утопить его. Однако их замысел не удался: посланное ими судно опоздало, император успел тем временем сесть на случайно подвернувшуюся лодку и благополучно добрался до дворца. К тому же плебс, на поддержку которого рассчитывали заговорщики, не выступил, и правительству удалось быстро подавить аристократический мятеж.

Борьба происходила и внутри правящей группировки столичной знати. К концу царствования Константина Пселл был отстранен от управления государством, потерял расположение василевса и жаловался в письмах, что император стал самовластным и не нуждается больше ни в мудрецах, ни в опытных людях [21].

Пренебрежение военными нуждами страны и разрыв с провинциальной знатью, превращавшейся в основную военную силу империи, был чреват серьезной опасностью, поскольку положение на границах империи становились все более напряженным. В Южной Италии успешно действовали норманны, угрожая византийским владениям, а византийское правительство ограничивалось тем, что призывало папу и немцев к активной борьбе. Венгры в 1064 г. заняли Белград. В том же году кочевые племена торков (узов) вторглись в балканские фемы, и только вспышка чумы положила предел их распространению [22]. На восточных границах все бóльшую силу приобретали сельджуки, которые подвергли жестокому разграблению Армению и в 1064—1065 гг. заняли после продолжительной осады Ани. Правда, султан Алп-Арслан не решался перейти к военным действиям против Византии и ставил своей задачей покорение Сирии и Египта, но в самом конце правления Константина отдельные сельджукские отряды стали просачиваться сквозь границу и нападать на города Малой Азии [23].

Смерть Константина X в мае 1067 г. еще более осложнила и внутреннюю и внешнеполитическую ситуацию. Формально страной управляла теперь вдова Константина Евдокия [24], как регентша малолетних сыновей, фактически же власть оказалась в руках вождей служилой знати, среди которых наиболее значительную роль играли брат покойного императора кесарь Иоанн Дука [25] и снова выплывающий на политическую сцену Пселл. Но одновременно с этим и провинциальная военная аристократия подняла голову. Во главе заговора против Евдокии стал дука Сердики Роман Диоген, прославившийся победой над печенегами. Мужественный и сильный человек, Роман принадлежал к каппадокийской знати и хорошо понимал опасность наступления сельджуков. Впрочем, составленный им заговор не удался: Роман был схвачен, привезен в Константинополь и приговорен к смерти. Он уже прощался с жизнью, когда события приняли неожиданный оборот: то ли широкоплечий красавец приглянулся вдовствующей императрице, то ли при дворе нашлась группа влиятельных лиц, понимавших, сколь неразумно отправлять на эшафот одного из лучших полководцев,— как бы то ни было, смертную казнь заменили ссылкой в Каппадокию, в родные места Диогена, а к концу того же 1067 г. Роман был возвращен в столицу, получив титул магистра и должность главнокомандующего.

Но и на этом не остановилось стремительное возвышение Романа. Однажды вечером Евдокия призвала к себе Пселла (так во всяком случае он сам рассказывает) и, обливаясь слезами, принялась жаловаться на бедствия, переживаемые государством. «Разве ты не знаешь,— говорила она,— что положение нашего царства становится все хуже и хуже, потому что непрерывно вспыхивают войны, а варварские толпы грабят весь Восток?» Пселл с присущей константинопольскому сановнику медлительностью не советовал императрице сразу принимать решение, сославшись на поговорку: «Сегодня изложи, завтра выслушай». Но Евдокия возразила своему советнику, сказав, что ей не о чем размышлять, что все уже решено: она вручает царскую власть Роману Диогену [26]. Как ни старались Пселл и кесарь Иоанн воспрепятствовать выполнению этого замысла, 1 января 1068 г. Роман Диоген был провозглашен императором. Евдокия выходила за него замуж — вопреки присяге, которую она дала,— а сыновья Константина X оставались соправителями.

По существу Роман IV Диоген продолжал политику Исаака Комнина, да он и открыто опирался на могущественный род Комнинов, женив своего сына на Феодоре Комниной. Для укрепления государства он считал необходимыми две вещи: упрочение императорских доменов и обновление армии. К этому и сводилась его деятельность. Императору принадлежали домениальные земли в различных областях Малой Азии — от Мелангеев на западе до фемы Харсиан: во время похода на восток он вел армию через свои поместья, черпая там необходимые материальные средства [27]. Особое внимание Роман уделил войскам, которые он при вступлении на престол застал в жалком состоянии: славные некогда подразделения состояли из немногочисленных воинов, да и те страдали от голода, не имели ни оружия, ни боевых коней. Знамена были истрепаны. Даже Атталиат,

который временами осуждает Романа, должен признать, что новый император в короткий срок создал боеспособное войско [28]. Наконец, Роман решительно вмешивался в церковные дела, по собственному усмотрению и без церковных выборов назначал епископов [29]: он рассчитывал, видимо, использовать церковь как инструмент для укрепления государства.

Если провинциальная военная аристократия поддержала Романа, то служилая знать сразу оказалась в оппозиции. На первых порах сторонники кесаря Иоанна были бессильны что-либо сделать, а сам он в конце концов покинул столицу и удалился в Вифинию. Пселл находился под подозрением, несмотря на неумеренные восхваления императора, который, по его словам, страну, потрясенную бурей, восстановил и избавил от великой опасности [30]. «Я никого так не любил и так не превозносил, [как нового государя]»,— жаловался Пселл в одном из писем, но награды он не получил — ни экономий, ни выдач из казны [31]. И он, подобно кесарю Иоанну, подумывал об отъезде из Константинополя. «В деревню, дорогой мой, в деревню! Есть у меня на западе маленький хуторок, туда уеду, там скроюсь» [32]. Оттесненные от власти вожди столичной знати мечтали об отмщении и в конце концов сумели нанести Роману удар, от которого ему уже не удалось оправиться.

Кратковременное правление Евдокии совпало с усилением натиска турок на восточных границах империи. Не подчинявшиеся Алп-Арслану сельджукские отряды угрожали Кесарии и Антиохии. Летом 1068 г. Роман выступил против сельджуков; его войска, успешно действуя в Сирии, заняли Манбидж и создали угрозу для Алеппо. Затем близ Лариссы (в Каппадокии) Роман нанес поражение турецкому отряду. Его энергия восхищала современников и на время заставила умолкнуть оппозицию. «Воистину достойно удивления и заслуживает упоминания,— писал Атталиат,— что василевс ромеев 8 дней подряд преследовал неприятеля с одной только дружиной, лишенный необходимых вещей в местности неведомой и непроходимой» [33]. Но уже и в то время не все было благополучно. Отдельные отряды турок прорывались в глубь страны, доходили до Икония и Хон. Восстал Криспин, командир итальянских наемников на византийской службе, и нанес поражение посланному против него отряду.

Правда, когда сам Роман двинулся против Криспина, мятежники не решились на битву, и Криспин принес вассальную присягу (ὁμολογίαν τῆς δουλώσεως) [34]. Решающие события произошли немногим позднее, в 1071 г.

В 1070 г. Алп-Арслан начал наступление на Сирию и Армению. Султан занял Манцикерт, теоретически считавшийся византийским, практически же лежавший в области, давно уже беззащитной перед грабежами сельджуков. Одновременно, минуя Эдессу и Манбидж, сельджукская армия двинулась к Алеппо. Трудно сказать, входило ли уже тогда в намерение султана напасть на Ромейскую империю. Сельджукский правитель все еще страшился могущества Константинополя и не решался открыто начать военные действия. Возможно поэтому, что задача Алп-Арслана ограничивалась лишь укрепле-

КОРОНАЦИЯ РОМАНА И ЕВДОКИИ.

Слоновая кость. Париж. Кабинет медалей

нием северо-западных границ султаната перед наступлением на Египет. Напротив, именно Роман, окрыленный первыми победами, думал об активных военных действиях. Многие в его окружении рассчитывали одним ударом покончить с турецкой опасностью; советники императора убеждали не ждать нападения сельджуков, а самим идти походом на Экбатаны Мидийские. По преданию, сохраненному арабским историком Сибт-ибн-ал-Джаузи, Роман обещал пожаловать своим полководцам все мусульманские земли, кроме Багдада [35]. Разумеется, вожди столичной знати не одобряли наступательных действий, но кесарь Иоанн и Пселл давно уже были отстранены от государственных дел. По-видимому, от лица этой группировки на военном совете выступил магистр Иосиф Траханиот, который советовал укрепить пограничные города и выжечь окружающие их равнины, чтобы лишить неприятеля продовольствия, а затем уже навязать туркам сражение в выгодных для себя условиях. Совет Траханиота был отвергнут. С огромным войском, включавшим разноплеменных наемников (русских, торков, алан, армян, франков и других), со множеством осадных машин Роман двинулся на восток и, сломив сопротивление сельджукского гарнизона, занял Манцикерт.

Но если противники Романа не смогли удержать его от похода, они старались сделать все возможное для того, чтобы обречь экспедицию на неудачу: сперва обрушилась палатка Диогена, и он чудом остался в живых, затем возник пожар в доме, где он остановился на ночлег. Кто-то сеял в войсках недовольство: взбунтовался отряд наемников, другой перешел на сторону противника. Войска, посланные к Ахлату под командованием Иосифа Траханиота, натолкнулись на сельджуков, но вместо того, чтобы отойти к Манцикерту, бежали в Мелитину, тем самым ослабив императорскую армию. Все эти события вряд ли могли быть случайными [36].

Тем временем Алп-Арслан поспешно направился к стенам Манцикерта. В первый раз стояли друг против друга большие армии византийцев и сельджуков, сражение между которыми должно было решить, кому владеть Малой Азией. Алп-Арслан и теперь не склонен был дать бой и предпочитал заключить соглашение: к Роману отправили посольство с просьбой о мире, но он отверг предложения сельджуков.

Сражение произошло 19 августа 1071 г. Согласно арабской версии, византийское войско попало в засаду и было разгромлено [37]. Совсем по-иному изображает ход событий Атталиат. По его словам, сражение начали ромеи, и их натиск заставил противника отступить. Роман, хорошо знакомый с сельджукской тактикой, действовал осмотрительно и остерегался ловушки: поэтому с наступлением вечера он отдал приказ прекратить преследование [38]. В этот-то момент и разыгралась драма, видимо, заранее подготовленная: приказ Романа дал возможность Андронику Дуке, сыну кесаря Иоанна, распространить слух, будто передовой отряд византийцев разгромлен, а император покинул поле боя. Арьергард, которым командовал Андроник, обратился в бегство. Началась паника. С небольшим отрядом Роман продолжал еще некоторое время сдерживать турок.

СОРОК МУЧЕНИКОВ И ВОИНЫ.
Триптих. Слоновая кость. Государственный Эрмитаж. XI в.

Конь под ним был ранен, и он сражался спешившись. Но сопротивление было безнадежным: василевс вместе со своими воинами попал в плен. Тем временем Андроник Дука благополучно скакал в Константинополь с известием о пленении ненавистного императора. В столице не теряли времени и, по-видимому, даже на помышляли о выкупе пленного государя: Пселл и кесарь Иоанн добились передачи императорской власти Евдокии и ее старшему сыну Михаилу VII Дуке. Вскоре, впрочем, Евдокия была пострижена, и Михаил VII стал единоличным правителем, подчинявшимся полностью Пселлу и своим двоюродным братьям — Андронику и Константину Дукам.

Роман, однако, недолго пробыл в плену у Алп-Арслана. Он подписал договор, согласно которому империя уступала сельджукам Манцикерт, Эдессу, Манбидж и Антиохию и принимала обязательство уплачивать дань; вместе с тем Алп-Арслан гарантировал неприкосновенность восточных границ государства ромеев. Договор скреплялся брачным союзом [39]. Таким образом, ни поражение у Манцикерта само по себе, ни подписанный Романом договор не знаменовали сокрушения Византийской империи: Алп-Арслан имел возможность оценить силу византийского войска и трудность своей победы.

Стремительный политический упадок Византии в 70-е годы XI столетия явился результатом не поражения при Манцикерте, но следствием той междоусобной борьбы, которую развязывала своекорыстная столичная знать, готовая на прямую измену, — лишь бы удержать свои привилегии.

Когда освобожденный из турецкого плена Роман вместе со своими воинами, также отпущенными на свободу, двинулся на запад, его

встретили указы Михаила VII, низлагавшие побежденного императора и объявлявшие его врагом государства, а вслед за тем и войска под командованием сыновей кесаря Иоанна. Началась гражданская война (1071—1072 гг.). Романа поддерживали преимущественно каппадокийские и армянские феодалы, тогда как партия Дук опиралась на наемные отряды, возглавляемые Криспином. Разбитый в двух сражениях, Роман заперся в крепости Адана, надеясь на помощь турок. Но помощь не прибыла, и Роман был вынужден сдаться на милость своего заклятого врага, Андроника Дуки, который гарантировал, правда, что Роману не причинят зла. Но уже через несколько дней обещание было нарушено: больного пленника (он страдал расстройством желудка, как говорили, от каких-то снадобий, данных ему врагами), уже принявшего монашество, бросили в чулан, придавили щитом и выжгли ему глаза. Через несколько дней после мучительной операции Роман скончался. Перед смертью он имел возможность выслушать лицемерное послание Пселла, который объявлял Романа мучеником, сулил ему посмертную славу в небесах и заверял, что император не причастен к ослеплению своего отчима.

Победа столичной аристократии была подготовлена и осуществлена — от поражения при Манцикерте до ослепления Романа — кесарем Иоанном и его сыновьями вместе с их советником Михаилом Пселлом. Однако не Дуки и Пселл пожали плоды своей победы —уже очень скоро они были оттеснены от управления, которое взял в свои руки евнух Никифор, известный под уменьшительным именем Никифорица. Если Атталиат видит в Никифорице только ловкого интригана, то Кекавмен отзывается о нем как об опытном полководце и умном политическом деятеле [40]; Вриенний также называет Никифорицу энергичным, умным и опытным человеком [41]. Никифорица осуществил ряд мероприятий, направленных к сохранению и упрочению централизованного управления: у церквей была конфискована священная утварь и оклады евангелий, что позволило пополнить казну; были объявлены государственной собственностью принадлежавшие монастырям и частным лицами причалы в Константинополе; был установлен строжайший государственный контроль за хлебной торговлей. Атталиат подробно описывает новую организацию хлебной торговли: каждый землевладелец, привезший хлеб на возах, и каждый корабельщик, доставивший хлеб, должен был сдавать его за определенную цену на государственный склад — фундак; горожане не имели права покупать хлеб нигде, кроме государственного фундака [42]. Одновременно с этим правительство Михаила попыталось ограничить аппетиты феодальной знати: было запрещено передавать замки более чем на срок жизни [43].

Однако мероприятия Никифорицы уже не могли поправить дела. Упрочение централизованного управления привело лишь к новым злоупотреблениям, к росту взяточничества и в конечном счете к ухудшению положения трудящихся. Напряженная внешнеполитическая ситуация еще более обостряла внутренний кризис. В 1071 г., в год поражения при Манцикерте, вождь норманнов Роберт Гвискар занял Бари — последнее византийское укрепление в Южной Ита-

лии. На Адриатическом побережье византийское влияние было сведено на нет: хорватский и зетский князья признали себя вассалами папы и получили от Григория VII королевские короны. Все учащавшиеся набеги сельджуков на малоазийские провинции вызвали нехватку сельскохозяйственных продуктов и голод в стране. На улицах Константинополя можно было видеть трупы погибших голодной смертью; их не успевали убирать, и на одни носилки (если верить хронисту) приходилось класть по 5—6 мертвецов [44].

Начались волнения в различных частях империи. В 1072—1073 гг. Западная Болгария была охвачена восстанием; восставшим удалось овладеть городами Ниш, Скопле, Охрид. На помощь болгарам пришли войска Михаила Зетского. Лишь силами наемных отрядов византийцы смогли подавить восстание [45]. Затем прокатились волнения в Паристрионе. Посланный на подавление их катепан Дристры Нестор сам выступил против Никифорицы и, поддержанный печенегами, направился к Константинополю, требуя смещения временщика; правда, осада столицы оказалась безуспешной, и Нестор укрылся в печенежских становищах. Один из крупнейших городов империи — Антиохия — был также охвачен восстанием: горожане поднялись против наместника Исаака Комнина и осадили его в акрополе; тем временем были разрушены дома архонтов. Не успел Исаак Комнин справиться с восставшими, как ему пришлось поспешно идти против турок, появившихся близ города; он был разбит в сражении, попал в плен, и антиохийцам пришлось заплатить за него выкуп в 20 тысяч золотых монет.

Не менее опасные события назревали в Малой Азии. Здесь в 1073 г. восстал командир наемников Руссель [46], подчинив села и города Галатии и Ликаонии. Посланная против него армия сражалась без особого энтузиазма и была разбита; многие взятые в плен византийские аристократы примкнули к Русселю и возбуждали его против Михаила. Среди пленников находился и кесарь Иоанн; Руссель приказал облачить его в царские одежды и провозгласить василевсом. Вместе с новым императором мятежная армия двинулась на Константинополь, встречая поддержку всех тех, кто был недоволен мероприятиями Никифорицы. Правительству оставалось только одно — весьма опасное — средство: обратиться за помощью к туркам [47]. Около горы Софон, недалеко от Никомидии, сельджуки разбили отряды Русселя наголову: и кесарь Иоанн, и Руссель оказались в плену.

Правда, жена выкупила Русселя из турецкого плена, и он еще некоторое время успешно действовал в Армениаке, но незадачливый узурпатор попал в руки своего племянника и, опасаясь мести, поспешил постричься.

Едва подавили мятеж Русселя, как в 1077 г. новый феодальный бунт охватил страну. Никифор Вриенний, которого поддерживала македонская знать, был провозглашен императором и двинул войска на Константинополь. Наступление зимы помешало успеху его предприятия, а затем правительство Михаила сумело мобилизовать против узурпатора наемные отряды, печенегов и флот. Вриенний

отошел к Адрианополю. Почти одновременно начался другой феодальный мятеж, на этот раз в восточных фемах. Его возглавил Никифор Вотаниат, один из знатнейших феодалов востока. В мятеже участвовали многие аристократические фамилии, в том числе Дуки, а также представители высшего духовенства во главе с антиохийским патриархом Эмилианом. Всю эту знать объединяла ненависть к политике Никифорицы. Движение нашло своего идеолога в Михаиле Атталиате, умелом командире и знающем правоведе, страстно ненавидевшем Никифорицу. Весь пафос Атталиата направлен против столичного чиновничества и централизаторских тенденций: он обрушивается на прежних правителей империи, которые под предлогом общественной пользы совершали безбожные и противозаконные деяния [48]. Неоднократно подчеркивает Атталиат, что мелочная скупость правительства ромеев была причиной неудач в войне с сельджуками (в отличие от Пселла, который, напротив, «мотовство» считал одним из самых страшных пороков государя). Вотаниата Атталиат восхваляет как представителя знатного рода Фок, насчитывающего (какая точность!) 92 поколения славных мужей и восходящего, оказывается, к знаменитым Фабиям. Никифор, разумеется, божий избранник. Но что особенно важно для Атталиата — это щедрость его героя, с которым не могли сравниться золотоносные реки Пактол и Хрисороя, протекавшие некогда в Лидии [49]. Так устами Атталиата была сформулирована программа провинциальной феодальной знати — программа щедрых уступок аристократии и церкви.

Вотаниат был уже пожилым человеком, опытным полководцем и дипломатом. Избегая поспешных действий, он прежде всего заручился поддержкой турок, отряды которых беспрепятственно проникали вплоть до Пропонтиды. В начале 1078 г. Вотаниат занял Никею и окрестные города. Правительство Михаила, оказавшееся между двух огней, не могло сопротивляться. В марте 1078 г. сторонники узурпатора принудили Михаила отречься и стать монахом Студийского монастыря, тогда как Никифорица искал спасения в бегстве, но вскоре был схвачен, выдан Вотаниату и погиб под пытками.

Никифор III Вотаниат (1078—1081) вступил на престол как вождь провинциальной знати. С самого начала мятежа он пользовался поддержкой Дук; теперь, по совету кесаря Иоанна, он женился на жене своего предшественника, прекрасной аланке Марии (несмотря на то, что Михаил был еще жив) — тем самым был скреплен его союз с Дуками [50]. Комнины перешли на его сторону сразу же после отречения Михаила. Суверенитет Вотаниата признал и куропалат Филарет Вахамий (см. выше, стр. 246), отложившийся при Михаиле VII и подчинивший своей власти такие крупные центры, как Мелитина, Эдесса и Антиохия. В течение длительного времени войска этого феодального сеньора были единственной силой, сдерживавшей натиск сельджуков; его сопротивление было сломлено только к 1085 г. Никифор стремился достигнуть соглашения и с мятежным Вриеннием: он предложил Вриеннию титул кесаря и обещал усыновить его, а его сторонникам — даровать пол-

ИМПЕРАТОР НИКИФОР ВОТАНИАТ С ПРИБЛИЖЕННЫМИ.

Миниатюра из «Слов» Иоанна Златоуста. Париж. Национальная библиотека

ную амнистию и возвратить прежние чины и должности. Вриенний не согласился, но потерпел поражение, попал в плен и был ослеплен.

Вотаниат правил в соответствии с программой Атталиата: щедро даровал он императорские пожалования, прощение недоимок и податные привилегии. Церквам была возвращена священная утварь,

собственникам причалов — права, которых они лишились при Никифорице. Монастыри и светские феодалы получали хрисовулы, жаловавшие им деревни, крестьян, экскуссионные права. Расходы превышали поступления (значительно сократившиеся к тому же из-за потери малоазийских провинций, занятых турками), и казна, накопленная бережливым Никифорицей, быстро таяла. К тому же правительство Вотаниата порвало с осторожной внешней политикой Михаила VII и в труднейшей экономической ситуации действовало с великодержавными замашками. После падения Бари советники Михаила осознали мощь Норманского государства и стремились к союзу с Робертом Гвискаром, рассчитывая получить от него помощь против турок. Союз предстояло скрепить брачным договором: дочь норманского вождя прибыла в Константинополь как невеста юного Константина Дуки, сына и номинального соправителя Михаила. Окружение нового василевса враждебно относилось к норманнам и к пронорманским симпатиям Михаила; низложенного императора обвиняли в том, что он готов был передать страну врагу. Дочь «тирана» (так именовали Роберта Гвискара) изолировали от сына аланки Марии, остававшегося и при Вотаниате наследником престола, и оставили в византийской столице без средств к существованию.

Все это, естественно, превращало Роберта из союзника в отчаянного врага. При норманском дворе внезапно появился какой-то монах, выдававший себя за Михаила VII и умолявший «восстановить» его на престоле [51]. Назревала опасная война.

Откровенная поддержка Вотаниатом провинциальной феодальной знати вызывала возмущение масс. Болгария была охвачена народным движением: Лека, павликианин из Филиппополя, привлек на свою сторону печенегов, напал на Сердику и убил тамошнего епископа; в Месемврии пытался поднять восстание болгарин Добромир [52]. Правда, движение Леки и Добромира не имело серьезных последствий: вскоре им пришлось просить мира и принести присягу на верность. Более опасным было народное движение на востоке, где греческие крестьяне стали переходить на сторону сельджуков и вместе с ними, по словам Атталиата, «восставали против соплеменников» [53].

Раздачи, осуществляемые Вотаниатом, не спасали от все новых и новых попыток узурпации престола. В Диррахии восстал наместник города Никифор Василаки, задумавший мятеж еще в правление Михаила VII. Василаки занял Фессалонику, но на этом его успехи и кончились: разбитый, он заперся в городе, был схвачен собственными сподвижниками и выдан победителю. Затем поднял мятеж Константин Дука, брат низложенного Михаила,— однако Вотаниат вступил в переговоры с войсками узурпатора, предложил им подарки и почетные титулы и склонил выдать Константина, который был пострижен и отправлен в ссылку. Особенно опасным явилось возмущение Никифора Мелиссина, малоазийского аристократа, находившегося в близком родстве с Комнинами.

Укрепившись в Никее и достигнув соглашения с турками, Мелиссин разбил посланные против него войска и двинулся к

Константинополю. Столица снова была под угрозой. Однако Мелиссину не удалось захватить престол: в то время, как он приближался к городу, произошел еще один мятеж, стоивший Вотаниату трона,— восстали Комнины.

Алексей Комнин, племянник императора Исаака Комнина, был одним из виднейших византийских феодалов. Его поддерживали представители самых знатных фамилий, в том числе Дуки, в свое время способствовавшие возвышению Вотаниата: Алексей был женат на Ирине, внучке кесаря Иоанна, а императрица Мария усыновила его. Еще до переворота Мария заключила с Алексеем соглашение, гарантировавшее ее сыну Константину Дуке права соправителя и соответствующие почести [54]. Алексея поддерживал знатный род Палеологов, армянские и грузинские феодалы, жившие при константинопольском дворе, командиры наемников; армия боготворила своего отважного полководца.

В феврале 1081 г. Алексей вместе с братом Исааком покинул Константинополь и отправился во Фракию, в местечко Цурул, которое становится опорной базой мятежа. Сюда съезжаются сторонники Комнинов, стягивается войско; здесь Алексея провозглашают императором. Таким образом, в отличие от своего дяди, опиравшегося на малоазийские фемы, Алексей наступал из Фракии, где теперь находился оплот феодальной аристократии [55]. Из Цурула войско Комнинов медленно двинулось к столице. Тем временем Алексей вел переговоры с наместниками провинций и с провинциальными магнатами, в том числе с Мелиссином. Послы Мелиссина предлагали разделить империю на две части: востоком должен был управлять Мелиссин, западом — Алексей. Иными словами, провинциальная знать ставила вопрос о раздроблении государства, которое, казалось, и так фактически распадается на части [56]. Однако Алексей добился компромиссного решения: Мелиссин получал титул кесаря и Фессалонику, «для жительства» (εἰς κατοικίαν), как говорит Зонара [57], т. е., по-видимому, в лен.

В конце марта 1081 г. войска Комнинов появились у константинопольских стен. Вотаниат в полной растерянности думал о бегстве; город охраняли ненадежные отряды немецких наемников и плебс, имевший все основания бояться вторжения феодальных дружин. Сопротивление оказалось недолгим; подкупив стражу, Георгий Палеолог с отрядом воинов проник внутрь стен и отворил ворота. Победа Алексея Комнина была ознаменована насилиями и грабежами. По словам Зонары, все войско Комнинов, а особенно фракийцы и македонцы, вело себя не лучше неприятеля: солдаты бесчестили девушек и замужних женщин, грабили храмы, синклитиков стаскивали с мулов и раздевали тут же на улицах [58]. Даже Анна Комнина, дочь узурпатора, должна признать, что свои, не краснея, поступали словно варвары [59]: грабили и убивали. Старый император отрекся от престола и, подобно своему предшественнику, принял монашество. Рассказывают, что он даже не жалел об этом и жаловался только, что отныне ему придется воздерживаться от мясной пищи. 4 апреля 1081 г. Алексей Комнин был официально провозглашен императором.

События 1057—1081 гг. знаменовали политический кризис Византийского государства. Разгромленная сельджуками, теснимая норманнами, ослабленная междоусобной борьбой, империя, казалось, полностью потеряла прежний престиж; ей оставалось только ждать завоевателя. Мы увидим дальше, что это впечатление обманчиво: еще около столетия Византия продолжала стоять в ряду великих держав средневековой Европы.

На протяжении третьей четверти XI в. византийские политические деятели не раз предпринимали попытки реформ; все они — от Исаака Комнина до Никифорицы — стремились не к разрушению централизованного государственного аппарата, а к его укреплению. Даже провинциальные феодалы, добравшись до константинопольского престола, превращались в защитников централизации.

Глава

12

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ АРИСТОКРАТИЯ У ВЛАСТИ. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПЕРВЫХ КОМНИНОВ

Когда в 1081 г. Алексей Комнин пришел к власти, положение империи было критическим: один за другим вспыхивали феодальные мятежи, казна опустела, а со всех сторон наступали опасные враги. Сельджукские полчища затопили Малую Азию, и их набеги становились тем более грозными, что византийские крестьяне поддерживали турок. Придунайские провинции были открыты для вторжений печенегов. Роберт Гвискар готовил нападение на Грецию и мечтал об императорском троне. И все-таки Византия не пала. Более того, к середине XII в. она превратилась в сильное государство, сумевшее остановить продвижение турок и нанести им серьезные поражения; ее позиции на Балканах были упрочены, и даже венгерский король признал себя вассалом империи; император вмешивался в итальянскую политику. Византия в XII в. поражала западных путешественников богатством своей казны, пышностью одеяний, искусством ювелиров и ткачей.

Что же произошло? На какие силы смогла опереться династия Комнинов, добившаяся пусть кратковременного, но все же упрочения позиций империи? Неужели разгадку этих событий нужно искать только в уме, энергии и дипломатическом искусстве первых трех императоров этой династии — Алексея I (1081—1118), Иоанна II (1118—1143) и Мануила I (1143—1180) [1], которых хронисты, ораторы и поэты единодушно превозносят как неутомимых воинов, чья жизнь протекала не в покоях Большого дворца, но в трудных походах, когда приходилось продираться сквозь заросли, пересекать опаленные солнцем степи и ночевать под открытым небом?

Первые три Комнина были одаренными политическими деятелями. Но их успех — не столько плод их ума и энергии, сколько результат влияния определенных социальных сил, выдвинувших и поддержавших новую династию. Правительство Алексея I выступало против тех социальных кругов, которые привели к власти Никифора III,— против высшей провинциальной аристократии. Многие постановления своего предшественника Алексей сразу же отменил. Старые аристократические роды — Склиры, Фоки, Аргиры, Куркуасы — сошли со сцены. Их разорение было ускорено сельджукским натиском и завоеванием Малой Азии, где располагались их основные владения; их политический престиж был подорван Василием II и его преемниками. Комнины ничего не сделали для них: если верить Зонаре, Алексей не оказывал покровительства знатным родам [2], а по словам Феофилакта Болгарского, владения многих архонтов были конфискованы [3]. Преемники Алексея продолжали его политику: в частности, в XII в. сокращаются раздачи экскуссионных грамот, которые так щедро жаловал Никифор III, да и сам Алексей в начале царствования. Но Алексей ни в коей мере не выражал интересов столичной чиновничьей знати, идеологом которой некогда был Пселл: к концу XI в. старая византийская бюрократическая централизация отчетливо обнаружила свои язвы; стало ясно, что она уже изжила себя.

Характеризуя особенности политики Алексея, Зонара писал, что этот император стремился изменить старые государственные порядки: «Он выполнял свои функции не как общественные (κοινά) или государственные (δημόσια), а в себе видел не управителя, но господина, считая и называя империю собственным домом (οἶκος οἰκεῖος)» [4]. Действительно, развивая тенденции, наметившиеся уже при Исааке Комнине и Романе Диогене, Алексей и его преемники рассматривали как материальный оплот императорской власти домениальные земли, а также владения обширного клана Комнинов и их ближайших родственников, тогда как прежде материальную базу византийского государства составляли преимущественно налоги, поступавшие со всех территорий империи.

Алексей награждал своих родичей обильными выдачами из казны и ежегодной рентой; им перешли неисчислимые богатства, их поместья напоминали города, у них была свита, какую прилично заводить царям, а не частным лицам [5]. Браг Алексея Исаак Комнин имел своих проноитов, собиравших в пользу Исаака налоги на обширной территории [6]. Точно так же другому брату императора, Адриану, поступали налоги с разных частей страны, в том числе с Афонского полуострова [7]. Обширные владения были у сына Алексея Исаака; часть его поместий перешла впоследствии монастырю богородицы Спасительницы мира: Исааку принадлежали крепости, села, рынки, корабли; в его владениях жили вассалы, обязанные выполнять военную службу [8]. В стихах, обращенных к новорожденному Алексею, одному из многочисленных внуков Иоанна II, Продром описывает богатство этого еще лежавшего в пеленках аристократа: прекрасные земли, с которых поступали подати, высокие дворцы и толпы вассалов [9].

ИМПЕРАТОР АЛЕКСЕЙ.

Мозаика. Церковь св. Софии в Константинополе. XII в.

К клану Комнинов примыкали некоторые фамилии, обычно связанные брачными узами с царствующим домом. Таковы были Дуки, родственники жены Алексея I, далее — потомки неудачливого узурпатора Никифора Вриенния, породнившиеся с Комнинами, наконец, Мелиссины, Палеологи, Кондостефаны, Тарониты — аристократия, выдвинувшаяся совсем недавно, не ранее XI столетия.

Таким образом, правление Комнинов — в отличие от царствования Никифора III — не знаменовало капитуляцию перед феодальной знатью. Стремясь ограничить аристократию столицы и провинций, Комнины опирались на сравнительно узкий слой знати, на своих родственников и свойственников.

В противовес высшей византийской феодальной знати Комнины поддерживали иноземных рыцарей, поступавших на службу империи. Никита Хониат возмущается, когда вспоминает о «полуварварах», в зависимости от которых оказывались полноправные ромеи,— но совершенно иную оценку тех же явлений мы найдем у апологета Мануила Комнина — Евстафия Солунского: «Нет такой чужеплеменной земли,— восклицает он, обращаясь к императору,— откуда

бы ты не позаимствовал благородных и полезных людей и не привлек бы в нашу страну»; он говорит об агарянах и арабах, о северных и западных соседях империи. В другой речи Евстафий прославляет Мануила, который призывал в Византию все племена и языки: оделенные с царской щедростью, они нашли здесь новую родину [10].

Опорой Комнинов стали и крепнущие города империи. Алексей, несмотря на затруднительное положение государства, повсеместно строил города: в частности, были отстроены города на малоазийском побережье от Смирны до Атталии, разрушенные во время наступления сельджуков. Иоанн возводит города в долине Риндака — Лопадий и Охиру. Особенно интенсивным становится строительство городов при Мануиле: этот император, по словам Евстафия Солунского, не только восстановил старые, пришедшие в упадок города, но и построил новые [11]: к числу процветавших относились Пергам и Хлиара, а также ряд городов в долине Сангария. Разумеется, некоторые из них были просто крепостями, опорными пунктами в наступлении на восток.

На первую половину XII в. не только приходится подъем провинциальных городов (см. выше, стр. 249), но, по-видимому, и улучшение материальных условий жизни ремесленников и торговцев. В литературе того времени становится традиционным противопоставление нищей жизни мудреца обеспеченному существованию какого-нибудь сапожника или портного. Мой сосед-сапожник, жалуется Феодор Продром, напивается сладким вином, а я натощак ищу ямб и гоняюсь за спондеем. Хотел бы я быть кожевником, камнерезом или заниматься каким-нибудь еще ремеслом, вторит ему другой поэт [12].

Никита Хониат, сам принадлежавший к византийской землевладельческой знати, обрушивается на Мануила, превращавшего налогоплательщиков в париков частных лиц (см. выше, стр. 242). Однако Хониата возмущает не самый факт превращения свободных людей в зависимых крестьян, но то обстоятельство, что дарения доставались недостойным, по его мнению, людям. Подобные пожалования, по словам Хониата, бывали и прежде, но тогда их получали немногие, особо отличившиеся воины — Мануил же (так во всяком случае утверждает историк) раздавал париков кому угодно. Это было неразумной политикой, поскольку лучшие воины ослабили свой воинский пыл, увидев, что награды достаются случайным лицам. Подумать только, возмущается Хониат, люди, привыкшие орудовать портновской иглой, перепачканные кузнечной копотью, за взятку зачислялись в стратиотские каталоги и награждались плефрами плодородной земли.

Действительно, главнейшие военные и гражданские посты занимали при Комнинах лица, отнюдь не принадлежавшие к высшей византийской знати. Среди полководцев Алексея выделялся Григорий Бакуриани, грузинский феодал, человек необычайной смелости, а также Лев Кефала, происходивший из комниновской челяди, и «полуварвар» Монастра.

Пленный мусульманин Иоанн Аксух, начинавший свою карьеру прислужником во дворце, стал при Иоанне великим доместиком

и пользовался таким влиянием, что даже члены императорской фамилии, встречая его, сходили с коня [13].

«Новыми» людьми нередко были и высшие гражданские чиновники Комнинов. При Иоанне II основные посты занимали Стефан Мелит и Григорий Каматир: ни тот, ни другой не принадлежали к аристократическим родам. Григорий Каматир, в частности, был податным чиновником при Алексее и выполнял секретарские функции при императоре. Его родственник Иоанн Каматир пользовался колоссальным влиянием при дворе Мануила. Хониат рисует его портрет. Это был отнюдь не утонченный вельможа, проводящий дни в изысканных беседах; атлетически сложенный, храбрый и честолюбивый, Иоанн, по словам Хониата, даже кончиком пальца не коснулся философии, но зато славился обжорством и умением выпить: ради любимых им зеленых бобов он готов был плыть через реку, а однажды выиграл пари у императора, осушив, «словно бык», целый таз воды. За вином Иоанн охотно пел и плясал кордак, но никогда не терял ясности мысли, приводя в восхищение иноземных правителей, к которым он ездил послом [14].

И другие высшие чиновники Мануила не были аристократами: ни Иоанн Айофеодорит, ни Феодор Стиппиот, ни Иоанн Путцийский, руководивший финансовым ведомством. Этот молчаливый человек начинал незначительным чиновником, а при Мануиле достиг такой власти, что утверждал или разрывал в клочья царские постановления. Иоанн ведал казной и отличался удивительным искусством в придумывании новых источников доходов. Над его жадностью потешались: однажды, рассказывает Хониат, важно шествуя по рынку в сопровождении свиты, он внезапно заметил подкову, валявшуюся на земле. Гордясь своей наблюдательностью, Иоанн приказал поднять подкову. Но слуга, посланный за этим добром, только дотронулся до железа, как закричал от ожога — оказывается, подкова была раскалена и специально подброшена, чтобы поиздеваться над мелочностью императорского казначея [15]. Иоанн был суров: легче казалось разжалобить камень, нежели его; зато этого человека отличала редкая честность — никакими дарами нельзя было купить его расположения.

Используя города в своих интересах, Комнины, однако, всегда оставались защитниками класса феодалов; социальная природа их власти всего обнаженнее проявилась в указе Мануила, согласно которому императорские земельные дарения не могли переходить лицам, не принадлежавшим к числу синклитиков или стратиотов [16]. Иными словами, этот указ закреплял существование привилегированной сословной земельной собственности — собственности феодалов. Точно так же указ Алексея подчеркивал сословную неполноправность членов ремесленных корпораций: им запрещалось, даже если они достигли места синклитика, приносить клятву дома — они могли делать это лишь в общественном месте [17].

Социальной природе комниновской империи отвечали административные реформы, проведенные Алексеем I и его преемниками. Синклит, который приобрел большое политическое значение в середине XI в., теперь был отодвинут на задний план: Зонара

подчеркивает, что это учреждение не пользовалось уважением нового императора, постоянно старавшегося унизить синклитиков [18].

Внешним выражением разрыва со старой государственной системой явилось вырождение той иерархии титулов, которая пронизывала в X в. весь государственный аппарат (см. выше, стр. 159). К концу XI в. старые титулы, как анфипат, патрикий, протоспафарий, выходят из употребления [19], вводится новая система титулов, с тем, однако, отличием, что новые титулы (севастократор, протосеваст, севаст) [20] присваивались лишь членам императорской фамилии, их родственникам и высшей знати: Палеологам, Кондостефанам, Вриенниям или Дукам. Высшая знать второго порядка довольствовалась титулами новелиссимов, куропалатов и проэдров (в X в. они жаловались виднейшим сановникам), а рядовое чиновничество стояло вне новой табели о рангах. Иными словами, новая система титулов носила более аристократический характер, распространяясь только на самые высшие слои феодальной знати. Вообще в XII в. род (γένος) или кровь (αἷμα) в большей мере определяли место человека в обществе, чем занимаемая им должность [21].

Реформы не ограничивались титулатурой: была предпринята попытка перестроить систему управления государством. Императорская власть рассматривалась Комнинами как достояние их семьи. При Алексее I огромную роль играл в управлении не только брат василевса Исаак, но их мать — Анна Далассина. Отправляясь в поход против норманнов, Алексей специальным хрисовулом вручил бразды правления своей матери [22]. Современникам казалось, что именно она правит страной, тогда как сын ее сохраняет лишь номинальную власть. Передача власти по наследству уже не ставилась в зависимость от волеизъявления синклита или войска, но единолично решалась государем [23]. Появлялась тенденция к расчленению государства между сыновьями императора: так, Иоанн II предполагал выделить младшему сыну, своему любимцу Мануилу, значительный удел, куда должны были входить Антиохия, Атталия, Киликия и Кипр [24].

Было сокращено и упрощено административное управление. Центральные ведомства, во главе которых раньше стояли логофеты или соответствовавшие им чиновники, теперь практически перестали существовать: почти все секреты были объединены под началом одного логофета, которого называли логофетом секретов или великим логофетом [25]. Помимо логофета секретов, важная роль принадлежала логофету дрома, по-прежнему ведавшему иностранными делами (эту должность занимали уже известные нам Стефан Мелит и Иоанн Каматир), а также константинопольскому эпарху. Возрастает значение дворцовых должностей. Придворные (в том числе многочисленные евнухи) играли первостепенную роль в государственном управлении и в армии. Наиболее значительными среди придворных должностей при Комнинах являлись должности спальничьего, стольника, пинкерны (императорского виночерпия), протостратора (конюшего), великого примикирия (начальника императорской канцелярии), протовестиария (начальника императорского казнохранилища).

Старая система судопроизводства была громоздкой, и тяжбы затягивались на долгие годы. При Мануиле судебные порядки были перестроены, причем главной целью выдвигалось сокращение сроков разбора дел [26]. В перестройке нуждалось и финансовое управление. Основными источниками государственных доходов становятся теперь поступления с домениальных земель, а также пошлины, уплачиваемые иностранными купцами в портах Константинополя, Фессалоники, Атталии и других городов. По данным Вениамина Тудельского (несомненно, преувеличенным), в одном только Константинополе иноземные купцы, прибывшие по суше и по морю, вносили в качестве пошлин 20 тыс. золотых монет ежедневно [27].

Государственный канон, составлявший в X в. материальную основу могущества императорской власти, потерял прежнее значение. Это объясняется, с одной стороны, возрастанием доходов от пошлин в связи с общим экономическим подъемом Средиземноморья в XII столетии, а с другой — сокращением территории империи. К тому же следует учесть еще одно обстоятельство: начиная с правления Михаила IV императоры XI столетия последовательно проводили понижение стоимости золотой монеты, так что при Никифоре Вотаниате ценность номисмы упала с 24 карат до 8 карат, т. е. в три раза. Соответственно должна была сократиться реальная сумма взимавшегося в деньгах канона.

Взимание канона с середины XI в. подчас передается на откуп. Еще Кекавмен с осуждением говорил об откупной системе, по-видимому, только пробивавшей себе дорогу [28]. Во Фракии и Македонии старая система сбора налогов сохранилась до начала XII в., когда Димитрий Каматир взял на откуп налоги с этих важнейших провинций, обещав внести в казну сумму, вдвое превышавшую обычные сборы; впрочем, предприятие Каматира не принесло успеха: ему не удалось собрать обещанных денег, а недостаток пришлось погашать из собственных средств, и даже его дом в Константинополе был конфискован [29].

В середине XII в., однако, откупная система была уже в полном расцвете.

Падение стоимости монеты и известная децентрализация страны в правление Никифора III создавали чрезвычайно большие трудности во взимании налогов. Никифор Артавасд, посланный во Фракию и Македонию после неудачной миссии Димитрия Каматира, сообщал о полнейшем произволе в сборе податей: по его словам, сборщики налогов взыскивали в одном месте номисму вместо милиарисия, в другом — номисму вместо двух милиарисиев; кое-где они брали номисму вместо трех, кое-где вместо четырех милиарисиев, а во владениях монастырей и вельмож им удавалось получить номисму лишь вместо 12 милиарисиев [30]. Алексей попытался навести порядок в монетной системе и налоговых ставках: ряд императорских рескриптов [31] был посвящен определению соотношения между новыми и старыми золотыми монетами, между золотой номисмой и серебряным милиарисием. Стабильность монеты — во всяком случае серебряной и медной — была восстановлена, а новая номисма приравнена к 4 новым милиарисиям.

Существенные преобразования коснулись провинциального управления. В XI в., когда власть в Византии принадлежала столичному чиновничеству, старая фемная система пришла в упадок (см. выше, стр. 257). При Иоанне и Мануиле вновь происходит консолидация провинциального управления — по крайней мере на отвоеванных у сельджуков землях Малой Азии. Там были созданы крупные территориальные единицы, иногда по-прежнему именуемые фемами, которые возглавлялись военными командирами в чине дуки (все иные должности провинциального наместника: стратиг, катепан, претор, судья — практически исчезают и упоминаются в источниках лишь спорадически)[32]. Таким образом, в основу провинциального деления при Комнинах были положены военные интересы, и власть в новых фемах передана военным командирам — дукам, под надзором которых находилось и гражданское управление, в частности взимание налогов.

Комнины уделяли самое пристальное внимание армии. Старое крестьянское ополчение перестало существовать: самый термин στρατιώτης приобрел значение «рыцарь», и если византийское правительство время от времени призывало крестьян к военной службе[33], они не играли в ту пору сколько-нибудь серьезной роли в армии — они выступали подсобной силой, необходимой для строительства лагеря, для обслуживания военных механизмов, тогда как исход боя зависел прежде всего от катафрактов. Подобно тому, как зайцы не скачут вместе со львами, заявлял византийский поэт, современник Мануила, так и простые воины не могут состязаться с катафрактами[34]. Мероприятия Комнинов и были направлены в первую очередь на то, чтобы укрепить позиции тяжеловооруженного ядра армии. В частности, Мануил осуществил реформу вооружения, введя поножи и длинные пики и приблизив тем самым ромейское оружие к оружию западных рыцарей. Заботясь о кавалерии, Комнины покупали коней в Венгрии и у сельджуков.

Чрезвычайно большой проблемой был набор войска. Ополчение стратиотов, как уже говорилось выше, распалось, а система феодальных дружин оставалась в зародыше. Вениамин Тудельский был поражен отсутствием воинского мужества у византийцев, вынужденных для войны с турками нанимать чужеземцев. Комнины, правда, пытались создать профессиональные ромейские контингенты. Алексей организовал тагму архонтопулов, состоявшую из 2 тыс. юношей — сыновей павших в бою стратиотов. Но предприятие Алексея не увенчалось успехом: тагма архонтопулов была разгромлена. Комнинам приходилось постоянно обращаться к иноземцам.

«Варваризация» войска зашла далеко уже при предшественниках Алексея, в этом отношении Комнины не внесли ничего принципиально нового. По-прежнему в византийских войсках служили русские и норманны, северные варяги и загадочные колбяги, аланы и печенеги, поставлявшие легкую кавалерию, и другие народы; с конца XI в. постепенно возрастает роль английских наемников. Частично иноземные войска состояли из воинов, нанимавшихся на службу империи на короткий срок целыми отрядами, частично же — из расселившихся на византийской территории рыцарей, получав-

ИМПЕРАТОР ИОАНН II КОМНИН И ИМПЕРАТРИЦА ИРИНА.

Мозаика. Церковь св. Софии в Контантинополе. XII в.

ших земли, крестьян, замки (см. выше, стр. 297). Мануил охотно предоставлял земли пленным сельджукам, венграм, сербам; получив свободу, они зачислялись в воинские каталоги.

Комнины, в отличие от императоров XI в., старались сохранить командование войсками в своих руках. Императоры либо сами возглавляли войска, либо назначали командиров из числа ближайших родственников или из родственных фамилий, например из Дук или Кондостефанов, а также из придворных подобно Иоанну Аксуху. Если в X—XI столетиях армия находилась обычно под командованием иноземцев, как Криспин и Руссель, или крупных феодалов, как Фоки и Комнины, почти не зависимых от императорской власти, и легко могла превратиться в орудие для захвата власти, то теперь положение стало иным. Комниновская армия, состоявшая в значительной мере из иноземцев или из ромеев, обласканных и награжденных императорами, подчиненная командирам из рода Комнинов, являлась одним из наиболее могущественных инструментов государства первой половины XII в.

Эта особенность византийской армии проявлялась в некоторых ее организационных формах. Хотя византийские стратиоты награждались землями и прониями, однако служба не рассматривалась как условие их собственности, и, наоборот, пожалование не было единственной формой вознаграждения. Многие воины по-прежнему получали опсоний или ситирисий.

К началу правления Алексея византийский флот находился в катастрофическом состоянии. Император приказал строить корабли, и уже к началу XII в. византийцы снова обладали настолько значительными морскими силами, что смогли успешно отразить поход объединенного флота Пизы и Генуи: из пяти вражеских кораблей посланных вперед, четыре было захвачено, а остальная эскадра предпочла удалиться без боя [35]. Иоанн Путцийский изменил (при Иоанне II) характер оплаты морских стратиотов. Никита Хониат рассказывает об этом следующее. Если раньше корабельные пошлины употреблялись на уплату морякам, то Иоанн Путцийский приказал эти средства направлять в казну; он считал ненужным ежегодно тратить большие деньги на содержание провинциальных флотилий, но предпочитал в случае необходимости нанимать моряков и платить им опсоний [36]. Хониату кажется, что Иоанн Путцийский погубил византийский флот — в действительности же удар был нанесен по пережиткам фемной организации морского дела, предполагавшей, что острова и прибрежные фемы сами должны выставлять значительную часть флота (см. выше, стр. 167). Подобно тому, как Комнины практически покончили с крестьянским ополчением, они отказались и от использования фемных эскадр. Все командование флотом было сосредоточено в центре; в соответствии с этим изменилось и значение, и название верховного адмирала: великий дука (мегадук) флота, как его теперь называли, являлся одним из виднейших должностных лиц империи, и функции его нередко выходили за пределы управления морскими силами; должность друнгария флота сохранялась, но теперь он был лишь подчиненным мегадука [37]. При Мануиле, уже после реформы Иоанна Путцийского, византийцы собирали эскадры, насчитывавшие до тысячи судов.

В третьей четверти XI в. византийская церковь достигла большого могущества, и такой патриарх, как Кируларий, пытался даже играть роль «делателя императоров». Возросло богатство монастырей: Никифор Вотаниат, несмотря на тяжелое положение государства, продолжал наделять землями и привилегиями монахов. Комнины, порвав с традициями своих предшественников, сразу же показали, что они требуют от иерархов покорности и считают возможным в нужный момент использовать церковные средства на государственные нужды [38]. Уже зимой 1081/82 г., готовясь к большому походу против норманнов, Алексей конфисковал церковное имущество для уплаты стратиотам и союзникам. На соборе, обсуждавшем этот вопрос, выступил брат императора, севастократор Исаак, и бо́льшая часть высшего клира согласилась с выдвинутыми им аргументами, хотя некоторые иерархи и протестовали [39]. Правда, в дальнейшем недовольство духовенства мероприятием императора усилилось, и Алексею пришлось заявить, что его действия — вовсе не тиранический грабеж (в чем его обвиняли), но заем и что он намерен в дальнейшем возвратить церкви заимствованные у нее суммы.

Разумеется, и Алексей, и его преемники, и ближайшие родственники императоров не раз наделяли церкви и монастыри землей, зависимыми людьми, всевозможными привилегиями, но это были по преимуществу церкви и монастыри, находившиеся под личным по-

ХРИСТОС
ИЗ «ВХОДА
В ИЕРУСАЛИМ».

*Мозаика. XII в.
Сан-Марко.
Венеция.*

кровительством Комнинов — подобно монастырю Спасительницы мира, основанному дядей Мануила I Исааком. Поддерживая «свою» церковь, Комнины вместе с тем всячески стремились воспрепятствовать росту независимой церкви и монашества. Переписка Феофилакта Болгарского вскрывает то противоречие интересов, которое существовало между провинциальным духовным магнатом, стремившимся к расширению церковных владений, и правительством Алексея, ограничившим его притязания. Письма Феофилакта пронизаны недовольством, вызванным то конфискацией земель архиепископии, то поборами, то вмешательством государственных чиновников во взаимоотношения архиепископа с его людьми [40].

Ряд постановлений Алексея имел целью ограничить права константинопольского патриаршества: патриарх не мог без специальной жалобы или судебного решения производить расследование в императорских монастырях, а посланные им лица не получали от монахов никакого содержания [41]; дары патриарха в пользу императорских монастырей подлежали возвращению [42] — это должно было помешать установлению имущественных связей между патриархом и независимыми от него монастырями; патриарху запрещалось распоряжаться делами Афона, монахи которого были подчинены непосредственно императору [43]; производилась чистка клира церкви св. Софии и временно прекращался доступ туда новых лиц [44]. Преемники Алексея, хотя и заигрывали в ряде случаев с церковью, все же стремились не допустить усиления ее независимости: так, хрисовулом 1158 г. Мануил подтвердил за большим числом монастырей их права на земельные владения, но вместе с тем запретил приобретение новых угодий [45].

Стремление превратить церковь в учреждение, стоящее под неустанным контролем императорской власти, отчетливо проявилось в спорах вокруг харистикарной системы. В середине XI в. раздача монастырей в харистикий была прерогативой патриархов. Алексей, придя к власти, присвоил себе это право. Щедрые раздачи монастырей в харистикий вызвали протест значительной части духовенства, чьи настроения выразил Иоанн Антиохийский: по его словам, Алексей раздает то, что принадлежит не государю, а богу, и своими действиями ведет к упадку монастырей [46]. По-видимому, императору пришлось уступить: патриарх в 1116 г. осудил харистикарную систему [47]. В середине XII в. этот вопрос всплывает снова: в сочинениях Евстафия Солунского харистикарная система находит полное одобрение: монахи должны быть зависимыми, подчеркивает Евстафий, ибо вообще нет на земле никакого племени, не знающего царя [48]. Императоры, продолжает он, для того установили власть архонтов над большими монастырями, чтобы освободить монахов от земных страстей и предоставить им возможность отдавать все свои силы духовному. Там же, где монахи не подчиняются светской власти, они поневоле погрязают в мирских делах: у них в руках не псалтирь, а весы, показывающие неверный вес, их пальцы приспособились ловко подсчитывать доходы и обсчитывать крестьян [49].

Мероприятия Комнинов имели своим результатом полное подчинение св. Софии правительству. Константинопольский патриарший

престол занимают теперь бледные личности, которых Комнины столь же легко смещают, сколь и возводят на кафедру [50]. Императоры постоянно вмешиваются в богословские вопросы, разбирают теологические споры, вводят новые церковные догматы. Как бы подводя итоги церковной политике Комнинов, Феодор Вальсамон, канонист XII столетия, провозглашает, что власть императора распространяется и на тела, и на души людей, тогда как власть патриарха ограничивается только человеческими душами.

Энергичная политика Комнинов способствовала консолидации государства и известному экономическому и политическому подъему страны. Вместе с тем она предполагала тяжелый податной гнет, передачу масс крестьянства под частную власть феодалов, обременительные поставки для армии. Положение народных масс продолжало оставаться тяжелым, хотя, по-видимому, статус некоторых категорий улучшился: так, мероприятия Алексея и Мануила санкционировали фактическое исчезновение наиболее бесправной группы трудящихся — рабов (см. выше, стр. 243—244).

Классовая борьба не прекращалась, хотя выступления народных масс не носили в то время столь массового характера, как в предшествующие столетия. Историю классовой борьбы в эпоху феодализма не следует представлять себе как непрерывное нарастание классовых битв — она знает свои критические моменты, свои подъемы и спады, и достигает обычно наибольшей остроты сперва в пору закрепощения крестьянства, а затем в период кризиса феодализма. Если в конце XI в. в Византии не раз вспыхивали массовые народные движения, то в первой половине XII в. империя не знала больших восстаний ни в деревне, ни в городе [51]. Период становления феодальных порядков в основных чертах уже завершился, а государство, стабилизировавшееся при первых Комнинах, обладало достаточной силой для подавления разрозненных выступлений.

Начало правления Алексея I ознаменовалось восстанием богомилов и павликиан в районе Филиппополя [52]. В 1082 г. войска, состоявшие из «манихеев», отказались нести военную службу и, пренебрегая уговорами императора, разошлись по домам. Первое время Алексей не решался предпринять санкции против восставших, но и позднее, когда ему удалось собрать большое войско, император предпочел коварство открытому нападению. Он пригласил «манихеев» в Мосинополь для переговоров, и отряды повстанцев явились туда, поверив обещаниям императора. По распоряжению василевса их пропускали в город небольшими группами и тут же, отняв оружие, заковывали в кандалы. Так в один момент перестала существовать сильная армия богомилов: их имущество было конфисковано, вместе с семьями их выгоняли из домов, а вождей высылали на острова.

Расправа в Мосинополе вызвала негодование богомилов. В 1084 г. «манихей» Травл создал вооруженный отряд и, опираясь на крепость Белятов близ Филиппополя, стал нападать на византийские города. В союзе со «скифами» из Паристриона (трудно сказать, кого Анна Комнина имеет в виду под этим термином) Травл одержал победу над большой армией, которой командовал один из лучших

полководцев империи — Григорий Бакуриани. Лишь после долгой борьбы Алексею удалось оттеснить восставших в Паристрион.

В самом конце XI в. Алексей решил покончить с павликианами и богомилами. Тогда было схвачено до 10 тыс. еретиков, бо́льшую часть которых переселили на новые места, за реку Марицу; там они построили новый город, названный «городом Алексея» — Алексиополем. Глава богомилов — старец Василий, действовавший некоторое время втайне, был арестован и приговорен к смерти. Даже Анна Комнина, осуждающая богомилов и называющая своего отца «тринадцатым апостолом» за расправу с «еретиками», не может скрыть уважения к мужественному старику, который, не дрогнув и не отрекшись от убеждений, вступил на костер. Напротив, его палачи были в панике, опасаясь, как бы не сорвалось сожжение еретика: повсюду им чудились демоны, готовые подхватить Василия и вынести его из пламени; поэтому они кинули сперва в огонь одежду богомила, и только когда она сгорела, приступили к казни. Писательница с облегчением завершает свой рассказ сообщением, что Василий сгорел благополучно и только тонкая струйка дыма поднялась в воздух [53].

Тем временем Алексей собрал учеников и последователей Василия и поручил синклиту и высшему духовенству разобрать дело о богомильской ереси. По его приказу были зажжены два костра, в одном из которых водрузили крест; богомилам было сказано, что они могут выбирать, умрут ли, раскаявшись, и тогда их сожгут вместе с крестом, или же они, закосневшие в своей ереси, будут ввергнуты в другой костер. Правда, Алексей не решился на массовое сожжение богомилов: те из них, кто предпочел умереть на кресте и, следовательно, выбрал христианство, были освобождены; остальные — брошены в тюрьмы, где и оставались до самой смерти.

Алексей не удовлетворился физической расправой с участниками богомильского движения. Он приказал монаху Евфимию Зигавину написать сочинение, опровергающее учение богомилов. «Догматическое всеоружие» — так называлась эта книга, которая, по мысли Алексея, должна была рассеять еретические заблуждения [54].

Несмотря на суровые кары, богомильская ересь продолжала существовать и в XII в. Еще при Мануиле I митрополиту Хон приходилось обличать богомилов в своей епархии, за много дней пути от центра богомильства. Но таких крупных движений, как восстание Травла, в XII столетии уже не было.

По-видимому, народный характер носило также восстание Псевдо-Льва в начале 90-х годов XI в. По словам Анны Комнины, это был человек незнатный, худородный, выдававший себя за Льва, сына Романа Диогена, в действительности погибшего в войне с сельджуками. Он явился откуда-то с востока бедняком, одетым в овчину, и нашел в Константинополе покровителей. Алексей сослал его в Херсон, но оттуда Псевдо-Лев бежал к половцам и повел их против Византии. В ряде мест население приветствовало самозванца. Однако нападение половцев на Адрианополь быстро отбили, а Псевдо-Лев скоро попал в руки императора и был ослеплен.

Наиболее значительное народное движение в первой половине XII в.— восстание «голых» (γυμνοί) на острове Корфу в 1147 г. Это

было восстание бедняков, «более голых, чем пест», по словам Хониата. Возмущенные тяжестью податей, они создали заговор, вступили в соглашение с норманнами и выдали им остров. Лишь после длительной осады Мануил I сумел овладеть Корфу (см. об этом ниже, стр. 327). По-видимому, в подавлении восстания вместе с императорскими войсками участвовала и местная аристократия: по свидетельству позднего хрониста, император вознаградил знать Корфу, разделив между аристократами территорию острова [55].

В правление первых Комнинов затихают на некоторое время народные движения в городах, столь бурные в предшествующее столетие. По-видимому, экономический подъем города и поддержка горожан Комнинами способствовали временному смягчению противоречий между торгово-ремесленными кругами и феодальным по своей классовой природе государством. Но если вооруженные выступления горожан в первой половине и середине XII в. редки, то на этот период приходится обострение идейной борьбы.

Рост самосознания горожан выливается, в частности, в тягу широких масс к литературе и философии. Возникают литературные кружки, которые нередко группируются вокруг опальных вельмож и особенно родственников царствующего дома; вспыхивают богословские споры (см. об этом ниже, стр. 366), нередко принимающие характер рационалистической критики традиционных догматических положений. Для борьбы с рационалистическими идеями Мануил в конце 60-х годов воссоздает исчезнувшую было должность ипата философов и ставит на этот пост известного ретрограда, племянника митрополита Анхиальского, Михаила, бывшего до того начальником патриаршей канцелярии и патриаршим судьей — протэкдиком [56].

В оживленной полемике середины XII в. все чаще слышится критика в адрес самого императора (разумеется, сопровождающаяся традиционными формулами безудержного восхваления): то историк и поэт Михаил Глика обращается к Мануилу с письмом, осуждая астрологические увлечения императора, то Евстафий Солунский произносит речь о нехватке воды в столице и о необходимости исправить водопровод. Впрочем, особенно энергично используют эту возможность свободы слова правые круги, выступающие против рационалистических идей, в защиту монашеских привилегий. При Алексее Иоанн Антиохийский подверг критике не только хариситикарную систему, но и всю внешне- и внутриполитическую линию правительства Комнинов; собор 1117 г.— вопреки настояниям императора — добился осуждения Евстратия Никейского, рационалистически мыслившего богослова, весьма близкого к Алексею человека.

Особенное недовольство монашеских кругов вызывает «западничество» Мануила, его стремление привлекать в Византию западных рыцарей и советников. Возможно, что в 70-е годы в Константинополе состоялся публичный диспут между императором и Михаилом, бывшим ипатом философов, к этому времени достигшим патриаршего престола [57]. Предметом диспута было отношение к Западу. Мануил настаивал на необходимости церковной унии даже ценой признания примата римского папы; он недвусмысленно указывал на турецкую опасность и на возможность помощи с Запада. Михаил упорно стоял

на своем, утверждая, что для спасения души лучше подчиниться сельджукам, чем вступить в унию с римлянами-схизматиками, и император должен был уступить.

Борьба внутри господствующего класса потеряла ту остроту, которая отличала ее в XI в. Правда, аристократические роды, оттесненные от власти Комнинами, время от времени пытались сколотить заговор [58]. Никифор Диоген, сын императора Романа IV, возглавил один из таких заговоров, в котором участвовали синклитики и видные военачальники. Целью заговорщиков было убить Алексея I. Другой заговор против Алексея составили братья Анемады, к которым примкнули многочисленные командиры и знатные лица, в том числе один из константинопольских богачей, виднейший член синклита Иоанн Соломон, которого прочили в императоры [59]. Затем последовал заговор Аарониев, потомков болгарского царского дома, которые рассчитывали убить Алексея с помощью раба-«скифа». Эти предприятия столичной знати были лишены какой-либо солидной социальной базы, они подготовлялись втайне и строились в расчете на внезапное убийство василевса.

Все это отличало заговоры комниновской поры от мятежей феодальной знати в третьей четверти XI в., начиная от Исаака Комнина и кончая самим Алексеем.

Феодальные бунты конца XI—XII вв., охватывавшие провинцию, также были непохожими на мятежи феодальной знати предшествующего периода. Если Исаак Комнин, Никифор Мелиссин и другие мятежники третьей четверти XI в. имели обычно в виду императорский престол, то провинциальная феодальная знать в правление Комнинов стремилась преимущественно к обособлению от империи, к политической децентрализации. Особенно заметной такая тенденция к независимости была в Трапезунде, где Феодор Гавра практически создал независимое княжение. Стремясь в какой-то мере контролировать трапезундского правителя, Алексей I потребовал, чтобы сын Феодора Григорий Гавра жил при византийском дворе; Алексей даже рассчитывал женить его на своей племяннице, но Григорий избрал себе другую супругу — аланскую принцессу (что, видимо, было связано с кавказской ориентацией Трапезунда). Пользуясь поддержкой константинопольской знати, Григорий рассчитывал бежать к отцу, но был выдан, и заговорщиков заключили в крепость.

По-видимому, Алексею удалось подчинить Трапезунд. Во всяком случае в начале XII в. туда был послан наместником Григорий Таронит. Однако и этот правитель вскоре отложился от империи, но был арестован. При Иоанне II Трапезунд надолго становится независимым: в 1126 г. город перешел в руки представителя рода Гавров — Константина, о политике которого кое-какие сведения сохранила написанная Продромом монодия трапезундскому митрополиту Стефану Скилице. По словам Продрома, Гавра поработил город, превратил церковь в кладбище и, присвоив церковные доходы, раздавал стратиотам то, что принадлежало священникам [60]. Хотя слова Продрома риторичны, они позволяют предположить, что социальной основой власти Константина Гавры были местные феодалы-стратиоты

и что приход Гавры к власти ознаменовался раздачами церковных имуществ в харистикий. Власть Константина Гавры продержалась до 1140 г.

Попытки добиться независимости предпринимались и в других областях империи. При Алексее I восстанием были охвачены Крит и Кипр, но императору удалось довольно быстро справиться с мятежниками. По-видимому, такой же характер носил и мятеж Михаила Амастрийца, который захватил крепость Акрун и в течение трех месяцев отстаивал ее от императорских войск.

Алексею пришлось бороться с многочисленными феодальными мятежами: недаром его дочь пишет, что его больше беспокоили внутренние, чем внешние, враги [61]. Но в этой борьбе Комнины вышли победителями, и при преемниках Алексея мятежи феодальной знати вспыхивают сравнительно редко. Зато все чаще разворачивается борьба за власть внутри самого господствующего клана. Уже при Алексее проявились первые признаки этого опасного соперничества. Племянник императора Иоанн, сын севастократора Исаака, занимавший пост дуки Диррахия, задумал отложиться, о чем заблаговременно узнали в Константинополе. Конфликт не имел серьезных последствий: Алексей простил своего родственника. Гораздо более драматические события развернулись позднее, у постели умирающего Алексея и некоторое время спустя после его смерти.

У Алексея было семеро детей: трое сыновей (Иоанн, Андроник и Исаак) и четверо дочерей, старшая из которых, знаменитая писательница Анна, родилась намного раньше Иоанна и в течение долгого времени росла наследницей престола; она была даже обручена с Константином Дукой, номинальным соправителем Алексея (см. о нем выше, стр. 293). Рождение Иоанна, а затем ранняя смерть жениха, казалось бы, должны были вовсе лишить честолюбивую Анну надежд на престол, но ее мать, императрица Ирина, не любила своего старшего сына и отдавала все симпатии дочери и ее мужу, кесарю Никифору Вриеннию младшему. Она неоднократно требовала от Алексея, чтобы тот избрал своим наследником не сына, а зятя.

В начале 1118 г. Алексей тяжело заболел. Обе женщины неусыпно следили за ним, рассчитывая в нужный момент добиться провозглашения императором Никифора. Но перед самой кончиной Алексей, воспользовавшись отсутствием жены, настоял, чтобы к нему ввели Иоанна; он вручил сыну перстень и приказал короноваться, не теряя времени. Покинув умирающего отца, Иоанн поспешил в церковь св. Софии, где в присутствии небольшой кучки сторонников патриарх возложил на него корону. На этот раз ставка Вриенния была бита. Но не прошло и года, как сторонники Анны еще раз попытались возвести на престол ее мужа. Заговор не удался, и, хотя его участники отделались временной конфискацией имущества, Анна попала в немилость и должна была удалиться от двора.

Брат Иоанна II, севастократор Исаак, также доставил императору немало хлопот. Он бежал из Византии, жил среди различных народов, в том числе у сельджуков, которых возбуждал к войне с империей. Его попытки остались безуспешными, и в конце правления своего брата Исаак вернулся на родину. И в царствование Мануила

Исаак не отказался от надежды захватить власть, однако не добился успеха.

Мануил I был четвертым сыном Иоанна II и, казалось бы, не имел никаких шансов на престол. Но его старшие братья, соправитель отца Алексей и севастократор Андроник, внезапно умерли, а третьего брата, севастократора Исаака, Иоанн перед смертью отстранил от престола. Естественно, что в положении Мануила оставалась известная двусмысленность: его родственники считали себя обойденными, и брат императора, Исаак, всегда готов был возглавить оппозицию. Еще больше неприятностей императору причинил его двоюродный брат Андроник, сын старшего севастократора Исаака. Как и его отец, Андроник объездил все соседние страны, побывал на Руси и у сельджуков, то примирялся со своим царственным братом, то вновь оказывался уличенным в заговорах. Он не раз сидел в заключении и постоянно устраивал побеги, а в конце концов уже стариком, после смерти Мануила, добыл себе императорский престол (см. ниже, стр. 334). По-видимому, и семья севастократора Андроника не вызывала у Мануила доверия: во всяком случае в начале правления Мануила севастократориса Ирина, вдова Андроника, была заподозрена в участии в заговоре и оказалась в немилости: позднее она снова попала в немилость, подверглась ссылке и конфискации имущества. По-видимому, в это время неизвестным поэтом были написаны стихи, обращенные от имени севастократорисы к императору [62], где она жалуется на свою судьбу и просит его перестать гневаться. Но в стихах этих нет ни тени унижения — севастократориса обращается к императору как равная и винит его в несправедливости суда.

Политика Комнинов в общем и целом способствовала упрочению феодальных порядков. Комнинам удалось достигнуть известной консолидации сил феодалов и соответственно упрочения государственного аппарата. Борясь с тенденцией к феодальной раздробленности, Комнины, однако, вели не назад, к деспотическому государству сановной знати, а к государству нового типа, где власть должна была принадлежать феодальному роду, опирающемуся на собственные вотчины и на своих вассалов — феодалов средней руки. Если императоры XI в. вступали в союз с константинопольской торгово-ремесленной верхушкой, то Комнины искали поддержки провинциальных городов. Однако деятельность Комнинов не была радикальной, они ограничивались полумерами, традиционные формы государственной организации подвергались лишь относительному обновлению.

Политика Комнинов наталкивалась на сопротивление различных социальных слоев, вызванное разными причинами. Классовая борьба крестьянства проявлялась преимущественно в форме богомильской и павликианской ереси, тогда как в городах зарождались рационалистические идеи. Сторонники старой столичной знати пытались отстоять традиционные формы централизованного государства, но были настолько ослаблены, что не могли отважиться на что-либо большее, нежели заговоры и покушения. Напротив, высшая провинциальная знать отстаивала феодальную раздробленность.

Эта сложная борьба протекала в крайне напряженной внешнеполитической обстановке.

Глава

13

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ И СЕРЕДИНЕ XII В.

В стихотворном завещании, приписанном Алексею I, обрисовано крайне тяжелое положение империи в начале правления Комнинов: со всех сторон теснили ее варвары, на западе бесчинствовали «скифы», италийцы дерзко уповали на свое оружие, а на востоке «персы» заняли Митилену, Родос, Лесбос, Хиос [1]. Первейшей задачей Комнинов было оградить империю от натиска врагов, рвавшихся к Константинополю. Когда эта задача была осуществлена, империя сама перешла в наступление, развивавшееся до начала 70-х годов XII в. сравнительно успешно. В соответствии с этим мы можем выделить во внешнеполитической истории Византии — от 1081 г. до начала 70-х годов XII в.— два периода. На первых порах империи приходилось отбиваться от врагов, проникших на самые глубинные ее территории. Период героической обороны закончился после десятилетней борьбы — к началу 90-х годов XI в. Затем начинается второй период, значительно более длительный,— время медленного и планомерного наступления на востоке и западе.

От своих предшественников Алексей I унаследовал войну с норманнами (см. выше, стр. 292). В тот год, когда восстание фракийской знати привело Алексея во дворец, норманны под командованием Роберта Гвискара переправились через Адриатическое море и осадили Диррахий. В лагере Роберта находился Лже-Михаил Дука, и официальной целью похода было вернуть престол несправедливо низложенному императору. Кое-кто из византийских вельмож поспешил принять сторону самозванца, но жители Диррахия кричали со стен, что не узнают в нем своего государя, и отказывались открыть

ВИЗАНТИЙСКАЯ МОНЕТА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСЕЯ I КОМНИНА (1081—1118 ГГ.)

Париж. Кабинет медалей

ворота. Славяне Дубровника и других далматинских городов оказали поддержку норманнам.

Против Роберта из Константинополя двинулись наспех сколоченные отряды во главе с самим Алексеем. Императору пришлось конфисковать церковную утварь, чтобы расплатиться с наемниками, составлявшими лучшую часть его воинства. Битва произошла под стенами Диррахия 18 октября 1081 г. Стремительная атака варяжской дружины заставила норманнов отступить к морю, и, по преданию, только вмешательство Гаиты, наложницы Роберта, схватившей копье и устремившейся за беглецами, изменило ход боя: норманны остановились и снова вступили в битву. Варяги, оторвавшиеся от основных сил византийского войска, утомленные долгим преследованием, не смогли сопротивляться и из преследователей превратились в теснимых; часть их пала на поле брани, другие искали спасения в соседней церкви, набились внутрь храма, вскарабкались на кровлю — но все погибли, когда норманны подожгли церковь. Войска зетского князя Константина Бодина, пришедшие на помощь Алексею, даже не решились вступить в сражение — настолько очевиден был военный перевес норманнов. Многие из византийской знати остались на поле боя, да и самому императору лишь с огромным трудом удалось избежать плена. Вслед за победой норманнов осажденный Диррахий капитулировал перед Робертом.

После поражения при Диррахии Северная Греция на несколько лет оказалась под властью норманнов. Они пересекли Эпир и Фессалию и осадили Лариссу. Византийцы терпели одно поражение за другим — но в горечи поражений овладевали военным искусством. Главной силой норманского войска была тяжелая кавалерия, сметавшая все на своем пути: византийцы научились разбрасывать железные колючки на пути норманской конницы, осыпать ее издали стрелами, выкатывать навстречу всадникам легкие повозки, ощетинившиеся пиками. Вместе с тем Алексей искал союзников. Он вел переговоры с германским императором — но прежде всего естественным союзником Византии в борьбе с норманнами была Венеция, правители которой не желали видеть оба берега Адриатики под властью норманского герцога. В мае 1082 г. Алексей подписал договор с венецианцами, обещав республике св. Марка щедрые дары и

торговые привилегии в обмен на военную помощь [2]. Алексей нанимал сельджукские войска и одновременно поддерживал заговоры норманской знати.

Умелая политика Алексея скоро принесла свои плоды. Роберту пришлось удалиться в Италию, где междоусобицы настоятельно требовали его присутствия. Венецианцы разбили норманскую эскадру у Бутрота и взяли в плен мужественную Гаиту. Алексей принудил к сдаче норманский гарнизон в Кастории и милостиво отпустил на родину пленных рыцарей после того, как они поклялись не поднимать оружия против василевса. Сын Роберта Боэмунд, один из способнейших норманских полководцев, был разбит в упорном сражении близ Лариссы. Даже появление самого Роберта на Балканах не принесло ничего, кроме нескольких частных успехов: когда же в 1085 г. старый вояка стал жертвой чумы, а вслед за тем византийцы вернули себе Диррахий, норманны отказались от продолжения борьбы. Битва за Балканы была ими проиграна.

Постепенно византийцам удалось укрепить свои позиции и на восточной границе. Контрнаступление было облегчено тем, что среди сельджуков началась рознь, особенно усилившаяся после смерти в 1086 г. Сулеймана, полководца, овладевшего Малой Азией и Северной Сирией. Сельджукская знать добилась раздела завоеванных областей на множество эмиратов, лишь формально подчиненных иконийскому султану; наиболее значительными среди них были эмираты Смирны, Никеи и Каппадокии [3]. Одновременно с этим в восточной части Малой Азии возникло тюркское государство Данишмендов, соперничавшее с Иконийским султанатом.

Алексей избегал больших походов против сельджуков. Его полководцы совершали стремительные рейды, нападали на вифинские города, занятые турками, на острова, где турки пытались наладить постройку боевых кораблей. Особенно отличился в этих схватках Татикий, турок по происхождению, успешно действовавший против эмира Никеи. Вместе с тем вражда эмиров и страх султана перед наиболее влиятельными из них оставляли византийцам широкое поле для дипломатической игры. Алексей старался привлечь на свою сторону сельджукских вельмож: так, в Византии остался посол султана Чауш, сын турка и грузинки, с помощью которого удалось изгнать турецких сатрапов из Синопа и других понтийских городов. Алексей вступал во временные союзы то с тем, то с другим эмиром и пытался заключить соглашение с султаном. В 1092 г. султан предлагал Алексею союз, скрепленный династическим браком его старшего сына с дочерью императора, обещая за это очистить Малую Азию и оказывать империи военную помощь. Но посольство василевса вернулось с полпути, получив известие о кончине султана.

Наибольшее беспокойство доставил империи эмир Смирны Чакан (Чаха византийских источников). Он разбил византийский флот и занял такие важные пункты, как Клазомены, Фокея, Митилена и Хиос. Чакан лелеял далеко идущие планы, называл себя царем и готовился напасть на Константинополь, но силы его были незначительны. Полководец императора Иоанн Дука разбил эмира Смирны,

а остальное довершила дипломатия. Алексей восстановил против смирнского эмира его родственника, иконийского султана Кылич-Арслана I. Не в силах вести войну на два фронта, Чакан вступил в переговоры, но был убит во время пира в султанском дворце [4].

Опасность грозила империи и с севера. Новая волна печенегов перешла Дунай и в 1086 г. нанесла сокрушительное поражение византийской армии, которой командовал один из ближайших друзей Алексея Григорий Бакуриани, отличившийся в борьбе с норманнами. Сам Бакуриани пал в битве. Вслед за тем в течение нескольких лет северные области Балкан ежегодно становились объектом печенежского грабежа, а столкновения с печенегами оканчивались победой то одной, то другой стороны. Особенно тяжелым положение стало к началу 1091 г., когда печенеги вступили в переговоры с Чаканом, рассчитывая объединенными силами овладеть Константинополем. Алексей поспешно двинулся навстречу печенегам со сравнительно небольшим отрядом, в рядах которого находилось, между прочим, 500 фландрских рыцарей [5]. Он стал лагерем на правом берегу реки Марица, поблизости от крепости Хирины. Не надеясь собственными силами одержать победу, Алексей богатыми дарами склонил на свою сторону половецких вождей Тугоркана и Боняка, которые привели к Хиринам 40-тысячное войско. 29 апреля 1091 г. произошла битва, и скоро стало ясно, что печенегам не выдержать яростного натиска половецких конников. Стоял жаркий день, и победители, страдая от жажды, уже готовы были прекратить кровавую сечу — тогда по приказу Алексея окрестные селяне стали приносить меха, полные водой. Бой закипел с новой силой, бой, завершившийся полным разгромом печенегов. Те, кто избег меча, попали в плен и были расселены в Македонии: огромную добычу Тугоркан и Боняк увезли в половецкие степи.

Итак, уже к началу 90-х годов византийцам удалось отбить натиск наиболее опасных врагов: норманнов, сельджуков и печенегов. Но сразу же после этого империя оказалась перед лицом нового испытания, которое, впрочем, принесло Византии после долгих треволнений известные выгоды. В 1096 г. начался Первый крестовый поход. Социальный состав и цели участников похода сложны. Тут были крепостные крестьяне, мечтавшие освободиться от феодального гнета; обнищавшие рыцари, владевшие только титулом, конем и мечом и готовые грабить кого угодно; тут были и знатные сеньоры, стремившиеся основать на Востоке обширные княжества и графства. Все эти земные желания принимали — под влиянием церковной проповеди — превратные формы: крестоносцы шли на Восток, чтобы освободить из рук неверных гроб господень, священнейшую реликвию христиан [6].

Появление крестоносцев было неожиданностью для Алексея. Конечно, ему приходилось в трудную минуту обращаться на Запад за помощью, и совсем недавно в битве у Хирин вместе с византийцами сражались фландрские рыцари. Но Алексей мог думать и просить о вспомогательных отрядах, о наемниках, о поддержке флота и кавалерии, но не о многотысячных толпах, которые шли теперь через его страну, отмечая свой путь грабежами, пожарами и насилиями [7].

В июле 1096 г. первые отряды крестоносцев подошли к Константинополю. Они состояли по преимуществу из крестьян, были плохо вооружены, а их вождь Петр Пустынник лучше умел проповедовать, нежели вести воинов в бой. Слепая вера в божественную помощь гнала фанатичных участников крестьянского похода в Малую Азию, им не сиделось в предместьях византийской столицы, им чудилась «земля обетованная». Алексей слишком давно знал сельджуков, чтобы не понимать обреченность плохо подготовленного предприятия, однако нищие крестоносцы смущали покой города, там и сям вспыхивали столкновения, и василевс не счел нужным особенно настойчиво уговаривать Петра подождать подхода основных сил. Византийские корабли перевезли беспокойное воинство на азиатский берег. Первые успешные стычки, первая добыча еще более возбудили надежды крестоносцев. 25-тысячное войско ринулось на мусульман, но было разгромлено сельджуками неподалеку от Никеи. Лишь немногим удалось спастись и вернуться в Константинополь. В числе уцелевших был Петр Пустынник.

В конце 1096 г. в Константинополь стали прибывать новые отряды крестоносцев, на этот раз состоявшие в основном из рыцарей и руководимые знатными западными сеньорами. Перед правительством Алексея стояли трудные задачи: нужно было обеспечить крестоносцев провиантом, чтобы избежать грабежей; нужно было переправлять отряды в Малую Азию, чтобы в Константинополе не скапливалось слишком много воинственных и непокорных рыцарей; а самое главное — нужно было заставить крестоносных вождей принести вассальную присягу императору. Многие сеньоры стали вассалами василевса: одни, как Гуго Вермандуа, брат французского короля,— потому, что потеряли дорогой бо́льшую часть кораблей и воинов; другие, как Готфрид Бульонский,— под угрозой оружия, окруженные византийскими и печенежскими войсками; третьи, как Боэмунд Тарентский, сын Роберта Гвискара, старый противник византийцев,— поскольку они вообще не придавали никакого значения обещаниям и договорам. Но упрямый и честолюбивый тулузский граф Раймунд наотрез отказался присягнуть. Таким образом, с самого начала взаимоотношения крестоносцев с Византией оказались чрезвычайно сложными. С одной стороны, бо́льшая часть крестоносцев стала вассалами императора, получала от него жалованье и обещала вернуть ему земли, которые будут отвоеваны у сельджуков. С другой — у Алексея были все основания не доверять крестоносцам, иные из которых явным образом предпочли бы избежать присяги или сами не верили тому, в чем клялись. Алексей был заинтересован в успехах крестоносцев, но вместе с тем опасался их. Принцип его политики состоял в том, чтобы ослабить крестоносное войско и заставить его дорогой ценой покупать каждую победу [8].

Военные действия начались весной 1097 г. Первоначально они приняли характер похода византийской армии, подкрепленной могущественными, хотя и своевольными наемными силами. Разгромив Кылич-Арслана, объединенные войска подошли к Никее. Шесть недель тянулась осада, но она могла бы тянуться и дольше, поскольку жители города свободно сообщались с внешним миром по Аскан-

скому озеру: они получали водой подкрепления, припасы, оружие. Тогда крестоносцы волоком подтащили византийские корабли и спустили их на озеро; город был блокирован со всех сторон, и его судьба решена. Но едва крестоносцы с новой энергией устремились на штурм никейских стен, как они увидели на городских башнях византийские знамена: оказалось, что византийские командиры успели за спиной рыцарей убедить сельджукского наместника, что ему выгоднее сдать город грекам, нежели обречь его на разграбление латинян. Никея была возвращена империи, а гнев обманутых рыцарей до какой-то степени смягчен раздачей золота.

Взятием Никеи совместные действия империи и крестоносцев по существу ограничились. Алексей по-прежнему не верил в успех крестоносного предприятия и боялся углубиться в обожженные солнцем степи Анатолии. Он предпочитал дипломатическую игру, побуждая египетского султана против турецких правителей Сирии [9]. Он стремился очистить от сельджуков побережье Эгейского моря. Крестоносцы же, убежденные в своем военном превосходстве, торопились в Палестину. Вместе с ними направлялся лишь небольшой отряд греков под командованием Татикия.

Вопреки осторожным прогнозам Алексея крестоносцы одержали блестящую победу. 1 июля 1097 г. под Дорилеем войска Кылич-Арслана были разбиты: четыре дня продолжалось паническое бегство сельджуков. Победа при Дорилее заставила турок вскоре покинуть ряд малоазийских областей и практически сводила на нет их успех при Манцикерте за четверть века до того. Основные области Малой Азии вновь оказались в руках византийцев. Тем временем крестоносцы продвигались на юго-восток. Одни из них вторглись в Киликию и захватили богатые киликийские города. Другие овладели Эдессой. Третьи после долгой осады взяли Антиохию. На территории, некогда принадлежавшей Византийской империи, стали возникать первые крестоносные княжества [10].

Образование крестоносцами государств в Северной Сирии явилось нарушением договоров с империей и в первое время наталкивалось на сопротивление в самом войске латинян. И если Боэмунд всего активнее агитировал против признания суверенитета василевса, то наиболее последовательным сторонником Алексея оказался Раймунд Тулузский, недавно еще отказавший императору в присяге [11]; тулузский граф опасался честолюбивого норманна и рассчитывал с помощью императора ограничить аппетиты этого беззастенчивого феодала.

Боэмунд постарался прежде всего отправить назад отряд Татикия, понимая, что присутствие греческого войска послужит препятствием к осуществлению его планов. Он напугал византийского полководца мнимыми угрозами и принудил оставить крестоносцев еще до того, как пала Антиохия. Когда же Боэмунд захватил этот город, он отказался выполнить вассальную присягу, которую дал в Константинополе. Несмотря на то, что Алексей обещал военную помощь в обмен на Антиохию; несмотря на то, что Раймунд Тулузский порицал Боэмунда — столица Сирии осталась в руках норманского князя. В то время, как крестоносцы двигались на юг, к Иерусалиму

(он был взят 15 июля 1099 г.), Боэмунд укреплял свои позиции в Северной Сирии и Киликии.

Образование Иерусалимского королевства не беспокоило константинопольское правительство. Иное дело — норманское княжество у самых границ империи, к тому же возглавляемое умным, коварным и беззастенчивым врагом. И военные силы, и дипломатия Алексея были обращены против того, кто совсем недавно так охотно принес в Константинополе присягу на верность. Боэмунду пришлось бороться с турками, и успех был не на его стороне. Сперва он попал в плен и едва вырвался на волю; затем в 1104 г. его рыцари были разбиты под Харраном. Неудачи Боэмунда в борьбе с мусульманами облегчили действия Алексея: византийские полководцы отняли у норманнов киликийские города. В поисках помощи Боэмунд отправился на Запад, оставив своим наместником родственника — Танкреда. Боэмунд обвинял императора в предательстве крестоносного дела, в союзе с турками — злейшими врагами христиан. Он призывал западных рыцарей к завоеванию Византии, иначе, по его словам, крестоносные княжества не будут обеспечены с тыла. Боэмунд собирал воинов в Италии, призывал папу к крестовому походу против Константинополя [12], заключил союз с французским королем и в октябре 1107 г. высадился близ Диррахия, где действовал вместе с отцом за 25 лет до этого.

Но положение империи теперь не походило на то, какое застал Роберт Гвискар в 1081 г. У Алексея была сильная армия, флот и казна. Северные и восточные границы оставались спокойными. Византийская армия (включая присланные Кылич-Арсланом контингенты) окружила норманнов у Диррахия, и Боэмунду пришлось выбирать — либо военный разгром, либо капитуляция. Он выбрал второе и подписал в 1108 г. Девольский договор, по которому отказывался от прав на киликийские владения, признавал Антиохию леном от императора, обещал ему военную помощь и соглашался с подчинением антиохийской церкви Константинополю.

До конца жизни Алексей боролся за укрепление позиций империи на западе и востоке. Он вмешивался в сербские дела, разжигая вражду между Зетой и Рашкой. Он стремился добиться союза с Венгрией, чье влияние на Балканах становилось все более заметным,— и с этой целью женил своего сына Иоанна на венгерской принцессе [13]. Он продолжал теснить сельджуков, то заключая с ними договора, то выступая в поход, несмотря на тяжкие подагрические боли в ногах, не позволявшие ему сидеть в седле [14]. При дворе Кылич-Арслана устраивали потешные представления, высмеивая болезнь императора: актеры изображали врачей, слуг и самого василевса, бессильного подняться с ложа,— но в 1116 г. Алексей разбил сельджуков, вторгшихся во Фригию, и заставил султана бежать с поля боя.

Наступательная политика Алексея была продолжена его преемниками. Византийцы постоянно играли на противоречиях мусульманских правителей, натравливая одних на других. Уже начало правления Иоанна II было ознаменовано отвоеванием нескольких городов у турок; вслед за тем в начале 30-х годов ромеи заняли два крупных центра — Кастамон и Гангры [15]. Поход 1139 г. против сельджуков

ИМПЕРАТОР ИОАНН II И ЕГО НАСЛЕДНИК АЛЕКСЕЙ.

Миниатюра из Евангелия Ватиканской библиотеки

оказался менее удачным. Под Неокесарией безрассудная вылазка, возглавленная любимым сыном императора, юным Мануилом, едва не завершилась разгромом византийских войск, и разгневанный василевс безжалостно выпорол своего любимца. Армия жестоко страдала в плоскогорьях Каппадокии от холода и нехватки продуктов, а измена царского племянника Иоанна Комнина (сына севастократора Исаака) вынудила императора отступить.

В начале правления Мануила византийцам снова пришлось иметь дело с опасными незваными союзниками в борьбе против мусульман. В 1147 г. к Константинополю прибыли две большие армии крестоносцев, одну из которых возглавлял король Германии Конрад III, а другую — французский король Людовик VII. Несмотря на то, что Мануил был женат на родственнице Конрада Берте Зульцбахской и считался союзником короля, немецкие рыцари вели себя в византийских землях, словно на вражеской территории, и Мануилу пришлось прибегнуть к силе, чтобы удержать крестоносцев от бесчинств. Отношения с французами были еще более напряженными, и в окружении Людовика VII даже обсуждалась возможность захвата Константинополя.

Мануил предложил крестоносцам разумный план — обойти Константинополь стороной, переправиться через Геллеспонт и двигаться к Палестине вдоль побережья, минуя пустынные области внутренней Анатолии, где господствовали сельджуки. Однако и Конрад, и вслед за ним Людовик отвергли этот план: они рассчитывали, видимо, что появление их войск у Константинополя окажет давление на императора,— поэтому оба крестоносных воинства переправились в Малую Азию через Босфор.

Мануил с недоверием относился к крестоносным войскам и не оказывал им поддержки. Более того, он поспешил заключить с иконийским султаном мирный договор, по которому сельджуки возвращали империи несколько крепостей [16]. Сами крестоносные вожди действовали несогласованно. Еще раньше, чем подошли французы, войска Конрада III двинулись к Иконию, страдая от голода и жажды не меньше, чем от стремительных налетов сельджукской кавалерии, вооруженной луками. В конце концов Конрад был вынужден повернуть: он привел в Никею лишь десятую часть армии. Не более успешно протекал и поход Людовика VII, двинувшегося к Атталии, находившейся под византийской властью. Немцы, сперва было примкнувшие к нему, оставили французов на полпути. Византийцы предпочитали турок крестоносцам. Сельджуки нападали в горных проходах на растянувшуюся колонну. В Атталии не хватало кораблей, чтобы перевезти крестоносцев в Антиохию, а отряды, пытавшиеся пробиться по суше, были рассеяны врагом. Таким образом, II крестовый поход скорее ослабил, чем укрепил позиции Византии в борьбе против мусульман. После ухода крестоносцев Мануилу пришлось вернуться к прежней тактике — медленного и постепенного отвоевания территорий: византийцы совершали стремительные рейды на сельджукские земли, возводили пограничные укрепления, оттесняя противников к востоку, обещаниями и дарами привлекали на свою сторону сельджукских вождей [17].

В 1155 г. положение в Малой Азии изменилось: в Иконии власть перешла к новому султану — Кылич-Арслану II, не знающему жалости деспоту, вероломному политику. Агрессивные акции Кылич-Арслана неминуемо вели к конфликту с империей, и действительно в 1159 г. Мануил совершил большой поход против иконийского султана, затем византийцы нанесли сельджукам серьезное поражение, принудив к мирному договору [18]. В 1161 г. Кылич-Арслан явился в Константинополь. Хромого урода обхаживали с величайшей лаской: ему показывали дворцы, ипподром, казнохранилище; в его честь устраивались турниры; его одаряли щедрыми подношениями. За это султан обещал уступить ряд городов, не заключать договоров без согласия василевса, оказывать вооруженную помощь [19]. Правда, не все пункты договора были исполнены султаном, и в частности, он не выдал византийцам город Севастию. Но как бы то ни было, после 1161 г. на ромейско-сельджукской границе долгое время не было столкновений, и это развязывало руки Мануилу для активной политики на западе. Впрочем, и Кылич-Арслан использовал мир с Византией, чтобы сломить сопротивление своих соперников в Каппадокии и Армении.

Евстафий Солунский, подводя итоги сельджукской политики Комнинов, писал, что Алексей оттеснил их от моря; что при Иоанне ромеи могли слышать вой этих диких волков, но уже не испытывали на себе их когти; при Мануиле же ярость агарян была укрощена, и они сменили стрелы на плуг, а вместо боевого коня запрягали подъяремных быков. Множество сельджуков в ту пору покидало — кто добровольно, кто под нажимом византийского оружия — родные селенья и находило приют на византийской территории, где возникла даже область, достойная называться Новой Персией или же землей европейских «персов» [20].

Образование крестоносных государств в Антиохии, Иерусалиме и других отвоеванных рыцарями областях поставило перед правительством Комнинов новую внешнеполитическую проблему. Окруженные морем мусульманских владений, оторванные от западноевропейских метрополий, Иерусалимское королевство и Антиохийское княжество были потенциальными союзниками империи в борьбе против арабов и турок. Однако их правители далеко не сразу согласились признать верховную власть Комнинов. Девольский договор 1108 г., передававший василевсу сюзеренитет над Антиохией, остался на бумаге: Танкред, унаследовавший Антиохийское княжество, отказался соблюдать условия унизительного для норманнов мира. Но после смерти Алексея преемникам Танкреда пришлось капитулировать.

Во второй половине 30-х годов Иоанн II, одержав ряд убедительных побед над сельджуками, вторгся в Киликию, где в конце XI столетия укрепились, опираясь на поддержку крестоносцев, армянские правители из династии Рубенидов [21], и занял важнейшие киликийские крепости: Тарс, Адану, Килиссу [22]. Левон Рубенид бежал, но немногим погодя был взят в плен и вместе с двумя сыновьями привезен в Константинополь. Осенью 1137 г. византийские войска подошли к стенам Антиохии. После недолгой осады и переговоров, в которых

участвовал также иерусалимский король, князь Антиохии Раймунд признал себя вассалом Византии. На следующий год Иоанн вместе с латинскими рыцарями совершил успешный поход в глубь Сирии, взял ряд крепостей, а жителей большого города Шайзара обложил данью. На обратном пути василевс был торжественно встречен в Антиохии: по словам византийского ритора, мостовые устилались тканями, а благовония попирались ногами. Однако вскоре после похода Иоанна политическая обстановка в Сирии и Киликии снова осложнилась. Арабы Сирии объединились под властью атабека Мосула Нурэддина, а в Киликии утвердился освободившийся из константинопольского плена сын Левона Рубенида Торос. Армянский государь нанес поражение византийскому правителю Киликии Андронику Комнину и принудил его покинуть страну. Затем он вступил в соглашение с новым антиохийским князем Рено и побудил его совершить грабительский налет на византийский Кипр.

Казалось, что византийское влияние в Сирии совершенно подорвано — однако угроза со стороны Нурэддина заставляла значительную часть латинских феодалов искать сближения с Византией. Мануил мог рассчитывать, в частности, на поддержку иерусалимского короля. В 1158—1159 гг. Мануил повторил поход отца; византийские воины вступили в Тарс, а правитель армянской Киликии Торос признал себя вассалом.

Затем пришла очередь Сирии. Рено Антиохийский не оказал сопротивления: он явился в лагерь императора с непокрытой головой, обнаженными руками и веревкой на шее; князя сопровождали босые и простоволосые монахи, умолявшие василевса простить Рено. Князь был допущен в палатку Мануила, принес присягу на верность и признал политическое и церковное верховенство империи: антиохийцы должны были принимать патриарха из Константинополя, посылать вспомогательные отряды в византийскую армию и передавали василевсу верховную судебную власть в городе. Балдуин III, король Иерусалима, также просил императора о защите. Оба латинских государя сопровождали Мануила при торжественном въезде в Антиохию: Балдуин ехал сзади, без королевских инсигний, а Рено шел, поддерживая стремя императора. Крестоносные государства капитулировали перед Византией, в которой видели единственную силу, способную защитить их от натиска мусульман. В конце 1161 г., скрепляя союз с Антиохией, Мануил женился вторым браком на антиохийской принцессе красавице Марии.

После смерти Балдуина III его брат и преемник Амальрих I принес вассальную присягу Мануилу и получил в жены внучатую племянницу василевса — Марию. В союзе с Амальрихом Мануил предпринял в 1168 г. грандиозное предприятие — поход на Египет. Половина еще незавоеванной страны была заранее отдана византийцам, половина — Амальриху [23]. Византийский флот под начальством мегадука Андроника Кондостефана осадил Дамьетту, но иерусалимский король действовал вяло и осада затянулась. В византийской армии начался голод, и осаждающие поспешили заключить с египтянами мир [24] — видимо, более выгодный Амальриху, чем византийцам. Едва только слух о заключении мира достиг воинов. они, не

дожидаясь приказа Кондостефана, сожгли осадные механизмы, и, побросав оружие, сели за весла. Хотя стоял декабрь и море было опасным для плавания, почти все корабли (кроме 6 триер), не соблюдая строя, устремились в путь [25]. Несмотря на неудачу под Дамиеттой, Мануил продолжал мечтать о покорении Египта: египтяне предлагали уплачивать ежегодную дань, он но отверг их условия и стал готовиться к новой войне. Впрочем, в 1171 г. в Египте произошел переворот: старая династия была низложена, а новый правитель Салах ад-Дин сразу же перешел в наступление на крестоносцев: теперь не приходилось думать о вторжении в долину Нила,— Иерусалимскому королевству приходилось заботиться об охране собственных границ.

Позиции Византии на Балканском полуострове были значительно укреплены на протяжении царствования Иоанна II и Мануила I. В 1122 г. империи вновь пришлось пережить вторжение печенегов. Полчища кочевников хлынули во Фракию, подвергая грабежу все на своем пути. Иоанн поспешно начал переговоры с ними, одаривал печенежских вождей одеждами и серебром, а сам тем временем сосредоточивал войска в районе Верои. Уже смеркалось, когда армия Иоанна внезапно напала на печенегов. Степняки окружили свой лагерь телегами, покрыв их бычьими шкурами, и через проходы между возами то устремлялись на конях против ромеев, то уходили под защиту лучников. Печенеги сопротивлялись мужественно, но дружинникам-англичанам удалось расчистить путь: секирами разломали они телеги, и византийское войско ворвалось в печенежский лагерь. Страшная резня завершила упорную битву. Множество кочевников было перебито, другие сдались в плен. Кое-кого продали в рабство, иных включили в византийскую армию. Набег 1122 г. был последним нападением печенегов на византийские земли — после победы Иоанна печенежская опасность перестала существовать.

Вслед за печенегами на северных границах империи появились другие степные племена — половцы, или куманы. В 1148 г. половцы перешли Дунай, заняли крепость Демничик и достигли Старой планины [26]. Мануил немедленно отправил флот на Дунай, чтобы воспрепятствовать отступлению половцев, но они поспешили уйти с добычей и пленными, не дожидаясь армии императора. Византийское войско преследовало врагов за Дунаем, настигло их неподалеку от границ Галицкой земли и одержало решительную победу. Часть половцев попала в плен, другие искали спасения в бегстве. По-видимому, чтобы устрашить половцев, Мануил послал (или собирался послать?) войска в Приазовские степи [27]. Сколь успешной была эта экспедиция, мы не знаем. Во всяком случае нападения половцев в последующие годы на придунайские города не представляли большой опасности, и при одном только известии о походе Мануила степняки поворачивали назад [28]. После 1160 г. мы уже не слышим о набегах половцев на Византию.

Очень напряженными были взаимоотношения Византии с сербами. При Алексее сербы успешно отражали притязания империи и нередко даже сами переходили в наступление [29]. Иоанн вскоре после разгрома печенегов совершил поход в Рашку и вернулся с большой

добычей. В середине XII в. сербы не раз поднимались против византийского владычества, опираясь на помощь то венгров, то норманнов. Однако византийское правительство, играя на противоречиях в среде сербской знати и поддерживая одни группировки против других, сохраняло контроль над сербской территорией. Мануил посадил на сербский престол архижупана Десу, который действовал как вассал империи; подчинив власти Десы непокорных жупанов, император раздавал своим сербским сторонникам чины и земли, как в собственной стране [30]. И все же византийское влияние в Сербии оставалось непрочным. Сам Деса, обязанный престолом василевсу, постоянно помышлял о том, чтобы сбросить византийское верховенство; в частности, он пытался породниться с немецким королем. В 1162 г. войска Мануила появились у Ниша, угрожая вторжением; Деса тут же поспешил прибыть в лагерь сюзерена, чтобы показать свою преданность. Но здесь он был уличен в тайных переговорах с венграми, арестован и отправлен в Константинополь.

В 1168 г. Мануил передал сербский престол Стефану Немане [31], которого считал одним из надежнейших союзников Византии. За поддержку императора новый жупан должен был заплатить дорогой ценой — он отказался в пользу империи от двух областей, имевших огромное стратегическое значение: они открывали доступ в глубь Сербии, облегчая византийцам контроль за этой непокорной страной. Правда, очень скоро Неманя нарушил договор и захватил уступленные территории — но экспедиция Мануила в 1173 г. заставила сербского жупана капитулировать: подобно Рено Антиохийскому, он театрально разыграл подчинение императору, был прощен, но ему пришлось вернуть империи захваченные у нее земли. Зато Мануил закрепил за Неманей его приобретения на западе. С тех пор до конца жизни Мануила сербский жупан оставался верным вассалом.

Постоянной и грозной опасностью для византийских владений на Балканах было крепнущее Венгерское королевство. Подчинение венграми Хорватии, династические и политические связи венгерских королей с сербскими жупанами, постоянные сношения (то враждебные, то дружеские) с русскими землями,— все это превращало Венгрию в важнейший политический фактор на северо-западных границах Византии. Византийское правительство, используя родственные связи с венгерским королевским домом Арпадов, уже в начале XII в. вмешивается во внутренние распри венгерской знати, поддерживает претендентов на королевский престол, надеясь в вознаграждение на территориальные уступки и политические привилегии. В ответ венгерский король Стефан II около 1128 г. начал военные действия против империи; в его операциях участвовали и чешские отряды [32]. Как повод для войны Стефан использовал ограбление венгерских купцов жителями византийского города Браничева. Венгерские войска перешли Дунай, разрушили Белград и увезли камни его крепостных валов, чтобы сложить из них стены своей крепости Землин [33]. Иоанн тотчас же двинулся к Дунаю, разбил венгров и обратил их в бегство, во время которого рухнул мост через реку: многие венгерские воины утонули, другие остались в византийском плену.

ИМПЕРАТРИЦА ИРИНА.

Мозаика. Церковь св. Софии Константинополе. XII в.

Если Иоанн ограничился лишь отражением венгерского натиска и интригами против короля Венгрии, то Мануил, в жилах которого текла венгерская кровь (его мать была венгеркой), действовал гораздо активнее. Он воспользовался тем, что венгерский король Гейза II поддерживал сербов в их выступлениях против империи, и объявил в 1151 г. войну. Византийское войско на лодках-однодеревках переправилось за Дунай, разграбило венгерскую территорию, заняло несколько крепостей и, обремененное добычей и пленными, вернулось восвояси. В походе Мануила принимал участие и родственник Гейзы, внук Владимира Мономаха Борис Коломанович, который был в свое время обласкан Иоанном II и женат на родственнице императора, а теперь надеялся с помощью византийцев овладеть престолом [34].

Смерть Гейзы в 1161 г. открывала новые возможности для византийского вмешательства в венгерские дела. Поскольку венгерская знать возвела на престол сына Гейзы Стефана III, Мануил немедленно стал оказывать поддержку дядьям молодого короля, претендовавшим на трон. В 1163—1164 г. Мануил совершил новый поход за Дунай и принудил венгров подписать выгодный для империи мир:

наследник престола Бела становился византийским заложником и женихом дочери Мануила Марии; Далмация и Хорватия выделялись ему в удел и фактически превращались в византийские владения [35]. Впрочем, и этот договор не привел к прекращению враждебных действий. Яблоком раздора оставались придунайские города. Византийцы заняли Землин, венгры пытались отнять у них эту крепость; напротив, Мануил, ссылаясь на права Белы, стремился присвоить Сирмий (Срем). После ряда стычек Мануил отправил в Венгрию большое войско под командованием одного из лучших полководцев империи Андроника Кондостефана. Битва произошла 8 июля 1167 г. неподалеку от Землина. Венгерское войско состояло из закованной в броню кавалерии, вооруженной длинными пиками. На высоком шесте, водруженном на колеснице, которую влекли быки, развевалось венгерское знамя. Бой был упорным: сперва византийцы обстреляли противника из луков, надеясь, что стрелы заставят венгров нарушить боевой порядок, но тяжелая кавалерия, не ломая строя, продолжала двигаться вперед. Затем войска сошлись в рукопашную: были поломаны длинные пики, от частых ударов по латам притупились мечи — тогда ромеи взялись за железные палицы, и под ударами палиц распался несокрушимый строй венгров: они были разбиты наголову [36].

После 1167 г. военные действия прекращаются. Венгрия капитулировала. Сирмий, Хорватия и Далмация — все спорные территории оставались за империей. Венгерская церковь признала супрематию Константинополя. Византия должна была получать ежегодную дань, а венгерская знать выдавала заложников как гарантию своей покорности [37]. Мануил вынашивал в то время идею объединения Византии и Венгрии под властью Белы, жениха его дочери, получившего греческое имя Алексей и почетный титул деспота, ставивший его выше кесарей и севастократоров [38]. Правда, рождение наследника престола — Алексея II (14 сентября 1169 г.) [39] сделало осуществление этого проекта невозможным, и Мануил расторг помолвку Марии с Алексеем-Белой, но женатый на другой представительнице дома Комнинев, воспитанный при константинопольском дворе, Бела III оставался и на венгерском престоле (с 1174 г.) союзником Мануила.

Столкновения с Сербией и Венгрией протекали в общем и целом при явном преимуществе византийцев, военные действия разворачивались обычно на вражеской территории или в пограничных областях. Борьба к середине 70-х годов завершилась полной победой византийского оружия. Значительно более опасным для империи было столкновение с норманнами.

В августе 1147 г., в то время, когда руки Мануила были связаны крестоносцами, король сицилийских норманнов Рожер II, племянник Роберта Гвискара, внезапно напал на Византию. Он занял остров Корфу, разграбил богатейшие города Греции — Коринф и Фивы, опустошил Эвбею [40]. Норманны увели из Греции многочисленных ткачей, положив таким путем основание шелкоткачеству в Палермо. Война с Рожером скоро переросла рамки норманно-византийского конфликта. Норманны привлекли на свою сторону сербов и

венгров и стремились заключить союз с французским королем Людовиком VII. Напротив, Мануил искал поддержки Венеции и Германии. Привилегии, пожалованные венецианцам при Алексее, пришлось возобновить [41]. Вместе с тем император строил собственный флот, чтобы не быть в зависимости от морских сил Венеции. Мануил вел также переговоры с германским королем Конрадом III, и антинорманский союз «двух империй» был закреплен династическим браком между братом Конрада и племянницей Мануила [42]. Однако союз двух империй не имел никаких последствий: Рожеру удалось поднять против Конрада баварских феодалов, и германскому королю пришлось улаживать внутренние дела, пока его союзник воевал с сицилийским правителем.

Центром операций стал остров Корфу, куда были стянуты византийские и венецианские силы. Осада шла вяло, и в лагере осаждающих скоро возникли разногласия. Дело дошло до открытого столкновения между союзниками: венецианцы напали на эвбейские корабли и в насмешку над Мануилом чествовали какого-то эфиопа как императора ромеев [43]. Однако василевс не счел нужным раздувать конфликт и даровал венецианцам «прощение». После победы над половцами в 1148 г. (см. выше, стр.323) Мануил вместе с освободившимися войсками сам прибыл на Корфу. Взять крепость штурмом не удалось: осажденные сбрасывали в море осадные лестницы и градом камней преграждали дорогу византийцам. Но успехи антинорманской коалиции на море, голод, измотавший защитников крепости, бессилие Рожера оказать им поддержку заставили в августе 1149 г. норманский гарнизон сложить оружие; значительная часть норманнов во главе с комендантом Корфу Феодором перешла на службу империи. Захват Корфу был большим успехом византийцев. Развивая его, Мануил рассчитывал перенести военные действия в Сицилию и Италию. Однако буря рассеяла византийские корабли, к тому же Рожеру удалось возбудить против Византии сербов и венгров и Мануилу пришлось немедленно возвратиться на Балканы. Но замысел отвоевать Италию прочно запал ему в голову — и позднее он не раз пытался осуществить свою идею вопреки тому, что экспансия в Италию приводила к охлаждению с естественными союзниками Мануила: венецианцами и Германией.

Энергичные действия Мануила напугали норманнов, которые затем много лет воздерживались от нападений на империю. Пиратский рейд 40 норманских кораблей, дошедших в 1157 г. до Константинополя и осыпавших серебряными стрелами императорский дворец, не имел последствий. В целом же норманнам пришлось перейти к обороне.

По-видимому, уже в 1154 г. Мануил начал вторжение в Италию: однако командир флота Константин Ангел, красавец, женатый на одной из дочерей Алексея I, действовал неосторожно и скоро оказался в плену у норманнов [44]. Тогда византийцы попытались поднять против нового норманского короля Вильгельма I своего традиционного союзника — Германию. Но преемник Конрада III Фридрих Барбаросса держался настороженно, опасаясь усиления позиций византийцев в Италии. Мануил решил действовать самостоятельно.

В Италию было послано войско под командованием Михаила Палеолога и Иоанна Дуки, располагавших большими денежными средствами. Им удалось привлечь на свою сторону некоторых влиятельных феодалов, недовольных Вильгельмом I. В 1155—1156 гг. многие города Южной Италии, в том числе Бари и Трани, сдались после недолгой осады и признали вассальную зависимость от василевса. Однако под стенами Бриндизи византийское наступление задохнулось. Смерть энергичного дипломата и воина Михаила Палеолога, замененного мегадуком Алексеем Вриеннием, близким родственником императора [45]; затянувшаяся осада Бриндизи, близ которого Иоанну Дуке приходилось отражать атаки норманского флота; отход венецианских контингентов,— все это ослабило византийскую армию. В 1156 г. Вильгельму удалось взять в плен мегадука Алексея и Иоанна Дуку, а новая экспедиция под командованием Алексея Аксуха в 1157 г. не принесла успеха. Военные неудачи и опустошение казны заставили Мануила искать мира, который был заключен при содействии папы в 1158 г. При этом договор 1158 г. обусловливал, что Вильгельм будет содействовать василевсу против его врагов на Западе. Тем самым договор знаменовал изменение политической обстановки в Италии: Византия и норманны вступали в союз против Фридриха Барбароссы.

Таким образом, поражение 1156—1157 гг. не вело к отказу от экспансии в Италию, а лишь к изменению ее направления. Теперь Мануил все энергичнее ищет союза с итальянскими городами: Генуей и Пизой [46], а особенно с Анконой, Кремоной, Павией [47]. В конце 60-х годов крупнейший североитальянский город Милан присягает на верность византийскому императору [48]. Одновременно с этим византийские дипломаты добиваются упрочения норманно-византийского союза — они хлопочут о том, чтобы создать личную унию обоих государств, и предлагают Вильгельму II, новому королю Сицилии, стать наследником Мануила [49] (позднее этот почетный титул был передан венгерскому принцу Беле-Алексею).

Столь активное вмешательство в итальянские дела не могло не обострить взаимоотношения империи с венецианцами, стремившимися стать твердой ногой на Балканах, но отнюдь не желавшими укрепления позиций Византии в Италии. К тому же они не могли равнодушно отнестись к аннексии византийцами далматинского побережья, что подрывало господство республики св. Марка на Адриатике. Конфликт, давно уже назревший, разразился 12 марта 1171 г., когда по приказу императора по всей территории Византии были арестованы венецианские купцы и конфискованы их товары [50]. Действия византийского правительства привели к вооруженному столкновению: венецианский флот вторгся в Эгейское море и подверг грабежу Хиос, но должен был отступить перед византийской эскадрой. В союзе с германскими войсками венецианцы в 1173 г. атаковали Анкону, защитой которой руководили, если верить Евстафию Солунскому [51], посланцы василевса,— но атака была неудачной. В мужественной обороне Анконы особенно отличалась графиня Альдруда ди Бертиноро: ее войска отразили нападающих и освободили город, сама знатная дама сражалась верхом на коне. Византийские писате-

ли придавали огромное значение успеху в Анконе: по словам Евстафия, он предвещал грядущие победы — однако на самом деле столкновение с венецианцами поставило империю перед лицом могущественной вражеской коалиции. Фридрих Барбаросса, одержавший верх над Лигой итальянских коммун, и республика св. Марка были наиболее активными членами ее. Они стремились привлечь на свою сторону сицилийского короля и иконийского султана. Внешнеполитическая борьба Византийской империи вступала в новую фазу.

Внешняя политика Византии к началу 70-х годов XII в. достигла серьезных успехов: печенеги были разгромлены, половцы устрашены; Венгрия и Сербия превратились в вассальные государства; сельджуки, оттесненные в глубь Малой Азии, не решались нападать на империю; в Италии у Византии были активные союзники, а переворот 12 марта 1171 г. освободил империю от венецианского засилья. И тем не менее Византия стояла перед внешнеполитической катастрофой. Бесконечные войны тяжело обременяли государственную казну. Войска были утомлены непрерывными походами (бегство из-под Дамиетты — пожалуй, наиболее яркий эпизод, свидетельствующий об усталости армии). Более того, самые принципы внешней политики Мануила вели к поражению

Политика Мануила была двойственной. Он продолжал традиции Алексея, трезвого дипломата и воина, не строившего далеко идущих планов, но мало-помалу оттеснявшего своих опасных соседей. Быстрые рейды, закрепление на захваченной территории, сооружение опорных баз-крепостей позволило Комнинам постепенно продвигаться в глубь вражеских владений. Этой трезвой военной тактике соответствовала гибкая дипломатия. Династические браки, еще в X столетии почти совсем чуждые византийским традициям, теперь становятся одним из распространеннейших средств политики василевсов. По-прежнему императоры не брезгают сеять рознь между своими врагами, но гораздо чаще прибегают к иному средству — щедрыми дарами и еще более щедрыми обещаниями завоевывают они сердца местной знати: в Италии, Сербии, Венгрии, даже среди сельджуков — повсюду византийцы находят сторонников из местного населения, используя вражду феодальных клик и социальные противоречия. Империя не придерживается гордой политики «блестящей изоляции», так отличавшей ее в предшествующие столетия, когда она позволяла себе покупать наемников, но не вступать в союзы, когда византийские правители не признавали ни одно государство достойным партнером в политической игре и сознательно унижали иноземных послов на дворцовых приемах. В XII в. византийцы постоянно создают коалиции: то вместе с Конрадом III и венецианцами они противники сицилийских норманнов и французского короля, то, напротив, в борьбе против Венеции и Фридриха Барбароссы ищут поддержки Генуи, Милана, а затем французов и англичан.

Но трезвость военной тактики и дипломатической игры странным образом переплетается у Иоанна и особенно у Мануила с фантастическими замыслами универсалистского толка. Время от времени при дворе Комнинов вспоминают, что Византия — единственная наследница древнего Рима. В 1141 г., незадолго до смерти, Иоанн, види-

мо, опьяненный своими — довольно скромными — успехами в Сирии, писал папе Иннокентию II, что василевс держит в руках меч светский, а наместник св. Петра — духовный меч, и общими силами они могут восстановить единство христианской церкви и Римской империи[52]. «Тебе подчинена,— восклицал Евстафий Солунский, обращаясь к Мануилу,— не та или иная область, но вся земля (τὴν σύμπασαν γῆν)» [53], и сам Мануил в официальном эдикте наделял себя пышными титулами императора Венгерского, Хорватского, Сербского, Болгарского, Грузинского, Хазарского, Готского [54]. Дело не только в трескучих фразах. Мануил — особенно в годы своих успехов — все чаще строит реальную политику на принципах универсализма. Поход на Египет и особенно длительные войны в Италии, унесшие тысячи жизней и дорого обошедшиеся византийской казне,— все это шло в разрез с действительными интересами империи и не соответствовало трезвым принципам политики Алексея [55].

Комнины сделали много, чтобы укрепить Византию. В XII в. империя стала одним из сильнейших государств Средиземноморья. Ее мощь зиждилась на обширных императорских поместьях, на силе провинциальных городов. Ее армия, составленная из расселенных в Византии рыцарей и варваров (печенегов, половцев, сельджуков), пользовалась уважением повсеместно, ее флот успешно сражался с норманским и венецианским. Но времена универсалистских монархий прошли. Европа стояла накануне рождения национальных государств. Политика Мануила, мечтавшего о единой империи, единой церкви и едином монархе, была столь же чуждой реальности, как и политика его деятельного соперника — Фридриха Барбароссы. Мануил разделял со своими воинами все тяжести походной жизни: он мог стремительно покрывать мили, не беря с собой ни постели, ни подстилки; он совершал переходы ночами, освещая дорогу факелами; он не боялся ни гор, ни лесных чащ и спал на куче хвороста под проливным дождем [56]; он первым бросался на врага, рубил мечом, преследовал бегущих. Но личное мужество Мануила не должно заслонять того, что экспансионистские планы василевса подрывали силы Византийской имцерии.

Глава

14

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВИЗАНТИИ В КОНЦЕ XII В. ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И ЗАХВАТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Запоздалая попытка создания универсалистской монархии, предпринятая «рыцарственным» Мануилом Комнином, оказалась обреченной на неудачу. В последней четверти XII в. внешняя обстановка резко обострилась, внутренний же кризис парализовал силы империи, вследствие чего в начале XIII в. жадные до добычи участники IV крестового похода без больших усилий овладели значительной частью Империи ромеев.

В последние годы правления Мануил вынужден был все больше и больше внимания уделять безопасности восточных границ. Пышный прием, устроенный в столице иконийскому султану Кылич-Арслану II, и заключенный с ним мирный договор не пресекли набегов турецких отрядов на византийскую территорию. Могущество султана росло, и правившие в Мелитине эмиры из династии Данишмендов, на которых рассчитывала Византия, были бессильны ему противодействовать. Им самим приходилось искать помощи у императора. Война с султаном становилась неизбежной.

Стремясь обеспечить успех будущего похода на Иконий, Мануил попытался отвоевать некоторые города, расположенные на границах сельджукских владений. Осада Амасии оказалась безуспешной — посланный туда во главе византийских отрядов Михаил Гавра не решился занять город, и население в конце концов сдало его Кылич-Арслану. В 1175 г. сам Мануил во главе большой армии переправился в Малую Азию. Его племянник Андроник Ватац направился через Пафлагонию к Неокесарии и занял ее[1]. Мануилу же без особых трудов

удалось овладеть Дорилеем и Сувлеем. Некогда цветущий Дорилей сельджуки совершенно разорили. Выбив кочевников, Мануил приступил к восстановлению и укреплению города. Подобные работы велись и в Сувлее. В ответ на это сельджукские отряды предприняли набег на византийскую территорию, захватив, если верить Михаилу Сирийцу, 100 тыс. пленных. Мужчины были перебиты, женщины и дети проданы в рабство.

В 1176 г. Мануил выступил к Иконию. Султан отдал приказ, избегая открытых боев, тревожить византийскую армию частыми нападениями. На пути продвижения войск Мануила сельджуки сжигали селения, уничтожали провиант, заражали цистерны, источники и колодцы, сбрасывая туда трупы и нечистоты. В хвосте византийской армии двигался огромный обоз — около 5 тыс. повозок — с провиантом, оружием, материалом для осадных машин и пр. Путь к Иконию проходил через ущелье τοῦ Τζυβρίτζη [2] близ местности Мириокефал. Здесь 17 сентября 1176 г. Кылич-Арслан дал Мануилу бой, закончившийся страшным разгромом византийцев. Скованные со всех сторон горами, они не могли сопротивляться. Побоище продолжалось весь день, византийцы лишились нескольких военачальников, а сам Мануил готов был покинуть войско и бежать. Ночью император запросил мира, Кылич-Арслан потребовал срыть укрепления Дорилея и Сувлея. Через два дня византийская армия начала отступление. «Зрелище, представшее глазам, было воистину достойно слез, или лучше сказать, беда превосходила то, что можно оплакать. Из-за множества трупов ущелья сделались равнинами, долины превратились в холмы, рощи едва были видны; у всех павших с головы содрали кожу, а у многих вырезали детородные члены. Говорят, «персы» сделали это, чтобы нельзя было отличить христианина от мусульманина и победа не казалась сомнительной и спорной: ибо многие погибли и в том, и в другом войске» [3].

Поражение при Мириокефале, описанное, кстати сказать, самим Мануилом в послании к английскому королю [4], знаменовало отказ Византии от активных действий в Малой Азии. Войска негодовали. Мануила открыто обвиняли в неудаче, ему в лицо говорили, что он и раньше часто до опьянения пил христианскую кровь, выжимая последние соки у подданных [5].

Впрочем, и сельджуки не смогли воспользоваться своей победой. Разбитые в нескольких стычках в конце 70-х годов XII в. [6], они прекратили наступление, а вскоре внутренние смуты привели к ослаблению сельджукского султаната. Империя пыталась было возобновить наступление на востоке: уже в 1177 г. византийские послы вели в Иерусалиме переговоры о новой экспедиции в Египет, 70 византийских кораблей прибыло в Акру — однако этим и завершалось все предприятие, и очень скоро послы и суда Мануила должны были возвратиться на берега Босфора [7].

В Италии византийцы уже не пытались (да и не могли бы!) вести активную политику. Победа итальянских городов над Фридрихом Барбароссой при Леньяно в 1176 г. и капитуляция германского императора перед папой делали ненужной ту коалицию с Византией, к которой до этого стремилось папство. Напротив, антивизантийские

настроения, искусно разжигаемые венецианцами, распространялись по всей Италии [8]. Мануилу приходилось теперь искать союзников против Фридриха Барбароссы не в Италии, а гораздо дальше на западе — во Франции. Василевс женил своего сына и наследника Алексея на дочери французского короля Людовика VII Агнесе, которая в 1179 г. прибыла в Константинополь. Впрочем, Франция была слишком далека, чтобы франко-византийский союз мог стать реальной политической силой.

Внутреннее положение страны в последние годы правления Мануила было весьма напряженным. Оппозиция подымала голову, осуждая несбыточные мечты императора о завоевании заморских земель и его расточительность [9]. А Мануил, казалось бы, делал все, чтобы подорвать престиж: свою любовницу Феодору он окружил поистине царской роскошью; он приблизил к себе западных советников [10], вызвав тем самым недоброжелательство византийской аристократии; он увлекался астрологическими разысканиями, слепо доверяя предсказателям, вмешивался в богословские споры, раздражая церковных иерархов требованием исключить из так называемого чина оглашения анафему богу Мухаммеда. При жизни Мануила оппозиция ограничивалась насмешками и богословской полемикой, но сразу же после его смерти в империи разгорелась ожесточенная борьба.

Последние два десятилетия XII в. отмечены резким обострением классовой и политической борьбы, в которую оказались вовлечены все силы византийского общества. «Кажется, будто божественной волей было решено, чтобы вместе с императором Мануилом Комнином умерло все здоровое в царстве ромеев и чтобы с заходом этого солнца все мы были погружены в непроглядную тьму»,— пишет встревоженный событиями современник [11].

Мануил Комнин умер 24 сентября 1180 г.. Во главе правительства стали вдова покойного императора Мария, дочь антиохийского князя Раймунда, и ее фаворит, племянник Мануила протосеваст Алексей Комнин. Номинальным же императором был 11-летний сын Мануила Алексей [12]. В своей внутренней политике Мария и протосеваст опирались преимущественно на иностранцев-«латинян», которые к тому времени стали значительной силой не только в экономической, но и в военной и административной сфере. Привилегированное положение латинян вызывало резкое недовольство в народе и среди знати. Группа лиц, принадлежавших к высшим придворным кругам (дочь Мануила кесариса Мария, эпарх города Иоанн Каматир, сыновья Андроника Комнина, двоюродного брата Мануила) подготавливали убийство протосеваста. Покушение было назначено на 17 февраля 1181 г. [13], но в силу случайных обстоятельств его осуществить не удалось, а в марте «заговор двенадцати» был раскрыт. Заговорщики попали в темницу, только Мария вместе с мужем, кесарем Райнером Монферратским, нашла убежище в храме св. Софии. Здесь она начала призывать народ к восстанию. В Константинополе вспыхнуло возмущение, народ кинулся громить дома богачей, тех, кто пользовался расположением императрицы и протосеваста. В доме нового эпарха Феодора Пантехни были уничтожены податные списки.

Народное восстание 1181 г. сразу же вылилось в широкое социальное движение, в котором потонула вражда к латинянам. Примечательно, что к восстанию примкнули итальянские воины [14]. Движение приняло столь радикальный характер, что Мария с мужем и сочувствующий им патриарх Феодосий пошли на примирение с правительством [15]. Такова была обстановка в столице, когда попытку захвата власти предпринял двоюродный брат покойного императора Мануила Андроник Комнин [16].

Человек алкивиадо-нероно-византийского склада (по выражению Маркса), Андроник принадлежит к числу наиболее колоритных фигур в истории Византии. Его безрассудная смелость, авантюрные похождения, энергия и настойчивость в достижении цели снискали ему среди современников широкую популярность.

Андроник был в курсе всех константинопольских событий, он поддерживал письменную связь со своими приверженцами из стана кесарисы Марии. Узнав о восстании, он немедленно двинулся к столице. Лишь в некоторых местах (Никея, Фракисийская фема) ему было оказано сопротивление — Малая Азия приветствовала его («каждый в это время призывал Андроника»,— утверждает Евстафий Солунский [17]). Накануне вступления в столицу Андроник спровоцировал избиение «латинян» — приближенных протосеваста Алексея, привилегированных воинов, итальянских купцов. В уличных боях в первую очередь принял участие «городской демос», простой люд. В апреле 1182 г. протосеваст лишился последних приверженцев, и Андроник вступил в столицу. Началось его трехлетнее правление: сперва в качестве регента при Алексее II, а с 1183 г.— единодержавного василевса.

В специальной литературе Андроник Комнин часто рассматривается как носитель демократических принципов, «крестьянский царь» (Ф. И. Успенский) или создатель «демократической монархии» (М. В. Левченко). Действительно, современники нового императора пишут о том, что с началом правления этого василевса положение народных масс улучшилось. «Андроник помогал бедным подданным, если те не выступали против него. Андроник умерил жадность обладающих властью, и благодаря этому увеличилось население во многих областях» [18].

Андроник выступил в тот момент, когда давно сдерживаемое недовольство политикой Мануила I прорвалось наружу. Он оказался центром, объединявшим самые различные круги. Возможно, что на первых порах его поддерживали известные слои мелкой и средней провинциальной знати [19] и даже свободное крестьянство: недаром войска, которые он двинул на Константинополь, казались его противникам скопищем негодных земледельцев и пафлагонских стратиотов. Зато провинциальные города (особенно города Малой Азии) не симпатизировали узурпатору. Андронику пришлось подавлять восстания в Филадельфии, Лопадии, Никее, Прусе. Во главе восставших малоазийских городов стояли обычно представители местной феодальной аристократии.

Наиболее энергичную поддержку Андронику оказал Константинополь. Если верить Евстафию, Андроника боготворили константи-

нопольские горожане (πολιτικόν), городская толпа (ὄχλος) [20]; его поддерживала также и определенная часть столичной знати — «малочисленные отбросы синклита» [21]. Действительно, антилатинские тенденции Андроника [22] могли привлечь на его сторону различные круги населения столицы, ненавидевшего западных советников и воинов Мануила.

Две черты отличали политическую деятельность Андроника — демагогия и безжалостный террор. Без малейшего затруднения он проливал потоки слез; он целовал колени патриарха Феодосия, твердо решив, что добьется его смещения; он лил слезы на могиле Мануила I и просил не уводить его прочь, дать побыть еще у гробницы покойного императора, которого он ненавидел и против которого постоянно создавал заговоры. Он приказал выставить в одной из столичных церквей свое изображение: василевс представлен был там в простой крестьянской одежде, с косой в руках — словно настоящий крестьянский царь.

Изображая себя народолюбцем, Андроник стремился уничтожить всех, кто стоял на его пути к власти, всех, кто мог быть его соперником. Жертвами репрессий пали многие представители константинопольской знати. Никита Хониат вспоминает тех, кто кончил жизнь в темнице, лишился глаз, был изгнан из свого дома [23]. Тогда погибла дочь Мануила Комнина кесариса Мария и ее супруг, которые в период «заговора двенадцати» были верными союзниками Андроника. Андронику удалось лишить регентства, а затем и казнить другую Марию — вдову Мануила, причем предварительно против нее был возбужден городской плебс. В 1183 г. Андроник умертвил Алексея II, а его вдову, юную Агнесу, сделал своей наложницей. Беспощадно истребляя своих действительных и мнимых врагов, Андроник обеспечил себе в столице безраздельную власть.

Верный себе, Андроник и этим расправам придал демагогический характер. Он редко прибегал к тайным убийствам, предпочитая создавать судебные дела и добиваться формального осуждения. Официально выставлялись проскрипционные списки «предателей родины» с указанием того рода казни, которая их ждала. Сам он не подписывал приговоров, а поручал это судьям. Впрочем, нашлось немало охотников воплощать в судебных решениях неясный намек или жест императора.

Мероприятия Андроника ни в коей мере не носили антифеодального характера. По-прежнему практиковались земельные пожалования крупным землевладельцам [24], и если при Алексее II действительно было принято решение о снижении налогов с афинян, то затем Андроник отправил в Афины податного чиновника Хумна, который провел перераспределение податных ставок таким образом, что от этого выиграли только крупные собственники [25].

Большое внимание уделялось деятельности государственного аппарата. Андроник предоставил видимость политической роли синклиту, который третировали первые Комнины; было повышено жалование наместникам провинций, запрещалась продажа должностей, усиливался контроль за сборщиками налогов. Тогда даже говорили, что податные чиновники разбегаются от одного имени Андроника.

Значительные перемены были произведены и в высшей церковной иерархии. Непокорного патриарха Феодосия сместили и заменили видным дипломатом Василием Каматиром, находившимся в опале в последние годы правления Мануила I. Новый патриарх тут же приступил к чистке клира и в соответствии с программой Андроника стал демагогически заигрывать с народными массами. Вместе с тем, по-видимому, правительство Андроника провело конфискацию части церковного имущества» [26].

Некоторые мероприятия Андроника отвечали интересам торгово-ремесленных кругов. Еще при жизни Алексея II, в декабре 1182 г., были отменены распоряжения Мануила I, запретившего перепродавать пожалованную императором землю лицам, не принадлежащим к знати или к числу стратиотов [27]. Вслед за тем Андроник провел через синклит постановление, отменявшее так называемое «береговое право» — обычай, разрешавший прибрежным жителям грабить выброшенные бурей корабли [28]. Отношение Андроника к итальянским купцам было непоследовательным. В 1182 г., как уже было сказано, он спровоцировал антилатинское выступление в Константинополе, когда пострадало много генуэзских и пизанских купцов (венецианцев в городе не было). Таким образом он попытался сбросить путы, наложенные на византийскую торговлю Алексеем I и его преемниками. Но вместе с тем Андроник нанес смертельный удар византийской торговле, капитулировав перед Венецией: он обещал освободить арестованных при Мануиле купцов, возместить убытки, понесенные венецианцами в 1171 г. (см. выше, стр. 328). Венецианские фактории вскоре стали вновь возникать в различных городах империи [29].

После триумфального въезда в Константинополь Андроник перестал скрывать сущность своей политики и, по признанию современника, откровенно издевался над простодушием восторженно встречавших его столичных жителей [30]. В целом же преобразования Андроника не затрагивали сложившейся системы эксплуатации, не меняли устоявшихся классовых отношений. Кровавые репрессии, направленные против столичной знати, были обусловлены в первую очередь стремлением узурпатора обеспечить себе безраздельную власть. В политической борьбе подобные меры — явление заурядное. Подвергая гонениям и уничтожая аристократические фамилии, Андроник, тем не менее, в целом был выразителем тех же интересов. Борьба, которая велась в это время вокруг престола, носила внутриклассовый характер.

Андроник недолго удерживал власть В 1185 г. он оказался неспособным отразить нашествие сицилийских норманнов. В том же году отпал Кипр, где утвердился другой родственник Мануила — Исаак Комнин. Андроник терял популярность в народе, у него оставалось все меньше и меньше сторонников. Поэтому, когда 12 сентября 1185 г. византийский вельможа Исаак Ангел (который должен был стать одной из жертв Андроника) призвал народ к восстанию, константинопольский плебс немедленно откликнулся на этот призыв. Исаака провозгласили императором. Андроник пытался бежать, но был схвачен и подвергнут мучительной казни.

Народ приветствовал Исаака Ангела (1185—1195) [31] как освободителя от террористического режима Андроника. Действительно, первые мероприятия нового императора могли внушить добрые надежды: не только возвращены были сосланные Андроником люди, но и вообще запрещено было приговаривать к телесным увечьям — мера, вызвавшая всеобщий восторг [32]. Однако решительного обновления государственного аппарата не последовало, и многие приспешники Андроника остались на своих постах. По-прежнему государство страдало от недостатка средств, усугублявшегося необходимостью выплачивать большие суммы венецианцам в возмещение их потерь в 1171 г. К тому же император не жалел денег на пиры, тратил бешеные средства на духи, притирания и костюмы (он никогда не надевал дважды один и тот же хитон), постоянно приказывал разрушать старые здания и возводить новые; много расходовал он средств и на показное благочестие: создавал больницы, странноприимные дома, раздавал деньги пострадавшим от пожара.

В 1195 г. он был свергнут и ослеплен собственным братом Алексеем III Ангелом, принявшем громкое имя Комнина (1195—1203). Переворот Алексея не означал какого-либо изменения политики: власть, просто перешла от одной клики столичной знати к другой; новые правители так же щедро разбазаривали государственные средства, как и их предшественники. Денег по-прежнему не хватало, и Алексею III пришлось взять драгоценный металл из гробниц византийских императоров, что дало 70 кентинариев серебра и кое-какое количество золота [33]. Империя, сохраняя дорогостоящий государственный аппарат и пытаясь осуществлять универсалистскую политику, оказывалась на пороге финансового краха.

Страну охватило глубокое брожение. Редкий год не отмечен народным восстанием, чаще всего в столице и ее окрестностях. Достаточно было незначительного повода, чтобы торговые и ремесленные слои Константинополя, острее всего испытывавшие гнет династии Ангелов, пришли в движение, взялись за оружие. Как Андронику, так и Ангелам не удалось сгруппировать вокруг себя сколько-нибудь значительную прослойку господствующего класса. Большинство самозванцев принимает имя Комнина — по-видимому, период правления Алексея, Иоанна и Мануила представлялся современникам блестящей эпохой, столь отличной от переживаемой ими. Бросается в глаза то обстоятельство, что для достижения своих целей многочисленные претенденты на престол, не скупясь на посулы, стремились заручиться поддержкой народа, вызвать восстание. В начале правления Исаака Ангела вспыхнуло восстание в лидийском городе Филадельфии. Возглавил его Феодор Манкафа. С самого начала он привлек на свою сторону широкие слои народа, который Никита Хониат называет «бесстыдной и наглой чернью». За Манкафой пошла Лидия и соседние с ней области. Он уже начал чеканить монету, когда Исааку Ангелу удалось уговорить его сложить оружие.

Около 1186 г. [34] поднял восстание Алексей Врана, командующий византийскими войсками. Никита Хониат утверждает, что Вране покорились как западные, так и восточные провинции [35]. С помощью пропонтидских рыбаков Врана осадил Константинополь. Исаак

Ангел совершенно пал духом, но кесарю Конраду Монферратскому удалось набрать отряды. В решительном сражении Врана был убит, его воины разбежались. Сторонники Враны, принадлежавшие к «несчастным и незначительным по своему уделу людям», разошлись, знать же отправила во дворец посольство и добилась прощения. Иными были последствия для участвовавшего в восстании простого народа. В ночь, наступившую после смерти Враны, дома рыбаков были уничтожены греческим огнем. На утро отряд латинян Конрада Монферратского напал на окрестных жителей. К грабежу были привлечены, по-видимому, деклассированные элементы Константинополя. Начались страшные избиения и грабежи. Эта резня вызвала в столице немедленную реакцию. Константинопольские ремесленники напали на латинян, осадили их дома. Произошел настоящий бой, и только на следующий дань удалось приостановить кровопролитие. Константинопольцы разошлись по домам лишь после долгих уговоров.

Восстания торгово-ремесленных слоев Константинополя вспыхивают порой по сравнительно небольшому поводу. Так, однажды начальник тюрьмы Иоанн Лагос [36] взял под стражу какого-то ремесленника или купца [37], приказал высечь его и обрить голову. Этот случай вызвал всеобщее возмущение горожан, громадная толпа ремесленников бросилась в тюрьму, чтобы схватить Лагоса. В то же время в храме св. Софии возбужденные константинопольцы собирались провозгласить другого императора (Алексей III отсутствовал в городе). Эпарха города встретили камнями. Толпа выломала ворота тюрьмы, выпустила заключенных, разграбила церковь. Бой разгорался, были вызваны дополнительные войска. Восставшие не имели оружия и швыряли камни и черепицу; лишь позднее они раздобыли кое-какое вооружение. Возмущение было подавлено лишь к вечеру.

Внешнеполитическое положение империи резко ухудшилось после смерти Мануила I. Правда, конец правления Кылич-Арслана II ознаменовался междоусобицами, особенно усилившимися после его смерти в 1192 г., так что Исааку Ангелу удалось нанести поражение сельджукам. Восточные границы империи оставались в относительной безопасности, однако на западе дела шли гораздо хуже. Особенно тяжелым ударом для Византии была потеря Болгарии, население которой восстало в 1185 г. [38] Во главе восставших стояли два брата — Петр и Асень. Борьба тянулась долго: византийские полководцы, а нередко и сами императоры совершали походы в болгарские земли; византийская дипломатия пыталась посеять рознь между братьями, и, по-видимому, незадолго до 1193 г. византийцам удалось привлечь Петра на свою сторону. Но как бы то ни было, вернуть Болгарию под свое господство не удалось — уже в 1187 г. Византия заключила с болгарами договор, признав существование Второго болгарского царства у своих западных границ, хотя военные действия не прекращались и после 1187 г.

В 1196 г. в результате происков византийцев был убит Асень, вскоре последовало убийство его старшего брата, не оправдавшего надежд византийцев. Власть перешла к третьему брату Калояну, которому удалось превратить Болгарию в одно из сильнейших государств на Балканах.

Отношения с Венгрией также обострились. Сразу после смерти Мануила Комнина, в 1181 г., венгерский король Бела III занял далматинские области при явном сочувствии местных жителей [39]. При Андронике Комнине отношения между Византией и Венгрией были весьма враждебны; Бела опустошал окрестности Ниша и Браничева. По-видимому, он тайно поддерживал сношения с дочерью Мануила Комнина Марией (с которой одно время был обручен), что и стремился пресечь Андроник. После ее казни Бела выступил как мститель за нее [40]. Хотя при Исааке Ангеле, женатом на венгерской принцессе, отношения с Венгрией носили дружественный характер, однако Далматинское побережье — столь важная в стратегическом отношении область — для империи была утрачено навсегда.

Сербия также сбросила византийский сюзеренитет и вскоре после смерти Мануила в союзе с Венгрией выступила против империи. В результате похода 1183 г. были разрушены Белград, Браничево, Равно, Ниш, Средец — шесть лет спустя участники III крестового похода могли видеть развалины этих городов. Стефан Неманя захватил всю Южную Далмацию и продолжал расширять свои владения, совершая походы в византийские области. В 1190 г. Исааку Ангелу удалось вернуть часть византийской территории, одновременно Византия признала независимость Сербии.

В последней четверти XII в. сложными были политические и экономические отношения между Византией и Западом.

Венеция уже при Андронике получила доступ к византийским рынкам. В 1187 г. Исаак Ангел подтвердил все ранее пожалованные привилегии. Тогда же был оформлен договор об оборонительном и наступательном союзе между Венецией и Византией, а еще через два года было заново подписано соглашение о возмещении убытков, причиненных Мануилом. Венецианцы получили те кварталы и «скалы» (пристани), которые раньше занимали немецкие или французские купцы [41]. Они получили также полный налоговый иммунитет.

Общая сумма убытков, понесенных венецианцами 12 марта 1171 г., составляла 14 кентинариев золота. Один кентинарий был уплачен Андроником Комнином, остальные начал выплачивать Исаак Ангел. Венецианские торговые документы свидетельствуют, что Исаак выплачивал долг по два кентинария ежегодно [42].

С приходом к власти Алексея III Венеция вновь начала добиваться подтверждения прежних льгот, чего и достигла в 1198 г. [43]. За истекшее столетие число городов, где обосновались венецианцы, резко возросло. Они торговали как на побережье, так и в глубине страны. Известным противовесом им являлись генуэзцы и пизанцы. В 1192 г. Исаак Ангел подтвердил привилегии, пожалованные Генуе и Пизе [44]. И генуэзцы, и пизанцы расширяли свои торговые кварталы, получали новые пристани, однако, вопреки своим домогательствам и протестам, должны были, как было установлено еще при Мануиле, уплачивать 4% пошлины. Это положение удерживалось и при Алексее III.

Привилегированный статус итальянских купцов в Византии настраивал против них местные торговые слои. Антилатинские настроения приводили к вооруженным столкновениям, порой — к раз-

грому итальянских торговых кварталов. Политика предоставления широких льгот итальянцам порождала оппозицию местных купцов правительству. Недовольство носило столь глубокий характер, что когда в 1203—1204 гг. правительство предприняло некоторые (правда, запоздалые и жалкие) попытки отразить нашествие крестоносцев, действовавших в полном согласии и даже направляемых Венецией,— оно натолкнулось на почти полное безразличие торгово-ремесленных слоев Константинополя.

В 80-х годах XII в. вновь обостряются отношения с южноитальянскими норманнами. 1185 год ознаменовался новым походом норманнов на Византию. Византийская империя продолжала оставаться потенциальным врагом Норманского королевства. Южноитальянские современники Мануила Комнина не могли еще знать, что со смертью этого императора Византия по существу отказалась от дальнейших попыток отвоевать свои былые владения в Италии. С другой стороны, норманское господство началось с завоевания совершенно чужой им страны; в XI—XII вв. война для норманских феодалов являлась одним из основных источников обогащения.

Война с марокканскими правителями Альмохадами, которую норманны вели в 70—80-х годах, кончилась безрезультатным миром[45]. Это дало возможность норманскому королю Вильгельму II направить все силы против Византии. Точно так же, как столетие назад Роберт Гвискар принял у себя Лже-Михаила VII, Вильгельм II выступал в качестве защитника якобы уцелевшего императора Алексея II Комнина. Самозванцем явился некий крестьянин, парень из под Вагентии (близ Диррахия), которого привез к Вильгельму II филадельфиец Алексей Сикундин, человек, одетый в черное, словно монах, однако прекрасно сидевший на лошади и носивший меч у пояса [46]. В стане норманского короля находился и Алексей, внучатый племянник Мануила Комнина, который после долгих странствий по свету (он побывал и на Руси) приехал в Сицилию и также склонял норманнов к походу, обещая поддержку всех недовольных политикой императора Андроника [47].

24 июля 1185 г. норманны без труда овладели Диррахием и начали двигаться к Фессалонике; 15 августа к городу подошли и суда. Очевидец событий, фессалоникский митрополит писатель Евстафий подробно и живо описывает осаду. Командовавший гарнизоном Давид Комнин знал о приближении врага, но не пожелал или не сумел организовать оборону должным образом. Не были заготовлены камни для метательных машин, не хватало стрел. Осажденные страдали от жажды, так как в цистернах не было достаточного количества воды. 24 августа норманны ворвались в город и предали его грабежу.

Для дальнейшего ведения кампании норманское войско разделилось на две части: одна направилась на Серры, а другая — на Константинополь. Положение становилось все более угрожающим, когда в столице произошел переворот, приведший к власти Исаака Ангела. Новый василевс немедленно выслал помощь Алексею Бране, еще при Андронике назначенному командующим одной из византийских армий. Военные действия для Византии пошли успешно. Нор-

манны потерпели поражение в битве при Мосинополе, затем при Димитриаде: они последовательно оставили Фессалонику, остров Корфу и Диррахий. По-видимому, около 1187 г. был подписан мирный договор [48], по которому обе стороны обязались освободить пленных, что и было сделано. Помимо массы жертв, война для Византии имела следствием и территориальные потери. Византия навсегда лишилась островов Кефалонии и Закинфа, которыми овладел итальянский феодальный род Орсини.

В 1189 г. в норманно-византийских отношениях произошел поворот. Умер Вильгельм II, не оставив мужского наследника, и сицилийский престол должен был перейти к родственникам германского императора. Не желавшие подчиниться немцам сицилийские феодалы избрали королем Танкреда де Лечче и обратились за поддержкой к Византии. Сближение было скреплено брачным союзом Рожера, сына Танкреда, и Ирины, дочери Исаака Ангела. Однако успех византийской дипломатии оказался кратковременным. В 1194 г. Танкред и его сын скоропостижно скончались, после чего немцам удалось утвердиться в Сицилии. Италия оказывалась окруженной германскими владениями и навсегда уходила из сферы византийского влияния.

Отношения между Византией и Германской империей отличались в конце XII в. особой сложностью.

В XII в. германская династия Гогенштауфенов всеми силами стремилась расширить свои права, Византия же упорно не признавала их императорского достоинства, настаивая на том, что только византийские василевсы могут носить императорскую корону. В полном соответствии с византийской политической доктриной Никита Хониат именует Исаака Ангела василевсом, Фридриха же Барбароссу называет королем, Φρεδέριχος...ρήξ [49]. Эта атмосфера взаимного соперничества, осложнявшегося противоречиями в Италии, неизбежно приводила к столкновениям. В период подготовки III крестового похода в Нюрнберге было составлено соглашение между Византией и Германской империей, по которому византийцы должны были беспрепятственно пропустить крестоносцев через территорию Ромейской империи, продавать им продовольствие и переправить в Малую Азию [50]. Тогда же (в июне или июле 1189 г.) Исаак заключил договор с Салах ад-Дином [51].

До конца июля 1189 г. Исаак Ангел был склонен выполнять все условия Нюрнбергского соглашения. Но к крестоносцам он все же не питал доверия и, вопреки договору, задержал послов германского императора. Чиновники Исаака держали себя враждебно. Нюрнбергское соглашение было нарушено, взаимное недоверие сторон росло. 25 августа 1189 г. Фридрих Барбаросса занял Филиппополь, затем Верою и ряд других городов. Конфликт в конце концов был улажен, но уже в ноябре 1189 г. Фридрих разрабатывал проект захвата Константинополя [52].

Фридрих Барбаросса погиб во время III крестового похода. Его преемник Генрих VI был не только королем Германии, но возложил себе на голову и сицилийскую королевскую корону. С приходом к власти Генриха VI опасность для Византии возросла. Наследуя ко-

рону Сицилийского королевства, Генрих унаследовал также ненависть норманнов к Византии [53]. Он требовал территории от Диррахия до Фессалоники, возмещения убытков, понесенных Фридрихом, настаивал, чтобы Исаак помог флотом крестовому походу. Никита Хониат утверждает, что Генрих VI угрожал войной, если ромеи не откупятся большой суммой денег [54]. Исаак Ангел отправил в Германию посольство, но тем временем был свергнут Алексеем III.

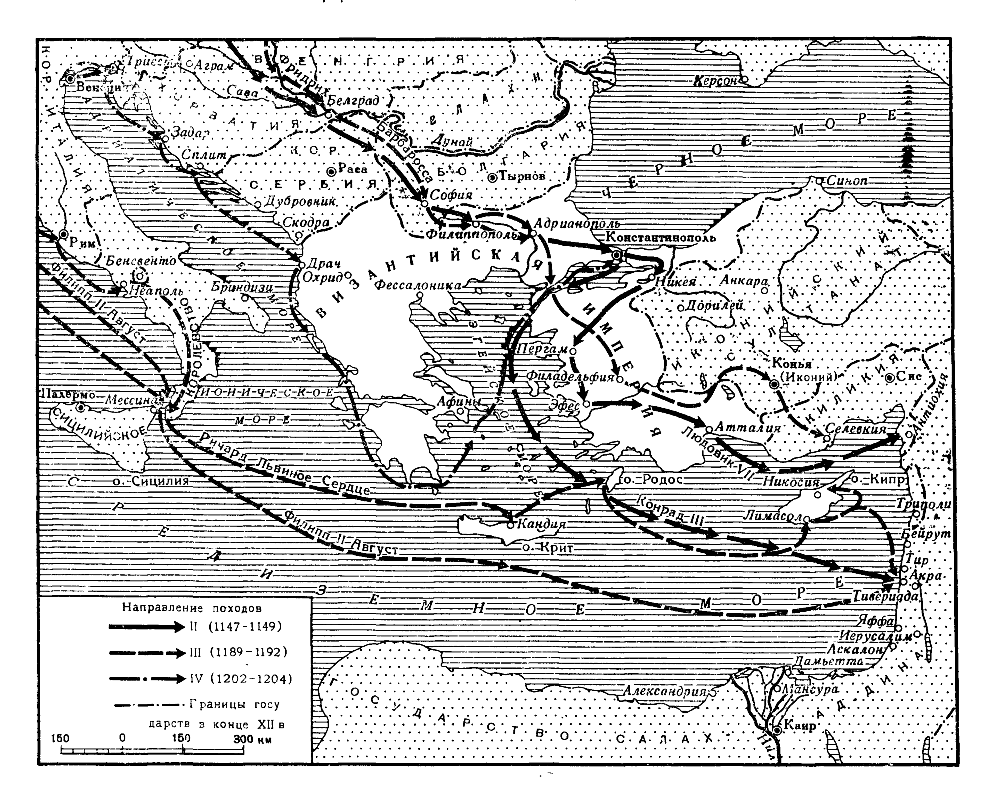
Генрих не преминул воспользоваться сложившейся обстановкой. Сперва он принял сторону нового императора. «Благодаря милости цезаря Алексей имел в своем распоряжении тевтонское войско, которое он призвал к себе. Пользуясь содействием тевтонов, он добился греческого царства»,— пишет Оттон Сен-Блезский. Вместе с тем после смерти Рожера дочь Исаака Ангела Ирина стала женой брата Генриха VI — герцога Филиппа Швабского. По сообщению того же западного хрониста, Исаак, в ущерб своему сыну, наследником ромейского престола признал Филиппа. Таким образом, у Генриха VI появились основания для того, чтобы выступить против Алексея III, мотивируя это стремлением утвердить попранные права Филиппа на византийский престол. В дальнейшем тесные связи между свергнутыми Ангелами и Германией сыграли большую роль в исходе IV крестового похода.

В 1196 г. Генрих VI выслал к Алексею III посольство с требованием помочь в замышляемом им крестовом походе. Германский император настаивал, чтобы Византия ежегодно выплачивала 50 кентинариев золота, и лишь впоследствии согласился снизить эту сумму до 16 кентинариев. Алексей приказал обложить все население «немецким налогом» — ἀλαμανικόν. Это вызвало бурное негодование, и Алексею пришлось отказаться от своего намерения. Он попытался использовать для уплаты золотую и серебряную церковную утварь, но натолкнулся на решительное сопротивление духовенства. Пришлось снять золото с царских гробниц. В 1197 г., в разгар подготовки к походу, Генрих VI умер, и предприятие сорвалось. Филиппу Швабскому в первые годы правления пришлось отказаться от активной политики на Востоке, ибо в Германии подняли голову его политические противники.

В таком международном окружении Византия вступала в XIII век, чтобы вскоре, в 1204 г., пасть под ударами участников IV крестового похода.

В 1198 г. папа Иннокентий III направил грамоты с призывом начать новый крестовый поход против неверных. Инициатива папы нашла широкий отклик, в походе собирались принять участие французские и фламандские рыцари, немцы, англичане, сицилийские норманны, венгры. Крестоносцы полагали отправиться морем, направив основной удар против Египта, где среди наследников Салах ад-Дина происходили постоянные междуусобицы. В апреле 1201 г. между шестью представителями крестоносцев и венецианским дожем Энрико Дандоло было заключено соглашение о переправе крестоносцев «за море». Венеция должна была предоставить суда для перевозки 4500 всадников с лошадьми, 9 тыс. щитоносцев и 20 тыс. пехоты. Корабли предоставлялись сроком на год; содержание крестоносцы

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ XI—XIII ВВ.



получали от Венеции. За все это они уплачивали 85 тыс. серебряных марок — по две марки с человека и по четыре с коня или мула. Во главе крестоносцев должен был встать Теобальд Шампанский, но вскоре после соглашения он умер, и по настоянию французского короля Филиппа II вождем крестоносцев избрали итальянского князя Бонифация Монферратского.

Весной 1202 г. крестоносцы начали собираться в Венеции, многие самостоятельно продолжали путь к Палестине. По условиям договора крестоносцы должны были уплатить фрахт независимо от числа собравшихся участников похода. Собралось же значительно меньше, чем ожидали, рыцари не смогли сделать последний взнос в 34 тыс. марок. Венеция не замедлила воспользоваться сложившимся положением и предложила крестоносцам отсрочку с тем условием, что они помогут захватить город Задар на Далматинском побережье. Крестоносцы ответили согласием, хотя город принадлежал венгерскому королю, также принявшему крест.

Весной 1202 г. произошло событие, которое повлияло на дальнейшее изменение направления похода. Из Византии в Италию бежал сын свергнутого императора Исаака Ангела — Алексей. Он явился к папе Иннокентию III и просил помочь ему и отцу вернуть утрачен-

ный престол. Ответ папы был уклончивым, и Алексей направился в Германию, к своему шурину Филиппу Швабскому. По дороге, в Вероне, он вел переговоры с крестоносцами, которые решили отправить и своих послов к Филиппу. Если Алексей поможет им освободить святую землю, говорили они, они будут способствовать ему в возвращении на престол. Таким образом, свои дальнейшие действия крестоносцы начали сообразовывать с возможностью активного вмешательства во внутренние дела Византийского государства [55]. Миссия царевича увенчалась успехом. Филипп направил к крестоносцам послов и просил помочь Алексею вернуть престол. Уже в Задаре, захваченном 24 ноября 1202 г., между послами Алексея и крестоносцами было заключено соглашение, согласно которому царевич, водворившись на престоле, должен был выплатить участникам похода 200 тыс. марок и в течение года содержать флот крестоносцев. Алексей соглашался выступить в Палестину с отрядом в 10 тыс. воинов и, кроме того, содержать в Палестине 500 воинов. Византийская церковь по этому соглашению должна была подчиниться римскому папе. 25 апреля 1203 г. Бонифаций Монферратский и Алексей прибыли в Задар, 1 мая — на остров Корфу, 23 мая флот направился в Константинополь.

Причинам изменения маршрута IV крестового похода посвящена значительная литература [56]. В ряде работ предпринята попытка выявить какую-либо основную причину, вызвавшую отклонение похода от первоначального пути и завоевание значительной части христианского государства. Между тем отклонение было вызвано не политической интригой, заблаговременно сплетенной Венецией, папством или Германией, а совокупностью противоречий между Византией и Западом, которые сложились в конце XI—XII вв. Папство мечтало о подчинении греков-схизматиков римской курии. Венеция добивалась безраздельного торгового господства, стремилась вытеснить из Византии конкурентов — Геную и Пизу. Немецкий двор издавна строил планы политического господства на Востоке. Для массы феодального рыцарства, наконец, выгоды, связанные с завоеванием Византии, казались несравненно реальнее, чем пресловутое освобождение святой земли.

Совокупность этих факторов и привела к «неожиданному» исходу похода, чему в немалой степени способствовали действия Алексея и Исаака Ангелов.

Крестоносцы приближались к столице, совершенно не подготовленной к обороне. Только после того, как в Диррахии признали императором царевича Алексея, Алексей III предпринял некоторые шаги, чтобы подготовить Константинополь к встрече с неприятелем, снарядил до 20 судов и приказал разрушить здания, находившиеся за городскими стенами. Византийцы старались забросать приближающиеся корабли ядрами, но были обращены в бегство. В это же самое время, утверждает Никита Хониат, дука флота Михаил Стрифн продавал гвозди, якоря, паруса, канаты, так что в гаванях не осталось ни одного крупного корабля.

Крестоносцы со всех сторон обложили город. Алексей III повел с ними переговоры, но без успеха — крестоносцы требовали отре-

чения в пользу Алексея IV. 17 июля 1203 г. крестоносцы начали штурм города. Под влиянием всеобщего возмущения Алексей попытался защитить столицу, но было поздно, и он бежал, захватив с собой 10 кентинариев золота. Императором вновь был провозглашен Исаак Ангел. Крестоносцы узнали об этом с удовлетворением, направили к Исааку послов, требуя, чтобы он подтвердил соглашение, заключенное в Задаре. Только после выдачи соответствующей грамоты крестоносцы покинули Константинополь и обосновались в Пере, а царевич Алексей вступил в столицу. Дальнейшая политика Алексея IV и Исаака (последний, впрочем, вскоре лишился реальной власти) проводилась исключительно в интересах крестоносцев. Была выплачена половина требуемой суммы — 100 тыс. серебряных марок. На это пошли все деньги, оставшиеся в казне после бегства Алексея III, суммы, конфискованные у его супруги Евфросиньи и ее родственников. Исаак посягнул также на церковные сокровища — мера, к которой в Византии прибегали лишь в исключительных случаях. Выплата второй половины долга оказалась очень затруднительной. Исаак попытался обложить столичных жителей экстраординарным налогом, но это вызвало решительное противодействие [57]. Обострялись также отношения между Ангелами и крестоносцами, но Алексей IV не решался выступить против них, как того требовали жители Константинополя.

25 января 1204 г. в храме св. Софии было созвано собрание синклитиков и высшего духовенства. Здесь бурно обсуждали вопрос об избрании нового императора. На этом собрании присутствовал и историк Никита Хониат. Никита был против смещения Алексея, утверждая, что эту меру крестоносцы используют для нового вмешательства во внутренние дела империи. Но судьба Ангелов была предрешена. После долгих споров в качестве кандидата на престол знать выдвинула Алексея Дуку Мурчуфла. Народ же настаивал на кандидатуре простого воина Николая Канава. Канав был коронован в храме св. Софии, но без патриарха [58]. Поначалу Мурчуфл соглашался признать Канава первым среди синклитиков, лишь бы тот отказался от венца. Но в решительный момент сторонники покинули Канава, и Мурчуфлу удалось схватить его [59].

Мурчуфл пришел к власти благодаря своим обещаниям освободить город от «латинян». Он решился обложить налогом тех, кто при Ангелах занимал высшие государственные должности, при нем начали укреплять городские стены. Эти меры, однако, оказались безрезультатны. В марте 1204 г. крестоносцы приняли решение о разделе Византии (Partitio Romanie)[60]. 9 апреля начался штурм города. Мурчуфл бежал, в Константинополе же разгорелась борьба между двумя претендентами на власть — Феодором Дукой и Константином Ласкарисом. Константин одержал верх, но даже не успел короноваться [61]. Он тоже пытался организовать оборону, но все было напрасно. С ничтожными (по сравнению с греками) силами[62] крестоносцы 12—13 апреля овладели византийской столицей, подвергнув ее неслыханному грабежу.

Последние десятилетия XII и начала XIII в. заполнены напряженной классовой и политической борьбой, охватившей все слои визан-

тийского общества. Интересы различных классов или классовых группировок иногда совпадали, но каждый класс преследовал свои собственные цели.

Раздираемая внутренними противоречиями, находящаяся в состоянии глубокого политического кризиса, Византия была не в состоянии сопротивляться натиску крестоносцев. Борьба внутри господствующего класса лишала правительство возможности консолидировать силы и противостоять надвигающейся опасности. Классовая база правительства резко сузилась. Вместе с тем нежелание господствующих классов поступиться своими интересами способствовало ожесточенности классовой борьбы и усугубляло кризис.

Таковы были непосредственные причины, обусловившие поражение Византии в 1204 г.

Глава

15

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XI—XII ВВ.

После заключения соглашения между Василием II и Владимиром отношения между Русью и Византией вступили в новую фазу. Ни с каким другим независимым государством Европы Византия не была тогда столь связана, как с Русью. Обе правящие династии были связаны тесными родственными узами. С согласия Владимира русский шеститысячный корпус остался на императорской службе и стал постоянной боевой единицей византийского войска [1]. Число русских наемников на военной службе в Византии стало весьма велико.

В Византии сложилось два центра, к которым тяготели все русские, по той или иной причине оказавшиеся в империи. Одним из них стал русский монастырь на Афоне, основанный, по-видимому, на рубеже X—XI или в самом начале XI в. Первое упоминание об этом монастыре, носившем имя Ксилургу («Древодела»), относится к 1016 г. Русский монастырь на Афоне возник, несомненно, в силу особой договоренности между правителями обеих стран [2]. Русские поддерживали монастырь вкладами и пожертвованиями. Русские паломники стали частыми гостями на Афоне, а также в Константинополе и в далеком Иерусалиме.

Гораздо бóльшую роль играл русский центр в столице империи. Здесь создалось своеобразное землячество, объединявшее не только купцов и дипломатов, но и военных, служивших в византийском войске, паломников, путешественников, духовных лиц. Русская колония в столице империи была, по всей вероятности, многочисленной

и составляла, с точки зрения византийских государственных деятелей, определенную политическую и военную силу. В 1043 г., когда стало известно о походе русских против Константинополя, император, опасаясь мятежа внутри города, распорядился выселить в разные провинции проживавших в столице русских воинов и купцов [3]. С русскими в Константинополе находились в тесном общении норманские купцы и воины. Норманские наемники входили, по-видимому, в состав русского корпуса.

На Руси, прежде всего в Киеве, в свою очередь появилось греческое население: штат греческого митрополита, возглавившего русскую православную церковь, византийские архитекторы, живописцы, мозаичисты, стеклоделы, певчие. Многие епископские кафедры Древнерусского государства были заняты греками.

Значение русского корпуса в военных силах империи ромеев было особенно велико именно в период между 988 и 1043 гг. Русский отряд принимал участие в войнах Василия II за завоевание Болгарии; в 999—1000 гг. русские участвовали в походе в Сирию и на Кавказ; в 1019 г. они защищали византийские владения в Италии от норманнов; в 1030 г. благодаря мужеству русских телохранителей Роман III Аргир избежал плена во время похода в Сирию. В 1036 г. русские входили в состав войска, взявшего крепость Перкрин на армянской границе; в 1040 г. они были в составе армии Георгия Маниака, посланного в Сицилию.

Отношения между Византией и Русью не претерпели существенных изменений и после смерти Владимира в 1015 г., несмотря на новое столкновение между византийцами и русскими. В конце царствования Василия II перед византийской столицей появился на однодеревках отряд русской вольницы во главе с родственником Владимира неким Хрисохиром (вероятно, прозвище — «Золотая рука»). Прибывшие заявили о своем желании поступить на византийскую службу. Однако на требование императора сложить оружие и явиться для переговоров Хрисохир ответил отказом, прорвался к Авидосу, разгромил отряд стратига Пропонтиды и появился у Лемноса. Здесь русские были окружены превосходящими византийскими силами и уничтожены [4].

Набег Хрисохира не отразился заметно на отношениях между обоими государствами. В 1016 г. Василий II был вынужден отправить «в Хозарию» (в Крым) военный флот, который «с помощью Сфенга, брата Владимира, зятя василевса, подчинил страну, захватив при первом же натиске ее архонта Георгия Цула» [5]. Сфенг неизвестен по другим источникам [6]. Георгий же Цул был стратигом Херсона.

Возможно, русские помогли византийскому императору подавить восстание Херсона против империи [7].

До войны 1043 г. мирные дипломатические и торговые сношения Византии с Русью развивались непрерывно. Более того, можно предполагать, что в это время постепенно возрастала не только военная, но и политическая роль русских в Византии. Вполне вероятно, что русские были среди тех «варваров», которых приблизил к своей особе родной брат русской княгини Анны Константин VIII. С ними он

ТКАНЬ.
Раскопки в Херсонесе. XII в.

решал важнейшие вопросы, возводил их в высокие достоинства и щедро награждал.

Не изменилось отношение к русским и при Романе III Аргире. В начале 30-х годов XI в. совершившие набег на Кавказ русские возвращались домой с добычей через земли империи, выйдя к Черному морю [8]. При Михаиле IV Ярослав Мудрый заложил в Киеве храм св. Софии с помощью византийских архитекторов. В это время собранные Ярославом «письце многы» переводили на славянский язык греческие книги. При Михаиле IV явился на службу к императору с 500 воинов друг, а впоследствии зять Ярослава Гаральд Гардар. Михаил V окружил себя «скифами»: «одни из них были его телохранителями, другие служили его замыслам» [9]. Русских и болгар отправил Михаил V против патриарха, приверженца сосланной императором Зои [10]. Иноземная гвардия защищала дворец, когда уже весь город был охвачен восстанием против Михаила V.

Резкие перемены в отношениях с русскими произошли с приходом к власти Константина IX Мономаха. Враждебность нового правительства отразилась на положении всех слоев русского населения империи. Константин очищал государственный аппарат от приверженцев и ставленников Пафлагонцев. Должны были пострадать все, кто пользовался расположением Михаила IV и Михаила V. Немилость императора — ставленника столичной гражданской знати отразилась особенно сильно на командном составе византийского войска. Мономах удалил не только советников Михаила V, но и те военные контингенты, которые пользовались особым расположением Пафлагонцев. Тотчас по воцарении Мономаха стал проситься домой Гаральд, ревностно служивший Михаилу IV и Михаилу V. Мономах отказал

Гаральду, что по отношению к свободному наемнику, представителю правящей династии Норвегии, было явно враждебным актом. Гаральд тайно бежал из Константинополя и вернулся домой через Киев, где сосватал себе дочь Ярослава Мудрого [11]. Важное значение для политического курса Константина по отношению к русским имел, несомненно, факт участия русского корпуса в мятеже Георгия Маниака [12].

Мономах воцарился в июне 1042 г. Антирусский курс Мономаха достаточно явно проявился уже в 1042 г. К этому времени следует относить и ссору на константинопольском рынке между русскими и греками. В результате ссоры был убит знатный русский и русским был причинен материальный ущерб.

Может быть, первым вестником об этих событиях в Византии и был Гаральд, рассказы которого в Киеве не могли, конечно, быть благоприятными для нового императора. Вполне возможно, что уже в это время на Афоне подверглись разгрому пристань и склады русского монастыря [13].

Убийство знатного русского в Константинополе, конечно, не могло быть подлинной причиной последовавшего военного столкновения. Ярослав Мудрый, весьма дороживший международными связями и авторитетом Руси, использовал этот факт лишь как повод к походу [14], причины которого лежали в изменении общей политики Византии по отношению к Руси [15]. У Мономаха были все основания остерегаться войны с русскими. По крайней мере весной 1043 г. он знал о предстоящем походе: Катакалон Кекавмен, стратиг Паристриона, получил приказ охранять западные берега Черного моря, а из Константинополя были выселены русские купцы и воины.

В мае или июне 1043 г. флот русских во главе с сыном Ярослава Владимиром достиг болгарского побережья. Кекавмен препятствовал русским высаживаться на берег. В составе русского войска находились и норманские союзники Ярослава. В июне 1043 г. множество русских судов появились в виду Константинополя. Мономах пытался завязать переговоры, обещая возместить ущерб, понесенный русскими, и призывая «не нарушать издревле утвержденного мира». Владимир был непреклонен. Однако в завязавшемся морском сражении русские потерпели поражение. Византийские суда жгли русские однодеревки греческим огнем и опрокидывали их. Поднявшийся ветер выбросил часть русских ладей на прибрежные скалы. Спасшихся на берегу встречало византийское сухопутное войско. Русские отступили, однако посланные вдогонку византийские военные корабли были окружены ими в одной из бухт и понесли тяжелые потери.

У русских не хватало судов для обратного пути, и часть отрядов во главе с воеводой Вышатой должна была возвращаться по суше. Однако немногочисленное пешее русское войско встретилось с Кекавменом близ Варны. 800 русских, в том числе и сам Вышата, попали в плен.

По-видимому, вскоре после похода между русскими и византийцами начались переговоры. Обе стороны желали мира. Очевидно, Византия пошла на уступки. Через три года Вышата был отпущен:

ущерб русскому монастырю на Афоне был возмещен. Новый договор был скреплен в промежуток между 1046 и 1052 гг. браком сына Ярослава Всеволода с дочерью Мономаха, которая носила, может быть, имя Марии [16]. Вероятно, в 1047 г. на помощь Константину IX прибыл русский отряд, принимавший участие в подавлении восстания Льва Торника [17]. Таким образом, дружественные отношения русских с империей были восстановлены.

Новые осложнения возникли в 1051 г. Русь в это время находилась в дружественных отношениях с западноевропейскими странами и с папством, тогда как Византия стояла на пороге схизмы 1054 г. Вероятно, непомерные политические притязания Кирулария, попытавшегося через киевского митрополита воздействовать на внешнюю политику Древней Руси, получили отпор. Ярослав был недоволен митрополитом-греком, и в 1051 г. вопреки воле Константинополя возвел на митрополичий престол русского церковного деятеля Илариона. Конфликт был, однако, вскоре улажен. Митрополитов на Русь по-прежнему поставляла Константинопольская патриархия.

После смерти Ярослава ослабла власть великого князя. Разные княжеские центры Руси стремились к независимой внешней политике. Глухое соперничество вылилось в междоусобицы, захлестнувшие Русь после 1073 г. Отношение к Византии утратило характер единой государственной политики. В борьбе за политическое преобладание важное значение приобрел вопрос о взаимоотношениях между епископскими центрами, обострились отношения отдельных епископий с Киевской митрополией. Князья мечтали об учреждении автокефальной церкви или собственной митрополии, независимой от киевского митрополита. Все это позволило византийской дипломатии вести тонкую и сложную игру на Руси. Наибольшее внимание Византии привлекал, как и прежде, Киев, затем Тмуторокань и Галицкая Русь.

В торговых отношениях Византии и Руси в XI—XII вв., очевидно, не произошло особенно глубоких перемен. Русские купцы торговали на рынках империи, а греческие приезжали на Русь. Вероятно, непосредственная зависимость торговли от политики, характерная для IX—X вв., постепенно ослабевала. Падало значение русских военных сил в византийской армии. Экономический прогресс местных русских центров и возрастание потребности соперничавших друг с другом князей в военной силе обусловили сокращение потока русских наемников в Константинополь. В 50—70-х годах XI в. русские наемники еще служили в византийском войске. Однако к концу XI в. сведения о них становятся редкими. С 1066 г. место русских в византийской армии постепенно занимают англичане [18], особенно после того, как в 1079—1080 гг. варяго-русская дружина в Константинополе подняла мятеж против Никифора III Вотаниата и подверглась репрессиям.

С середины XI в. взоры византийских императоров все сильнее привлекает Тмуторокань. К 1059 г. Византия владела Восточным Крымом (Сугдеей) [19]. Между населением греческих колоний в Крыму и жителями Тмуторокани установились дружественные отношения. Экономическое значение Херсона падало, и овладение богатой и

удаленной от основных русских земель Тмутороканью становилось для Византии все более заманчивым делом. Однако Византия соблюдала осторожность. Случай представился лишь в царствование Алексея I. В 1079 г., еще при Вотаниате, по соглашению с византийским двором великому князю Всеволоду удалось сослать в Византию тмутороканского князя Олега. Олег и стал орудием замыслов Алексея I. Он прожил в Византии четыре года. Там он женился на знатной гречанке Феофано Музалонисе. В 1083 г. Олег вернулся и, видимо, с помощью империи снова утвердился в Тмуторокани, которой владел, может быть, до своей смерти в 1115 г. [20] С 1094 г. упоминания о Тмуторокани исчезают из русских летописей. Разгадку этого, по всей вероятности, следует видеть в том, что, помогая Олегу вернуться, Алексей обеспечил себе верховные права на Тмуторокань. Подтверждение этому можно усмотреть в сообщении Мануила Страворомана о том, что Алексей I сделал приобретение на «Боспоре Киммерийском» [21], где и находилась Тмуторокань.

До 1115 г. между Киевом и Константинополем сохранялись тесные дружественные связи, заключались династические браки, члены семьи киевского князя путешествовали в Константинополь, ширилось паломничество. И совершенно неожиданно в 1116 г. русские войска великого князя приняли участие в походе против Византии на Дунай. Эти действия могли быть ответом на захват Тмуторокани Алексеем I. Владимир Мономах даже попытался удержать за собой несколько византийских городов на Дунае.

Мирные отношения были, однако, вскоре восстановлены и сохранялись почти до середины XII в. В 40-х годах этого столетия Русь оказалась втянутой в конфликт между Венгрией и Византией. Киевская Русь вступила в союз с враждебной Византии Венгрией. Галицкая и Ростово-Суздальская Русь были, напротив, врагами Венгрии и Киевской Руси и союзницами империи. Таким образом, тылам каждого участника одной из этих обширных коалиций угрожал участник другой коалиции [22].

Эта расстановка сил не замедлила сказаться на отношениях между Киевом и Константинополем. Шурин венгерского короля Гейзы II киевский князь Изяслав в 1145 г. прогнал греческого митрополита. На митрополичий престол был возведен русский иерарх Климент, который занимал этот пост дважды, в 1147—1149 и в 1151—1154 гг. Став великим князем, ростово-суздальский князь, союзник Византии, Юрий Долгорукий вернул русскую церковь под византийское верховенство. Однако через несколько лет после его смерти греческий митрополит был снова изгнан из Киева. Киевский князь Ростислав отказался в 1164 г. принять нового греческого митрополита. Лишь с помощью богатых даров Мануил I смог заставить Ростислава уступить. Великий князь требовал, чтобы патриарх впредь назначал митрополита с его согласия, и, может быть, постепенно этот порядок стал неофициальным правилом в отношениях Руси и Византии [23].

В 60-х годах XII в., таким образом, наметился союз между Византией и Киевской Русью. Галицкая Русь, напротив, разорвала при Ярославе Осмомысле дружественные связи с империей, вступила в союз с Венгрией и оказала поддержку сопернику Мануила I —

знаменитому авантюристу Андронику Комнину [24]. Но императору удалось не только упрочить союз с Киевом, но и отколоть Галицкую Русь от Венгрии. Свидетельством тесных дружественных связей Византии с Русью в это время является быстрый рост числа русских монахов на Афоне. В 1169 г. афонский протат уступил русским большой запустевший монастырь Фессалоникийца со всеми его владениями, сохранив за русскими и обитель Ксилургу. Монастырь Фессалоникийца, или Русский монастырь св. Пантелеймона, скоро стал одним из крупнейших монастырей Афона, и в течение многих веков играл значительную роль в развитии культурных русско-византийских и русско-греческих связей. Существовал к концу XII в. и в Константинополе специальный русский квартал («убол» — «эмвол»).

Дружественные отношения Византии с русскими сохранялись при представителях династии Ангелов. Политика доброго согласия с Русью стала с середины XI в. традиционной для византийских государственных деятелей, несмотря на все превратности внутренней политической жизни империи. Можно предполагать, что в какой-то степени эта политика обусловливалась общей половецкой опасностью, угрожавшей и Руси и Византии. Борьба русских с половцами отвечала интересам империи. Иногда русские князья оказывали прямую военную помощь Византии против половцев [25].

Постепенно в тесные отношения с империей втягивались и другие русские центры (Новгород, Ростов, Суздаль, Владимир, Полоцк, Перемышль). Именно в XI—XII вв. сложились и окрепли те культурные русско-византийские связи, которые оставили глубокий след в духовном развитии Руси. Падение Константинополя в 1204 г. и завоевание европейских владений империи латинянами временно нарушило нормальное развитие русско-византийских отношений.

Глава 16

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ

Культурный подъем, наметившийся уже в середине IX в., становится особенно значительным в XI—XII вв. В это время наблюдается прогресс в системе высшего образования, появляются и распространяются в борьбе с мистикой рационалистические философские учения, расцветает филологическая школа, подготавливая тот материал, который послужил одной из основ европейского возрождения.

Византийская система начального образования сложилась в предыдущие века и в рассматриваемый период не претерпела существенных изменений. Читать и писать учили по Библии (главным образом по псалтири), а также по поэмам Гомера. Для девочек, как правило этим первым этапом обучение и ограничивалось, а мальчики переходили в 10—12 лет к следующему этапу — изучению грамматики. Методика преподавания не изменилась: преобладало комментирование (толкование) текстов Библии, святых отцов и античных авторов. По-видимому, в XI в. в элементарное обучение была введена так называемая схедография, т. е. письменные упражнения, заключавшиеся в подборе синонимов, а также в разъяснении отдельных слов предложенного учителем текста. Такие упражнения нередко перерастали в формальную игру слов, в импровизированное составление кратких риторических сочинений, где фразам сознательно придавалось двусмысленное значение, так что понимание их превращалось в настоящую разгадку шарад [1].

Разумеется, распространение грамотности отнюдь не было всеобщим, и даже среди священников и чиновников встречались люди, вынужденные ставить крест вместо подписи. Императорское законодательство специально должно было учитывать, что во многих местах невозможно найти достаточное число грамотных людей, и разрешало в таком случае брать в свидетели (при составлении завещаний) тех, кто не умеет читать и писать [2].

Если для сыновей ремесленника усвоение элементарной грамоты и ремесленных навыков составляло весь круг воспитания, то в аристократических семьях (во всяком случае в XII в.) воспитание непременно включало в себя обучение военному делу, верховой езде и охотничьему искусству.

С середины IX в. оживляется в Византии высшее образование. В 863 г. кесарь Варда привлек к руководству Константинопольским университетом одного из виднейших тогдашних ученых Льва Математика (см. выше, стр. 86). Университет помещался в Магнаврской палате Большого дворца. В системе преподавания важное место принадлежало светским знаниям: арифметике, геометрии, астрономии, музыке [3]. Константин Багрянородный покровительствовал университету, из учеников которого выходили, по характерному выражению Продолжателя Феофана, судьи, податные сборщики и митрополиты [4]; иными словами, здесь была сосредоточена подготовка высших светских и духовных должностных лиц империи. В правление Василия II мы ничего не слышим об университете, зато особенный подъем переживает он в середине XI в., в царствование Константина IX Мономаха. В университете было создано два факультета: юридический и философский. Юридический факультет (διδασκαλεῖον νόμων), основанный по специальному указу Константина IX [5], помещался в монастыре св. Георгия в Манганах, возглавлял его номофилак (буквально: «страж законов»), который, кроме своей непосредственной специальности — права, должен был знать латинский язык; ему вменялась также в обязанность организация необходимой для изучения права библиотеки. Обучение на факультете было безвозмездным, занятия проходили ежедневно, кроме воскресений и праздников.

Номофилак причислялся к синклитикам и получал жалование в размере четырех литр золота, не считая шелковой одежды, продуктов и пасхального подарка. Формально он считался несменяемым, однако новелла Константина IX специально оговаривала, что небрежность или даже неуживчивость номофилака является достаточным основанием для его смещения.

Во главе философского факультета стоял ипат философов. В обучении, помимо философии и богословия, большое внимание уделяли чтению и толкованию античных авторов, а также риторике, арифметике, геометрии, астрономии. У Пселла сохранилось живое описание занятий на факультете: при появлении профессора ученики вскакивали с мест, а он поднимался на кафедру и осматривал зал, который обычно был неполным. Многие студенты опаздывали, ибо их мысли занимало не учение, а разные иные интересы, особенно зрелища; в дождь же вообще аудитория пустовала. Своеобразие метода обучения состояло в том, что студенты задавали вопросы, а профессор,

отвечая на них, превращал свой ответ в лекцию, которую студенты записывали, держа тетради на коленях. Вопросы должны были касаться определенной тематики. Помимо того, студенты писали упражнения, которые профессор подвергал критике и исправлял.

В середине XI в. университет был идейным центром Константинопольской столичной знати. Философский факультет возглавлял Михаил Пселл, юридический — его друг Иоанн Ксифилин, будущий патриарх; здесь же преподавал и Константин Лихуд, один из вождей сановной аристократии. По-видимому, с приходом к власти Комнинов университет оказался в оппозиции к правящей клике и церковной верхушке во всяком случае ипат философов Иоанн Итал был обвинен в ереси и подвергнут осуждению. С начала XII в. университет перестает упоминаться в источниках и когда в 60-е годы XII в. должность ипата философов всплывает вновь, она оказывается в руках церкви: новый ипат философов Михаил, племянник митрополита Анхиальского (см. о нем выше, стр. 308), использует свою должность для борьбы против всякого пробуждения рационализма. В XII в. высшее образование сосредоточивается преимущественно в Константинопольской патриаршей академии [6].

Патриаршая академия помещалась в храме св. Софии, а кроме того, занимала несколько других зданий столицы. Преподавание вела коллегия из 12 учителей, одни из которых разъясняли Библию, другие же — обучали риторике. Высшей учительской должностью была должность магистра риторов. Магистра риторов назначал император, и назначение это обычно сопровождалось включением в состав синклита [7]. Тесно связанный с императорским двором, магистр риторов должен был произносить ежегодно в день богоявления (6 января) похвальную речь императору, а затем в так называемую субботу Лазаря (перед вербным воскресеньем) — панегирик патриарху. После нескольких лет преподавательской деятельности магистр риторов получал обыкновенно назначение на какой-либо из митрополичьих престолов.

В XII в. возникла и высшая школа в подворье церкви св. Апостолов, где — наряду с традиционными дисциплинами (грамматика, риторика, арифметика и т. п.) предметом изучения сделалась также медицина. Обучение носила здесь характер семинарских дискуссий, участниками их были люди разных возрастов; можно было слышать, например, как врачи спорят о венах и артериях, о пульсе или лихорадке. На следующее утро патриарх, считавшийся покровителем школы, выносил решение по спорному вопросу [8].

В XII в. широко распространяются литературно-философские кружки, группировавшиеся обычно вокруг каких-либо влиятельных аристократов, чаще всего — женщин из дома Комнинов. Участники этих кружков вели беседы на научные темы, составляли руководства по разным наукам, посвященные знатным покровительницам, вели переписку и затем издавали сборники своих тщательно отредактированных и расположенных в хронологическом порядке писем. Уважение к знаниям и культ бескорыстной дружбы поддерживались в этих кружках, что напоминает в какой-то мере атмосферу более поздних кружков эпохи Возрождения.

Недифференцированность научных знаний свойственна была средневековым ученым вообще и византийским в частности. Крупный ученый проявлял обычно интерес к самым разным вопросам: к философии и математике, к истории и астрономии, к тому же он пробовал свои силы и в художественном творчестве. Эта недифференцированность знаний, объяснявшаяся в конечном счете неразвитостью научной мысли, поддерживалась и тем обстоятельством, что источником знаний была в гораздо большей степени традиция, нежели опыт; знания черпались преимущественно из библейской и патристической литературы, из произведений древнегреческих писателей. Жажда знаний вела в это время не к расширению эксперимента, а к систематизации традиции — отсюда проистекает столь характерная для ученых того времени страсть комментировать, составлять словари, толкования, тематические сводки. Сочинения отцов церкви и античных авторов давали нередко готовые ответы на волновавшие византийцев проблемы — и это облегчало развитие научной мысли, но вместе с тем и сковывало ее. Усваивая подчас колоссальную литературу, византийские ученые оказывались образованнее своих западных современников, и в то же время эти знания оборачивались мертвым грузом, тяжким бременем, под которым чахла, не успев расцвести, живая мысль.

Интерес к научной традиции был порожден жизненными потребностями, вызван практическими, утилитарными нуждами [9], но античный опыт далеко не всегда отвечал этим потребностям, превращаясь нередко в камень вместо хлеба. Математика, астрономия, зоология, медицина и многие другие дисциплины сводились по существу к систематизации традиции, даже если эта традиция уже отставала от жизни. Впрочем, несомненно, жизненный опыт, практика пробивали себе время от времени дорогу через баррикады традиционных суждений.

У порога рассматриваемого периода стоит Фотий, политический деятель (см. выше, стр. 173), патриарх и вместе с тем один из крупнейших знатоков древней литературы. Фотием был составлен первый библиографический труд средневековья — так называемый «Мириобиблион» (буквально: «Множество книг»), или «Библиотека», где собраны сведения о 280 произведениях древнегреческих и византийских авторов, причем несколько десятков из этих сочинений известно нам только по описанию Фотия [10]. В своих записках (по современной терминологии — аннотациях) Фотий сообщает библиографические данные об авторе прочитанного сочинения, содержание последнего, нередко приводит отрывки из текста, высказывает критические замечания. Тематика охарактеризованных в «Мириобиблионе» трудов чрезвычайно разнообразна: мы встретим там книги по истории и любовные романы, философские и медицинские работы, богословские трактаты и ораторские произведения. Помимо «Мириобиблиона», Фотию принадлежат также словарь, целью которого было облегчить понимание античных текстов, а кроме того — богословские трактаты и письма.

Интерес Фотия к античной литературе породил даже обвинение его в язычестве: о нем говорили, что во время богослужения он не читал молитв, а бормотал стихи светских поэтов. Фотий интересовался также естественными науками, хотя и опирался на книжную традицию, а не на опыт. Он пытался объяснить естественными причинами землетрясения, заявляя, что они вызываются «не обилием грехов, но избытком воды» [11]; он критически относился к космологии Косьмы Индикоплова [12] и отвергал его взгляд, будто небо и земля — это плоскости, лежащие друг против друга (в духе эллинистической науки Фотий отстаивал мысль о сферичности земли). Но ему не чужды были и обычные средневековые суеверия: он признавал воздействие Луны на состояние здоровья и даже допускал, что в человека могут вселиться злые демоны, вызывая боль в желудке.

Учеником Фотия был архиепископ Кесарии Каппадокийской Арефа (после 850 г.— середина X в.) [13], активный участник политической борьбы в правление Льва VI (см. выше, стр. 180). Творчество Арефы, если не говорить о толковании библейских текстов, носит по преимуществу публицистический характер: это — политические памфлеты, полемика по богословским и каноническим вопросам. И тем не менее роль Арефы в филологической науке, в собирании классического наследия не менее значительна, чем роль Фотия: по заказу Арефы были переписаны с уникальных кодексов лучшие сохранившиеся до нашего времени списки Платона, Евклида и ряда других античных писателей, причем Арефа отмечал разночтения, вносил собственные конъектуры, комментировал тексты. Наряду с античными авторами он собирал и снабжал толкованиями произведения отцов церкви.

Сохранилось немало рукописей из библиотеки Арефы, изготовленных высококвалифицированными писцами. Текст в этих рукописях обычно располагали так, чтобы оставались довольно обширные поля для собственных пометок (схолий). Некоторые тексты византийские ученые специально переписывали для изучения и комментирования. При этом нередко употреблялись особые знаки для связи отдельных фраз или слов основного текста с относящимися к ним схолиями. Таким путем достигалась известная точность в работе [14].

К этому же периоду относятся древнейшие сохранившиеся до нашего времени византийские рукописи, где употребляются специальные значки для обозначения химических элементов, планет, некоторых терминов. Значки эти, воспринятые из античных рукописей, служили не для магических целей, как это может с первого взгляда показаться, а для рационализации процесса письма: они выполняли роль современных химических и прочих формул. С помощью этих значков, понятных ученым, читавшим и писавшим текст, достигалась некоторая экономия времени и труда писца, а также писчего материала, очень в то время дорогого. Той же цели служили и сокращения отдельных слогов и целых слов, широко применяемые византийскими писцами в рукописях ученого содержания.

В начале X в. между Арефой Кесарийским и другим видным политическим деятелем и ученым Львом Хиросфактом (см. о нем выше, стр. 182) вспыхнула полемика, отразившая противоречие двух

ЗАСТАВКА ИЗ РУКОПИСИ ПАРИЖСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ.
Начало XI в.

направлений в изучении античного наследия: одно направление, представленное Фотием и Арефой, опиралось на Аристотеля, на эллинских историков и ораторов; другое же интересовалось прежде всего Платоном и неоплатониками, античными лириками и трагиками [15]. В памфлете «Хиросфакт, или ненавистник чародейства» Арефа обвинял своего противника в увлечении язычеством, в отречении от

христианской веры, в том, что тот превращает церковь в театр и занимается эллинской музыкой. Видимо интерес Льва Хиросфакта к античности казался чересчур радикальным даже для Арефы, хотя не исключено, что в пылу полемики он заходил слишком далеко.

Огромная работа по систематизации традиции была проделана при дворе Константина Багрянородного при непосредственном участии самого императора. В это время были составлены многочисленные сборники эксцерптов (извлечений) из древних авторов, связанные единством темы, как-то «Извлечения о посольствах» или «О добродетели и пороке». Сборники эти (особенно сборник «О заговорах против императоров», к сожалению, сохранившийся лишь в незначительных фрагментах) имели определенные политические задачи и предназначены были использовать опыт древности для решения современных проблем. Еще в большей степени эта политическая актуальность свойственна сочинениям Константина Багрянородного и его помощников, созданным на базе византийских архивов: книга «О фемах» содержала сведения о географии Византийской империи, книга «О церемониях» давала сводку материалов о ритуале дворцовой жизни, книга «Об управлении империей» посвящена была истории соседних народов и их взаимоотношений с империей (см. выше, стр. 111). Задачи, поставленные Константином Багрянородным, были актуальными, но средства для их решения лишь в незначительной степени черпались из тогдашнего политического опыта и наблюдений. Современный опыт заслонен был традицией, которая представлялась средневековому автору вполне реальной и жизненной; поэтому, например, географический очерк в книге «О фемах» отвечает по существу действительности не X в., а значительно более раннего времени.

Стремление к систематизации традиции, к составлению компилятивных сводов и справочников вообще чрезвычайно показательно для конца IX и X в. В это время появляется энциклопедический словарь, носящий загадочное название «Суда» или «Свида», которое еще недавно считали именем собственным автора: он содержит не только разъяснение редких слов, но и статьи, посвященные историческим деятелям и событиям прошлого; «Суда» охватывает как античную, так и средневековую историю Византии и ее соседей (например болгар) [16]. В это же время была создана и сельскохозяйственная энциклопедия — «Геопоники» [17]. Это компиляция из сочинений античных агрономов, где лишь изредка встречаются сведения, свидетельствующие о личном опыте составителя. В X в. создаются и обширные сборники литературных памятников. Константин Кефала собрал лучшие образцы античных и византийских эпиграмм, распределив их тематически по главам; этот свод получил в дальнейшем название Палатинской антологии. Симеон Метафраст составил сборник греческих житий, подвергнув при этом оригиналы редакционной правке [18]. Наконец, при Льве VI были изданы «Василики» (см. о них выше стр. 179) — свод правовых норм, созданный для практических нужд, но предназначенный решать практические задачи, основываясь, однако, на компиляции Юстинианова права.

Учеными IX—X вв. была проведена огромная работа по систематизации античной и патристической традиции. В дальнейшем

АРХАНГЕЛ МИХАИЛ ИЗ «СЛОВ» ИОАННА ЗЛАТОУСТА.

1078 г.

эрудитское комментирование теряет свой прямой смысл и подчас превращается в пустую игру учеными терминами и экзотическими именами. К тому же ученые XII в. все чаще приобретают знания не путем непосредственного обращения к подлиннику, а из разнообразных словарей и толкований. Вырождение эрудитства всего отчетливее проступает в творчестве Иоанна Цеца, писателя XII в. Сын образованного человека, сам получивший хорошее по тому времени образование, Цец занимал невысокий служебный пост и всю жизнь боролся с нищетой. Как всякий неудачник, Цец болезненно переживает малейшие сомнения в своей талантливости или образованности и постоянно подчеркивает, как много он знает. Он, оказывается, владеет множеством языков, в том числе и русским, хотя на самом деле он вряд ли мог произнести что-нибудь, кроме несложного приветствия: «Здравствуй, сестрица» или «Добрый день» [19]. Он гордится, что держит в голове целую библиотеку, что никогда еще бог не создавал человека с лучшей памятью, нежели Цец.

Но как же использовал Цец свою память и свои знания? Он выпустил сборник писем — частично настоящих, частично фиктивных — и снабдил их обширным стихотворным комментарием, озаглавленным «Книга историй», но известным под условным титулом «Хилиады» («Тысячи»), поскольку первый издатель разделил это сочинение на 13 отделов, примерно, по тысяче строк каждый. «Хилиады» буквально переполнены сведениями по греческой мифологии, истории, литературе, искусству — но сведения эти сообщаются хаотично и цель их — показать начитанность самого писателя. Кроме того, Цецу принадлежат комментарии к ряду античных авторов (Гомеру, Гесиоду, Аристофану и др.), где он охотно прибегает к аллегорическому истолкованию текста [20].

Если Цец — это чуть-чуть скорбная и вместе с тем немного комичная фигура последнего эрудита, не знающего, что делать с собственной ученостью, то уже в XI в. появляются ученые нового склада, для которых накопление и систематизация знаний перестают быть самоцелью. Усвоенное ими античное наследие приводит к конфликту с богословскими догмами.

Начало новому этапу в развитии науки было положено ипатом философов Михаилом Пселлом (1018 — ок. 1096).

Пселл—одна из самых сложных и противоречивых фигур в истории византийской культуры [21]. Видный чиновник, ловкий интриган, сумевший снискать расположение самых разных императоров, жадный приобретатель чинов и поместий и вместе с тем, пожалуй, самый всеобъемлющий ум в византийской истории; не знающий усталости университетский профессор, который ночи напролет готовится к занятиям; автор бесчисленных произведений по математике, философии, филологии, богословию, истории, праву, медицине, музыке, астрономии, агрикультуре... Конечно, эти сочинения в основе своей компилятивны, однако в целом Пселл пошел дальше своих предшественников-эрудитов конца IX—X в. Во-первых, он содействовал расширению интереса к античной философии: если до Пселла из античных философов только Аристотель пользовался авторитетом, если Фотий с осуждением и раздражением говорил о Платоне, то Пселл,

развивая мысли ученого X в. Льва Хиросфакта, обратился к Платону и неоплатоникам, которых он трактовал как предшественников христианства. Идеями неоплатонизма пронизано его сочинение «Всеобщее наставление» (Διδασκαλία παντοδαπή); от неоплатоников Пселл заимствовал учение о трех основных сущностях: Едином (или боге), Высшем разуме и Душе; от неоплатоников воспринял он и учение о героях и демонах как посредниках между богом и людьми.

Во-вторых, Пселл отстаивал рационализм, выступая против невежественных монахов, которые, по его словам, предают Платона анафеме, словно сатану. Пселл высмеивал веру в чудеса, считая, что каждое явление имеет свою естественную причину. Развивая мысли Фотия, он писал: «Бог, само собой разумеется, есть конечная причина землетрясений, как и других вещей, но ближайшая причина (προσεχὲς αἴτιον) землетрясений — поднимающийся из земли ветер» [22]. Природа (φύσις) представлялась ему началом, рассеянным везде, невидимым, но постижимым разумом. В соответствии с этим он выделял две части философии: одна из них имеет своим предметом то, что постигается духом, т. е. потусторонний мир («вечности»), предмет второй — земной мир, доступный разуму. Огромное значение Пселл придавал математике, которая, по его словам, уступает лишь богословию; при этом Пселл подчеркивал единство геометрии (науки о протяженном) и арифметики (науки о непротяженном) и видел в этом единстве наук отражение единства протяженного и непротяженного. Однако рационализм Пселла непоследователен, и в минуту опасности он готов был отказаться от своих античных учителей; да, он возлюбил Платонов и Хрисиппов — но лишь в определенных пределах; из их учения он кое-что опустил вовсе, а воспринятое соединил со священной мудростью, «как это делали Григорий и Василий, великие светочи церкви» [23].

Человек средневековья, Пселл считал теологию первой мудростью и видел свою задачу в сочетании античной философии с христианством, рассуждений, основанных на силлогизме, с верой. Полемизируя с мистицизмом патриарха Михаила Кирулария, Пселл сам отдавал дань мистицизму в духе неоплатоников, говоря об устремлении души к Единому. Высмеивая магию, он, тем не менее, в трактате «О свойствах драгоценных камней» останавливался прежде всего на сверхъестественных свойствах, приписываемых минералам.

Гораздо более свободен Пселл в историческом творчестве. В его «Хронографии» (см. выше, стр. 110) нет следов традиционного представления о сверхъестественной первопричине исторического процесса: историю творят люди, руководствуясь своими корыстными побуждениями. Принадлежа к господствующему классу, Пселл осуждал в «Хронографии» любые попытки выступления народных масс. Павликианское учение о зле как о сущем в природе и обществе было отвергнуто Пселлом; в соответствии с христианскими принципами он рассматривал зло как относительную категорию, как отсутствие блага. Вместе с тем Пселл критиковал многие отрицательные стороны византийской действительности: лицемерие монашества, деспотизм императоров, безудержные траты двора.

Рационалистические тенденции, зарождавшиеся у Пселла, нашли дальнейшее и более радикальное развитие в творчестве его младшего современника Иоанна Итала.

Иоанн был выходцем из Италии. Он обучался в Константинополе и некоторое время слушал лекции Пселла, но очень скоро разошелся со своим учителем, ибо, по словам Анны Комниной, он не выносил учителей и не терпел учения. Многое их разделяло: Пселл был сама осторожность и более всего стремился жить в мире со всеми властями, Итал же оказался человеком резким и неуживчивым, не сдержанным в речах, вспыльчивым и готовым в ходе научной дискуссии вцепиться в бороду противника. И в своем учении Итал шел дальше осторожного Пселла: основываясь на классиках греческой философии (прежде всего на Аристотеле и Платоне), Итал ставил под сомнение такие богословские догматы, как таинство воплощения Христа, и приходил к выводу, что материя вечна и что идеи, придающие ей форму, столь же исконны, как бог. Итал отрицал учение церкви о посмертной судьбе душ и склонялся к тому, чтобы признать либо переселение душ, либо полное исчезновение человеческой души после смерти. В соответствии со своим рационализмом Итал отказывался поклоняться иконам [24].

Рационалистическое учение Итала осталось чуждым константинопольскому плебсу (δῆμος) [25] и нашло распространение преимущественно в кругах городской интеллигенции, но объективно оно было антицерковным, антифеодальным, отвечавшим прежде всего интересам горожан. Алексей I приказал рассмотреть дело Итала на церковном соборе 1082 г. [26] Философ держался с достоинством, отвергая обвинения и отстаивая справедливость своих суждений. Он был предан анафеме, и вместе с ним подверглись осуждению многие его ученики. Дальнейшая судьба Итала неизвестна.

Рационалистическим тенденциям в науке XI—XII вв. соответствует и усиление интереса к положительным знаниям. В XI в. появляется ряд работ по медицине и фармакологии, среди которых особенно значительным был трактат Симеона Сифа «О свойствах растений». Сиф опирался не только на античную традицию, но и на личный опыт и на арабскую медицинскую литературу. Больничное дело достигает в Константинополе XII в. высокого уровня: больница, основанная Иоанном II при столичном монастыре Пантократора, имела постоянный штат врачей и ассистентов, в том числе специалистов — хирургов и акушерок. Помимо больницы на 50 коек, при монастыре имелась школа для обучения врачебному искусству, а также велся регулярный прием приходящих больных. Врачей делили на две смены, каждая из которых работала в течение месяца; жалование врачам выплачивалось деньгами и хлебом, они пользовались даровой квартирой, освещением и монастырскими лошадьми, правда, при этом им категорически возбранялась частная практика [27].

Значительно распространяется в XII в. астрология, пользовавшаяся поддержкой Мануила I. Пронизанная множеством предрассудков и наивной верой в связь между расположением светил и земными событиями, наука эта, тем не менее, способствовала расшире-

нию представлений о вселенной и попыткам обнаружить в самой природе естественные причины событий.

Расширяются и географические горизонты византийцев, и их этнографические интересы. В письмах тех лет подчас обнаруживаются живые описания окраин империи или соседних народов, где подмечены особенности быта, одежды, питания, жилищ [28].

С созданием юридического факультета некоторых успехов добивается юриспруденция. Правоведы XI—XII вв. издают сборники императорских постановлений и комментарии к старым сборникам; был, в частности, опубликован указатель к «Василикам» — так называемый «Типукит» (от греч. τί ποῦ κεῖται, «что где находится»). Правоведы XI—XII вв. обращались к Юстинианову своду и, сравнивая с ним «Василики», упрекали редакторов «Василик» в неправильных переводах. В XII в. появляется ряд комментированных сборников канонического права: Аристина, Зонары и Вальсамона; часть из них была в дальнейшем использована на Руси для выработки церковного права. Комментарии Зонары и Вальсамона составлены с принципиально различных позиций: Вальсамон был апологетом Мануила I Комнина, Зонара принадлежал к монашеской оппозиции и критиковал Комнинов за пренебрежение синклитом. Поэтому Вальсамон и Зонара расходятся в трактовке ряда конкретных правовых вопросов. Распространение рационализма и положительных знаний совпадает с возрастанием индифферентизма к официальному христианству. В сочинениях писателей XII в. все чаще слышатся жалобы на пустоту храмов (особенно в таком торговом городе, как Фессалоника), на епископов, из чьих уст можно услышать лишь нечестие; в нарушение канонических правил священнослужители нередко участвуют в военных операциях.

Рационализм XI—XII вв. пробивал себе дорогу в упорной борьбе с традиционными воззрениями. То и дело возникали острые дискуссии. Предметом спора в XI в. становится вопрос о землетрясениях — вызываются ли они естественными причинами, как думали Фотий и Пселл, или же являются божьей карой за грехи человечества? Острым нападкам со стороны церковно-монашеских кругов подвергается астрология, которая кажется ортодоксальным защитникам христианства псевдонаукой, отвергающей божественное провидение и — коль скоро все предопределено положением звезд — не оставляющей места для молитвы к божеству. По существу тот же вопрос обсуждается и в исторической науке: что́ лежит в основе исторических событий — божественное предопределение или судьба? В кругах, близких к Мануилу I, отстаивали представление о судьбе как о движущей силе исторического процесса — напротив, сторонники ортодоксальных христианских воззрений доказывали, что исторические события есть результат действия божественного промысла. Вопрос о несотворенности материи, поднятый Иоанном Италом, продолжал дискутироваться и после его осуждения: ипат философов Михаил в 60-е годы XII в. метал громы и молнии против своих (анонимных) противников, допускавших, что вселенная не была сотворена, но существовала от века.

Эта борьба идей всего острее обнаруживается в сфере богословия.

Византийские писатели единодушно связывают с правлением Василия II упадок образованности: суровый император-воин, в отличие от своего деда Константина VII, пренебрегал науками, считая, видимо, ученые занятия ненужной забавой в условиях, когда чуть ли не каждый год византийские войска отправлялись в поход против соседей. Университетская жизнь замирает, зато именно на это время приходится расцвет мистики, связанный с деятельностью Симеона и его учеников [29].

Симеон Богослов, или Новый Богослов (его прозвище по-разному передается рукописной традицией [30]), родился в 949 г. в Пафлагонии в знатной семье. Юношей он переехал в Константинополь и поступил на государственную службу, скоро достигнув положения члена синклита. В своих сочинениях Симеон постоянно возвращается к картинам дворцовой жизни, и вельможа в блестящих одеяниях, получающий приказы из уст василевса, кажется ему счастливейшим из смертных. И все-таки Симеон бросил административную карьеру и сделался монахом, а затем игуменом монастыря св. Мамы. Монашество не стало для Симеона бегством от мирских забот — напротив, он был втянут в острую борьбу: сперва с подчиненными ему монахами, недовольными теми дисциплинарными строгостями, которые вводил Симеон; затем — с окружением патриарха, не желавшего примириться с самовольством игумена св. Мамы. Около 1009 г. Симеон по требованию патриарха должен был оставить свой монастырь и удалиться из столицы в Христополь. Правда, на защиту Симеона поднялись многие видные синклитики, и патриарху пришлось кое в чем уступить, но назад Симеон уже не вернулся: он основал новый монастырь в пригороде Константинополя на обильные средства, полученные от «архонтов». В 1022 г. он умер [31].

Сущность учения Симеона заключалась в признании возможности для человека реально, чувственно достигнуть божества: подобно тому, как некогда Логос воплотился в человеке, троица может снизойти до верующего [32]. Бог создал два мира: видимый и невидимый — и соответственно два солнца: чувственное и умственное; видимый мир освещается чувственным солнцем, невидимый — умственным, и нет между ними никакого взаимопроникновения. Только одно существо, человек, создано двойственным, состоящим из тела и бесплотной души и потому способным воспринять оба солнца. В отличие от неоплатоников, для которых восхождение человека к божественному уму есть бегство от плоти и от чувственного мира, Симеон говорит о нисхождении божества к человеку в его нынешней реальности. Что же нужно для воспитания в себе способности реально увидеть божество? Симеон выдвигает ряд этических требований, предназначенных для выработки в себе соответствующего состояния: это постоянное ощущение страха божьего, строжайшее послушание, ясность веры и абсолютный индивидуализм. «Да не разрушишь ты свой дом,— провозглашает Симеон,— стремясь помочь ближнему возвести жилище». Все эти этические нормы вполне соответствовали нравам византийского двора с его раболепием и деспотизмом.

Симеон был вместе с тем ревностным сторонником монашества, противопоставляя эту организацию остальной церкви. Он утверждал, в частности, что право исповеди должно принадлежать монахам, а не священникам. Симеон невысоко ставил книжную ученость: он смеялся над мнимыми мудрецами, рассчитывающими с помощью математики познать божественные тайны; он называл их глупцами, утверждая, что истинно просветленному нет нужды в книгах.

Мистицизм Симеона не получил сколько-нибудь серьезного развития в богословии XI—XII вв. Оживление научной деятельности и возникновение рационалистических тенденций затронуло и богословие; этические проблемы, занимавшие Симеона, отодвинулись на задний план, а в центре внимания оказалась проблема сущности божества. Как к квадратуре круга или к перпетуум мобиле, человеческая мысль вновь и вновь устремлялась к тринитарной загадке: что такое троица и каково соотношение ее ипостасей?

Богословские споры в Византии XII в. в известной мере соответствовали тем дискуссиям, которые вызвал к жизни в то же самое время схоластический рационализм Росцеллина и Абеляра. В Византии они были порождены выступлением Евстратия Никейского, ревностного сторонника Алексея I, отстаивавшего интересы императора и в дискуссиях с богомилами, и в деле о конфискации церковных сокровищ [33]. Ученик Иоанна Итала, Евстратий и в богословской полемике оставался верен методу своего учителя: избегал традиционного приема аргументации, состоящего в нагромождении библейских и патристических цитат, и обращался к рассудку. По его словам, сам Христос строил свои священные и божественные речи в форме Аристотелевых силлогизмов [34].

Прилагая рационалистические принципы к понятию троицы, Евстратий приближал Христа к людям, тем самым отдалив его от божества: человеческая природа Христа, утверждал он, рабски (δουλκῶς) почитает господа не только на земле, но и в небесах, почитает, как всякая тварь. Христос, по мысли Евстратия, достоин всяческой похвалы за то, что он, по природе будучи способен ко злу, все же отверг зло и сохранил чистоту; Евстратий, следовательно, признавал внутреннюю борьбу в Христе и допускал, что обожествление Христа было результатом не моментального акта воплощения, а длительного «продвижения».

Учение Евстратия вызвало резкий отпор защитников ортодоксального богословия. Против Евстратия выступил один из виднейших в ту пору толкователей библейских текстов Никита Ираклийский [35], который объявил Евстратия создателем новой ереси. В 1117 г. на церковном соборе Евстратий отрекся от своих «заблуждений» и заявил, что трактаты, использованные его критиками, были лишь черновиками, похищенными у него и содержащими неисправленные формулировки [36]. Тем не менее, несмотря на давление императора и патриарха, большинство участников собора проголосовало за осуждение Евстратия. Рационализм потерпел поражение — впрочем, очень скоро он опять возродился.

В середине XII в. ряд видных церковных деятелей — диакон Сотирих, которого предполагали поставить патриархом антиохийским,

Никифор Василаки, ритор Михаил — выступили с рационалистической критикой молитвы: «Ты бо еси приносяй, и приносимый, и приемляй, и раздаваемый, Христе боже наш». В формулировке обращения к Христу они усматривали противоречие, ибо, полагали они, приносить жертву — одно, а принимать — другое. Следуя по существу за Евстратием, Сотирих и его сторонники расчленяли единство троицы и полагали, что спасительная жертва была принесена одному только богу-отцу. В соответствии с этим Сотирих и его сторонники приходили к выводу, что и евхаристия приносится только отцу, но не всей троице. К тому же они шли дальше и усматривали в евхаристии не истинную мистическую жертву (таинство), но лишь воспоминание (ἀνάμνησις) о действительной жертве. Наконец, расчленяя троицу, они расчленяли на два акта и процесс примирения греховного человечества с богом: сперва — в воплощении — человечество примирялось с богом-сыном, затем — ценой крестной жертвы (своего рода выкупа) — с богом-отцом.

Сотирих развил свои мысли в специальном диалоге, который вызвал резкие возражения большинства богословов. Особенно решительно выступил против Сотириха Николай Мефонский, известный своими сочинениями против латинской ереси [37] и опровержением неоплатонизма [38], интерес к которому проявляли и Пселл, и Иоанн Итал. Поскольку сущностью учения Сотириха было расчленение бога-отца и бога-сына, признание своеобразной иерархичности троицы, в центре рассуждений Николая Мефонского находился тезис о единстве троицы: ведь если, рассуждал он, лишить бога-сына чести принимать приносимую жертву, как предлагал Сотирих, то рухнет и принцип единосущности. Далее, Николай Мефонский отстаивал богочеловечность Христа: именно потому, что в Христе слиты совершенная божественность и совершенная человечность, он может быть одновременно и приносимым в жертву и приемлющим ее.

В борьбе против рационализма Сотириха он не ограничивается ссылками на авторитеты, но вынужден обращаться к логике. По мнению Николая Мефонского, Сотирих совершил две логические ошибки: он разделил неделимую природу (троицы) и смешал понятие природы (естества) с понятием ипостаси, ибо он будто бы противопоставлял ипостась естеству, когда говорил, что спасительная жертва приносится только богу-отцу.

Таким образом, Николай Мефонский в полемике с Сотирихом отстаивал основные принципы христианского богословия — мистическую единосущность ипостасей и мистическую богочеловечность Христа. На соборах 1156 и 1157 г. ересь Сотириха была осуждена.

По сути дела с тем же кругом вопросов имели дело участники собора 1166 г., предметом которого стали слова евангелия от Иоанна (14.28): «Отец мой более меня». Спор опять-таки шел вокруг проблемы соотношения отца и сына, вокруг возможности поставить бога-сына в иерархическое подчинение богу-отцу. На соборе было предложено пять объяснений спорной фразы: отец более сына как принцип предвечного творения; сын менее отца в силу своего вочеловечения; слова евангелия относятся не к Логосу вообще, а лишь к Логосу

в состоянии униженности (κένωσις); слова евангелия имеют в виду только человеческую природу Христа; слова эти сказаны Христом от лица рода человеческого [39]. Из этих пяти решений правильным было признано второе, подчеркивавшее наличие в Христе совершенного человека; напротив, осуждены были все те учения, которые допускали лишь чисто формальное соединение в Христе плоти и божества [40] и, следовательно, лишь условно и ограниченно признавали бога-отца «бо́льшим», чем сын.

Если дискуссии византийских богословов XII в. сводились в сущности к проблеме соотношения бога-отца и бога-сына и выражали противоположность рационалистического и мистического подхода к ней, то в споре с латинянами на первый план выдвигался вопрос о месте святого духа в троице. Западная церковь объявила догматом тезис об исхождении святого духа не только от бога-отца, но и от бога-сына (filioque); византийские же богословы, начиная с Фотия, полемизировали против этого догмата. Сущность византийской точки зрения выразил Иоанн Фурн в споре с миланским архиепископом Петром Гроссолано, прибывшим в 1112 г. в Константинополь: мы защищаем, говорил Фурн, монархию, а не двоебожие [41]. Если же придать ипостаси сына то свойство, которое отличает ипостась отца (т. е. изводить святой дух), то строго монархический принцип будет нарушен. Быть началом и корнем — это свойство одного отца, тогда как сын и дух — две руки его, единосущные и единомощные. «И подобно тому, как у нас ни одна из рук не является причиной другой, но обе равны по природе и вырастают из одного тела, так и сын и святой дух пользуются от отца равной честью и не служат причиной один другого» [42].

На этом принципе твердо стояло большинство византийских богословов XII в.— от Евстратия Никейского до Николая Мефонского. Если византийское богословие допускало, что сын менее отца (хотя и боролось с радикальным решением этой проблемы), оно не склонно было признать, что дух хоть в чем-нибудь ниже сына и не пыталось представить троицу в виде трехчленной иерархической системы. Тем более любопытны диалоги Никиты Маронейского, митрополита Фессалоники во второй четверти XII в. Никита отстаивал в них западный принцип filioque и стремился согласовать его с учением Иоанна Дамаскина. По его мнению, структура троицы соответствовала трехчленной иерархии общества, царь — полководец — воин [43].

В развитии византийской образованности и науки IX—XII вв. можно — весьма ориентировочно — выделить три периода: вторая половина IX — середина X в. были временем активного накопления знаний, освоения традиции, временем, для которого характерны энциклопедисты Фотий, Арефа, Константин Багрянородный; с конца X в. до середины XI в. торжествует мистика, а научная деятельность замирает; с середины XI в. до конца XII в. византийская наука идет вперед, распространяются положительные знания (особенно заметны успехи медицины), появляются рационалистические учения, проникающие даже в богословие. На то же время приходится заметный подъем византийской литературы.

Глава

17

ЛИТЕРАТУРА

В истории византийской литературы второй половины IX—XII в. могут быть выделены два периода: первый из них завершается в основном в начале XI столетия и характеризуется успешным развитием художественных принципов, наметившихся в предшествующие века; второй период (от середины XI до конца XII в.) [1] ознаменован попыткой пересмотра традиционной эстетики, что было, по-видимому, связано с общим подъемом рационализма, о котором шла речь в предыдущей главе. Разумеется, этот пересмотр носил весьма ограниченный и робкий характер и традиционные эстетические принципы были поколеблены лишь в малой степени — и все-таки совершившаяся перемена очевидна.

В IX—X вв. по-прежнему господствуют старые жанры: житие, безлично-объективизированная хроника, духовная поэзия. С XI в. начинается кризис этих жанров: не то, чтобы они исчезли — но они теряют жизненную силу и поэтичность, которая была присуща их ранним образцам. Жития, которые в IX—X вв. изобиловали бытовыми деталями и подчас дышали сказочно-фольклорной прелестью, позднее окостеневают: живые картины заменяются в них псевдо-красноречивой декларацией, где выспренность выражений прямо пропорциональна пустоте содержания. То же самое происходит и с гимнографией: в XI—XII вв. мы не встретим ни одного сколько-нибудь значительного художника, работающего в этом жанре.

Бок о бок с упадком старых форм совершается становление новых. Место безличной хроники занимает мемуарное описание событий, когда рассказчик — не только современник и участник собы-

тий, но и человек, вносящий в их осмысление свою откровенно субъективную оценку (обзор исторических сочинений см. выше, стр. 109). Появляется любовный роман (как в стихах, так и в прозе), прославляющий плотские радости, столь отвратительные для ортодоксально-христианского мировоззрения [2]. Письмо из инструмента чистой дидактики, каким оно было у Феодора Студита и у Фотия, превращается в средство описания окружающего мира и собственных переживаний, и, таким образом, эпистолография вновь поднимается до уровня художественной прозы.

Но дело не только в смене жанров (что само по себе показательно) — гораздо более существенно появление попыток нового художественного подхода к действительности, поиски новых эстетических принципов. Прежде всего, усиливается элемент субъективного восприятия мира: художник начинает говорить не от лица высших принципов, а от себя самого. Даже оставаясь дидактичным, он опирается теперь на личный опыт, на собственные наблюдения. Он перестает именовать себя «недостойным» и «грешником», но гордится своим талантом и уделяет собственной персоне изрядное внимание. И, может быть, ни в чем так не проявляется субъективизм писателей XI—XII вв., как в язвительной иронии: агиографу и хронисту ирония была ни к чему, они стояли выше ее, ибо полагали, что владеют секретом объективного суждения, критерием добра и зла. Ирония предполагает активное вмешательство художника в повествование: он теперь не оценивает свои персонажи (как агиограф или хронист VIII — X вв.) — он издевается над ними, он борется с ними, он видит и чувствует их живыми перед собой.

Художник VIII—X вв. хотя и допускал натуралистические детали, однако в идеале стремился к созданию обобщенно-спиритуалистического идеала, к воплощению многообразия действительности в единообразие формулы. Напротив, у писателей XI—XII столетий постепенно проступает интерес к конкретному отображению пестрого и изменчивого мира. Натуралистическая деталь перестает быть болезненной антитезой высшей духовности — она превращается в естественный элемент сложного мироздания.

Отступление от принципов обобщенно-спиритуалистического восприятия действительности (с непременной дидактической ее оценкой) проявляется в допущении противоречивой сложности человеческого характера. Для классического жития, равно как и для классической хроники, оценка героя была определенна и однозначна — византийская литература XI—XII вв., пытающаяся воспринять мир не только через призму априорных принципов, но и исходя из конкретной деятельности людей, останавливается перед невозможностью их однозначной оценки.

XI и особенно XII столетие принесли с собой известную демократизацию византийской литературы. Теперь все пишут стихи, смеется Иоанн Цец, женщины и младенцы, каждый ремесленник и жены варваров [3]. Если до XII в. византийская литература была литературой мертвого языка, куда проникали лишь отдельные новые слова и грамматические формы; если пуристы XII в. считали необходимым давать в своих сочинениях перевод народных песенок на литератур-

ный язык, то все же именно в XII в. появляются первые опыты поэзии на разговорном языке. Характерным размером поэзии на разговорном языке был так называемый политический стих: пятнадцатисложная строка, основанная не на принципе долготы и краткости, но на чередовании ударных и безударных слогов; четырнадцатый слог должен был быть непременно ударным, после восьмого слога следовала обязательная цезура. Возникший в народном творчестве (пословицы, народные песенки, аккламации), политический стих был введен в начале XI в. в словословия Симеоном Богословом, а в XII в. он уже господствует в византийской поэзии [4]. Политический стих был весьма употребителен в поздневизантийском и новогреческом стихосложении.

В это время встает вопрос об отношении художника и толпы. Появляется (по-видимому, в демократических кругах) мысль о том, что зритель своим одобрением или осуждением стимулирует художественное творчество — и, наоборот, в противовес этому суждению Михаил Хониат (см. о нем ниже, стр. 385) отстаивает идею, что художник творит, руководствуясь внутренним чувством и не нуждаясь в замечаниях тысячеглазой толпы.

Античная литература продолжает оставаться классическим образцом для подражания, и даже новый по существу жанр, отвечающий новым потребностям — любовный роман,— и в сюжете, и в характеристике действующих лиц, и в системе художественных образов ориентируется на памятники древнегреческой литературы. Анонимный автор драмы «Христос-страстотерпец», написанной в XI—XII вв., не только подражает античным трагикам, вводя в действие характерную фигуру вестника, но и попросту заимствует у них около трети стихов. В прологе автор сам заявляет, что будет воспевать страдания Христа «по Еврипиду».

В конце XI в. византийские писатели обращаются также к восточной литературной традиции. Симеон Сиф, византийский врач, использовавший в своих трудах арабскую медицинскую традицию (см. выше, стр. 363), перевел по поручению Алексея I арабский сборник басен «Калила и Димна»; по искаженно понятым собственным именам этого заглавия книга была названа «Стефанит и Ихнилат» (буквально: «увенчанный и следопыт»). Примерно в то же время Михаил Андреопул перевел с сирийского «Книгу о Синдибаде» (греческое название: «Синтипа») — сборник нравоучительных историй, обрамленный рассказом о Синдибаде, наставнике царевича, который своей мудростью спасает воспитанника от смертельной опасности. Таким образом, Византия познакомилась со знаменитыми образцами восточной литературы (оба они восходят к древнеиндийским оригиналам) и в свою очередь содействовала их распространению: в частности, благодаря греческой обработке сборник «Стефанит и Ихнилат» стал известен на Руси, где оказал влияние на русскую басенную литературу [5].

Конечно, перестройка византийской литературы в XI—XII вв. (напоминающая, кстати сказать, развитие западноевропейской литературы XII столетия) была и медленной, и непоследовательной.
 Кое-что из новых принципов можно заметить уже в литературе X в.,

и наоборот, старые приемы и методы не только доживают до XII столетия, но и переживают его. Византийская литература XII в. остается в рамках средневековых изобразительных средств: речь идет скорее о тенденции к новому, нежели об утверждении нового.

X столетие было временем расцвета византийской агиографии. Один из самых замечательных памятников житийной литературы этого времени — «Житие Василия Нового», написанное его учеником Григорием [6]. Как и классическое житие VIII — IX вв., оно по форме является рассказом о добродетели и чудесах святого мужа, который духовным взором проникал в будущее и пребывал в трогательном единении с сотворенной богом вселенной: даже брошенный в море, он избегает гибели, ибо дельфины выносят его на берег. Но это сходство лишь формальное, и «Житие Василия» принадлежит новому этапу византийской литературы прежде всего в силу подчеркнутой индивидуальности автора-рассказчика и постоянного авторского вмешательства в повествование. Григорий то и дело покидает своего героя, чтобы рассказать о себе: он, оказывается, не любит чеснок; у него есть крохотный проастий, куда он отправляется осенью на уборку урожая; развратная женщина Мелитина старалась соблазнить его и, отвергнутая, наслала на него тяжкую болезнь.

Но Григорий не просто рассказывает о себе: старший современник мистика Симеона Богослова, он живет страстной жаждой спасения. Его мысль постоянно возвращается к грехам, совершенным им, к сомнениям, его охватывавшим. Он с трепетом ждет смерти и расплаты за земную жизнь. Дважды повествование прерывается видениями Григория. Первый раз ему является во сне прислужница Василия Феодора и рассказывает о своем вознесении на небо и нисхождении в ад. Демоны и ангелы столпились у тела умиравшей Феодоры, шумно споря между собой, пока смерть незримо отсекала ее члены и, наконец, дала ей горькое питье, отделившее душу от тела. Через добрых два десятка «мытарств» (τελώνια, буквально: «таможни») должна была пройти душа Феодоры, возносимая ангелами, и каждый раз демоны обвиняли ее в соответствующем грехе — лжи, высокомерии, сребролюбии, блуде; и если собственных ее достоинств не хватало, чтобы миновать загробную таможню, ангелы, как золотом, уплачивали заслугами Василия, который щедро снабдил ими свою прислужницу (мотив этот весьма сходен с католическим учением о сверхдолжных делах святых). Феодора рассказывает Григорию и об аде, о горьких муках грешников, бесчисленных, как песок морской, страждущих от голода и жажды и оглашающих воздух жалобными воплями. Впрочем, описание ада в житии весьма схематично и не идет ни в какое сравнение с чеканно разработанной картиной «Божественной комедии».

Второе видение Григория — Страшный суд — куда более детализовано. По звуку трубы из гробниц были извергнуты тела умерших; снова раздался трубный глас, и все люди были собраны в одном месте — тогда нельзя было различить ни пола, ни возраста, только лица праведников сияли, а лица грешников были покрыты гноем, нечистотами, грязной пеной. На челе грешников виднелись надписи: убийца, вор, иконоборец, павликианин. Сверкали молнии, раздава-

лись раскаты грома, полки сил небесных в грозном молчании сходились на суд. И вот, наконец, ароматом наполнился воздух и в славословии ангелов на светлом облаке явился Христос; возрыдали, ужаснувшись, грешники, и само небо трепетало, как кожа, а земля — словно древесный лист. Немного было праведников — грешников гораздо больше; судья отвернул от них свой взор, и они, напрасно молившие о помиловании, были низринуты в огненное море.

Если «Житие Василия» пронизано мистической религиозностью, трепетным ожиданием кары за грехи, то, напротив, очень часто житие X в., если можно так выразиться, обмирщается, и в старом агиографическом обличии выступает сплошь и рядом светская повесть. Такой светской повестью в форме жития является сказание об Илье Новом (ум. в 903 г.) — страннике, который исходил и изъездил почти весь мир [7]. Илья родился в сицилийском городе Энне, принадлежавшем еще византийцам: когда Энну захватили арабы, Илья, совсем юноша, был продан в рабство, но попал в руки какого-то христианина, который отвез его в Африку. Чудом вырвавшись из неволи, Илья отправился в Иерусалим, затем посетил Сицилию, Спарту, Эпир, Калабрию. Подобно всем святым, Илья, конечно, чудотворец, но совершенные им чудеса, как правило, порождены его странствиями и путевыми приключениями: он переправляется через бурлящий поток, в жаркий день разыскивает источник.

Сюжет странствований — традиционен для агиографии: многие житийные герои проводили годы в трудных скитаниях, переживая приключения на дорогах. Но их странствия обычно пронизаны благочестивой идеей: они ищут мощи, идут на поклонение святым местам, ведут борьбу с демонами — и при этом время от времени возвращаются в родную монашескую обитель. От этого благочестия в значительной мере свободно житие Ильи Нового.

Еще больше оснований считать светской повестью «Житие Марии Новой» [8]. Она была младшей дочерью армянского вельможи, переселившегося в Константинополь при Василии I. Выйдя замуж за некоего Никифора, Мария поселилась во фракийском селе Камара, принадлежавшем ее мужу. Здесь она родила двух сыновей, Ореста и Вардана, но старший умер пяти лет. Когда болгарский царь Симеон вторгся во Фракию, семье Никифора пришлось перебраться в город Визу. Там умер второй сын Марии, но она родила еще двоих, один из которых стал монахом, а другой стратиотом. Судьба Марии сложилась несчастливо: муж заподозрил ее в блуде с рабом Димитрием и так жестоко избил, что Мария умерла от побоев.

Мария не совершила удивительных деяний, достойных святого. Она вышла замуж, родила четырех сыновей, была добра к рабам и крестьянам и умерла от побоев мужа — вот и вся ее несложная женская судьба. И надо думать, именно заурядность ее жизни особенно способствовала пробуждению сочувствия и жалости читательниц и слушательниц. «Обмирщение» агиографии конца IX — X в. проявляется и в том интересе к воинам и особенно к полководцам, который обнаруживают некоторые агиографические памятники. В «Житии Василия Нового» с большой симпатией обрисован Константин Дука — полководец, которого автор наделяет сказочными чертами:

нет такой силы, что могла бы противостоять ему, а когда он стремительно летит на сарацинов, из ноздрей его скакуна вырывается пламя. Герой «Жития Евдокима» [9] — тоже полководец, о религиозных подвигах которого агиограф ничего не знает. Но зато он рассказывает, что Евдоким был похоронен (вопреки христианскому обряду) в пышной одежде «стратопедарха».

Более позднее «Житие Луки Стилита» [10] (ум. в 979 г.) по форме представляет собой легенду о святом столпнике, проявившем чудеса терпения. И вместе с тем житие переносит нас в среду мелких вотчинников, знакомит с бытом и образом мыслей византийского рыцарства. Родители Луки названы «благородными»; они богаты и даже во время голода располагают запасами хлеба и кормов для скота; в то же время они занесены в стратиотские списки и обязаны нести военную службу; со стратиотской службы начинает свой жизненный путь и Лука, надменно отказывающийся от государственных продуктовых выдач и питающийся присланными из дома яствами.

Агиограф Луки, которому, по всей вероятности, близки интересы византийского рыцарства, развивает во введении к житию своеобразную теорию о различии ступеней святости: он говорит о необходимости «различать многообразие состояний, ведущих к небесному». Низшую ступень занимает толпа (πλῆθος), которая ограничивается только строгим исполнением заповедей. Довольно значительное число лиц стремится превзойти установленное в заповедях: одни из них живут среди мирского, но не испытывают вреда от общения с миром, другие же принимают монашество и обитают в киновиях. Третья ступень — это те немногие, которые выбирают отшельническую жизнь, совершенно отказываясь от мира. И уже совсем мало тех, кто идет дальше отшельничества: они, оставив землю, живут на столпах, подобных башням, в чистом воздухе, среди птиц.

Интерес с святым воинам и проникновение в агиографию откровенно аристократического принципа иерархии в отношении к богу, по-видимому, связаны с теми сдвигами в идеологии, которые порождались обособлением касты стратиотов и активизацией внешней политики империи. На агиографию, несомненно, оказывала воздействие воинская повесть, расцветающая в конце IX — X в. [11]

Для переходного периода, каким в сущности являлось X столетие, весьма показательно смещение литературной манеры, нарушение традиционной эстетической системы. Художник, нащупывая какие-то новые приемы художественного отображения действительности, тем не менее не порывает с привычными для него оценками окружающего мира и своей личности.

Таков Иоанн Камэниата, незаметный фессалоникский клирик, автор книги «Взятие Фэссалоники» [12]. Он говорит о себе как о «человеке неискушэнном и непривычном к сочинительству»; он смотрит на мир с традиционно-религиозной точки зрения и, не колеблясь, объявляет несчастья своего города возмездием за грехи (хотя он все-таки с трудом может понять, почему участь грешников разделили чистые помыслом монахи); он изображает врагов-арабов как одержимых злым духом, а их страну как царство Антихриста. И вместе с тем Камэниата как бы объединяет хронику и житие: предмет его

описания исторический, а манера письма агиографическая, с ее интересом к будничным деталям, с ее сознательным отказом от приподнято-героического повествования. Но так как Камениата рассказывает не об одном десятке мучеников, а о целом городе, разгромленном и разграбленном, о тысячах пленников, увозимых на арабских кораблях, события приобретают обостренную трагичность, подчеркнутую наивным вниманием к обыденным мелочам. К тому же Камениата не только писатель, но и участник событий; он рассказывает о мучениках, но он и сам мученик вместе со своей родней. Повествование становится мемуарным, и оттого еще более напряженным оказывается восприятие бедствий.

Крупнейшим поэтом X в. был Иоанн Кириот, получивший за свои математические интересы прозвище «Геометра». Он вышел из знатной семьи и сам имел титул протоспафария, а к концу жизни стал священником и затем — митрополитом. По своим связям он был близок к провинциальной знати. Среди его эпиграмм есть обращенные к Малеину и к патриарху Полиевкту — и тот, и другой были идейными вождями провинциальных феодалов в 60-е и 70-е годы X в. Любимый герой Кириота — Никифор Фока. Прославляет поэт и подвиги Иоанна Цимисхия, подчеркивая благородство его происхождения, но убийства Никифора не может ему простить и в эпитафии заставляет сожалеть о худшей из страстей — страсти к тирании.

Расцвет таланта Иоанна Кириота пришелся на тяжелые для империи годы, наступившие после смерти Иоанна Цимисхия. В стихах поэта раскрывается напряженное и тревожное время, полное мятежей и военных катастроф; появление кометы и страшное землетрясение наполняют душу суеверным страхом, и порой Кириоту кажется, что Византийскую империю ждет печальная судьба Трои. Обращаясь в мечтах к прошлому, к величию Византии при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии, он скорбит о современных ему порядках.

Вчера мне повстречалась добродетель,
Одета в траур, скорбна и печальна.
«О, что с тобой?» — спросил я. И услышал:
«Все изгнано: отвага, разум, знанье —
Невежество царит у нас и пьянство».

Осуждая правящие верхи придворного общества, поэт временами высказывает сочувствие крестьянину, задавленному бременем податей и долгов, вынужденному бежать от податных сборщиков и кредиторов. Пессимистическое отношение к современному обществу, усугубленное христианским представлением о земном мире как о юдоли бедствий, рождает у Иоанна Кириота идею безнадежности.

Сходны жизни и моря пучины: соленая горечь,
Чудища, зыби и мрак; в гавани краток покой.
Моря дано избежать, но на каждого демон воздвигнет
Бури мирские, увы, много страшнее морских[13].

Что ждать от жизни, если даже такой великий муж, как Никифор, пал жертвой страстей? И Кириоту кажется, что одна смерть дает освобождение от трудов и бед.

Иоанн Кириот прожил непростую жизнь: он, автор гимнов к богородице и митрополит, не раз, по-видимому, был охвачен сомнениями. В одном из стихотворений он задается вопросом, чтó есть духовная сущность (νοητὴ οὐσία), и не может найти ответа. Он сам признается, что плотская любовь ослепила его разум, но, преодолев ее, он нашел спасение в любви к Христу. Обретенные им этические нормы остаются христианскими: чистота сердца, скромность взгляда, сдержанность речи, а земные радости кажутся ему уделом слабых. Вот что он говорит о вине:

Ты храбрость, юность, бодрость, клад, отечество —
Для трусов, старцев, хилых, нищих, изгнанных.

Иоанн Кириот обращается к своей душе, убеждая ее не бежать от будничных ежедневных трудов — все равно ведь невозможно достичь беспечальной жизни: подобно тому, как земля рождает тернии и жизнь по воле творца дает нам заботы.

Значит, Кириот скептически относится к аскетическому идеалу — однако и в этом он непоследователен: в другой эпиграмме, обращенной к Студийскому монастырю, он прославляет отречение от земного.

Анонимный автор диалога «Филопатрис» («Любящий отечество») был современником Иоанна Кириота. Этот диалог — довольно неуклюжее подражание Лукиану, интересное не своими художественными достоинствами, а политической и философской актуальностью: «Филопатрис» — памфлет, осмеивающий противников Никифора Фоки, и прежде всего враждебных императору монахов, которые выведены в диалоге под видом шарлатанов-астрологов. Даже христианский догмат троичности божества подвергается здесь осмеянию. Существенно и обращение к Лукиану как к образцу для подражания: ведь примерно в то же время составитель словаря «Суда» писал о Лукиане как о негодном богохульнике, который после смерти был отдан в аду на растерзание собакам.

По-видимому, в X — XI вв. возникла поэма о Дигенисе Акрите— легендарном герое, воплотившем идеал византийского воина [14]. Поэма эта была создана, скорее всего, на основе не дошедших до нас народных воинских песен.

Дигенис (буквально: «двоерожденный») — сын гречанки, дочери каппадокийского стратига, похищенной арабом, сирийским эмиром. Из любви к своей пленнице эмир покидает родину, принимает христианство и поселяется в Византии. Рожденный от их брака Дигенис, как и многие эпические герои, растет с чудесной быстротой. В 12 лет он изумляет всех подвигами на охоте. голыми руками убивает медведей, разрывает газель, рубит мечом льва. Юношей Дигенис похищает прекрасную Евдокию, дочь стратига Дуки; когда же разгневанный стратиг пускается в погоню за беглецами, герой побивает все его войско, вынуждая Дуку согласиться на брак. После пышной свадьбы Дигенис с женой и несколькими слугами оставляет дом отца и поселяется в уединении на границах империи, совершая здесь новые подвиги. Героя посещает император. Юноша показывает перед ним свою силу и отвагу и тот осыпает героя милостями. Диге-

ГЕРОЙ, УБИВАЮЩИЙ ЗВЕРЯ.

Чаша. Глина. Полива. XI в. Государственный Эрмитаж

нис убивает трехглавого дракона и льва, напавших на Евдокию; он побеждает войска разбойников-апелатов во главе с Филоппапом, наконец, одолевает в единоборстве деву-воительницу Максимо. На берегу Евфрата герой выстраивает себе роскошный дворец — там он умирает от внезапной болезни еще молодым, на 33-м году жизни, а Евдокия, не в силах пережить любимого, умирает вместе с ним. Историчность фона, на котором развертывается действие, несомненна. Однако поиски исторического прототипа главного героя до сих пор оказались малоудачными: Дигенис — это, скорее всего, символический, собирательный образ. В то же время ряд других персонажей поэмы со значительной вероятностью сопоставляется с реальными лицами византийской и арабской истории IX — X вв. [15]

Дигенис — типичный представитель провинциальной знати, он стремится сохранить независимость от императора. Оформлявшийся в годы острого соперничества между столичной и провинциальной аристократией (восстания Варды Склира, Варды Фоки) византийский эпос сохранил идеологию провинциальной военной знати, ревниво оберегавшей свою независимость от центральной власти.

Эпос о Дигенисе хорошо знали и в Древней Руси: вероятно, уже в XII — XIII вв. с какой-то не дошедшей до нас греческой редакции

был сделан древнерусский перевод поэмы, известный под заглавием «Девгениево деяние» [16].

Значительный сдвиг в литературе, как уже было сказано, приходится на XI столетие; он связан с деятельностью трех больших писателей: Христофора Митиленского, Михаила Пселла и Кекавмена.

Анфипат Христофор Митиленский [17] был видным вельможей: он занимал пост судьи в фемах Пафлагония и Армениак. О его жизни мы почти ничего не знаем. Расцвет его творчества относится ко второй четверти XI в. Сюжеты своих стихотворений Христофор черпает не в сокровищнице античной литературы, не в патристической традиции, а в обыденной жизни, окрашивая увиденное то мягким юмором, то едкой сатирой. Вот шествуют по городу ученики в день школьного праздника, одетые в роскошные костюмы. Христофор сравнивает этот экзотический маскарад с домом небрежной хозяйки, которая лишь к пасхе прибирает комнаты, оставляя их в другое время в пыли и паутине. Да и сами мальчишки не знали, как вести себя в маскарадной роскоши: переодетые царями и вельможами, они набивали рот сластями и лепешками. А назавтра, в обычный час урока, Христофор увидел недавних вельмож в будничных лохмотьях, их спины были украшены кровоподтеками от плетей учителя — и все вчерашнее показалось ему сном. В другом стихотворении поэт смеется над выскочками из народа, над неграмотными священниками: один из них — в прошлом моряк — вместо «придите, поклонимся» орет на всю церковь: «плывем, ребята!» (в подлиннике непереводимая игра слов); другой — когда-то трактирщик — выносит чашу с причастием, но в стиле прежней своей профессии похваливает «Это славное винцо».

Сатира Христофора становится суровой, когда он нападает на невежественных и жадных чиновников, подобных тому протоспафарию Василию Ксиру (буквально: «сухой»), который был наместником Греции: придя в страну, которая была «морем благ», он оставил ее после своего отъезда совсем «сухой». Христофор высмеивает и глуповатого монаха, собирающего бесчетные реликвии — останки святых:

Молва идет (болтают люди всякое,
А все-таки, сдается, правда есть в молве),
Святой отец, что будто бы до крайности
Ты рад, когда предложит продавец тебе
Святителя останки досточтимые;
Что будто ты наполнил все лари свои
И часто открываешь — показать друзьям
Прокопия святого руки (дюжину),
Феодора лодыжки... посчитать, так семь,
И Несторовых челюстей десятка два,
И с ними — восемь черепов Георгия!

Конечно, Христофор по-средневековому религиозный человек; он не сомневается, что бог может творить сверхъестественное, нарушая законы природы, и все-таки сомнения в справедливости установленного богом порядка закрадываются в душу поэта. Если мы

все из одного праха и пыли, то почему же люди имеют неравную долю? Почему одни живут в роскоши, а другие жаждут крох с чужого стола? Христофору кажется, что земле опять грозит потоп — и тогда не окажется ни ковчега, ни нового Ноя. Вот тогда-то все будет перемешано, и наступит полное равенство.

Михаил Пселл, уже известный нам как видный ученый (см. выше, стр. 362), наравне с Христофором Митиленским принадлежит к зачинателям нового периода в истории византийской литературы. Его «Хронография» — первый подлинный памятник византийской мемуарной литературы, где все восприятие действительно окрашено субъективизмом желчного и умного наблюдателя: Пселл безжалостно сдергивает покровы со святости дворцовой жизни, показывая читателю, как властолюбие, корысть или сладострастие направляли политику Константинополя. Его сарказм выливается не в ту патетическую декларацию, равно подходящую к любому времени, какую можно найти у ораторов и историков X в., но в серию конкретных образов, выражающих данную ситуацию, индивидуальность данного характера. Старой жеманнице императрице Зое нравилось поражать подданных своей красотой, однако она старалась подавлять свое тщеславие. Пселл находит для этой ситуации недобрую, но выразительную характеристику: если кто-нибудь, рассказывает он, делал вид, что он, как громом, поражен прелестью Зои, его награждали золотой цепочкой, но тех, кто, пытаясь выразить свой восторг, впадал в многословие, ждали железные цепи. И сразу становится осязаемым, ощутимым лицемерие византийского двора, где даже в лести надо было соблюдать установленные нормы.

Действующие лица мемуаров не героизированы, они не являются персонификацией могучих страстей, как это свойственно в большей или меньшей степени классической античной литературе: у Пселла плетут интриги и совершают политические убийства маленькие люди, во многом смешные и, во всяком случае, наделенные обыденными страстишками. О всесильном временщике Иоанне Орфанотрофе он пишет: «Я часто ужинал с этим человеком и всякий раз удивлялся, как такой пьяница и шут удерживает в своих руках ось Ромейского государства. Даже пьянствуя, он всегда умудрялся следить за настроениями каждого сообутыльника, и того, кто совершал промах, он привлекал впоследствии к суду, обвиняя в том, что тот сделал или сказал за выпивкой. Вот почему пьяного его боялись больше, чем трезвого. В этом человеке были смешаны различные качества; давно уже облекшийся в монашескую схиму, он даже и во сне не задумывался о соблюдении монашеского благолепия, однако он лицемерно выполнял все внешние действия, обязательные для монаха, и с презрением относился к нарушителям церковных установлений. Но если кто-нибудь избирал своим уделом благочестие или развивал в себе добродетели, если украшал душу науками,— такому человеку Иоанн становился врагом и всеми средствами старался принизить предмет его рвения» [18].

Пселл видит человека не только в его конкретной индивидуальности, но и в движении, в развитии характера и внешнего облика. С особой тщательностью писатель следит за тем, как царская власть

портит человека, как просыпается в его душе честолюбие и надменность, как исчезает телесная красота и на смену мужеству приходит презренная трусость.

И в письмах Пселл остается тем же злым насмешником, не склонным по-христиански прощать ближним их слабости. Мы отплыли из Триглеи, рассказывает он в одном из писем, и вместе с нами на корабле плыл подвижник Илья уж не из-за его ли благости море так спокойно расстилалось перед кораблем и повсюду царила тишина? Слова Пселла ироничны, и ирония его открывается в следующей же фразе. Монах Илья начал беседу, но вспоминал он не о горе Кармел, не о других местах подвижничества, а о притонах и лавках Константинополя. Он сообщал, какие из константинопольских проституток хорошо знают свое ремесло, а какие владеют им слабо. Он перечислял тех из них, кто занимается своей работой открыто, и тех, кто делает ее тайно. И все гребцы, а с ними немалая часть пассажиров с вниманием и восторгом слушали речи святого монаха, который, по словам Пселла, дни отдает богу, а ночи сатане.

И опять-таки в характеристике Пселла нет ни декламации, ни нажима; он не оценивает монаха Илью — он его описывает, и простое противопоставление несовместимых фигур — подвижника и проституток — оказывается более эффективным, чем обобщенное осуждение блудливых монахов. Язвительный Пселл не чужд и мягкого юмора: так, в одном из писем он передает коротенький рассказ о юноше, влюбившемся в служанку своего отца, носившую имя София; он настолько любил ее, что все прозвали его философом — ведь по-гречески φιλέω значит «люблю».

Книгу современника Пселла Кекавмена принято называть «Советы и рассказы» [19]. Эта книга — своего рода руководство к жизни, но руководство, основанное не на общих принципах, а на наблюдениях пожилого и умудренного опытом человека. Кекавмен наставляет, как надо вести себя при дворе, что́ должен делать наместник в провинциальном городе и как вообще надлежит поступать человеку, если он хочет сохранить здоровье или имущество. Немудреные советы дает Кекавмен — но не книжные, свои: «Не оставайся на ночь в доме, где есть змеи», «Не ешь свежих грибов», «Начав читать книгу, дочитывай ее до конца» и т. п.

Книга Кекавмена, однако, не набор случайных советов и поучительных историй, она пронизана определенной идеей. Идея эта — никому не доверяй, постоянно остерегайся. Кекавмен не устает повторять, что особенно следует беречься друзей: «Знаю я многих, кто погиб от друзей». Если твой друг, советует Кекавмен, приедет в город, где ты живешь, не поселяй его в своем доме, но устрой где-нибудь в другом месте и отправь ему все необходимое для питания. А не то поселишь ты друга в собственном доме, а он начнет осуждать твои порядки, осмеивать манеры твоих дочерей и дойдет до того, что соблазнит твою жену. Будь осторожен в разговорах, повторяет Кекавмен. Зайдет речь об императоре или об императрице — сразу же умолкай: как бы твой собеседник не донес на тебя, как бы кто-нибудь со стороны не услышал вашу беседу и не донес. Многих такие разговоры довели до беды.

Мрачной была жизнь константинопольского вельможи, которому приходилось остерегаться каждого своего слова, который больше всего должен был бояться погибнуть от наветов друзей!

Традиции Христофора Митиленского и Пселла успешно развивали писатели XII в.

Наиболее значительная фигура в византийской литературе первой половины и середины XII в.— Феодор Продром [20]. Он родился в Константинополе около 1100 г. и по происхождению принадлежал, скорее всего, к низшим слоям класса феодалов. Отец прочил Продрома на военную службу, но слабое здоровье мальчика заставило его предпочесть литературный труд. Продром чтит и восхваляет военное искусство, воспевает длинные копья и арабских скакунов. Он с восторгом описывает богатства византийской знати: обширные земли, высокие дома, толпы слуг. Почтительно склоняет он голову и перед знатностью рода. Самое понятие о равенстве кажется ему немыслимым. Подобно тому, как в музыке мелодию и ритм нельзя передать одними высокими или низкими нотами, а гармония создается смешением неравных тонов, и «всей нашей жизни провидение мистически придает стройность благодаря неравенству положений» [21].

Продром — поэт императоров и феодальной аристократии. Но вместе с тем он вдумчивый наблюдатель и образованный мыслитель, который сумел навлечь на себя обвинение в ереси: ему пришлось отражать нападки фанатичных ортодоксов, уверявших, что он нечестиво поносит троицу и сына божьего. Поклонник античности, он был одним из первых, кто обратился к жанру любовного романа и рассказал в «Роданфе и Досикле» о приключениях расставшихся любовников. Продрому принадлежит также одна из первых попыток ввести разговорный язык в «большую» литературу, и даже к своим высоким покровителям он отваживался обратиться со стихами на языке константинопольских улиц.

Искусство смешного делает в творчестве Продрома новый шаг вперед: если Христофор и Пселл язвительно писали об окружающих — о невежественных монахах, жадных чиновниках, то Продром умеет посмеяться и над собственной неудачей, и эта индивидуальная окраска комической ситуации усиливает эффект. В прозаической сценке «Палач, или врач» Продром — совершенно в предренессансной манере — повествует о муках, испытанных им в лапах шарлатана-врача, пытавшегося вырвать ему зуб. Сперва этот доктор-самозванец разрезал десну, затем ухватил больной зуб таким инструментом, что можно было бы вырвать клык у слона, и принялся тянуть — но ему удалось только отломить часть зуба. Не удивительно, что малорослый человечек показался Продрому грозным великаном!

Вместе с тем Продром владеет искусством трагического, умением с помощью маленькой детали передать скорбь и нежность. Вдова оплакивает мужа: она обращается к нему, к мертвому, неподвижному: «Ты видишь, что я лью горючие слезы, что же ты не оботрешь мне щеку своим хитоном?» Подлинный герой Продрома — маленький человек, которого мучит в этом холодном мире то болезнь, то бедность, то несправедливость. В написанных разговорным языком стихах он с сочувствием рассказывает о беззаботном муже, промотав-

шем состояние жены и вынужденном прибегать к обману, чтобы вымолить у нее обед.

Конечно, искренность и живость тонет у Продрома в массе стандартных панегириков Иоанну и Мануилу Комнинам по поводу взятия какого-нибудь города или возвращения государя в столицу, заказных эпитафий вельможам и полководцам. Продром, как многие византийские писатели, часто многословен, риторичен и скучен. Но в лучших своих вещах он индивидуальный и лиричный художник.

Поэзия не принесла Продрому больших доходов. Поместье свое он потерял и, страдая от болезней, должен был долго молить императора Мануила I даровать ему особую милость и поместить в государственный приют для стариков. Здесь он время от времени откликался стихотворным панегириком на успехи византийского оружия и там же, по-видимому, умер около 1170 г.

Юмор, так отличающий лучшие вещи Продрома, свойствен и его современнику — анонимному автору диалога «Тимарион» [22], тонкого подражания Лукиану. Сюжет диалога несложен: каппадокиец Тимарион на обратном пути с фессалоникской ярмарки внезапно заболел; он не успел еще умереть, как был доставлен — по явному недосмотру демонов — в подземное царство, где встретил византийских императоров, риторов и философов. Ад выглядит в изображении анонимного автора отнюдь не трагичным, как в «Житии Василия Нового» или позднее у Данте, а скорее забавным: мертвецов беспокоит здесь, почем на земле оливковое масло, хлеб и скумбрия; они сытно питаются солониной и фригийской капустой, а когда уснут, дружелюбные мыши тихонько подбирают крошки в их бороде. Самое отношение к христианству — несколько насмешливое; объясняя Тимариону, почему император Феофил введен в состав судей подземного царства, один из старожилов ада говорит: «Теперь, когда галилейская вера распространилась по всей земле и подчинила себе и Европу и бо́льшую часть Азии, провидению угодно было присоединить к прежним эллинским судьям одного христианина». Христианство, следовательно, прекрасно уживается в подземном царстве с языческими верованиями, и христианин Феофил, сопровождаемый ангелом, судит вместе с Эаком и Миносом. Комизм ситуации усиливается еще и тем, что Феофил — иконоборец.

Выиграв судебный процесс против демонов, Тимарион получил разрешение вернуться на землю. Он повидал древних философов и Иоанна Итала, который, по словам анонимного автора, будучи истинным христианином, пытался втереться в братство античных мудрецов, но был ими отвергнут с презрением. «О, Аристотель, Аристотель,— взывал в отчаянье Итал,— где вы силлогизмы и ухищрения диалектики? Если бы вы сейчас пришли ко мне на помощь, я бы наголову разбил здешних незадачливых философов...»

Наконец, настал час отбытия: Тимарион через узкий колодец взлетел на воздух и, минуя Большую Медведицу, отправился прямо к гостинице, где лежало его застывшее тело.

Уже к следующему поколению принадлежал Евстафий Солунский. Он прожил долгую жизнь: родившись около 1115 г., Евстафий дожил по крайней мере до 1195 г. Жизнь Евстафия нельзя назвать

легкой, хотя он не бедствовал, как Продром. Он начал свой жизненный путь мелким чиновником в патриаршей канцелярии, но, даже став магистром риторов и видным ученым, Евстафий был вынужден дрожать за должность и жалование и обращаться к патриарху с униженными мольбами сохранить ему денежную плату и хлебные выдачи. Поставленный митрополитом в Фессалонику, Евстафий вступил в конфликт с Мануилом I, когда этот император попытался исключить из церковных анафем проклятие «богу Мухаммеда». Со своей паствой Евстафий не ужился, и ему пришлось даже на некоторое время покинуть Фессалонику.

Евстафий был одним из образованнейших людей своего времени. К сочинениям Гомера, Пиндара, Аристофана, Дионисия Периегета он составил обширные комментарии. В отличие от Цеца, цитировавшего античных авторов на память и потому неточно, Евстафий точен в своих цитатах. Он был единственным византийским филологом предренессансной поры, не ограничивавшимся воспроизведением оригинала, но пытавшимся делать конъектуры [23].

Печальный юмор и лиричность Продрома не свойственны Евстафию. Фессалоникский митрополит в своих речах и памфлетах прежде всего — обличитель. Смех его рожден не презрением к человеческой тупости (как у Пселла), а стремлением искоренить зло и избавить людей от повторения прежних ошибок. Он вполне по-средневековому дидактичен, но его дидактика окрашена остро субъективным восприятием жизни и искусством придать обобщенной идее конкретную и зримую форму.

В обширном наследии Евстафия, пожалуй, наиболее язвительные строки посвящены монашеству [24]. Обличая монастырские порядки своего времени, писатель ломает традиционные штампы, создает галерею индивидуализированных образов и воспроизводит живые сцены монашеского быта. Евстафий ведет читателя на сходку монастырской братии. Там выступает отец-игумен, но говорит он не о божественном — нет, он начинает с виноградников и нив, с взимания ренты. Он рассуждает о том, какой виноградник дает хорошее вино и какой надел плодороден; о работниках, об оливковом масле, о смоквах — и уж, конечно, не о божественном предании, связанном со смоковницей, но о приносимом ею доходе. Евстафий высмеивает невежество монахов, их стремление одеждой и поведением подражать мирянам. Они толкаются в толпе, бранятся на рынке, заводят связи с женщинами. И пусть обычно они завешивают лицо почти до рта — стоит только монаху заметить что-нибудь непристойное, и его черная повязка взлетает по самое темя.

С той же страстностью обрушивается Евстафий и на чиновничество. Образ наместника Фессалоники Давида Комнина в сочинении «Взятие Фессалоники» — один из самых полнокровных в византийской литературе. Самый облик наместника вызывал презрение: он не садился на коня, не брал в руки оружия, а словно женщина или священник, разъезжал на муле по осажденному норманнами городу. На нем был диковинный щегольский и сугубо штатский костюм: шаровары, новенькие сапожки и на голове грузинская войлочная шляпа, защищающая от солнца. Давид Комнин и не подумал

приготовиться к обороне: в городе не было хлеба; цистерна, чуть-чуть подновленная для вида, тут же дала течь, и жители остались без воды; камнеметы были плохонькие, стрел не хватало, не было леса для починки военных механизмов — а наместник на все донесения пожимал плечами и твердил: «Что поделаешь?», или «Да где взять-то?» Когда норманны подступили к городу, Давид Комнин стал посылать в Константинополь депеши об удачных стычках. Случайно удалось взять в плен рядового воина — тут же было устроено триумфальное шествие, пленника вели в роскошных одеждах, словно он был большим начальником, императору отправили победную реляцию. Когда же враги, наконец, ворвались в Фессалонику, наместник стремглав бросился с башни, откуда наблюдал за ходом боя, уселся на своего мула и обратился в бегство, так и не прикоснувшись к оружию, не обагрив рук вражеской кровью.

Приступая к рассказу о взятии Фессалоники, Евстафий замечает, что посторонний наблюдатель назвал бы это событие колоссальным, несчастнейшим, ужаснейшим. Но тот, кто сам пережил падение города, не найдет, пожалуй, имени для беды. Не без основания можно было бы сказать о «затмении великого светоча» — но эти слова отметят лишь масштаб бедствия, а не силу кипевших страстей. Значит, не всегда возможно богатство действительности зажать в обобщенную формулу, недостаточно сказать: «Затмился великий светоч», но нужно найти в действительности такие черточки, такие эпизоды, которые способны сохранить для читателя накал страстей. И вся повесть Евстафия «Взятие Фессалоники» — это поиск и обретение образов — страстных, индвидуальных, будничных и вместе с тем кипящих. Именно потому, что Евстафий мыслит образами, а не обобщенными формулами, ему удается находить крохотные детали, воплощающие и выражающие суть дела: Фессалоника, этот «великий светоч», пала, тысячи людей погибли, уведены в плен, умирают от голода. И внезапно Евстафий вспоминает о городских собаках, которых норманны безжалостно перебили. «А если и уцелела какая-нибудь, то лаяла и бросалась теперь только на ромея, к латиняну же подползла визжа». Собака, лающая на своих и подползающая к ногам покорителя,— можно ли лучше передать унижение фессалоникийцев? Две разные системы видения мира: с одной стороны, «затмение великого светоча», максимально обобщенная формула, с другой — обыденный образ, трогательный и своей неожиданностью, и своей наивностью, образ и символический, и вместе с тем оттеняющий — по принципу противоположности — громадность трагедии. Евстафий продолжал линию Пселла: литература делала первые шаги от обобщенно-спиритуалистического отображения действительности к конкретным и индивидуализированным образам.

Евстафий участвовал в научно-литературном кружке, группировавшемся вокруг патриаршей академии. Разъехавшись затем в разные концы империи — кто в Фессалонику, кто в Афины или Новые Патры, члены этого кружка навещали друг друга, жаловались на долгое отсутствие писем и радовались каждой новой весточке. Из этого литературного кружка вышел также один из виднейших прозаиков конца XII в.— Михаил Хониат; к этому же направлению

принадлежал и младший брат Михаила — Никита Хониат (за Хониатами утвердилось в научной литературе неправильное прозвище — Акоминаты)[25].

Михаил Хониат[26] родился около 1138 г. в малоазийском городе Хоны. Родители предназначили его к духовной карьере и отправили в Константинополь для завершения образования, где одним из учителей Михаила стал Евстафий Солунский. В 1182 г. Михаил был поставлен афинским митрополитом и пробыл в этом городе до IV крестового похода. Латинское завоевание заставило его покинуть Афины, и старость Михаил провел в скитаниях, вдалеке от друзей, нуждаясь в самом необходимом и страдая от болезней. В одном из писем с острова Кесса он жалуется, что лишился зубов и облысел, что зрение ослабло и ходит он, опираясь на посох. К концу жизни его разбил паралич: правая рука и правая нога отказывались служить. Но и в этом состоянии Михаил продолжал писать, редактировал написанное раньше и готовил сборник своих сочинений, расположенных в хронологическом порядке. Около 1222 г. Михаил умер.

Ученик Евстафия Михаил Хониат был большим книголюбом, равностным собирателем библиотеки, несколько, впрочем, беспорядочной, как все библиотеки тех лет: рядом с «Геометрией» Евклида там можно было видеть толкования посланий Павла и «Органон» Аристотеля. От своего учителя Михаил воспринял и дидактическую гражданственность: он наставляет и поучает, прославляет добродетель и страстно критикует порок. Его голос становится патетичным, когда он говорит о бедствиях родных Афин, страдающих от наездов податных сборщиков больше, чем от набегов пиратов. Он бичует константинопольскую знать, не желающую высунуть нос за ворота столицы, словно она боится промокнуть от дождя вне городских портиков; эти люди не хотят расстаться с детьми и женой и предают нуждающуюся в помощи провинцию — Михаил сравнивает их с кормчим, бросающим руль корабля, гонимого бурей, с врачом, отказывающимся помочь больному.

От своего учителя воспринял Михаил и умение видеть мелочи, рассказать о забавном, а многотрудная жизнь научила его теплому сочувствию к простецам, кажущимся смешными. Он описывает сельскую баню на Кеосе: домишко без крыши, где у моющихся часть тела пылает от разведенного огня, а часть стынет от свободно гуляющего ветра; где теплую воду приходится приносить из другого места, где голова начинает болеть от дыма и где подчас не снимают шапку, чтобы не простудиться. В свои письма Михаил подчас вставляет новеллы и басни. В одной из них он рассказывает о волке, который крестился и торжественно поклялся не нападать на принадлежащую людям скотину. По этому случаю был устроен праздник, и волк с важностью вступил в город, сопровождаемый факелоносцами. Тут он увидел свинью, лежащую на дороге, и, забыв о праздничном шествии, бросился на нее и растерзал. Когда же спутники стали пенять ему, что он, мол, не расстался со старым своим нравом, волк заявил, что совершил это не из жадности, но с целью наставления, ибо свинья не должна была надменно и пренебрежительно валяться на виду у процессии, а подняться и приветствовать ее.

Никита Хониат (середина XII в.— 1213 г.), младший брат Михаила, сделал блестящую административную карьеру. Он много написал: речи, сборник «Сокровище православия», содержащий документы по истории церкви [27] и прежде всего «Хронику» (см. о ней выше, стр. 110) — не только первостепенный источник по истории XII в., но и замечательный литературный памятник. Как и Пселл, Никита Хониат умеет нарисовать портрет человека, показать своего героя в его внутренней противоречивости и раскрыть характер через действия. В свое повествование он включает вставные новеллы, например «кровавую» любовную повесть об одном из богатых граждан города Землина, взятого византийскими войсками. Когда тот увидел, что жена его, красотой которой он всегда гордился, попала в руки солдат, когда он понял, что не сможет ей помочь, этот человек бросился на нее и вонзил ей в грудь кинжал.

Оплакивая свое время — жестокость тиранов, своекорыстие чиновников, нашествия врагов, Никита Хониат устремляется мысленным взором в далекое прошлое, когда Ромейская (т. е. Римская) империя господствовала во всем Средиземноморье. Он сравнивает свою родину с прекрасной женщиной, доставшейся бесстыжим любовникам, которых не заботит ее величие и благородство — и вот она теряет свою безыскусственную красоту и, подобно блуднице, начинает прибегать к всевозможным притираниям и лекарствам. Критика отдельных чиновников и государей перерастает под пером Никиты Хониата в критику всей государственной системы Византийской империи, и он готов даже противопоставить византийской испорченности порядки латинского Запада.

Конечно, Никита Хониат критикует византийскую государственность с позиций крупного феодала, каким он был: он критикует деспотизм, но не монархию, коррупцию государственного аппарата, но не классовую структуру общества. О народных массах он говорит с пренебрежением, народные восстания безоговорочно осуждает. Как и его предшественники, он связан с господствующим классом.

Подобно тому, как в византийской науке XI—XII вв. появляются элементы рационализма, и в византийской литературе этого времени намечаются новые черты, которые в своей совокупности составляют то, что характерно для предренессанса. Литература остается еще средневековой, традиционной — и все же в ней уже чувствуются тенденции к демократизации языка и сюжета, к индивидуализации авторского лица, в ней зарождаются критическое отношение к аскетическому монашескому идеалу и первые религиозные сомнения. Литературная жизнь становится более интенсивной, появляются литературные кружки.

Развиваясь в подцензурных условиях, скованная придворным ритуалом и церковными традициями, византийская литература не могла позволить себе откровенную оппозицию господствующему режиму. И все-таки в литературном творчестве отражалась борьба различных общественных группировок, социальное недовольство, политический протест.

Катастрофа 1204 г. приостановила нормальное развитие византийской литературы, как и всей византийской культуры.

Глава

18

ИСКУССТВО

С конца IX столетия начинается яркий расцвет византийской архитектуры и искусства. Истоки его восходят к предшествующему периоду. Известный русский историк византийского искусства Н. П. Кондаков не без основания «окрестил» это время вторым золотым веком византийского искусства, напоминающим по своему размаху и художественным достижениям расцвет византийской культуры VI столетия.

Укрепление международного положения Византии, рост политического влияния Константинополя как центра Византийского государства и византийской культуры, стремление к вовлечению в ее орбиту стран Восточной Европы и Балканского полуострова создавали благоприятные условия для развития византийского искусства. Правящие круги Византии прекрасно учитывали, что средствами искусства, его впечатляющей силой идеи восточного православия значительно легче распространяются за пределами политических границ Византии, чем богословскими дискуссиями. Вопрос о допустимости поклонения иконам, волновавший византийское общество на протяжении полутора столетий, был окончательно разрешен в пользу иконопочитания в 843 г. Уничтоженные в период правления императоров-иконоборцев иконописные изображения восстанавливались. Строились новые церкви и монастыри [1].

Императоры Македонской династии, а затем их преемники, императоры из дома Комнинов, ассигновали значительные средства на сооружение новых зданий, церковных и дворцовых, в первую очередь в Константинополе. Роль Константинополя и его художествен-

ных школ, бывшая и прежде значительной, сейчас становится первостепенной и ведущей в византийском искусстве [2]. Украшение Константинополя новыми памятниками архитектуры и искусства, обновление старых, стремление поражать иноземцев пышностью церемоний придворной и церковной службы являются характерной чертой византийской политики этого времени. Подробно разработанный, точно регламентированный в соответствии с рангами церемониал, пышность и красочность памятников византийского зодчества и мозаичной живописи, театрализованный характер церковной службы поражали воображение современников.

АРХИТЕКТУРА

Значительное место, которое занимали в те времена работы по строительству, засвидетельствовано наглядным образом памятниками византийской миниатюры. Так, в псалтири из собрания Барберини в Ватиканской библиотеке (Vatic, 372) [3] можно видеть изображение строительства здания, имеющего типичные для того времени архитектурные элементы. В нижнем этаже представлена галерея с колоннами и арками. К ее крыше ведет высокая лестница. Взобравшиеся на крышу каменщики складывают стены второго этажа. Справа другие работники возводят высокую двухэтажную башню. В нижней ее части видны высокие колонны с базами и капителями, украшенными резьбой. С помощью системы блоков и канатов строители с трудом втаскивают колонны меньшего размера на второй этаж. В Хлудовской псалтири (л. 51) изображено подобное двухэтажное, вероятно дворцовое, здание в готовом виде. Нижний этаж покоится на высоком цоколе.

Архитекторы построили его в виде открытой галереи с колоннами и аркадами. Здание имеет большое число высоких окон, полукруглую апсиду, башни.

Строительство шло не только в Константинополе. Возводились многочисленные монастыри, в том числе древнейшие здания Афона — монастырей Лавры, Ивира, Ватопеда. Появились многочисленные церкви в Афинах. Расширились существовавшие прежде и возникли новые монастырские здания в Дафни близ Афин, Осиос Лукас (монастырь Луки) в Фокиде, Неа Мони (Новый монастырь) на о. Хиосе.

О строительстве дворцов в Константинополе мы можем судить почти исключительно по письменным источникам. На территории Большого дворца, раскинувшейся по берегам Мраморного моря, рядом с Хрисотриклинием в последней четверти IX в. вырос новый дворец Василия I — Кенургий. Константин Багрянородный, подробно описавший памятники строительства времени Василия I, восхваляет особенно за новизну архитектурных форм и декоративное убранство другое сооружение на территории Большого дворца — триклиний, называемый Пентакувуклием. Здание представляло собой в плане четырехлистник и было, по всей вероятности, увенчано пятью куполами — четырьмя по углам и одним в центре. Непода-

леку были разбросаны и многие другие новые сооружения — павильоны, бани. В отделке широко использовался многоцветный мрамор из каменоломен Карии и Фессалии, дававший возможность разнообразить краски и добиваться больших художественных эффектов. Работы по строительству дворцов продолжались и в X в. При Никифоре Фоке был заново перестроен и отделан существовавший еще с V в. на берегах Мраморного моря дворец Вуколеон, названный так по скульптурной группе быка и льва, украшавшей его. В XII столетии в глубине Золотого Рога был сооружен Влахернский дворец, который стал постоянной резиденцией Комнинов. Двухэтажное здание Текфур Сераля, возможно, входило в состав дворца, который был встроен в систему оборонительных стен Феодосия.

Значительно лучше, чем о дворцовом строительстве, мы осведомлены о церковной архитектуре, хотя плохая сохранность и многочисленные последующие перестройки и переделки памятников церковного зодчества чрезвычайно затрудняют исследование и лишают его результаты полной доказательности.

В конце IX в. продолжались поиски новых архитектурных решений в области церковного зодчества. Они шли в направлении сочетания купольной базилики с крестовой формой плана, которые наблюдаются в памятниках VI—IX вв. (церкви Успения в Никее, Софии в Фессалонике, Аттик-Джами в Константинополе), и привели архитектурную мысль к созданию новой крестовокупольной формы храма. Из экфрасиса патриарха Фотия, описывавшего Фаросскую церковь богоматери, построенную около 864 г., вытекает, что именно в этой форме и было осуществлено ее строительство.

Основой крестовокупольного храма является квадрат, расчлененный на девять частей четырьмя опорами купола, возвышающегося в центре здания. Четыре ветви креста, вписанного в квадрат, перекрываются цилиндрическими сводами, которые выполняют важнейшую конструктивную функцию — принимать на себя распор купола. По диагонали на помощь им приходят своды угловых помещений. В некоторых случаях вместо четырех свободно стоящих опор-столбов, несущих на себе купол, ставились лишь две западные. Две восточные, примыкающие к апсидальной части храма, объединяли со стенами апсиды, которая придвигалась непосредственно к подкупольному пространству. Крестовокупольные формы храма применялись в трех- и пятинефных зданиях. В столичной архитектуре господствовали последние.

Внутренняя структура пятинефных константинопольских храмов была тесно связана с формами богослужения. Элементы драматизации, зрелищный его характер требовал хорошей видимости. Отдельные сцены на сюжеты священного писания с торжественными процессиями, куреньем ладана, песнопениями, возжиганием свечей символически изображались вокруг амвона. Поэтому, как правило, в храмах Константинополя центральный подкупольный квадрат окружен двумя кольцевыми обходами — внутренним и наружным, сообщающимися с центральной частью здания широкими открытыми пролетами арок. Подобные же открытые пролеты устраивались и на хорах.

Наряду с крестовокупольным планом здания имели известное распространение и другие. Ведущий свое происхождение от купольной базилики план перистильного типа встречается преимущественно в зданиях небольшого размера. В таких храмах центральная подкупольная часть в форме квадрата, заканчивающегося апсидой с восточной стороны, имеет с трех остальных сторон круговые обходы, сообщающиеся с центром здания широкими пролетами арок. отметить тип здания с куполом, покоящимся не на четырех парусах, а на восьми опорах и угловых нишах, или тромпах.

Важной новой чертой архитектурных памятников Константинополя того времени является расчленение внутреннего пространства здания на легко обозримые подчиненные друг другу отдельные помещения, пространственные группы. Все части зданий стали более тяжеловесными, материальными и плотными, чем это было прежде. Это наблюдается как внутри, так и во всем внешнем облике, где формы вытягиваются вверх по вертикали и где высокий купол, стоящий на барабане, господствует над всеми прочими сводами, увенчивая их. Выявленные снаружи конструктивные части с доминирующим куполом дают возможность уже извне судить о назначении здания [4].

Значительные изменения наблюдаются и во внутреннем убранстве храма. Важной его чертой является стремление к полной слитности архитектурных частей здания с монументальной живописью. После победы иконопочитания строгая регламентация охватила не только все темы церковной живописи и их иконографию, но и расположение их внутри храма. Определенным сюжетам церковной живописи были по соображениям литургического порядка отведены определенные места. Выбор тем был также ограничен.

Купол над центральным перекрестием воспринимался как небесный свод. В центре его находилась монументальная фигура Христа — в виде грозного Вседержителя, или Пантократора, надзирающего за землей. Вседержитель — глава небесной иерархии — изображался в большем масштабе, чем прочие фигуры. Ниже располагались архангелы в качестве его свиты, пророки, апостолы, евангелисты. Конха апсиды была отведена для богоматери, мыслившейся как связь между земной церковью и небом, алтарная апсида — для таинства евхаристии и фигур святителей. В виме помещали изображение трона, уготованного для Христа в день Страшного суда. Вокруг купола, в парусах или тромпах и в боковых приделах, обычно можно было видеть Рождество Христово, Сретение, Благовещение, Крещение, Преображение, Воскрешение Лазаря, Вход в Иерусалим. На столбах размещались отдельные фигуры святых. На западной стене над входом, там, куда падал взгляд выходящего из церкви, постепенно было закреплено место за сценой сошествия Христа в ад.

Возможно, что уже в эту эпоху или немного позднее, важное значение в качестве алтарной преграды приобрел иконостас. Из-за недостатка памятников мы не знаем, когда в точности сложилась эта система церковной росписи. Однако из фотиевского описания Фаросской церкви можно заключить, что ее основные черты были уже налицо в третьей четверти IX столетия. Такое символическое осмысление отдельных частей здания, при котором все оно рассматривалось как

ПАНТОКРАТОР.

Мозаика. Ок. 1100 г. Церковь в Дафни

образ вселенной, восточные части (в частности алтарь) как рай, западные как ад, а прочие как земля, было очень характерно для византийского мировоззрения. При создании архитектурных памятников подобная символика объединяла замыслы архитекторов и художников, украшавших церковь росписями. До нашего времени дошли некоторые памятники византийского искусства, в которых это сочетание архитектуры и живописи нашло свое яркое воплощение. Однако все они находятся за пределами Константинополя и относятся к немного более позднему времени (XI—XII вв.).

В церковной архитектуре Константинополя мы встречаемся с памятниками, как правило, сильно искаженными последующими и обычно неоднократными перестройками и переделками, которые чрезвычайно затрудняют исследование путей развития столичной архитектуры. Однако главные ее направления в IX—XII вв. могут быть более или менее точно определены.

В самом начале рассматриваемого периода в храмах Константинополя сказывались влияния восточной школы византийской архитектуры [5]. Глухие массивные стены преобладают над внутренним пространством здания. Константинопольская церковь Марии Диа-

конисы монастыря Акаталепта, превращенная позднее в мечеть Календер-Джами, близка по своему плану к церкви в Майарфакине в Месопотамии. Здание представляло собой пятинефный купольный храм, построенный в последние годы IX в. План его имеет в основе не совсем правильный квадрат. Удачные соотношения пропорций отдельных частей здания придают его плану гармоничный характер. Несмотря на массивность опор, загромождающих подкупольную часть, и стены, ограничивающие помещения по сторонам центральной апсиды в алтарной части, в плане заметно стремление к освобождению внутреннего пространства. Оно проявляется в широких просторных проемах с тройными аркадами на колоннах, объединяющих центральную подкупольную часть здания с широкими крайними нефами и нартексом. Апсиды — круглые внутри, снаружи — трехгранные. Здание имело большие хоры.

Вплоть до 1917 г. в Константинополе в долине Ликоса существовала церковь Марии Панахрантос, относившаяся к монастырю Липса. В турецкое время храм был известен под наименованием мечети Фенари-Исса. И это здание, подобно предыдущему, подвергалось неоднократным перестройкам. Оно состояло в конце своего существования из двух примыкающих друг к другу церквей, объединенных общей галереей. Монастырь Липса связывается с именем видного сановника — протоспафария Константина Липса, убитого на войне с Болгарией в 917 г. Таким образом, здание относится к самому началу X в. Северная церковь возникла первой. Она представляла собой пятинефный крестовокупольный храм с хорами [6].

При сравнении ее с церковью Марии Диаконисы можно убедиться, что архитекторы здесь еще в большей степени, чем прежде добивались освобождения внутреннего пространства здания от загромождающих его опор. План северной церкви монастыря Липса показывает, что все внутреннее трехнефное пространство, кроме алтарной части на востоке и нартекса на западе, полностью свободно. Свободно стоящие столбы, несущие на себе тяжесть распора купола, крестообразные столбы, отделяющие средние боковые нефы от крайних, и тройные проемы между ними выполнены более тонко, чем это было раньше, когда они соединялись с участком стен. Объединение всех частей здания, за исключением строго отграниченной восточной части, выполнено более последовательно, соразмерность ширины нефов выдержана лучше [7].

Еще в меньшей степени, чем предшествующие по времени храмы Константинополя, нам известна погребальная церковь Романа Лакапина в монастыре Мирелеон на месте гавани Феодосия (позднее мечеть Будрум-Джами). Здание неоднократно реставрировалось, затем почти полностью сгорело. Результаты обследования его остатков свидетельствуют, что оно представляло собой трехнефный крестовокупольный храм.

Пятинефная крестовокупольная церковь Спасителя Пантепопта (Всевидящего) была сооружена (или перестроена) при Анне Далассине, матери Алексея I [8]. Здание было впоследствие превращено в мечеть Эски-Имарет. Подобно другим пятинефным храмам Константинополя, и здесь боковые нефы имели деревянное перекрытие и иду-

щие кругом хоры над нефами и нартексом. В западной части здание фланкировано двумя угловыми башнями, между которыми был расположен экзонартекс, открывающийся тремя проемами на запад. Купол на барабане — круглом внутри и двенадцатигранном снаружи — покоится на четырех столбах, которым в турецкое время была придана неправильная восьмигранная форма [9]. По тщательности выполнения это здание — лучший из памятников архитектуры Константинополя того времени. План церкви напоминает план храма монастыря Липса. Так же как и там, внутренность здания освобождена от загромождающих опорных стен. Четыре свободно стоящих подкупольных столба, широкие проемы, соединяющие подкупольную часть здания с боковыми нефами, и, с другой стороны, четко отделенные массивными стенами алтарная часть и нартекс характерны для обоих этих памятников.

Ко второй половине XI в. относится, по всей вероятности, здание церкви Феодора (?), впоследствии мечеть Молла-Гюрани или Килиссе [10]. Первоначальный план здания, подвергавшегося впоследствии переделкам, требует еще доследования. Однако то, что установлено, дает основание считать, что в его архитектурных формах проявились некоторые новые черты, предвосхитившие дальнейшее развитие столичной архитектуры [11].

Благодаря тонкости подкупольных опор, широте проемов все здание приобрело воздушность, просторность. В решении всего интерьера части еще более объединены, чем это было прежде [12].

Процесс объединения внутренней части храмов в единое целое продолжался и в XII столетии, как о том можно судить по южной церкви монастыря Пантократора, впоследствии мечети Зейрек. Обе церкви монастыря возникли в XII в. Северная — в первой его четверти, южная — во второй. Обе они представляли собой крестовокупольные пятинефные храмы, пристроенные друг к другу, хотя вследствие позднейших перестроек они были превращены в трехнефные с промежуточной однонефной одноапсидной церковью [13].

Как в северной, так и в южной церкви подкупольные столбы заменены колоннами, арочные проемы сделаны еще более широкими. Вместе с тем в храмах XII в. появляются тенденции отграничения трехнефной центральной части храма от крайних нефов. В них намечается стремление к созданию интимного небольшого храма, подобного тем, которые получат распространение в позднейшее время. В XII в. пятинефный крестовокупольный обширный храм, таким образом, как бы исчерпывает возможности дальнейшего развития как единого здания и начинает вырождаться. С этой точки зрения очень характерно выделение трехнефного его ядра и превращение боковых крайних частей здания в открытые портики [14].

Важной чертой архитектуры столичных храмов, характерной для XI—XII вв., является, наряду с разработкой новых решений в плане, применение своеобразных форм украшения интерьера. Встречаются карликовые формы и неестественные, необычные пропорции.

В отличие от памятников VI—IX вв. (в той мере, в какой мы можем судить о зданиях Константинополя, во многом искаженных позднейшими переделками), в течение X—XII вв. наблюдается

тенденция к оживлению поверхностей стен, украшению апсид, барабанов куполов колонками, гранями, нишками, орнаментом, выполненным из кирпича, уступчатыми оконными проемами. Это ярко видно, например, в таком памятнике, как нынешняя мечеть Молла-Гюрани. Все конструктивные части здания, построенного в форме греческого креста, четко рисуются куполами и сводами снаружи. Полуциркульные ниши, чередующиеся ряды кирпича и камня на стенах оживляют монотонность наружного вида храма.

При все большей роли, которую играл крестовокупольный храм в архитектуре того времени, он отнюдь не исчерпывал всех типов подобных сооружений, даже если оставаться в пределах Константинополя. Богатство замысла архитекторов сказывалось и в поисках иных форм, в развитии идей, заложенных в ранних византийских памятниках, не исчерпанных прежде. С этой точки зрения обращает на себя внимание здание церкви Богоматери Паммакаристос (Всеблаженнейшей) — позднее мечети Фетиэ, датируемой XI в.

Здание храма было построено на пятом холме Константинополя, поднимающемся над Золотым Рогом. Оно принадлежало одноименному монастырю. Согласно надписи, сооружение церкви явилось заслугой Иоанна Комнина и его жены Анны, идентифицируемыми с куропалатом и великим доместиком Иоанном Комнином, умершим в 1067 г., и Анной Далассиной[15]. Сравнительно небольшое по своим размерам здание представляет собой одноапсидную церковь с куполом. Центральная часть окружена с трех сторон перистилем — галереями с цилиндрическими сводами. По углам имеются примыкающие к галереям прямоугольные небольшие помещения, перекрытые крестовыми сводами.

В целом столичная архитектура IX—XII вв. свидетельствует о плодотворных работах константинопольской архитектурной школы в области создания новых форм храмового строительства. При всем значении Константинополя как центра византийской культуры того времени надо отметить большие и важные достижения строительного искусства в византийской провинции. В памятниках Греции и некоторых других районов империи — немало своеобразных черт в решении интерьера, наружном оформлении, в умелом и оригинальном использовании строительных материалов в духе местных традиций.

В отличие от Константинополя, где обычно строились здания обширные и сложного плана, в провинции были распространены небольшие храмы, главным образом трехнефные.

Крестовокупольные храмы сооружались в Греции уже начиная с 70-х годов IX в., однако, в формах, значительно отличающихся от аналогичных зданий Константинополя. Одним из чрезвычайно интересных ранних образцов подобных зданий являлась монастырская церковь Богоматери в Скрипу (Беотия), сооруженная, как указывает надпись, протоспафарием Львом в 873—874 гг. Сопоставление этого памятника с церковью Софии в Фессалонике свидетельствует о большом пути, который прошла архитектурная мысль за примерно полуторавековой период, отделяющий оба памятника друг от друга. Вся внутренняя конструкция здания церкви в Скрипу, построенного в плане креста с куполом, возвышающимся в центре, выявлена сна-

ПАРАПЕТ
С ПАВЛИНАМИ.

Мрамор. XI в. Собор в Торчелло

ружи. Ветви креста рисуются в наружном объеме высокими стенами, отграничивающими поперечные и продольные помещения внутри здания. В плане четко читается лежащая в его основе трехнефная базилика, пересеченная в центре поперечным нефом и увенчанная куполом. Во всей конструкции ощущается массивность и тяжеловесность. Небольшие и редкие окна придают храму внутри темноватый вид. Его характер напоминает своей тяжеловесностью произведения восточновизантийской архитектурной школы. Вместе с тем бросается в глаза явно выраженное внимание к наружному виду. Оно проявляется не только в обнаженности конструктивных черт, указывающих уже издали на церковное назначение памятника, но и в украшении стен главной апсиды барельефами с медальонами, заполненными изображениями животных и завитками растительного орнамента[16].

Небольшие здания крестовокупольного типа встречаются в разнообразных формах по всей территории Греции. Г. Милле считал этот тип зданий наиболее распространенным в Греции[17]. Местные школы придавали ему различные формы. Применялись многие варианты пропорциональных соотношений главного и боковых нефов, форм апсидальных окончаний восточной части зданий, куполов, декоративного убранства стен, орнамента.

Если сравнить план церкви в Скрипу с планом церкви Феодора в Афинах, построенной в 1049 г., бросается в глаза значительно более

гармоничное и изящное соотношение частей здания в церкви Феодора. Архитекторы добились его путем расширения и укорочения нефов, уничтожения выступающего громоздкого поперечного нефа, включенного в церкви Феодора в основной прямоугольный план здания, а также лучшим оформлением апсид (полукруглых внутри и многогранных снаружи). Все это явилось несомненным достижением архитектурной мысли местной строительной школы, давшей еще ряд интересных памятников со сходным решением поставленной задачи.

Наряду с тем в провинции были распространены и здания базиликального плана. Большинство этих архитектурных памятников, независимо от своего плана, уже извне значительно выделялось среди окружающих зданий. Купола, являвшиеся прежде исключением и увенчивавшие лишь значительные здания, стали теперь почти повсеместными, в особенности с XI в. Купола изменили свою форму. Они стали меньшими по диаметру, но более высокими, благодаря постановке их на высоких, обычно многогранных барабанах. Грани куполов подчеркивались с помощью тонких колонок или полуколонок, несущих аркады. Пробитые в барабане высокие окна подчеркивали вертикальные линии здания и придавали куполу впечатление большей легкости. Все конструктивно важные внутренние элементы здания выявлялись в его наружном объеме.

Большое значение приобрело наружное украшение архитектурных памятников, придававшее им более живописный характер. В XI и особенно в XII в. здания стали украшать снаружи барельефами растительного и животного орнамента. Иногда среди его линий встречаются буквы греческого алфавита. В более ранних памятниках орнамент носит более простой характер, позднее он все более усложняется. Линии орнамента образуют сложные геометрические узоры, розетки, зубцы. В некоторых памятниках Греции среди завитков орнамента в XI в. встречаются буквы куфического шрифта.

Наряду с орнаментацией плоских поверхностей стен, обращает на себя внимание художественное оформление оконных проемов, которые многократно профилируются и приобретают декоративный характер. Часто используются тройные или парные окна, объединенные дугами арок. В наружном убранстве церковных зданий, разнообразном и богатом, проявляется бесконечная изобретательность.

Таким образом, в развитии византийской архитектуры рассмотренный период оказался чрезвычайно плодотворным.

ЖИВОПИСЬ

Время, непосредственно следующее за восстановлением иконопочитания, характеризуется не только большим размахом архитектурных работ. Значительное внимание уделялось живописи, одной из первоочередных задач которой должно было явиться восстановление старых и в особенности создание новых памятников иконописи взамен уничтоженных иконоборцами.

Монументальная живопись, как уже было отмечено, являлась неотъемлемой частью новых церковных сооружений, строившихся по всей империи. После победы иконопочитания в византийских храмах установилась строгая система расположения сюжетов внутри церковного здания (см. выше, стр. 390).

Темы церковной росписи были неразрывно связаны с архитектурным членением здания. Со временем число сцен было увеличено (за счет использования апокрифических евангелий), появились картины детства богоматери и детства Христа, дававшие возможность художникам создавать жанровые сцены, ранее не встречавшиеся в церковной росписи. Подобные картины, иллюстрировавшие трогательные моменты из детства священных персонажей, смягчали впечатление от суровости верхней зоны храма. Нижняя часть стен отводилась «столпам» церкви — отдельным фигурам святых, мучеников, патриархов, распределявшимся по иерархическому принципу тем ближе к центру и выше, чем более значительное место они занимали.

Наряду с монументальной живописью высокого развития достигло и искусство книжной миниатюры и иконописи. Большое число рукописей, написанных получившим распространение с IX в. новым минускульным письмом, было щедро украшено миниатюрами. Кодексы, дошедшие до нашего времени от периода IX—XII вв., во многом помогают восполнить пробелы в картине развития византийской живописи, которые остаются незаполненными из-за плохой сохранности и гибели монументальных памятников, нередко известных только по письменным источникам. Это относится в особенности к началу интересующего нас времени.

О развитии живописи Константинополя в конце IX — начале X в. мы можем судить почти исключительно по данным миниатюры. Несмотря на то, что в столице империи в это время были созданы целые иконографические комплексы, украсившие такие здания, как Фаросская церковь и церковь Апостолов, ни один из них не сохранился. До известной степени этот пробел можно восполнить по мозаикам, раскрытым в 30-х годах текущего столетия в храме Софии. В числе других, открытых в храме мозаик следует рассмотреть прежде всего мозаики, расположенные в люнете над главными царскими вратами, ведущими из внутреннего нартекса в центральную часть здания.

В центре композиции представлен Христос, сидящий на богато украшенном троне. Слева стоящий на коленях Лев VI простирает к нему руки. Фигура императора изображена в профиль, в отличие от ранее встречавшихся византийских мозаик подобного рода. По сторонам помещены два медальона с изображениями богоматери и архангела. В этой мозаике запечатлен момент, когда византийский император падает ниц в нартексе перед царскими вратами во время торжественной церемонии входа в храм в знак преклонения земной власти перед небесной [18].

Сцена передана художником в обычной для византийской живописи условной и лаконичной манере. Фигуры императора и Христа кажутся несколько тяжеловесными, но лица и одежда трактованы с большим мастерством, богатством и тонкостью подбора красок,

переливами нежных оттенков их. Мозаичные кубики выложены иначе, чем в других памятниках константинопольской мозаичной живописи. Они образуют линейные ряды, создающие впечатление свободной и тонкой вибрации,— отголоски античного импрессионизма, столь характерные для столичной школы живописи. Однако, может быть, наиболее характерной особенностью этой мозаики является отказ от строго фронтальной постановки фигур, типичной для монументальной византийской живописи более раннего времени. Профильная фигура Льва VI, слегка намеченный трехчетвертной оборот лица богоматери, выразительность лица императора вносят новые, необычные для византийской живописи предшествующей поры ноты. Композиционная связь между действующими лицами приобретает более отчетливо выраженный характер. Памятник свидетельствует о проникновении в живопись Константинополя в конце IX — начале X в. свежих веяний, ярко отразившихся в позднеиконоборческий период в Софии Фессалоникской (мозаики купола), в ранних фресках пещерных церквей Каппадокии и в особенности в миниатюрах Хлудовской псалтири.

Картину развития живописи IX—X вв. значительно дополняет миниатюра. Не говоря уже о специфике этого вида искусства, самые приемы копирования рукописей, применявшиеся в Византии для размножения книг, накладывали особый отпечаток на книжную миниатюру, отличавший ее от монументальной живописи. Как правило, для миниатюры характерна большая приверженность к традиционным формам, связь со старыми оригиналами, созданными иногда за много веков до изготовления копии. Именно поэтому датировки памятников византийской миниатюры, часто не имеющих точного указания на время их возникновения, вызывают большие трудности и подчас колеблются в пределах нескольких столетий. Поэтому использование данных миниатюры для выяснения картины развития живописи требует большой осторожности.

В конце IX столетия (между 867 и 886 гг.) был изготовлен по заказу императора Василия I унциальный кодекс «Слов» Григория Назианзина, хранящийся в парижской Национальной библиотеке (Paris. gr. 510). Кодекс украшен большим числом великолепных миниатюр, занимающих целые листы рукописи. Миниатюры иллюстрируют текст. На некоторых листах они расположены в два ряда и изображают отдельные сцены из священного писания, упоминаемые в тексте. Живописный стиль миниатюр разнохарактерен и свидетельствует об участии в украшении кодекса нескольких художников-миниатюристов. В иконографии евангельских сцен чувствуется использование ранее выработанных образцов древнехристианской и ранневизантийской живописи. Отдельные эпизоды следуют друг за другом без перерыва, сопровождая повествование. При этом одни и те же действующие лица нередко повторяются в той же картине неоднократно, так как в картине совмещаются различные по времени эпизоды. Фигуры носят тяжеловатый характер. Краски, использованные художником, яркие — пурпурный, голубой, красный цвет встречаются особенно часто. Трактовка отдельных предметов и архитектурного ландшафта не лишена объемности. Вместе с тем бросается в глаза

МИНИАТЮРА ИЗ РУКОПИСИ ПАРИЖСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ.
Начало XI в.

отсутствие единства точки зрения. Так, наряду с прямой перспективой используется обратная (обычная в памятниках ранневизантийской живописи), предоставляющая художнику возможность выявлять крупным планом (независимо от удаленности от зрителя) важные в смысловом отношении объекты (например, блюдо с рыбой в сцене трапезы).

К числу выдающихся по своим художественным достоинствам миниатюр относится сцена видения Иезекииля (л. 348об.). Иезекииль изображен на миниатюре дважды. Вверху он внимает голосу бога, внизу — приходит в сопровождении ангела в долину смерти. В исполнении этой миниатюры отчетливо ощущается влияние эллинистической живописи. Мягкие складки одежд, облекающих фигуры Иезекииля и ангела, трактовка гористого пейзажного фона напоминают лучшие образцы позднеантичной эллинистической живописи. Вместе с тем лица лишены одухотворенности, живости и выразительности, фигуры как бы позируют перед зрителем в заученных, застывших позах.

В отличие от миниатюры с изображением видения Иезекииля сцена Преображения Христа, по-видимому, выполнена художником, связанным с иными, более современными течениями в искусстве. Она во многом перекликается и развивает дальше те черты повествовательности и грубоватой выразительности, которые отразились в мозаиках купола Софии Фессалоникской. Очень характерны в этом отношении позы пораженных страхом апостолов Петра, Иакова и Иоанна, отворачивающихся от Христа и оживленно жестикулирующих. Эта миниатюра предвосхищает по своей композиции позднейшие мозаики на ту же тему.

Неоклассический стиль, представленный некоторыми миниатюрами кодекса «Слов» Григория Назианзина, нашел еще более яркое выражение в Парижской псалтири (Paris. gr. 139), имевшей в качестве прототипа рукопись в форме свитка. Миниатюры, украшающие рукопись, в настоящее время составляют, по-видимому, лишь часть первоначального оформления псалтири. Они выполнены на отдельных листах и были присоединены к тексту после его завершения. В них воплотилось в полной мере аристократическое течение столичной живописи, противопоставляемое более живым и выразительным иллюстрациям псалтирей с миниатюрами на полях (типа Хлудовской псалтири). Последние, несомненно, созданы при участии художников, отражающих народные вкусы и течения в искусстве. Каждая из 14 миниатюр Парижской псалтири представляет собой живописную картину, обрамленную в рамку, украшенную геометрическим или геометризованным орнаментом.

Среди замечательных миниатюр этой псалтири — сцена молитвы пророка Исайи. Вся миниатюра выдержана в голубовато-синеватой красочной гамме, тонко сочетающейся с золотом фона. В центре композиции представлен пророк Исайя, внимающий голосу божьему, который изображен в виде нисходящей руки, испускающей на пророка голубой луч. Слева от пророка стоит олицетворяющая ночь женская фигура с синей шалью, усеянной серебряными звездочками. Ночь держит в руках синеватый факел. Справа к пророку направляется младенец (с надписью: «утро») с красным факелом. На золотом фоне мягко выделяются голубовато-серебристые кроны живописно расположенных деревьев. Между ними растут красные цветы. Краски, изящно и мягко падающие складки одежд, олицетворения «ночи» и «утра» в виде человеческих фигур — все в этой миниатюре говорит о художнике, работающем в манере, рассчитанной на

изысканный вкус людей, которым близки образы античного искусства. Вместе с тем в ней чувствуется отрыв от современной художнику средневековой среды, от жизни с ее волнениями и страстями. При всей виртуозности исполнения миниатюры псалтири носят какой-то безличный характер.

Увлечение образцами эллинистической живописи сказалось и в некоторых других миниатюрах, например в иллюстрациях к «Териаке» Никандра (Paris. gr. suppl. 1247). Картинки с изображениями людей и зверей на фоне ландшафта кажутся скопированными с помпеянских фресок [19].

К этим памятникам примыкает и превосходное евангелие из Трапезунда, хранящееся в Ленинграде в ГПБ (№ 21). Однако в этом памятнике живописи есть много сходства и с каппадокийскими стенными росписями. Таковы, например, сцены Сошествия в ад, Омовения ног, Уверения Фомы, предвосхищающие иконографию сцен из жизни Христа, использованную позднее в монументальной живописи XI—XII вв. Своеобразной чертой миниатюр этого круга является их стилистически противоречивый характер. Следование эллинистическим традициям в передаче фигур и одежд не мешает художникам отдавать временами дань приемам, типичным для средневековья, с характерной для них условностью изображения отдельных предметов, плоскостностью, отсутствием единой системы перспективных сокращений и т. д. Это отчетливо видно, например, в таком мастерски выполненном памятнике миниатюры, как евангелие Афонского монастыря Ставроникиты (Cod. 43). Великолепные монументальные фигуры евангелистов кажутся созданными ваятелем. Вместе с тем миниатюрист изображает пюпитр, скамью, книгу, подножие по правилам обратной перспективы.

В памятниках столичной живописи конца X и начала XI в. влияние эллинистического искусства ощущается в значительно более слабой степени. На первый план выступают приемы, свойственные спиритуалистическому искусству, складывающемуся уже в ранней Византии. Фигуры становятся более сухими, «бесплотными», плоскостными. Ощущению плоскостности и условности изображения способствует широко применяемая золотая штрафировка и плотный, локальный характер красок, лишенных мягких переходов тонов. Архитектурный фон не входит в композицию как ее органическая часть, а лишь обозначает место действия, упомянутого в тексте, который в данном случае служит сюжетом изображения. Архитектура полностью утрачивает свой иллюзионистский и трехмерный характер. Она превращается в подобие кулис или плоской театральной декорации. Вместе с тем в ней используются схематически трактованные элементы современных памятников зодчества, вытесняющие собой традиционный эллинистический архитектурный ландшафт. Так, в «Минологии» Василия II (Vatic. gr. 1613) имеются схематические изображения типичных для X—XI вв. византийских купольных храмов, базиликальных зданий, капителей с резным орнаментом, профилированных оконных проемов, арок оконных переплетов. Все эти черты находят параллели в сохранившихся до нашего времени памятниках византийской архитектуры той эпохи.

Художники, создававшие миниатюры на священные сюжеты, включали в них немало бытовых деталей, не выходя, однако, за рамки того, что упомянуто в соответствующем тексте. В «Минологии» Василия II, расписанном восемью художниками-миниатюристами отмеченные особенности наблюдаются неоднократно. Часто повторяющиеся сцены казни давали возможность художникам вносить в композиции жизненные детали, заимствованные из окружающей действительности, где подобные сцены было легко наблюдать, позволяли придавать им дух правдоподобия, несмотря на условность изображения. Художники тщательно передают формы вооружения, несомненно используя в качестве образца подлинное вооружение византийского воина того времени. Характерные для византийского феодального общества иерархические представления нашли отражение в различии масштаба изображения действующих лиц — не по принципу перспективного сокращения, а по принципу их социальной значимости. Христос на миниатюрах изображается обычно в большем масштабе, чем окружающие его апостолы. Не менее типичны для эпохи постоянно повторяющиеся изображения святых воинов — Георгия, Димитрия, Феодора, представленных в полном боевом снаряжении, в отличие от более раннего времени, когда они изображались в одеждах высших сановников гражданского звания.

Представление о величии Византии, ее военном могуществе нашло свое исключительно яркое отображение в первой миниатюре псалтири (Marc. gr., 17), изготовленной для Василия II около 1019 г. Миниатюра изображает императора в костюме воина, вооруженного копьем и мечом. Император стоит на возвышении. Архангел Гавриил, спускающийся с неба, венчает его золотой короной, усыпанной драгоценными камнями. С другой стороны архангел Михаил вручает ему копье. Сверху, в центре композиции, Христос с евангелием спускает ему венец. По сторонам картины изображены портреты шести святых воинов в боевом снаряжении (Феодора Тирона, Димитрия, Феодора Стратилата, Георгия, Прокопия и Меркурия). А внизу, простершись в знак полной покорности, восемь коленопреклоненных фигур олицетворяют подчиненные Византии силой оружия народы.

Богатство и разнообразие сохранившихся памятников миниатюры свидетельствует об интенсивности художественной жизни Византии. Едва ли можно считать, что она исчерпывалась в области живописи одной только миниатюрой. Среди мозаик Константинопольской Софии сохранились некоторые, относящиеся к интересующему нас периоду, которые наглядно свидетельствуют о высоком мастерстве мозаичистов.

В люнете над входной дверью, ведущей во внутренний нартекс из южного вестибюля, изображена сидящая на троне богоматерь с младенцем. По сторонам центральной фигуры стоят два императора, подносящих ей дары. Юстиниан I держит в руках модель церкви Софии, Константин — модель окруженного стенами Константинополя. В сверкающей богатством красок мозаике, подобно тому как это наблюдается и в миниатюрах того времени, заметно внимание художника к объемной характеристике фигур и даже к передаче

ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ.

Мозаика. Вторая половина X в. Церковь св. Софии. в Константинополе

углубленного пространства, показывающего расстояние, отделяющее императоров от фигуры богоматери. Вместе с тем объемность не выходит за рамки чисто условной. Фигуры все же остаются недостаточно рельефными. В передаче одежды, складок, в трактовке черт лица немалую роль играет линия, несколько суховатая и ломкая. В целом иллюзии действительности не получается. Художник к ней и не стремится, оставаясь на позициях спиритуалистического искусства.

Важнейшее значение этой сравнительно недавно открытой мозаики — создания художников Константинополя — состоит в том, что она впервые дает представление о характере византийской монументальной живописи второй половины X в., от которой других памятников не сохранилось.

Среди других памятников того времени одно из выдающихся мест занимает большой мозаичный комплекс, сохранившийся в Новом монастыре на о. Хиосе. Декоративное убранство этого храма было выполнено в период 1042—1056 гг. по заказу императорского дома. Оно связано с именами императора Константина IX Мономаха и императриц Зои и Феодоры.

Простое и легкое по своим архитектурным формам здание является интересным образцом сооружения с куполом, покоящимся на восьми угловых нишах (тромпах). Трехнефный и трехапсидный план с центральной подкупольной частью предоставлял художникам хорошие условия для выполнения росписи в соответствии с ее темой. К сожалению, значительная часть росписи погибла, однако оставшиеся мозаики дают представление о некогда существовавшем ансамбле.

В конхе центральной, полукруглой внутри, апсиды сохранилась мозаичная фигура богоматери в позе оранты, т.е. фигуры с молитвенно поднятыми вверх руками. Северная и южная апсиды отведены для изображения архангелов Михаила и Гавриила. Угловые ниши у основания купола были заполнены изображениями сцен праздничного цикла — Благовещения, Рождества, Введения во храм, Крещения, Преображения, Распятия, Снятия со креста, Сошествия в ад. Во внутреннем нартексе были помещены сцены Воскрешения Лазаря, Вознесения и Сошествия святого духа. В куполе над всем царила фигура Пантократора с ангелами. В нижнем поясе были расположены изображения отдельно стоящих святых, среди которых видное место было отведено воинам.

Суровые и аскетические по своему характеру фигуры на всех этих мозаиках во многом напоминают росписи пещерных церквей Каппадокии. Краски—резкие, яркие, сильные. Манера исполнения—жесткая, уверенная, акцентирующая детали, подчеркивающая угловатость линий. Типы лиц часто повторяют друг друга и носят ярко выраженный восточный характер. В этих замечательных мозаиках чувствуется традиция, чуждая эллинистической, навеянная образами грубоватого провинциального искусства горных районов Малой Азии.

Почти одновременно с мозаичной росписью Нового монастыря было сооружено здание монастыря Луки в Фокиде, датируемое второй четвертью XI столетия. Оба церковных здания монастыря, одно из которых посвящено Луке, другое — богоматери, представляют собой выдающиеся памятники византийской архитектуры. Не менее интересно внутреннее убранство, в особенности в первом из зданий.

Уже снаружи бросается в глаза тщательная отделка стен, оживленных правильным чередованием рядов кладки. В верхней части извне выявлена внутренняя конструкция. В отделке оконных проемов использованы барельефы. Особенно богато здание украшено внутри многоцветным мрамором и мозаикой. Темно-зеленый фессалийский, красновато-желтый и серый мрамор в сочетании с резьбой по белому мрамору придают храму нарядный вид. Большой купол на восьми угловых нишах венчает здание. Некоторые архитектурные особенности — крестовые своды, декоративные нишки, высокие и широкие окна, разделенные колонками, приемы украшения фасадов, — указывают на знакомство строителей с архитектурной практикой Константинополя. Вместе с тем в целом памятник может считаться типичным созданием греческой школы.

Мозаики Луки чрезвычайно важны для изучения истории византийской живописи XI в. не только из-за своих художественных

достоинств, но еще и потому, что в этом памятнике сравнительно хорошо сохранилось без искажения позднейшими переделками мозаичное убранство. Расположение мозаик следует строгой системе и построено с соблюдением симметрии с точки зрения центральной оси здания.

Художники, работавшие в церкви, во многом близки тем, которые расписывали фресками каппадокийские храмы, а также Новый монастырь. И здесь стиль изображения резкий, угловатый. В трагических сценах, например в Распятии, позы несколько неподвижны. Экспрессия лиц, жестикуляция носят довольно внешний характер. Гораздо выразительнее и сильнее по письму отдельные фигуры апостолов, например Павла и Петра. Внимание к деталям проявляется особенно наглядно в подробнейшей передаче анатомических частей грудной клетки, рисунке коленных чашечек в теле Христа.

В сцене Уверения Фомы (несколько поврежденной) апостолы в группах слева и справа стоят в однообразных позах. Одежды падают сухими, ломкими, линейно подчеркнутыми складками. Мрачный характер колорита и большое внимание к линейному началу характерны для этого мозаичного цикла и придают ему несколько архаический характер [20]. Вместе с тем художники великолепно чувствуют связь композиций с архитектурой здания. Они мастерски вписывают мозаичные сцены в отведенные им места — люнеты, своды. Декоративное убранство кажется органически слитым с архитектурным замыслом.

Несмотря на строгое следование иконографии, в живописи монастыря Луки отчетливо видна тяга художников к изображению сцен, заимствованных из окружающей повседневной жизни. Таковы, например, жанровые сценки купанья младенца в композиции Рождества, неоднократно повторяющиеся и впоследствии в подобных композициях.

Как показывают памятники живописи XI в., сохранившиеся в странах, попавших в орбиту влияния Византии, стиль, созданный византийскими художниками, и в особенности иконография, проник далеко за пределы государственных границ Византии. Как правило, в тех случаях, когда византийские художники принимали участие в сооружении и украшении памятников, созданных в этих странах, они вступали в сотрудничество с местными художественными силами. Такое сотрудничество с художниками, опиравшимися на местные традиции, приводило к плодотворным результатам и созданию памятников искусства, в которых византийский стиль и иконография видоизменялись, приспосабливаясь к локальным художественным вкусам под воздействием местных мастеров. При родстве сюжетов и иконографии живопись, возникшая в результате подобного сотрудничества, принимала черты своеобразия, отсутствовавшие в памятниках собственно византийских.

Почти одновременно с мозаиками монастыря Луки в Фокиде в далеком Киеве при участии византийских мастеров было выполнено декоративное убранство храма Софии. Этот замечательный цикл живописи справедливо считается исключительным по своим

красками, мастерству рисунка, орнаментам и всему художественному стилю.

Как указывает В. Н. Лазарев, «от исполненных в том же XI столетии мозаик Осиос Лукас, Неа Мони и Дафни, особенно же от более поздних мозаик Венеции и Сицилии, их выгодно отличает первоклассное состояние сохранности. Не говоря уже о том, что они теперь сияют во всей первозданной прелести своих красок, они, что гораздо существеннее, лишены каких-либо доделок и модернизации... Мозаики Софии Киевской являются в настоящее время, после проведенной реставрации, самым подлинным памятником монументальной живописи XI столетия»[21].

В отличие от рассмотренных нами памятников в Киевской Софии мозаиками украшена только алтарная часть храма и купол. Все прочие своды и стены покрыты фресковой живописью. Все мозаики и основная часть фресок Софии были выполнены в период 1042—1067 гг.[22] Система распределения тем в мозаичной росписи, осуществленной при консультации митрополита Феопемпта, была сходна с той, которая применялась в современных Софии византийских храмах.

Вместе с тем в ней заметны некоторые существенные отступления, свидетельствующие о зрелости тех русских деятелей и художников, которым София была обязана своим возникновением. Этот великолепный памятник искусства может поэтому рассматриваться как творческое достижение и византийского, и древнерусского искусства. Следование византийской системе росписи и соблюдение принятой в Византии иконографии не помешало художникам внести в исполнение отдельных мозаик и фресок свое понимание, придающее особую свежесть трактовке освященных длительной традицией образов.

С подобным же явлением сотрудничества византийских и местных художников, которое приводило к созданию первоклассных памятников искусства, мы встречаемся неоднократно на протяжении XI и XII вв. в Грузии, Армении, Болгарии, Сербии, Сицилии.

Самые ранние фрески Македонии относятся к периоду после завоевания Македонии императором Василием II. Среди них на первое место следует поставить фрески Софии в Охриде. Подобно мозаикам Софии Киевской, в этих фресках сочетаются черты византийского и местного славянского искусства. Сила, мужественность и непосредственность местного народного искусства придает византийским образам совершенно отличный от чисто византийских памятников вид. Варваризация византийских форм, с которой мы сталкиваемся в подобных случаях сочетания византийской живописи с местной, «приводит, однако, не столько к их огрубению, но, что особенно важно, к большей полнокровности, свободе, свежести художественного языка»[23].

Хотя фрески Охридской Софии были выполнены уже после византийского завоевания, они еще тесно связаны с традициями славянской культуры, расцвет которой относился к эпохе Первого Болгарского царства.

К рассматриваемому времени относится также и ряд росписей пещерных храмов Каппадокии. Эти фрески говорят о силе сирийских традиций в стиле и иконографии, которые ощущались особенно силь-

ИОАНН ЗЛАТОУСТ.

Мозаика нефа. X в. Церковь св. Софии. в Константинополе

но в первой половине XI в. Позднее в них проявляется ряд черт, свидетельствующих о проникновении влияний, идущих из Константинополя.

К середине XI в., в особенности ко второй его половине, в византийской живописи устанавливается строгая регламентация. Формы спиритуалистического искусства, освященные многовековой традицией, рассматривались как единственно допустимые. Иконография, обязательная для художника, изображающего священные сюжеты, защищалась всем авторитетом церкви и государства. Свобода художественного творчества сковывалась всемерно. Тем не менее византийские художники, работавшие в те времена, сумели, не отступая от заданной иконографии, добиваться огромной силы и выразительности образов, используя в совершенстве все возможности линейной характеристики лиц, колорита, множества оттенков — даже в золоте фонов.

О достоинствах столичной монументальной живописи сейчас можно судить по мозаикам южной галереи Софии. Портреты императрицы Зои, Константина IX, Иоанна Комнина, его жены Ирины и их сына Алексея представлены в двух разных композициях. Константин IX

и Зоя стоят по сторонам Христа, сидящего на троне, Иоанн Комнин и Ирина — по сторонам богоматери с младенцем, правее — Алексей.

Константин и Зоя изображены художником в церемониальных одеждах с детально выписанными украшениями, узорами тканей и драгоценными камнями. Несмотря на строго фронтальную постановку фигур, легкий поворот их голов и взгляд к центру композиции — к монументальной и большей по масштабу фигуре Христа — связывает композицию воедино. Отвлеченный золотой фон подчеркивает условность и плоскостность изображения фигур Константина и Зои. Центральная же фигура, сидящая на троне, кажется более объемной благодаря разнообразно драпирующимся складкам одежды. Лица носят явно портретный характер и переданы художником не только со всеми чертами их своеобразия, но и явными следами косметики, особенно у Зои. Богатство расцвеченных разнообразными красками одежд, золотые драгоценности, венцы, камни — все производит впечатление пышности и богатства, к чему, очевидно, художник в первую очередь и стремился.

Вторая композиция носит еще более строго выдержанный фронтальный и условный характер. Тем не менее художник с большим мастерством дал портретную характеристику лиц, тонко оттенив психологические особенности каждого из изображенных им людей. Как и в первой композиции с большой тщательностью и правдоподобием выписаны все детали богатых церемониальных одежд, давшие возможность использовать разнообразную игру красок мозаики.

Оживленная художественная жизнь Константинополя того времени засвидетельствована великолепными памятниками миниатюры. По тонкости и изяществу рисунка, по умелому и разнообразному подбору красок многие из византийских рукописей не знают себе подобных.

В византийской провинции во второй половине XI в. был создан замечательный мозаичный ансамбль известного монастыря Дафни близ Афин. По своему плану монастырская церковь Дафни имеет много сходства с церковью Луки в Фокиде. Немногочисленные мозаичные композиции храма подкупают большим изяществом и прекрасным соответствием архитектуре. В куполе над всем царит огромная фигура Пантократора. В барабане изображены пророки, в конхе апсиды — богоматерь, сидящая на троне, в нишах — архангелы. Значительная часть верхней части стен, как и угловые ниши в основании купола, занята сценами из жизни Христа и Марии, составляющими в целом последовательный рассказ о наиболее значительных событиях евангельской легенды, преимущественно вошедших в праздничный цикл. Мягкость, гармоничность и ритмическая согласованность между линиями композиции и местом, которое она занимает, проявились с большой яркостью в таких сценах, как, например, Моление Анны, Рождество Марии. Великолепное чувство формы и композиции заставляет относить этот цикл к числу памятников, выросших на основе лучших художественных традиций константинопольского искусства. Тонкая моделировка лиц, объемность фигур, богатство колорита, изящество немногочисленных деталей замечательным образом сочетаются с условностью, принятой в византийском искусстве того времени — с от-

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ И ИОАНН ЗЛАТОУСТ

Мозаика. XII в. Палатинская капелла в Палермо

ступлениями от прямой перспективы, различием масштаба, продиктованным рангом изображаемых лиц, отвлеченностью фонов.

Исследования некоторых далеких от Константинополя памятников монументальной живописи, созданных в Сицилии (Чефалу) и Сербии (Нерез), дают основания видеть в них связи с искусством византийской столицы. Однако неповторимое обаяние фресок Нереза, рас-

крывшееся после их расчистки, показывает такое богатство форм, тонкость лиц, живописность и свободу, которые в Константинополе проявились, да и то лишь отчасти, значительно позднее. Реализм и сила выразительности сцен Снятия со креста и Оплакивания не находят себе равных на почве Византии в XI—XII вв.

Значительно более консервативными кажутся при сравнении с этим памятником живописи мозаики, созданные превосходными мастерами Дафни.

Широкое распространение влияния Византии наблюдается в XI—XII вв. и на Кавказе. Известным памятником монументальной живописи, связанной с Византией, созданным около 1130 г., являются мозаики монастыря Гелати близ Кутаиси в Грузии. Вместе с тем при сопоставлении их с живописью, сохранившейся на территории Византии, бросается в глаза национальное своеобразие этих мозаик, сказывающееся и в манере исполнения, и в типах лиц. По-видимому, они были выполнены согласно византийской иконографии местным грузинским художником. Византийские влияния в большей или меньшей степени обнаруживаются и в украшении грузинских рукописей. Наиболее ярко они отразились в Ванском евангелии конца XII в., написанном по заказу царицы Тамары в Константинополе (в монастыре Сохастере).

Влияние византийской живописи ощущается и в ряде памятников славянских стран — Болгарии и Сербии. Византийское завоевание Болгарии несло с собой проникновение в завоеванные районы принятых в Византии форм декоративного убранства храмов и византийской иконографии. Монастырские церкви Фракии и Македонии, получавшие уставы из Константинополя, играли в этом огромную роль. В некоторых памятниках Болгарии, например в сохранившихся фрагментах старой росписи восточной церкви Бояны и в церкви Георгия в Софии, обнаруживаются следы этого влияния.

В росписях церквей-гробниц Бачковского монастыря, основанного в 1083 г. византийским чиновником Григорием Бакуриани, росписи следуют византийской системе и сопровождаются греческими надписями [24].

Своеобразные черты характеризуют искусство подвергавшейся в рассматриваемое время византийским влияниям Южной Италии и Сицилии. При аббате Дезидерии начиная с 1058 г. активными проводниками влияния византийского искусства стали бенедиктинские монахи Монтекассино [25]. В наиболее чистом виде это влияние обнаруживается в Сицилии. Мозаики Марторана (Санта-Мария дель Аммиральо) созданные около 1143 г., во многом напоминают памятники византийского искусства, известные на территории Византии. Однако византийские образцы, несмотря на высокое качество исполнения, тонкость и изящество, здесь повторяются в несколько засушенной форме.

Сильно реставрированные мозаичные циклы Палатинской капеллы в Палермо отличаются друг от друга. Цикл, сопровождаемый греческими надписями, был выполнен византийскими художниками около того же времени, что и мозаики Марторана. Искусство художников, украсивших капеллу, сильно отличается от собственно византийского. Оно лишено творческой силы и своеобразия, присущего лучшим

образцам искусства Византии, созданным в эту эпоху. Живопись капеллы в целом представляет собой сложный памятник, в котором переплетаются черты византийского искусства, искусства ислама и Западной Европы.

Еще более сложный и эклектичный характер носят мозаики собора в Мон-Реале, выполненные преимущественно при Вильгельме II (1174—1183).

Богатство художественной жизни Византии IX—XII вв. не исчерпывалось одними лишь памятниками монументальной живописи и миниатюры. Известное место в развитии искусства занимала и иконопись, которая была также предназначена для украшения храмов. Среди икон имелись тонко выполненные мозаичные, свидетельствующие о наличии в XI—XII вв. больших мастеров иконописи. Замечательными образцами живописных икон являются в советских собраниях икона Владимирской богоматери, привезенная из Константинополя, и икона Григория Чудотворца. Стилистически памятники иконописи примыкают к современным им течениям монументальной живописи и миниатюры.

Пройденный византийским искусством в IX—XII вв. этап развития оказался чрезвычайно плодотворным во всех сферах живописи. Усовершенствование технических приемов мозаики, развитие техники фресковой живописи, виртуозное владение линией и красками в искусстве книжной миниатюры — таковы были несомненные достижения художников, работавших в этот период. В искусстве декоративного украшения зданий была осуществлена полная слитность монументальной живописи с замыслом зодчих.

Развивая дальше свойственный византийскому искусству спиритуалистический стиль, складывающийся уже в предшествующую эпоху (см. т. I, гл. 20), искусство IX—XII вв. в то же время стало более богатым и разнообразным по тематике. Несмотря на суровую регламентацию, сковывающую свободу художников, расписывавших византийские храмы и заставлявшую их творить в строгом соответствии с установленной иконографической схемой, искусство становится более человечным и жизненным. Расширение сюжетов, заимствованных из священного писания и особенно из апокрифических евангелий, включило в объекты живописи много новых жанровых и трагических сцен, которые прежде в византийской живописи не изображались. Это дало возможность художникам обогатить свой художественный язык, добиваясь новых средств выразительности. Мастерское владение всеми возможностями использования линии и краски как средства психологической характеристики действующих лиц сочеталось с умением создавать величественные, монументальные образы грозных владык небесного мира и в то же время трогательных сцен, заставляющих зрителя проникаться сочувствием и состраданием. Новые задачи искусства способствовали развитию техники фрески, в которой было гораздо удобнее и лучше выполнять многофигурные композиции, требовавшие детализации, мягких полутонов, техники, все богатые возможности которой были гораздо полнее реализованы в последующий период. Новые композиционные связи и несколько бóльшая, чем прежде, объемность продолжали соче-

таться с фронтальной, как правило, постановкой фигур. Живопись не вышла в этот период за рамки известного схематизма и условности. Фигуры лишены подлинного движения и остаются образами спиритуалистического искусства, соответствовавшего по своей сущности идеологии феодального общества.

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Начиная с IX, а особенно в X—XI вв. Византия вступает в период блестящего развития различных видов прикладного искусства.

У византийских и арабских историков и географов, в западноевропейских источниках зафиксированы многочисленные факты даров иноземным правителям; в них говорится о предметах, изготовленных по заказу, о мастерах, приглашенных для выполнения определенных работ, а иногда и об их пленении и насильственном переселении в чужие страны. К концу периода можно встретиться в Западной Европе, в южнославянских странах и на Руси с произведениями искусства, возникшими под несомненным воздействием некоторых видов прикладного искусства Византии.

Количество произведений, характеризующих художественную культуру широких слоев общества, в это время еще меньше, чем в ранневизантийский период. Здесь сыграло известную роль отпадение Египта (почвенные условия которого способствовали сохранности памятников), а также недостаточное количество археологических материалов.

Большинство дошедших до нас образцов прикладного искусства не имеет точных дат. Споры вызывают даже те, на которых обозначены имена некоторых императоров. По сравнению со многими странами Востока, в том числе и христианскими, Византии особенно присуща анонимность. Все это вызывает трудности в изучении памятников. Одним из немногих исключений являются образцы шелковых тканей — производства, достигшего в это время, как свидетельствует «Книга эпарха», высокого уровня и большой дифференциации. На некоторых тканях сохранились греческие надписи, указывающие имена правителей, при которых они были изготовлены. Упоминаются «христолюбивые императоры Роман и Христофор», Василий II и Константин VIII и некоторые другие. Производство определенных видов тканей, окрашенных драгоценными красками, составляло монополию придворных мастерских, их вывоз за пределы империи без специального разрешения был запрещен (см. выше, стр. 144). На великолепных тканях такого рода не раз изображались фигуры торжественно шествующих царственных животных (львов, леопардов, слонов) или орлов, часто вписанные в большие (диаметром до 70—80 см) орнаментированные медальоны. Даже в то время, когда шелковое производство было столь развито, излюбленные сюжеты на тканях продолжают напоминать восточные образцы.

По-прежнему большое место в обиходе придворного общества и церкви занимали изделия из слоновой кости. На немногих из них встречаются изображения императоров — Льва VI, коронуемого бо-

ШЕЛКОВАЯ ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛЬВА.
X—XI вв. Берлин

гоматерью (Берлинский музей), Константина VII, венчаемого Христом (в собрании Гос. музея изобразительных искусств в Москве), Романа (III или IV) и Евдокии (в Кабинете медалей в Париже). Композиционно (обычно расположенные под аркой) они напоминают аналогичные сцены в монументальной живописи; сюжет чрезвычайно характерен для пропаганды идеи божественного происхождения царской власти.

Чаще всего на диптихах и триптихах (порой использованных как оклады рукописей) изображались сцены религиозного содержания: те же фигуры Христа, богоматери, святых, праздничные сцены, которые украшали стены церквей, наиболее распространены и на этих миниатюрных предметах. Характер исполнения их различен. Встречаются такие (например так называемый Арбавильский триптих или другой, в Палаццо Венециа в Риме, X в.), где фигуры святых переданы почти скульптурно, отделяясь от фона, их лица индивидуальны, драпировки подчеркивают строение тела. Выдающимся образцом изделий этого рода является и триптих с изображением «сорока мучеников» и святых воинов из собрания Эрмитажа. Подвергшиеся испытанию в силе их веры обнаженные му́ченики представлены, согласно легенде, мерзнущими на льду Севастийского озера: фигуры переданы в разных позах, подчеркнуто эмоционально. Однако в их

исполнении заметна скованность копииста, подобная той, которая наблюдается в миниатюрной живописи этого времени.

На ряде других пластинок XI—XII вв. не только содержание, но и подход к изображению приобретает спиритуалистический характер. Трудно уверенно сказать, существовали ли эти разные художественные устремления одновременно (что представляется более вероятным), или в известной мере сменяя друг друга.

Воспроизведение старых образцов особенно ощутимо на большой группе ларцов, украшенных пластинками слоновой кости с объединяющим их орнаментом в виде розеток или звездочек в медальонах. Почти на всех этих предметах представлены образы, почерпнутые из античной мифологии: актеры и гладиаторы, воины, танцоры, цирковые персонажи. Наиболее замечательным примером является так называемый ларец Вероли X в. (названный по первоначальному месту хранения в соборной сокровищнице в Вероли, близ Рима, ныне в музее Виктории и Альберта в Лондоне). Здесь представлены похищение Европы и Геракл, играющий на лире, танцующие менады и нереиды, кентавры и эроты и т. п. Фигуры исполнены с большим мастерством, в довольно высоком рельефе, они переданы в движении, в сложных поворотах.

Возможно, шкатулка была изготовлена для одной из дочерей Константина VIII. В качестве образца для рельефов использовались миниатюры.

Для подавляющего большинства этих предметов характерна утрата ясности сюжета, обычно распадающегося на отдельные компоненты, так же как исчезает на многих пластинках представление о пропорциях фигур, повороты которых не всегда оправданы. Характер расположения отдельных деталей наводит на мысль о том, что пластинки, заготовленные впрок, объединялись на ларце иной раз случайно.

Слоновая кость, по-видимому, применялась в этот период и для убранства дверей и мебели, для изготовления парадных гребней и разного рода других предметов. Однако наряду с ней встречаются и своеобразные заменители дорогого материала: так, кость домашних животных, судя по множеству находок в Херсоне и некоторых других городах, служила для изготовления небольших диптихов, из нее делали пластинки для украшения шкатулок, погребальных покровов, дверей и др. Изображения, которые встречаются на таких пластинках, походят на более парадные экземпляры: среди них встречаются и фигуры святых, но значительно чаще — птиц и животных, иногда фантастических. Не подлежит сомнению употребление этих предметов в более широких — скорее всего, городских — слоях общества.

Связаны с образцами из слоновой кости и каменные иконки, чаще всего резавшиеся по сравнительно легко поддающемуся обработке стеатиту. Эти рельефы различных оттенков, зеленоватые и серые, иногда голубоватые, обычно, так же как слоновая кость, покрывались позолотой, следы которой обнаруживаются даже на иконах, найденных при раскопках. Среди стеатитовых изделий XI—XII вв. встречаются памятники высокого художественного качества — напри-

НАКЛАДНЫЕ ПЛАСТИНКИ ШКАТУЛКИ.

Резная кость. XII в.

Раскопки в Херсонесе

мер удивительно тонкое изображение св. Димитрия из собрания Оружейной палаты в Москве.

Искусство обработки камня достигло в Византии большой высоты. О нем свидетельствуют миниатюрные камеи, резанные иногда в высоком рельефе (стилистически схожие с изделиями из слоновой кости) по сапфиру, ляпис-лазури, халцедону, часто по кровавой яшме и др. Обычно и здесь представлены христианские святые, Христос, богоматерь, реже евангельские сцены — Благовещение, Распятие и др. Сохранились немногие точно датированные экземпляры, например камень с изображением Христа и надписью на оборотной стороне на кресте, указывающей имя императора Льва VI, и редкая по размерам камея с погрудным изображением богоматери и надписью Никифора III Вотаниата. Обе хранятся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне.

Не случайно в Византии почти не было инталий (камней с врезанными изображениями), обычно служивших печатями. Широчайшее распространение получили в это время моливдовулы (свинцовые подвесные печати), предназначавшиеся для опечатывания товаров и скрепления документов. Во многих случаях эти маленькие предметы имеют и

художественную ценность. Изобразительный репертуар здесь тот же, что и в глиптике; изготовление матрицы требовало сходных навыков мастера. Надписи, указывающие имя владельца, его чин и звание, помогают точной датировке. Сопоставление с некоторыми памятниками глиптики способствует их определению.

Рядом с миниатюрными произведениями камнерезного искусства известны и большие точеные сосуды (патены, потиры, вазы; предметы такого рода часто упоминаются в письменных источниках, поскольку они служили дарами), диаметр которых достигал 35—40 см, а высота 25—35 см. Они изготовлялись из агата, сардоникса, серпентина, халцедона и др. Великолепный подбор таких предметов X—XII вв. хранится в сокровищнице Сан-Марко в Венеции, куда они, очевидно, попали после разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 г. Изящная небольшая агатовая ваза, украшенная тонкими золотыми нитями и греческими буквами неясного назначения, имеется и в собрании Эрмитажа.

Большинство сосудов имеет оправы, украшенные драгоценными камнями, обнизками из жемчуга и прославленными византийскими перегородчатыми эмалями. На некоторых из них сохранились надписи, свидетельствующие об их принадлежности императору Роману (предположительно Роману II), логофету Сисинию (959—963), проедру Василию (середина X в.) и др. Изредка, рядом со святыми, Христом, богоматерью изображались в медальонах или на четырехугольных пластинках и коронованные владельцы.

Техника перегородчатых эмалей в известной мере связана с так называемой перегородчатой инкрустацией, широко распространенной в эпоху «переселения народов» среди многих варварских племен. Вопрос о моменте ее возникновения спорен, но, по-видимому, некоторые образцы перегородчатой эмали можно датировать концом VII—VIII в. Разнообразное применение ее, засвидетельствованное письменными источниками, особенно характерно для периода после IX в. Как известно, техника перегородчатой эмали сложна, она требует от мастера хорошей выучки и большого опыта. На золотой слегка вогнутой пластинке, соответствовавшей силуэту будущего изображения, обозначались его контуры и напаивались на ребро тончайшие ленточки. В образовавшиеся между ними ячейки налагалась эмаль, которую приготовляли из особого стеклянного состава, окрашенного окисями различных металлов. После этого изделия подвергались обжигу, эмаль, согреваясь, расплавлялась, но перегородки препятствовали смешению цветов. Во время этого процесса цвета видоизменялись и мастер должен был внимательно следить за степенью нагрева, дабы получить нужный тон. Затем поверхность изделия шлифовалась. Византийские эмали отличались большой прочностью и тонкостью исполнения. Золотые перегородки, кажутся тонкими, как бы нарисованными линиями, которыми отмечены складки одежд, волосы, детали орнамента.

Одним из наиболее выдающихся датированных произведений, украшенных перегородчатой эмалью, является ставротека (реликварий для креста), хранящаяся в сокровищнице собора в Лимбурге. Согласно надписи, она сделана для проедра Василия в 964—965 гг. В ней упомянуты также имена императоров Константина и Романа.

ВИЛЬГЕЛЬМ II, КОРОНУЕМЫЙ ХРИСТОМ.

Мозаика Мон-Реале.

Этот роскошно украшенный предмет, размером почти в $^{1}/_{2}$ м, сочетает в своем убранстве едва ли не все характерные виды византийского ювелирного искусства: драгоценные камни различных размеров окаймлены гнездами и расположены группами. Они чередуются с жемчужинами на фоне, обработанном тонким узором. По краю вьется красивая надпись. Пластинки перегородчатой эмали помещены в центральной части выдвижной крышки (где представлен Деисус и двенадцать апостолов) и под нею, по сторонам крестовидного углубления, окаймляя его орнаментальными полосками с розетками и пальметками, а также с фигурами архангелов, херувимов и серафимов. Боковые стенки ставротеки украшены чеканным растительным орнаментом, а на задней ее крышке — процветший голгофский крест.

Богатейшее собрание окладов и икон, украшенных перегородчатой эмалью, собрано в той же сокровищнице Сан-Марко (например, знаменитое изображение полуфигуры архангела Михаила, XI в., лицо которого исполнено чеканом по золоту, детали одежды, крылья и контур нимба расцвечены перегородчатой эмалью, а фон обработан тонкой филигранью), а также в Музее искусств в Тбилиси. Одной из достопримечательностей грузинского собрания является оклад иконы Хохульской богоматери, в состав убранства которого наряду с грузинскими входят византийские (среди них — портретные) эмали. Византийские эмали имели большое распространение и на Руси, где зародилось собственное производство эмалей. На окладе Мстиславова евангелия (ГИМ), например, две пластинки с изображением апостолов исполнены византийцами, а остальные — русскими мастерами.

Судя по многочисленным письменным свидетельствам, перегородчатые эмали украшали самые разнообразные предметы в обиходе высших кругов византийской знати: включались в убранство парадных одежд и головных уборов, ларцов и люстр, парадных щитов и даже в упряжку лошадей.

Одним из немногих дошедших до нас памятников светского характера является так называемая корона Константина IX Мономаха (хранится в Национальном музее в Будапеште). Она составлена из отдельных пластин, на которых, помимо самого императора Константина, изображены императрицы Зоя и Феодора в сопровождении танцовщиц и олицетворений добродетелей. Все фигуры представлены среди растительных завитков и птиц. Характер исполнения перегородчатых эмалей приобретает к этому времени некоторую сухость: часто расположенные, ритмически повторяющиеся линии не оправданы, композиция перегружена. Другая корона (также сохранившаяся в Будапеште), наряду с портретными изображениями византийских императоров Михаила VII Дуки и его сына Константина, интересна портретом венгерского короля Гейзы I (1074—1077), которому она, очевидно, и была преподнесена. Группе, представляющей светских правителей, соответствует другая часть пластинок с обычными фигурами Христа-Пантократора, архангелов и апостолов.

Яркие, чистые тона эмалей, переливающихся на фоне золота, были особенно созвучны вкусам высших кругов византийского феодального общества. Сама техника оказала немалое влияние на другие виды искусства, в частности на миниатюру, отчасти и на иконы.

Композиционные принципы, характерные для реликвариев и окладов с изображениями, исполненными перегородчатой эмалью, повторялись на более дешевых изделиях, чисто серебряных (где погрудные изображения святых помещались в аналогично оформленных медальонах и где повторялись основные элементы композиций), а иногда даже на бронзовых, покрытых позолотой.

Своеобразную разновидность византийского прикладного искусства, в силу, быть может, случайных причин полюбившуюся в Италии, представляет определенная категория бронзовых изделий — двери. Наиболее ранний их образец сохранился в храме святой Софии в Константинополе: на ней имеются монограммы императоров Феофила и Михаила, определяющие дату около 840 г. Двери украшены орнаментальными мотивами, исполненными в высоком рельефе. С легкой руки представителя амальфийской торговой семьи — Пантелеоне (около 1065 г.), длительно проживавшего в Константинополе и заказавшего там для родного города бронзовые двери, аналогичные изделия были заказаны для прославленного монастыря в Монтекассино, для церквей в Салерно, Венеции и Риме.

На некоторых дверях сохранились греческие надписи с именами мастеров.

Связь с эмалью обнаруживается и в технике росписи немногих известных нам образцов византийского художественного стекла. До недавнего времени был известен лишь один небольшой сосуд такого рода: по пурпуровому фону стекла выделяются розовато-белые фигуры, восходящие к мифологическим прообразам. Они вписаны в медальоны из розеток, напоминающих характерный элемент убранства ларцов из слоновой кости. В промежутках помещены головы в профиль на фоне растительного орнамента, который заполняет и верхнюю часть сосуда. Роспись золотом и разноцветными эмалями сближает стеклянную вазу с миниатюрами (того же XI столетия). В последние годы в церкви Пантократора в Константинополе были найдены фрагменты расписных стекол начала XII в. Этот факт дал основание предполагать, что витражи были известны в Византии ранее, чем в Западной Европе, хотя и не получили распространения.

Открытая во время раскопок в Коринфе мастерская по изготовлению стекла дала фрагменты сосудов, украшенных характерными для византийского искусства изображениями, в известной мере соприкасающимися и с восточными памятниками. Чрезвычайно интересный фрагмент художественного стекла был найден в Двине (Армянская ССР): тонко исполненные фигурки скрипача и льва имеют ближайшие аналогии, как и декорирующий орнамент, в искусстве Византии. Обломки византийских стеклянных сосудов, расписанных золотом и эмалями, обнаружены также на территории Древней Руси.

Наиболее массовым видом прикладного искусства является начиная с IX в. поливная керамика. В различных пунктах, входивших в состав Византийской империи (Константинополе, Афинах, Коринфе, Херсоне и ряде других) находят во время раскопок блюда, чаши, кувшины и другие сосуды, изготовленные из белой глины, покрытые свинцовой глазурью. Они украшены исполненными штампом рельефными изображениями, а более дешевые и простые лишь окрашены

БЛЮДО С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПТИЦЫ И РЫБЫ.

Керамика. XI в. Музей в Коринфе

зеленой или желтой поливой. Среди орнаментальных мотивов нередки различного рода розетки и звезды, напоминающие излюбленные мотивы рукописей, изделий из слоновой кости и серебра. Наряду с ними иногда встречаются кресты. Чрезвычайно распространены изображения птиц то реальных, то фантастических. Чаще всего они заключены в медальон (украшенный в некоторых случаях поясом жемчужин) и расположены на дне сосуда; порой этих медальонов несколько. Типичны парные фигуры птиц и животных, геральдически расположенных по сторонам дерева; часто встречаются грифоны, реже сирины, всадники и некоторые другие изображения.

Вопрос о корнях византийской керамики и об истоках встречающихся на ней образов не совсем ясен. Бесспорная связь последних с Востоком уходит в глубокую древность. Нет сомнений, что византийскому городскому населению все эти образы были близки, они пользовались большой популярностью и органически вошли в византийскую художественную культуру.

Более высоким художественным качеством отличается реже встречающаяся керамика, изображения на которой исполнены росписью.

Наряду с орнаментальными мотивами здесь можно видеть и фигуры птиц и животных, переданные с большим мастерством.

В X—XI вв. начинают изготовляться и изразцы, украшавшие городские дома (возможно, не только снаружи, но и внутри). Едва ли, однако, они достигали столь широкого распространения, как во многих мусульманских странах, а также в Болгарии.

Начиная с XI в. белоглиняная керамика вытесняется красноглиняной, штампованные изображения сменяются исполненными гравировкой по ангобу (особой тонко обработанной обмазке из глины, обычно белой). В это время орнаментацией чаще всего украшается не только дно, но вся поверхность сосуда; репертуар образов расширяется, значительно большее место уделяется, в частности, человеческим фигурам. К концу периода нередки изображения святых, а также каких-то сцен, позволяющих предполагать отражение в них сказочных или, быть может, эпических персонажей.

Художественная керамика, некоторые серебряные сосуды, изделия из кости и т. п. заставляют задуматься над вопросом о том, справедливо ли широко бытующее представление о византийском искусстве как почти исключительно религиозном. Можно предполагать, что при общей теологической окраске мировоззрения византийского феодального общества, проявившейся и в сфере искусства, в нем обнаруживались и другие тенденции. Это был, с одной стороны, своего рода (по определению В. Н. Лазарева) «неоклассицизм», созвучный вкусам определенных кругов придворной знати, а с другой стороны,— пока еще мало исследованное третье направление, отражавшее художественные запросы относительно широких кругов торгово-ремесленного населения. Судя по всему, оно в большей мере сказалось в некоторых формах прикладного искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ 1

РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ВИЗАНТИИ (VII — СЕРЕДИНА IX в.)

Глава 1

[1] Свинцовые печати изучает особая вспомогательная дисциплина — сфрагистика, или сигиллография. Сводная публикация византийских печатей: G. Schlumberger. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884. См. дополнения: V. Laurent. Bulletin de sigillographie byzantine.— Byz., V, 1929—1930, p. 571—654; Byz., VI, 1931, p. 771—829; Вышел полутом корпуса печатей, посвященный Константинопольской патриархии: idem. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin, t. V, 1, A. Paris, 1963.

[2] Основное издание: C. E. Zachariae von Lingenthal. Collectio librorum iuris graeco-romani ineditorum. Lipsiae, 1852. Известные отличия содержит Афинская рукопись: A. Monferratus. Ecloga Leonis et Constantini. Athenis, 1889. Спорный вопрос о времени издания «Эклоги» теперь решен благодаря находке нового списка: она была опубликована 31 марта 726 г. (V. Grumel. La date de l'Écloque des Isauriens.— REB, 21, 1963). См. B. Sinogowitz. Studien zum Strafrecht der Ekloge. München, 1952; P. J. Zepos. Die byzantinische Jurisprudenz zwischen Justinian und den Basiliken.— «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 14 f. Русский перевод и исследование: Е. Э. Липшиц. Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. М., 1965. О славянском переводе «Эклоги» см. М. Андреев. Римското право и славянската Еклога.— ГСУ, юр. фак., I, 1959.

[3] Последнее издание (с болгарским переводом): Гръцки извори за българската история, III. София, 1960, стр. 208—220. Русск. перев.: «Хрестоматия по истории средних веков», т. I. М., 1961, стр. 344—351.

[4] А. Павлов. Книги законные. СПб., 1885; Ђ. С. Радојичић. Српски рукопис Земљорадничког закона.— ЗРВИ, 3, 1955.

[5] J. Karayannopulos. Entstehung und Bedeutung des Nomos Georgikos.— BZ, 51, 1958. Там же и литература вопроса. Ср. также краткий обзор: G. Ostrogorsky. Geschichte [3]..., S. 75, A. 10.

[6] Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первой половины IX в. М.— Л., 1961, стр. 53, прим. 11, 249 сл. Ср. ее же. Византийское крестьянство и славянская колонизация.— ВС, стр. 97—

105; J. de M a l a f o s s e. Les lois agraires à l'époque byzantine.— «Recueil de l'Acad. de Législation», 19, 1949.

[7] «Морской закон» издан: W. A s h b u r n e r. The Rhodian Sea Law. Oxford, 1909, Военный — Νόμος στρατιωτικός ed. A. G. Monferratos. Athenis, 1889. О «Морском законе» см. Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки..., стр. 96—103, 251; H. A n t o n i a d i s - B i b i c o u. Recherches sur les douanes à Byzance. Paris, 1963, p. 251—253.

[8] F. D ö l g e r. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, T. I. München— Berlin, 1924, № 254—446.

[9] MGH, Legum sectio III. Concilia. II, 2, 1906, p. 475—480.

[10] V. G r u m e l. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople, fasc. 1—2, 1932—1936. Ко времени от 681 г. до 842 г. относятся № 311—413.

[11] Основная литература указана у H. G. B e c k. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1958, S. 46 f. Русск. перев. актов: «Деяния вселенских соборов», изд. 2-е, т. VI—VII. Казань, 1882—1891.

[12] G. O s t r o g o r s k y. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929, S. 48—51; P. J. A l e x a n d e r. The Iconoclastic Council of St. Sophia (815) and its Definitions (Horos). — DOP, 7, 1953, p. 35—66.

[13] E. G e r l a n d. Corpus Notitiarum Episcopatuum Ecclesiae Orientali Graecae, I, 2. Kadikoy, 1931. См. G. O s t r o g o r s k y. Byzantine Cities in the Early Middle Ages.— DOP, 13, 1959, p. 53 f.

[14] H. G. B e c k. Kirche..., S. 150.

[15] T h e o p h a n i s C h r o n o g r a p i a, rec. C. de Boor, I—II. Lipsiae 1883—1885 (перепечатка: Hildesheim, 1963). Латинский перевод, сделанный папским библиотекарем Анастасием в 873—875 гг., помещен во II томе. Русск. перев.: Летопись византийца Феофана, пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, М., 1887. О Феофане см. Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, l. Berlin, 1958, S. 531—537 (там и литература вопроса). На русском языке: П. Г. П р е о б р а ж е н с к и й. Летописное повествование св. Феофана Исповедника. Вена, 1912 (см. острую критику Ф. Успенского.— ВВ, XXII, 1917, стр. 297 и сл.) и посмертно изданное исследование: К. У с п е н с к и й. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX вв. Феофан и его хронография.— ВВ, III, 1950, стр. 393—438; IV, 1951, стр. 211—262 (изобилует рядом произвольных, натянутых суждений). Хронология Феофана вызывает затруднения. См. об этом F. D ö l g e r. Das Kaiserjahr der Byzantiner.— SBAW, 1949, H. 1; G. O s t r o g o r s k y. Die Chronologie des Theophanes im 7. und S. Jahrh.— BNJb, 7, 1930, S. 1—56.

[16] N i c e p h o r i Opuscula historica, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, p. 1—77. Русск. перев.: Е. Э. Л и п ш и ц.— ВВ, III, 1950, стр. 349—387.

[17] Одним из источников был так называемый Большой хронограф (Μέγας χρονογράφος), составленный, по-видимому, в конце VIII в., возможно, иконоборческого направления. Однако трудно решать вопрос о характере недошедших источников. Передача положительных фактов о том или ином иконоборце еще не свидетельствует, что сообщение заимствовано из иконоборческого источника. Тенденциозность византийских полемистов была своеобразна: когда они стремились кого-либо опорочить, они иногда представляли в дурном свете всю его деятельность, обрушиваясь на него чуть ли не с площадной бранью, иногда же оттеняли его преступления против веры изображением похвальных дел.

[18] PG, t. 100, col. 205—533.

[19] Е. Э. Л и п ш и ц. Никифор и его исторический труд.— ВВ, III, 1950, стр. 97 и сл. О Никифоре см. также P. J. A l e x a n d e r. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958; A. J. V i s s e r. Nikephores und der Bilderstreit. Haag, 1952. О средневековом русском переводе Никифора см. Н. В. С т е п а н о в. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской кормчей.— ИОРЯС, 17, 1912, кн. 3.

[20] G e o r g i i M o n a c h i Chronicon, ed. C. de Boor, I—II. Leipzig, 1904; В. М. И с т р и н. Хроника Георгия Амартола в древнеславянском переводе, т. I. Пг., 1920; т. II. Пг., 1923; т. III. Ленинград, 1930.

[21] См. J. Dujčev. La chronique byzantine de l'an 811.— «Travaux et mémoires», v. I, 1965, p. 205—254. Ср. R. Browning. Notes on the «Scriptor incertus de Leone Armenio». — Byz., XXXV, 1965.

[22] Характеристику сочинения Сергия дает Фотий (Photius. Bibliothèque, t. I. Paris, 1959, p. 99. 30—44). См. Ф. Баришић. Две верзије у изворима о устанику Томи.— ЗРВИ, 6, 1960, стр. 150.

[23] P. Lemerle. La chronique improprement dite de Monemvasie.— REB, 21, 1963, p. 5—49.

[24] Подробный обзор публицистики VIII — первой половины IX в. см. H. G. Beck. Kirche..., S. 473—500.

[25] PG, t. 104, col. 1240—1304. Русск. перев.: Р. М. Бартикян.— ВВ, XVIII, 1961, стр. 330—350.

[26] K. Ter-Mkrttschian. Die Paulikianer im Byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien. Leipzig, 1893.

[27] H. Grégoire. Les sources de l'histoire des Pauliciens.— «Bulletin de la Cl. des Lettres de l'Acad. de Belgique», V, 22, 1936, p. 95—114. Критические возражения см. Е. Э. Липшиц. Вопросы павликианского движения в освещении современной буржуазной историографии.— ВВ, V, 1952, стр. 235—242; M. Loos. Deux contributions à l'histoire des Pauliciens.— BS, 17, 1956, p. 19—57.

[28] Общий указатель византийской агиографии: Bibliotheca Hagiographica graeca, vol. I—III. Bruxelles, 1957. О житиях VIII—IX вв. см. Х. Лопарев. Византийские жития святых VIII и IX вв. Пг., 1914; G. da Costa-Louillet. Saints de Constantinople aux VIII-e, IX-e et X-e siècles.— Byz., XXIV—XXVII, 1954—1957; eadem. Saints de Sicile et d'Italie Méridionale aux VIII-e, IX-e et X-e siècles.— Byz., XXIX—XXX, 1959—1960; eadem. Saints de Grèce aux VIII-e, IX-e et X-e siècles. — Byz., XXXI, 1961. См. также А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

[29] Издано: А. А. Васильев. Житие Филарета Милостивого.— ИРАИК, V, 1900, стр. 64—86; M. H. Fourmy, M. Leroy. La vie de S. Philarète.— Byz., IX, 1934, p. 85—170.

[30] См. о них т. I, стр. 55.

[31] Перевод отрывков из Табари см. А. А. Васильев. Византия и арабы (ч. I). СПб., 1900, приложение, стр. 12—63; A. Vasiliev. Byzance et les arabes, t. I. Bruxelles, 1935, p. 278—326. Там же приведены и фрагменты из других арабских авторов.

[32] Перевод соответствующих мест см. H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899, S. 81—126.

[33] Michel le Syrien. Chronique, t. I—IV. Éd. et trad. par J. B. Chabot. Paris, 1899—1906.

[34] См. Гевонд. История халифов. СПб., 1862.

[35] Р. М. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961.

[36] Обзор западных источников см. Wattenbach-Levison. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. H. 2—3. Weimar, 1953—1957.

[37] J. D. Mansi. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, XII, p. 959. См. V. Grumel. Notes d'histoire et de philologie byzantines.— ÉO, 39, 1936, p. 234—240.

Глава 2

[1] Наиболее последовательно против тезиса о коренной перестройке аграрных отношений в VII столетии выступают в настоящее время П. Лемерль и И. Караяннопулос. См. P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance.— RH, 219—220, 1958; J. Karayannopulos. Über die vermeintliche Tätigkeit des Kaisers Herakleios.— JÖBG, 10, 1961.

[2] См. т. I, гл. 15.

[3] Помимо свидетельств Феофана о расселении славян в феме Опсикий (см. G. Ostrogorsky. Geschichte...[3], S. 109 f. Там и литература вопроса), см.

еще: Т. Левицкий. Из научных исследований арабских источников. Неизвестные арабские документы о славянах 720 г.— «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы». М., 1964, стр. 6—15.

[4] Детальный анализ данных «Жития Филарета» см. Н. Evert-Карpesowa. Une grande propriété foncière du VIII-e s. à Byzance.— BS, 24, 1963, p. 32—40.

[5] В. В. Латышев. Житие преп. Феофана Исповедника.— ЗАН, VIII сер., ист.-филол., т. 13, № 4, 1918, стр. 15 и сл.

[6] К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии. М., 1917, стр. 187. Произвольность этого суждения была показана М. Я. Сюзюмовым («Проблемы иконоборчества в Византии».— «УЗ Свердловского пед. ин-та», 4, 1948, стр. 81 и сл.).

[7] См. А. П. Доброклонский. Преп. Феодор, исповедник и игумен студийский.— ЗНУ, 113, 1914, стр. 399—411. Согласно «Житию Феодора», в монастыре насчитывалось до тысячи монахов, однако действительные размеры монастыря и монастырской церкви позволяют считать эту цифру преувеличенной (R. Janin. Le monachisme byzantin au moyen âge.— REB, 22, 1964, p. 29 sq.).

[8] A. Vasiliev. An Edict of the Emperor Justinian II, Sept. 688.— «Speculum», 18, 1943.

[9] Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, vol. I. Budapest, 1949, p. 230. 65—75.

[10] См. т. I, стр. 368.

[11] Theoph., I, p. 386—391.

[12] Theophanes Continuatus, ed. I. Bekker. Bonnae, 1838, p. 318—321. См. S. Runciman. The Widow Danielis.—«Études dédiées à la mémoire d'A. Andréadès». Athènes, 1940.

[13] Theoph., I, p. 436. 30. См. М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества..., стр. 77, прим. 38. Иное толкование этого места см. Е. Э. Липшиц. Очерки..., стр. 86. Упоминающая париков надпись Феофила от 834 г. вызывает большие сомнения (P. Lemerle. Esquisse...— RH, 220, p. 87, n. 4).

[14] H. Evert-Kappesowa. Studia nad historią wsi bizantyńskiej w VII—IX wieku. Łódź, 1963, str. 61.

[15] Второзак., XXIII, 24.

[16] J. de Malafosse. Les lois agraires..., p. 55.

[17] М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону.— ВВ, X, 1956, стр. 36 и сл.

[18] См. А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры..., стр. 180.

[19] О земледелии и скотоводстве обширный материал собран: Ph. Koukoulès. Vie et civilisation byzantines, v. V. Athènes, 1952, p. 245—330. К сожалению, Ф. Кукулес мало привлекал археологические данные.

[20] Lefebvre de Noëttes. Le système d'attélage du cheval et du boeuf à Byzance.— «Mélanges Ch. Diehl», v. I. Paris, 1930, p. 183.

[21] О расслоении византийской общины см. прежде всего Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство..., стр. 123—129.

[22] См. т. I, стр. 91.

[23] Толкование ст. 18, на которой основывается это заключение, спорно. Мы следуем здесь за А. П. Кажданом («К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв.».— ВВ, X, 1956, стр. 61 и сл.).

[24] См. М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества..., стр. 63.

[25] Иоанн, X, 13.

[26] Основным аргументом в пользу последнего предположения служит «духовный» характер санкции в ст. 10: «Разделивший иначе да будет проклят богом». Аргумент этот явно недостаточен.

[27] О византийской «десятой доле» см. H. F. Schmid. Byzantinisches Zehntwesen.— JÖBG, 6, 1957, S. 45—110.

[28] Вопрос о судьбе византийских городов оживленно дискутируется в современной литературе. Наиболее последовательно теорию континуитета отстаивают: F. Dölger. Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflußte Stadt (V—VIII. Jh.).— «Atti del 3° Congresso internazionale di studi sull'alto medioevo». Spoleto, 1959, p. 65—100; G. Ostrogorsky. Byzantine Cities in the

Early Middle Ages.— DOP, 13, 1959, p. 45—66. Столь же последовательно (не касаясь, правда, столицы) Э. Кирстен (E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 14) настаивает на полном исчезновении «античной урбанизации» к концу VII в. О сохранении оживленной городской жизни в VIII в. говорит и Е. Э. Липшиц («Очерки...», стр. 87—117), однако, в отличие от Ф. Дэльгера и Г. А. Острогорского, она считает этот город городом нового типа, сложившимся уже в IV в.

29 Впрочем, иногда это зависело от перемещения центра города в иное, более защищенное в военном отношении место.

30 Вопрос о возможности использовать данные нумизматики для изучения византийской экономики оживленно дискутируется в литературе. По мнению С. Вриониса [S. Vryonis. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins (668—741). ЗРВИ, 8/1, 1963, p. 291—300], нумизматические данные вовсе не могут служить источником для изучения экономического развития Византии. См., однако, возражения: А. П. Каждан. Ответ американскому критику.— ВИ, 1964, № 6, стр. 215—218. И. В. Соколова («Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв.» — ВВ, XV, 1959, стр. 50—63) высказала предположение, что сокращение числа кладов византийских монет VIII в. может служить показателем не экономического спада, а наоборот — общей стабилизации Византийской империи в VIII столетии. Ср. еще Ph. Grierson. Byzantine Coinage as Source Material. Oxford, 1966.

31 См. А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 202, 207, 229.

32 См. Н. В. Пигулевская. К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии.— ВВ, IV, 1951, стр. 88. Автор использует синаксарное предание, относящееся к IX в. (Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxelles, 1902, p. 721).

33 См. G. Brett. The Automata in the Byzantine «Throne of Solomon».— «Speculum», 29, 1954, № 3, S. 477—487.

34 О снабжении хлебом в Византии см. J. L. Teall. The Grain Supply in the Byzantine Empire, 330—1025.— DOP, 13, 1959, p. 90.

35 См. подробно: М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии.— «Византийские очерки». М., 1961, стр. 43 и сл.

36 Theoph., I, p. 469. 30.

37 А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.— Л., 1964, стр. 27 и сл.

38 О социальном составе населения Константинополя см. H. G. Beck. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt.— BZ, 58, 1965.

39 Theoph. I, p. 440. 17.

40 Ibid., I, p. 384.7.

41 См. М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века.— ВВ, IV, 1951, стр. 33 и сл.

42 См. М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии.— «Византийские очерки», стр. 47 и сл.

43 См. т. I, стр. 356.

44 E. Stein. Vom Altertum im Mittelalter.—VfSWG, 21, 1928, S. 150f.

45 См. H. J. Bell. The Administration of Egypt under the ʿUmmayyad Khalifs.— BZ, 28, 1928, S. 282 f. Греческие папирусы VIII в. из арабского Египта (см. прежде всего R. Rémondon. Papyrus Grecs d'Apollônos Anô. Cairo, 1953. Ср. К. К. Зельин. Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III до начала VIII в. н. э.— ВДИ, 1964, № 4) содержат обильные данные для изучения налогового обложения, однако неясно, в какой мере было бы оправданным распространение папирусного материала на Византию VIII в.

46 H. Antoniadis-Bibicou. Recherches sur les douanes à Byzance. Paris, 1963, p. 208, carte. Ср. ibid., p. 230 sq.

47 См. т. I, стр. 379.

48 О византийской администрации см. J. Bury. The Imperial Administrative System in the IXth Century. London, 1911. Посвященная административной системе IX в., эта книга, тем не менее, содержит ряд экскурсов в более раннюю эпоху.

[49] См. т. I, стр. 368.

[50] F. Dölger. Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956, S. 135. По мнению Ф. Грирсона, этот титул появляется на монетах уже в VIII в. (Ph. Grierson. Coinage and Money in the Byzantine Empire.— «Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo». Spoleto, 1961, p. 427, n. 46).

[51] A. Grabar. L'empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936, p. 167 sq.

[52] J. D. Mansi. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, XII, p. 975.

[53] Первый упомянутый в источниках логофет дрома Антиох был казнен по подозрению в измене в августе 751 г. (Niceph. Opusc., p. 74. 11—13. См. F. Dölger. Byzantinische Diplomatik, S. 61, Anm. 287). В 759/60 г. погиб в войне с болгарами другой логофет дрома Лев (Theoph., I, p. 431. 10. См. G. Ostrogorsky. Geschichte...[3], S. 83, Anm. 4. Г. Острогорский считает Льва первым известным нам логофетом дрома). В конце VIII в. логофет дрома Аэтий был одним из наиболее влиятельных государственных деятелей (H. G. Beck. Der byzantinische «Ministerpräsident».— BZ, 48, 1955, S. 333).

[54] F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Darmstadt, 1960, S. 16 f.

[55] F. Dölger. Beiträge..., S. 59.

[56] По словам патриарха Никифора, ежегодно взимались прибавки к налогам (PG, t. 100, col. 513 D). Феофан также сообщает, что денежные налоги в это время разоряли крестьян (Theoph., I, p. 443. 20—22).

[57] Theoph. Cont., p. 54.4. Арабский географ ибн-Хордадбех исчисляет византийский налог с дыма иначе — в 1 дирхем.

[58] См. т. I, стр. 157.

[59] H. G. Beck. Kirche..., S. 107.

Глава 3

[1] См. A. Vasiliev. L'entrée triomphale de l'empereur Justinien II à Thessalonique en 688.— OrChrPer, 13, 1947.

[2] Б. А. Панченко. Памятник славян в Вифинии.— ИРАИК, 8, 1902, стр. 15 и сл.; ср. G. Ostrogorsky. Geschichte...[3], S. 109, Anm. 3.

[3] E. Darkó. La militarizzazione dell'Impero bizantino.— «Atti del V Congresso internazionale di Studi Bizantini», I. Roma, 1939, p. 88—89; П. Мутафчиев. Войнишки земи и войници в Византия през XIII—XIV вв.— СБАН, XXVII, 1923.

[4] Theoph., I, p. 367. 19—21.

[5] Ни Феофан, ни Никифор не говорят о борьбе партий в это время, но в Брюссельской анонимной хронике имеется известие о провозглашении прасинами Апсимара (A. Maricq. La durée du régime des partis populaires à Constantinople.— «Bull. de l'Acad. Royale de Belgique, Cl. des Lettres», 35, 1949, p. 66 sq. Ср. G. Ostrogorsky. Geschichte...[3], S. 118, Anm.1). Партии цирка сохранялись в городах Востока вплоть до арабского завоевания. См. S. Vryonis. Byzantine Circus Factions and Islamic Futuwwa Organisations.— BZ, 58, 1965.

[6] Об отношении Юстиниана II к папству см. F. Görres. Justinian II und das römische Papsttum.— BZ, 17, 1908, S. 432—454.

[7] Феофан считает Льва исавром по происхождению, однако сам противоречит себе, потому что Германикия находилась в Северной Сирии, а не в Исаврии. Приписка: τῇ δ'ἀληθείᾳ δὲ τῆς 'Ισαυρίας (Theoph., I, p. 391.6), как правомерно предположил К. Шенк (K. Schenk. Kaiser Leons III. Walten im Innern.— BZ, 5, 1896, 296 f.), является вставкой. Осведомленный автор «Жития Стефана Нового» называет Льва сирийцем по происхождению (Συρογενής). Ю. Кулаковский («История Византии», т. III, стр. 319), объединяя обе версии,считает,что «Лев был родом из киликийского города Германикии, а по крови исавр». Г. Острогорский называет Исаврийскую династию «Сирийской» (G. Ostrogorsky. Geschichte...[3], S. 475), что, безусловно имеет более солидные основания.

[8] В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. I. София, 1918, стр. 178. Г. Цанкова-Петкова («Българо-византийските отношения при управлението на Тервел и Кормесий».— «Изследвания в чест на М. Дринов». София, 1960, стр. 615—627) считает, что данный мирный договор был заключен ханом Кормисошем.

Глава
4

[1] О Льве III см. K. Schenk. Kaiser Leon III. Halle, 1880. Ср. D. Savramis. Die Kirchenpolitik Kaiser Leons III.— «Südostforschungen», 20, 1961.
[2] Theoph., I, p. 397. 17.
[3] R. Guilland. Études byzantines. Paris, 1959, p. 109—133.
[4] См. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 202—224; ср. D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.
[5] G. Ostrogorsky. Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier.— BZ, 30, 1929—1930, S. 394—400. Здесь и литература вопроса.
[6] F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 239.
[7] Иконоборчество находило самые различные объяснения в историографии: в нем усматривали и либеральную реформу в духе XIX в., и чисто идейное движение, возникшее под восточным влиянием, и выражение борьбы против монастырского землевладения, и стремление государства присвоить церковную движимость — прежде всего драгоценную утварь (см. М. Я. Сюзюмов. Основные направления историографии истории Византии иконоборческого периода.— ВВ, XXII. 1963, стр. 199—226). В иконоборчестве надо различать две стороны: идейную (догматическую) и социально-политическую, впрочем, тесно между собой связанные.
[8] G. Ostrogorsky. Les débutes de la querelle des images.— «Mélanges Ch. Diehl», v. I, 1930, p. 235—255; L. Bréhier. La querelle des images. Paris, 1904.
[9] См. M. V. Anastos. The Transfer of Illyricum, Calabria and Sicily to the Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople in 732/33.— «Studi bizantini», 9, 1957. В. Грюмель (V. Grumel. L'annexion de l'Illyricum oriental, de la Sicile et de la Calabre au patriarcat de Constantinople.— «Recherches de science religieuse», 40, 1952, p. 191 sq.) относил это событие к более позднему времени — к правлению Константина V.
[10] G. B. Ladner. The Concept of the Image in the Greek Fathers and the Byzantine Iconoclastic Controversy.— DOP, 7, 1953; ср. M. V. Anastos. The Ethical Theory of Images Formulated by the Iconoclasts in 754 and 815.— DOP, 8, 1954.
[11] PG, t. 99, col. 1802.
[12] Основная монография о Константине V: A. Lombard. Constantin V^{e}, empereur des Romains. Paris, 1902.
[13] Theoph., I, p. 420. 24—26.
[14] Ibid., I, p. 436. 14—21.
[15] Ibid., I, p. 448. 4—10.
[16] A. Hauck. Kirchengeschichte Deutschlands. VI. Aufl., Bd. II. Berlin, 1952, S. 322, Anm. 2.
[17] Р. М. Бартикян. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в.— ВВ, VIII, 1956, стр. 128 и сл.
[18] Об отношении павликиан к иконоборцам см. также M. Loos. Zur Frage des Paulikanismus und Bogomilismus.— «Byzantinische Beiträge». Berlin, 1964, S. 325 f.
[19] Theoph., I, p. 429. 22—25; 440. 17—23.
[20] PG, t. 100, col. 569.
[21] Niceph. Opusc., p. 76. 11—14.
[22] PG, t. 100, col. 564.
[23] Его земельные владения были в европейских пригородах Константинополя на берегу Босфора, недалеко от пристани св. Мамы, т. е. в самой торговой

части подгородного района столицы (R. J a n i n. Constantinople byzantine. Paris, 1964, p. 480 sq.).

[24] T h e o p h., I, p. 475. 17—18. Особенно восторгался налоговой политикой Ирины Феодор Студит: «Бедняки уже не остаются дома из боязни гнусных поборов» (PG, t. 99, col. 929).

[25] Решения собора 787 г. были признаны папой, но отвергнуты Карлом: соответствующие постановления были изданы Франкфуртским собором 794 г. под названием Libri Carolini.

[26] О соперничестве с Франкским королевством см. W. O h n s o r g e. Das Kaisertum der Eirene und die Kaiserkrönung Karls des Grossen.— «Saeculum», XIV, 1963.

Глава 5

[1] T h e o p h., I, p. 480. 1—3.

[2] Ibid., I, p. 487. 14—16.

[3] Ibid., I, p. 486. 24—26. К сожалению, место это у Феофана недостаточно ясно и может вызывать различные толкования. Одно бесспорно — Феофан связывает это мероприятие с усилением податного гнета. Г. Острогорский считал, что новая система ответственности — аллиленгий — сменяет старую эпиболэ, а различие между ними усматривал в том, что эпиболэ состояла в передаче новому собственнику запущенных земель, следствием чего являлось возложение на него налога; аллиленгий же состоял в перенесении на соседей налогового бремени, а право использования запущенной земли являлось вторичным (G. O s t r o g o r s k y. Die ländische Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jhdt.— VfSWG, 20, 1927, S. 25 f.). Однако И. Караяннопулос показал, что в поздней Римской империи существовали оба типа круговой поруки и терминологическое различие между ними не проводилось (J. K a r a y a n n o p u l o s. Die kollektive Steuerverantwortung in der frühbyzantinischen Zeit.—VfSWG, 43, 1956, № 4, S. 302, 319).

[4] G. C a s s i m a t i s. La dixième «vexation» de l'empereur Nicéphore.— Byz., VII, 1932, p. 154—160; Ai. Christophilopulu. Ἡ οἰκονομικὴ καὶ δημοσιονομικὴ πολιτικὴ τοῦ αὐτοκράτορος Νικηφόρου Α'.—«Εἰς μνήμην Κ. Ἀμάντου». Athenai, 1960, p. 427 sq.

[5] Нападение славян на Патры обычно датируют 805 г. (G. O s t r o g o r s k y. Geschichte...[3], S. 161). П. Лемерль отнес его к несколько более позднему времени — между 805/6 и 811 г. (P. L e m e r l e. La chronique improprement dite de Monemvasie..., p. 37).

[6] T h e o p h., I, p. 482. 30—32.

[7] P. C h a r a n i s. Nicephorus I, the Savior of Greece from the Slavs.— «Byzantina-Metabyzantina», I, 1, 1946.

[8] M. C a n a r d. La prise d'Héraclée et les relations entre Harun ar-Rashid et l'empereur Nicephore I-er.— Byz. XXXII, 1962, p. 345—379.

[9] T h e o p h., I, p. 492. 27.; см. G. O s t r o g o r s k y. Geschichte...[3], S. 165, Anm. 1.

[10] Даже Феофан, в общем идеализирующий монашество, называет Феодора Студита «дурным советником» (T h e o p h., I, p. 498. 19—20).

[11] P. C h a r a n i s. The Armenians in the Byzantine Empire — BS, 22, 1961, p. 199f., 206 f. Вышло также отдельной книгой под тем же названием (Lisboa, 1963). См. также S. D e r N e r s e s s i a n. Armenia and the Byzantine Empire. Cambridge, 1947.

[12] Б. Эммерденжэ (B. H e m m e r d i n g e r. Une mission scientifique arabe à l'origine de la renaissance iconoclaste.— BZ, 55, 1962, S. 66 f.) объясняет возврат к иконоборчеству культурным воздействием арабов, и в частности прибытием в 814 г. арабской миссии; на самом деле, конечно, причины были более глубокими.

[13] A. G r a b a r. L'iconoclasme byzantin. Dossier archéologique. Paris, 1957, p. 116.

[14] Э. Вернер (E. Werner. Die Krise im Verhältnis von Staat und Kirche in Byzanz: Theodor von Studion.—«Aus der byzantinistischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik», Bd. I. Berlin, 1957, S. 113—133) представляет Студита борцом за независимость церкви от императорской власти. Это не совсем так. Студит требовал, чтобы государь во всем принимал советы своего духовного отца, т. е. рассматривал императора как исполнителя воли церкви. «Житие Феодора Студита» передает характерный разговор Льва V со Студитом. Лев искал примирения с церковью. Студит заявил ему: «Если ты хочешь жить в мире с церковью, то во всем подчиняйся своему духовному отцу» (т. е. патриарху). После такого совета император был взбешен и закричал Студиту: «Пошел вон!» (Vita S. Theodoris Studitae.— BB, XXI, 1914, стр. 282).

[15] См. об этом R. Lewis. An Arabic Account of a Byzantine Palace Revolution.— Byz., XIV, 1939.

[16] Традиционная дата начала восстания — 821 г.— противоречит свидетельству послания Михаила II Людовику Благочестивому; согласно этому посланию, восстание началось еще до смерти Льва V (см. А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 350, прим. 6).

[17] Theoph. Cont., p. 53. 15. Об участии в восстании рабов (δουλικῆς μοίρας) прямо свидетельствует и Генесий (Genesius, rec. C. Lachmann. Bonnae, 1834, p. 32. 18). Социальное содержание движения ставит под сомнение П. Лемерль (P. Lemerle. Thomas le Slave.— «Travaux et mémoires», v. I, 1965, p. 255—297), который считает, что восстание было лишь попыткой Фомы отомстить за убийство его друга — Льва Армянина.

[18] О происхождении Фомы имеется обширная литература, вовсе не соответствующая важности этого вопроса. См. J. Bury. The Identity of Thomas the Slavonian.— BZ, I, 1892, p. 55; Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв.— ВДИ, 1940, № 1, стр. 356; М. Рајковић. О пореклу Томе, вође устанка 821—823.— ЗРВИ, 2, 1953, р. 33—38. По всей вероятности, он был грецизированным потомком славянских переселенцев в Малой Азии (Д. Ангелов. История на Византия, т. I. София, 1959, стр. 292).

[19] Genes., p. 32.

[20] PG, t. 99, col. 1412.

[21] «Царь, я отдал повстанцев под суд, конфисковал имущество врагов твоего отца и противников христиан, имения их взял и отдал оруженосцам Вашего Владычества»,—говорил позднее один из наместников императору Феофилу (Житие Антония Нового.— ППС, вып. 57. СПб., 1907, стр. 235, § 31).

[22] PG, t. 99, col. 1412.

[23] MGH, Legum Sectio III. Concilia, II, 2, p. 475.

[24] PG, t. 99, col. 1537.

[25] О репрессиях см. А. П. Доброклонский. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский, ч. I. Одесса, 1913, стр. 856; ч. II, вып. 1. Одесса, 1914, стр. 489.

[26] О внешней политике Михаила II и его преемников см. А. А. Васильев. Византия и арабы (ч. I). СПб., 1900. Французский перевод с дополнениями А. Грегуара: A. Vasiliev. Byzance et les arabes, t. I. Bruxelles, 1935.

[27] Gregorii Decapolitae vita, ed. F. Dvornik. Paris, 1926, p. 54.

[28] Const. Porphyr. De adm. imp., p. 232. 6—9.

[29] Acta S. Macarii.— AB, 16, 1897, p. 159. 8.

[30] A. Vasiliev. Op. cit., p. 144 sq. О преследованиях павликиан при Аморийской династии см. В. Г. Васильевский, П. Никитин. Сказания о 42 аморийских мучениках.— ЗАН, сер. VIII, т. VII, 1905, № 2, стр. 173.

[31] Ф. Дэльгер считает письма Феофила к франкам о помощи прелюдией крестовых походов (F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 311).

[32] См. И. Дуйчев. Нов исторически извор за българо-византийските отношения през първата половина на IX в.—ИИБИ, 14—15, 1964 стр. 350.

[33] О павликианах см. K. Ter-Mkrttschian. Die Paulikianer im Byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien. Leipzig, 1893; Д. Ангелов. Богомилството в България. София, 1961;

F. Scheidweiler. Paulikianerprobleme.— BZ, 43, 1950; Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в.— ВВ, V, 1952; Р. М. Бартикян. К вопросу об организации павликианской общины.— «Историко-филологический журнал», 1958, № 3; его же. Источники для изучения павликианского движения. Ереван, 1961; его же. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в.— ВВ, VIII, 1956; M. Loos. Le mouvement paulicien à Byzance.— BS, 24, 1963; 25, 1964.

[34] PG, t. 102, col. 17.

[35] Имеются разные теории происхождения названия «павликиане» (M. Loos. Deux contributions à l'histoire des pauliciens. Origine du nom des pauliciens.— BS, 17, 1956, p. 202—218).

[36] D. Angelov. Der Bogomilismus auf dem Gebiete des Byzantinischen Reiches.— ГСУ, ист.-фил. фак-тет, т. 44, 1947—1948, стр. 24—26.

[37] Греческое прозвище ἄστατοι («неспокойные») — вероятно, переосмысление армянского «хастатун», что значит «непоколебимый» (Р. М. Бартикян, Петр Сицилийский и его «История павликиан».— ВВ, XVIII, 1961, стр. 357, прим. 134); «кинохориты» — жители местности Кинохорион, недалеко от Неокесарии Понтийской.

[38] А. Г. Иоаннисян. Движение тондракидов в Армении (IX—XI вв.)— ВИ, 1954, № 10.

[39] См. J. Gouillard. Le décret du synode de 843.— «Actes du XII-e Congrès International d'Études byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 439—449.

[40] A. Grabar. L'iconoclasme..., p. 127.

Глава 6

[1] См., например, Е. Э. Липшиц. Очерки..., стр. 261 и сл. Сохранение в VIII в. прежнего уровня образованности подчеркивает также П. Лемерль (P. Lemerle. Byzance et tradition des lettres helléniques.— «Предавања САН, II. Отд. друшт. наука», 2, 1962, p. 7).

[2] Х. М. Лопарев. Греческие жития святых VIII—IX вв. Пг., 1914, стр. 15—36.

[3] Theoph., I, p. 445 sq.

[4] PL, t. 95, col. 1083.

[5] См., например, Феодор Студит. Творения, т. II. СПб., 1908, (стр. 348—349.

[6] См. арабское житие Иоанна Дамаскина в русском переводе, в кн.: Иоанн Дамаскин. Полное собрание творений, т. I. СПб., 1913, стр. 16—17.

[7] См. Деяния вселенских соборов, т. VII, изд. 2. Казань, 1891, стр. 303.

[8] См. Е. Э. Липшиц. Очерки..., стр. 363 и сл.

[9] Там же, стр. 364 и сл.

[10] Подробно о школах см. В. Преображенский. Восточные и западные школы во времена Карла Великого. СПб., 1881.

[11] Х. М. Лопарев. Житие св. Евдокима. СПб., 1893, стр. 3. Ср. еще «Житие Михаила Синкелла», в кн.: Ф. И. Шмит. Кахрие-Джами.— ИРАИК, XI, 1906, стр. 228. См. А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры..., стр. 99.

[12] См. PG, t. 99, col. 1160 A.

[13] PG, t. 94, col. 534 B, 536 B.

[14] В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования. Вып. 2. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. СПб., 1893, стр. XXX.

[15] F. Fuchs. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig—Berlin, 1926, S. 9—13.

[16] F. Dvornik. Photius et la réorganisation de l'Académie patriarcale.— AB, 68, 1950, p. 124.

[17] PG, t. 94, col. 440—449.

[18] См. о нем H. G. Beck. Kirche..., S. 476—486.

[19] Об Игнатии как писателе см. ниже, стр. 91.

[20] См. т. I, стр. 374.
[21] M. Berthelot. Collection des anciens alchémistes grecs, 2-e livraison. Paris, 1888, p. V sq.
[22] O. Temkin. Byzantine Medicine: Tradition and Empiricism.— DOP, 16, 1962, p. 97.
[23] F. Garrison. An Introduction to the History of Medicine [4]. Philadelphia, 1929, p. 147 f.
[24] K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur, S. 614.
[25] См. о нем Е. Э. Липшиц. Очерки..., стр. 338—366; B. Hemmerdinger. Étude sur l'histoire du texte de Thucidide. Paris, 1955, p. 35—39; C. Mango. The Legend of Leo the Wise.— ЗРВИ, 6, 1959.
[26] Им считали Михаила Пселла Старшего, но это предположение не имеет никаких оснований (F. Fuchs. Die höheren Schulen..., S. 18, Anm. 7).
[27] K. Vogel. Buchstabenrechnung und indische Ziffern in Byzanz.— «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960.
[28] R. Browning. Byzantine Scholarshop.— «Past and Present», 1964, № 28, p. 8.
[29] См. т. I, стр. 395 и сл.
[30] A. Dain. La transmission des textes littéraires classiques de Photius à Constantin Porphyrogénète.— DOP, 8, 1954, p. 38.
[31] Спорной остается атрибуция Иоанну сказания о Варлааме и Иоасафе — христианского романа, возникшего из переработки восточной (индийской) повести о Будде. См. F. Dölger. Der griechische Baslaamroman. Ettal, 1953; С. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». Тбилиси, 1956.
[32] Издано: PG, t. 100, col. 1067—1186. См. П. В. Никитин. О житии Стефана Нового. — ИАН, 6, 1912; J. Gill. The Life of Stephan the Younger by Stephan the Deacon.— OrChrPer, 6, 1940. Житие во многом подражательно, его образец — «Житие Евфимия» Кирилла Скифопольского (см. т. I, стр. 432).
[33] Обзор агиографических памятников VIII—IX вв. см. H. G. Beck. Kirche..., S. 506—514.
[34] О политической позиции Феодора см. выше, стр. 65 и сл.
[35] Перевод С. С. Аверинцева.
[36] Е. Э. Липшиц. Очерки..., стр. 309—338.
[37] Перевод С. С. Аверинцева.
[38] Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, т. II. М.— Л., 1935, стр. 482.
[39] Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя IX—XII вв.— ВВ, II, 1949, стр. 153 сл.
[40] Н. И. Брунов. Памятник византийской архитектуры в Керчи.— ВВ, XXV, 1928, стр. 89 и сл.; А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.— Л., 1964, стр. 161, прим. 132.
[41] В. Н. Лазарев. История византийской живописи. М., 1947, т. I, стр. 67.
[42] В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 53 и сл.
[43] Вопрос о датировке мозаик и количестве реставраций, которым они подверглись уже в византийское время, является дискуссионным. По всей вероятности, наиболее значительные реставрации были произведены Навкратием после восстановления иконопочитания. См. В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 52 сл.; P. Underwood. Fourth Preliminary Report on the Restoration of the Frescoes in the Kariye Camii at Istanbul by the Byzantine Institute, 1957—1958.— DOP, 13, 1959, p. 185—214; Е. Э. Липшиц. Навкратий и никейские мозаики.— ЗРВИ, 8/2, 1964, стр. 241—246.
[44] В. Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 71.
[45] Там же, стр. 60, 71.
[46] Деяния Вселенских соборов, т. VII, изд. 2. Казань, 1891, стр. 23.
[47] V. Lasarev. Einige kritische Bemerkungen zum Chludov-psalter.— BZ, 29, 1929—1930, S. 279 f.

ЧАСТЬ
2

ОФОРМЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И РАСЦВЕТ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ В ВИЗАНТИИ (СЕРЕДИНА IX—XII В.)

Глава
1

[1] См. надпись из мавзолея султана Сулеймана, содержащую полный текст эдикта Мануила I: C. Mango. The Conciliar Edict of 1166.— DOP, 17, 1963, p. 315—332.

[2] Basilicorum libri LX, vol. I—VI, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1833—1870; vol. VII, ed. E. C. Ferrini, J. Mercati. Lipsiae, 1897. Новое издание, подготовляемое H. I. Scheltema, пока еще не завершено.

[3] Вопрос о возможности использовать «Василики» как источник для социальной и административной истории остается дискуссионным. См. А. П. Каждан. Василики как исторический источник.— ВВ, XIV, 1958, стр. 56—66, и возражения М. Я. Сюзюмова (там же, стр. 67—75) и Е. Э. Липшиц (там же, стр. 76—80).

[4] Основное издание новелл: C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus graeco-romanum, vol. III. Lipsiae, 1857. Новеллы Льва VI критически изданы: P. Noailles, A. Dain. Les novelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944. Анализ рукописной традиции новелл X в.: N. Svoronos. La Synopsis Major des Basiliques et ses appendices. Paris, 1964. Сводка данных об императорских дипломах: F. Dölger. Regesten..., I, № 446—821; II, № 822—1668.

[5] Издана: C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus graeco-romanum, vol. I. Lipsiae, 1856.

[6] Новое издание с русским переводом и комментарием: М. Я. Сюзюмов. Византийская Книга эпарха. М., 1962.

[7] См. V. Grumel. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople, fasc. 2—3, 1936—1947.

[8] Толкования изданы: PG, t. 137—138. Русск. перев.: Правила святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных и святых отец с толкованиями. (разные издания).

[9] F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Darmstadt, 1960, S. 113—123.— Русск. перев.: Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, стр. 147—154.

[10] Сводная публикация V. Beneševič. Die byzantinischen Ranglisten.— BNJb, 5, 1926/7. Ср. еще N. Oikonomidès. Un taktikon inédit du X-e siècle.— «Actes du XII-e Congrès International d'Études byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 177—183.

[11] См., например, Стратегика имп. Никифора, изд. Ю. Кулаковский.— ЗАН, сер. VIII: ист. филол., т. VIII, 9, СПб., 1908; Sylloge tacticorum graecorum, ed. R. Vari. Budapestini, 1917—1922.

[12] N. G. Svoronos. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XI-e et XII-e siècles.— BCH, 83, 1959, p. 11—19.

[13] Основная публикация: G. Rouillard, P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937.

[14] В. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в.— ЖМНП, IX, 1909, май. Русск. перев.: Сборник документов..., стр. 169—173. См. Р. М. Бартикян. О значении завещания Евстафия Воилы (1059 г.) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества (XI в.).— Труды XXV МКВ. М., 1962, т. I, стр. 541—547.

[15] Основное издание: А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока, т. I. Киев, 1895. Ср. еще Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchtschischvili. Thbilisiis, 1963.

[16] Византийский период: Ioannis Zonarae Epitomae historiarum, vol. III. Bonnae, 1897.

[17] Georgius Cedrenus Ioannis Skylitzes ope, v. I—II. Bonnae, 1838—1839.

[18] См. А. П. Каждан. Хроника Симеона Логофета.— ВВ, XV, 1959, стр. 125—143; его же. Из истории византийской хронографии.— ВВ, XIX, 1961, стр. 76—96; XX, 1961, стр. 106—128; XXI, 1962, стр. 95—117; N. Panagiotakis. Λέων ὁ Διάκονος. Athenai, 1965.

[19] Michel Psellos. Chronographie, t. 1—2. Paris, 1926—1928.

[20] Michaelis Attaliotae Historia. Bonnae, 1853. См. о нем: E. Th. Tsolakis. Aus dem Leben des Michael Attaleiates (seine Heimatstadt, sein Geburts- und Todesjahr).— BZ, 58, 1965.

[21] Anne Comnène. Alexiade, t. I—III. Paris, 1937—1945. Русск. перев. Я. Н. Любарского: Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.

[22] Ioannis Cinnami Epitome rerum ab loanne et Alexio Comnenis gestarum. Bonnae, 1836.

[23] Nicetae Choniatae Historia. Bonnae, 1835.

[24] Издано в русском переводе вместе с «Псамафийской хроникой» в кн.: «Две византийские хроники». М., 1959.

[25] Подробная библиография в кн.: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 356—390. Ср. еще: Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, vol. II. London, 1962.

[26] Относящийся ко всему X в. сборник писем, изданный Ж. Даррузе (J. Darrouzès. Epistoliers byzantins du X-e siècle. Paris, 1960), довольно бессодержателен.

[27] См. о нем: P. Gautier. L'épiscopat de Théophylacte Héphaistos, archevêque de Bulgarie.— REB, XXI, 1963, p. 159—178.

[28] См. ниже, стр. 463, прим. 26.

[29] Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica. Palermo, 1961. Ср. еще Eustathii Thessalonicensis Opuscula. Francof. a. M., 1832.

[30] Частично издано: W. Regel. Fontes rerum byzantinarum, f. 1—2. Petropoli, 1892—1917.

[31] C. Will. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saec. XI composita extant. Lipsiae — Marpurgi, 1861, p. 150—152.

[32] Liutprand von Cremona. Die Werke. Hannover und Leipzig, 1915.

[33] См. о них М. А. Заборов. Современники-хронисты и историки крестовых походов.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 137—161; его же. Введение в историографию крестовых походов. М., 1966.

Глава 2

[1] Основные работы об аграрных отношениях этого времени: G. Ostrogorskij. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956; А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1956. Ср. также К. А. Осипова. Развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьянства в Византии в X в.— ВВ, X, 1956.

[2] F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Darmstadt, 1960, S. 115. 33—42.

[3] G. Rouillard, P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, № 3—4.

[4] Basil., XIX, 6. 20. Ср. М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства «Василик».— ВВ, VI, 1953, стр. 87.

[5] См. К. В. Хвостова. Ῥίζα χωρίου в XIV в.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 46—50.

[6] Theoph. Cont., p. 348. 3—6.

[7] K. Zachariae von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Aalen, 1955, S. 235, Anm. 761.

[8] В. Г. Васильевский. Труды, т. II, стр. 121.

[9] Leo Diac., p. 240. 1—4.

[10] F. Dölger. Beiträge..., p. 119.

[11] Ibid., p. 116.

[12] G Ostrogorskij. Quelques problèmes..., p. 19, 22.
[13] См. ниже, стр. 446, прим. 11.
[14] Const. Porphyr., De cerim., p. 488. 18.
[15] Theoph. Cont., p. 93. 10—15.
[16] Vita Pauli Junioris.— AB, XI, 1892, p. 63 sq.
[17] Jus, III, p. 255. 30.
[18] Jus, III, p. 265. 27—31.
[19] Jus, III, p. 247. 5—7.
[20] Jus, III, p. 312, n. 48.
[21] Jus, III, p. 310, n. 24.

[22] А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 201. Византийская агиография X в. приводит примеры аналогичного положения представителей феодальной знати и в европейских фемах. Отец Евфросинии Новой, знатный человек в Пелопоннесе, семь раз был местным стратигом.

[23] E. Honigmann. Un itinéraire arabe à travers le Pont.— «Annuaire de l'Institut de philol. et d'hist. orientales et slaves», 5, 1936, p. 268 sq.
[24] Theoph. Cont., p. 307. 1—2.
[25] Leo Diac., p. 47. 2—4; p. 176. 16.
[26] Theoph. Cont., p. 494.
[27] Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII и IX вв. Пг., 1910, стр. 346—348.
[28] Там же, стр. 327.
[29] MM, IV, p. 309. 21—23.
[30] Theoph. Cont., p. 322, 18; А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 194.
[31] Vita S. Euthymii, ed. P. Karlin-Hayter.—Byz., XXV—XXVII, 1955—1957, p. 32—34.
[32] Theoph. Cont., p. 317. 3—5.
[33] Jus, III, p. 313.
[34] Jus, III, p. 293. 1—6.
[35] А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI веков.— «УЗ Тульского пед. ин-та», 2, 1951, стр. 74. Ср. М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии.— «УЗ Свердловского пед. ин-та», 11, 1955; Р. Браунинг. Рабство в Византийской империи (600—1200).— ВВ, XIV, 1958.
[36] А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 83; G. Ostrogorskij. Quelques problèmes..., p. 73. Ср. М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.).— ВВ, VII, 1953, стр. 170.
[37] Jus, III, p. 310. 9—16.
[38] Lavra, № 1.
[39] Jus, III, p. 283. 31—32.
[40] Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927, стр. XXXV — XXXVI.
[41] Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athoskloster. Leipzig, 1894, S. 148. 12.
[42] Jus, III, p. 247. 2—6.
[43] H. Glykatzi-Ahrweiler. La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles.— «Actes du XII-e Congrès International d'Études byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 106.

[44] Впрочем, иногда государство отступало от этого правила. Ивирскому монастырю на Афоне были подарены 60 государственных крестьян — налогоплательщиков государства. См. G. Ostrogorskij. Quelques problèmes..., p. 20.
[45] G. Ostrogorskij. Op. cit., p. 12 sq.; Lavra, № 9.
[46] H. Glykatzi-Ahrweiler. La concession des droits..., p. 108.
[47] П. Успенский. История Афона, ч. III. СПб., 1892, стр. 297.
[48] Jus, III, p. 313. 27.
[49] Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии.— ВВ, XIII, 1958, стр. 64.
[50] PG, t. 111, col. 293 BC; 380 C; А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 187—188.

Глава 3

[1] Theoph. Cont., p. 492. 2; 572. 20—21; 573.1; 580. 3—4.

[2] Монографическое исследование о Константинополе см.: R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1964.

[3] Посол германского императора Оттона I Лиутпранд, посетивший Константинополь в середине X в., отмечает, что даже дом, отведенный для посольства, не был обеспечен водой и ее приходилось покупать за деньги.

[4] P. Noailles, A. Dain. Les novelles..., p. 205. 1—2.

[5] Ibid., p. 317. 6—11.

[6] Живая картина повседневной жизни Константинополя, ее внешнего облика, условий существования и нравов населения прекрасно обрисованы на основе богатейших материалов агиографической литературы А. П. Рудаковым (А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917).

[7] Об организации константинопольского ремесла и торговли см. A. Stöckle. Spätrömische und byzantinische Zünfte. Leipzig, 1911; М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в.— ВВ, IV, 1951, стр. 11—41; А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX — X вв.— ВВ, VI, 1953, стр. 132—155.

[8] В «Книге эпарха» говорится лишь о возможности привлечения к работе для потребностей императорского двора сирикариев и лоротомов (шорников); причем последние, ввиду выполнения государственных повинностей, освобождались от платежей, взыскивавшихся с прочих ремесленников.

[9] «Книга эпарха», XIX, 3.

[10] Там же, X, 1.

[11] Некоторые виды тканей иностранцам разрешалось покупать только для собственного одеяния, при условии, что из них в столице же будет спита одежда.

[12] Так, в числе товаров, которые Контантин Багрянородный считал необходимыми для поддержания дружественных отношений с печенегами, он называет в первую очередь шелковые ткани, прандии, муслин, бархат (Const. Porphyr., De cerim., p. 661).

[13] Это отнюдь не свидетельствует, однако, о пассивности константинопольской торговли, о преобладании ввоза над вывозом. Не говоря уже о других всевозможных изделиях византийского ремесленного искусства, даже византийские шелковые ткани, продажа которых иностранцам находилась под особым контролем, в сравнительно большом количестве вывозились в страны Западной Европы, на Русь и даже на Восток, где высоко ценилась византийская их выделка. До тех пор, пока Константинополь оставался центром международной торговли, столичная торговля могла быть активной и при ограничении поездок купцов ряда корпораций за границу. Ср. М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе..., стр. 34.

[14] Сообща делали закупки и офониопраты, хотя приезжие купцы имели право продавать льняные ткани и непосредственно потребителю.

[15] F. Dölger. Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948, № 109.

[16] А. А. Васильев. Византия и арабы (ч. II). Приложение, стр. 15. Табари имел здесь в виду именно Фессалонику,а не Атталию, как неправильно перевел название города Antakiya у Табари А. А. Васильев. См. H. Grégoire. Le communiqué arabe sur la prise de Thessalonique.— Byz., XXII, 1952, p. 374.

[17] Р. А. Наследова. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в.— ВВ, VIII, 1956, стр. 77 сл.

[18] O. Tafrali. Topographie de Thessalonique. Paris, 1913, p. 115 sq.

[19] Theoph. Cont., p. 500. 10—21.

[20] H. Antoniadis-Bibicou. Recherches sur les douanes à Byzance. Paris, 1963, p. 233, 235.

[21] Theoph. Cont., p. 500. 21—501. 1.

[22] Ibid., p. 501. 2—6.

[23] Const. Porphyr., De cerim., p. 657. 12—20.

[24] Theoph. Cont., p. 568. 16—21.

[25] См. H. Grégoire. Le communiqué arabe sur la prise de Thessalonique, p. 373—378.
[26] Р. А. Наследова. Македонские славяне конца IX — начала X в.— ВВ, XI, 1956, стр. 95, 96.
[27] A. Bon. Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951, p. 53.
[28] W. Heyd. Histoire du commerce du Levant, vol. I. Leipzig, 1936, p. 44.
[29] См. М. Я. Сюзюмов. Византийская Книга эпарха, стр. 203.
[30] См. А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.— Л., 1964, стр. 58 сл.
[31] Const. Porphyr., De adm. imp., p. 286. 530—532.
[32] Номисма чеканилась с почти неизменным весом (4,45 г) вплоть до 30-х годов XI в.
[33] F. Dölger. Regesten..., I, № 781.
[34] А. П. Каждан. Деревня и город в Византии, стр. 282—284.
[35] См. Р. А. Наследова. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в., стр. 73 сл.
[36] Некоторые исследователи считают, что в средние века дорога Белград—Константинополь имела для Балканского полуострова несравненно большее значение, чем Via Egnatia. См., например, P. Lemerle. Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Paris, 1945, p. 71—73.
[37] ПВЛ, т. 1, 1950, стр. 48.
[38] См. Д. Ангелов. Робството в средневековна България.— ИП, т. 2, 1946, стр. 143—151.
[39] Почти полное отсутствие в Болгарии этого времени товарно-денежного обращения констатирует С. Лишев («За проникването и ролята на парите във феодална България». София, 1958, стр. 69).
[40] Theoph. Cont., p. 496. 14. Свидетельство «Книги эпарха» (IX, 6) о характере византийско-болгарской торговли позволяет предположить, что торговля с болгарами могла производиться как путем товарообмена, так и на деньги. М. Я. Сюзюмов («Византийская Книга эпарха», стр. 199) придерживается, однако, того мнения, что болгары продавали товары за деньги и тут же покупали на вырученную сумму все им необходимое.
[41] Theoph. Cont., p. 500. 4—5.
[42] Ibid., p. 496. 15—18.
[43] См. М. Я. Сюзюмов. О наемном труде в Византии.— УЗ УГУ. вып. 25. Свердловск, 1958.
[44] См. G. Bratianu. Privilèges et franchises municipales dans l'empire byzantin. Paris — Buçarest, 1936, p. 43, 76, 79, 83, 135.
[45] P. Noailles, A. Dain. Les novelles..., p. 185. 3—4.
[46] Показательно, что при осаде в 904 г. арабским флотом Фессалоники — города, пользовавшегося некогда совершенно особыми правами и привилегиями, оборонительными мероприятиями попеременно руководили лица, присылаемые непосредственно из Константинополя. Ни о каких местных властях, которые принимали бы хоть какое-то участие в организации обороны, нет ни малейших сведений.

Глава 4

[1] PG, t. 111, col. 297 BC.
[2] Jus, III, p. 297.4.
[3] См. выше, стр. 153.
[4] См. O. Treitinger. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee. Darmstadt, 1956.
[5] О коронации в Византии см. W. Sickel. Das byzantinische Krönungrecht bis zum 10. Jhdt.—BZ, 7, 1899, S. 511—557; A. Christophilopulu. Ἐκλογή, ἀναγόρευσις καὶ στέψις τοῦ βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος. Athenai, 1956 (нам недоступно). Спорным является вопрос о существовании помазания на царство в IX — X вв. Г. Острогорский полагал, что этот обряд появился позднее, а термин χρῖσμα в источниках IX — X вв. употреблялся лишь метафорически (G. Ostrogorsky. Zur Kaisersalbung und Schilderhebung im spätbyzanti-

nischen Krönungszeremoniell.— «Historia», 4, 1955, S. 246 f.). Однако когда в 969 г. патриарх Полиевкт говорил, что χρῖσμα уничтожает прежние грехи (см. W. Sickel. Op. cit., S. 524), почему он непременно должен был употребить метафору?

[6] Const. Porphyr., De cerim., p. 5. 6—8.

[7] О византийском придворном церемониале см. Д. Ф. Беляев. Byzantina, t. 1—3. СПб., 1892—1907.

[8] Ю. Трифонов. Сведения из старобългарския живот в Шестоднева на Иоанна Екзарха.— СБАН, 35, 1926, кл. ист.-филол., стр. 14 сл.

[9] G. Ostrogorsky. Das Mitkaisertum im mittelalterlichen Byzanz, in: E. Kornemann. Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum. Leipzig — Berlin, 1930, S. 167 f.

[10] Leo Diac., p. 96. 2—5.

[11] Издан: J. Bury. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. London, 1911, p. 131—179.

[12] A. Boak and J. Dunlap. Two Studies in Later Roman and Byzantine Administration. London, 1924, p. 30—32.

[13] См. об анфипатах — R. Guilland. Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantin.— REB, 15, 1957, p. 5—24; о патрикиях — R. Guilland. Les patrices byzantins sous le règne de Constantin VII Porphyrogénète.— SBN, IX, 1957.

[14] См. R. Guilland. Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantin.— Byz., XXV — XXVII, 1955—1957, p. 649—695.

[15] R. Guilland. La transmission héréditaire des titres nobiliaires à Byzance.— «Palaeologia», VIII, № 2, 1959, p. 142.

[16] См. G. Kolias. Ämter-und Würdenkauf im früh- und mittelbyzantinischen Reich. Athen, 1939, S. 88 f.

[17] A. Christophilopulu. Ἡ σύγκλητος εἰς τὸ Βυζαντινὸν κράτος. Athenai, 1949 (нам недоступно).

[18] См. J. Bury. The Imperial Administrative System, p. 19.

[19] Основное пособие: F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Darmstadt, 1960. О логофетах см. A. Semenov. Über Ursprung und Bedeutung des Amtes der Logotheten in Byzanz.— BZ, 19, 1910, S. 440—449.

[20] F. Dölger. Beiträge..., S. 54.

[21] «Трактат об обложении» не знает определения качества земли. Земли разного качества упоминаются, впрочем, в более поздних актах, но проследить наличие единого принципа классификации невозможно.

[22] См. литературу: А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 145 и сл.

[23] Так — G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jhdt.— VfSWG, 20, 1927, S. 84. Иную точку зрения отстаивает Н. Зворонос (N. Svoronos. Recherches sur le cadastre byzantin..., p. 66, n. 1).

[24] См., например, в «Житии Афанасия Афонского», изд. И. Помяловский (СПб., 1895, стр. 5. 7—8.4). Ср. также H. Antoniadis-Bibikou. Recherches sur les douanes à Byzance. Paris, 1963, p. 178.

[25] J. Bury. The Imperial Administrative System..., p. 141. 3.

[26] Ibid., p. 94.

[27] По мнению Ф. Дэльгера (F. Dölger. Beiträge..., S. 24), должность логофета стад существовала лишь в IX — X вв. Дэльгер полагает, что функции логофета стад сводились только к закупке коней по низкой цене — но это противоречит сведениям о подчинении ему конных заводов — митатов (см. J. Bury. The Imperial Administrative System, p. 111).

[28] Ф. Дэльгер (F. Dölger. Beiträge..., S. 43 f.) относит появление этого ведомства лишь к XI в. См., однако, А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 135 и сл.

[29] О византийском судопроизводстве см. K. E. Zachariae von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Aalen, 1955, S. 353 ff.

[30] Jus, III, 291. 18—21.

[31] Jus, III, p. 316. 14—16.

[32] P. Noailles, A. Dain. Les novelles..., 229. 11—13; p. 347. 2.

[33] В начале IX в. обрядники ставят сакелария выше стратига Анатолика, в конце IX в. он оказывается на 32-м месте (ниже стратигов), а в середине X в. мы находим его уже на 60-м месте.

[34] А. П. Каждан. Византийская армия в IX — X вв.— «УЗ Великолукского désинститута», 1954, стр. 18 сл. Об армии см. еще В. В. Кучма. Состояние дисциплины в византийской армии по «Тактике Льва».—«УЗ Перм. гос. ун-та», 143, 1966.

[35] См. R. Guilland. Études sur l'histoire administrative de Byzance: le Domestique des Scholes.— REB, 8, 1951.

[36] На основании «Книги церемоний» (II, 44—45) можно установить, что в начале X в. императорская эскадра состояла из 100 кораблей, а фемный флот — из 77. К середине X в. соотношение выражалось иными цифрами: 150 и 76. О византийском военном флоте см. H. Ahrweiler. Byzance et la mer. Paris, 1966; H. Antoniadis-Bibicou. Études d'histoire maritime de Byzance. Paris, 1966.

[37] Theoph. Cont., p. 318.8—10.

[38] J. Ферлуга. Ниже војно-административне јединице тематског уређења.— ЗРВИ, 2, 1953, p. 61—98.

[39] Const. Porphyr., De cerim., p. 696 sq. О списке, перечисляющем стратигов с указанием их жалования см. J. Ферлуга. Прилог датирању платног списка стратега из «De caerimoniis aulae byzantinae».— ЗРВИ, 4, 1956, p. 63—71.

[40] См. H. Glykatzi-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX — XI-e siècles. Paris, 1960, p. 46 sq.

[41] О византинтийской церкви в конце IX — середине XI в. см. H. G. Beck, in: «Handbuch der Kirchengeschichte», Bd. III/1. Freiburg, Basel, Wien, 1966, S. 462—484.

[42] См. E. Herman. Zum kirchlichen Benefizialwesen im byzantinischen Reich.— «Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini». Roma, 1939, p. 662 sq. Ср. E. Herman. Das bischöfliche Abgabenwesen im Patriarchat von Konstantinopel.— OrChrPer, V, 1939, S. 436.

[43] См. об этом B. Granić. Das Klosterwesen in der Novellengesetzgebung Kaiser Leons des Weisen.— BZ, 31, 1931, S. 67.

Глава 5

[1] О бесчинствах Михаила III сообщает откровенно враждебное ему предание, сохраненное в хронике Продолжателя Феофана, которое до 30-х годов принималось в историографии как совершенно достоверное (см., например, Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, ч. 1. Л., 1927, стр. 345). Напротив, с 30-х годов делаются попытки реабилитировать Михаила (H. Grégoire. Études sur le neuvième siècle.— Byz., VIII, 1933, p. 515, 534; впрочем, немногим позднее сам А. Грегуар назвал эти попытки «несколько парадоксальным преувеличением»— см. Ch. Diehl, G. Marçais. Le monde oriental de 395 à 1081. Paris, 1936, p. 319). Ср. еще: A. Vasiliev. The Emperor Michael III in Apocryphal Literature. — «Byzantina-Metabyzantina», I, 1, 1946.

[2] Theoph. Cont., p. 831. 11—20.

[3] А. А. Васильев (A. Vasiliev. Byzance et les arabes, t. I. Bruxelles, 1935, p. 256) предположил, что Карвей пал в битве у Посона, где Петрона нанес сокрушительное поражение арабам, но Р. М. Бартикян («Источники для изучения истории павликианского движения». Ереван, 1961, стр. 92), ссылаясь на свидетельство Фотия, считает, что Карвей умер от болезни.

[4] См. о нем: А. П. Каждан. Социальные и политические взгляды Фотия.— «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. II. М.— Л., 1958, стр. 107 сл.; F. Dvornik. The Patriarch Photius in the Light of Recent Research.— «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress». München, 1958; H. Ahrweiler. Sur la carrière de Photius avant son Patriarcat.— BZ, 58, 1965.

[5] Основная монография о Василии I: A. Vogt. Basile I-er empereur de Byzance. Paris, 1908 — устарела. См. о нем также А. Васильев. Происхождение императора Василия Македонянина.— ВВ, XII, 1906; N. Adontz.

L'âge et l'origine de l'empereur Basile I.— Byz., VIII — IX, 1933—1934; Gy. Moravcsik. Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I.—DOP, 15,1961.

[6] Theoph. Cont., p. 258. 17—20.

[7] Традиционная дата похода Василия — 871 г. (А. А. Васильев. Византия и арабы (ч. II), стр. 30); см., однако, А. П. Каждан. Из истории византийской хронографии X в.— ВВ, XXI, 1961, стр. 107 и сл. и возражения: M. Loos. Où en est la question du mouvement paulicien? — ИИБИ, 14—15, 1964, стр. 368, прим. 8. О павликианстве IX в.— К. Н. Юзбашян. К истории павликианского движения в Византии в IX в.— ВИРА, 4, 1956, стр. 246—279.

[8]. См. Прохирон, XVI, 14 и оценку этого постановления в новелле Льва VI (P. Noailles, A. Dain. Les novelles..., p. 281. 9—17).

[9] М. Бенеманский. Ὁ πρόχειρος νόμος императора Василия Македонянина. Сергиев-Посад, 1906, стр. 128 и сл.

[10] См. J. Bidez. Aréthas de Césarée, éditeur et scholiaste.— Byz., IX, 1934, p. 402.

[11] Г. Вернадский. Византийские учения о власти царя и патриарха.— «Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова». Прага, 1926, стр. 150—152. Об участии Фотия в составлении «Эпанагоги» см. J. Scharf. Photios und die Epanagoge.— BZ, 49, 1956.

[12] См. о нем H. Grégoire. La carrière du premier Nicéphire Phocas.— «Προσφορὰ εἰς Σ. Κυριακίδην». Thessalonique, 1953.

[13] См. A. Vogt. La jeunesse de Léon le Sage.— RH, 174, 1934, p. 420. В заговоре против Василия I был замешан также один из знатных родственников Ирины Каппадокийской, которого агиограф называет архаичным термином «иллюстрий» (AASS, Juli VI, 627 C).

[14] Посвященная этому периоду монография: Н. Попов. Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 1892— устарела. См. также M. Mitard. Études sur le règne de Léon VI.— BZ, 12, 1903.

[15] См. М. Я. Сюзюмов. Экономические воззрения Льва VI.— ВВ, XI, 1959, стр. 33 и сл. При этом, как справедливо отметил Г. Острогорский (G. Ostrogorsky. Geschichte...[3], S. 204, A. 3.), было бы рискованно делать какие-либо выводы из часто встречающихся в новеллах Льва общих фраз о благе подданных, о справедливости и т. п.

[16] См. G. I. Bratianu. Le commerce bulgare dans l'Empire byzantin et le monopole de l'empereur Léon VI à Thessalonique.— «Сборник в паметь на П. Ников». София, 1940, стр. 30—36.

[17] Ф. Дворник относил изменение политики Льва VI еще к 888 г., когда императором была произнесена речь, где он прославлял своего отца (см. F. Dvornik. The Photian Schism. Cambridge, 1948, p. 249 f.). Однако рискованно делать такое заключение на основании одного только официального заявления василевса.

[18] О дате этого события см. «Две византийские хроники X века». М., 1959, стр. 109 сл.

[19] О четвертом браке Льва VI и связанной с ним политической борьбе см. R. J. Jenkins, B. Laourdas. Eight Letters of Arethas on the Fourth Marriage of Leo the Wise.—«Ἑλληνικά», 14, 1956; R. J. Jenkins. Three Documents concerning the «Tetragamy».— DOP, 16, 1962; H. Grégoire. Thomas Dephourkinos du monastère de Kyminas et le quatrième mariage de Léon le Sage.— Byz., XXXII, 1962.

[20] Основное исследование об Арефе: S. Kougeas. Ὁ Καισαρείας Ἀρέθας καὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ. Athenai, 1913. Ср. новые публикации: P. Karlin-Hayter. Texts for the Historical Study of the «Vita Euthymii».— Byz., XXVIII, 1958; eadem. New Arethas Texts for the Historical Study of the Vita Euthymii.— Byz., XXXI, 1961; eadem. New Arethas Documents.— Byz., XXXII, 1962; XXXIV, 1964.

[21] Вопрос о том, когда был возвращен Николай (при Льве VI или уже при Александре), вызвал в последнее время оживленную дискуссию. П. Карлин-Хейтер отнесла это событие к правлению Александра (P. Karlin-Hayter. Notes on the «Vita Euthymii».— Byz., XXXII, 1962, p. 320 f.). Н. Икономидис считал восстановление Николая последней волей Льва, осуществленной Александром (N. Oikonomidès. La «Préhistoire» de la dernière volonté

de Léon VI au sujet de la tetragamie.— BZ, 56, 1963, p. 270. Ср. возражения: P. Karlin-Hayter. Le «Préhistoire» de la dernière volonté de Léon VI.— Byz., XXXIII, 1963). Карлин-Хейтер рассматривает послание Льва, на которое ссылался Николай Мистик, как фальшивку, но она не учитывает прямого свидетельства патриаршего каталога, датирующего возвращение Николая временем до смерти Льва (см. «Две византийские хроники», стр. 128).

[22] Vita S. Euthymii, ed. P. Karlin-Hayter.— Byz., XXV — XXVII, 1955—1957, p. 132. 17—21.

[23] См. о нем М. А. Шангин. Византийские политические деятели первой половины X в.— ВС, стр. 235 и сл.; G. Kolias. Léon Choerosphactès, magistre, proconsul et patrice. Athènes, 1939; Г. Острогорски. Лав Равдух и Лав Хиросфакт.— ЗРВИ, 3, 1955; P. Karlin-Hayter. Arethas, Choirosphactes and the Saracen Vizir.— Byz., XXXV, 1965.

[24] См. о нем S. Runciman. The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign. Cambr., 1929 (Перепечатано в 1963 г.) О месте рождения Романа см. H. Grégoire. Notules.— Byz., VIII, 1933, p. 572 sq. Ср. также V. Laurent. Un portrait inédit de Romain I-er Lécapène.— «Festschrift W. Sas-Zaloziecky». Graz, 1956.

[25] E. v. Dobschütz. Der Kammerherr Theophanes.— BZ, 10, 1901, S. 170f.

[26] Theoph. Cont., p. 443. 13—18.

[27] Jus, III, p. 266. 1.

[28] Попытки восстановления эпиболэ дважды предпринимались в IX в. (при Никифоре I и при Василии I), но оба раза безрезультатно: в то же время именно к правлению Романа Лакапина относится первое бесспорное свидетельство о существовании круговой поруки при уплате податей (см. выше, стр. 118 и сл,).

[29] См. P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance.— RH, 219, 1958, p. 269 sq. Н. Зворонос (N. Svoronos. La Synopsis major des Basiliques. Paris, 1964, p. 145) датирует эту новеллу 928 г. Традиционную дату принимает Д. Ангелов («История Византии», ч. II. София, 1963, стр. 73).

[30] Г. Острогорский, считающий Романа Лакапина выдающимся политиком и видящий в аграрном законодательстве выражение его величия как государственного деятеля, признает, что «чрезмерный налоговой гнет породил массовое стремление вступить под патроциний» (G. Ostrogorsky. Geschichte...,[3] S. 225—230).

[31] Jus, III, p. 290. 17—18.

[32] Theoph. Cont., p. 429. 17—22.

Глава 6

[1] О византино-арабских отношениях в 40-60-х годах IX в. см. A. A. Vasiliev. Byzance et les arabes, t. I. Bruxelles, 1935, p. 191—264.

[2] См. R. Rémondon À propos de la menace byzantine sur Damiette sous le règne de Michel III.— Byz., XXIII, 1953, p. 245—250.

[3] О византино-арабских отношених в конце IX и первой половине X в. см. А. А. Васильев. Византия и арабы, (ч. II).

[4] См. об этом Р. А. Наследова, в кн.: «Две византийские хроники», стр. 145 сл.

[5] Дата второго сражения спорна. Обоснование нашей датировки см. «Две византийские хроники...», стр. 113. Однако П. Карлин-Хейтер (P. Karlin-Hayter. Arethas' Letter to the Emir at Damascus.— Byz., XXIX — XXX, 1960, p. 284) относит победу Имерия по-прежнему к 908 г.

[6] О дате см. R. J. H. Jenkins. The Date of Leo VI's Cretan Expedition.— «Προσφορὰ εἰς Σ. Κυριακίδην». Thessal., 1953, p. 281.

[7] О Млех-Ментце см. H. Grégoire. Notes épigraphiques.— Byz., VIII, 1933, p. 79—88.

[8] См. об этом: M. Canard. Une lettre de Muhammad ibn Tugj al-Ihšid, émir d'Égypt, à l'empereur Romain Lacapène.— Byz., XI, 1936, p. 717—728; ср. A. Vasiliev. Byzance et les arabes, t. II. Bruxelles, 1950, p. 203—213.

[9] См. литературу, указанную на стр. 428, прим. 11.

[10] А. Г. Сукиасян. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963, стр. 360.

[11] А. Н. Тер-Гевондян. Арабские эмираты в Армении при Багратидах.— КСИНА, 47, 1961, стр. 71 и сл.

[12] О византийско-итальянских отношениях, помимо указанной выше книги А. А. Васильева, см. J. Gay. L'Italie Méridionale et l'Empire Byzantin. Paris, 1908.

[13] W. Ohnsorge. Zur Frage der Töchter Kaiser Leons VI.— BZ, 51, 1958, S. 81.

[14] См. G. Arnaldi. La fase preparatoria della battaglia del Garigliano del 915.— «Annali della fac. di lettere e filos. dell' univ. di Napoli», 4, 1954. А. А. Васильев («Византия и арабы» (ч. II), стр. 207, прим. 1) датировал битву 916 г.

[15] О взаимоотношениях Византии и папства см. W. Norden. Das Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903 (переиздано: New York, 1958); W. de Vries. Rom und die Patriarchate des Ostens. Freib.— München, 1963. Ср. также E. Amann. L'époque carolingienne, in: «Histoire de l'Église», t. 6, 1937, p. 367—501.

[16] О Далмации см. J. Ферлуга. Византиска управа у Далмациjи. Београд, 1957.

[17] О сербско-византийских отношениях в конце IX в. см. J. Dujčev. Une ambassade byzantine auprès des Serbes au IX-e siècle. — ЗРВИ, 7, 1961.

[18] Этот договор, отсутствующий в списке И. Дуйчева (I. Dujčev. Les Slaves et Byzance.— «Études historiques», I, Sofia, 1960, p. 39 sq.), упомянут Продолжателем Феофана (Theoph. Cont., p. 162. 12—13). Так как Борис вступил на престол в 852 г., а Феодора, к которой он отправил послов, уже в 856 г. была заключена в монастырь, болгаро-византийские переговоры имели место в 852—856 гг. Естественно предположить, что они происходили после неудачного похода на немцев.

[19] Табари, рассказывая о посольстве в Константинополь Наср-ибн-ал-Азхара в первой половине 860 г., отмечает, что как раз в это время император дал аудиенцию посольству «бурржанов», т. е. болгар (см. русский перевод: А. А. Васильев. Византия и арабы (ч. I). СПб., 1900, приложение, стр. 57).

[20] О болгаро-византийских отношениях этого времени см. подробно: В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. 1, ч. 2. София, 1927.

[21] См. об этом F. Dvornik. Les Slaves, Byzance et Rome au IX-e siècle. Paris, 1926; М. Войнов. За разрива между Борис I и Рим.— ИИБИ, 7, 1957, стр. 321 сл.; I. Dujčev. Légendes byzantines sur la conversion des Bulgares.— «Sbornik praci filos. fak. Brno», X, 8, 1961; П. Петров. Покръщване на българите.— ИП, XXI, 1, 1965.

[22] П. Петров. За годината на налагане християнството в България.— ИИБИ, 14—15, 1964, стр. 569—590.

[23] О дате см. А. П. Каждан. К вопросу о начале второй болгаро-византийской войны при Симеоне.— «Славянский архив». М., 1959.

[24] Литература о моравской миссии необъятна. См. Г. А. Ильинский. Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934; М. Г. Попруженко, Ст. Романски. Кирило-методиевска библиография за 1934—1940 год. София, 1942. В последние годы вопрос об источниках для истории Константина и Мефодия подвергся пересмотру — см. P. Meyvaert, P. Devos. Trois énigmes cyrillo-méthodiennes de la «Légende Italique». —AB, 73, 1955. В связи с юбилеем моравской миссии вышел ряд монографий (V. Vavřinek. Études sur l'histoire de la christianisation de la Grande-Moravie. Praha, 1961; F. Grivec. Konstantin und Method, Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960; P. Duthilleul. L'évangélisation des Slaves. Cyrille et Méthode. Tournai, 1963), сборников («Хиляда и сто години от разпространението на славянската писменост». София, 1963; «Cyrillo-Methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven». Köln — Graz, 1964). На русском языке см. В. А. Истрин. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963; С. А. Никитин. Происхождение славянской письменности.— КСИС,

39, 1963; А. В. Исаченко. К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян.— «Вопросы славянского языкознания», 7, 1963.

[25] Особенно серьезным аргументом в пользу существования славянских книг до Константина является рассказ «Жития Константина» о виденных им в Херсоне евангелии и псалтири, писанных «русскими письменами». Однако свидетельство это вызывает известные сомнения. См. А. С. Лвов. Някои въпроси от кирило-методиевската проблематика.— «Български език», X, 1960, № 4, стр. 302—308.

[26] Гипотезу о примате глаголицы развивал в последнее время И. Гошев («Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X в.». София, 1961), опираясь на новый эпиграфический материал.

[27] См. об этом M. Tadin. Les ordinations romains des premiers disciples slaves et la date de la consécrations épiscopale de Methode, frère de Constantin/Cyrille.— «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960, S. 609 sq.

[28] E. Honigmann. Un archevêque ignatien de Moravie.— Byz., XVII, 1944—1945.

[29] О византийско-венгерских отношениях см. Gy. Moravcsik. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Berlin, 1956.

[30] См. В. Г. Васильевский. Византия и печенеги.— Труды, т. 1. СПб., 1908; Д. А. Расовский. Печенеги, торки, и берендеи на Руси и в Угрии.— SK, 6, 1933.

[31] Литературу см. выше, стр. 427, прим. 4.

[32] См. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 106, 1962 и специально: Ю. А. Кулаковский. Христианство у алан.— ВВ, V, 1898.

[33] Специальная работа Д. Оболенского (D. Obolensky. The Principles et Methods of Byzantine Diplomacy.— «Actes du XII-e Congrès International d' Études byzantines», t. I. Beograd, 1963), к сожалению, дает лишь общий обзор, почти не затрагивая IX—X вв.

Глава 7

[1] Jus, III, p. 254, 256.

[2] Jus, III, p. 282.

[3] См. А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 153—157 и указанную там литературу.

[4] Jus, III, p. 262.

[5] Cedr., II, p. 329, 11—330.2.

[6] В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 278.

[7] Jus, III, p. 283, 286.

[8] Подробно об обстоятельствах прихода к власти Никифора Фоки см. А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 388—397.

[9] Jus, III, p. 298—299.

[10] Ibid., p. 300.

[11] Zon., III, p. 506. 3—10.

[12] См. G. Wartenberg. Berichtigung einer Angabe des Skylitzes über Nikephoros II Phokas.— BZ, 4, 1895; idem. Noch einmal Skylitzes über den Wucher des Nikephoros Phokas.— BZ, 7, 1898.

[13] Jus, III, p. 290 sq.

[14] R. Guilland. Le Palais du Boucoléon. L'Assassinat de Nicéphore II Phocas.— BS, 13, 1952, p. 119, 135.

[15] О существующих в исторической литературе спорах относительно масштабов завоевания Цимисхия на Балканах см. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI — XII вв. М., 1960, стр. 260 сл.

[16] J. Starr. Notes on the Byzantine Incursions into Syria and Palestine.— «Archiv orientálni», v. VIII, 1936, p. 94—95; M. Canard. Les sources arabes de l'histoire byzantine aux confins des X-e et XI-e siècle.— REB, 19, 1961.

[17] См. Г. Острогорски. О византиским државним сељацима и војницима — две повеље из доба Јована Цимиска.— «Глас САН. Оделење друштвених наука». Нова серија, 3, 1955.
[18] См. M. Canard. Deux documents arabes sur Bardas Skléros.— «Atti del V Congresso Internazionale di Studi Byzantini», vol. I. Roma, 1939.
[19] Яхъя относит это событие на месяц позже, чем византийские авторы, к середине сентября.
[20] Согласно Ибн-ал-Асиру (В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца..., стр. 201), Фоке должны были достаться европейские владения империи, Склиру — азиатские.
[21] В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца..., стр. 25.
[22] Н. А. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 271.
[23] Psellos, I, 18. 10—12.
[24] Jus, III, p. 317—318; М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии.— «Византийские очерки», стр. 50; J. Danstrup. Manyel I's Coup Against Genoa and Venice... — «Classica et Mediaevalia», X, 1949, p. 199 sq.
[25] По словам Атталиата, после завоевания Болгарии империя наслаждалась «изобилием» (Attal., 234. 8—16).
[26] См. о хронологии: В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца..., стр. 268, 368.
[27] Вопрос о подлинности новеллы 4 апреля 988 г. вызывал споры. В. Г. Васильевский (Труды, т. IV, стр. 327—328), А. П. Каждан (Деревня и город..., стр. 74, прим. 71) признавали ее подлинной, полагая, что Василий, находясь в крайне тяжелом положении, мог выступить в защиту землевладения духовенства и отменить новеллу Фоки о монастырях. Вопрос этот можно считать решенным после исследования Н. Звороноса (N. Svoronos. La Synopsis major des Basiliques. Paris, 1964, p. 22, n. 3; p. 39, n. 2; p. 97), сообщившего, что точность заголовка этой новеллы засвидетельствована восемью рукописями. См. также N. G. Svoronos. Remarque sur la tradition du texte de la novelle de Basile II concernant les puissants.— ЗРВИ, 8/2, 1964.
[28] В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца..., стр. 375.
[29] Там же, стр. 63—66, 375.
[30] См. об этих спорах: G. Ostrogorsky. Geschichte...³, S. 250, Anm. 2; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 261—263; П. Петров. Восстание Петра и Бояна в 976 г. и борьба комитопулов с Византией.— «Byzantinobulgarica», I, 1962, стр. 121—144. Ср. рецензию М. Войнова: ИП, 1963, кн. 2; Л. Йончев. Някои въпроси във връзке със Самуиловата държава.— ИП, 21, № 1, 1965; J. Ferluga. Le soulèvement des Comitopoules.— ЗРВИ, 9, 1966.
[31] Хронология войн между Болгарией и Византией остается еще во многом неясной. См. об этом: В. Г. Васильевский. К истории 976—986 гг.— ЖМНП, ч. 184, 1876; А. Л. Липовский. Из истории греко-болгарской борьбы в X—XI вв.— ЖМНП, ч. 278, 1891; В. Н. Златарски. История..., т. I, ч. 2. София, 1927, стр. 633—790.
[32] Скилица говорит об этом походе дважды под разными годами (Cedr., II, 436. 1—7; 449. 22—450.21). О том, что Самуил совершил лишь один поход на юг Греции, см. В. Н. Златарски. История..., I, 2. Приложение № 12.
[33] И. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 557.
[34] G. Györffy. Zur Geschichte der Eroberung Ochrids durch Basileios II.— «Actes du XII-e Congrès International d'Études byzantines», t. II. Beograd, 1964.
[35] См. о датировке: В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 338.
[36] Скилица (Cedr., II, 464. 11—16), в противоречии с арабскими и армянскими авторами, относит к этому времени и приобретение Василием Васпуракана.
[37] В отличие от армянских авторов Яхъя пишет о том, что условия передачи Ани не отличались от тех, на которых был уступлен Васпуракан (см. В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца..., стр. 61—65, 373—374).

[1] Ср. R. J. H. Jenkins. The Byzantine Empire on the Eve of the Crusades. London, 1963, p. 5.

[2] Ibn Khurradâdhbih. Déscription du Maghreb et de l'Europe au VIIe—IXe siècle. «Bibliothèque arabe-française», VI. Alger, 1949, p. 23. Б. Н. Заходер. Из истории бытования текста с древнейшим упоминанием имени «рус» в арабской письменности.— КСИВ, XXII, 1956, стр. 8.

[3] PG, t. 105, col. 421.

[4] Cedr., II, p. 173.

[5] В работах западных историков Ж. Коста да Луйе, А. Грегуара, А. А. Васильева была предпринята попытка опровергнуть выводы В. Г. Васильевского о времени написания жития Георгия Амастридского. Возражения см. в работах: Е. Э. Липшиц. О походе Руси на Византию ранее 842 г.— «Исторические записки», 26, 1948; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 46—55. Ср. также G. Vernadsky. The Rus in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945.—«Byzantina-Metabyzantina», v. I, part 1. New York, 1946, p. 251; idem. The Origines of Russia. Oxford, 1959, p. 180; G. von Rauch. Frühe christliche Spuren in Rußland.— «Saeculum», Bd. 7, Heft 1, 1956, S. 56.

[6] В. Г. Васильевский (Труды, т. III. СПб., 1915, стр. CXXX) показал, что под Пропонтидой здесь имеется в виду побережье близ Босфора.

[7] В. Г. Васильевский. Труды, т. III, стр. 64. Об этниконе тавроскифы см. П. О. Карышковский. Лев Диакон о Тмутараканской Руси.— ВВ, XVII, 1960. Ср. Е. I. Соломоник. Про значення терміна «тавроскіфи».— «Археол. пам'ятки УРСР», 11, 1962.

[8] Genes., p. 89.

[9] X. М. Лопарев. Старое свидетельство о Положении ризы Богородицы во Влахернах в новом истолковании, применительно к нашествию русских на Византию в 860 г.— ВВ, II, 1895, стр. 593.

[10] См. A. V. Riasanovsky. The Embassy of 838 Revisited. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 10, 1962.

[11] Φωτίου ὁμιλίαι. Thessal., 1959, p. 29 sq., 34, 40, 42.

[12] М. В. Левченко («Очерки»..., стр. 71) ставит под сомнение сообщение Симеона Логофета о возвращении Михаила III во время осады.

[13] PG, t. 105, col. 516—517.

[14] Хр. Лопарев. Старое свидетельство..., стр. 626—627; В. Г. Васильевский. Авары, а не русские, Феодор, а не Георгий.—ВВ, III, 1896, стр. 95; H. Grégoire, P. Orgels. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople.— Byz., XXIV, 1954, p. 142—143.

[15] Φωτίου ὁμιλίαι, p. 45.

[15a] Φωτίου ἐπιστολαί, ed. N. Valetta. Londini, 1864, p. 178. См. также: Theoph. Cont., p. 196. 12—15; Cedr., II, p. 173. 9—12.

[16] Theoph. Cont., p. 97.

[17] О «скифских ладьях», в которых плавают враги империи, упоминает около 905 г. Лев VI (A. Dain. Naumachica partim ad huc inedita. Paris, 1943, p. 32).

[18] С. Н. Азбелев («Об истолковании двух известий Повести временных лет».—«Изследвания в чест на М. Дринов». София, 1960) считает, что этот поход, как и поход 944 г., был только сухопутным.

[19] Помимо русской летописи, сведения о походе содержатся у арабских авторов: A. A. Vasiliev. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, 1946, p. 179, 180.

[20] R. J. H. Jenkins. The Supposed Russian Attack on Constantinople in 907.— «Speculum», 24, 1949, № 3. Высказанные А. Грегуаром и Р. Долли сомнения в достоверности похода Олега на Константинополь были подвергнуты критике в работах Г. Острогорского (G. Ostrogorsky. L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907.— SK, 11, 1940) и А. А. Васильева (A. Vasiliev. The Second Russian Attack on Constantinople.— DOP, 6, 1951).

[21] S. Mikucki. Études sur la diplomatique russe la plus ancienne. I.— «Bull. de l'Acad. Polonaise des Sciences. Cl. de Philol., d' Hist. et de Philos.»,

N-suppl. 7, 1953; II.—«Zeszyty Naukowe Universytetu Jagielonskiego»,26. Prace Historiczne. Historia, 4, 1960; I. Sorlin. Les traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle.— «Caihers du monde russe et soviétique», v. II, № 3—4, 1961. Ср. М. И. Корнеева-Петрулан. К изучению состава и языка договоров русских с греками. —«УЗ МГУ», вып. 150, 1952.

22 Const. Porphyr., De cerim., p. 651.

23 PG, t. 111, col. 153A.

24 Leo Diac., p. 106.

25 В. М. Бейлис. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв.— «Ближний и Средний Восток». М., 1962, стр. 26.

26 H. Grégoire, P. Orgels. La guerre russo-byzantine de 941. — Byz., XXIV, 1954, p. 196. n. 1.

27 Н. Я. Половой («К вопросу о первом походе Игоря против Византии».— ВВ, XVIII, 1961), привлекая данные Кембриджского документа, полагает, что после первого поражения Игорь с меньшей частью войска вернулся домой, борьбу же продолжал воевода Игоря Хальгу. Ср. K. Bártová. Igorova výprava na Cařihrad r. 941.—BS, VIII, 1939—1946.

28 Liutprand von Cremona. Die Werke. Hannover und Leipzig, 1915, S. 139. 2—4.

29 Н. Я. Половой. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа.— ВВ, XIV, 1958.

30 Впрочем, купцы из провинций Византии могли купить шелка лишь на 10 номисм (R. S. Lopez. Silk Industry in the Byzantine Empire.— «Speculum», 20, 1945, p. 35).

31 A. A. Vasiliev. The Second Russian Attack..., p. 175.

32 MGH, Nova series, t. II, cap. XXII.

33 Const. Porphyr., De adm. imperio, cap. 9.1.

34 ПВЛ, т. I, стр. 48.

35 Const. Porphyr., De adm. imperio, cap. 9. 65—67.

36 А. А. Васильев. Византия и арабы (ч. II), приложение, стр. 85.

37 В. М. Бейлис. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в.— Сб. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 23.

38 См. М. В. Левченко. Очерки..., стр. 222—235. Г. Острогорский (G. Ostrogorsky. Geschichte...³, S. 236) поддерживает мнение, что Ольга была крещена в Киеве и приезжала в Константинополь, уже будучи христианкой.

39 Const. Porphyr., De adm. imperio, cap. 4.1—2.

40 Ср. I. Sorlin. Les traités..., II; М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения IX—XII вв.— ВДИ, 1939, № 3, стр. 103.

41 Здесь и далее мы следуем хронологии, установленной П. О. Карышковским («О хронологии русско-византийской войны при Святославе».— ВВ, V, 1952).

42 Liutprand von Cremona. Die Werke, S. 190. 29.

43 Leo Diac., p. 79.

44 См. М. В. Левченко. Очерки..., стр. 277 сл.

45 Cedr., II, p. 406.21—23.

46 П. О. Карышковский. К истории балканских походов Руси при Святославе.— КСИС, 14, 1955. См. также П. Й. Каришковський. «Повесть временных лет» про Балканськи походи Русі при князі Святославі.— «Праці Одеського державного університету», т. 152, Серія історичних наук, вип. 9, 1962.

47 Cedr., II, p. 412.12—18.

48 I. Sorlin. Les traités..., II, p. 470.

49 См. М. В. Левченко. Очерки..., стр. 353—365.

50 Д. Л. Талис («Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв.».— ВВ, XIV, 1958, стр. 108—115) считает, что Владимир осадил Херсон еще осенью 988 г., чтобы обеспечить выполнение Василием условий договора. См. также Н. В. Пятышева. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь.— СА, 1964, № 3.

51 В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца, стр. 24.

[1] Во всяком случае его существование в Эпире засвидетельствовано Димитрием Хоматианом в начале XIII в. (см. Д. Ангелов. Принос към народностните и поземелни отношения в Македонии. София, 1947, стр. 19 и сл.); о свободных крестьянах XIII в. в районе Смирны свидетельствуют акты монастыря Лемвиотиссы. Впрочем, Э. Арвейлер считает свободу смирнского крестьянства XIII в. результатом освобождения прежних париков (H. Ahrweiler. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne.— «Travaux et mémoires», I, 1965, p. 40).

[2] Psellos. Scripta minora, II, 269 sq.

[3] Ibid., 201 sq.

[4] Ibid., p. 82.

[5] Ibid., p. 294.

[6] Ibid., p. 299 sq.

[7] C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, 378.

[8] См. Г. Острогорски. Византиjска сеоска општина.— «Глас САН. Од. друшт. наука», 10, 1961, стр. 153 нсл.

[9] Michael Choniates. Τὰ σῳζόμενα, I. Athenai, 1879, p. 315.27.

[10] Это проявилось уже во время восстания Льва Торника в 1047 г. (см. о нем стр. 273 и сл.).

[11] К. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889, стр. 311.

[12] С. Врионис (S. Vryonis. The Will of a Provincial Magnate Eustathios Boilas.— DOP, 11, 1957, p. 274) относит прибытие Евстафия в Тайк к 1051—1052 гг. и связывает это с заговором Романа Воилы против Константина IX. Но это ошибка, так как Евстафий встретился с Михаилом Апокапом уже на новом месте и служил ему 15 лет, а его сыну восемь (В. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в.— ЖМНП, ч. 9, стр. 222. 6—9). Следовательно, он прибыл в Тайк за 23 года до составления завещания, т. е. в 1036 г.

[13] См. П. Тивчев. Нарастването на едрото земевладение във Византия през XII в.— ИИБИ, 9, 1960, стр. 221 и сл.; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия, стр. 96 и сл.; Г. Цанкова-Петкова. За аграрните отношения в средновековна България (XI—XIII в.). София, 1964, стр. 35 и сл.; М. М. Фрейденберг. Монастырская вотчина в Византии XI—XII вв.— «УЗ Великолук. пединститута», 4, вып. 2, 1959, стр. 56 и сл.

[14] См. А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 129.

[15] Представление П. Тивчева [«Към въпроса за селското население във Византия през XII век».— ГСУ, LIII, 2, 1959 (1960), стр. 507] о сохранении этих категорий в XII в. основано на отождествлении (однако не доказанном) димосиариев X в. с поздними πάροικοι δημοσιακοί. Стратиотами уже с конца X в. называли преимущественно мелких вотчинников, «рыцарей» (см. ниже, стр. 302).

[16] Nic. Chon., p. 272 sq.

[17] См. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 187; А. П. Каждан. Об одной южноитальянской грамоте XI в.— «Средние века», XVII, 1960, стр. 319 и сл.

[18] Cedr., II, 598.4—5.

[19] MM, VI, p. 6.22.

[20] Новелла Никифора III Вотаниата (Attal., p. 317.13—16) признает за рабами (δουλεύοντες) не только право на легаты и фидеикомиссы, но и на наследство. Евстафий Солунский также считал необходимым, чтобы рабы спокойно могли владеть имуществом (Eustathii Opuscula, p. 129. 39—42).

[21] Это прямо засвидетельствовано Пселлом (C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, p. 381.4—8). О многочисленных париках Болгарской архиепископии, перешедших к некоему Влахерниту, с обидой писал Феофилакт Болгарский (PG, t. 126, col. 500 B).

[22] PG, t. 126, col. 444 C.

[23] Cedr. II, p. 608.22—23. Из жалобы игумена Патмосского монастыря

в середине XII в. следует, что прежде от монахов требовали поставки моряков, а теперь взимают вместо этого деньги (MM, VI, p. 111 sq.).

[24] А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 93.

[25] См. Г. Г. Литаврин. Был ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом? — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 223.

[26] Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 216 и сл.

[27] Michael Choniates. Τὰ σωζόμενα, II, p. 211.17—19; p. 243. 27—30.

[28] A. Schaube. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebietes. München — Berlin, 1906, S. 234, 245. О снабжении греческим хлебом Италии и Сицилии в XII в. сообщает Евстафий Солунский в неизданной монодии на смерть Николая Айофеодорита (Cod. Escor., Y—II—10, fol. 35).

[29] J. Ferluga. La ligesse dans l'Empire byzantin.— ЗРВИ, 7, 1961.

[30] J. Laurent. Byzance et Antioche sous le courapalate Philarète.— «Revue des études arméniennes», 9, 1929, p. 61 sq.

[31] Я. Н. Любарский, М. М. Фрейденберг. Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комнином и Боэмундом.— ВВ, XXI, 1962.

[32] См. А. П. Каждан. Формы условной собственности в Византии X—XII вв.—«Труды XXV МКВ», I. М., 1962, стр. 481 и сл.

[33] Psellos. Scripta minora, II, 145.11—17. Пселл замечает, что его подручник сменил теперь копье на плуг и упряжку быков.

[34] Ibid., p. 93.13—18.

[35] См., например, о «гоплитах» кесарисы Марии: Nic. Chon., p. 307.21. В их числе были и латинские наемники. В Ираклии Понтийской некто Маврик набрал дружину из своих рабов и слуг. Об особенностях византийской свиты-этерии см. H. G. Beck. Byzantinishes Gefolgschaftswesen. München, 1965.

[36] Г. Г. Литаврин. Был ли Кекавмен..., стр. 233 и сл.

[37] Nic. Chon., p. 425 sq.

[38] PG, t. 126, col. 333 C, 357 AB, 444 C.

[39] PG, t. 126, col. 405 A, 433 B.

[40] Michael Choniates. Τὰ σωζόμενα, I, p. 174.27—31.

[41] Ibid., I, p. 337.11—15.

[42] Представление о пронии как условном земельном владении за военную службу развито всего последовательнее Г. А. Острогорским (G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954). Возражения Острогорскому см. в рецензии: А. П. Каждан.— ВВ, X, 1956, стр. 222 и сл. Ср. еще H. Glykatzi-Ahrweiler. La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles.— «Actes du XII-e Congrès International d'Études byzantines», t. II. Beograd, 1964.

[43] L. Petit. Actes de Xénophon.— ВВ, X, 1903. Приложение, № 1. 221.

[44] См. еще Psellos. Scripta minora, II, p. 150.24—25.

[45] О контроле государства за крупным поместьем в XI—XII вв. см. G. Ostrogorskij. Quelques problèmes..., p. 25 sq.

[46] Об экскуссии XI—XII вв. см. Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии.— ВВ, XIII, 1956; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 220 и сл.; М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв.— «УЗ Великолук. пединститута», 3, 1958; А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XII вв.— «Византийские очерки». М., 1961.

[47] Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873, стр. 12. 4—11; L. Petit, W. Regel. Actes d'Esphigménou.— ВВ, XII, 1906. Приложение, № 2.15—19.

[48] О харистикии см. G. Ostrogorskij. Pour l'histoire..., p. 17 sq.

[49] См. А. П. Каждан. Критические заметки по поводу изданий византийских памятников.— ВВ, XVIII, 1961, стр. 281.

[50] E. Kirsten. Die byzantinische Stadt.— «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 24; А. П. Каждан. Город и деревня в Византии в XI—XII вв.— «Actes du XII-e Congrès International d'Études byzantines», t. I. p. 31 sq.; P. Tivčev. Sur les cités byzantines aux XIe—XIIe siècles.— «Byzantinobulgarica», I, 1962, p. 149.

[51] Ch. Morgan. The Byzantine Pottery.— «Corinth», 11, 1942; аналогичная эволюция наблюдается в Афинах и Спарте (M. A. Frantz. Middle Byzantine Pottery in Athens.— «Hesperia», 7, 1938, p. 430 f.; R. M. Dawkins, J. R. Droop. Byzantine Pottery from Sparta.— «Annual of the British School at Athens», 17, 1910—1911, p. 23) и в ряде других городов.

[52] G. R. Davidson. A Mediaeval Glass-Factory at Corinth.— AJA, 44, 1940, № 3.

[53] M. Thompson. Coins.— «The Athenian Agora», vol. II, 1954.

[54] См. A. Bon. Le Péloponnèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951, p. 53.

[55] Ухудшение номисмы относится не ко времени Константина IX (см. G. Ostrogorsky. Geschichte...[3], S. 274), а еще к правлению Михаила IV (1034—1041). См. Ph. Grierson. Coinage and Money in the Byzantine Empire.— «Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo». Spoleto, 1961, p. 417.

[56] Ph. Koukoulès. Vie et civilisation byzantines, vol. III. Athènes, 1949, p. 273 sq.

[57] R. S. Lopez. La crise du besant au Xe siècle.— «Mélanges H. Grégoire», vol. II, 1950, p. 412.

[58] A. Suhle. Der byzantinische Einfluss auf die Münzen Mitteleuropas vom 10.bis 12. Jhdt.— «Aus der byzantinistischen Arbeit der DDR», Bd. II, 1957, S. 286.

[59] R. B. K. Stevenson. The Pottery 1936—1937.— «The Great Palace of the Byzantine Emperors», vol. I. Oxford, 1947, p. 58.

[60] Nic. Chon., p. 692 sq.

[61] Nicolas Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Komnenos, hg. von. A. Heisenberg, Würzburg, 1907, S. 25 f.

[62] E. Frances. La disparition des corporations byzantines.— «Actes du XII-e Congrès International d'Études byzantines», t. II, p. 97. В провинции корпорации известны и в более позднее время.

[63] E. Kirsten. Die byzantinische Stadt..., S. 27.

[64] А. П. Каждан. Город и деревня..., стр. 37 сл.

[65] H. Glykatzi-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe—XIe siècles. Paris, 1960, p. 68 sq. Г. Г. Литаврин («Болгария и Византия»..., стр. 267 сл.) также отмечает измельчение фем в XI в. Ср. еще T. Wasiliewski. Les titres de duc, de catépan et de pronoétès dans l'Empire Byzantin du IXe jusqu'au XIIe siècle.— «Actes du XII-e Congrès International d'Études byzantines», t. II, p. 233 sq.

Глава

10

[1] R. J. H. Jenkins. The Byzantine Empire..., p. 21 sq.; N. Svoronos. Société et organisation intérieure dans l'Empire byzantin au XIe siècle. Oxford, 1966, p. 17.

[2] Скилица объявляет Никифора невинно пострадавшим (Cedr., II, 481. 22—482. 16), но о его заговоре в Васпуракане ясно говорит Яхъя (В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца..., стр. 70).

[3] Дед Константина VIII (Константин Багрянородный) и дед Романа Аргира были женаты на родных сестрах — дочерях Романа Лакапина.

[4] Cedr., II, p. 486. 23—487.1.

[5] Psellos, I, p. 43.6—10.

[6] Ibid., p. 41. 14—21; 42. 2—11.

[7] Прямое свидетельство у Ибн-ал-Асира (В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 329). Мы не знаем, что дало основание Г. А. Острогорскому считать Иоанна и его братьев «детьми крестьянина» (G. Ostrogorsky. Geschichte...[3], S. 167). Ср. G. Schlumberger. Byzance et Croisades. Pages médiévales. Paris, 1927, p. 4.

[8] Zonar., III, p. 586.9—11.

[9] Psellos, I, p. 57.2—11; 59.11—12; 64.6—7.

[10] Psellos, I, p. 64.15—21. Скилица пишет, что Орфанотроф управлял и военными и гражданскими делами (Cedr., II, 510.2—4).

[11] Cedr., II, p. 526.26—27.

[12] Дэльгер (F. Dölger. Regesten..., I, № 846) датирует введение этого налога временем около 1039 г.

[13] Cedr., II, p. 521.11—17.

[14] См. об этом Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1125 гг.— ВВ, X, 1956, стр. 85—96; его же. Болгария и Византия..., стр. 314—315.

[15] Н. А. Скабаланович. Византийское государство и церковь XI в. СПб., 1884, стр. 250—251.

[16] Налоговая реформа в Болгарии была осуществлена, вероятно, в 1038—1039 гг., так как все хронисты говорят о восстании Деляна как о непосредственном следствии этой реформы.

[17] Подробнее о восстании Деляна см. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 376—396; В. Н. Златарски. История..., II, стр. 41—81. Недавно М. Динич предположил, что имя вождя восстания было не Делян, но Оделян («победитель» — от слова «одолеть») (М. Динић. Из наше раниjи прошлости.— «Прилози за књижевн., ист. и фолклор», 30, 1964).

[18] Едва ли Стефан лично сам конопатил суда, если менялы-пафлагонцы, близкие к эпарху столицы Роману Аргиру, выдали за него свою единственную сестру.

[19] Cecaum., p. 99.13—21.

[20] В то же время идущий в Фессалонику из столицы императорский корабль с золотом был странным образом «отнесен бурей» (!) из Эгейского моря к берегам Иллирика (Cedr., II, 526.10—13).

[21] Psellos, I, p. 95.2—5.

[22] Attal., p. 11.9—15.

[23] Psellos, I, p. 95.5—11.

[24] Psellos, I, p. 96.2—11; Attal., p. 12.9—19.

[25] S. Vryonis. Byzantine δημοκρατία and the Guilds in the XIth Century.— DOP, 17, 1963, p. 305.

[26] V. Grumel. La chronologie. Paris, 1958, p. 358. Cp. G. Ostrogorsky. Geschichte...³, S. 270.

[27] Psellos, I, p. 103.13—14.

[28] Psellos, I, p. 121.1—6.

[29] О датировке см. В. Р. Розен. Указ. соч., стр. 386.

[30] Cecaum., p. 77.18—78.7.

[31] Подробно об отношениях Византии с кочевниками в XI в. см. В. Г. Васильевский. Византия и печенеги.— Труды, т. I, СПб., 1908; В. Н. Златарски. История..., II, стр. 88—119.

[32] C. Cahen. La première pénétration turque en Asie-Mineure.— Byz., XVIII, 1948, p. 5—22. Ср. С. Г. Агаджанов, К. Н. Юзбашян. К истории тюркских набегов на Армению в XI в.— ПС, 13, 1965.

[33] F. Chalandon. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile, I. Paris, 1907, p. 49—145.

[34] Н. А. Скабаланович. Византийское государство..., стр. 60.

[35] Согласно Скилице (Cedr., II, p. 561), Торник должен был жить в Адрианополе.

[36] А. П. Каждан. Иоанн Мавропод, печенеги и русские в середине XI в.— ЗРВИ, 8/1, 1963, стр. 183 и сл.

[37] Psellos, I, p. 133.15—21.

[38] Ibid., II, p. 35.11—17.

[39] Johannis Euchaitorum metropolitae quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt, ed. P. de Lagarde.— «Abhandlungen der hist.-philol. Cl. der Gesellschaft der Wiss. zu Göttingen», Bd. 28, 1882, p. 24.4; Cedr., II, p. 609.11—21.

[40] Johan. Euchaitor. metropolitae..., p. 53.1—12.

[41] Cecaum., p. 99.21—22.

[42] Psellos, II, p. 82.1—13.

[43] C. Satha. Bibliotheca graeca, IV, p. 348—349. О схизме 1054 г. см. М. Я. Сюзюмов. «Разделение церквей» в 1054 г.— ВИ, 1956, № 8 и указанную там литературу; A. Michel. Humbert und Kerullarios. Paderborn.

1930; J. N. Karmiris. The Schism of the Roman Church. — «Θεολογία», 21, 1950; D. M. Nicol. Byzantium and Papacy in the XIth Century,— «Journal of Ecclesiastic History», 13, 1962; P. Lemerle. L'Orthodoxie byzantine et l'oecuménisme médiéval.—«Bulletin de l'association G. Budé», IVe sér., 1965, № 2.

44 Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo composita extant, ed. C. Will. Lipsiae—Marpurgi, 1861, p. 154.

45 Ibid., p. 152.

46 Psellos, II, p. 100.6—17.

47 Cedr., II, p. 637.7—9.

48 Psellos, II, p. 88.9—11.

Глава

11

1 Psellos, II, p. 115.1

2 C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, p. 302.13—15.

3 F. Dölger. Regesten..., II, № 938.

4 Attal., p. 61.21—23.

5 Attal., p. 60.7. Cp. Psellos, II, p. 120.11—12.

6 Попытки урезать доходы столичной знати была сразу же предпринята Исааком (F. Dölger. Regesten..., II, № 939).

7 Psellos. Scripta minora, II, p. 181.19—23.

8 C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, p. 418.1—4.

9 C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, p. 512—7.

10 Cedr., II, p. 643.12—13.

11 C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, p. 507.15—17.

12 Н. А. Скабаланович. Византийское государство..., стр. 86. Ряд уточнений к хронологии последующих событий см. D. I. Polemis. Notes on Eleventh-Century Chronology (1059—1081).— BZ, 58, 1965.

13 Psellos, II, p. 140.18—28.

14 Zonar., III, p. 675.18—676.8.

15 Attal., p. 71.12—13.

16 Psellos, II, p. 145.27—30.

17 S. Vryonis. Byzantine δημοκρατία and the Guilds..., p. 309.

18 Attal., p. 84.4—9.

19 Psellos, II, p. 146.24—25.

20 Cedr., II, p. 652.20.

21 PG, t. 122, col. 1169 C. Cp. П. В. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 100 и сл.

22 О дате см. В. Златарски. История..., т. II, стр. 115, бел. 2. Ср. Д. А. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии.— SK, 6, 1933, стр. 9.

23 Г. Острогорский, вообще несколько сгущающий краски при описании царствования Константина X, полагает, что сельджуки вторглись в Малую Азию и штурмовали Кесарию под командованием Алп-Арслана (G. Ostrogorsky. Geschichte...[3], S. 284). В действительности имел место набег независимого сельджукского отряда, руководимого Афшином (Cl. Cahen. La première pénétration turque en Asie Mineure.— Byz., XVIII, 1948, p. 25), да и то, скорее всего, в 1067—1068 гг., уже после смерти Константина.

24 См. K. Flach. Die Kaiserin Eudocia Macrembolitissa. Tübingen, 1876.

25 B. Leib. Jean Doukas, césar et moine, son jeu politique à Byzance de 1067 à 1081.— AB, 68, 1950, p. 163 sq. В присяге умирающему мужу, которую произнесла Евдокия, специально оговаривалось, что она сохранит привилегии кесаря Иоанна и не попытается передать власть своим родственникам, т. е. родне патриарха Кирулария [N. Oikonomidès. Le serment de l'impératrice Eudocie (1067).— REB, 21, 1963, p. 107.77—80].

26 Psellos, II, p. 155 sq. Об этом императоре см. P. Karolidis. Ὁ αὐτοκράτωρ Διογένης Ῥωμανός. Athenai, 1906.

27 Attal., p. 124.10—14, 146.2—9. Атталиат специально отмечает случай, когда Роман не остановился в «императорских деревнях» (ibid., p. 144.1—5). О строительстве в одном из поместий Романа см. Anna Comn., I, p. 90.14—16.

[28] Attal., p. 104.18—19.

[29] На это жаловался константинопольскому синоду митрополит Мокиса (S. B. Kugeas. Γράμμα τοῦ αὐτοκράτορος τοῦ Βυζαντίου Ῥωμανοῦ Διογένους.— «Εἰς μνήμην Σ. Λάμπρου». Athenai, 1935, p. 574 sq. Ср. H. G. Beck. Kirche..., S. 70).

[30] Psellos. Scripta minora, II, p. 6.26—28.

[31] C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, p. 491.9; 21—25.

[32] Ibid., p. 492.9—11.

[33] Attal., p. 106.19—22.

[34] Attal., p. 124.16.

[35] Cl. Cahen. La campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes.— Byz., IX, 1934, p. 632, n. 2.

[36] Н. А. Скабаланович. Византийское государство..., стр. 104. Б. Лейб (B. Leib. Jean Doukas..., p. 165) также считал Романа жертвой предательства.

[37] Cl. Cahen. La campagne de Mantzikert..., p. 634 sq. Ту же версию передает и Вриенний, враждебно относящийся к Роману и, напротив, прославляющий Дук. К. Каэн считает эту версию «наиболее достоверной». Однако нельзя забывать, что Атталиат никогда не идеализировал Диогена, герой Атталиата — Никифор Вотаниат.

[38] И у некоторых арабских авторов мы читаем о страхе султана перед греками, о том, что ветер слепил глаза мусульманам и что их войско дрогнуло. [В. Розен. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом.— ЗВОРАО, т. I, 1886 (1887), стр. 249 и сл.].

[39] По известиям восточных авторов, дочь Романа была просватана старшему сыну султана (Cl. Chahen. La campagne de Mantzikert..., p. 638), напротив, некоторые итальянские хронисты сообщают, что Роман обещал женить сына на дочери «короля Турции»; невеста должна была принять христианство (M. Mathieu. Une source négligée de la bataille de Mantzikert.— Byz., XX, 1950, p. 92,95).

[40] Cecaum., p. 73.11—15.

[41] Bryenn., p. 56.13—16.

[42] Attal., p. 201 sq.

[43] F. Dölger. Regesten..., II, № 1012.

[44] Attal., p. 211 sq.

[45] Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 402 и сл. Ср. С. Лишев. Към въпроса за неуспеха на въстанието в Македония през 1072 г.— ИП, 12, 1956, № 1.

[46] G. Schlumberger. Récits de Byzance et des croisades, 2me sér. Paris, 1922, p. 78 sq.

[47] О сношениях Михаила VII с преемником Алп-Арслана Малик-Шахом см. H. Antoniadis-Bibicou. Un aspect des relations byzantino-turques en 1073—1074.— «Actes du XII-e Congrès International d'Études byzantines», t. II, p. 17 sq.

[48] Attal., p. 195.15—17.

[49] Attal., p. 273.22—274.1.

[50] См. B. Leib. Nicéphore III Botaneiates (1078—1081) et Marie d'Alanie.— «Actes du VI-e Congrès International d'Études byzantines», t. I. Paris, 1950, p. 32 sq. О Никифоре III см. также: G. Beglerіs. Ὁ αὐτοκράτωρ τοῦ Βυζαντίου Νικηφόρος ὁ Βοτανειάτης. Athenai, 1916.

[51] H. Bibicou. Une page d'histoire diplomatique de Byzance au XIe siècle.— Byz., XXIX—XXX, 1959—1960, p. 49.

[52] Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 415.

[53] Attal., p. 306.7—9. У Вриенния сохранился рассказ о том, как крестьянин-грек призывает турок и выдает им знатных византийцев (Bryenn., p. 66.19—23).

[54] Н. Скабаланович. Византийское государство..., стр. 126; B. Leib. Nicéphore III Botaneiatès..., p. 139. Б. Лейб справедливо говорит, что победа Комнинов была «триумфом клана Дук» (B. Leib. Jean Doukas..., p. 176).

[55] Комнины, скорее всего, фракийского происхождения, из-под Адрианополя (G. Murnu. L'origine des Comnènes.—«Bulletin de la section historique», XI, 1924, p. 213 sq.), но гипотеза Ж. Мурну об их валашском происхождении не обоснована.

[56] См. G. Ostrogorsky. Geschichte...[3], S. 289.

[57] Zonar., III, 732.12.

[58] Zonar., III, p. 728.17—729.12.

[59] Anna Comn., I, p. 95.10—13.

Глава 12

[1] Основная монография об этом периоде: F. Chalandon. Les Comnène, t. I—II. Paris, 1900—1912 — посвящена преимущественно внешней политике. Обзор литературы см. А. П. Каждан. Загадка Комнинов.— ВВ, XXV, 1964. Ср. еще A. Hohlweg. Beiträge zur Verwaltunsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen. München, 1965.

[2] Zonar., III, p. 767.8—9.

[3] PG, t. 126, col. 533 D.

[4] Zonar., III, p. 766.11—16.

[5] Zonar., III, p. 767.2—8.

[6] F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, № 14. 14.

[7] G. Rouillard, P. Collomp. Actes de Lavra, № 39.11—13.

[8] L. Petit. Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos.— ИРАИК, 13, 1908. О стратиотах-держателях Исаака Комнина см. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 242 сл.

[9] А. П. Каждан. Два новых византийских памятника XII столетия.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 83, 153—154.

[10] W. Regel. Fontes..., I, p. 81.5—11; Eustathii Opuscula, p. 200. 11—19.

[11] W. Regel. Fontes..., I, p. 127.11—18. Ср. ibid., p. 32.21—24. См. H. Glykatzi-Ahrweiler. Les fortresses construites en Asie Mineure face à l'invasion seldjoucide.— «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960.

[12] D. C. Hesseling, H. Pernot. Poèmes prodromiques en grec vulgaire.— «Verhandelingen der Akad. van Wetenschappen te Amsterdam. Afd. Letterkunde», N. R., XI, 1910, № 1, p.76.70—71; P. Matranga. Anecdota graeca, II, p. 623.45—46. Ср. об этой теме K. Krumbacher. Geschichte..., S. 766 f.

[13] K. M. Mekios. Ὁ μέγας δομέστικος τοῦ Βυζαντίου Ἰωάννης Ἀξοῦχος καὶ ὁ πρωτοστράτωρ υἱὸς αὐτοῦ Ἀλέξιος. Athenai, 1932.

[14] Nic. Chon., p. 148 sqq.

[15] J. A. J. van Dieten. Two Unpublished Fragments of Nicetas Choniates' Historical Work.— BZ, 49, 1956, p. 315.10—21.

[16] F. Dölger. Regesten..., II, № 1333, 1398.

[17] S. Vryonis. Byzantine δημοκρατία and the Guilds..., p. 310.

[18] Zonar., III, p. 766.17—19.

[19] См. R. Guilland. Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin.— Byz., XXV—XXVII, 1955—1957, p. 676 sq.; idem. Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin.— REB, 15, 1957, p. 16.

[20] Титул севаста был введен еще до воцарения Алексея I (см. Н. А. Скабаланович. Византийское государство..., стр. 151).

[21] См. Cinn., p. 206. 4—5; Nic. Chon., p. 206. 2.

[22] F. Dölger. Regesten..., II, № 1073.

[23] См. об этом G. Ostrogorsky. Bemerkungen zum byzantinischen Staatsrecht der Komnenenzeit.—«Südost-Forschungen», 8, 1943 (нам недоступно; ср. F. Dölger.— BZ, 46, 1953, S. 233).

[24] Cinn., p. 93.1—5. Об отвоевании Антиохии и других областей на Востоке см. ниже, стр. 323 и сл.

[25] Ch. Diehl. Un haut fonctionnaire byzantin, le logothète τῶν σεκρέτων.— «Mélanges N. Jorga». Paris, 1933, p. 217 sq.

[26] Cinn., p. 277.1—7.

[27] Ф. И. Успенский Путевые записки Вениамина из Туделы.— «Анналы», 3, 1923, стр. 13.

[28] Cecaum., p. 59.26—28.

[29] N. G. Svoronos. Recherches sur le cadastre byzantin, p. 90.

[30] См. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 344. Н. Зворонос (N. Svoronos. Recherches..., p. 90 sq.) справедливо считает нереальным увеличение налога в 12 раз, как предполагали некоторые исследователи (например, Ф. Шаландон); по его мнению, произвол касался исчисления не всей суммы налогов, а лишь их части.

[31] F. Dölger. Regesten..., II, № 1230, 1234, 1245.

[32] Э. Гликаци-Арвейлер предполагает, что этот процесс затронул лишь малоазийские области, тогда как в Греции (в феме Эллады и Пелопоннеса) наместником по-прежнему оставался гражданский чиновник-претор (H. Glykatzi-Ahrweiler. Recherches sur l'administration..., p. 77).

[33] Из писем Феофилакта Болгарского следует, что крестьян набирали пехотинцами (см. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 334 и сл.). О комплектовании армии XII в. см. еще P. Lemerle. Recherches sur le régime agraire à Byzance.— «Cahiers de civilisation médiévale», II, 1959, № 3.

[34] С. Пападимитриу. Феодора Птохопродрома манганские стихотворения.—«Летопись ист.-филол. об-ва при Новоросс. ун-те», VII, 1899, стр. 23. 226—227. Киннам прямо говорит о презренной (ἀχρειότερον), рабской (οἰκετικόν) части армии (Cinn., p. 244.4—5).

[35] Anna Comn., III, p. 154 sq.

[36] Nic. Chon., p. 75.5—13. См. об этом: P. Lemerle. Recherches sur le régime agraire à Byzance, p. 274 sq.; H. Ahrweiler. Byzance et la mer. Paris, 1966, p. 230 sq.

[37] См. R. Guilland. Études de titulature et de prosopographie byzantines: les chefs de la marine byzantine.— BZ, 44, 1951, p. 219 sq.

[38] Б. Лейб хорошо показал противоречие между показным благочестием Комнинов и их политическими действиями [B. Leib. Aspects réligieux de la révolution des Comnènes (1081).— OrChrPer, 21, 1955, p. 201 sq.], однако трудно согласиться с тем, что он ставит в вину Алексею пренебрежение религиозными интересами, которые Лейб напрасно отождествляет с bien public.

[39] См. V. Grumel. Regestes..., III, № 921. Ср. также: V. Grumel. L'affaire de Léon de Chalcédoine. Le chrysobulle d'Alexis Ier sur les objects sacrés.— «Études byzantines», 2, 1944.

[40] D. Xanalatos. Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte Makedoniens im Mittelalter. München, 1937.

[41] F. Dölger. Regesten..., II, № 1076.

[42] Ibid., № 1115.

[43] Ibid., № 1226; ср. ibid., № 1248.

[44] Ibid., № 1236.

[45] А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты..., стр. 209. Н. Зворонос, однако, считает, что указ 1158 г. в целом благоприятствовал монастырям и что только в конце царствования Мануил I принял меры, ограничивающие рост церковных угодий (N. Svoronos. Les privilèges de l'église à l'époque des Comnènes.— «Travaux et mémoires», I, 1965, p. 354—383).

[46] PG, t. 132, col. 1129 A. См. о нем: P. Gautier. Jean V l'Oxite, patriarche d'Antioche.— REB, 22, 1964.

[47] V. Grumel. Regestes..., III, № 1000—1001.

[48] Eustathii Opuscula, p. 252.31—34.

[49] Ibid., p. 244.33—41; 57—61.

[50] Так, в начале правления Алексея I был смещен патриарх Косьма (1081 г.), затем патриарх Евстратий (1084 г.). См. B. Leib. Les patriarches de Byzance et la politique religieuse d'Alexis I Comnène.—«Recherches de science religieuse», 39 — 40, 1951 — 1952. Ср. Н. С. Гроссу. Церковно-религиозная деятельность византийского императора Алексея I Комнина (1081—1118).— «Труды Киевской духовной академии», 1912, кн. 7—8. В течение первых 10 лет правления Мануила I сменилось пять патриархов.

[51] М. М. Фрейденберг («К истории классовой борьбы в Византии в XII веке».— «УЗ Великолукского пединститута», 1954, стр. 32) справедливо отмечает, что XI век богат классовыми битвами, тогда как XII столетие «являет

нам иную картину»; источники сообщают «лишь отрывочные факты о событиях сравнительно небольшого масштаба». Однако, по мнению М. М. Фрейденберга, молчание источников о народной борьбе не соответствует действительности, так как «социально-политическая обстановка в империи была явно не такой, чтобы вызвать смягчение классовой борьбы». О локальных выступлениях крестьян XII в. (бегство, отказ от уплаты податей, поджоги господских строений) см. П. Тивчев. За класовата борба във византийското село през XII в.— ИП, 17, 1961, № 1, стр. 94.

[52] См. об этом Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 415 сл.; Д. Ангелов. Богомилството в България. София, 1961, стр. 220 сл.; ср. J. Gouillard. L'hérésie dans l'empire byzantin des origines au XIIe siècle.— «Travaux et mémoires», I, 1965, p. 314 sq.

[53] Я. Н. Любарский. Расправа императора Алексея Комнина с богомилами.— ВИРА, 12, 1964, стр. 310 и сл. Сожжение Василия Д. Папахрисанфу относит ко времени до 1104 г. (D. Papachrysanthou. La date de la mort du sébastocrator Isaac Comnène, frère d'Alexis Ier, et de quelques événement contemporains.— REB, 21, 1963, p. 253). Я. Н. Любарский (Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 621 сл.) считает невозможным датировать это событие.

[54] См. о Зигавине M. Jugie. La vie et les oeuvres d'Euthyme Zigabène.— EO, 15, 1912.

[55] F. Chalandon. Les Comnène, II, p. 333.

[56] Joannis Tzetzae Historiarum variarum chiliades. Lipsiae. 1826, p. 517.204—206.

[57] См. речь Михаила при назначении его ипатом философов: R. Browning. A New Source on Byzantine-Hungarian Relations in the XIIth Century.— «Balkan Studies», 2, 1961, p. 189.96—97; 192.200.

[58] Ж. Даррузе, однако, считает, что между Михаилом III и Мануилом I существовало искреннее сотрудничество, и протокол диспута рассматривает как апокриф XIII в. (J. Darrouzès. Les documents byzantins du XIIe siècle sur la primauté romaine.— REB, XXIII. 1965, p. 79—82).

[59] См. B. Leib. Complots à Byzance contre Alexis I Comnène.— BS, 23, 1962 и возражения: ВИ, 1963, № 9, стр. 185 и сл.

[60] Этот заговор, скорее всего, относится ко времени до 1104 г. (D. Papachrysanthou. La date de la mort..., p. 253 sq.).

[61] L. Petit. Monodie de Théodore Prodrome sur Etienne Skylitzès, métropolitain de Trébizonde.— ИРАИК, VIII, 1902, № 1—2, стр. 10.108—114.

[62] Anna Comn., III, p. 116.21.

[63] С. Д. Пападимитриу. Ὁ Πρόδρομος τοῦ Μαρκιανοῦ κώδικος.— ВВ, X, 1903, стр. 155—163.

Глава 13

[1] P. Maas. Die Musen des Kaisers Alexios I.— BZ, 22, 1913, S. 356 f.

[2] F. Dölger. Regesten..., II, № 1081. О внешней политике Комнинов см. J. M. Hussey, in: The Cambridge Medieval History, vol. IV, 1, 1966, p. 212—246.

[3] См. F. Chalandon. Les Comnène, I, p. 100. Именно это обстоятельство, а отнюдь не мнимое уважение сельджуков к Константинополю (так — M. Beck. Alexios Komnenos zwischen Normannen und Türken.— «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960, S. 45 f.), делало турок менее опасными для империи, чем норманны. Ф. Шаландон ошибочно относит смерть Сулеймана к 1085 г.—см., однако, «Encyclopédie de l'Islam», IV, p. 559.

[4] Anna Comn., II, p. 165 sq. Ф. Шаландон (F. Chalandon. Les Comnène, I, p. 196, n. 2) считает, что на пиру у Кылич-Арслана Чакан был только ранен, позднее оправился и в 1097 г. возобновил военные действия, вынудившие султана заключить мир с ромеями (ibid., p. 147). Однако Анна говорит, что Чакан упал мертвым, и относит заключение договора о мире ко времени сразу же после расправы с Чаканом. Ср. комментарий Я. Н. Любарского: Анна Комнина. Алексиада, стр. 548.

[5] О договоре с Робертом Фландрским в 1089—1090 г. и участии фландрских рыцарей в операциях 1090—1091 гг. см. F. L. Ganshof. Robert le Frison et Alexis Comnène.— Byz., XXXI, 1961, p. 64 sq.

[6] Литература о крестовых походах необозрима. См. прежде всего: М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956; A. Waas. Geschichte der Kreuzzüge, Bd. I. Freiburg in Breisgau, 1956; A History of Crusades ed. by K. M. Setton, vol. I—II. Philadelphia, 1955—1962; H. E. Mayer. Geschichte der Kreuzzüge. Stuttgart, 1965. Роль Византии в крестовых походах особенно детально освещена в кн.: S. Runciman. A History of the Crusades, vol. I—III. Cambridge, 1951—1954. Подробнейшую библиографию крестовых походов см.: H. E. Mayer. Bibliographie zur Geschichte der Kreuzzüge. Hannover, 1960.

[7] В последнее время наиболее последовательно отстаивал тезис о том, что крестовый поход был ответом на просьбы Алексея I, П. Харанис (P. Charanis. Byzantium, the West, and the Origin of the First Crusade.— Byz., XIX, 1949). См. возражения: М. А. Заборов. Современная буржуазная историография крестовых походов.— «Средние века», IV, 1953, стр. 322 сл.; G. Ostrogorsky. Geschichte... [3], S. 298, Anm. 3.

[8] См. A. Waas. Geschichte..., I, S. 132.

[9] А. Ваас (A. Waas. Geschichte..., I, S. 133) безоговорочно признает факт византийского посольства в Египет. Однако источники сообщают о нем недостаточно определенно (см. F. Chalandon. Les Comnène, I, p. 206 sq.).

[10] О последовательности событий 1099—1104 гг. см. Я. Н. Любарский. Замечания к хронологии XI книги «Алексиады» Анны Комниной.— ВВ, XXIII, 1963.

[11] О взаимоотношениях Раймунда и Алексея см. J. H. Hill, L. L. Hill. The Convention of Alexius Comnenus and Raimond of Saint Gilles.— «American Historical Review», 58, 1953.

[12] W. Holtzmann. Zur Geschichte des Investiturstreites.— «Neues Archiv», 50, 1933, S. 270 f. Ср. также A. Jenal. Der Kampf um Durazzo 1107—1108 mit dem Gedicht des Tortarius.— «Historisches Jahrbuch», 37, 1916, S. 285 f.

[13] Gy. Moravcsik. Les relations entre la Hongrie et Byzance à l'époque de Croisades.— «Revue des Études Hongroises», 8—9, 1933, p. 301 sq.

[14] См. K. Alexandrides. Über die Krankheiten des Kaisers Alexios I. Komnenos.— BZ, 55, 1962, S. 69 f.

[15] О хронологии войн Иоанна II см. А. П. Каждан. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате.— BS, 24, 1963, стр. 9 и сл.

[16] F. Dölger. Regesten...., II, № 1352.

[17] О войнах с сельджуками см. Ф. И. Успенский. Восточная политика Мануила Комнина: турки-сельджуки и христианские государства Сирии и Палестины.— «Сообщения Российского Палестинского общества», XXIX, 1926, стр. 111 и сл. Ср. еще F. Taeschner, in: Cambridge Medieval History, vol. IV, 1, 1966, p. 738—745.

[18] F. Dölger. Regesten..., II, № 1444.

[19] F. Dölger. Regesten...., II, № 1446. О дате см. P. Lamma. Comneni e Staufer, vol. II. Roma, 1957, p. 31 sq.

[20] W. Regel. Fontes..., I, p. 66 sq.

[21] История армянского народа, ч. I. Ереван, 1951, стр. 172 сл.

[22] Наиболее подробен рассказ об этих событиях Никифора Василаки (W. Regel. Fontes..., II, p. 336—346).

[23] F. Dölger. Regesten..., II, № 1483. См. об этом: R. Grousset. Histoire des Croisades, t. II. Paris, 1935, p. 503 sq. Ф. Шаландон (F. Chalandon. Les Comnène, II, p. 539 sq.) датирует поход на Египет 1169 г.

[24] F. Dölger. Regesten... II, №1493.

[25] Nic. Chon., p. 218. 11—25. Панегирист Мануила I Киннам не упоминает о бунте воинов.

[26] В. Н. Златарски. История..., II, стр. 384 сл. Втесной связи с внешнеполитической борьбой середины XII в. рассматривает этот эпизод В. Г. Васильевский («Труды», т. IV. Л., 1930, стр. 28 сл.).

[27] В речи ритора Михаила, произнесенной в 1153 г., упомянут в неясном контексте поход Мануила от Азовского моря (κἀκ τῆς Μαιωτίδος λίμνης) на север (W. Regel. Fontes..., I, p. 152. 1—3).

28 Об этих набегах см. Д. А. Расовский. Половцы. — SK, XI, 1940, S. 120, 124.

29 К. Јиречек, Ј. Радонић. Историја Срба, т. I. Београд, 1952, стр. 139.

30 См. об этом стихи Псевдо-Продрома (S. Rácz. Bizánci költemények Mánuel császár magyar hadjáratairól. Budapest, 1941, old. 34—35).

31 Р. Новаковић. Как се родио и кад је почео да влада Ст. Немања? — «Историски гласник», 1958, № 3/4, стр. 165 и сл.

32 MGH, SS, vol. IX, p. 134.

33 Cinn., p. 10. 11—14. Согласно версии Никиты Хониата, венгры взяли не Белград, а Браничево. О взятии Браничева Киннам сообщает в иной связи (Cinn., p. 12. 1—2).

34 См. о нем: С. П. Розанов. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович.— ИАН СССР, Отд. гуман. наук, 1930, стр. 667 сл.

35 F. Šišić. Poviest Hrvata za kraljeva iz doma Arpadovića. Zagreb, 1944, str. 86 nsl. Согласно Д. Моравчику (Gy. Moravcsik. Pour une alliance byzantino-hongroise.—Byz., VIII, 1933, p. 556 sq. Cp. idem. Byzantinoturcica, I, S. 132), соглашение о помолвке Белы и Марии было достигнуто уже в 1163 г.— до похода Мануила I, в результате дипломатических переговоров.

36 Nic. Chon., p. 202 sq. См. К. Грот. Из истории Угрии и славянства, в XII в. Варшава, 1889, стр. 374 сл.

37 Таковы условия мирного договора, перечисленные в речи ипата философов Михаила (см. R. Browning. A New Source of Byzantine-Hungarian Relations..., p. 180 f.). К сожалению, нельзя точно определить, относятся ли эти условия к договору 1165 или 1167 г. К первой дате склоняется P. Wirth. Das bislang erste literarische Zeugnis für die Stephanskrone.— BZ, 53, 1960, S. 79 f.

38 G. Ostrogorsky. Urum-Despotes. Die Anfänge der Despotenwürde in Byzanz.— BZ, 44, 1951, S. 448 f. Cp. R. Guilland. Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. Le despote.— REB, 17, 1959, p. 53 sq.

39 О дате см. P. Wirth. Wann wurde Kaiser Alexios II. Komnenos geboren.— BZ, 49, 1956.

40 Согласно Киннаму (Cinn., p. 92. 10—16), Рожер сперва ограбил Коринф, Фивы и Эвбею, а затем штурмом (κατὰ κράτος)) взял Корфу. Никита Хониат, хорошо осведомленный об этих событиях, утверждает, что население Корфу добровольно приняло норманнов еще до похода на Фивы (Nic. Chon., p. 97. 13—16), ибо остров был в это время охвачен восстанием (см. выше, стр. 309 и сл.). См. об этом P. Rassow. Zum byzantinisch-normannischen Krieg 1147—1149.— «Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung», LXII, 1954, S. 213 f.

41 F. Dölger. Regesten..., II, № 1373.

42 P. Lamma. Comneni e Staufer, vol. I, p. 90.

43 Nic. Chon., p. 114. 22—115. 8.

44 P. Lamma. Comneni e Staufer, vol. I, p. 151 sg. См. об этих событиях:. В. Г. Васильевский. Труды, IV, стр. 106 сл.

45 Nic. Chon., p. 125. 2—4. Эпизод этот помещен у Хониата не на месте— Киннам рассказывает о нем много позднее (Cinn., p. 165. 2—7). См. F. Chalandon. Les Comnène, II, p. 368 sq.

46 F. Dölger. Regesten.., II, № 1488, 1497—1499.

47 P. Lamma. Comneni e Staufer, vol. II. Roma, 1957, p. 193 sg.

48 P. Classen. Mailands Treueid für Manuel Comnenos.— «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960.

49 J. Parker. The Attempted Byzantine Alliance with the Sicilian Norman Kingdom. 1166—1167.— «Papers of the British School of Rome», 24, 1956.

50 Н. П. Соколов. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, стр. 304.

51 W. Regel. Fontes..., I, p. 111. 22.

52 См. G. Ostrogorsky. Geschichte...^{3}, S. 318 и указанную там литературу. Ср. также Н. А. Siderides. Τὰ περὶ ἑνώσεως τῶν ἐκκλησιῶν γράμματα τοῦ αὐτοκράτορος Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ. Konstantinopel, 1927 (нам недоступно) и возражения: F. Dölger.—BZ, 28, 1928, S. 202 f. Ф. Дэльгер отстаивает датировку писем Иоанна II 1124 и 1126 гг.

[53] W. R e g e l. Fontes..., I, p. 125. 13—15. Ср. E u s t a t h i i Opuscula, p. 343. 6—8.

[54] C. M a n g o. The Conciliar Edict of 1166.— DOP, 17, 1963, p. 324. 3—5. См. заметку: F. D ö l g e r.— BZ, 28, 1928, S. 200.

[55] Многие византийцы, замечает Никита Хониат, осуждали горячую и дерзкую политику Мануила, бессмысленно расточавшего большие средства (N i c. C h o n., p. 265. 1—8).

[56] Такой портрет рисует Никита Хониат (N i c. C h o n., p. 258. 8—22) — автор, вовсе не склонный идеализировать этого государя.

Глава 14

[1] C i n n., p. 300. Михаил Сириец явно ошибается, утверждая, что Андроник погиб под стенами Неокесарии, а город взять не удалось (M i c h e l l e S y r i e n. Chronique. Éd. par J.-B. Chabot, t. III, p. 368 sq.).

[2] Название, по-видимому, тюркского происхождения; у Моравчика (Gy. M o r a v s c i k. Byzantinoturcica, II. Berlin, 1958) не отмечено.

[3] N i c. C h o n., p. 247. 7—17. О дате сражения см. A. V a s i l i e v. Das genaue Datum der Schlacht von Myriokephalon.— BZ, 27, 1927.

[4] См. A. V a s i l i e v. Manuel Comnenus and Henry Plantagenet. — BZ, 29, 1929—1930.

[5] N i c. C h o n., p. 241.2—242. 1.

[6] P. W i r t h. Die Chronologie der Schlacht um Klaudiopolis im Lichte bisher unbeachteter Quellen.— BZ, 50, 1957.

[7] R. G r o u s s e t. Histoire des Croisades, t. II. Paris, 1935, p. 636 sq.

[8] P. L a m m a. Comneni e Staufer, vol. II, p. 283 sg.

[9] См. выше, гл. 13, прим. 55.

[10] См. A. D o n d a i n e. Hugues Éthérien...— «Archives d'Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Âge», 19, 1952 (1953), p. 67—134.

[11] E u s t a z i o d i T e s s a l o n i c a. La espugnazione di Tessalonica, p. 18. 13—15.

[12] Помета на л. 152 об. рукописи евангельских чтений, хранящейся в Ленинграде (ГПБ, греч. № 512), свидетельствует что правительницей считалась также старшая сестра Алексея — Мария (см. Е. Э. Г р а н с т р е м. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ.— ВВ, XXIII, 1963, стр. 173, № 321).

[13] Ф. И. У с п е н с к и й. Цари Алексей II и Андроник Комнины.—ЖМНП, ч. 214, 1880, стр. 60.

[14] N i c. C h o n., p. 303. 20—21.

[15] О восстании 1181 г. см. К. Н. Ю з б а ш я н. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и четвертый крестовый поход. Ереван, 1957, стр. 12—17.

[16] Об Андронике I, помимо указанных выше работ, см. N. R a d o j č i ć. Dva poslednja Komnena na carigradskom prijestolu. Zagreb, 1907; F. C o g n a s s o. Partiti politici e lotte dinastiche in Bisanzio alla morte di Manuelo Comneno.— «Memorie della Accad. delle scienze di Torino, cl. di scienze morali, stor. e filol.», ser. II, t. 62, 1912; М. Я. С ю з ю м о в. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 году.— ВВ, XII, 1957; P. T i v č e v. Le règne de l'empereur de Byzance Andronic Ier Comnène (1183—1185).—BS, 23, 1962; O. J u r e w i c z. Andronik I. Komnenos. Warszawa, 1962. Ср. также М. М. Ф р е й д е н б е р г. К истории классовой борьбы в Византии в XII веке.— «УЗ Великолукского пединститута», 1954; Г. Г. Л и т а в р и н. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг.— ВВ, X, 1956, стр. 92—99.

[17] E u s t a z i o d i T e s s a l o n i c a. La espugnazione di Tessalonica, p. 28. 15—16.

[18] N i c. C h o n., p. 421. 16—19.

[19] К. Н. Ю з б а ш я н. Классовая борьба в Византии..., стр. 17—35.

[20] E u s t a z i o d i T e s s a l o n i c a. La espugnazione di Tessalonica, p. 36. 31; 38. 5.

[21] Ibid., p. 44. 13—14.

[22] Враждебность к «латинянам» Андроника подчеркивают и некоторые западные хронисты (L. A. Muratori. Rerum italicarum scriptores, XXIII, col. 346).
[23] Nic. Chon., p. 334.
[24] P. Tivčev. Le règne..., p. 34 sq.
[25] Michael Choniates. Τὰ σῳζόμενα, II, p. 42, 48, 54.
[26] А. П. Каждан. Григорий Антиох.— ВВ, XXVI, 1965, стр. 86.
[27] F. Dölger. Regesten..., II, № 1553. По мнению Ф. Дэльгера, это постановление имело в виду латинян и свидетельствовало о пролатинской политике Андроника. М. Я. Сюзюмов («Внутренняя политика Андроника...», стр. 64 и сл.) считает, что хрисовул Алексея II был попыткой уничтожить саму систему проний.
[28] F. Dölger. Regesten..., II, № 1566.
[29] Н. П. Соколов. Образование Венецианской колониальной империи, стр. 307 и сл.
[30] См. Nic. Chon., p. 418.
[31] См. о нем F. Cognasso. Un imperatore bizantino della decadenza: Isacco II Angelo.— «Bessarione», XIX, 31, 1915.
[32] Nic. Chon., p. 479 sq.
[33] Nic. Chon., p. 632. 6—14.
[34] О датировке см. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 437—439.
[35] Nic. Chon., p. 496. 13—15.
[36] Если верить Никите Хониату, этот Лагос на ночь выпускал преступников, и воры занимались своим «ремеслом», а затем делились добычей со своим стражем.
[37] Τῶν ἀγοραίων ἕνα; по-видимому, арестованный был ремесленником, поскольку ниже говорится о ὁμοτέχνων — товарищах по ремеслу.
[38] См. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 427 и сл.
[39] G. Ostrogorsky. Geschichte...³, S. 329.
[40] См. Gy. Moravcsik. Pour une alliance byzantino-hongroise.— Byz., VIII, 1933, p. 555 sq.
[41] F. Dölger. Regesten..., II, № 1576—1578.
[42] Н. П. Соколов. Образование Венецианской колониальной империи, стр. 313 и сл.
[43] F. Dölger. Regesten..., II, № 1647.
[44] Ibid., № 1607, 1610.
[45] F. Chalandon. Histoire de la domination normande en Sicilie, vol. II. Paris, 1907, p. 399 sq.
[46] Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica, p. 60.
[47] X. Лопарев. Алексей Комнин на Руси и в Сицилии.— ЖМНП, ч. 311, 1897, июнь, стр. 415 и сл.
[48] F. Dölger. Regesten..., II, № 1578a.
[49] Nic. Chon., p. 525. 4.
[50] Текст и анализ Нюрнбергского соглашения см. K. Zimmert. Der Friede zu Adrianopel (Februar 1190).— BZ, XI, 1902.
[51] K. Zimmert. Der deutsch-byzantinische Konflikt vom Juli 1189 bis Februar 1190.— BZ, XII, 1903, S. 54.
[52] K. Zimmert. Der Friede zu Adrianopel, S. 63—64, 72—77.
[53] A. A. Vasiliev. History of the Byzantine Empire. Madison, 1952, p. 448.
[54] Nic. Chon., p. 628. 10—13.
[55] Иначе: М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в.— ВВ, V, 1952, где особенно подчеркивается активная роль Иннокентия III в изменении направления похода.
[56] И. Митрофанов. Изменение в направлении четвертого крестового похода.— ВВ, IV, 1897; E. Faral. Geoffroy de Villehardouin. La question de sa sincérité.— RH, CLXVII, 1936, p. 530—533; H. Grégoire. The Question of the Diversion of the Fourth Crusade.— Byz., XV, 1940—1941; A. Frolov. La deviation de la 4e Croisade vers Constantinople. Problème d'histoire et de doctrine.— «Revue d'histoire des religions», CXLV, 1954, p. 168—172; М. А. Забо-

ров. К вопросу о предыстории Четвертого крестового похода.— ВВ, VI, 1954.

[57] Nic. Chon., p. 740.

[58] Интересные подробности об этих событиях сохранились в древнерусской повести о взятии Царьграда фрягами, написанной очевидцем и впоследствии включенной в Новгородскую летопись. См. П. Бицилли. Новгородское сказание о IV крестовом походе.— «Исторические известия», 1916, № 3—4; Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как исторический источник по истории Византии.— ВВ, IX, 1956.

[59] E. Francès. Sur la conquète de Constantinople par les Latins.— BS, XV, 1954, № 1.

[60] A. Carile. Partitio terrarum Imperii Romanie.— «Studi Veneziani», VII, 1965, p. 125—305.

[61] J. Пападрианос. Да ли je Константин Ласкарис био византиjски цар? — ЗРВИ, 9, 1966.

[62] Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.— Л., 1948, стр. 378; E. Francès. Sur la conquète..., p. 21; К. Н. Юзбашян. Классовая борьба в Византии..., стр. 6 сл.

Глава 15

[1] См. Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан, З. В. Удальцова. Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в. Oxford, 1966.

[2] В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — BS, 9, 1947, стр. 64.

[3] Cedr., II, p. 551. 23—552.3.

[4] См. о Хрисохире: В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 206—207.

[5] Cedr., II, p. 464.8—10, nota ad lineam 9.

[6] А. Соловьев (A. Soloviev. Domination byzantine ou russe au nord de la Mer Noire à l'époque des Comnènes? — «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960, p. 575) отождествляет Сфенга с сыном Владимира Мстиславом Тмутороканским.

[7] Е. Ч. Скржинская. Рец. на: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. — ВВ, VI, 1953, стр. 266—267. Ср. М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 384.

[8] В. Ф. Минорский. Русь в Закавказье.— «Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae», t. III, fasc. 3, Budapest, 1953, p. 209.

[9] Psellos, I, p. 95. 11—17.

[10] В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца, стр. 330.

[11] M. Dendias. Οἱ βάραγγοι καὶ τὸ Βυζάντιον. — «Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἑταιρείας τῆς Ἑλλάδος», IX, 1926, σελ. 217—218.

[12] C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, p. 138.

[13] Акты русского на св. Афоне монастыря великомученика и учителя Пантелеимона. Киев, 1873, стр. 18. В. Мошин (указ. соч., стр. 70—72) относит разгром к более позднему времени.

[14] Ср. G. Vernadsky. The Byzantine-Russian war of 1043.— «Südost-Forschungen», XII, 1953.

[15] Ср. И. У. Будовниц. Об исторических построениях. М. Д. Приселкова.— «Исторические записки», 35, 1950, стр. 206—208.

[16] В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха.— «Историко-археологический сборник». М., 1962.

[17] См. выше, стр. 271.

[18] R. M. Dawkins. The Later History of the Varangian Guard: some Notes.— JRS, XXXVII, 1947, p. 39—41.

[19] В. Латышев. Сборник греческих надписей Южной России. СПб., 1896, стр. 16—17.

[20] A. Soloviev. Domination byzantine..., p. 578.

[21] G. G. Litavrin. À propos de Tmutorokan.— Byz., XXXV, 1965.
[22] В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, 1930, стр. 46.
[23] О русско-византийских отношениях в XII в. см. Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг.— ВВ, XXI, 1962; его же. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. — ВВ, XXIII, 1963.
[24] G. Vernadskij. Relations byzantino-russes au XII-e siècle.— Byz., IV, 1928; E. Francès. Les relations russo-byzantines au XIIe siècle et la domination de Galicie au Bas-Danube.— BS, XX, 1, 1959; O. Jurewicz. Aus der Geschichte der Beziehungen zwischen Byzanz und Rußland in der zweiten Hälfte des 12. Jh. — «Byzantinische Beiträge», Berlin, 1964.
[25] Nic. Chon., p. 691 sq.

Глава 16

[1] См.: С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром. Одесса, 1905, стр. 413—436; F. Fuchs. Die höheren Schulen..., S. 45 f., G. Schirò. La schedografia a Bisanzio nei sec. XI—XII e la Scuola dei ss. XL Martiri.— «Bollettino della Badia Greca di Grotta-ferrata», N. S., III, 1949, p. 11—17.
[2] P. Noaille, A. Dain. Les novelles..., p. 177. 4—6.
[3] F. Fuchs. Die höheren Schulen..., S. 19. Хронисты приписывают Варде создание университета, но возможно, что университет существовал уже и ранее и был лишь реорганизован при Варде.
[4] Theoph. Cont., p. 446. 20.
[5] Греческий текст с латинским переводом издан: A. Salač. Novella constitutio saec. XI medii. Pragae, 1954, p. 16—37. См. об этом указе: Е. Черноусов. Страница из культурной истории Византии. Харьков, 1913. Традиционная дата указа Константина IX—1045 г., как показал А. Салач (A. Salač. Op. cit., p. 7), ни на чем не основана.
[6] См. о ней: R. Browning. The Patriarchal School at Constantinople in the XIIth Century.— Byz., XXII, 1962, p. 167—180. Остается неясным вопрос о преемственности Академии XII в. от патриаршей школы VII в.
[7] Один из популярнейших учителей Академии Николай Катафлорон был сперва «учителем апостола» (толкователем посланий апостола Павла), затем «вселенским учителем евангелия», и, наконец, император поставил его магистром риторов и ввел в синклит. Он преподавал философию, риторику и грамматику (см. эпитафию Григория Антиоха в Cod. Escor. Y. II. 10, f. 266 v.—268 r. Отрывки изданы: P. Wirth. Zu Nikolaos Kataphloros.— «Classica et mediaevalia», 21, 1960, S. 213).
[8] Описание этой школы, относящееся к 1200 г., составлено Николаем Месаритом (см. A. Heisenberg. Grabeskirche und Apostelkirche, T. II. Leipzig, 1908; S. 90—94). В XII в., чтобы стать врачом, надо было прослушать курс, сдать экзамен и получить диплом (V. Grumel. La profession médicale à Byzance à l'époque des Comnènes.— REB, 7, 1949, p. 42—46).
[9] См. D. Ангелов. История на Византия, ч. II. София, 1963, стр. 233.
[10] Photius, Bibliothèque, éd. par R. Henry, v. 1—4. Paris, 1959—1965 (издание не завершено). См. A. Diller. Photius' Bibliotheca in Byzantine Literature.— DOP, 16, 1962, p. 389—396. Б. Эммерданжэ (B. Hemmerdinger. Les «notices et extraits» des bibliothèques grecques de Bagdad par Photius.— REG, 59, 1956, p. 101—103) выдвинул недостаточно обоснованную гипотезу, что Фотий познакомился с этими книгами во время поездки в Багдад, где существовала греческая колония.
[11] Theoph. Cont., p. 673. 14. Впрочем, в некоторых сочинениях Фотия землетрясение по традиции трактуется как чудо.
[12] См. т. I, стр. 381—383.
[13] См. о нем: H. G. Beck. Kirche..., S. 591—594.
[14] Е. Э. Гранстрем. К вопросу о византийском минускуле.— ВВ, XIII, 1958, стр. 239 и сл.
[15] М. А. Шангин. Византийские политические деятели первой половины X в.— ВС, стр. 234 и сл.

[16] Suidae Lexicon, ed. A. Adler, v. I—V. Lipsiae, 1928—1938. См. B. Lavagnini. Suida, Suda o Guida?—«Rivista di filol. e di istruz. class.», 40,4, 1962, p. 441—444.

[17] Геопоники. Введение, перевод с греч. и комментарий Е. Э. Липшиц. М.—Л., 1960.

[18] Издан: PG, t. 114—116. См. В. Г. Васильевский. О жизни и трудах Симеона Метафраста.— ЖМНП, ч. 212, 1880; N. B. Tomadakis. Εἰς Συμεῶνα τὸν Μεταφραστήν.— ΕΕΒΣ, 23, 1953, p. 113—138. Вопрос о тождестве Симеона Метафраста и историка Симеона Логофета остается открытым.

[19] E. Hunger. Zum Epilog des Johannes Tzetzes.— BZ, 46, 1953, S. 305. 26—28.

[20] Специальные монографии о Цеце (H. Giske. De Ioannis Tzetzae scriptis ac vita. Rostochii, 1881; G. Hart. De Tzetzarum nomine, vitis, scriptis.—«Jahrbücher für class. Philologie», Suppl. 12, 1880—81) устарели. Ср. еще C. Wendel. Johannes Tzetzes.— RE, 2.R., Bd. 7, 1948, Sp. 1959—2010.

[21] См. о нем: П. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890; В. Вальденберг. Философские взгляды Михаила Пселла.— ВС, стр. 249—255; B. Tatakis. La philosophie byzantine. Paris, 1949, p. 161—210.

[22] PG, t. 122, col. 765 AB.

[23] C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, p. 447. 11—17.

[24] См. Ф. И. Успенский. Богословское и философское движение в Византии XI и XII веков.— ЖМНП, ч. 277, 1891, стр. 105 и сл. Трудность изучения мировоззрения Итала заключается в том, что сохранившиеся его произведения нередко противоречат тем обвинениям, которые предъявлялись Италу на соборе 1082 г. П. Стефану (P. Stéphanou. Jean Italos, philosophe et humaniste. Roma, 1949), основываясь на сочинениях Итала, рисует его добрым христианином (ср. ibid., p. 118, 121), которому было чуждо и учение о переселении душ (ibid., p. 108), и учение о вечности мира (ibid., p. 113). Однако даже в сочинениях Итала можно встретить отрицание ортодоксального учения о воплощении Христа, ибо, полагает Итал, уже язычникам была открыта тайна троицы, только под иными именами (ibid., p. 109 sq.). Собор же прямо обвинял Итала в том, что он Христа «лишил божественного достоинства» (Ф. И. Успенский. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси.— ИРАИК, 2, 1897, стр. 26. 12—13); анафеме было предано учение Итала о том, что небо и земля вечны и безначальны (см. об этом: П. В. Безобразов. Рец. на Ф. И. Успенского.—ВВ, III, 1895, стр. 129 сл.) и т. д. П. Стефану недооценивает радикальность рационализма Итала.

[25] Anna Comn., II, p. 39. 23.

[26] Г. Г. Бекк (H. G. Beck. Kirche..., S. 542) относит собор к 1083 г., однако протоколы собора (Ф. И. Успенский. Делопроизводство..., стр. 30.1) датированы V индиктом, т. е. 1082 г. Ср. V. Grumel. Regestes..., III, № 923—927.

[27] См. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока, ч. I. Киев, 1905, стр. LXXX—XCI.

[28] Г. Цанкова, П. Тивчев. Нови данни за историята на Софийската област през последните десетилетия на византийското владичество.— ИИБИ, 14—15, 1964, стр. 315 и сл.

[29] Основные сочинения: Syméon le Nouveau Théologien. Catéchèses, éd. par B. Krivochéine, t. I—III. Paris, 1963—1965; Syméon le Nouveau Théologien. Chapitres théologiques, gnostiques et pratiques, éd. par J. Darrouzès. Paris, 1957.

[30] См. H. G. Beck. Symeon der Theologe.— BZ, 46, 1953; V. Krivošein. The Writings of St. Symeon the New Theologian.— OrChrPer, 20, 1954, p. 327.

[31] Биография Симеона написана его учеником Никитой Стифатом: J. Hausherr, G. Horn. Un grand mystique byzantin. Vie de Syméon le Nouveau Théologien (949—1022) par Nicétas Stéthatos.— «Orientalia Christiana», 12, 1928.

[32] L. Grondijs. Der Hl. Geist in den Schriften des Niketas Stethatos.— BZ, 51, 1958, S. 341.

[33] См. о нем.: P. Joannou. Eustrate de Nicée. Trois pièces inédites de son procès. — REB, 10, 1952 (1953), p. 24 sq.

[34] P. Joannou. Der Nominalismus und die menschliche Psychologie Christi.— BZ, 47, 1954, S. 373. П. Иоанну считает, что Евстратий развивал номиналистское учение об универсалиях, которое немногим позднее выдвинул на западе Абеляр (P. Joannou. Die Definition des Seins bei Eustratios von Nikaia. — BZ, 47, 1954, S. 365).

[35] В надписании сочинения против Евстратия он назван ираклийским митрополитом Никитой τοῦ Σερρῶν, т. е. племянником митрополита Серрского (P. Joannou. Le sort des évêques hérétiques réconciliés. — Byz., XXVIII, 1958, p. 8. 3). Он, несомненно, тождествен ираклийскому митрополиту Никите τοῦ Σερρῶν, известному экзегету XI в., находившемуся, кстати сказать, в переписке с Никитой Стифатом, учеником Симеона Богослова (H. G. Beck. Kirche..., S. 651—653). Бекк, однако, считает, что экзегет Никита умер в 1110 г., а противника Евстратия неправильно называет Niketas von Serrai (ibid., S. 619). Публикация П. Иоанну была ему еще не известна.

[36] P. Joannou. Der Nominalismus..., S. 375.17—22.

[37] Хотя принадлежность некоторых антилатинских сочинений Николаю Мефонскому вызывает сомнения (см. H. G. Beck. Kirche..., S. 625), его враждебность к латинянам бесспорна: он сам говорит о себе как о враге «иноплеменных догматов» (Νικολάου ἐπισκόπου Μεθώνης λόγοι δύο, ed. A. Demetracopulos. Lipsiae, 1865, p. 2. 16—17; 10.22), тогда как Сотириха называет сторонником варваров (ibid., p. 45. 1; 72.6—9).

[38] Вопрос об авторстве «Опровержения неоплатоника Прокла» был предметом специальной дискуссии. Скорее всего, Николай Мефонский действительно написал это сочинение, но написал его, щедро черпая из потерянной ныне книги Прокопия Газского (J. Stiglmayr. Die «Streitschrift des Prokopios von Gaza» gegen den Neuplatoniker Proklos.— BZ, 8, 1899).

[39] P. Classen. Das Konzil von Konstantinopol 1166 und die Lateiner.— BZ, 48, 1955, S. 356. П. Классен убедительно показал, что богословские споры 1166 г. были тесно связаны с теологической борьбой на Западе в это время. Ср. еще: A. Dondaine. Hugues Ethérien et le concile de Constantinople de 1166.— «Historisches Jahrbuch», 77, 1958.

[40] L. Petit. Documents inédits sur le concile de 1166 et ses derniers adversaires.— BB, XI, 1904, p. 489 sq.

[41] A. Demetracopulos. Bibliotheca ecclesiastica. Lipsiae, 1866, p. 40. 7.

[42] Ibid., p. 46. 3—7.

[43] N. Festa. Niceta di Maronea e i suoi dialoghi sulla processione dello Spirito Santo.—«Bessarione», ser. 3a, vol. IX, 1912, fasc. 119, p. 99.19—21.

Глава 17

[1] О византийской литературе XII в. см. популярный очерк: O. Jurewicz. Renesans literatury bizantyjskiej w XII w.— «Meander», 17, 1962, № 9.

[2] Появление любовного романа Ф. Дэльгер справедливо связывает с известным свободомыслием при дворе Мануила I; он оценивает этот жанр как предренессансный (Εὐχαριστήριον. F. Dölger zum 70. Geburtstage. Thessaloniki, 1961, S. 23).

[3] Joannis Tzetzae Historiarum variarum chiliades. Lipsiae, 1826. p. 517. 204—206.

[4] См. K. Krumbacher. Geschichte..., S. 650f.; Εὐχαριστήριον, S. 56 f.

[5] Спорным является вопрос о времени перевода на греческий повести «Варлаам и Иоасаф», который иногда относят к XI в. (см. выше, стр. 431, прим. 31).

[6] С. Г. Вилинский. Житие св. Василия Нового в русской литературе, ч. 1—2. Одесса, 1911—1913.

[7] Житие издано в латинском переводе: AASS, Aug. III, p. 489—507.

[8] AASS, Nov. IV, p. 692—705.

[9] Х. М. Лопарев. Житие св. Евдокима.—ИРАИК, 13, 1908, стр. 199—219.

[10] Издано: A. V o g t. Vie de S. Luc le Stylite.— AB, 28, 1909, p. 11—56.

[11] К сожалению, византийская воинская повесть не дошла до нас — мы. знаем о ней лишь по фрагментам, включенным в хроники, или по упоминаниям хронистов. Утерянные повести рассказывали о подвигах действительных полководцев, но, видимо, расцвечивали эти подвиги фантастическими деталями. Наиболее ранние образцы такой повести — предания о полководцах Мануиле и Феофобе (см. H. G r é g o i r e. Manuel et Théophobe.—Byz., IX, 1934), сложившиеся, видимо, еще в середине IX в.; позднее появилась повесть о стратилате Андрее (см. А. П. К а ж д а н. Из истории византийской хронографии X в. — ВВ, XXI, 1962, стр. 106). В середине X в. протоспафарий Мануил написал сочинение в восьми книгах о подвигах Иоанна Куркуаса. Наконец, существовало сочинение, прославлявшее род Фок и рассказывавшее об отваге и мужестве этих малоазийских феодалов (А. П. К а ж д а н. Из истории византийской хронографии X в. — ВВ, XX, 1961, стр. 120).

[12] С. П о л я к о в а. О некоторых художественных особенностях «Взятия Фессалоники» Иоанна Камениаты, в кн.: «Две византийские хроники X века». М., 1959, стр. 242—249.

[13] Далее все стихотворные переводы С. С. Аверинцева.

[14] Русский перевод: «Дигенис Акрит». М., 1960. См. А. Я. С ы р к и н. Поэма о Дигенисе Акрите. М., 1964.

[15] См. об этом также: Р. М. Б а р т и к я н. Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите.— ВВ, XXV, 1964, стр. 148 и сл.

[16] В. Д. К у з ь м и н а. Девгениево деяние. М., 1962.

[17] E. K u r t z. Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios. Leipzig, 1903. См. о нем: Д. Ш е с т а к о в. Три поэта византийского Ренессанса. Казань, 1906; E. F o l l i e r i. Le poesie di Cristoforo Mitileneo come fonte storica. — ЗРВИ, 8/2, 1964.

[18] Ср. R. J e n k i n s. The Classical Background of the Scriptores post Theophanem. — DOP, 8, 1954, p. 14 f. Р. Дженкинз выясняет здесь отличие индивидуализирующей манеры Пселла от приемов хронистов X в.

[19] C e c a u m e n i Strategicon, ed. B. Wassiliewsky et V. Jernstedt.—«Записки ист.-филол. фак-та СПб ун-та», 38, 1896. Русск. перев. В. Г. Васильевского: ЖМНП, ч. 215, 1881, стр. 242—299; 216, 1881, стр. 102—171, 316—357. См. P. L e m e r l e. Prolégomènes à une édition critiques et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos. Bruxelles, 1960; Г. Г. Л и т а в р и н. Был ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом? — «Византийские очерки», стр. 217—240.

[20] См. о нем: А. П. К а ж д а н. Два новых византийских памятника XII столетия. — ВВ, XXIV, 1964, стр. 58—77.

[21] PG, t. 133, col. 1295 A.

[22] A. E l l i s s e n. Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur, IV. Leipzig, 1860, S. 41—186. Русск. перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской.— ВВ, VI, 1953, стр. 365—386.

[23] P. M a a s. Eustathius als Konjekturalkritrier.— BZ, 36, 1936, S. 291.

[24] Отрывок из сочинения Евстафия «Об исправлении монашеской жизни» переведен на русский язык В. Г. Васильевским («Материалы для внутренней истории Византийского государства».— ЖМНП, ч. 202, 1879, стр. 433—438).

[25] См. V. G r u m e l. De l'origine du nom Ἀκομινᾶτος.— ΕΕΒΣ, 23, 1953, p. 165 sq. В. Грюмель предположил, что это прозвище, введенное в XVI в. И. Вольфом, возникло в результате неправильного прочтения слов ἀπὸ κώμιν αὐτοῦ («из его селения»). Как бы то ни было, оно не засвидетельствовано ни единой рукописью.

[26] Основная монография: G. S t a d t m ü l l e r. Michael Choniates, Metropolit von Athen. Roma, 1934 — не касается проблем художественного творчества.

[27] «Сокровище православия» издано лишь в отрывках; многие речи Никиты Хониата еще не изданы. О его искусстве оратора см.: F. G r a b l e r. Niketas Choniates als Redner.— JÖBG, 11—12, 1962—1963. Ср. также i d e m. Das Zitat als Stilmittel bei Niketas Choniates.— «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960. Никите принадлежит сочинение «О памятниках Константинополя». См. V. G r e c u. Autor du De Signis de Nicétas Choniate». — REB, 6, 1948.

Глава
18

[1] При Василии I было построено около сотни монастырей и церквей. См. Н. Мавродинов. Византийската архитектура. София, 1955, стр. 121.
[2] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 74.
[3] Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, I. Paris, 1925, p. 395.
[4] Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя IX—XII вв.— ВВ, II, 1949, стр. 181 сл.; его же. Очерки по истории архитектуры, II. М., 1935, стр. 504 сл.
[5] Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя..., стр. 212. Эти связи сказывались наиболее отчетливо в Аттик-Джами, отчасти они заметны и в Календер-Джами.
[6] Южная церковь гораздо моложе — она возникла, скорее всего, незадолго до 1282 г. (Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя..., стр. 167).
[7] A. van Millingen. Byzantine Churches in Constantinople. London, 1912. p. 122—137; Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя..., стр. 160 сл.
[8] Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, II, стр. 502, сл. рис. 334—336.
[9] Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя..., стр. 172—176.
[10] A. van Millingen. Byzantine Churches..., p. 214.
[11] Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя..., стр. 200.
[12] A. van Millingen. Byzantine Churches..., p. 243—250.
[13] Ср. план: ibid., fig. 77. Реконструкцию плана ср. Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя..., стр. 180.
[14] Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя..., стр. 189.
[15] Некоторые исследователи считают, однако, что надпись относится не к первоначальной закладке здания, а к его перестройке. См. O. Wulff. Altchristliche und byzantiniche Kunst, II. Berlin, 1914, S. 476.
[16] Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, I. p. 439; A. Grabar. Sculptures byzantines de Constantinople (IV—X siècles). Paris, 1963, p. 90—95, pl. XXXIX—XLII.
[17] G. Millet. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916, p. 58.
[18] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 87; C. Mango. Materials for the Study of the Mosaics of Sophia at Istanbul. Washington, 1962, p. 96.
[19] D. Talbot-Rice. The Art of Byzantium. London, 1959, tabl. 113.
[20] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 92.
[21] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 6.
[22] Там же, стр. 57.
[23] В. Н. Лазарев. Живопись Македонии XI—XII веков.—«Actes du XII-e Congrès International d'Études byzantines», t. I, p. 120.
[24] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 136.
[25] R. van Marle. The Development of Italian School of Painting. The Hague, 1923, p. 129.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник
ВИ — Вопросы истории
ВИРА — Вопросы истории религии и атеизма
ВС — Византийский сборник
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина
ГСУ — Годишник на Софийския университет
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН — Записки Академии наук
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗНУ — Записки Новороссийского университета
ЗРВИ — Зборник Радова. Византолошки институт
ИАН — Известия Академии наук
ИИБИ — Известия на Института за Българска история
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР
ИП — Исторически преглед
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИВ — Краткие сообщения Института востоковедения
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКВ — Международный конгресс востоковедов
ПВЛ — Повесть временных лет
ППС — Православный палестинский сборник
САН — Српска Академија наук
СБАИ — Списание на Българската Академия на науките
УГУ — Уральский государственный университет
УЗ — Ученые записки
AASS — Acta Sanctorum Bollandiana
AB — Analecta Bollandiana
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BNJb — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
BS — Byzantinoslavica
Byz.— Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
DOP — Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
EO — Échos d'Orient
JÖBG — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
Jus — C. E. Zachariae a Lingenthal. Jus graeco-romanum...
JRS — Journal of Roman Studies
MGH — Monumenta Germaniae Historica
MM — F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi, v.1—6. Vindobonae, 1870—1890
OrChrPer — Orientalia Christiana Periodica
PG — J. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca.
PL — J. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Latina.
RE — Pauli — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REB — Revue des Études byzantines
RH — Revue Historique
SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
SBN — Studi bizantini e neoellenici
SK — Seminarium Kondakovianum
VfSWG — Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРТ*

* Иллюстрации и карты подобраны Н. М. Меньшовой.

Цветные вклейки

Карты

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

ТОМ 2

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии** наук **СССР

Редактор издательства **Ф. Н.** АРСКИЙ
Художник Г. В. ДМИТРИЕВ
Технический редактор О. М. ГУСЬКОВА

Сдано в набор 1/IX 1966 Подписано к печати 28/XII 1967
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага печатная № 1. Усл. печ. л. 35,39
Уч.-изд. л. 34,3 Тираж 16.300 экз. Т-17713. Тип. зак. № 13(

***Цена** 2 р. 50 коп.*

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»